

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ДАГЕСТАНСКОГО
НАУЧНОГО ЦЕНТРА

Народы
Дагестана

Серия
«НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ»

Основана в 1992 году

Ответственные редакторы серии:

В. А. ТИШКОВ,

С. В. ЧЕШКО

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

МОСКВА
«НАУКА»
2002

902.7 (Даг)

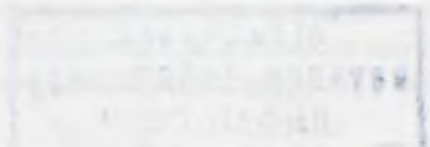
Н-30

Народы Дагестана

Ответственные редакторы:
С.А. АРУТЮНОВ, А.И. ОСМАНОВ,
Г.А. СЕРГЕЕВА

МОСКВА
«НАУКА»
2002

УДК 391/395

ББК 63.5(2)

Н30

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 01-01-16131д*

Рецензенты:

доктор исторических наук Б.Б. БУЛАТОВ,
доктор исторических наук М.Д. КАРАКЕТОВ

Ответственный секретарь серии

“Народы и культуры”

Л.И. МИССОНОВА

164286

Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. – М.: Наука, 2002. – 588 с.: ил. – (Народы и культуры).

ISBN 5-02-008808-0 (в пер.)

В монографии представлены научно достоверные сведения по основным вопросам истории, этнографии, географии расселения дагестанских народов. Подробно рассматриваются социально-хозяйственные процессы, происходившие у дагестанских племен и народов на протяжении многих веков, выясняется взаимозависимость характера и направления отраслей от природно-географических зон и обменных связей. Историко-этнографические очерки охватывают наиболее важные аспекты истории и культуры дагестанских народов (название и самоназвание народа, его численность, территория расселения, природно-географические условия обитания, язык и диалекты, государственные образования и социальные движения, экономическая, хозяйственно-культурная и духовная жизнь, поселения и жилище, одежда и питание, обычаи и обряды). В работе представлены также народы (азербайджанцы, русские, таты), происхождение которых не связано с Дагестаном, но они издревле компактно проживают в этом регионе.

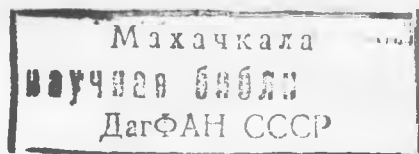
Для этнографов, историков и широкого круга читателей.

ТП-2002-II-№ 76

ISBN 5-02-008808-0

© Коллектив авторов, 2002

© Российская академия наук и издательство
“Наука”, серия “Народы и культуры”
(разработка, оформление),
1992 (год основания), 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

“Народы Дагестана” – очередной том серии “Народы и культуры”, издаваемой Институтом этнологии и антропологии РАН и издательством “Наука” при поддержке Президиума РАН и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Книга написана в основном коллективом ученых Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН с участием специалистов других научных учреждений и при общей координации и научном редактировании со стороны Института этнологии и антропологии РАН. Этот труд представляет собой наиболее полное историко-этнографическое описание населения Дагестана и современное состояние культур проживающих в этой республике народов. В нем отражены результаты этнографических, археологических, физико-антропологических, лингвистических исследований, проводившихся в Дагестане в течение последних десятилетий.

Республика Дагестан – один из самых уникальных регионов не только России, но и всего мира с точки зрения этнокультурного многообразия проживающего здесь населения, сложности как историко-генетических, так и современных этнополитических проблем. Создать обобщающий труд по этнографии Дагестана – сложная научная задача, несмотря на то что многие поколения прекрасных исследователей, в том числе и самих дагестанских ученых, изучали историю и культуру этого региона. На протяжении тысячелетий здесь формировались и развивались в непрерывном историко-культурном взаимодействии десятки народов, судьба которых в последние столетия связана с Российским государством. Авторы сочли необходимым включить в данный том сведения не только о самых многочисленных автохтонных группах населения, но и о малочисленных общностях, представители которых сохраняют свою культурно-языковую отличительность и самосознание. Вполне оправданно и включение в данное описание таких групп населения, как русские и азербайджанцы, которые, безусловно, способствовали формированию современного культурного облика республики.

Здесь, в Дагестане, перемешались не только разные этнические культуры. Дагестан – это своеобразный перекресток, на котором пересекается культура, близкая ближневосточной и переднеазиатской, с культурой западной. Вплоть до XIX в. здесь многие грамотные люди вполне свободно общались на арабском языке, а местные алимы – мусульманские ученые были известны далеко за пределами Кавказских гор. Дагестан дал немало авторитетов в области арабской грамматики и исламских наук, обогативших своими трудами мусульманскую письменную традицию. Но в

Дагестане сохраняются и другие традиции, сформировавшиеся уже в советское время. Со стороны может показаться парадоксальным, но это факт: Дагестан сегодня имеет больше всего мечетей и дает порой до 80% всех паломников, выезжающих в Мекку, и в то же время здесь сильны установки в пользу российской государственности.

Не случайно было решено предложить читателю отдельный очерк по дагестанскому селу. Дагестан является одним из древнейших очагов земледельческой культуры. За тысячелетия местные народы выработали не только уникальные методы хозяйствования и возделывания земли, но и свои формы организации сельской общины – джамааты, которые некоторыми исследователями считаются элементами гражданского общества в горной республике. Огромный пласт духовной культуры этих народов связан именно с земледелием. Аграрный сектор все еще играет большую роль в экономике, а дагестанское село продолжает оказывать значительное влияние на настроения в республике. Даже уехав в город, дагестанец остается связанным множеством уз с тем джамаатом, откуда он родом. Поэтому очень важно знать, чем живет сегодня дагестанское село, какие здесь доминируют настроения.

Дагестан дает яркий пример того, что описывать историю и культуру отдельных народов изолированно друг от друга, вне контекста взаимовлияния культур невозможно. Точно так же невозможно не учитывать наличие сложных идентичностей среди жителей этой республики, как и существование общедагестанских культурных норм и ценностей, выраженных в прекрасной поэтической формуле Расула Гамзатова “Мой Дагестан”. При всем богатстве и уникальности культурной мозаики Дагестана, представленной в данной работе, можно в равной мере сказать, что это труд и о народе Дагестана, ибо в нем отражено внутреннее историческое, духовное и политическое единство населения этого региона. Понимание присущего Дагестану единства в многообразии особенно важно сегодня, когда проявляется тенденция к возвеличиванию культурного партикуляризма путем создания отдельных “этнических историй” в ущерб интересу к культурной схожести, когда Дагестан испытывает воздействие со стороны сил политического и вооруженного экстремизма, стремящихся разрушить межэтническое согласие и стабильность, а также подвергнуть испытанию государственно-политический статус Республики Дагестан как субъекта Российской Федерации.

Том “Народы Дагестана” содержит полные и наиболее достоверные данные по исторической антропологии, демографии, истории материальной и духовной культуры, социальным структурам, языковой ситуации, этнополитическим проблемам проживающих в регионе этнических общностей. Он содержит прекрасный иллюстративный материал, без которого невозможно этнографическое описание. В то же время в нем имеются и некоторые спорные положения, связанные прежде всего с наличием среди ученых разных точек зрения и с современным процессом переосмысления исторического прошлого страны. Так, в томе присутствуют очерки “Таты” и “Горские евреи”. В первом утверждается, что таты и горские евреи –

это разные народы, а во втором делается вывод, что таты представляют собой часть горских евреев с особым самоназванием. Такое различие в трактовке объясняется довольно сложными процессами развития этнической идентичности в среде татов/горских евреев в последние десятилетия, а также наследием прошлых силовых вмешательств в вопросы этнического самоопределения советских граждан. Сказывается также инерция трактовать этнические общности как жесткие структуры, базирующиеся на взаимоисключающей этнической идентификации. Отрицание весьма динамичной природы этнических лояльностей и выборов отдельными людьми и группами, в том числе и под воздействием ситуативных факторов, приводит зачастую к бесплодным спорам и безосновательным политическим выводам.

Другая спорная проблема связана с исследованием и трактовками современных процессов в развитии ислама в Дагестане. Авторы показали сложную картину взаимовлияния разных религий, наличие в исламе пласта доисламских по своему происхождению верований и обрядов. В книге поставлена актуальная проблема соотношения исламского фундаментализма и ваххабизма, их влияния на общественно-политические процессы в республике.

Учитывая сложившийся в Республике Дагестан своеобразный общественно-политический баланс межэтнических взаимоотношений и трудности переходного периода, включая сложные социально-экономические проблемы региона, авторы тома не ставят задачу дать подробный анализ этнополитической ситуации. Достоинство данного труда заключается в его строго этнографическом характере и в полном раскрытии главной темы – показать отечественному и зарубежному читателю исключительно богатый и многообразный мир этого региона России.

В.А. Тишков, С.В. Чешко

ВВЕДЕНИЕ

Книга “Народы Дагестана”, подготовленная большим авторским коллективом ученых Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, была задумана как работа, которая могла бы дать широкому кругу читателей краткие научно достоверные сведения по наиболее главным вопросам истории, этнографии, географии расселения народов Дагестана. В ряде опубликованных за последние годы работ достаточно широко освещены как общая история и этнография горного края, так и отдельных его народов, однако не было еще изданий, охватывающих сведения исторического и этнографического характера по всем дагестанским народам.

Обращение к теме актуализировали постсоветские реформы, пробудившие интерес к прошлому, стремление использовать исторический опыт в осмыслении задач, стоящих перед обществом. История пока еще не дает достаточно убедительных и аргументированных ответов на многие вопросы, волнующие общественность, чем не замедлили воспользоваться дилетанты от науки, поспешившие по-новому прочесть и переписать историю своих народов.

Среди таких любителей истории немало и тех, кто, не имея специального исторического образования, но претендуя на роль выразителя интересов своего народа, берется писать его историю с древнейших времен до наших дней. Создаваемые ими на скорую руку фолианты, которые по объему не всегда под силу были бы и целым авторским коллективам, по своему теоретическому уровню и объективности вообще не соответствуют каким-либо научным критериям. За околонучными рассуждениями таких авторов проступают претензии на роль идейных лидеров тех народов, которые они представляют. Бездоказательно наделяя свой народ особой исключительной ролью в историческом процессе, они непомерно увеличивают его этнический возраст и возводят его культуру к древнейшим цивилизациям. Однако от таких умпостроений лежит прямая дорога к теориям о превосходстве одних народов над другими. Тем не менее подобные “теории”, далекие от науки, находят кое-где питательную среду прежде всего из-за отсутствия или недостаточности научной литературы, дающей объективную картину исторического развития народов.

Исторические судьбы дагестанских народов на протяжении веков были неразрывными и развивались в целом по одним и тем же законам, в которых больше имелось общего, чем особенного. Различия были не столь существенны и глубоки, чтобы исключить из рассмотрения и общее понятие “дагестанский народ”.

Открывается книга небольшой вводной статьей, дающей общее представление о природно-географических и климатических условиях Дагестана, отличающихся значительным разнообразием и богатством. Несколько более подробно рассматриваются социально-хозяйственные процессы, происходившие у всех дагестанских племен и народов на протяжении многих веков, выясняется зависимость характера и развития отраслей от природно-географических зон и направления обменных связей. Здесь же содержатся данные о численности и за-

ниях населения, его основных моральных и этических нормах, свидетельствующих о единстве его исторических судеб.

Самый крупный блок работы посвящен описанию народов Дагестана. Историко-этнографические очерки о них написаны в едином ключе и охватывают наиболее важные элементы истории и культуры дагестанских народов. В каждом таком очерке можно найти ответы на вопросы о названии и самоназвании народа, его численности, территории расселения, природно-географических условиях обитания, языке и диалектах, государственных образованиях и народно-освободительных движениях, социально-экономической, хозяйственно-культурной и духовной жизни, поселениях и жилищах, одежде и питании, обычаях и обрядах.

При общем единстве подхода очерки о конкретных дагестанских народах отличаются разнообразием содержания, как богата и разнообразна сама история и духовное наследие каждого народа. В работе представлены и те народы (азербайджанцы, русские, таты), происхождение которых не связано с Дагестаном, но которые издавна компактно проживают в этом горном крае и неразрывно слились с его историей.

К написанию очерков книги были привлечены известные специалисты Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, имеющие большой опыт в подготовке таких трудов, а также специалисты из других научных институтов РАН. Имена авторов указаны в содержании тома. Руководитель авторского коллектива – д.и.н. М.О. Османов.

В редактировании работы, подготовке ее к изданию большую помощь оказали заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН д.и.н. С.В. Чешко, заведующий отделом народов Кавказа того же института чл.-кор. РАН С.А. Арутюнов, научные сотрудники ИЭА РАН к.и.н. Л.Т. Гостиева, к.и.н. Г.А. Сергеева, д.пед.н. З.Б. Цаллагова, к.и.н. А.А. Ярлыкапов, а также к.и.н. А.-Г.О. Булатов.

Значительную организационную работу провела Л.И. Миссонова.

Автор карт – М.-Р.А. Ибрагимов. Подготовка карт к печати – М.М. Клена. Большой вклад в подготовку библиографии внесла О.Л. Милова.

В ходе экспедиционных поездок в фотографировании объектов принимали участие специалисты-фотографы И. Абакаров, А. Амирбеков, Г.А. Аргиропуло, С. Ибрапилов, М.Г. Магомедов, Ю.И. Маслов, С. Пиманов, С. Подрезов, Ю.Т. Шевелев, С. Шило и др.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Республика Дагестан, входящая в состав Российской Федерации, расположена на северо-восточных склонах Большого Кавказа и в юго-западной части Прикаспийской низменности. Координаты ее расположения: 45°00' и 41°15' северной широты и 45°10' и 48°35' восточной долготы. Дагестан занимает самую южную часть Российской Федерации, простираясь в меридиональном направлении (с севера на юг) на 405 км и в широтном на 213 км. Площадь республики составляет 50,3 тыс. км². Наибольшая часть ее границ общей протяженностью около 1,7 тыс. км приходится на побережье Каспийского моря (530 км). На юго-востоке и юге по гребню Главного Кавказского хребта и р. Самур проходит граница с Республикой Азербайджан (325 км), на юго-западе Дагестан граничит по этому хребту с Грузией (155 км), на западе и севере по гребням и отрогам Снегового и Андийского хребтов и части Терско-Сулакской низменности проходит административная граница с Чеченской Республикой (328 км), на северо-востоке по пересыхающему руслу р. Кума Дагестан граничит с Республикой Калмыкия (117 км) и по Ногайской степи – со Ставропольским краем (225 км).

В природно-географическом и климатическом отношении Дагестан характеризуется большим богатством и разнообразием. Горные вершины выше 4 тыс. м над уровнем моря, увенчанные снежными шапками и ледниками, соседствуют здесь с низменностью, опускающейся ниже уровня океана (–28 м); альпийские и субальпийские луга с сочной пышной растительностью сочетаются с жаркими сухими равнинами, переходящими в полупустыню. Ярко выраженная особенность Дагестана – сильная расчлененность рельефа, состоящего из хребтов, плато, ущелий и долин. Дагестан означает в переводе с тюркских языков “Страна гор”, однако низменности Терско-Кумская (Ногайская степь), Терско-Сулакская (Кумыкская равнина) и Приморская (южнее Махачкалы) занимают свыше 40% его площади. Остальная площадь – это предгорный Дагестан, внутренний горный Дагестан, образованный продольными хребтами, плато и долинами, и высокогорный Дагестан, включающий часть Главного Кавказского хребта и его боковые отроги.

Значительных разведанных запасов каких-либо полезных ископаемых в Дагестане нет, наиболее известные из имеющих некоторое промышленное значение – нефть, газ, сера, железная руда, руды цветных металлов, запасы минеральных источников, особенно геотермальных вод. Богата республика строительными материалами – это известняки, мергели, гравий, песок, глина, а также гидроэнергоресурсы (на 1 км² – 159 л. с., т.е. в 18,5 раз больше, чем в целом по странам СНГ, в 6,5 раз больше, чем по Северному Кавказу).

Разнообразие природно-географических зон, наличие в богатой флоре и фауне видов, обладающих свойствами, которые благоприятствовали окульту-

риванию растений и domestikации животных, способствовали сложению в Дагестане производящего хозяйства уже в VII–VI тыс. до н.э. Немалую роль сыграли в этом тесные связи с Закавказьем и Передней Азией, представлявшими в древности единый этнокультурный мир, в рамках которого Дагестан стал одним из древнейших на Кавказе очагов сложения и развития раннеземледельческой культуры. К этому времени следует отнести и генетические истоки коренных народов Дагестана, и первоосновы близости дагестанских языков к таким древним языкам, как хурритский, урартский, этрусский.

В древнейший период на территории Дагестана и всего Восточного Кавказа протекали общие хозяйственно-экономические, культурно-этнические и социальные процессы. По археологическим памятникам отчетливо прослеживается непрерывность социально-экономического, этнического и культурного развития на территории Дагестана, которая входила в ареал формирования (V–IV тыс. до н.э.) восточно-кавказской этнолингвистической общности (народов нахско-дагестанской группы), совпадающей со временем бытования раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа. С III тыс. до н.э. происходит распад данной общности на отдельные этнокультурные образования, ставшие позднее (I тыс. до н.э.) основой сложения дагестанских племен. Первые упоминания об этих племенах под названиями *каспии*, *гелы*, *леги*, *андаки*, *дидуры*, *утины* и другие встречаются у античных авторов (Страбон и др.)

В конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. Дагестан входил (в большинстве случаев лишь частично) в состав Кавказской Албании, затем держав Сасанидов, гуннов и Хазарского каганата, периодически подвергался нашествиям кочевников (булгары, кипчаки и др.). Наибольший след в истории и культуре (и особенно в религиозных верованиях) народов Дагестана оставили арабы (VII в.). По свидетельству арабских источников, на территории Дагестана в конце I – начале II тыс. н.э. существовал ряд государственных образований: Баб-аль-абваб (Дербент), Табасаран, Филан, Серир, Хайдак (Кайтаг), Лакз, Зирихгеран (Кубачи и ряд соседних селений), Гумик (Кумух). В X–XIV вв. процесс образования и укрепления феодальных владений продолжается; наряду с указанными владениями или на месте их возникли Дербентский эмират, Аварское нуцальство, Газикумухское шамхальство, Кайтагское уцмийство. В то же время возобновляются нашествия кочевников, наиболее опустошительное из которых – монгольское.

В конце XIV в. Дагестан подвергается страшному нашествию полчищ Тимура, разоривших и разрушивших большинство дагестанских аулов, уничтоживших значительную часть генофонда дагестанцев. В период феодальной раздробленности (XVI–XVII вв.) возникает ряд новых владений, как правило, отпочковавшихся от старых. Так, на базе Шамхальского владения образовалось Тарковское шамхальство, Казикумухское ханство, Эндиреевское владение (потом от него отпочковались Аксакаевское и Костековское), обособилось еще несколько владений – Кумторкалинское, Кафыр-Кумухское, Кака-Шуринское, Эрпелинское, Карабудахкентское, Буйнакское. В Табасаране от основного майсумства отделяется часть во главе с кадием; в оставшейся части владений (Кайтагское уцмийство, Дербентское владение, Аварское ханство и др.) центробежные силы оказались слабее. В этот период происходит укрепление старых и выделение новых союзов “вольных обществ”, представлявших собой независимые или состоящие в разной степени зависимости от феодальных владений союзы общин, группировавшихся вокруг экономически крепких и в военном отношении сильных селений. Союзов насчитывалось до 60, наиболее значительные и известные из них Акуша-Дарго, Ункратль, Гид (Гидатль), Андалал, Карах, Кой-

субу (Хиндалал), Ахты-пара, Докуз-пара, Алты-пара, Цудахар, Мекеги, Каба-Дарго, Муги, Усиша, Сирха и многие другие.

В XV–XVIII вв. Дагестан становится объектом притязаний Турции, Ирана и России. С XVI в. усиливаются связи Дагестана с Россией, а Персидский поход Петра I начинает эпоху интенсивного проникновения России в Дагестан. По Гюлистанскому договору 1813 г. России и Ирана Дагестан был окончательно присоединен к Российской империи.

Одна из самых известных страниц истории Дагестана – антиколониальная (антифеодальная) освободительная борьба горцев Дагестана и Чечни в 20–50-е годы XIX в. против царской России под руководством имамов Гази-Магомеда (Кази-Муллы), Гамзатбека и Шамиля. На охваченной антиколониальным движением территории Нагорного Дагестана и Чечни Шамилю удалось создать монолитное военно-теократическое государство – имамат.

С падением имамата Шамиля политическая власть в области перешла от феодальных правителей к русской администрации, которая для облегчения управления и умиротворения народа ввела в пореформенный период систему военно-народного управления. В ней были использованы отдельные институты и формы местного традиционного общественного управления и быта. Однако выступления против царизма продолжались все пореформенное время, вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Наиболее известным из них было крупное, охватившее почти весь Дагестан, восстание 1877 г. О масштабах и характере его свидетельствует жестокость, с которой власти расправились с восставшими: 300 человек были казнены, 4875 участников восстания высланы в Россию на каторжные работы и поселение.

В пореформенное время экономическое положение Дагестана улучшилось, что было связано с подключением края к огромному российскому рынку и развитием товарно-денежных отношений. Об этом свидетельствует надежный показатель – динамика численности населения Дагестана. Несмотря на большие потери, понесенные в годы войны, население увеличилось с 1860 по 1897 г. с 433,6 до 571 тыс. человек, т.е. в 1,3 раза, а с 1897 по 1917 г. до 739,8 тыс., т.е. еще в 1,3 раза.

Хозяйство Дагестана пореформенного периода (конец XIX – начало XX в.) было представлено традиционными отраслями, такими как земледелие, скотоводство, домашние и кустарные промыслы, а также садоводство и виноградарство в горных долинах и нижнем предгорье. Характер и направление хозяйственных отраслей зависели от природно-географических зон и обменных связей (например, на равнине преобладало земледелие, а в горах – скотоводство). На базе зональных особенностей хозяйства и культуры сложились хозяйственно-культурные ареалы, характеризующиеся комплексом признаков отдельных хозяйственных и культурных феноменов: равнинный – оседлых пашенных земледельцев и стационарных скотоводов, горный – пашенных земледельцев и отгонных скотоводов, высокогорный – отгонных и подвижных скотоводов и земледельцев. В пореформенный период большую роль, прежде всего в горной части, стало играть скотоводство, особенно промышленное овцеводство.

Земледелие – главное традиционное занятие дагестанцев; Дагестан – один из мировых очагов террасного земледелия.

Если для равнинного земледелия характерны большие поля, то в горах – это небольшие участки террас и склонов; равнинный плуг в горах заменяется ралом, коса – серпом, а переложная система земледелия – паровой с плодосменной. Основные культуры на равнине – пшеница, в горах – ячмень, рожь, бобо-

вые. На равнинной части Дагестана преобладает колесный транспорт, а в горах – вьючный, ручные перевозки и т.д.

Большую роль в экономике дагестанцев, особенно в горной части играли домашние и кустарные промыслы: обработка шерсти (сукно, ковры, паласы, бурки, вязаные изделия), металла (сельскохозяйственные орудия, оружие, ювелирные изделия), дерева (орудия, предметы интерьера жилища, утварь), камня (надмогильные стелы), глины (гончарные изделия), кожи и овчин (шубы, обувь, головные уборы) и др. Значительное развитие получило ставшее самостоятельным и ориентированное на рынок ремесленное производство. Многие селения (Кубачи, Балхар, Унцукуль, Гоцатль, Сулевкент и др.) имели ярко выраженную специализацию в производстве отдельных видов ремесленной продукции.

Значительное место в экономике и доходах горцев занимал отхожий промысел – как внутридагестанский, преимущественно сельскохозяйственный, так и внешний, промышленный, преобладание которого усилилось с утверждением капиталистических отношений, строительством железной дороги, развитием рыбных промыслов и нефтедобычи в Баку, Грозном. В конце XIX – начале XX в. отходничеством занималось до 90 тыс. человек ежегодно (в 1913–1915 гг. в среднем 93 313 человек ежегодно), т.е. более 15% населения области.

Административное деление Дагестана в период военно-народного управления с 1860 г. не менялось. После ликвидации ханств и владений были образованы округа, во главе которых стояли начальники из числа царских офицеров. Округа делились на участки, возглавляемые вначале наибами, затем начальниками участков (также офицерами). Округов в Дагестанской области насчитывалось девять: Темир-Хан-Шуринский (участки – Темир-Хан-Шуринский, Таркинский, Чирюртовский, Карабудахкентский, Дженгутаевский); Кайтаго-Табасаранский (Нижне-Кайтагский, Северо-Табасаранский, Кара-Кайтагский, Уркарахский); Кюринский (Южно-Табасаранский, Курахский, Котур-Кюринский, Гюнейский и Улусский магал); Аварский (Хунзахский, Цатанихский, Батлукский, Койсубулинский (Хиндалалский); Даргинский (Цудахарский, Мекегинский, Акушинский, Сюргинский); Казикумухский (Кумухский, Вицхинский, Мукарский, Ашты-Кулинский); Гунибский (Андалалский, Куядинский, Тилитль-Гидатлинский, Тлейсерухский, Бохнадальский, Анцухо-Капучинский); Андийский (Гумбетовский, Андийский, Технуцальский, Каратинский, Ункратль-Чамалальский, Тиндальский (Тиндинский), Дидойский); Самурский (Ахтыпаринский, Докузпаринский, Лучекский).

Кроме того, в исторически сложившуюся территорию Дагестана, представляющего собой определенную географическую область со своими устоявшимися этническими традициями, хозяйственной, политической и культурной историей, входили Кизлярский округ с Ногайской степью и Хасавюртовский округ (Хасавюртовский, Аксайский, Нагорный участки), включенные позднее в состав Терской обл. В первые годы после установления советской власти число округов увеличилось, к названным прибавились еще пять – Ачикулакский, Дербентский, Махачкалинский, Тляринский, Эчидинский.

В 1929 г. вместо ликвидированных округов были созданы районы. В настоящее время в республике 41 район, которые условно (так как не все они вписываются в пределы одной зоны) относятся к следующим географическим зонам: районы равнинной зоны – Ногайский, Тарумовский, Кизлярский, Бабаюртовский, Хасавюртовский, Кизилюртовский, Кумторкалинский, Карабудахкентский, Каякентский, Дербентский, Магарамкентский; районы предгорной зоны – Новолакский, Казбековский, Буйнакский, Сергокалинский, Кайтагский, Табасаранский, Хивский, Сулейман-Стальский; районы горной зоны – Ботлихский, Ахвахский,

Унцукульский, Хунзахский, Гергебильский, Шамильский, Гунибский, Левашинский, Акушинский, Лакский; районы высокогорной зоны – Гумбетовский, Цумадинский, Цунтинский, Тляратинский, Чародинский, Кулинский, Дахадаевский, Агульский, Курахский, Рутульский, Ахтынский, Докузпаринский.

В результате революционной борьбы 13 ноября 1920 г. в г. Темир-Хан-Шура на чрезвычайном съезде народов Дагестана была провозглашена автономия Дагестана, а 20 января 1921 г. декретом ЦИК РСФСР образована Дагестанская АССР.

Статус Республики Дагестан – республика в составе Российской Федерации – установлен на II съезде народных депутатов в 1991 г. в соответствии с Конституцией РФ. Республика имеет свою конституцию, герб и гимн, законодательное Народное собрание, Государственный совет, правительство (Совет министров).

Народы Дагестана в антропологическом отношении почти всецело относятся к европеоидной расе, ее переднеазиатской, или балкано-кавказской, ветви, с подразделением на два типа: *кавказионский* (относительно светлая пигментация, массивный лицевой скелет, высокий рост), к которому относятся аварцы, андо-дидойцы, лакцы, даргинцы, и *каспийский* (более грацильный, узколицый и темноволосый) – лезгины, табасараны, рутульцы, агулы, цахуры, кумыки, кайтаги. Ногайцы ближе к монголоидной расе (туранский тип), незначительная монголоидность имеется и у кумыков, особенно северных.

По религиозному составу большинство дагестанцев – мусульмане-сунниты (шафийтского толка), шиизм представлен азербайджанцами и лезгинами сел. Мискинджа. Православие представлено русскими (многие украинцы и белорусы Дагестана также называют себя русскими), иудаизм – горскими евреями.

Население Дагестана, по переписи 1989 г., составило 1802,6 тыс. человек (см. табл. 1). Наиболее многочисленный народ в республике – аварцы, которые вместе с частично ассоциированными с ними народами андо-дидойской группы насчитывают 496 тыс. (в России – 544 тыс., в СНГ – 601 тыс.). Приблизительная (по оценке, поскольку они не учитывались в переписи) численность народов андийской и дидойской групп составляет около 60 тыс. человек; из них относящиеся к андийской группе андийцы составляют (в тыс. чел.) 12, ахвахцы – 5, багулалы – 4, ботлихцы – 3, годоберинцы – 2,5, каратинцы – 6, тиндинцы (тиндалы) – 5, чамалалы – 4; относящиеся к дидойской группе бежтинцы – 2,5, гинухцы – 0,6, гунзибцы – 2,1, из них 340 в Грузии, дидойцы – 7, хваршины – 1 и арчинцы, по происхождению относящиеся к лезгинской группе, но по культуре более тяготеющие к аварцам, – 1.

Второе место по численности занимают даргинцы вместе с ассоциированными с ними кайтагцами (по оценкам, около 17 тыс.) и кубачинцами (1890 человек, вне пределов Кубачи, по оценке 1991 г., – около 3 тыс., но после 1991 г. к настоящему времени многие из них вернулись из стран СНГ и России в Кубачи и другие города Дагестана). Собственно даргинцев насчитывается 280 тыс. (всего в России – 353 тыс., в СНГ – 365 тыс.). Отметим, что процесс реиммиграции затронул не только кубачинцев, но и все остальные коренные народы Дагестана, и поэтому удельный вес населения этих народов, проживающих в самой республике, увеличился.

Далее по численности следуют кумыки, хотя по общей численности с учетом населения, проживающего в СНГ, и кумыков, и даргинцев превосходят лезгины. Кумыков насчитывается 231 тыс. (в России – 227 тыс., в странах СНГ – 282 тыс.), лезгинов – 204 тыс. человек (в России – 257 тыс., в СНГ – 466 тыс., подавляющая часть в Азербайджане).

Русских в Дагестане в 1989 г. проживало 166 тыс. человек, затем их численность с 1989 г. уменьшилась; лакцев в Дагестане насчитывалось 92 тыс. (в России – 106 тыс., в СНГ – 118 тыс.); табасаранцев – 78 тыс. (в России – 93 тыс., в СНГ – 98 тыс.). Далее по численности (в тыс. чел.) идут азербайджанцы – 75, чеченцы – 57, ногайцы – 28 (в России – 73, в СНГ – 75), рутульцы – 15 (в России – 19,5, в СНГ – 20,4), агулы – 13,8 (в России – 17,7, в СНГ – 18,7), таты – 13 (в России – 19,4, СНГ – 30,8), цахуры – 5,2 (в России – 6,5, в СНГ – 20, преимущественно в Азербайджане), горские евреи – 3,6 (в России – 11,3, в СНГ – 19,5).

В 1989 г. вне Российской Федерации и Дагестана проживало около 315 тыс. дагестанцев, в России же их больше всего было (в тыс. чел.) в Ставрополье – 86, Чечено-Ингушетии – 26, Калмыкии – 20, Ростовской обл. – 19, Тюменской обл. – 13, Северной Осетии – 13, Астраханской обл. – 12, Саратовской обл. – 11, Краснодарском крае – 8, Волгоградской обл. – 7, Москве – 6,8.

Больше всего за пределами Дагестана в России проживало (в 1989 г. в тыс. чел.) даргинцев – 73, лезгин – 53, аварцев – 48, кумыков – 45, татов – 16,2, горских евреев – 15,9, табасаранцев – 15, лакцев – 14.

По удельному весу больше всего за пределами республики (в России и СНГ), в %: горских евреев – 82, цахуров – 75, ногайцев – 62, татов – 58, лезгин – 50, агулов – 26, рутульцев – 25, даргинцев – 23, лакцев – 23, кумыков – 18, аварцев – 18.

Заселенность территории Дагестана неравномерна: наивысшая плотность населения – в среднегорье (20–60 человек на 1 км²), наименьшая – в высокогорье и на полупустынной равнине (Ногайский р-н – 2 человека на 1 км²). Среднегорье держит первенство по плотности населения среди всех горных областей России и СНГ. Однако средняя плотность по республике (41 человек на 1 км²) уступает плотности населения соседних республик Северного Кавказа (в 1,7 – 2,2 раза).

В 1989 г. сельское население республики составляло 56,4% от всего населения. Сельские поселения в горах и на равнине имеют разные формы планировки. Горные имеют вертикальную (склоновую) планировку, кучевую, нередко террасообразную компактно-улочковую форму, скученный тип расселения. Делалось это в целях экономии удобных угодий из-за малоземелья, а также в оборонительных целях. На равнине преобладает горизонтальная свободная планировка с квартально-уличной структурой, с огородами и насаждениями. Правда, и в горной части, где есть возможность, используются новые формы планировки, особенно на застраиваемых окраинах.

Крупнейший город Дагестана – Махачкалу (бывший Порт-Петровск, названный по имени революционера Махача Дахадаева) населяет 404 тыс. человек (1996 г.), это крупный промышленный и культурный центр, большой транспортный узел. Здесь проходит автотрасса “Кавказ” (Ростов – Баку), железнодорожная магистраль, связывающая Москву и центр России с Закавказьем, воздушный транспорт по тем же направлениям (и за рубеж), значение которого в последние годы (например, из-за событий в Чечне) неизмеримо возросло, морской порт. В городе пять вузов (государственный, технический, педагогический университеты, сельскохозяйственная и медицинская академии), Дагестанский научный центр РАН, театры, музеи и многие другие культурно-массовые объекты. Другие города Дагестана – Дербент (один из древнейших в мире), Кизляр, Буйнакск, Хасавюрт, Каспийск, Избербаш, Дагестанские Огни.

В республике газеты и журналы выпускаются на более чем 10 языках; радио и телевидение функционируют на 12 языках. Межнациональное общение осуществляется главным образом на русском языке, его знают 61% дагестанцев

(1989 г.), локальными языками общения служат также азербайджанский, кумыкский, аварский.

Современный Дагестан – аграрно-индустриальная республика с относительно слабо развитой промышленностью с малой долей выхода конечной продукции. Предприятий в республике около 3000, но большая часть их – мелкие и средние с отсталой технологией. Производство валового продукта на душу населения – в 5,8 раз меньше, чем по России, промышленной продукции – в 12,5 раз, продукции сельского хозяйства – в 2,8 раза (1998 г.). В 1997 г. основные фонды в Дагестане составляли 16,6 тыс. руб. на душу населения, при 67,0 тыс. руб. в целом по России (Северо-Кавказский регион – 35,9 тыс., Ставропольский край – 45 тыс., Кабардино-Балкария – 25,6 тыс., Башкортостан – 69,0 тыс., Татарстан – 88,2 тыс.) (Петросянци, 2000; Ахмедуев, 1998. С. 130). Более развита гидроэнергетика, ресурсы которой составляли 55,2 млрд кВт · ч (используется лишь их четверть). В числе действующих ГЭС – Гергебильская (с 1940 г.), Чирюртовская (с 1963 г.), Чиркейская, крупнейшая на Северном Кавказе (1 млн кВт · ч), действует с 1976–1980 гг., Миатлинская, строится Ирганайская, планируется в перспективе строительство еще 14–15 ГЭС. Относительно высок потенциал машиностроительной, пищевой, нефтегазовой, химической отраслей промышленности. В сельском хозяйстве доминируют животноводство (в горах – овцеводство), садоводство, виноградарство и зерновое земледелие (на равнине). Некоторых видов сельскохозяйственной продукции, в частности зерна и масла, производится недостаточно, поэтому Дагестан их ввозит.

Современные народы Дагестана – наследники богатой культуры, уходящей корнями в глубокую древность. Широко известные элементы этой культуры говорят сами за себя: танец “лезгинка”, южнодагестанское ковроделие, кубачинское ювелирное искусство, унцукульская инкрустация по дереву, балхарская художественная керамика, аварское серебро, дагестанская кухня, золотое шитье, резьба по камню и т.д. Но самая большая ценность – это духовное наследие дагестанских народов: фольклор, обычаи, традиции, совокупность моральных и этических норм.

В основу морально-этического кодекса легли общественные предписания, аккумулировавшие многовековой опыт предков и включающие в себя понятия “намус”, “яXI” (“ягь”) – “мужчинство”, “умность” (“целомудрие”). Понятие “яXI” – это личностные качества совершенного мужчины: благородство, трудолюбие, благочестие, честность, щедрость, уважение к старшим, чувства чести и собственного достоинства, великодушие, смелость, отвага, вообще мужественность; “яXI” предполагает также наличие у человека терпения, твердости, выдержки, основательности, а также честность, аккуратность, чувство долга, обязательность, воздержание от дурных и легкомысленных поступков. Согласно этой норме, мужчины считалось предосудительным высказывать усталость, жаловаться на неудобства, голод, жажду, холод, зной, показывать утомление беседой со старшими, шумно реагировать на неприятность, пасовать перед трудностями.

Идеалу современной дагестанки отвечает понятие “умность”, отчасти адекватное русскому “целомудрию”, которое и подразумевалось в первую очередь. Наряду с этим были обязательны в девушке такие качества, как благочестие, трудолюбие, скромность, верность, благовоспитанность.

Приверженность нормам предполагает следование установкам “намус”, значение которого переводится как дарение, материальная помощь, поддержка, способность к отдариванию. В практике семейного и общественного общежития “намус” функционирует и как гораздо более широкое поня-

тие, коррелированное с понятием “яхI”. Человек с “намусом” – это прежде всего щедрый, обязательный, готовый прийти на помощь ближнему, способный к отдаче, одариванию, приветливый, сострадательный, совестливый, нравственно безукоризненный.

Все нравственно-этические нормы дагестанцев сконцентрировались и сфокусировались в обычае гостеприимства (и его деривате – куначестве), основной смысл которого заключается в создании любому пришедшему, независимо от его этнической или конфессиональной принадлежности, максимально благоприятных условий пребывания в чужой среде, включая хорошее содержание, угощение, защиту имущества, чести и достоинства, а в куначестве – и взаимное участие и помощь во всех мероприятиях кунака, связанных с материальными издержками, семейными и общественными событиями, торжествами, обрядами и т.п.

В морально-этическом кодексе дагестанцев соблюдение норм личной чести и достоинства обязательно подчинено заботам о судьбах и интересах ближних, тухума (рода), джамаата (сельской общины), отечества. Высокая культура межнациональных отношений, проявляющаяся в этнической толерантности и добрососедстве, сдержанности и выдержке, на протяжении веков обеспечивала и до сих пор поддерживает мир и добрые взаимоотношения в этнически пестром и социально-экономически неблагоустроенном Дагестане.

164286

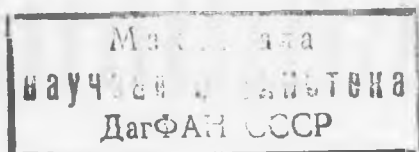

Таблица 1. Размещение и численность народов Дагестана
(по данным переписи 1989 г. и текущего учета 1995 г.)*

Народы	1989 г. (в тыс. человек)					% прожитающих вне Дагестана	Считают родным язык своей национальности (в %)	Свободно владеют русским языком в качестве второго (в %)	1995 г. (в тыс. человек)	
	Всего в СНГ	В Дагестане	% к итогу	В России (вне Дагестана)	В других регионах СНГ				Всего в Дагестане	% к итогу
Аварцы	545,3									
включая родственные народы	601,0	496,0	27,5	48,0	57,0	18,0	98,9	64,6	577,1	27,9
Андийцы	12,0									
Ахвахцы	5,0									
Багулалы	4,0									
Ботлихцы	3,0									
Годоберинцы	2,5									
Каратинцы	6,0									
Тиндалы	5,0									
Чамалалы	4,0									
Бежтинцы	2,5									
Гинухцы	0,6									
Гунзибцы	2,1									
Дидойцы	7,0									
Хваршины	1,0									
Арчинцы	1,0									
Азербайджанцы	6770,0	75,0	4,2				97,0	72,2	88,3	4,3

Таблица 1 (окончание)

Народы	1989 г. (в тыс. человек)					% прожитающих вне Дагестана	Считают родным языком своей национальности (в %)	Свободно владеют русским языком в качестве второго (в %)	1995 г. (в тыс. человек)	
	Всего в СНГ	В Дагестане	% к итогу	В России (вне Дагестана)	В других регионах СНГ				Всего в Дагестане	% к итогу
Горские евреи	19,5	3,6	1,4	11,3	4,6	82,0	89,4	85,8		
Даргинцы	343,1									
включая родственные народы	365,0	280,0	15,6	73,0	12,0	23,0	98,8	66,1	332,4	16,1
Кайтаги	17,0									
Кубачинцы	4,9									
Кумыки	282,0	231,0	12,9	46,0	5,0	18,0	99,0	74,3	267,5	12,9
Лакцы	118,0	92,0	5,1	14,0	12,0	23,0	97,7	78,3	102,6	5,0
Лезгины	466,8	204,3	11,3	53,0	209,5	50,7	98,0	68,2	250,7	12,1
Агулы	19,9	13,8	0,8	3,9	2,2	26,0	98,5	68,9	16,0	0,8
Рутульцы	20,7	15,0	0,8	4,5	1,2	25,0	98,4	61,7	17,1	0,8
Табасаранцы	98,4	78,2	4,4	15,4	4,8	—	98,4	59,8	93,6	4,5
Цахуры	20,1	5,2	0,3	1,3	13,6	75,0	98,8	52,4	6,3	0,3
Ногайцы	75,6	28,3	1,6	45,4	1,9	62,0	84,1	77	33,4	1,6
Русские	145 155,0	166	9,2				99,8		150,0	7,3
Таты	30,8	12,9		6,5	11,4	58,0	91,9	84,6		
Чеченцы	957,0	57,0	3,2				98,6	73,4	92,2	4,5
Всего:	2415,8	1758,3		322,3	335,2				2066,6	

Источники: Национальный состав населения СССР (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). М., 1991. С. 5-7; Основные национальности Республики Дагестан. Стат. сб. Махачкала, 1995. С. 24.

Любая сторона деятельности человека обусловлена природно-географическими особенностями места его проживания. Но в рамках своей экологической ниши человек выбирает специфические хозяйственные занятия, создает те или иные орудия труда. Избирательность хозяйственной адаптации сопровождается соответствующими взаимосвязанными процессами бытового и культурного характера, этническими инновациями и традициями, что обуславливает в конечном счете формирование хозяйственно-культурных комплексов в рамках этнических культур. Культура этнически мозаичного Дагестана полностью подтверждает важную роль природной среды в ее сложении и развитии.

Значительная часть Дагестана занята отрогами Главного Кавказского хребта, простирающегося на юго-восток от г. Нацидрис-цвери (3098 м) до г. Базар-дюзи (4485 м). Север и восток республики занимает Прикаспийская низменность. На территории Дагестана расположены Терско-Сулакская и Приморская низменности; Предгорный Дагестан, Горный Дагестан, включающий восточную часть главного хребта с боковыми отрогами (Снеговой, Пириктельский, Богосский, Самурский хребты, Нукатль, Дюльтыдаг и др.), отделенными от главного котловинами – Дидойской, Бежтинской, Джурмутской, Самурской и др., Внутренний горный Дагестан, образованный продольными хребтами (Андийский, Салатау, Гимринский, Чонкатау, Лес, Карасырт) и плато (Хунзахское, Гунибское, Шунудагское, Турчидагское, Кегерское, Левашинское и др.) (Гвоздецкий, 1954. С. 113, 130; Он же, 1968. С. 113–114; Физическая география Дагестана, 1996. С. 16–17).

Существует и иное, угодийное членение: верхнеальпийская зона, альпийская горно-луговая, субальпийская горно-луговая с лесами и безлесная, горно-степная, умеренно теплая и теплая, а также засушливая части; лесостепная и степная зона предгорий; сухостепная зона Приморской низменности, в том числе с обильным подпочвенным увлажнением (Аболин, 1932. С. 7–8, 19). В зонах заложены основы и сельскохозяйственного районирования, “общая физиономия зоны характеризуется определенным сочетанием естественных угодий и возможностями в отношении освоения под сельскохозяйственную культуру” (Там же. С. 8).

К особенностям дагестанской географической провинции следует отнести признаки, связанные с пониженной увлажненностью: наличие сухих степей и полупустынь, узость лесной зоны, яркая выраженность горного ксерофита, наличие выше лесов горных степей, расширение зоны горных лугов и их значительная ксерофитизация, меньшая четкость горно-ледниковых форм, более высокое расположение нивальной зоны и др. (Зонн, 1946. С. 63; Шифферс, 1946. С. 179; Гвоздецкий, 1954. С. 130). Например, годовая сумма осадков здесь составляет 356–680 мм (свыше 55% территории получает меньше 500 мм, 43% – до 500–1000 мм, в то время как испарение достигает 800 мм, что свидетельствует о четко выраженной аридности). При этом основное количество осадков (250–560 мм, т.е. 60–82%) выпадает в вегетационный период (Близначенко, Потанина, 1967. С. 6–7), что увеличивает объем испарения и повышает сухость, аридность.

Аналогичность выпадения осадков наблюдается над территориями, простирающимися от моря на запад и в широтном, и в высотном направлениях:

Рис. 1. Верховья реки Самур. (Из личного архива Османова М.О.)

вдоль побережья заметно преобладание осенних, частью зимних осадков, весна и лето – засушливы; к западу и в предгорьях примерно такое же количество осенних осадков (30–40%), но сокращаются зимние (20–10%). Это перемещение на весну и особенно лето еще более выражено во внутреннем Дагестане, где зима “отличается замечательной сухостью и ясностью” (Добрынин, 1926. С. 29), осенью выпадает 15–25% годовых осадков, весной – 25–30, летом – 45–55 (20–35% на низменности и в предгорье). Это особенно благоприятно для развития как дикой, так и культурной растительности даже в сравнительно засушливых долинах внутреннего Дагестана (Аболин, 1932. С. 18; Добрынин, 1926. С. 28, 29, 31).

В Дагестане леса занимают около 4% территории. Уровни высоты расположения лесной полосы и высоты снеговой линии (линии вечного снега) здесь различны, более или менее четко обозначена лишь линия предгорных лиственных лесов, сочетающихся с лесостепью (на высотах 600–1200 м), довольно узкой в вертикальном разрезе; линия хвойных лесов обозначена слабо, лишь кое-где.

В условиях недостаточного увлажнения и при “чрезмерной пастьбе скота и разрушении почвенного покрова” восстановление естественного леса не происходило. Отсюда и многие беды – смыв почв, ухудшение лугов, иссякание источников, усыхание и разлив рек и т.д. (Добрынин, 1926. С. 57–58; Шифферс, 1953. С. 356).

Другой важный для хозяйства момент – высота снеговой линии. В высокогорном Дагестане снеговая линия проходит по высоте 3800–3900 м, в среднем на 500–1000 м выше, чем на Западном Кавказе и Закавказье. Такая же ситуация наблюдается и в отношении ледников. Вследствие сухости климата, своеобразия режима выпадения осадков (максимум приходится на лето) площадь оледенения незначительна (около 4% ледников Кавказа). Наиболее крупные из них находятся на хребтах Пирикительском, Снеговом, Богосском,

Рис. 2. Мост через реку Аварское Койсу у селения Голотль. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1950 г.)

Нукатль, Дюльты-даг (*Гвоздецкий*, 1954. С. 154–158; *Он же*, 1968. С. 150; *Гюль*, 1961. С. 175–177).

Хотя природные условия Дагестана по богатству и потенциальным возможностям хозяйственного использования (например, качество почв, пастбищ, степень увлажнения) уступают другим географическим провинциям Кавказа, степень реализации этих возможностей здесь выше. Дополнительные 500–1000 м вертикальной поясной протяженности угодий за счет отодвижения снеговой линии и незначительного лесного пояса позволяли иметь дополнительные площади пастбищ и возделываемых земель.

Климат – существенный географический фактор, складывающийся как результат взаимодействия солнечной радиации, циркуляции атмосферы и подстилающей поверхности. В Дагестане один из важнейших климатообразующих факторов – рельеф. Расчлененность, значительная разница абсолютных высот, наличие замкнутых котловин, высоких плоскогорий и глубоких ущелий обусловили большое разнообразие климата Дагестана. Серьезное влияние на климат оказывает и Каспий. В силу указанных причин неоднородны здесь и температурные показатели. Солнечное сияние – наибольшее во внутриворонном Дагестане, в равнинной северной части преобладает облачность (*Гюль*, 1959. С. 61, 64, 66, 77, 84–85, 87–88, 90, 93; *Физическая география Дагестана*, 1996. С. 150–177).

Испаряемость связана с высотой местности, отношение годовых сумм осадков к испаряемости дает коэффициент увлажненности, составляющий на низменности 0,4–0,6, в предгорье – 0,6–0,8, внутриворонье – 0,1–0,4, высокогорье – 1,5–2 (*Гюль*, 1959. С. 95–96, 100, 103–104).

Особенности климата Дагестана сказались и на его гидрографии. В республике насчитывается 1800 рек длиной более 24 тыс. км. На 1 км² здесь приходит-

ся 500 м речной сети, почти в 5 раз больше, чем в среднем в странах СНГ. Однако значительная часть рек (1560) – небольшие водотоки в 3–8 км, и лишь 240 имеют длину свыше 10 км. Наибольшая густота речной сети – в высокогорье и внутригорье: 1,3 км на 1 км².

Равнины северного Дагестана пересекаются нижними течениями крупнейших рек Северного Кавказа – Терека и Кумы. Главные дагестанские реки – Сулак и Самур – имеют развитую речную сеть, связанную с расположением горных хребтов. В верховьях все реки имеют бурное и стремительное течение, в низовьях замедляются, некоторые из них протекают в руслах собственных отложений.

Низменная часть почти не принимает участия в формировании стока, наоборот – здесь происходит его большая отдача (испарение, орошение). Модуль стока (среднее количество воды, стекающей с 1 км²) – 10 л в секунду; это столько же, сколько в бассейнах Онеги и Мезени, что достигается за счет мощных горных поднятий, аккумулирующих атмосферную влагу. Отсюда и богатство гидроэнергоресурсами (СНГ на 1 км² – 8,6 л.с., Европейская часть РФ – 5,25, Северный Кавказ – 25,6, Дагестан – 159 л.с.) (Гюль, 1959. С. 111, 113, 116, 118, 119; Физическая география Дагестана, 1996. С. 185–194; Маслов, 1967. С. 212).

Основные реки Дагестана – по убывающей водности (средний годовой расход воды в 1 км³, в сек.) – это Терек в нижнем течении – 342, Сулак – 176 (эта крупнейшая река Дагестана вместе с Койсу опережает по энергетической мощности Днепр и орошает до 80 тыс. га земли), Аварское Койсу – 94,5, Андийское Койсу – 72,8, Самур – 64,3, Каракойсу – 18,9, Ахтычай – 16,3, Казикумухское Койсу – 12,5, Кара Самур – 7,45, Аксай – 5,47, Чирахчай – 4,0, Усухчай – 4,23, Курах – 4,15, Улучай – 3,90, Рубас – 2,41, Акташ – 2,18, Ярыксу – 1,75, Параул-озень – 1,20 (Гюль, 1959. С. 120–121, 129, 136; Физическая география Дагестана, 1996. С. 196–206).

В Дагестане насчитывается около 100 озер. По происхождению они – лагунно-морские, пойменные, лиманные, запрудные, ледниковые, моренные и карстовые. Самое большое из горных озер – Большое форельное, или Кезенойам, на границе Дагестана и Чечни (окружность – 9,6 км, глубина в середине – 320–426 м). По составу воды озера пресные (горные), соленые (равнинные) и переменного состава; они имеют большое хозяйственное значение (лечебное, рыбное, соледобывающее) (Гюль, 1959. С. 179, 181, 182; Физическая география Дагестана, 1996. С. 209–216).

Самое большое озеро в мире – Каспийское море во многом предопределяет природное, хозяйственное своеобразие Дагестана. Дагестанское побережье Каспия характеризуется слабой изрезанностью, отмелостью, значительным развитием пляжевых накоплений (из мелкого песка), что в сочетании с сухим климатом, обилием солнечных дней имеет большое рекреационное значение. Животный мир Каспия насчитывает 500 видов, из которых 71 относится к рыбам. Каспий – один из богатейших рыболовных бассейнов, здесь много ценных промысловых рыб: белуга, осетр, севрюга, шип, белорыбица, лосось, 20 видов сельдей, судак, кутум, вобла, сазан, жерех, килька и др., из млекопитающих – тюлень, из птиц – чайка, баклан, пеликан, лебедь, утка, лысуха, кряква и др. (Гюль, 1959. С. 120–121, 129, 136; Физическая география Дагестана, 1996. С. 225–230, 237–239).

В проекции на сельскохозяйственное районирование Дагестан имеет следующее зональное и угодийное деление. 1. Низменная зона – это часть Терско-Кумской, Терско-Сулакская и Приморская низменности. Терско-Кумская полупустыня (Ногайская степь) имеет сухой и континентальный климат, сухое и

жаркое лето, большую засушливость. Растительность солянковой и полынной полупустыни, в песках – степного и кустарникового типа, по берегам рек растут камыш, кустарник (лох, ивняк, тамариск). Количество осадков 200–300 мм, из них 70% в вегетационный период. На западе и юге растительность образует густую полынно-травяную степь, сильны процессы дефляции из-за выпаса овец и ветров. Пастбища используются как зимние, так и круглогодичные (*Добрынин*, 1926. С. 50; Система ведения сельского хозяйства в Дагестане, 1967. С. 21–24; *Гвоздецкий*, 1968. С. 98, 105; *Викторов*, 1963. С. 77; *Аболин*, 1932. С. 43).

Терско-Сулакской дельтовой равнине присущи сухое жаркое лето и холодная зима. Камышовые и рогозовые луга находятся в понижениях, а на ровных и повышенных местах – злаково-полынные, солодко-полынные и солянковые луга. С приближением к предгорью начинается переход в сухую степь с преобладанием полыни, реже – ковыля и бессмертника. Отмечается высокое естественное плодородие. Для этой части низменной зоны характерны орошаемое земледелие, мясо-молочное животноводство, овцеводство на примыкающих к орошаемым землям пастбищах, выпас преимущественно в холодное полугодие (Система ведения сельского хозяйства в Дагестане, 1967. С. 24–27; *Гвоздецкий*, 1958. С. 97–102; *Он же*, 1968. С. 106).

Южная равнинная подзона находится под большим влиянием Каспия. Осадков (350–500 мм) выпадает максимум осенью, около 50% – в вегетационный период. К злаково-полынным добавляются житняковые степи с зарослями тамариска и солянковыми ассоциациями. Хозяйственный профиль идентичен профилю Терско-Сулакской дельты (Система ведения сельского хозяйства в Дагестане, 1967. С. 29 – 31; *Викторов*, 1963. С. 77; *Гюль*, 1959. С. 222–224).

Фауна равнинной зоны, как и везде, находится в тесной связи с рельефом, растительностью, климатическими и почвенными условиями: здесь водятся малый суслик, хомяк, заяц-русак, песчаный барсук, слепец, степной хорек, ушастый еж, тушканчик, корсак, песчанка и др.; из пресмыкающихся – степная гадюка, агама кавказская, степной удав, ящерицы (более 20 видов); из земноводных – зеленая жаба, озерная лягушка, много черепах. В дельтах Терека, Сулака, Самура много водоплавающих и болотных птиц: утки, гуси, цапли, кулики, чайки. Встречаются кавказский фазан, рябчик, кавказский тетерев, водятся кабаны, шакалы, камышовый кот, водяные крысы и др. (*Гюль*, 1959. С. 222–223; *Физическая география Дагестана*, 1996. С. 314–322).

2. Предгорная зона включает в себя северо-западное, центральное и юго-восточное предгорье. Для северо-западного предгорья характерна слабая расчлененность. Осадков здесь выпадает 500–550 мм, т.е. увлажненность – хорошая. Растительность – предгорные луга, в том числе остепненные, леса, кустарники. В центральном предгорье максимум осадков наблюдается на севере – летом, а на юге – летом и осенью. Растительность тут представлена злаковыми и злаково-полынными степями и кустарниками. Основная же масса лесов республики располагается выше – на высоте 500–1000 м, где преобладает сочная растительность (большетравье, пышные леса, горные широколиственные). Юго-восточное предгорье включает в себя нижний (200–500 м) – менее влажный и верхний (500–1000 м) – более влажный пояса, где осадков выпадает 300–400 мм. Преобладает тут злаковая и полынно-злаковая сухая растительность, а в межлесных пространствах – разнотравно-злаковая степь.

Для всего нижнего предгорья характерны фригана (заросли жестких или колючих трав и полукустарников) и шибляк (заросли кустарников). Фауна отличается богатством. Здесь водятся кабаны, волки, шакалы, хорьки, рыси, гиены, бурый медведь, барсук, олени, дикие козы, лиса, куница, ласка, лесной кот,

Рис. 3. Горное селение Цугни Акушинского района. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1950 г.)

летучие мыши, из птиц – дятел, сорока, сойка, черный дрозд, филин, ворона и др. Предгорье наряду с Терско-Сулакским междуречьем – это житница Дагестана. Тут распространены орошаемое и неполивное земледелие, насаждения, скотоводство (содержание крупного рогатого скота). В верхнем поясе роль земледелия падает (Система ведения сельского хозяйства в Дагестане, 1967. С. 32–37; Аболин, 1932. С. 34; Гвоздецкий, 1968. С. 200–201; Добрынин, 1926. С. 54).

3. Горный Дагестан делится на собственно среднегорье и горные долины. Северо-западное среднегорье характеризуется умеренно-холодным полувлажным климатом. Основная масса осадков (430–600 мм) выпадает здесь в мае и сентябре. Растительность представлена разнотравно-бородачевыми, а выше 1800 м – субальпийскими остепненными лугами, а также луговыми степями с травостоем в 70–80 см (злаковые, бобовые, разнотравье). Луга эти можно использовать и как сенокосы, и в качестве высококачественных летних пастбищ для всех видов скота. Выпасной период – 4–5 месяцев. Регион исторически был основной кормовой базой отгонных форм скотоводства в Дагестане (наравне с юго-восточным среднегорьем) и горно-террасной земледелия. В отличие от северо-западного среднегорья, в юго-восточном осадков выпадает чуть меньше (450–550 мм). На востоке можно видеть мезофитные и остепненные луга, в западной части – субальпийские остепненные луга и луговые степи. Для юго-восточного среднегорья характерно сильное разрушение почв из-за нерегламентированного выпаса скота, особенно овец (Система ведения сельского хозяйства в Дагестане, 1967. С. 39–42; Аболин, 1932. С. 22–23; Викторов, 1963. С. 77–87).

Горные долины имеют умеренный полусухой климат, жаркое лето, мягкую солнечную зиму. Осадков тут выпадает 335–371 мм. Растительность горных долин многообразна – от болотной до сухо-степной. По солнечным склонам наблюдается сильная ксерофитизация. Распространены земледелие с развитым

садоводством, животноводство. Особенность долинной зоны, вкрапленной в горную и высокогорную зоны по руслам рек, – отсутствие цельного территориального пояса.

4. Высокогорный Дагестан характеризуют холодная зима, короткое лето и осадки (800–1000 мм) главным образом в теплый период года. Растительность представлена альпийскими и субальпийскими лугами, которые на высоте 3000 м изрежены и переходят в рассеянные лужайки. Разнотравные плотно-дерновые, белоусовые, низкотравные, кобрезиевые и кустарниковые луга используются в качестве кратковременных летних пастбищ в июле–августе, после чего скот перегоняется в субальпийский пояс. Животный мир горной части Дагестана достаточно многообразен. Здесь водятся дагестанский тур (кавказский каменный козел), безоаровый козел, кавказский олень, дикая коза, серна, волк, темнобурый медведь, редко барс, куница, зайцы, грызуны. Из птиц можно видеть кавказского улара (горная индейка), каменную куропатку, тетерева, альпийскую галку, кавказского щура, завирушку, стрижей, диких голубей; из хищных птиц – грифа-стервятника, грифа-бородача, белоголового сипа, сокола-сапсана и др. В высокогорных водоемах плавают усач, пятнистая форель, хариус (Викторов, 1963. С. 87–89; Добрынин, 1926. С. 56; Гюль, 1959. С. 224–225, 227).

В целом природно-хозяйственно-историческое районирование выглядит следующим образом: 1). Равнина (от Терека до Самура) с земледельческо-скотоводческим хозяйством и зимним использованием для выпаса скота. 2). Предгорье также с хозяйством, в котором преобладает удельный вес земледелия и содержания крупного рогатого скота. 3). Нагорье (среднегорье) со скотоводством и земледелием и подзоной “горные долины” с добавлением насаждений. 4). Высокогорье с развитым скотоводством и слабым земледелием (Берг, 1952. С. 284; Дробышев, 1935. С. 14–15; Викторов, 1963. С. 9–32; Гюль, 1959. С. 28).

Обзор современных природно-географических условий Дагестана показывает, что его природа отличается многообразием экологических форм. Здесь можно встретить ландшафты от песчаных и солончаковых пустынь до пойменных пышных лугов и болот, от минусовых от уровня моря (–28) низменностей до высокогорных лугов и ледников. Подобное разнообразие при скупой отдаче не щедрой на дары местной природы способствовало возникновению зональной и подзональной хозяйственной специализации и развитию межхозяйственных обменных и культурных связей.

Наиболее ранние следы человеческой деятельности на территории Дагестана, по имеющимся сведениям, относятся к палеолиту – позднему ашелью и мустье (от 150 (80) до 35 тыс. лет назад). Кремневые орудия этого времени обнаружены в местностях Чумус-Иниц, Геджух в Дербентском р-не, вдоль берегов Манас-озери, в окрестностях селений Усиша, Гинта Акушинского р-на и Урма Левашинского р-на. Однако суровые ледниковые условия Восточного Кавказа, особенно в период позднего палеолита, не благоприятствовали широкому заселению первобытными людьми нынешней территории Дагестана и прежде всего его горной части.

Заселение территории горного Дагестана произошло уже в послеледниковую эпоху, в мезолите, около 10 тыс. лет тому назад. Исходной территорией, откуда оно началось, считается Южный Прикаспий, т.е. район Северного Ирана, расположенный между Каспийским морем и горой Эльбурс. Люди, которые заселяли горный Дагестан на протяжении почти двух тысячелетий (VIII–VII тыс. до н.э.), осваивали места, наиболее удобные для охоты и собирательства. Они адаптировались к местным условиям и жили группами, составлявшими раннеродовые общины охотников и собирателей. Одна из таких общин обитала у нынешнего с. Чох Гунибского р-на, давшего название Чохской археологической культуре, распространенной на территории внутреннего Дагестана.

В период неолита, на рубеже VII–VI тыс. до н.э., происходят кардинальные изменения в хозяйственной деятельности населения древнего Дагестана, положившие начало эпохе производящего хозяйства, которое коренным образом изменило образ жизни и быт первобытных родовых общин. Возникает прочная оседлость, появляются жилища, рассчитанные на долговременное обитание, развиваются неизвестные ранее отрасли домашних производств – керамика, прядение, ткачество и др. Появление устойчивых источников питания приводит к росту населения, более интенсивными становятся и миграционные процессы, связанные с расселением земледельческо-скотоводческого населения.

В VI–V тыс. до н.э., в эпоху энеолита (медно-каменный век), в значительной степени была нарушена замкнутость неолитических общин, земледельцы и скотоводы расселяются по горным долинам, осваивают высокогорья (Кегерское, Хунзахское плато). Населявшие нынешнюю территорию Дагестана племена имели широкие связи с племенами сопредельных областей Кавказа, Юго-Восточной Европы и культурными центрами Ближнего Востока.

Один из важнейших этапов в истории древнего Дагестана – бронзовый век (конец IV–II тыс. до н.э.), который характеризуют материалы сотен древних поселений и могильников. К важнейшим открытиям эпохи неолита: земледелию, скотоводству и различным отраслям домашних производств теперь добавляется металлопроизводство – важнейший фактор технического прогресса, появляется гончарный круг. Металлообработка, гончарное и строительное дело постепенно превращаются в ремесла.

В эпоху бронзы идет активный процесс земледельческого освоения новых территорий: в высокогорьях наряду с сезонными возникают крупные оседло-земледельческие поселения, интенсивно распространяются террасное, плужное земледелие с использованием тягловой силы животных, стационарное и отгон-

ное скотоводство. Под земледелие осваиваются предгорья, а также приморская равнина, где появляются крупные оседлые поселения. На всей территории Северо-Восточного Кавказа, включавшей современные Дагестан, Восточную Чечню и Северо-Восточный Азербайджан (Хачмасо-Кубинский р-н) складывается единая в своей основе материальная и духовная культура, известная как северо-восточнокавказский вариант куро-аракской культуры эпохи ранней бронзы. Она представляет культурную подоснову дагестанско-нахского языкового единства, существование которого относится ко времени не позднее III тыс. до н.э. Установлено, что культурная лексика восточнокавказского языка точно соответствует уровню хозяйственного и технического развития населения Дагестана в ту эпоху. Это обстоятельство – один из важнейших аргументов в пользу того, что создателями данной культуры были пранахско-дагестанские племена.

В последние века III тыс. до н.э. поступательное развитие Дагестана было прервано. Происходит закат раннебронзовой культуры всего Северо-Восточного Кавказа, распадается прежнее культурное единство региона. На территории распространения северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры на рубеже III–II тыс. до н.э. возникает ряд новых археологических культур среднебронзового века: Гинчинская с тремя вариантами в горном Дагестане и юго-восточной части Чечни, Присулакская – в бассейне среднего Сулака, Великентская в Приморском Дагестане к северу от Дербента, а также ряд групп своеобразных культурных памятников в районе Манас-озени, Буйнакса, верховьях Гамри-озени. Подобная культурная пестрота сохраняется в Дагестане и на всем Северо-Восточном Кавказе и в последующие периоды: в эпоху поздней бронзы (локальные варианты каякентско-хорочоевской культуры второй половины II тыс. до н.э.), в раннежелезном веке (мугерганская, зандакская и другие группы памятников I тыс. до н.э.).

В то же время в сочинениях древних авторов впервые появляются этнические названия некоторых современных народов Дагестана. Процесс дифференциации этнических культур бронзового века Северо-Восточного Кавказа, согласно глоттохронологии, соотносится с распадом пранахско-дагестанского языкового единства в III тыс. до н.э. Это свидетельствует о том, что именно к данному времени следует относить начало формирования современных народов Дагестана и Северо-Восточного Кавказа в целом.

Отмеченные события этнокультурного развития древнего Дагестана были обусловлены рядом природных (ухудшение климатических условий в Каспийском регионе) и культурно-исторических факторов (проникновение на территорию Северо-Восточного Кавказа определенных групп степного населения бронзового века, о чем свидетельствует появление в регионе неизвестных ранее форм погребальных сооружений – курганов, а также так называемой шнуровой керамики, т.е. определяющих признаков степных археологических культур).

Культурная трансформация Северо-Восточного Кавказа, начавшаяся на рубеже III–II тыс. до н.э., формирование здесь новых археологических культур, процессы этнокультурной дифференциации региона имели и другие последствия. Замедляются темпы культурно-исторического развития населения Северо-Восточного Кавказа, происходит культурная деградация, наблюдается застой и регрессивные явления в развитии общества в целом. В силу указанных причин становление раннеклассового общества затянулось в Дагестане еще на два тысячелетия.

Новый подъем культурного, социально-экономического развития местного общества наметился на территории нынешнего Дагестана в эпоху раннего же-

леза, в I тыс. до н.э. Он связан с возникновением и широким распространением железной металлургии и сопряженным с ним техническим прогрессом. Несмотря на походы скифов через Каспийский проход, проникновение сюда к концу I тыс. до н.э. сарматских племен, на Северо-Восточном Кавказе формируются раннегородские центры (Дербент, Таргу, Урцеки и др.) и Дагестан становится составной частью первого государственного образования – Кавказской Албании, возникшей на Восточном Кавказе к концу I тыс. до н.э. (История Дагестана, 1996. С. 7–150).

В IV–V в. н.э. иранская экспансия с юга, нашествие гуннов с севера ослабили Албанию. Одна часть ее была включена в состав Ирана в качестве отдельного наместничества, а другая, к северу от Дербента, вошла в состав так называемого Царства гуннов (IV–VII вв. н.э.). В истории Дагестана V–X вв. четко прослеживаются два фактора, сыгравших выдающуюся роль в развитии всего северокавказского сообщества – Великое переселение народов и начальный этап феодализации. На этом фоне протекал процесс изменения этнической карты Дагестана и формирования крупных этнополитических образований со сложной социальной стратификацией.

Этносоциальное развитие народов региона имело свои характерные особенности. На сравнительно небольшой территории переплелись судьбы народов, представлявших три языковые семьи – кавказско-иберийскую, иранскую и тюркскую; превалирование тюркских племен в корне изменило ситуацию во всех равнинных районах рассматриваемого региона. С этим в значительной степени связано важное явление хозяйственно-культурной жизни – соседство и постоянный “диалог” двух форм хозяйственной деятельности: оседлого интенсивного земледельческо-скотоводческого, с одной стороны, и кочевого, экстенсивного скотоводческого – с другой. Определяющая роль принадлежала оседлому хозяйству гор и предгорий, оказавшему решающее влияние на процесс постепенного включения кочевой степи в систему земледельческо-скотоводческого хозяйства. Вместе с тем кочевые племена в свою очередь оказали столь большое влияние на оседлое население, что на равнинной полосе тюркский язык стал доминирующим.

Немаловажную роль в историко-культурной, хозяйственно-экономической и социальной жизни дагестанского общества сыграл ряд внутри- и внешнеполитических факторов, прежде всего вхождение Дагестана в сферу иранского политического влияния, а позже, с середины VII в., в сферу арабо-хазарского противостояния.

В V–X вв. Дагестан не представлял собой единого политического организма. На его территории, судя прежде всего по арабским источникам, существовало несколько небольших государственных единиц: Дербент, Лакз, Табасаран, Серир, Хайдак (Кайтаг), Гумик (Кумух), Филан, Зирихгеран и др.

В середине VII в. территория Дагестана вошла в состав Хазарского каганата, одного из крупнейших раннесредневековых государств, сыгравших значительную роль в исторической, социально-экономической и культурной жизни Кавказа и Юго-Восточной Европы. В экономической жизни прослеживаются серьезные изменения, в частности, происходит рост городов. Дербент из города-крепости превратился в IX–X вв. в крупнейший на Кавказе ремесленный, торгово-экономический, культурный и политический центр. Семендер – столица Хазарского каганата – представлял собой вплоть до его разгрома русами в 965 г. важный политический и торговый центр на Волжско-Каспийской международной торговой трассе. Во многих селениях и в городах Дагестана высокого уровня достигли различные ремесла и промыс-

ботка, резьба по дереву, ковроткачество.

Вхождение в сферу политического и экономического влияния Арабского халифата сыграло важную роль в общественно-экономическом и культурном развитии дагестанского общества. Дагестан был втянут в международную торговлю, поддерживал оживленные торгово-экономические связи со многими странами Ближнего и Среднего Востока, с Закавказьем, Средней Азией, Поволжьем, Юго-Восточной Европой. Это стимулировало как экономическое, так и социальное и культурное развитие региона. Огромное значение в социальной и идеологической жизни имел процесс постепенной исламизации Дагестана. К X в. ислам распространился только на часть районов края, основная же территория оставалась “языческой”, хотя существовали и отдельные сильные очаги христианства. Тем не менее доминирующей тенденцией было распространение ислама.

Социально-экономическое развитие Дагестана в X – начале XIII в. протекало в условиях относительной внутренней и внешнеполитической стабильности. Разнообразие физических и климатических условий предопределило различия в ведущих направлениях хозяйственной деятельности тех или иных зон региона: на равнине – это зерновое хозяйство, садоводство, крупный рогатый скот, в горных и предгорных районах – земледелие, мелкий и крупный рогатый скот, в высокогорных районах – мелкий рогатый скот. Совершенствуются отдельные виды ремесла. Укрепляются отдельные политические и торгово-экономические центры – Дербент, Кумух, Кубачи (Зирихгеран), Тарки, Хунзах, Ахты и др. Известны случаи полного выделения отдельных населенных пунктов (например, селений оружейников – “зерехгеранов”, возможно, Кубачи и Амузги) из сферы земледельческого труда.

Серьезные изменения произошли на политической карте региона. Отчетливо прослеживается процесс неравномерного политического развития: одни владения теряют свою политическую самостоятельность (Лакз, Филан, Серир, Табасаран), а другие значительно укрепляются (Гумик, Хайдак, Дербент). В середине X в. сошел с политической арены Хазарский каганат.

В сфере земельных отношений происходит укрупнение земельной собственности, укрепление мульков и появление вакуфных земель. Все более укрепляет свои позиции ислам. В города и селения проникают арабский язык и произведения арабской литературы. Строятся мечети и медресе, формируются очаги идеологической и культурной жизни (Дербент, Цахур, Кумух, Рича, Каракюре, Фите, Хив, Калакорейш, Уркарах, Рутул и др.)

В XIII в. народам Дагестана наряду с другими народами Кавказа пришлось вести тяжелую и изнурительную борьбу против монгольских завоеваний (1220 г. и 1239–1240 гг.) и монгольского ига. Сохранились исторические сведения о героической борьбе жителей Дербента, Рича, Кумуха против монгольских отрядов. В конце XIV в. народы Дагестана боролись за свою независимость против полчищ Тимура, а в середине XV столетия – с агрессией Сефевидов.

Военные действия оказывали пагубное влияние на все сферы жизни дагестанских народов. Однако в XIII–XIV вв. Дагестан в целом не знал застоя, деградации хозяйства. Разрушенные селения и города со временем восстанавливались, хозяйственная деятельность постепенно оживилась. В конечном счете начинали доминировать факторы, обеспечивавшие политическое и экономическое единство всего Дагестана. Рост ремесла и торговли был непрерывным явлением, возникали отдельные населенные пункты, полностью ориентированные на производство определенного вида продукции. Специализация производств также становилась широко распространенным явлением.

В XV в. на политической арене действовали Дербентский эмират, Газикумукское шамхальство, Аварское (Хунзахское) нуцальство, Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство. Феодалные владетели – эмиры, уцмии, майсумы, нуцалы, шамхалы, опираясь на военно-административный аппарат, превратились во внушительную социальную силу. Столицы этих государств – Дербент, Кумух, Калакорейш, Хунзах, Хучни – стали крупными административными и экономическими центрами. Рядом с ними существовали союзы сельских общин, иногда своего рода союзы союзов, во многом определявшие социальный облик Дагестана и своеобразие всей структуры общества. Важную роль в политической, экономической и идеологической жизни играли крупные населенные пункты Курах, Аркас, Тпиг, Урада, Тарки, Кахиб, Корода, Губден, Ашты, Ахты, Мехельта, Анди, Эндирей, Акуша, Рутул, Цахур, Бежта, Кубачи, Цудахар, Хив и др.

В структуре поселений преобладали следующие формы: тухумные, территориально-тухумные, чисто территориальные (последние в XIV–XV вв. постепенно становились определяющими). Существующие формы земельной собственности – государственные земли, частные мульки (как крупные, так и мелкие), общественные земли, церковный вакф – приняли более или менее устойчивый облик, хотя тенденция к укреплению и расширению мульков была ведущей.

В XV–XVI вв. ислам стал уже официальной религией всех дагестанских владений и обществ. Возникали мечети и учебные центры (медресе, мактабы). К концу XV в. широко распространяется арабская литература. Многие дагестанцы, получавшие образование в городах Арабского халифата, поддерживали контакты с учеными стран Ближнего Востока и Средней Азии.

Экземпляры Корана, комментарии к нему (*тафсиры*), рассказы о делах и поступках пророка Мухаммеда (*хадисы*), сочинения по мусульманскому праву, грамматике арабского языка, логике, истории, суфизму, этике, словари, художественное и поэтическое творчество пользовались в Дагестане большим спросом. Крупнейшим достижением в культурной жизни Дагестана было создание на арабском языке сочинений местных авторов. Уже в X–XI вв. возникли отличавшиеся тематическим разнообразием первые образцы собственно дагестанской литературы, а к XV в. сложился жанр региональной историографии.

В XVI–XVII вв. этническая карта Дагестана не оставалась неизменной. В конце XVI – начале XVII столетия завершились переселение в Дагестан аккинцев и образование Ауховского союза сельских общин. Из низовьев Терека в Засулакскую Кумыкию мигрировали тюмены. В середине XVI в. в низовьях Терека поселилось русское население, которое в последующие годы образовало терско-гребенское казачество. Одновременно в Северном Дагестане появились кочевья ногайцев.

В то же время происходило переселение цахуров и аварцев в Джаро-Белокану. В XVI–XVII вв. изменилась и политическая карта. Значительно увеличилась территория и военная мощь Аварского ханства, но в другой части Дагестана в связи с усилением центробежных сил происходили распад владений и становление новых государственных образований. В 1640 г. распалось Казикумукское шамхальство и на его развалинах возникли Казикумукское и Мехтулинское ханства, Тарковское шамхальство и ряд союзов сельских общин.

Сложившиеся в описываемое время экономические и социальные отношения характеризовались определенными сдвигами в земледелии, скотоводстве, кустарных промыслах и ремесле. Но эти успехи были бы более ощутимыми, если бы народы региона не подвергались непрерывным нашествиям со стороны

иноземных захватчиков. Боровшиеся между собой за овладение Кавказом Турция и Иран наносили колоссальный урон народам Дагестана. Особенно тяжелыми стали нашествия шахов Ирана в 1615, 1640, 1645 гг. На почве общих интересов – борьбы против ирано-турецкой экспансии – оживились дипломатические и торгово-экономические отношения Дагестана с Россией. В результате этих все более углублявшихся взаимоотношений в первой трети XVII в. почти все ее феодальные владения были приняты в подданство России. Однако процесс включения Дагестана в состав России затянулся надолго, до начала XIX в. И произошло это важное в жизни народов края событие в 1813 г. в результате подписания Гюлистанского договора между Россией и Ираном.

Поначалу здесь, как и в других местах Кавказа, не была введена царская администрация. У власти по-прежнему оставались феодальные владетели и сельская верхушка. Более того, царизм поддерживал ханов и беков, которые пользуясь этим, усилили давление на крестьянство.

С назначением в 1816 г. А.П. Ермолова наместником Кавказа ситуация изменилась. Продолжая поддерживать владетелей, он попытался усилить их подчиненность русской администрации, что вызвало недовольство местных правителей. Ермолов организовал ряд карательных походов в горы Дагестана, жестоко расправился с непокорными и сменил ряд владетелей. Крайне сложна была в это время международная обстановка. Вынужденные отказаться от претензий на Кавказ Иран и Турция не оставляли попыток с помощью западноевропейских держав вытеснить Россию за Терек.

На рубеже 30-х годов XIX в. в чрезвычайно сложной внутренней и внешней обстановке развернулась освободительная борьба. Быстрому успеху движения существенно способствовало то, что оно было обращено и против местных владетелей.

Под предводительством имама Гази-Магомеда за короткое время был нанесен ряд чувствительных ударов соединениям Кавказкой армии, дислоцированным в Дагестане и Чечне. Однако в 1832 г., обороняя родное селение Гимры, Гази-Магомед погиб, был тяжело ранен и его ближайший сподвижник Шамиль. Имамом был избран Гамзат-бек, которому удалось занять резиденцию ханов Аварии Хунзах и истребить эту феодальную фамилию. Тем не менее и его имамство оказалось непродолжительным. В 1834 г. в Хунзахской мечети заговорщики убили Гамзат-бека.

Третьим имамом Дагестана и Чечни был избран Шамиль – политик, администратор, духовный и военный предводитель горцев. Именно при нем, на третьем этапе движения, получившем название “блистательной эпохи Шамиля”, были достигнуты крупные военные успехи (например, героическая защита Ахульго, Гергебиля, разгром царских войск в ходе Даргинской экспедиции в Чечне и др.), организовано государство “Имамат”, занимавшее территорию протяженностью около 900 верст, где жило “100–150 тыс. семей”. Со временем, однако, в силу ряда внутригосударственных причин и внешнеполитических осложнений, в государстве Шамиля стали обнаруживаться противоречия, подспудно существовавшие с самого начала движения, что в конце концов привело к ослаблению поддержки народных масс. Оборона имамата стала давать сбои (Гаджиев В.Г., 1989. С. 144 и сл.).

После окончания Крымской войны Россия усилила натиск на имамат, Шамилю пришлось оставить свою столицу в Чечне и уйти в горы Дагестана. Но стабилизировать положение ему не удалось. Оказавшись на горе Гуниб в окружении царских войск, 27 августа 1859 г. он вынужден был сложить оружие. Плененного имама отправили в Россию.

В 1860–1869 гг. были упразднены ханства, ликвидирована ханская власть, образована Дагестанская область с разделением на девять округов (Аварский, Андийский, Гунибский, Кази-Кумухский, Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Темир-Хан-Шуринский, Кюринский, Самурский). Северный Дагестан оказался в составе Терской области. Территория Терско-Сулакского междуречья, вошедшая в состав образованного в 1860 г. Кумыкского (позднее – Хасавюртовского) округа, оказалась отторгнута от Дагестана и включена в Терскую область. Было введено так называемое военно-народное управление, которое сохранялось вплоть до свержения царизма и представляло собой бюрократический аппарат империи, приспособленный к местным условиям.

Начальник области (царский генерал), приравненный к генерал-губернатору в центральной части России, сосредоточивал в своих руках всю административную, хозяйственную, финансовую и военную власть. Начальники округов осуществляли “надзор за расположением умов”, наблюдали за деятельностью судов, раскладкой повинностей и налогов и т.п.

В те же годы был проведен ряд реформ: судебная, сельского управления, крестьянская и др. Согласно судебной реформе, в комиссиях уголовного суда осуществлялось судопроизводство по военно-уголовным делам, в Дагестанском областном суде – по общим законам империи, в Дагестанском народном суде и окружных судах – по адату и шариату. Однако члены народного суда назначались начальником области, который утверждал и его решения. В результате реформы сельское управление стали представлять сельский сход (*джамаат*), старшина (назначаемый), кадий (избирался сходом, но утверждался начальником округа) и сельский суд.

Старшина обязан был исполнять решения схода, судов и администрации, поддерживать порядок, доносить о преступлениях и беспорядках, взимать штрафы, следить за отбыванием податей и повинностей, объявлять законы и решения администрации. Кадий контролировал религиозные учреждения, судопроизводство по шариату, оформлял переписку по делам сельского общества. Сельский суд рассматривал дела по гражданским спорам (иск не свыше 100 руб.) и мелким преступлениям.

Крестьянская реформа была проведена на равнине и в предгорье, где сосредоточивались главные феодально-владельческие земли. Так, в Кумыкском округе в 1865 г. было решено передать крестьянам половину земель феодалов без выкупа. В результате 7 тыс. крестьянских дворов получили 203 123 десятины земли (по 24 десятины на двор). Освобождались от зависимых отношений, повинностей и налогов 4969 дворов, от крепостной зависимости (*чагары*) – около 2 тыс., от рабства – свыше 4,5 тыс. человек. Всего численность всех освобожденных достигла 58 тыс. душ. В 1913 г. было освобождено еще 70 тыс. крестьян (95 селений) от податей и повинностей в пользу беков (феодалов).

Реформы 1860-х годов сыграли в Дагестане в силу его социально-экономической отсталости более радикальную и прогрессивную роль, чем в центральной части России. Ломка патриархально-феодальных отношений, ликвидация деспотической власти феодальных владетелей, освобождение от их произвола и бесчинств, установление единой системы управления, регулируемое едиными нормами законодательство, освобождение от крепостной и рабской зависимости, наделение, пусть и неполное, крестьян землей и т.п. обеспечили регламентацию сельской жизни на единых началах, сыграли важную роль в дальнейшем экономическом и политическом развитии и сближении народов Дагестана, устранили их экономическую раздробленность, создали предпосылки для развития капиталистических отношений,

способствовали заметным сдвигам в социально-экономической сфере (История Дагестана. Т. 2. 1968. С. 119–139, 271).

Начиная с 70-х годов XIX в. в Дагестане был проложен ряд грунтовых дорог, установлено регулярное морское сообщение с Астраханью. Огромное значение в экономическом подъеме области имело сооружение в 1890-е годы железнодорожной магистрали на территории Дагестана. Начало XX столетия было ознаменовано в Дагестане распространением революционных идей, массовыми выступлениями рабочих и крестьян, происходившими под влиянием революционных событий 1905–1907 гг. в России.

Февральскую революцию 1917 г. горцы встретили с одобрением. В марте–мае советы рабочих и солдатских депутатов возникли в Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске, Дербенте, в воинских гарнизонах. 9 марта 1917 г. в Темир-Хан-Шуре был образован временный областной исполнительный комитет. Весть о победе Октябрьской революции в далекой российской столице сразу же получила отклик в Дагестане. На заседании совета военных депутатов Петровского гарнизона 7 (20) ноября 1917 г. была принята резолюция о признании советской власти. Создается Порт-Петровский военно-революционный комитет, приступивший к кардинальным преобразованиям. Однако в конце марта 1918 г. власть этого комитета оказалась свергнута, а его члены вместе с местными красногвардейскими отрядами вынуждены были отступить в Баку и Астрахань. В конце концов с помощью бакинских и астраханских красногвардейских отрядов советскую власть в Порт-Петровске, а также в равнинном и предгорном Дагестане удалось восстановить.

В августе 1919 г. в долине Ая-Кака дагестанские повстанцы разгромили крупные силы деникинцев. На севере Дагестана активную борьбу против армии А.И. Деникина вел чечено-кумыкский военно-революционный комитет. В марте 1920 г. объединенными усилиями повстанческих отрядов и частей XI Красной Армии в Дагестане была установлена советская власть. 27 октября 1920 г. было принято постановление об образовании Дагестанской и Терской (Горской) автономных республик. На Чрезвычайном съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 г. по поручению правительства РСФСР И.В. Сталин провозгласил советскую автономию Дагестана. 20 января 1921 г. ВЦИК принял декрет об образовании Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики.

Огромную роль в ликвидации прежней экономической и культурной отсталости Дагестана сыграла Российская Федерация, помощь которой была разносторонней и масштабной. Из Центра республике передавались оборудование и материалы на восстановление, реконструкцию и строительство новых предприятий пищевой, химической, машиностроительной и энергетической промышленности, направлялись инженеры, строители, учителя, врачи, агрономы и другие специалисты, в которых республика испытывала острую потребность.

С помощью России удалось не только восстановить народное хозяйство, но и достигнуть заметных успехов во всех сферах жизни. Были построены крупные предприятия, создавшие базу для индустриализации республики. Начал меняться облик городов и аулов, в которых строились школы, появились кинотеатры, учреждения культуры, магазины, бани и т.п.

Развернувшееся хозяйственно-культурное строительство прервала война. Более 150 тыс. дагестанцев приняли участие в боях в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., 65 из них было присвоено звание Героя Советского Союза, 7 человек стали полными кавалерами Ордена Славы. Немалый вклад Дагестан внес и в обеспечение нужд фронта в оружии, продуктах, одежде.

Вместе с тем в годы войны рядом народностей и групп населения были предъявлены обвинения в участии в бандповстанческом движении, за что они подверглись депортации. 23 февраля 1944 г. из Чечено-Ингушской АССР были депортированы чеченцы и ингуши, а вместе с ними чеченцы-аккинцы и чеченцы, проживающие в приграничных с Чечено-Ингушетией районах Дагестана (более 60 тыс. человек). Ряд районов Чечено-Ингушской АССР отошел к Дагестанской АССР, куда были принудительно переселены жители некоторых горных районов (61 тыс. человек). В Хасавюртовский р-н Дагестана переселили жителей ряда селений Кумторкалинского и Казбековского районов.

Хотя к 90-м годам XX в. республика располагала развитой промышленностью и многоотраслевым сельским хозяйством, начиная с 1990 г. наблюдался спад промышленного производства. За шесть лет оно сократилось в 3,8 раза, а по отдельным отраслям еще больше. За 1995 г. промышленностью республики было произведено продукции на 1043 млрд руб.

В Дагестане сосредоточен крупный научный потенциал. Здесь имеются Дагестанский научный центр РАН, объединяющий 10 научных учреждений, Дагестанский государственный университет, Дагестанский государственный педагогический и технический университеты, сельскохозяйственная и медицинская академии, филиалы московских университетов и другие негосударственные вузы и научные учреждения.

В республике функционируют государственные и народные театры: русский драматический и кукольный, национальные (аварский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский), имеются филармония, Дагестанский государственный историко-архитектурный музей с филиалами в ряде городов и аулов, Музей изобразительного искусства.

Широкой популярностью в республике, в России и во многих зарубежных странах пользуется Государственный академический ансамбль народного танца "Лезгинка", Государственный ансамбль песни и танца Дагестана, детские танцевальные коллективы.

На русском и 10 дагестанских языках издаются газеты и журналы, ведутся радио и телепередачи. В 1991 г. Дагестанская АССР была провозглашена Республикой Дагестан в составе Российской Федерации. Она имеет свои государственные герб, флаг и гимн. Высшие органы государственной власти Республики Дагестан – Государственный Совет, однопалатное Народное собрание и правительство. Общественно-политическая жизнь республики в 1990-е годы отличалась большой пестротой. На политической сцене появились различные партии и движения, религиозные объединения, национальные организации. Однако многие из вновь возникших общественных объединений не нашли поддержки у большинства населения и вскоре стали сходить с политической арены.

Значительное влияние на дестабилизацию процессов развития республики оказали религиозные экстремисты, поддерживаемые и поощряемые зарубежными фундаменталистскими организациями. Они способствовали подготовке на территории Чечни крупных бандитских формирований, которые в августе–сентябре 1999 г. вторглись на территорию Дагестана – в Ботлихский, Цумадинский и Новолакский районы. Однако на защиту своих земель выступил сам народ Дагестана. Ополченцы этих районов и Махачкалы отстаивали дагестанские аулы до подхода федеральных сил и полного изгнания вторгшихся боевиков.

НАСЕЛЕНИЕ (этнодемографический обзор)

К началу 2000 г. население Дагестана составляло 2 млн 148,8 тыс. человек (1,5% от населения РФ, 12% от населения Северо-Кавказского региона). Из них 1 млн 279,2 тыс. человек (60% населения) расселено в сельских местностях 41 административного района, остальные 869,6 тыс. (40%) проживают в 10 городах и 19 поселках городского типа. Всего в республике насчитывается около 1600 населенных пунктов. Средняя плотность населения – 43 человека на 1 км² (в РФ – 8,7; в Северо-Кавказском регионе – 50,0) (Демографический ежегодник, 2000. С. 13).

Дагестан – одна из самых многонациональных республик Российской Федерации. Языки народов Дагестана, согласно лингвистической классификации, принадлежат в основном к трем языковым семьям. Языки аварцев, андо-цезских народов, арчинцев, агулов, даргинцев, кайтагцев, кубачинцев, лакцев, лезгин, рутульцев, табасаран, цахуров и чеченцев относятся к нахско-дагестанской группе кавказской языковой семьи. Тюркская группа алтайской языковой семьи представлена кумыками, ногайцами, азербайджанцами (включая терекемейцев) и татарами, а индоевропейская языковая семья – русскими, украинцами, белорусами (славянская группа), горскими евреями, татами, персами (иранская группа), армянами и другими народами.

Достоверные данные о численности населения Дагестана, его народов имеются с середины XIX в. Динамика численности населения республики представлена в табл. 1.

Население края в пределах современных административных границ Дагестана в 1866 г. составляла немногим более 0,5 млн человек (Комаров, 1873. С. 49). До конца XIX в. численность населения увеличилась в 1,3 раза, а в течение XX в. произошло утроение этой численности. В целом за последние 133 года (1866–2000 гг.) численность населения Дагестана выросла на 1 млн 618 тыс. человек, или почти в 4 раза. Среднегодовой прирост населения составлял 12 тыс. человек, или 2,27%, однако темпы его роста в разные годы были неодинаковыми. Так, например, значительная доля прироста населения приходится на два периода: 1926–1939 и 1959–1970 гг., а самая низкая – на 1897–1926 и 1939–1959 гг., т.е. отчетливо наблюдаются две демографические компенсаторные волны, которые следовали за гражданской (1918–1920 гг.) и Великой Отечественной (1941–1945 гг.) войнами. Доля городского населения увеличилась с 4,7 в 1866 г. до 11,4% в 1926 г. и 21,5% в 1939 г., достигнув максимума – 43,9% в 1992 г., и снизилась до 40,5% к началу 2000 г. Общая смертность сократилась в три раза: с 22,0‰ в 1940 г. до 7,5‰ в 1999 г., а младенческая примерно в семь раз: с 151,4‰ в 1940 г. до 42,1‰ в 1970 г., 30,2‰ в 1986 г. и 22,6‰ в 1999 г. Средняя продолжительность жизни выросла в Дагестане более чем в 2 раза (с 32,3 года в 1896–1897 гг. до 70,1 года, – 65,2 – мужчины и 75,0 – женщины, в 1999 г.). Поскольку общий анализ демографического развития скрадывает некоторые важные особенности динамики численности населения Дагестана и его отдельных народов, то целесообразно остановиться на конкретных цифрах отдельных периодов.

Прежде всего следует признать неверным распространенное мнение о том, что при царизме народы Дагестана были обречены на вымирание: динамика их числен-

Таблица 1. Динамика общей численности и доля городского и сельского населения Дагестана в 1866–2000 гг.

	1866 г.	1897 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2000 г.
Все население:									
тыс. человек	531,0	710,5	744,1	1023,3	1062,5	1428,5	1627,8	1802,2	2148,8
Абсолютный прирост:									
тыс. человек	–	179,5	33,6	279,2	39,2	366,0	199,3	174,4	346,6
%	–	33,80	4,73	37,52	3,83	34,44	13,95	10,71	19,23
Среднегодовой прирост, %	–	1,09	0,16	3,12	0,19	3,13	1,55	1,07	1,92
Сельское население:									
тыс. человек	506,1	669,6	659,1	802,8	747,5	923,7	988,2	1022,9	1279,2
%	95,3	94,2	88,6	78,5	70,4	64,7	60,7	56,8	59,5
Городское население:									
тыс. человек	24,9	40,9	85,0	220,5	315,0	504,8	639,6	779,3	869,6
%	4,7	5,8	11,4	21,5	29,6	35,3	39,3	43,2	40,5

И с т о ч н и к и: Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // ЗКОИРГО. Кн. VIII. Тифлис, 1873. С. 49; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 62. СПб., 1905. С. 1; Т. 68. С. 1; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. V. М., 1928. С. 342–346, 364; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992. С. 66; Госкомстат РФ. Ф. "Перепись населения 1939 г." Д. 41 Л. 537, 540; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года РСФСР. М., 1963. С. 324, 350, 374; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. М., 1973. С. 133–134; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 10, 17; Социально-демографическая характеристика наиболее многочисленных национальностей и народностей Дагестана (по итогам переписи населения 1989 г.). Махачкала, 1992. С. 3; Демографический ежегодник Республики Дагестан. 1999 г. Стат. сб. Махачкала, 2000. С. 13. Расчеты произведены в пределах современных административных границ Республики Дагестан.

ности со времени образования Дагестанской области в 1860 г. до Февральской революции 1917 г. свидетельствует о росте численности дагестанцев за счет естественного прироста в 1,5 раза и об увеличении всего населения области в 1,7 раза (это примерно по 1,26% в год). Общая численность населения в этот период за счет естественного и миграционного приростов выросла с 433,6 тыс. до 739,8 тыс. человек (*Стебницкий*, 1864. С. 231; Статистический справочник... 1923. С. 7).

В первые годы после окончания военных действий в Дагестане в 1859 г. и вплоть до начала XX в. рост численности населения края был медленным, что объясняется не только демографическими последствиями тридцатилетней войны, но и новыми потерями населения, участвовавшего в восстаниях 1861–1863, 1866, 1871 гг. и особенно 1877 гг., а также последующим выселением части восставших и их семей за пределы Дагестанской области, последствиями эпидемии холеры, натуральной оспы и тифа в 1892 г. и 1908–1909 гг. и рядом других причин. Увеличению населения области способствовала и миграция сюда русского, украинского, немецкого и татарского населения в связи с переселенческим движением крестьян из центральных губерний России, которое началось в 1880-е годы, а также переселением чеченцев из соседней Чечни.

Воспроизводство населения Дагестана в рассматриваемый период характеризовалось следующими показателями. Рождаемость была довольно высока (по имевшейся статистике, до 30‰ в год, но фактически, вероятно, и выше), что являлось следствием репродуктивного поведения, ориентированного на максимальное число рождений. Такое поведение, видимо, “провоцировалось” высокой смертностью (более 20‰), особенно младенческой. Необходимость иметь большое число детей (фактически в среднем около четырех) поощрялась условиями хозяйствования и способствовала лучшему функционированию семьи в дагестанском аграрном обществе. Широко распространенное одобрение многодетности общественным мнением в Дагестане в XIX – начале XX в., раннее замужество, осуждение разводов и бездетности, благоприятствовавшие высокой рождаемости, можно объяснить спецификой основных занятий (сочетание земледелия и скотоводства), уровнем социально-экономического развития населения (в частности, наличием пережитков патриархальной традиции), обычаям эндогамии и т.д., т.е. явлениями, всячески поддерживавшими замкнутость отдельных селений, обществ, этнических единиц (*Ибрагимов*, 1993. С. 170).

Для Дагестана второй половины XIX – начала XX в. характерны относительная компактность и стабильность расселения народов в сельской местности, сочетавшиеся с ежегодным сезонным сельскохозяйственным и промышленным отходничеством (особенно горцев). Часть населения (до 90 тыс. человек в год, что составляло четвертую часть всех мужчин) вынуждена была выезжать на заработки на равнину и за пределы Дагестана (в основном в города Баку, Грозный, Ростов и др.). Отходники были заняты на сельскохозяйственных работах, кустарных, рыбных и нефтяных промыслах, занимались на работу в домашнем хозяйстве и т.д. Отмечается незначительный отток сельских жителей в города, в которых проживало 10% населения области. Основное население городов, расположенных на этнической территории тюркоязычных народов Дагестана, в этот период составляли русские, азербайджанцы, персы, горские евреи и армяне. Из числа дагестанских народов значительную долю среди горожан составляли кумыки, остальные дагестанцы почти не были представлены в городах области (*Магомедханов*, 1984. С. 120).

В результате прямых потерь в гражданской войне 1918–1920 гг., эпидемий тифа и малярии, катастрофической засухи 1920–1921 гг., унесших десятки тысяч жизней, а также оттока части русского, украинского и еврейского населе-

Таблица 2. Динамика этнического состава населения Дагестана в 1926–1989 гг.
(в современных границах), в тыс. человек*

Национальность	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Аварцы **	177,3	231,2	239,4	349,3	418,6	496,1
Даргинцы ***	125,7	151,1	148,2	207,8	246,9	280,4
Кумыки	87,8	101,5	120,9	169,0	202,3	231,8
Лезгины	90,5	96,8	108,6	162,7	188,8	204,4
Лакцы	39,9	51,9	53,5	72,2	83,5	91,7
Табасаранцы	31,9	33,4	33,4	53,3	71,7	78,2
Ногайцы	20,3	17,5	14,9	21,8	25,0	28,3
Рутульцы	10,3	20,4****	6,6	11,8	14,3	15,0
Агулы	7,7		6,4	8,6	11,5	13,8
Цахуры	3,5		4,3	4,3	4,6	5,2
Русские	65,7	195,3	213,8	209,6	189,5	165,9
Азербайджанцы	23,4	31,2	38,2	54,4	64,5	75,5
Чеченцы	21,4	27,7	12,8	40,0	49,2	57,9
Таты	0,2	–	3,0	6,4	7,4	12,9
Татары	1,5	5,4	6,0	5,8	5,6	5,5
Евреи горские	11,6	–	16,2	11,9	4,7	3,6
Прочие	25,5	59,8	36,3	39,6	40,1	36,0

* Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. V. М., 1928. С. 342–346, 364; Госкомстат СССР. Ф. "Перепись населения 1939 года". Д. 41. Л. 537, 540; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 324, 350, 374; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1973. Т. IV. С. 133–134; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 10, 76; "Национальный состав населения РСФСР" по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 127–128.

** В это число входит численность не только аварцев, но и андо-цезских народностей и арчинцев (38,6 тыс. человек).

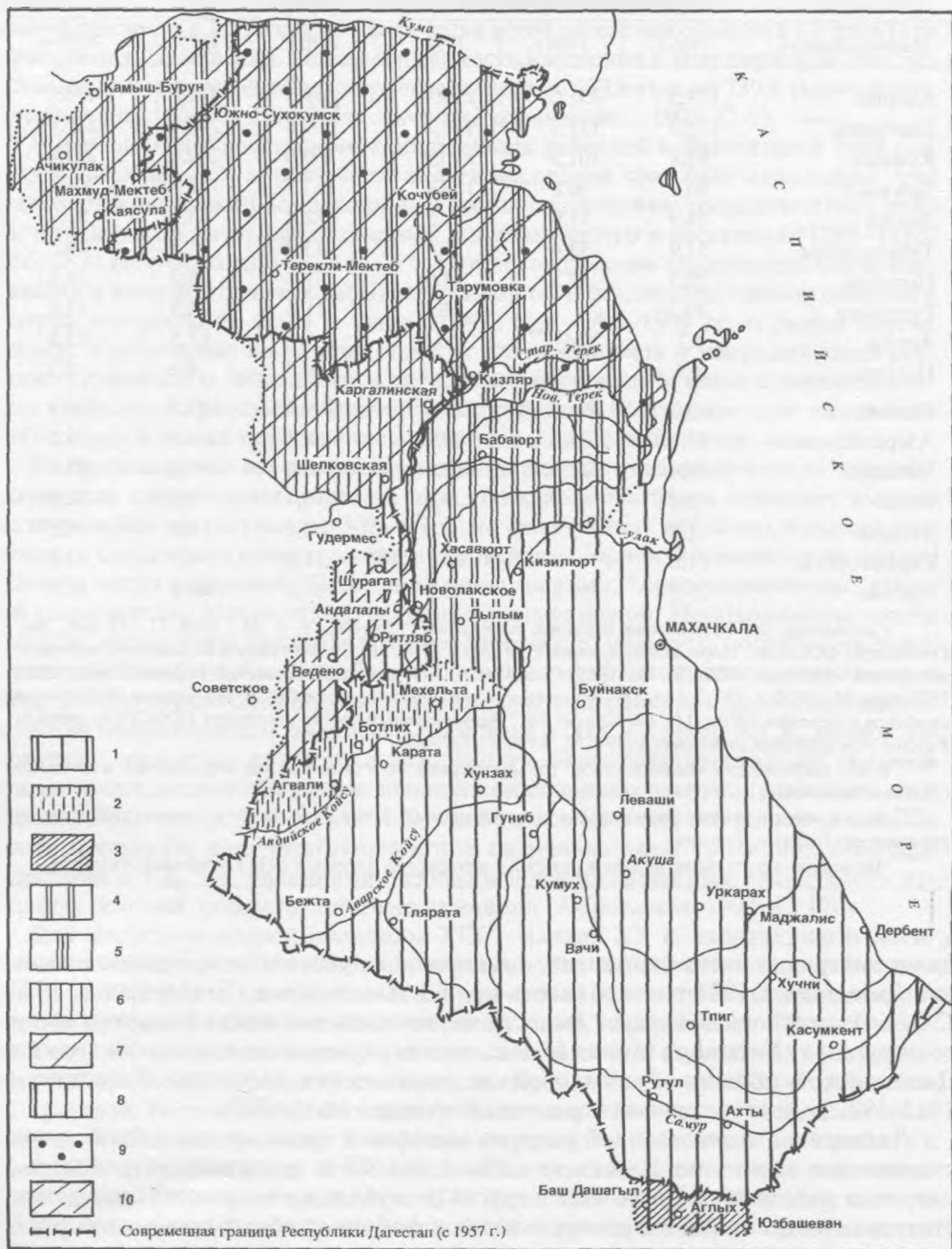
*** В это число входит численность даргинцев (108,9 тыс. человек), а также кайтагцев и кубачинцев (16,8 тыс. человек).

**** Численность рутульцев, агулов и цахуров в материалах переписи 1939 г. показана суммарно.

ния и эмиграции части буржуазии, помещиков и духовенства в Турцию население Дагестана к 1922 г. сократилось до 663 тыс. человек (Бюллетень... 1923. С. 22). Из этого числа следует вычесть численность населения Хасавюртовского округа и г. Хасавюрт (более 55 тыс. человек), которые не входили в состав Дагестанской области. Таким образом, уменьшение населения Дагестана в 1917–1922 гг. в сопоставимых границах составило около 20%.

Ликвидация хозяйственной разрухи, вызванной гражданской войной, и восстановление экономики Дагестана в 20-е годы XX в. диктовали потребность в кадровых работниках. Из РСФСР и других республик на восстановление, реконструкцию и строительство новых заводов и фабрик, рыбных промыслов, предприятий стекольной, химической промышленности, железнодорожного транспорта, были приглашены тысячи специалистов, рабочих. Результаты этих перемещений, численность и этнический состав населения этого периода отражены в материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. (см. табл. 2). Они свидетельствуют о полиэтничности населения края (переписью зафиксированы на территории республики представители более 80 национальностей) и о больших различиях в численности отдельных этносов.

ИЗМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРАНИЦ ДАГЕСТАНА
(1860–2000 гг.)

1 – образование Дагестанской области в 1860 г.; 2 – территория, присоединенная в 1861 г.; 3 – район, отделенный от Дагестанской области в 1896 г.; 4 – территория, присоединенная в 1920 г.; 5 – территория присоединенная в 1922 г.; 6 – территория, присоединенная в 1923 г.; 7 – районы, отделенные от Дагестанской АССР в 1938 г.; 8 – территория, присоединенная к Дагестанской АССР в 1944 г.; 9 – территория, вновь присоединенная в 1957 г.; 10 – район, отделенный от Дагестанской АССР в 1957 г.

Интересны сведения о малочисленных народах Дагестана, так как это была первая перепись, зафиксировавшая их численность (за исключением гинухцев, которых отнесли к цезам). По данным переписи населения 1926 г., в республике насчитывалось (в тыс. человек): андийцев – 7,7, каратинцев – 5,3, тиндалов – 3,8, ахвахцев – 3,7, ботлихцев – 3,4, чамалалов – 3,4, цезов – 3,3, багулалов – 3,1, бежтинцев – 1,5, годоберинов – 1,4, хваршинов – 1,0, гунзибцев – 0,1, арчинцев – 0,9, кайтагцев – 14,4, кубачинцев – 2,4 (Всесоюзная перепись... 1928. С. 343).

Другой особенностью этнодемографической ситуации в крае того периода была по-прежнему малая доля горожан-дагестанцев. Они составляли лишь 15,2% всего городского населения республики, при этом более половины их приходилось на долю кумыков.

В материалах переписи 1926 г. нашло отражение и имевшее в то время переселенческое движение (с гор на равнину), которое до революции носило стихийный, а с 1924 г. организованный, а позднее и принудительный характер. По переписи 1926 г., во всех равнинных округах насчитывалось 2,5 тыс. горцев: аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы и др. (или 2% населения равнины).

За 1926–1939 гг. численность населения республики увеличивается на 37,5%. Столь быстрый прирост обусловлен двумя факторами. За счет, во-первых, естественного прироста, который возрос с 4,6 до 20,2%, во-вторых, притока в республику русских, украинцев, евреев, татар, армян, немцев и представителей других народов, приезжавших сюда по приглашению как специалисты и по собственной инициативе. В 1933–1937 гг. численность населения республики увеличилась на 160 тыс. человек (или 16,3%). Из них на естественный прирост приходилось 120 тыс., остальные – это результат миграции, при этом 78% мигрантов составляли русские и украинцы, а также армяне (ГАРД. Ф. р-260. Оп. 10. Д. 33. Л. 3).

Мигранты заселяли главным образом города. Число дагестанцев, переселившихся из селений в города в 1931–1937 гг., увеличилось с 20 до 147 тыс., т.е. в 7,3 раза; при этом число аварцев, даргинцев и лезгин увеличилось соответственно в 14, в 8 и в 6 раз (Там же).

Результаты изменений, происшедших в 1926–1939 гг. в численности и этнической структуре населения, нашли отражение в материалах переписи населения 1939 г. (см. табл. 2). Резкое уменьшение числа народов, которое зафиксировано в итогах переписи (где отсутствуют сведения о 19 народах Дагестана) следует объяснить стремлением руководящих деятелей республики искусственно ускорить стихийные процессы консолидации. Включение малочисленных народов в состав более крупных в Дагестане происходило в контексте общесоюзных политических установок того периода, ориентированных на форсированное слияние наций и народов в СССР (Брук, 1967. С. 6; Крюков, 1989. С. 29).

В результате 14 малочисленных народов (13 андо-цезских и арчинцы) были включены в состав аварцев, а кайтагцы и кубачинцы – в состав даргинцев. В материалах переписи 1939 г. и во всех последующих эти народы не выделяются, они показаны в составе соответственно аварцев и даргинцев. Некоторые “исчезнувшие” в материалах переписи 1939 г. народы (рутульцы, агулы и цахуры) вновь появляются как самостоятельные этнические единицы в переписи 1959 г. и во всех последующих.

На 1 января 1941 г., т.е. за шесть месяцев до начала войны, в Дагестанской АССР (в границах тех лет) проживало 967,8 тыс. человек: 747,6 тыс. – в сельской местности и 220,2 тыс. – в городах, в том числе в Махачкале 95,8 тыс. человек (ГАРД. Ф. р-22. Оп. 39. Д. 36. Л. 7). Великая Отечественная война негативно отразилась на демографическом развитии, в частности, на естественном

росте населения Дагестана. Мобилизация около 160 тыс. мужчин в армию привела к нарушению семейных связей и сильному снижению рождаемости.

Вместе с тем численность населения Дагестана за годы войны, несмотря на большие людские потери на фронте (около 90 тыс. человек) и в тылу, росла за счет притока эвакуированного в основном из прифронтовых районов населения; в 1945 г. в республике насчитывалось 1057,3 тыс. человек, а к концу 1947 г. из-за отъезда беженцев население уменьшилось более чем на 300 тыс. (Там же. Д. 47. Л. 4).

В послевоенные годы рождаемость стала постепенно возрастать, однако только в 1956 г. среднегодовая численность родившихся едва достигла уровня 1940 г. Переход на мирное развитие, а также различные санитарно-медицинские мероприятия снизили показатели смертности в республике к 1948–1950 гг. до 8–10‰ (Там же. Д. 5. Л. 22).

Во время войны в республике происходили значительные передвижения населения, в частности, отток населения из сельской местности. Это результат организованного переселения, мобилизационных мероприятий, принудительной миграции и т.д. В октябре 1941 г., в соответствии с решением ГКО СССР, из Дагестана были переселены в Казахстан 7,3 тыс. немцев (*Османов А.И.*, 2000. С. 179), предки которых еще в XIX в. поселились в качестве колонистов в Хасавюртовском округе. 23 февраля 1944 г. все чеченцы и ингуши, проживавшие в Чечено-Ингушской АССР и на прилегавших к ней территориях, в том числе в Дагестанской АССР (Ауховский, Хасавюртовский районы и г. Хасавюрт), были выселены в Казахстан и Киргизию. Всего из Дагестана оказалось депортировано около 37 тыс. чеченцев (ГАРД. Ф. п.-1. Оп. 2. Д. 1013. Л. 42). 7 марта 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР “О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории” в состав Дагестанской АССР были включены шесть районов бывшей Чечено-Ингушетии (Там же. Ф. р-352. Оп. 15. Д. 1. Л. 5), в которые в марте–апреле 1944 г. принудительно были переселены жители 224 селений (из них 114 – полностью и 110 – частично) из 21 высокогорного района Дагестана с населением в 62 тыс. человек, что составляло 17% от общей численности населения горной зоны республики (Там же. Ф. р-411. Оп. 3. Д. 1. Л. 93); туда же были переселены более 3 тыс. дагестанцев, живших на территории Грузии.

Из общего числа переселенцев около 55 тыс. оказались в районах, присоединенных к Дагестану, более 10 тыс. человек поселились в предгорных и равнинных районах внутри прежних границ Дагестана. Внутри республики в бывший Ауховский (переименованный затем в Новолакский) р-н переселились только лакцы из Кулинского и Лакского районов (около 7 тыс. человек), а в два населенных пункта Ауховского р-на, переданных в состав Казбековского р-на, переселили из названного района около 3 тыс. аварцев. Кроме того, около 3 тыс. кумыков из селений Альбурикент, Кяхулай и Тарки были поселены в трех чеченских селениях, расположенных в Хасавюртовском р-не (Там же. Д. 67. Л. 51; Ф. р-168. Оп. 29. Д. 29. Л. 200). Таким образом, миграционные процессы коснулись более 100 тыс. человек: свыше 7 тыс. дагестанских немцев, 37 тыс. чеченцев-аккинцев и 70 тыс. аварцев, даргинцев, лакцев и кумыков.

В 1957 г. была восстановлена Чечено-Ингушская АССР и ей были возвращены присоединенные в 1944 г. к Дагестанской АССР шесть районов. Дагестанское население этих районов (около 60 тыс.) было переселено частью в Ботлихский, Цумадинский и другие горные районы, а более половины – в Хасавюртовский, Кизилюртовский, Бабаюртовский, Каякентский и прочие равнинные районы Дагестанской АССР, где создавались новые переселенческие села.

Вместе с тем жители многих небольших кумыкских и ногайских селений и хуторов были переселены в более крупные, чтобы освободить территорию для строительства переселенческих пунктов для горцев (*Ибрагимов*, 1991. С. 116).

Чеченцам, возвратившимся из мест спецпоселения, разрешили селиться в Дагестане, но не в Новолакском (бывшем Ауховском) р-не, так как в нем оставались жить лакцы и аварцы. Чеченцы были размещены на лучших поливных землях в основном в черте г. Хасавюрт, а также в Хасавюртовском и Бабаюртовском районах (Нурадилово, Новосельское, Борагангечув); лишь незначительной части их удалось поселиться в своих прежних селениях в Казбековском и Новолакском районах (*Ибрагимов*, 1993. С. 66). Часть переселенцев (аварцы, даргинцы и чеченцы) была подселена в существующие кумыкские (Аксай, Костек, Муцалаул, Ботаюрт, Новокаякент и др.) и русские селения (Нечаевка, Покровское, Могилевское и др.). Равнинные районы из этнически относительно однородных постепенно превращались в этнически смешанные, с чересполосным расселением народов (*Традиционное...*, 1988. С. 27). Переселенческие мероприятия того времени проводились совершенно без учета культурных, демографических и экологических последствий для местного населения. Экономический подход к этим проблемам превалировал над всеми остальными.

Этнодемографическая ситуация, сложившаяся в крае на рубеже 1950–1960-х годов, нашла отражение в материалах Всесоюзной переписи населения 1959 г. Существенно выросла численность русских; они вновь, как и накануне войны, стали второй по численности этнической общностью в Дагестане, составив пятую часть всего населения. В значительной степени это обусловлено тем, что в послевоенные годы в связи с интенсивным промышленным развитием и нехваткой квалифицированных кадров в республику по приглашению прибыло большое количество рабочих и специалистов, представителей различных национальностей, в основном русских. В составе населения республики появляется новая этническая единица – корейцы (3,6 тыс. человек), прибывшие сюда из восточных районов страны. К концу 1950-х годов довоенная численность населения Дагестанской АССР была восстановлена.

На рубеже 1950–1960-х годов наблюдается самая высокая рождаемость (40–43‰) и самый высокий естественный прирост населения (до 33–36‰); затем в середине 1960-х годов начинается постепенное сокращение рождаемости, что вызвано, видимо, демографическими последствиями войн (вступлением в брачный возраст людей, рожденных в годы войны) и изменением уровня социально-экономического и культурного развития: усилением процессов урбанизации в республике, более широким вовлечением женщин в общественное производство, ростом уровня образования и культуры, некоторым повышением возраста вступления в брак и другими причинами.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов значительная часть населения ряда аварских, лакских, даргинских и лезгинских высокогорных (отдаленных и труднодоступных) небольших селений в основном вынужденно, а частью добровольно, переселились на кутаны (кутанные хозяйства) своих колхозов и совхозов, расположенных в равнинных районах республики (Бабаюртовский, Хасавюртовский, Дербентский, Магарамкентский и др.), однако большая часть их поселилась в городах (Махачкала, Каспийск, Кизилюрт, Дербент и др.) (*Ибрагимов*, 1991. С. 117).

Изменения, происшедшие в этнической структуре населения Дагестана в результате указанных выше факторов, нашли отражение в материалах Всесоюзной переписи населения 1970 г. Сопоставление данных переписей 1959 и 1970 гг. показывает, что численность населения Дагестана увеличилась на

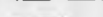

РАССЕЛЕНИЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА в конце XIX – начале XX века

НАРОДЫ

- 1 – Аварцы
- 2 – Андийцы
- 3 – Каратинцы
- 4 – Тидинцы
- 5 – Ахвацы
- 6 – Чамалалы
- 7 – Багулалы
- 8 – Ботлихцы
- 9 – Годоберянцы
- 10 – Дидойцы
- 11 – Бежтинцы
- 12 – Хваршинцы
- 13 – Арчинцы
- 14 – Даргинцы
- 15 – Кайтаги
- 16 – Кубачинцы
- 17 – Лакцы
- 18 – Лезгинцы
- 19 – Табасаранцы
- 20 – Рутульцы
- 21 – Агулы
- 22 – Цахуры
- 23 – Чеченцы
- 24 – Кумыки
- 25 – Ногайцы
- 26 – Азербайджанцы
- 27 – Русские, украинцы
- 28 – Таты и горские евреи
- 29 – Армяне

ГРАНИЦЫ

- союзных республик
- АССР и краев
- районов
- этнические

34,4%, а среднегодовой прирост достиг 3,13% – это самый высокий показатель в республике за последние 133 года, что было обусловлено высоким естественным приростом и положительным сальдо миграции.

Материалами переписи 1970 г. зафиксировано абсолютное уменьшение численности русских, украинцев, татар и особенно корейцев, которое объясняется, с одной стороны, оттоком их за пределы Дагестана, с другой – их низким естественным приростом.

Еще одна особенность данных переписи 1970 г. – необычно высокий прирост (в 2–3 раза) чеченцев, европейских евреев и татов. Число первых увеличилось в результате не только высокого естественного, но и механического прироста; число вторых выросло в основном за счет притока их в республику, а число татов увеличилось в итоге этнической переориентации: наши материалы свидетельствуют, что значительная часть горских евреев со временем, основываясь на общности языка, стали называть себя татами (см. статью “Горские евреи” данного издания).

В 1970–1979 гг. численность населения Дагестана увеличилась на 14%, при этом прослеживались заметные различия в динамике численности различных этнических общностей края. Наибольший прирост отмечался у табасаранов, агулов и рутульцев, несколько меньший – у аварцев, лезгин, кумыков и даргинцев, а замыкали этот ряд лакцы, ногайцы и цахуры. Постепенный отток последних в Азербайджан, где проживает две трети всех цахуров, ограничил возможность ощутимого увеличения их численности в республике, хотя им так же как и другим народам южной части Дагестана, присущ высокий естественный прирост. По темпам естественного прироста к дагестанцам близки чеченцы и азербайджанцы. Число русских, украинцев, армян, татар и других народов, как и в предыдущее десятилетие, продолжало уменьшаться из-за оттока за пределы республики. Существенно (в 2,5 раза) уменьшилось число горских евреев, которые вновь частично записались татами, либо выехали за пределы Дагестана. Материалы переписи населения 1979 г. показывают, что именно в этот период характерной чертой этнической структуры городского населения Дагестана наряду с полиэтничностью становится возрастание доли представителей дагестанских национальностей в городах до 60%, происходившее за счет постоянного притока их в города (см. табл. 3) (Численность... 1980. С. 16).

Десятилетие между переписями 1979 и 1989 гг. отмечено уменьшением общего прироста населения республики (до 10,7‰). Это связано не только со снижением рождаемости (до 27,4‰, 1989 г.) и уменьшением естественного прироста (до 21,0‰) (Социально-демографическая... 1992. С. 3), но и с интенсивностью внешней миграции населения, которая к 1988 г. достигла максимальных величин (–26,4‰) и более чем в 3 раза превышала среднероссийский уровень. Высокий уровень миграции из Дагестана был вызван проблемой трудоустройства и безработицы. Поэтому большое число дагестанцев (от 40 до 60 тыс.) ежегодно вынуждены были выезжать на сезонные работы в центральную и восточную части РСФСР и республики Средней Азии. Часть из них не возвращалась; в 1979–1988 гг. республику покинули более 180 тыс. человек (Численность... 1991. С. 5).

Отметим, что за более чем полвека в равнинных районах появилось около десятка новых для этой территории относительно крупных этнических массива: аварцы, даргинцы, лезгины, табасараны, лакцы и представители других горских народов, которых вместе к 1995 г. насчитывалось свыше 740 тыс. человек или более половины (54,5%), всего населения равнины (Основные... 1995. С. 3).

Таким образом, с 20-х по 80-е годы XX в. происходит превращение этнически относительно однородных районов в этнически смешанные (Бабаюртов-

Таблица 3. Динамика численности населения городов Дагестана,
(1866–2000 гг., в тыс. человек)

Города	Дата образования	1866 г.	1886 г.	1897 г.	1917 г.	1926 г.	1939 г.
Махачкала (б. Порт-Петровск)	1857 г.	2,2	2,3	9,8	23,6	32,0	86,8
Буйнакск (б. Темир-Хан-Шура)	1866 г.	2,1	2,6	9,2	15,3	10,9	22,1
Дагестанские Огни	1991 г.	–	–	–	–	0,1	4,3
Дербент	438 г.	11,7	15,3	14,6	31,1	23,1	34,1
Избербаш	1949 г.	–	–	–	–	0,1	5,2
Каспийск	1947 г.	–	–	–	–	–	18,9
Кизилюрт	1963 г.	–	–	–	–	0,1	–
Кизляр	1735 г.	9,0	–	7,3	16,2	9,5	20,7
Хасавюрт	1931 г.	0,8	1,7	5,3	9,1	6,9	23,4
Южно- Сухокумск	1988 г.	–	–	–	–	–	–

Города	Дата образования	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2000 г.
Махачкала (б. Порт-Петровск)	1857 г.	118,6	188,5	272,9	343,6	381,5
Буйнакск (б. Темир-Хан-Шура)	1866 г.	32,5	40,2	45,1	56,7	56,5
Дагестанские Огни	1991 г.	6,7	10,6	17,6	21,6	25,6
Дербент	438 г.	46,2	56,0	67,4	77,8	93,1
Избербаш	1949 г.	11,4	17,0	23,2	29,2	37,8
Каспийск	1947 г.	25,2	39,2	48,9	60,0	69,4
Кизилюрт	1963 г.	6,6	12,7	28,5	40,3	41,4
Кизляр	1735 г.	25,7	29,0	33,1	41,6	48,9
Хасавюрт	1931 г.	37,3	54,0	65,0	70,1	86,2
Южно- Сухокумск	1988 г.	0,2	8,1	10,4	12,2	9,5

Источники: те же, что и в табл. 1.

ский, Хасавюртовский, Кизилюртовский, Каякентский и Дербентский районы), каждый из которых включает представителей около 20 этносов. Эта полиэтничность – одна из характерных особенностей современного расселения народов в равнинном Дагестане.

За последние 10 лет (1989–1999 гг.) численность населения Дагестана увеличилась на 19,2%, а среднегодовой прирост составил 1,92%, что свидетельствует о более высоком приросте, чем в предшествующий период. Около 93% общего прироста приходится на долю естественного, остальные – за счет мигра-

ционного сальдо, при этом до 1990 г., как и весь предыдущий период, из республики убывало населения больше, чем прибывало, с 1990 г. число прибывающих превалировало над числом отъезжающих, особенно в конце 1994 – начале 1995 г., когда сюда хлынул поток беженцев и вынужденных переселенцев из-за войны в Чечне (более 153 тыс. человек, из которых к концу 2000 г. оставалось около 5 тыс.). Война в Чечне, транспортная и энергетическая блокады Дагестана, потоки беженцев, похищения людей и особенно августовско-сентябрьские события 1999 г., когда было осуществлено вторжение в республику вооруженных формирований из Чечни под лозунгами возрождения исламской государственности в крае, оказали негативное влияние на демографические процессы в Дагестане.

С 1996 г. сальдо миграции вновь приобрело отрицательные величины. Дагестан традиционно относится к трудоизбыточным регионам, где проблема занятости населения всегда стояла остро: ныне здесь более 50 тыс. зарегистрированных безработных (5,1% экономически активного населения на 1995 г.); на одно свободное рабочее место претендуют 30 безработных (по РФ – 3), а по сельской местности – до 100. Это связано с низким уровнем экономического развития республики: производственный потенциал в расчете на одного жителя здесь в 3,7 раза ниже, чем в среднем по России и в 2,2 раза ниже, чем на Северном Кавказе. Высокий уровень безработицы, снижение уровня жизни на фоне криминогенной ситуации, война в Чечне и августовско-сентябрьские события 1999 г. в Дагестане подталкивают часть населения к выезду из республики в другие районы России и за ее пределы. Миграционными настроениями охвачено в основном русское, украинское, еврейское, армянское и татарское население: в 1990–1999 гг. из республики безвозвратно выехало около 49 тыс. граждан недагестанских национальностей, в том числе более 39 тыс. русских и около 10 тыс. украинцев, евреев, армян, татар. В страны дальнего зарубежья в 1990–1999 гг. из Дагестана выехало около 12 тыс. человек; в основном это горские евреи, которые мигрируют в Израиль (Миграция... 2000. С. 29, 36).

Учитывая остроту этих вопросов, в Дагестане образованы специальная комиссия по проблемам русскоязычного населения и государственный орган – Координационный совет Северного региона Республики Дагестан, который пытается предотвратить отток и стабилизировать миграционные процессы среди русскоязычного населения.

За последние 10 лет из числа прибывавших в республику более трех четвертей приходится на долю дагестанцев, возвращающихся на родину из пределов бывшего СССР и РСФСР; в результате миграционного прироста их число увеличилось на 60 тыс. человек, в том числе на 23 тыс. даргинцев, 18 тыс. лезгин, 9,5 тыс. аварцев, 4 тыс. кумыков, 3,4 тыс. лакцев, около 2 тыс. табасаранцев (Миграция... 2000. С. 30).

Показатели естественного прироста населения Дагестана пока еще относительно благополучны: ежегодно рождается до 39–40 тыс., умирает 15–16 тыс. человек; естественный прирост составляет 24–25 тыс. человек. Коэффициенты рождаемости в Дагестане (17,9‰ в 1999 г.) в 1,5 раза выше, чем в среднем по Северо-Кавказскому региону (12,0) и в 2 раза выше, чем в РФ (8,3), смертность (7,5‰) в 1,8 раза ниже, чем в республиках Северного Кавказа (13,6), и в 2 раза ниже, чем в РФ (14,7). Поэтому, коэффициент естественного прироста (10,4‰) – один из самых высоких в России (Демографический... 2000. С. 33).

Снижение естественного прироста населения в Дагестане взаимосвязано с уменьшением брачности; в настоящее время ежегодно заключается 12–13 тыс. браков, а коэффициент брачности составляет около 6,0‰, что в 2 раза ниже,

чем в 1959 г. когда этот показатель достигал максимума – 13,6‰; в республике ежегодно фиксируется примерно 2,5 тыс. разводов, а коэффициент разводимости составляет 1,2‰, что почти в 4 раза меньше, чем в среднем по РФ (4,5‰) (Демографический... 2000. С. 53). Эти данные свидетельствуют об относительной прочности браков в Дагестане, особенно в сельской местности.

Все большее распространение в Дагестане получают малые нуклеарные семьи (средний размер семьи – 4,3; в РФ – 3,23 в 1989 г.). Половозрастная структура населения Дагестана относительно стабильна – мужчины составляют 48%, женщины – 52% населения. Доля детей в возрасте до 15 лет постепенно сокращается из-за падения рождаемости и составляет 32,6%; растет доля лиц трудоспособного возраста (54,3%) и более старшего возраста (13,1%). Снижается и ожидаемая продолжительность жизни: 70,6 (в 1995 г.) и 70,1 лет (в 1999 г.); растет средний возраст населения республики: он составляет 28,8 лет (27,0 – мужчины, 30,2 – женщины), т.е. наметилась тенденция старения населения Дагестана (Демографический... 2000. С. 48).

Исходя из характеристики тенденции воспроизводства населения и миграций, сложившихся в Дагестане к настоящему времени и их возможного изменения в будущем, можно сделать прогноз: относительно высокий естественный прирост населения, несмотря на миграционный отток, обусловит рост численности населения в Республике Дагестан и к 2010 г. составит, по оптимистическому варианту, около 2490 тыс. человек, а по пессимистическому (более реальному) – 2245 тыс. Изменения произойдут в возрастно-половой структуре населения: численность и доля детей будет уменьшаться до 29,0‰, а лиц трудоспособного возраста увеличиваться до 58,7‰; численность лиц старше трудоспособного возраста незначительно возрастет, а доля их сократится до 12,3‰. Ожидаемая продолжительность жизни к 2010 г. незначительно возрастет и составит для мужчин 66,4, а для женщин 76,8 лет (Прогноз... 1997. С. 2–5).

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

На формирование хозяйственной деятельности существенное влияние оказывает комплекс региональных реалий: экологическая ниша (географическое расположение, климат, флора, фауна), культура, этнос. Особенности природно-географических условий Дагестана, определившие характер сельскохозяйственных угодий, видовую и количественную обеспеченность населения ими, придали хозяйству дагестанцев ряд своеобразных черт и признаков. Одна из этих особенностей, обусловленная малоземельем, – большая роль сельской общины как органа производственной кооперации, объединявшего в единый функционально согласованный хозяйственный организм всю совокупность объектов хозяйственного назначения (угодья, ирригационная система, севооборот, система сельского выпаса), весь комплекс многоотраслевого хозяйства.

Чрезвычайное многообразие природных условий Дагестана обусловило соответствующее многообразие хозяйственных форм, характеризующихся локальными традиционно-культурными чертами. Взаимозависимость экологии и хозяйства определила образование природно-хозяйственных зон (ареалов), форм хозяйствования, которые предопределялись специфическими особенностями природно-географических зон (ландшафт, достаток удобных пахотных земель, характер угодий, климат, осадки, возможности орошения и т.п.).

В XIX – начале XX в. хозяйство народов Дагестана развивалось в русле тенденций и традиций, наметившихся в XV–XVI вв. Равнина и нижнее предгорье, имевшие благоприятные условия для развития земледелия, освободившись от кочевнического присутствия и давления, стали ареалом масштабного земледелия. Соответственно горная часть, рассчитывая на равнинный хлеб и другие продукты земледелия, была ориентирована на иные отрасли (скотоводство, промыслы, отходничество, долинное садоводство), которые давали продукцию и средства для обмена на зерно с равнины, ставшей общедагестанской житницей. Зональные различия в экологии, хозяйстве, основных компонентах культуры, особенно материальной, послужили основой для сложения нескольких хозяйственно-культурных ареалов: равнинно-нижнепредгорного – оседлых пашенных земледельцев и стационарных скотоводов (отрасли симбиозны, земледелие – ведущее); горного (среднегорного) – оседлых пашенных земледельцев и отгонных скотоводов (отрасли менее симбиозны, ведущая роль земледелия незначительна); высокогорного – отгонных и подвижных, но оседлых, скотоводов и пашенных земледельцев (отрасли не симбиозны, ведущее – скотоводство).

Можно привести основные параметры хозяйственно-культурных особенностей зональных ареалов. **Равнинный** – масштабное земледелие, передковый плуг, переложная система земледелия, отсутствие удобрения почвы, развитое орошение, пшеница – преобладающая культура, рисосеяние, мареноводство, стационарное скотоводство с преобладанием выгонно-стойлового типа, большой удельный вес буйволов в стаде (признак развитого орошения), коса, преобладание мужского труда в сельском хозяйстве, слабое развитие промыслов и особенно отходничества, преобладание печеных хлебных изделий и подовых хлебопекарных устройств, преобладание колесного транспорта, свободная планировка поселения и усадьбы, значительный удельный вес плетня и турлука в строительстве.

Горный – земледелие в этом ареале – всеобщее занятие и сильная традиция, но маломасштабная и не главная отрасль хозяйства, его отличительная особенность – террасное земледелие (террасы – пойменные, укрепленные, откосные), решавшее многие насущные задачи: увеличение площади пахотных угодий, поднятие плодородия, улучшение усвоения солнечной радиации и удобрений, результативности орошения; другие параметры данного хозяйственного ареала – горное рало, отсутствие бороны, паровая плодосменная система земледелия, развитое удобрение почв, незначительное, но традиционное орошение, преобладание среди зерновых культур – ячменя и ржи, среди мучных изделий – вареных (хинкал), среди форм скотоводства – отгонных; преобладание женского труда в хозяйстве и быту, наличие вьючного транспорта (осел), сильное развитие промыслов и отходничества, кучевая планировка поселения, вертикальная тесная планировка каменного жилища.

Высокогорный по ряду параметров подобен среднегорному, однако во многом и специфичен; главные его особенности – первенство скотоводства, большей частью подвижного (со скотом передвигается и часть населения) и внутриальпийского; склоновое, а не террасное земледелие, большой удельный вес продуктов животноводства, в мучных изделиях преобладание пресного хлеба и толокна, открытые неподовые хлебопекарные устройства; большой удельный вес отходничества, преобладание вьючного транспорта (лошадь) и ручных перевозок, более выраженная многоэтажность жилища, распространенность шерстяной обуви (Османов М.О., 1996. С. 243–246).

Хотя в XIX в. скотоводство было достаточно развитой и товарной отраслью, главным хозяйственным занятием являлось земледелие, которым, по словам русского наблюдателя середины XIX в. Н. Абельдяева, “занимаются все без исключения” (Абельдяев, 1857. С. 25). Поэтому и разведение крупного рогатого скота, связанного с земледелием, было более распространенным, в то время как овцеводство являлось промыслом, и до 70% хозяйств овец не имели. Чем больше развивалось хозяйство и росли его масштабы, тем сильнее упрочивалась специализация равнины на товарном земледелии и горной части на товарном овцеводстве. Поэтому на равнине преобладали стационарные формы скотоводства (связь с земледелием), а в горах – отгонные и подвижные из-за большей приспособленности овец к отгону и из-за нехватки постоянной кормовой базы. Все более товарный характер приобретало и горно-долинное садоводство, главными культурами которого были абрикосы, груши, яблоки, персики. В полевом земледелии преобладали следующие культуры: пшеница, кукуруза, рис, просо, конопля, хлопок (на равнине), ячмень, рожь, бобовые, лен-кудряш, картофель, свекла, морковь (в го-

Рис. 4. Террасы с подпорными стенками. (Здесь и далее в очерке “Хозяйство” фото из личного архива Османова М.О.)

Рис. 5. Откосные террасы

рах). В горах в районах недостаточной увлажненности для восстановления плодородия почвы применяли многократное (до 7 раз) вспахивание.

Орошение развивалось не только на равнине, но и в горных долинах; долинные оросительные искусно сделанные системы вызывали удивление и восхищение наблюдателей. Главными орудиями сеноуборки были коса (на равнине) и серп, косовидный серп (в горах). Обмолот хлеба производился везде с помощью молотильных досок в бычьей упряжке, а помол – на имевшихся повсюду водяных мельницах с горизонтальной турбиной.

Безземелье, маломощность основных отраслей хозяйства, резко выраженное несовпадение рабочего периода с периодом производства, налаженные обменные связи с более богатой равниной и соседними областями способствовали широкому развитию промыслов и отходничества, особенно в горном Дагестане.

Промыслы и отходничество имели зональный характер, который был обусловлен разной степенью экономического благополучия зон, достатка земли и скота, масштабности и мощности хозяйств. На равнине промыслы имели преимущественно потребительский характер, отходничества не было (до проникновения капиталистических отношений). В предгорье промыслов имелось больше, именно здесь сосредоточены главные центры ковроткачества (в Лезгинистане и Табасаране Касумкент, Орта-Стал, Магарамкент, Гильяр, Кандик, Аркит, Ляхле, Хучни), производства орудий труда и утвари из дерева (Кайтаг, Табасаран), льняных тканей и др. В горной части промыслы получили наибольшее развитие, особенно обработка шерсти и металла. Из шерстяных изделий повсеместно производилось сукно – особенно славилось каратинское и хаджамалхинское. Довольно массовым было производство ковров (Микрах, Кара-Кюре, Ахты, Курах, Рутул), шерстяных носков и обуви (Ахты, Кубачи, общество Дидо и др.), бурок (Анди, Ансалта, Рахата, Гагатль и др.).

Рис. 6. Склоновые поля высокогорья

В металлообработке преобладало производство орудий (Харбук, Тлях, Куяда и др.), оружия (Кубачи, Амузги, Кумух, Икра, Аракань, Гимры, и др.). В Дагестане занимались обработкой дерева (Унцукуль, Усиша, общества Гидатль, Дидо), производством кож (Корода, Тебек-махи, Салта и др.), обуви, гончарных изделий (Балхар, Джули, Сулевкент), обработкой камня (Ругуджа, Сутбук, Улуая) и др.

Отдельные селения с развитыми промыслами фактически превратились в центры ремесла и торговли: в первую очередь это селения Кубачи, Кумух, Гочатль, Унцукуль, Балхар, Амузги, Сулевкент, Харбук, Анди и др.

Отходничество было наиболее развито в высокогорье, а с усилением развития капиталистических отношений к концу XIX в. оно стало повсеместным. Отход был земледельческим, скотоводческим, садово-виноградарским, ремесленным, нередко отходники выступали в качестве поденных слуг и т.д. С конца XIX в. растут масштабы отхода на рыбные и нефтяные промыслы, в города Баку, Дербент, Грозный, Кизляр, на железную дорогу.

Специфичность природно-экономических зон способствовала естественному развитию обменных связей. Главный товар равнины – зерно шло в горы и на север, в города и русские гарнизоны (в 1913 г. со станции Хасавюрт было отправлено более 1 млн пудов хлеба). Отсюда вывозили также рабочий крупный рогатый скот, соль, виноград, рыбу, нефть, шелк-сырец, марену и др. Ввозили на равнину лес, животноводческую продукцию (мясо, сыр), мелкий рогатый скот, овчины, орудия и утварь из дерева, оружие, металлические и ювелирные изделия.

Из предгорья вывозили в равнинные и горные селения скот, лес и лесоматериалы, утварь и орудия из дерева, ковры, льняные ткани, лесные ягоды и фрукты. Ввозили зерно, соль, сукно, оружие, железные сельскохозяйственные

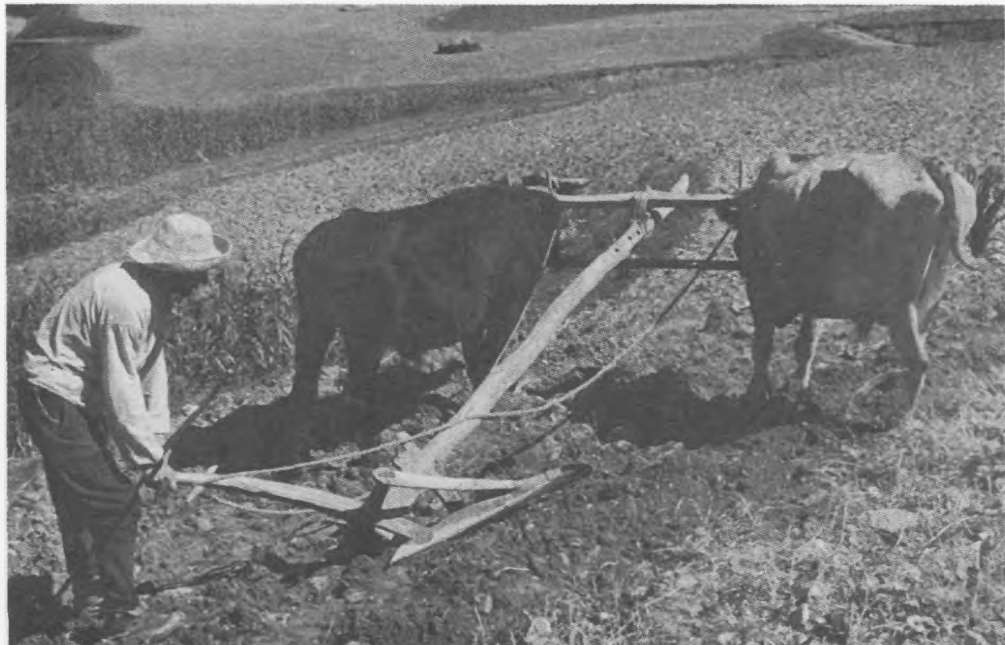

Рис. 7. Вспашка поля сохой “дурац” в селении Цугни. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1950 г.)

орудия, гончарные изделия, украшения. Много товаров вывозилось из горной части: скот, шерсть, овчины, сыр, масло, орудия труда и утварь из металла, оружие, украшения, сукно, гончарная посуда и др. Главный предмет ввоза – хлеб, а также соль, фрукты, орудия и утварь из дерева, лес, шелк и др.

На базе обмена сложились зональные рынки, составлявшие взаимовписанные обменно-торговые круги, охватывающие экономику и население нескольких зон. Известны своими базарами-ярмарками крупные торговые центры: Кумух, Акуша, Цудахар, Улуая, Хунзах, Унцукуль, Тарки, Эндирей, Нижний Дженгутай, Гергебиль, Чох, Кубачи, Касумкент, Ахты, Курах и др. (Современная культура... 1971. С. 12–18, 23–25, 27–30).

С началом установления в Дагестане капиталистических отношений аграрное производство стало теснее связываться с рынком. В еще большей степени это касается животноводства: если в 1900 г. товарная продукция животноводства составила 602,6 тыс. руб., то в 1915 г. она увеличилась в 3,5 раза, до 2,2 млн руб. (Обзоры Дагестанской области за 1900 и 1915 гг.).

Земля как основное средство производства была сосредоточена в руках царской казны, крупных владельцев и мечетей (622 тыс. десятин, или 39,3%). Из них 445 011 десятин принадлежали частным владельцам, 167 212 – царской казне и 13 702 – мечетям (Кавказское хозяйство. 1918. С. 14–15). Преобладающая часть сельскохозяйственных угодий приходилась на равнину. Численность крестьянства с 540 595 человек в 1847 г. увеличилась до 645 853 в 1913 г. К 1920 г. крестьяне составляли 91,2% населения Дагестана (10 лет социалистического строительства, 1931. С. 7, 39).

Крестьянство по своему имущественному и социально-экономическому состоянию было неоднородным: в нем появляются социальные прослойки и группы, резко отличающиеся одна от другой. Преобладали мелкие натуральные хо-

Рис. 8. Молотьба на гумне в селении Урхучимахи. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1950 г.)

зяйства. С проникновением капиталистических отношений хозяйство горского крестьянина постепенно превращается в мелкотоварное.

К концу XIX – началу XX в., особенно после строительства железной дороги до Петровска (1894 г.) и до Баку (1899 г.), в Дагестане развивается промышленность: обрабатывающая (виноделие, фруктово-консервная, текстильная и др.), добывающая (рыба, нефть, соль, сера, ртуть и др.) и пр. В 1899 г. насчитывалось 44 промышленных предприятия (без рыбных промыслов), в 1905 г. – 54; продукцию рыбных промыслов Дагестана потребляли 40 млн жителей европейской части России (История Дагестана. Т. 2. 1968. С. 208; Щербина, 1927. С. 14–15).

С развитием промышленности и ростом экспорта из России происходят значительные изменения и в дагестанском межзональном обмене. Фабричные изделия, поступающие из центральной части России, вытесняют некоторые местные товары, развивается товарно-денежное обращение. Проникновение капиталистических отношений в экономику Дагестана все активнее вовлекает его в общероссийский рынок. Однако колониальная политика царизма сдерживала развитие промышленности в Дагестане; известные месторождения полезных ископаемых оставались почти не разработанными; 95% населения все еще было занято в сельском хозяйстве.

В начале XX в. наибольшего развития достигла нефтяная промышленность. Разведку и добычу нефти производили Англо-Петровское нефтяное общество, Англо-русское нефтяное общество братьев Нобель с участием иностранного капитала. С 1881 по 1913 г. дагестанские промыслы дали 86,9 тыс. т нефти. Однако после открытия месторождений нефти на Апшероне бурение скважин здесь было остановлено (Дагестанская промышленность... 1925. С. 194).

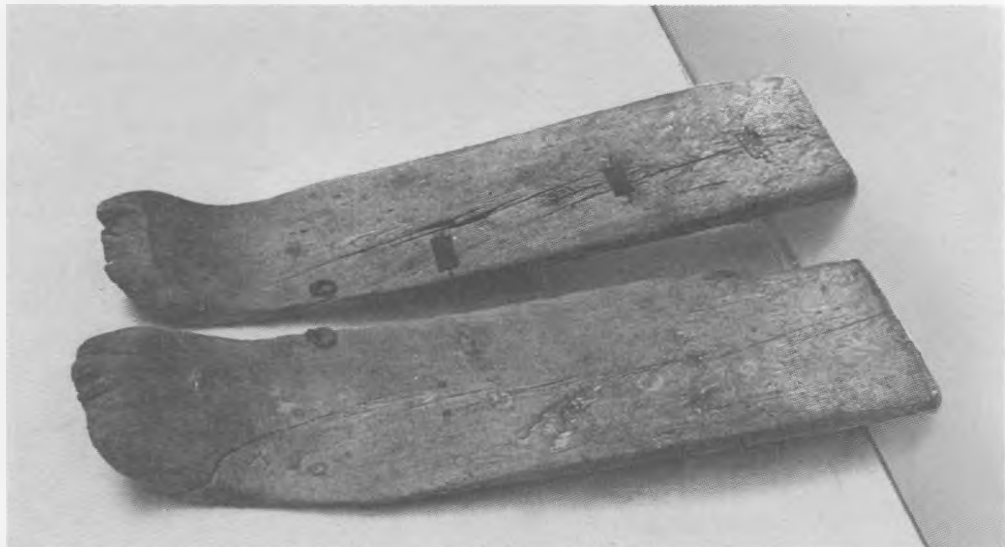

Рис. 9. Молотильные доски

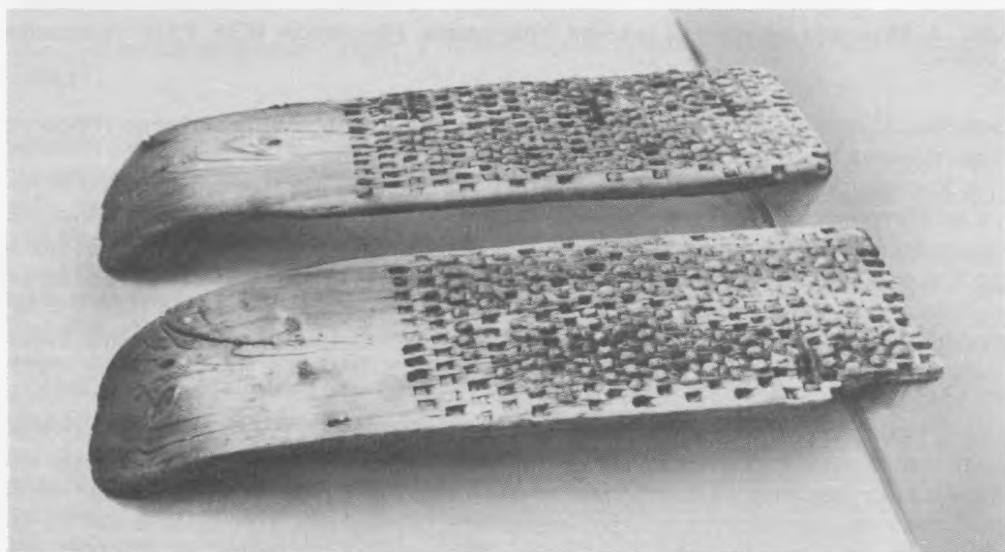

Рис. 10. Молотильные доски (рабочая сторона)

Разрабатывались Кхиутское месторождение серы (с 1877 по 1916 г. добыто 40 тыс. т руды и выплавлено 12 тыс. т серы), а также Могохское и Гийк-Салганское, шла добыча киновари (ртутная руда) в Южном Дагестане, горючих сланцев возле Гуниба, торфа на Хунзахском плато и в сел. Кази-Кумух (Там же. 1925. С. 227). До 1910 г. добывалась самосадочная соль озер (7,5–14,6 тыс. т). В связи с увеличением завоза в Дагестан дешевой соли морским и железнодорожным транспортом, во втором десятилетии XX в. добыча соли здесь постепенно прекратилась (Обзоры Дагестанской области за 1893–1911 гг.).

Одной из основных отраслей в начале XX столетия остается рыбная промышленность. К 1914 г. число селечных промыслов в Дагестане увеличилось до 68 с посольной емкостью до 1 млн ц (8030 чанов). В весеннюю путину на рыбных промыслах работало до 15–16 тыс. человек, в том числе 4,5 тыс. дагестанцев. Были построены предприятия по обслуживанию рыбных промыслов. Функционировали 14 бондарных заводов, холодильные предприятия (Дагестанская промышленность... 1925. С. 159). Определенную роль играли консервная и винодельческая промышленность, и та и другая наращивали свою материально-техническую базу. Количество консервных предприятий увеличилось с 18 в 1910 г. до 41 в 1915 г. Наиболее крупными были консервные заводы Х. Гаджиева, И. Алибекова, Г. Алескерова в Темир-Хан-Шуре, винокуренно-коньячный завод Дадашева в Дербенте. Консервная промышленность в 1915 г. производила свыше 11 млн условных банок (по 400 г) фруктовых и овощных консервов и пюре, что составляло 15% всей выработки консервной промышленности России. Консервированная продукция вывозилась в Москву, Варшаву, Киев, Одессу и другие промышленные центры.

К 1917 г. общее число промышленных предприятий в Дагестане достигло 134 (42 926 среднегодовых рабочих). Из них наиболее крупные: два нефтяных промысла, нефтеперегонный, газовый, гвоздильный, канатный, стекольный, кожевенный, пивоваренный заводы, два бондарных, два консервных, три спиртоконьячных завода, текстильная и табачная фабрика, две типографии, три мельницы и холодильник (*Щербина*, 1927. С. 14–15).

К 1916 г. закончилось строительство железнодорожной сети. Длина дагестанского отрезка Владикавказской железной дороги составила 207 верст. В 1915 г. завершилось строительство ветки от станции Шамхал до Темир-Хан-Шуры длиной в 38 верст.

Тем не менее за годы мировой и гражданской войн народное хозяйство Дагестана пришло в сильный упадок и разруху. В советское время началось восстановление хозяйства с последующим созданием предпосылок для его развития и подъема. Поскольку Дагестан был крестьянской страной, первые шаги предпринимались в сельском хозяйстве. Уже 23 августа 1920 г. земельный отдел Дагестанского революционного комитета издал “Положение об осуществлении декрета Российской Советской Федеративной Республики о социализации земли”.

Согласно “Положению”, земля объявлялась государственной собственностью. Это не касалось лишь земель, принадлежащих мечетям (вакуфные участки). В то же время в Дагестане сохранялось право купли, продажи и завещания крестьянских мюльков в горах. Первые аграрные преобразования позволили национализировать и передать крестьянству более 440 тыс. га помещичьей и государственной земли, освободили трудящихся крестьян от различных податей и арендных платежей (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1033. Л. 126).

В 1926 г. общая земельная площадь в Дагестане составляла 5815 тыс. га, из них удобной площади было 59,2%. Сельскохозяйственные угодья распределялись следующим образом: пастбища и выгоны составляли (тыс. га) 2557,4 (73,5%), пашня – 412,8 (12,8%), сады и виноградники – 16,5 (0,5%), сенокосы – 215,3 (6,1%), леса и кустарники – 240,0 (6,9%) (*Искендеров*, 1982. С. 15). Основная масса земельных угодий была сосредоточена в равнинной зоне, где проживало 191 300 жителей, т.е. 35% всего населения, в то время как в горных округах проживало 539 600 человек или 64,3% населения. Средняя землеобеспеченность составляла по горной зоне 1,04 га, на равнине – 14,7 га.

Большое значение для ослабления аграрной перенаселенности гор и сельскохозяйственного освоения земель в приморской низменности имело пересе-

Рис. 11. Высокогорные пастбища

ление сюда части населения малоземельных высокогорных районов. В конце 1920-х годов здесь были организованы 26 новых переселенческих поселков (1599 хозяйств), которым отводилось до 45 тыс. га земель (История Дагестана. Т. 3. 1968. С. 167).

Очень важной для Дагестана оставалась водная проблема. До революции орошалось примерно 240 тыс. десятин при общей протяженности ирригационной сети в 2300 км. Площадь орошаемых земель в 1925 г. составила 67 488 десятин (ГАРД. Ф. 127-р. Л. 59–65; Ф. 37-р. Л. 106, 111, 147). В дальнейшем были приняты энергичные меры для расширения орошаемого поля Дагестана. В 1921–1923 гг. строится канал от Сулака до Махачкалы протяженностью 78 верст.

Важную роль в восстановлении сельского хозяйства Дагестана сыграла земельно-водная реформа. С 1927 по 1932 г. в республике было орошено 40 100 га земель, осушено 14 500 га болот, защищено от наводнения 400 тыс. га земли. Для водоснабжения удалось соорудить 12 артезианских колодцев, 35 водопроводов.

В 1927–1931 гг. землеустройство было осуществлено на площади 2934 тыс. га (51% территории республики). Межселенным землеустройством было охвачено 1590,8 тыс. га (27,7%), внутриселенным – 704 тыс. га.

В Дагестане, как и повсеместно в СССР, форсированно проводилась коллективизация сельского хозяйства. В 1932 г. в республике функционировали 22 совхоза, 850 колхозов, объединявших 42 тыс. крестьянских хозяйств (22,6%). Сельскохозяйственные работы выполняли 11 МТС (ГАРД. Ф. 1-п. Оп. 1. Л. 12). Посевные площади составляли 342,3 тыс. га, а количество скота в государственном и колхозно-кооперативном секторе равнялось 617 тыс. голов. Было создано 320 товарных животноводческих ферм (Народное хозяйство Дагестанской АССР... 1972. С. 141).

Рис. 12. Уборка сена

К концу 1930-х годов в Дагестане насчитывалось 1115 колхозов (86,9% крестьянских хозяйств), 24 совхоза (5,3 тыс. рабочих), 16 МТС, обслуживавших 289 колхозов равнинных и предгорных районов. В колхозах и МТС работали 1175 тракторов, 233 комбайна, 400 автомобилей, 640 тракторных плугов, 417 тракторных сеялок. К началу 1940-х годов было механизировано три четверти всех сельскохозяйственных работ.

В конце 1950-х годов в сельском хозяйстве республики функционировало 6886 тракторов и 1201 комбайн, в 1970 г. уже 18 190 тракторов и 1374 комбайна. Несмотря на рост машин и техники в сельском хозяйстве, механизация сельхозработ оставалась низкой (Дагестан к 50-летию... 1967. С. 193).

К началу 1970-х годов в хозяйствах низменной зоны и ряда предгорных хозяйств пахота была механизирована на 100%, сев – 98, уборка зерновых – 95, копка картофеля – 8, сенокошение – 36,2, доение коров – 3,0, подача воды – 7,0, раздача кормов – 1,6, очистка помещений – 5,0, стрижка овец – на 79% (Народное хозяйство Дагестанской АССР... 1977. С. 76).

В 1960–1970-е годы проводилось массовое преобразование колхозов в совхозы. Число колхозов с 590 в 1965 г. сократилось до 240 в 1975 г., а среднегодовая численность занятых в них колхозников с 158,5 до 85,4 тыс. (Искендеров, 1982. С. 100). К началу 1970-х годов в Дагестане насчитывалось 189 совхозов. В равнинной зоне размещался 101 совхоз, в предгорной – 46, в горах – 42.

В 1980 г. из 262 совхозов республики 73 совхоза были виноградарскими и плодово-виноградарскими, 56 имели овцеводческое направление, 14 – молочное и мясо-молочное, 13 – зерновое, 14 – откормочное, 8 – овощное, 2 – свиноводческое и 12 – птицеводческое (11 птицефабрик). Еще 70 хозяйств относились к многоотраслевым (Госкомстат Республики Дагестан. Материалы за 1991 г., 1992).

Рис. 13. Равнинная арба

К концу 80-х и началу 90-х годов XX в. в Дагестане насчитывалось 664 государственных и колхозно-кооперативных предприятий, в том числе колхозов – 337, совхозов – 322, межхозяйственных предприятий – 5. Кроме них функционировали 102 сельскохозяйственных кооператива, 45 сельскохозяйственных малых предприятий, было организовано 11 084 крестьянских фермерских хозяйств (Социально-экономическое положение... 1997. С. 50).

Валовая продукция сельского хозяйства в среднем за год составляла в 1971–1975 гг. 483,8 млн руб., в 1981–1985 гг. 623,0 млн, а в 1986–1990 гг. 1021 млн руб. На долю аграрно-промышленного комплекса Дагестана приходилось 40% занятых в народном хозяйстве и 39% капиталовложений (Основные показатели развития... 1995. С. 38–41). Проводимая в 1990-е годы экономическая реформа наметила ряд структурных изменений, касавшихся места аграрного сектора в экономике Дагестана, состава сельхозпроизводителей, а также отраслевой и продуктовой структуры производства. В 1997 г. валовая продукция сельского хозяйства оценивалась (в действовавших тогда ценах) в 1566,2 млрд руб. (Социально-экономическое положение... 1997. С. 37).

В рамках аграрной реформы шла реорганизация колхозов и совхозов, осуществлялось перераспределение земель, продолжалось их выделение для коллективного садоводства и огородничества, ведения личного подсобного хозяйства и дачного строительства. К концу 1997 г. в республике имелось 781 сельхозпредприятие. В ходе реформы образовано 25 акционерных обществ, 10 сельхозкооперативов, 1 новый совхоз, 17 малых сельхозпредприятий, 25 агроферм. Число крестьянских (фермерских) хозяйств составило на конец 1997 г. 18 280 и за ними было закреплено 41 400 га угодий (Там же. С. 50). На начало 2000 г. в республике имелись 700 колхозов и совхозов, за которыми закреплено 75% сельскохозяйственных угодий. 71% из этих хозяйств были убыточными (впрочем, по России этот процент еще выше – 80) (Бучаев, 2000. С. 3).

Рис. 14. Высокогорная двухколесная арба 1978 г.

Поголовье крупного рогатого скота, достигавшее 604 тыс., к 2000 г. сократилось на 140 тыс., поголовье мелкого рогатого скота сократилось с 2085 тыс. до 818 тыс. голов. В 1997 г. республика произвела: мяса – 115 тыс. т (в живом весе), молока – 261 тыс. л, яиц – 187,7 млн шт., зерна – 276,8 тыс. т, овощей – 121,5 тыс. т, плодов – 114,4 тыс. т, винограда – 77,2 тыс. т.

В 1997 г. посевные площади составляли 363,5 тыс. га, садов было 25,9 тыс. га, виноградников – 23,7. По последним данным, в 1990-е годы посевные площади сократились на 115 тыс. га, площади виноградников (с 1989 г.) – в 10 раз, поголовье скота – на 52%. Производство зерна сократилось в 2,4 раза, мяса – в 2,6, молока – в 1,6, яиц – в 1,3, винограда – в 3,2 раза. Одна из причин такой отрицательной динамики – то, что за те же годы резко возросли цены на машины, оборудование, товары для агропромышленного комплекса, на электроэнергию, на горючее, в то время как цены на зерно, мясо, шерсть оставались на очень низком уровне. И поэтому приобретение тракторов и оборудования, например, уменьшилось в 30 раз (Социально-экономическое положение... 1997. С. 213, 215; Бучаев, 2000. С. 3; Юнусов, 2000. С. 2; Сельское хозяйство Дагестана... 2000. С. 1).

Для общественных хозяйств республики в 1998 г. была характерна низкая продуктивность (ц с 1 га): зерна в колхозах и совхозах выращивалось 13,3, в личных – 14,3; овощей соответственно – 42,4 и 89,6; картофеля – 40,6 и 74,2; плодов – 11,3 и 88,2; винограда – 29,2 и 120 (Исаев, 1999. С. 3). Фермерские хозяйства, имея 52 тыс. га земли (1,3% общей площади угодий, 2,6 га на 1 хозяйство), произвели 5,8% всей продукции сельского хозяйства республики (Бучаев, 2000. С. 3), т.е. продуктивность их угодий оказалась выше в 4,4 раза.

Переходя к рассмотрению вопроса о промышленности Дагестана, следует отметить, что к началу 20-х годов XX в. наблюдался спад в ее развитии, обусловленный последствиями иностранной интервенции и гражданской войны.

Рис. 15. Скотоводческая ферма на равнине

В 1921 г. она давала продукции в 10 раз меньше, чем в довоенном 1913 г. (ГАРД. Ф. 565. Оп. 1. Л. 140). Самая крупная отрасль – рыбная была почти вся разрушена, из 48 промыслов сохранилось менее половины, а производство рыбы составило лишь 40% от дореволюционного уровня (История Дагестана. Т. 3. 1968. С. 145). Выпуск продукции кустарной промышленности сократился в 5 раз. Консервная и винодельческая промышленность из-за отсутствия сахара и длительной разрухи на транспорте расстроилась, заводы вырабатывали 10–15% довоенного объема продукции.

На новом этапе хозяйственного строительства в Дагестане (первое пятилетие 1920-х годов) для решения вопросов восстановления и развития промышленности был создан Дагестанский Центральный совет народного хозяйства (ДСНХ). Он объединил 45 предприятий, требовавших крупных капитальных вложений на восстановление и реконструкцию. Для того чтобы ускорить развитие пищевой промышленности, приобретавшей исключительно важное значение для обеспечения потребностей в продуктах местного населения и для внешней торговли, большую помощь оказало правительство РСФСР, которое в 1921 г. передало Дагестану оборудование Самарского, Оренбургского и Ставропольского консервных заводов (ЦГА РД. Ф. 117. Л. 291; Ф. 39-р. Л. 21). В распоряжение властей Дагестана перешли также местные рыбные промыслы. Для управления ими создается Дагрыбтрест, объединивший 54 промысла, два бондарных завода, бондарные мастерские.

По числу занятых людей ведущее место в республике занимала кустарно-ремесленная промышленность. В 1929 г. здесь было зарегистрировано 109 видов промыслов, в которых работали 44,4 тыс. человек. По-прежнему главными оставались промыслы, связанные с переработкой шерсти и кож. Кустарные промыслы, как и прежде, в основном сосредоточивались в горных и предгорных

Рис. 16. Сенник в предгорье

Рис. 17. Хозяйственная постройка

районах. На города приходилось только 7% от общего числа лиц, занятых в них (Там же. Ф. 117. Л. 247).

К началу 1930-х годов основными отраслями промышленности продолжали оставаться рыбная, фруктово-консервная и винодельческая. Осуществлявшаяся в те годы политика ускоренной индустриализации привела к росту числа предприятий, изменениям в структуре промышленности. В 1935 г. в Дагестане насчитывалось 1163 промышленных предприятия, в том числе 182 крупных. Наибольшее число предприятий приходилось на пищевую промышленность – 532. В металлообрабатывающей промышленности было 238 предприятий, текстильной – 14, швейной – 32, деревообрабатывающей – 54 и т.д. (Там же. Ф. 22-р. Л. 1–3).

В превращении Дагестана в аграрно-индустриальную республику большую роль сыграло строительство во второй половине 1930-х годов машинострои-

тельных, металлообрабатывающих заводов и реконструкция на новой научно-технической основе имевшихся, развитие нефтяной, газовой, химической, перерабатывающей промышленности. К концу 1930-х годов в республике функционировали 205 крупных промышленных предприятий и 1534 мелких.

Индустриализация изменила социальный состав населения: в конце 1930-х годов рабочие и служащие составили 29% населения республики (*Магомедов, Назаревич, 1945. С. 70*). По переписи 1939 г., общее число рабочих в Дагестане составило 73,3 тыс. человек: в промышленности – 35,8 тыс., на транспорте – 15,5 тыс., в сельском хозяйстве – 5,3 тыс. (Там же. С. 314).

Великая Отечественная война серьезно изменила структуру промышленности, соотношение мощностей ее отраслей. Металлообрабатывающая промышленность в годы войны производила боеприпасы; консервные предприятия выпускали новые виды мясных и овощных консервов; стеклозавод “Дагестанские Огни” – бутылки для горючей смеси, походные фляги, ампулы, банки для хранения консервированной крови; кожевенно-обувные комбинаты – кавалерийские седла; текстильная и швейная отрасли – чехлы для минометов, сумки для саперных инструментов, ляжки для переброски мин. 385 предприятий и производств районной и кооперативной промышленности (8500 кустарей) освоили более 50 видов новой продукции (каустическая сода, мыло, хлопковое масло, школьные принадлежности, хозяйственные товары) (*Каймаразов и др., 1963. С. 82*).

В послевоенные годы на первое место выдвинулись нефтяная, газовая, металлообрабатывающая, легкая и пищевая промышленность. Из Дагестана в 1960-е годы ежегодно вывозили оконное стекло (производство выросло до 5000 тыс. м² в год), хлопчатобумажные ткани (16 393 тыс. м), консервы (104 653 тыс. усл. банок), вино (706 тыс. дкл.) и др. (ГАРД. Ф. 260-р. Л. 16–18).

Были введены в эксплуатацию новые крупные заводы: “ДагЗЭТО” (завод электротермического оборудования), “Дагэлектроаппарат”, “Дагэлектроавтомат”, “Дагэлектромаш” и др., резко увеличившие долю машиностроения и приборостроения в производстве. Было освоено изготовление 185 новых типов машин и приборов. Машиностроительная продукция Дагестана пользовалась большим спросом на Кубе, в Болгарии, Венгрии, Румынии, в странах Африканского континента.

В 1962 г. в действие ввели новую, более мощную ГЭС Сулакского каскада Чирюртовскую, затем в 1970-е годы заработала Чиркейская ГЭС, вырабатывавшая в год около 2 млрд кВт·ч электроэнергии. В конце 1970-х годов в республике производилось ежегодно 2,3–2,5 млрд кВт·ч электроэнергии (Дагестан к 60-летию... 1977. С. 8).

В 1985 г. в Дагестане насчитывалось 251 крупное производственное и научно-производственное объединение и предприятие, в том числе в электроэнергетике – 7, химической и нефтехимической промышленности – 5, машиностроении и металлообработке – 49, промышленности строительных материалов – 17, стекольной – 1, легкой промышленности – 62, пищевой промышленности, включая мукомольно-крупяную – 69, комбикормовой – 3, полиграфической – 11 (Народное хозяйство Дагестанской АССР... 1987. С. 14).

Индустриализация народного хозяйства обусловила значительный рост числа рабочих. По данным переписи населения 1989 г., численность рабочих, занятых в промышленности, строительстве, на транспорте и связи, достигла 189 тыс. человек. Удельный вес коренных дагестанцев в составе рабочих вырос более чем на 50%, и эта тенденция роста сохранилась и в последующие годы.

Вместе с тем в 1990-е годы, как и по всей России, происходит обвальное падение промышленного производства, которое приостановилось только к 1997–1998 гг.

В 1997 г. добыча нефти составила 381,1 тыс. т (1990 г. – 631), газа – 657,7 млн м³ (1990 г. – 800,8), произведено сборных железобетонных конструкций – 45,4 тыс. м³ (1990 г. – 447,6), стекла оконного – 31,5 тыс. м² (1990 г. – 3424), тканей – 176 тыс. м² (1990 г. – 6320), выловлено рыбы 16,4 тыс. т (1970 г. – 57,8), произведено мяса – 12,4 тыс. т (1990 г. – 38,0), комбикормов – 23,2 тыс. т (1990 г. – 340,6). В целом с 1991 г. за семь лет объем промышленного производства снизился в 5,6 раз (Социально-экономическое положение... 1997. С. 199–200).

К началу 1998 г. уже обозначился некоторый подъем. Производством промышленной продукции в республике на 1 января 1998 г. было занято более 3 тыс. крупных и средних промышленных предприятий, подсобных производств при непромышленных предприятиях и организациях, частных предпринимателей. В 1997 г. предприятиями всех форм собственности произведено промышленной продукции (работ, услуг) на 2,5 трлн руб., в том числе крупной и средней промышленностью на 1,4 трлн руб. (Там же. 1997. С. 7).

В конце 1990-х годов в республике быстрыми темпами росла активность предпринимательства, особенно в пищевой промышленности, полиграфии, металло- и деревообработке, производстве стройматериалов, производственных видах бытового обслуживания населения.

Переход к рыночной экономике обуславливает формирование и создание принципиально новой хозяйственной системы, основу которой составляет многообразие равноправных форм собственности, включая частную, реальные товарно-денежные отношения между ними. Решение проблем в сфере народного хозяйства Дагестана требует разработки такой стратегии вхождения в рыночные отношения, которая с учетом специфических особенностей, исторических традиций региона обеспечила бы ускоренное достижение социально-экономической стабильности в республике. Это позволит Дагестану, богатому энергетическими, горно-геологическими, геотермическими ресурсами, перспективным аграрным производством, народными художественными промыслами, с удобным географическим положением, транспортными магистралями всероссийского значения, занять достойное место в экономике России.

Основная масса народов Дагестана исповедует ислам суннитского направления шафиитского мазхаба (толка). Ханафитского мазхаба придерживаются ногайцы. Большая часть татоязычного населения Дагестана – иудаисты; на юге республики имеются группы шиитского населения, в основном среди азербайджанцев и татов-мусульман. Прежде шиитами были лезгины, проживающие в селениях Куруш и Мискинджа Докузпаринского р-на, однако сегодня они уже практически не придерживаются шиитской обрядности. Русское население, в том числе терское казачество – православные, есть небольшие группы баптистов и других протестантов, главным образом на севере республики и в крупных городах. Имеются также малочисленные группы армяно-григориан и католиков.

Несмотря на то что в настоящее время среди горцев преобладает ислам, Дагестан издавна являлся одним из регионов распространения восточного христианства (православия). Оно проникло сюда с IV–V вв. Христианское влияние шло из Византии, Армении, Грузии и Кавказской Албании. Находки предметов христианского культа, остатки церквей на территории Нагорного Дагестана свидетельствуют о былой миссионерской деятельности Восточной церкви. Несмотря на это, население в основном оставалось полуязыческим, а во многих районах – и вовсе языческим. В тех местах, где население первоначально было обращено в христианство, эта религия причудливо переплеталась с древними верованиями, а позже и совсем приходила в упадок. Народы Дагестана так и не стали христианскими.

Иудаизм в Дагестан проник с татоязычными иранскими иудаистами в V–VI вв. и был поддержан политическим влиянием Хазарского каганата, однако широкого распространения не получил. В VIII в. иудаизм получил статус государственной религии в Хазарии и распространился на территории Северного Дагестана. С падением Хазарского каганата иудаизм пришел здесь в упадок, сохранившись лишь среди татов-иудаистов.

С началом арабской экспансии в VII в. сюда начинает проникать ислам. Исламизацию Дагестана местные легенды приписывают арабскому наместнику Масламе, известному в народе как Абу Муслим (*Бобровников, 1999*).

Проникновение ислама в Дагестан растянулось по времени почти на целое тысячелетие. Первоначально ислам укрепился в Дербенте, откуда постепенно распространился на территорию Южного и Юго-Восточного Дагестана. Позже всего ислам утвердился в Западном Дагестане (XV–XVII вв.). Вовлечение народов Дагестана в сферу мусульманского мира оказало огромное влияние на их духовную культуру. В результате борьбы мусульманских служителей культа с языческими верованиями многие из них ушли в прошлое, но некоторые смогли сохраниться, получив новое, исламское осмысление. Ислам стал восприниматься “своей” религией, особенно после того, как пришлые муллы были заменены местными.

Значительную роль в укоренении ислама, несомненно, сыграл суфизм. Наибольшее распространение в Дагестане получило учение суфийского ордена накшбандия. В годы Кавказской войны суфийское учение было использовано имамами в политических целях. При имаме Шамиле оно окончательно оформилось в религиозно-политическое течение, получившее в русской литературе на-

именование “мюридизм” (от слова мюрид – “послушник”). В имамате Шамиля безраздельно господствовал шариат, являющийся в суфизме лишь одной из ступеней восхождения к Богу. Идеи мистического постижения Бога путем духовных поисков оказались отодвинуты на задний план, исключительное значение придавалось газавату (борьбе против неверных с оружием в руках). Мюриды из аскетичных искателей Высшей Истины были превращены в фанатичных борцов за веру. Из суфизма полностью заимствовали лишь организационную структуру: наставники – муршиды (шейхи, или пиры) имели под своим началом мюридов, обязанных беспрекословно подчиняться им.

В 50-60-е годы XIX в. в Чечне возникло новое движение во главе с шейхом Кунта-Хаджи, который призывал к миру и успокоению. Он проповедовал идеи суфийского братства кадирия, усвоенные им во время пребывания на Ближнем Востоке. Царские чиновники окрестили учение Кунта-Хаджи “зикризмом”, поскольку в обрядовой практике братства кадирия важное место занимает зикр (точнее, его разновидность – *джахр*) – громкие радения с повторением имени Аллаха, сопровождавшиеся танцем по кругу. Радения и танцы последователей Кунта-Хаджи вызвали резкое недовольство и репрессивные меры со стороны Шамиля. Несмотря на это “зикризм” утвердился во всей горной Чечне, позже – в Ингушетии, а непосредственно в Дагестане – среди чеченцев-аккинцев и частично среди представителей андо-цезских народов.

Поражение имамата в войне с царской Россией вовсе не означало потери позиций суфизма и тем более ислама в Дагестане. Суфийский орден накшбандия сохранил свое влияние, свободно отправлялся культ, строились мечети, устраивались мектебы и медресе. В 1861 г. в Дагестане зарегистрировано 1628 мечетей и 4500 мулл, а к началу XX в. действовало более 2 тыс. мечетей, около 900 мектебов и медресе, до 20 тыс. служителей культа. Широко распространилась арабоязычная литература, типография тогдашнего центра Дагестана – г. Темир-Хан-Шуры печатала книги религиозного содержания. На базе арабской графики был создан алфавит “аджам”, позволявший издавать книги религиозного содержания на местных языках. Относительно большими тиражами печатались многоязычные словари (например, арабско-кумыкско-аварско-русский словарь). Арабский язык (наряду с северокавказским тюрки) издавна имел широкое распространение среди дагестанцев (см., напр.: *Шихсаидов*, 1984; *Шихсаидов, Айтберов, Оразаев*, 1993 и др.). В основном именно на нем создавалась местная литература. Рукописные фонды хранят значительное число рукописей на арабском языке (основная их масса относится к XIX в.), отражающих различные стороны жизни дагестанского общества. Все это способствовало росту мусульманской грамотности населения, изживанию остатков былых верований и обрядов, не находивших обоснования в шариате.

После установления советской власти в Дагестане, как и по всей стране, проводилась антирелигиозная политика, нанесящая урон всем конфессиям региона. Сотни мечетей были закрыты, разрушены, переданы под склады; мектебы и медресе также закрыты; тысячи служителей культа репрессированы. К 1985 г. в Дагестане официально действовало всего 27 мечетей, 5 церквей и 3 синагоги, хадж в Мекку могли совершить всего три–пять тщательно отобранных человек ежегодно. В такой ситуации верующие создали структуры так называемого параллельного ислама, в которые входило несколько десятков подпольных мечетей и мектебов, множество незарегистрированных, но авторитетных мулл. Не прекращали свою деятельность и суфийские шейхи, имевшие под духовным руководством несколько сотен мюридов. Нелегально действовали мусульманские ученые (*алимы*), хорошо разбиравшиеся в богословских тонко-

стях ислама. Значительно было и число верующих, совершавших пятикратный намаз и исполнявших другие обязанности мусульман.

На Северном Кавказе ислам наиболее полно сохранил свои позиции именно в Дагестане и соседней Чечне; возможно, это способствовало тому, что резиденцией Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) был избран г. Буйнакс (бывший Темир-Хан-Шура). Падение идеологической монополии КПСС привело к тому, что загнанный вглубь “параллельный ислам”, легализовав свою деятельность, создал иллюзию стремительного религиозного возрождения. I съезд мусульман Северного Кавказа, проходивший в 1989 г. в Буйнакске, низложил муфтия Махмуда-хаджи Геккиева, обвинив его в сотрудничестве с властями, а в начале 1990 г. было создано самостоятельное Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД). К осени 1992 г. действовали уже свыше 800 мечетей, а к концу 1996 г., по разным оценкам, – от 1600 до 2300 мечетей, 9 церквей, 4 синагоги, 600 мектебов, 25 медресе*. Открылись и работают 11 исламских вузов, в республике действуют свыше 2500 мулл, имамов, алимов, имеются шейхи суфийских братств накшбандия и шазилия, а среди дагестанских чеченцев и андо-цезских народов – братства кадирия.

Возобновились связи Дагестана с зарубежными мусульманскими странами. Ежегодно тысячи дагестанцев совершают хадж в Мекку, сотни юношей обучаются в мусульманских вузах арабских стран, Турции и Ирана, в том числе знаменитом аль-Азхаре (г. Каир). В Иране дагестанские юноши обучаются в основном в суннитских учебных заведениях г. Кум. В столице республики Махачкале при помощи Турции построена и действует с конца 1996 г. Джума-мечеть, рассчитанная на 8 тыс. человек.

В самом начале 1990-х годов в Дагестане стало известно о расколе ДУМД по национальному признаку. В итоге в феврале 1992 г. сформировались Кумыкское духовное управление в Махачкале и Даргинский Казият в Избербаше. Позже свое Духовное управление создали лакцы, были попытки создать Лезгинский муфтият. Официальный ДУМД, который обвиняли в том, что он превратился в “аварский” и не учитывает интересов всех дагестанцев, выступает за объединение под своей эгидой всех мусульман Дагестана, без различия их национальности. “Раскол” среди мусульман республики вызван не богословскими расхождениями, а сложными межнациональными противоречиями, все еще далекими от урегулирования.

В Дагестане, как и в других регионах, ислам вобрал многое из местных религиозных традиций, которые являются составной частью так называемого народного ислама и составляют основу его региональной специфики. Сохраняются верования, связанные с персонажами местной демонологии, и обрядовая лекарская практика. Продолжают жить магические представления, особенно в сельскохозяйственной деятельности. Среди дагестанских народов до сих пор встречаются архаичные формы обряда вызывания дождя с ряжением его участников в зеленую листву. Распространен культ святых, как тесно связанный с суфизмом, так и не связанный с таковым. Например, ногайцы сохраняют веру в существование мусульманского святого по имени Кыдырняз, представляемого в виде благочестивого старца в ослепительно белых одеяниях на белом коне. Этот святой оказывает особое покровительство путникам, но может помогать, по представлениям ногайцев, и в других ситуациях. По всему Дагестану почита-

* По официальным данным правительства Республики Дагестан, к апрелю 1998 г. в республике действовали 1670 мечетей, 9 церквей, 4 синагоги, 670 примечетских школ, 25 медресе (Шихсаидов, 1999. С. 110).

ются святые места (*нир, шейх*), к которым совершается паломничество (*зиярат*) в основном в целях излечения от разных недугов. Распространено также обращение к святым местам с различными просьбами. Большое значение имеет похоронно-поминальная обрядность (чтение заупокойных молитв, проведение обряда искупления грехов – *деур*, поминок и т.д.). Кроме двух главных праздников – Разговения (Ураза байрам) и Жертвоприношения (Курбан байрам) в течение всего месяца раби аль-авваль широко отмечается день рождения Пророка – *мавлид*.

Все это попало под огонь непримиримой критики ваххабитов, развернувших активную деятельность в последние шесть–восемь лет и привлечших на свою сторону значительное число последователей. Вопрос о ваххабизме и ваххабитах в Дагестане мы еще рассмотрим, а сейчас отметим несколько особо принципиальных, с их точки зрения, моментов. Обвиняя традиционный ислам в отходе от первоначального учения, в недозволенных нововведениях (*бида*) и идолопоклонстве (*ширк*), они отрицают почти всю поминальную обрядность, в том числе и чтение Корана по умершему. Не признавая особых качеств Пророка, ваххабиты выступают против празднования мавлида. Культ святых и зиярат к святыням резко осуждаются как многобожие (*ширк*). Между тем верования народов Дагестана действительно содержат элементы, порой сильно расходящиеся с исламской, христианской или иудейской ортодоксией.

Дагестан – один из древнейших земледельческих районов. Поэтому одна из особенностей, которыми характеризуются верования народов Дагестана, – большое значение представлений, связанных с сельскохозяйственной практикой. Жители Дагестана считали, что они смогут повлиять на урожай через посредство магических обрядов. Сильному развитию магических представлений способствовали довольно суровые природные условия республики, а также постоянное малоземелье, в котором в течение долгих веков пребывали горцы.

Вплоть до наших дней в среде северокавказских народов бытуют разнообразные обряды вызывания дождя. Особенно интересен вариант, относящийся к так называемым додольским обрядам, характерная черта которых – наличие главной фигуры – додолы, представленной чучелом или живым человеком. Он широко распространен среди народов Дагестана (*Булатова*, 1987. С. 60–62; *Она же*, 1999. С. 225–227; *Рагимова*, 1987. С. 67–68; *Рамазанова*, 1987. С. 83).

Додольский обряд вызывания дождя имеет домонотеистическое происхождение. Тем не менее в народе он не рассматривается как языческая традиция и по существу является обращением к Богу. Этот обряд вполне укладывается сегодня в рамки мусульманской, христианской или иудейской обрядности, так как эти религии признают специальное моление о дожде. Формально они всегда выступали против явно языческих элементов в обрядах, проводимых с целью вымолить дождь, но при этом служители культа с терпимостью относились к подобному рода отклонениям, внушая верующим свое обоснование моления и затушевывая прежнее значение обрядовых действий. Поэтому участие служителей культа в обрядах вызывания дождя считается среди верующих-традиционалистов вполне правомерным и не являющимся отклонением от норм единобожия.

В случае длительной засухи у андо-цезских народов, даргинцев, лакцев, лезгин, агулов, татов одного из сельчан, отмеченного каким-то образом Богом (умственный или физический недостаток, первенец, единственный ребенок в семье либо самый бедный житель селения) раздевают донага и обвязывают травой и зелеными ветками так, чтобы они закрывали всю его фигуру с головы до ног. После этого процессия молодых людей ведет его по селению за веревочку, ко-

торой он повязывался в пояс, распевая при этом песню-заклинание о дожде. Этот персонаж называется по-разному у разных народов: *цадул хама* – дождевой осел (аварцы), *мяркъуши*, *забурай* (даргинцы), *урбицу* (лакцы), *пеишанай*, *беишана*, *гуди*, *гудил* (лезгины, табасаранцы, таты), *марфананпай* (агулы). У ногайцев и кумыков живого человека заменила кукла, которая называется соответственно Андир-шопай или Земире. То, что это название древнего божества – покровителя дождя, не вызывает никаких сомнений. До сих пор эти имена встречаются в песнях-заклинаниях рядом с именем Бога. К примеру, дагестанские таты, ведя наряженного в зелень сельчанина, распевают:

Гудил, Гудил идет!
Хо! Хо! (подхватывает весь хор).
Дайте Гудилу его долю!
Хо! Хо!
Пусть от Бога будет дождь!
Да пусть никто не подвергнется болезни!
Да чтобы были обильны наши посевы!
Да чтоб горе и страдание удалились! (Авиалумова, 1995. С. 105).

Народы Дагестана практикуют сегодня и другие способы воздействия на погоду с целью вызова дождя. Ведущее место среди них занимает исламское моление о дожде, известное у арабов как истиска. Среди горцев этот обряд особого названия не имеет; по большей части люди называли его *дуа* (молитва, моление).

Практикуются и другие способы вызывания дождя. К примеру, если указанный выше обряд не помогает, верующие отыскивают кости черепа коня и приносят мулле с просьбой прочесть молитвы. Тот прочитывает над черепом две молитвы: одну, чтобы много воды было в колодцах, а вторую, чтобы Аллах ниспослал воду с небес. Возможно, здесь отразилось какое-то древнее представление о связи земных и небесных вод. После этого верующие относят кости к колодцу и омывают водой. Считалось, что кости ни в коем случае не должны утонуть, в противном случае дождь якобы будет лить, не переставая.

До сегодняшнего дня у народов Дагестана сохранились также отголоски почитания не только природных явлений, но и самих объектов окружающей природы. В первую очередь это касается гор. Народы Дагестана продолжают почитать горы, но тут имеется налет широко распространенного в этих краях суфизма. На почитаемой горе непременно оказывается святая могила, в которой, по преданию, покоится какой-нибудь заслуженный шейх. Аварцы издавна поклоняются святыням на горах Адалло-Шугельмеэр, Ахульго, Буцрах, Турчидаг, лакцы – на горе Вацилла, лезгины и рутульцы – на горах Шалбуздаг и Цийкул. Весь Южный Дагестан поклоняется священным пещерам у селений Кужник, Мискинджа, Хустиль, Чурдаф. Они также освящены заслугами мусульманских святых, которые сами либо их вещи упокоены здесь.

Издревле распространенная среди горцев вера в различных духов к сегодняшнему дню претерпела значительную трансформацию. Традиционная демонология народов Дагестана испытала на себе сильнейшее влияние ислама: практически все персонажи уходят в сферу фольклора, т.е. перестают восприниматься всерьез, вытесняясь образом исламских духов – джиннов или шайтанов. Прежде же среди горцев существовала вера во множество различных духов, населявших окружающий мир. Порой можно еще кое-где встретить рассказы о некоторых из них, однако сами рассказчики считают, что это какая-то разновидность исламских джиннов.

Дагестан без преувеличения можно назвать регионом России, где наиболее сильно распространились различные формы религиозного фундаментализма. К сожалению, в последние годы понятие “фундаментализм”, тем более в купе с прилагательным “исламский”, приобрело в глазах широких кругов российской общественности резко негативный оттенок. Между тем основная масса мусульман с фундаменталистскими взглядами чужда радикальным и экстремистским подходам в вопросе о методах возрождения ислама и его дальнейшего развития в регионе.

Фундаментализм проникает в ряды мусульман Дагестана и получает практическое выражение вполне мирными путями. Поясним эту мысль на примерах. Последнее десятилетие XX столетия характеризовалось резким ростом числа дагестанцев, ревностно исполнявших основные обязанности мусульман (правда, недавно произошел спад, отмеченный многими исследователями Дагестана) (Бобровников, 2001. С. 74–75). Причем в Дагестане многие люди часто совершают молитву под давлением общественного мнения родного джамаата (сельской общины). Человек, имеющий репутацию пренебрегающего молитвой, рискует стать изгоем в собственном селении, вплоть до того что может лишиться в конце жизненного пути законного места на сельском кладбище: родственникам человека, злостно уклоняющегося от молитвы, могут после смерти не разрешить похоронить его рядом с другими мусульманами. Это считается самым страшным наказанием для покойника и позором для его родственников. Поэтому соборные мечети дагестанских аулов во время совместной пятничной молитвы переполнены посетителями старше 14 лет. Весьма высок удельный вес дагестанцев среди паломников из России, составлявший в отдельные годы до 80% от их общего числа (доля дагестанских мусульман среди общего числа мусульман России не превышает 10%), что также свидетельствует о высоком уровне религиозности дагестанских мусульман. Прибывшие из святых мест паломники удостоиваются высокого звания *хаджи* и пользуются всеобщим уважением. Во многих сельских джамаатах, особенно в Нагорном Дагестане, их роль в общественной жизни бывает исключительно высокой.

О росте влияния ислама фундаменталистского толка в Дагестане свидетельствует также тот факт, что в некоторых местах муллами предпринимаются попытки восстановить практику сбора налога *закят*. Они иногда добиваются перечисления необходимой суммы со счетов колхозов и совхозов на счета мечетей или религиозных общин. Удачные попытки восстановления практики сбора *закята* отмечены в Нагорном Дагестане. В некоторых местах даже негласно восстанавливаются *вакуфные* земли, существовавшие до конца 1920-х годов и изъятые позже советской властью (Шихсаидов, 1999. С. 114; о фактах подобного рода см. также: Бобровников, 1997). Крен в сторону фундаментализма, в немалой степени из-за критики ваххабитов, пережило и Духовное управление мусульман Дагестана. Провозглашая приверженность суфийским ценностям, как известно, не всегда соответствующим строгой мусульманской ортодоксии, ДУМД в последние годы все более и более проявляет себя как поборник этой самой ортодоксии. Весьма показательна позиция ДУМД в развернувшейся в конце 1990-х годов в дагестанском обществе дискуссии по поводу сооружения памятника Шамилю к празднованию его 200-летия. Ссылаясь на фундаментальный исламский принцип запрета на всякие изображения, ДУМД настоял на прекращении начавшейся было деятельности по сооружению памятника Шамилю, даже в виде абстрактных композиций. Это продемонстрировало не только реальное влияние религиозных идей на общественно-политическую жизнь республики, но также медленное и уверенное движение ДУМД в сторону воплощения в жизнь фундаментальных исламских принципов.

Как уже отмечалось, ислам в Дагестане, по сравнению с другими республиками Северного Кавказа, имел значительно более прочные позиции. В условиях советского атеизма верующие в республике находили особые способы проявления своей религиозности. Например, именно советский период ознаменовался стремительным ростом популярности занимавшего прежде более чем скромные позиции праздника дня рождения Пророка (арабское название его *мавлид ан-наби*, или просто *мавлид*, в отечественной литературе встречается также написание *мавлюд*). Имеющиеся в нашем распоряжении источники ничего не говорят о бытовании этого праздника у народов Дагестана ни до революции, ни в первые послереволюционные годы. Широко отмечать мавлид здесь стали примерно с конца 1950-х годов.

Точная дата рождения Пророка неизвестна; сохранились лишь хадисы о том, что она приходится на понедельник. Поэтому день рождения Мухаммеда приурочен ко дню его смерти (“рождения к вечной жизни”), т.е. 12 раби уль-авваль. Отсутствие достоверно установленного дня позволяло мусульманам не придерживаться строго официально провозглашенной даты. Мавлид сегодня широко отмечают в течение всего месяца раби уль-авваль, который называется поэтому месяцем мавлида, т.е. рождения (Пророка). Почти каждый день муллы и люди, знакомые с порядком совершения обряда, приглашаются в дома верующих. Каждый, кто считает себя мусульманином, почитает за долг и честь провести у себя дома обряд в честь рождения Пророка. Так же как и само событие, обряд этот называется мавлид.

Мулла, ведущий мавлид, читает нараспев арабский текст мавлида – стихотворные истории о рождении, жизни Пророка, его славных делах, совершенных им чудесах. К ним, в частности, относятся обе касыды Бурда. Своеобразные “припевы”, повторяемые через каждые четыре строчки текста, читаются хором всеми присутствующими. Иногда складываются настоящие “команды” чтецов мавлида, которые читают хором весь его текст – от начала и до конца. Арабский текст мавлида читается обычно по сборникам, изданным в начале XX в. в дагестанском г. Темир-Хан-Шура, которые имеет в своей библиотеке почти каждый мулла. Большой популярностью в Дагестане пользуется пожелтевший от времени сборник текстов мавлида, вышедший в свет в 1333 г. Хиджры, т.е. в 1915 г. нашего летосчисления. ДУМД активно переиздает подобную литературу репринтом.

Своеобразная черта мавлида – то, что на нем наряду с арабскими широко используются и тексты на родных языках (так называемые *назмы*). С начала 1990-х годов широко распространились печатные сборники мавлида на родных языках. Назмы – это стихотворные тексты нравоучительного характера на религиозную тематику. Излюбленная тема сочинителей назмов – идея бренности этого мира и суетности пребывания в нем, призывы к благочестивой жизни ради спасения в будущем. Поскольку эти тексты исполняются на родном для слушателей языке, то они оказывают на них огромное влияние: во время чтения мавлида нередко слезы на глазах почтенных старцев и рыдания женщин.

Прежде стихи и песни религиозного содержания на родных языках обычно сочиняли *мутааллимы* – учащиеся медресе (Авксентьев, 1984. С. 117). Часто их авторы неизвестны, однако авторство особенно популярных назмов бывает известно. К примеру, в дагестанском обществе “Ункратль” при проведении мавлидов широко используются тексты, составленные Гусейном Курбановым из сел. Саситли (Гусейнов, 1997. С. 67).

Завершается мавлид зикром (*зикир*, *зикра*, *зикру*). У народов Дагестана зикр занимает длительное время. Зачинатель начинает с намерения, затем три

раза повторяет формулу исповедания веры и 15–20 раз слова “Астагъфирулла” (“Прошу прощения у Аллаха”). После этого читается 103-й аят (стих) второй суры Корана. Все это является вступлением к зикру.

Собственно зикр начинает солист речитативом (*нашид*), исполняемым в свободном ритме и переходящим к развернутой части (*басид*). Вслед за ним все остальные нашидом поют “Ла илаха иллаллах” (“Нет Бога, кроме Аллаха”) до тысячи раз, при этом сидя производя покачивания направо и налево (Там же. С. 67). Иногда в разные стороны в такт исполнению поворачивают голову, покачивая одновременно телом. Иногда исполнители зикра впадают в нечто вроде транса, из которого их выводит мулла, ведущий обряд.

Источники свидетельствуют, что широкое празднование мавлида среди мусульман Дагестана началось лишь в послевоенные годы. Например, в “Информационном отчете о состоянии и деятельности религиозных культов на территории Дагестанской АССР в 1969 году” отмечается: «Как известно, до недавнего времени религиозный обряд “Мавлид” проводился очень редко в домах верующих в день рождения “Пойханбар” Магомеда, а в настоящее время чаще проводятся верующими как в их домах, так и в мечетях, с участием служителей культа и большого количества верующих – молодежи, женщин и детей. Не только в день рождения “Пойханбар” Магомеда, но даже проводится при радости, горе, смерти, женитьбе, по призыву в Армию, в новоселье и т.п.» (Информационный отчет. 1969. Л. 12). М.В. Вагабов, касаясь ситуации в Дагестане в 1980-е годы, отмечал: “В последние годы стали праздноваться маулид ан-Наби (день рождения Мухаммада), который в довоенные и послевоенные годы не отмечался” (Вагабов, 1988. С. 64).

Сегодня мавлид стал одной из характерных черт той региональной формы ислама, которая сложилась в Дагестане, в то время как, например, у среднеазиатских народов он отмечается значительно скромнее. Причина в позиции, которую заняли служители культа в вопросе о праздновании мавлида. В 1960-е годы “Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана специальной фетвой предписывало служителям культа растолковать всем верующим, что Мавлюд (день рождения пророка Мухаммеда) должен отмечаться только в мечети, и обязательно в тот день, когда, согласно преданию, родился пророк.

Служители же культа на Северном Кавказе, в Татарии и Башкирии, подчиняющиеся Духовному управлению мусульман Северного Кавказа и Духовному управлению мусульман европейской части СССР и Сибири, не препятствуют тому, чтобы верующие отмечали Мавлюд на дому на протяжении целого месяца, и сами не упускают случая принять участие в каждом маджлисе, посвященном этому событию, и произнести там соответствующую проповедь” (Аширов, 1972. С. 22).

Исследователи отмечают значительное суфийское влияние в сложении обрядности мавлида и его распространении по всему исламскому миру (Тримингэм, 1989. С. 34, 67, 70). Действительно, как само оформление обряда: расположение его участников в круг (круг, будучи одним из древнейших солярно-лунарных знаков, получил широкое распространение в суфийской обрядности, в частности, во время радений), так и важнейшие детали обряда: чтение наставлений, исполнение текстов, сильно воздействующих на состояние людей, важная роль зикра, следующего непосредственно за кульминационным моментом мавлида – свидетельствуют о несомненном и решающем влиянии суфизма в оформлении обрядности, посвященной дню рождения Пророка. Примечательно, что порядок совершения мавлида у народов Дагестана вплоть до мелочей совпадает с тем, как читали мавлид ан-наби в суфийских орденах (Там же. С. 170–172).

Примечательно также, что мавлид совершается по значительно большему количеству поводов именно там, где до сегодняшнего дня сохранилось бытование суфизма – в Ингушетии, Чечне и в особенности в Дагестане. Здесь мавлид совершается и для обеспечения удачи какому-либо мероприятию, и по случаю проводов в армию, в дальний путь или свадьбы. Большую роль мавлид играет в похоронно-поминальной обрядности дагестанцев, особенно аварцев и даргинцев. Мавлид читают при похоронах, на поминках или по обету на седьмой день после смерти близкого человека.

Суфизм играет большую роль в религиозной жизни Дагестана (тут его обозначают термином *тарикат*). Его укреплению немало способствовали такие известные накшбандийские шейхи, как Джамалуддин Казикумухский, Гаджи-Магомед, Нажмутдин Гоцинский. Произведение шейха Джамалуддина “Аль-адаб уль-марзия” до сих пор является интеллектуальной основой практики дагестанских суфиев.

Сегодня в Дагестане распространено учение трех тарикатов – накшбандия, кадирия и шазилия. В целом по республике имеется свыше 40 *вирдов* этих братств. Особенность Дагестана в том, что здесь сегодня нет четких границ между вирдами различных братств. Один и тот же шейх может руководить мюридами как по накшбандийскому, так и по кадирийскому или шазилийскому тарикатам. Поэтому в Дагестане вопрос к шейху о том, муршидом какого тариката – накшбандийского или кадирийского – он является, порой бывает бессмысленным. Из-за этого данные о численном соотношении последователей тарикатов можно привести лишь оценочно: преобладают последователи накшбандия. Меньше всего последователей проникшего относительно недавно из Ближнего Востока тариката шазилия. Из действующих сегодня шейхов наиболее известны Саид Эфенди из Чиркея, Арслан Али Эфенди из Буйнакса, Бадруддин Эфенди из Ботлиха, Абдулвахид Эфенди из Какамахи и др. Считается, что Саид Эфенди из Чиркея играет ведущую роль в определении религиозной политики в Дагестане, имея неограниченное влияние через своих мюридов в Духовном управлении мусульман Дагестана.

С суфизмом тесно связан также распространенный в Дагестане культ святых мест. Это в основном могилы настоящих и мнимых суфийских наставников, поэтому святые места называются “шейх”, “зиярат” (Северный Дагестан) или “пир” (Южный Дагестан). В Дагестане почитается несколько сотен святых захоронений, представляющих собой надгробия или мавзолеи кубической формы без окон (*худжра*). Безошибочно определить святые захоронения можно по высоким деревянным шестам с разноцветными знаменами и лоскутками материи, водруженными над ними. Порой значение святых мест распространяется на довольно большие территории. К примеру, на священной для лезгин горе Шалбуздаг имеется мавзоль над могилой святого Сулеймана (Пир Сулейман). К этому мавзолею приходит поклониться лезгины Дагестана и Азербайджана, а также живущие по соседству ругульцы. Здесь бездетные женщины просят у Бога детей, больные ищут исцеления, верующие просят благополучия и удачи, а в случае длительной засухи молятся о дожде.

Таким образом, многие древние верования дагестанских народов органично вплелись в систему исламских представлений, теряя свои архаические черты и окончательно наполняясь исламским содержанием и осмыслением. Благодаря такому переплетению ислам стал значительно ближе и понятнее простым верующим. Как мы видели, многие верования и обряды, бытующие как исламские и зачастую пришедшие к народам Северного Кавказа вместе с исламом, не находят отражения в Коране. Они в первую очередь попали в последние годы под

прицел непримиримой критики тех, кого здесь называют ваххабитами, которые показали, что готовы идти на любые шаги ради утверждения собственного видения ислама. Их кредо, а также то, откуда они появились и на чем зиждется их система убеждений, до сих пор не до конца понятны жителям России, вплотную столкнувшимся с проблемой ваххабизма, проявившего себя в нашей стране не с лучшей стороны (подробно об этом см.: *Бобровников, Ярлыкапов, 1999; Ярлыкапов, 2000; Он же, 2000а*).

Как мы уже отметили, сегодня фундаментализм получает довольно большое распространение среди мусульман Дагестана. Ваххабитов тоже можно отнести к фундаменталистам, но они являются крайними выразителями фундаменталистских взглядов, эволюционировавшими в сторону радикализма и экстремизма. Попытаемся разобраться в вопросе о том, кого же имели в виду жители Дагестана и других мусульманских регионов России, дав им название “ваххабиты”.

До сих пор среди российских исламоведов не утихают споры относительно правомерности использования в отношении отечественных исламских реформаторов термина “ваххабизм”. Однако следует, видимо, исходить из того факта, что сами дагестанцы называют этим термином сторонников крайних радикальных (не обязательно экстремистских) взглядов.

Термин *аль-ваххабийя* (ваххабиты) прочно утвердился в мусульманском мире; именно этим термином обозначены последователи Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба в трудах таких известных мусульманских ученых, как Ибн ас-Сувайди, Абдуллах Али аль-Касими, Мухаммед Хамид аль-Факи, Мухаммед Рашид Рида и др. Так сложилось на сегодняшний день, что хотя не все радикальные фундаменталистские идеи, распространенные сегодня в мире, напрямую имеют отношение к классическому ваххабизму, но при этом стоят с ним на одной идеологической платформе, поэтому мусульмане везде называют их носителей “ваххабитами”.

Не стала в этом плане исключением и Россия, и республики бывшего СССР. Важно лишь понимать, что этот термин обозначает широкий спектр радикально-фундаменталистских (не обязательно и не всегда экстремистских!) подходов к интерпретации исламского вероучения, получивших наиболее полное и систематизированное изложение в трудах Ибн Таймийи (XIII в.) и Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба (XVIII в.). Даже в Саудовской Аравии, на родине “классического” ваххабизма, его уже давно не существует; вместо него среди саудовских мусульман имеется несколько радикально-фундаменталистских группировок с разбросом мнений от умеренного “либерализма” (насколько можно применить этот термин по отношению к фундаменталистам) до крайнего консерватизма. Как свидетельствуют молодые люди, прошедшие обучение в учебных заведениях Саудовской Аравии, поддерживаемые государством улемы подчеркнуто не следуют строго одному учению или одной богословско-правовой школе (мазхабу). Строгое следование принципам одного мазхаба воспринимается неодобрительно. В саудовских учебных заведениях преподаватели за ревностное изучение принципов одного мазхаба (в нашем случае это шафиитский и ханафитский толки) в ущерб другим богословско-правовым школам недвусмысленно выказывают свое неодобрительное отношение учащимся из Дагестана. Эта позиция саудовских улемов, несомненно, восходит к взглядам Ибн Таймийи, который первым выступил против *таклида*, т.е. жесткого следования учению одного из четырех имамов – основателей богословско-правовых школ исламского права. Большое место *идеи* Ибн Таймийи занимают также и в идеологии движения “Братьев-мусульман”, относимых в исламском мире к разряду “ваххабитских”.

Иными словами, мы можем констатировать, что в XIX–XX вв. значение термина “ваххабизм” расширилось, став обозначением всех радикальных и экстремистских течений в суннизме. Среди мусульман Дагестана данный термин широко используется именно в этом смысле. В Дагестане, где традиционно широко распространен суфизм, ваххабиты противопоставляются именно последователям тарикатов. Медленно тлевший конфликт между ваххабитами и последователями тарикатов перешел к 1997 г. в активную фазу в так называемой Кадарской зоне Буйнакского р-на.

Все усиливавшийся конфликт дагестанских ваххабитов с остальными мусульманами, а также с властями республики привел к тому, что 16 сентября 1999 г. Народным Собранием Республики Дагестан был принят Закон “О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан”, вступивший в силу 22 сентября 1999 г. (Закон, 1999). К сожалению, этот закон, принятый поспешно во время вторжения на территорию Дагестана боевиков, имеет много недостатков и порождает массу вопросов и противоречий. И все же и верующим, и руководству республики удастся сохранить мир между последователями различных религиозных течений, направлений и толков. Это главное и непрременное условие нормального развития поликонфессионального Дагестана.

Дагестан – страна с древней городской культурой. Археологами выявлено на его территории около 100 древних и средневековых городищ, в числе которых такие крупные памятники городской цивилизации, как Урцеки, Топрахкала, Таргун, Андрейаульское городище, Верхне-Чирюртовское городище и др. Особняком стоит среди них и ныне процветающий Дербент – музей под открытым небом, один из древнейших городов страны.

Целый ряд поселений средневекового Дагестана, прежде всего центры феодальных владений и отдельных союзов обществ, представляли собой крупные политические, административные, ремесленно-торговые, идеологические и просвещенческие центры, фактически выполнявшие функции городов и поэтому вполне отвечавшие их статусу (Тарки, Кумух, Хунзах, Эндери, Курах, Цахур, Ахты, Акуша, Кубачи и др.). Не только местное население воспринимало их как города (шачар // шехер), но и посещавшие в средние века иноземные путешественники также именовали их городами.

Дальнейший рост численности городов и городского населения происходил в советское время, что было обусловлено подъемом экономики, развитием промышленности, транспорта и транспортной сети, ростом культуры. Такой рост происходил не только на базе старых городов – Дербента, Порт-Петровска (Махачкала), Темир-Хан-Шуры (Буйнакс) и др., но и в связи с освоением новых месторождений нефти (Избербаш, Южно-Сухокумск) или возникновением крупных промышленных предприятий (Двигательстрой – Каспийск, Дагестанские Огни, Кизилюрт).

За исключением Дербента дагестанские города не отражают местных архитектурных традиций, они возникли по типу южнорусских станиц (Кизляр, Хасавюрт) и городов (Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск). В соответствии с закономерностями развития современной материальной культуры общесоветские стиль и облик города приобрели в период их быстрого роста, примерно с 1960-х годов. К настоящему времени в Дагестане 10 городов: Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Каспийск, Буйнакс, Кизляр, Кизилюрт, Избербаш, Дагестанские Огни, Южно-Сухокумск и 14 поселков городского типа. В них проживают 869,8 тыс. человек из 2094,6-тысячного населения республики (данные на начало 1998 г.). В городах расположены административные органы, размещено большинство промышленных предприятий, сосредоточены учебные заведения, культурно-просветительные учреждения, редакции республиканских газет и журналов, телерадиовещания.

Махачкала

Город раскинулся у подножия горы Тарки-Тау, вдоль берега моря. Географическое положение у узкого каспийского прохода предопределило стратегическое значение города, ставшего узловым пунктом, связывающим север страны с югом. Через него проходят железнодорожная и автомобильная магистрали, здесь имеется морской порт, получивший статус международного, который обеспечивает сообщение России и Дагестана с Закавказьем, Ираном, Средней Азией, а также международный аэропорт, связанный прямым сообщением со многими городами России, стран СНГ, рядом зарубежных стран.

Удобные наземные, морские и воздушные транспортные связи в сочетании с красивым рельефом местности, песчаными морскими пляжами и мягким климатом делают многонациональный (аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины и др.) город привлекательным объектом туризма. Город хорошо просматривается с более чем 700-метровой высоты горы Тарки-Тау. С севера и юго-востока его окаймляют морские пески и песчаные дюны, с юго-запада – предгорные хребты. В юго-восточной части города находится небольшое оз. Ак-Гел (Белое озеро).

Прирост городского населения идет как за счет естественного роста, так и в особенности за счет миграции из сельских районов республики. По переписи 1989 г., в нем проживали 317 тыс. человек (в 1996 – 404 тыс., прирост – 27%).

Климат Махачкалы засушливый, осадков выпадает не более 450 мм в год. Средняя годовая температура воздуха около 12° тепла. Купальный сезон длится 3–4 месяца. Морские купания, горячий морской песок, воздушные ванны на берегу способствуют укреплению здоровья людей. Эти факторы в сочетании с серо-водородными и грязелечебными источниками, находящимися как в черте города, так и поблизости от него, привлекают к берегам Каспия тысячи людей из разных городов и уголков страны.

После похода Петра I (1722 г.) усилились торговые связи Дагестана с Россией. Активизировалась и колонизаторская политика царизма. Захват земель царским правительством вызвал сопротивление со стороны народных масс. Для закрепления захваченных земель на стратегически важных путях строились военные укрепления.

В 1844 г. на каменной гряде Анджи Арка было начато строительство укрепления Петровское, получившего свое название в память пребывания здесь Петра I. Вокруг крепости стало формироваться русское поселение. Вначале были построены жилые дома для офицеров, семейных солдат, купцов. В 1857 г. укрепление получило статус города и переименовано в Порт-Петровск. К этому времени его численность достигла почти 2 тыс. человек.

Конец 50-х годов XIX в. был отмечен завершением многолетних военных действий на дагестанской земле и вступлением Дагестана в мирные условия существования. В развитии его экономики большую роль сыграла построенная в 90-х годах XIX в. железная дорога Ростов-на-Дону – Баку, проходившая через Петровск и обеспечившая прямые и масштабные связи с Россией. Она открыла также более удобные и короткие пути сообщения с Закавказьем и со Средней Азией. Учitando это, московские купцы Решетников и Петрокин в 1898 г. построили в Порт-Петровске текстильную фабрику, которой предстояло работать на хлопке-сырце, получаемом морем из Средней Азии. В 1897 г. в Петровске были построены бондарные мастерские Рябцевых, Надикина и Матюхиных.

В 1890 г. удалось завершить строительство бумагопрядильной фабрики. Продукция фабрики (бязевая ткань) благодаря своей дешевизне имела рынок сбыта не только на Кавказе, но и в Иране. В городе строились и другие предприятия: фабрика по производству стальных канатов, мельница, электростанция мощностью 60 кВт. В 1911 г. начали работать телеграфная и гидрометеорологическая станции. В 1913 г. в городе насчитывалось 15 предприятий фабрично-заводской промышленности.

Порт-Петровск вошел в число наиболее крупных городов Дагестанской области. В 1913 г. в нем проживали 24 тыс. человек. В то же время городское хозяйство Петровска отставало от темпов роста населения и оставалось на низком уровне. Не имелось налаженного водопровода, отсутствовала канализация, возникали проблемы с благоустройством. Лишь центральные улицы города, распо-

ложенные ближе к морю – Бярятинская, Садовая и Инженерная, были частично замощены булыжником и освещались керосиновыми фонарями.

Город не мог похвастать очагами культуры. Кроме кинотеатра, здесь имелась лишь небольшая библиотека с 3 тыс. книг и два маленьких концертных зала с подмостками.

Первые шаги делало светское образование. В 1876 г. была открыта начальная школа, в 1897 г. – городское четырехклассное и три начальных училища. В 1903 г. основана женская и в 1905 г. – мужская гимназии, организована воскресная школа для рабочих.

Развитие промышленности и формирование рабочего класса Петровска проходило в период революционного подъема в России. Наиболее крупные революционные выступления петровских рабочих состоялись после известных кровавых событий в Петербурге в январе 1905 г., а также в 1912 и 1914 гг. Однако с началом Первой мировой войны царское правительство предприняло строгие меры по борьбе с выступлениями рабочих. 12 августа 1914 г. в Дагестане было введено военное положение.

Война и связанные с ней бедствия обрушились на город. Часть предприятий перешла на выпуск продукции для нужд армии, на большинстве из них сократилось производство, а некоторые вынуждены были вообще прекратить работу и уволить рабочих. Свержение царизма в феврале 1917 г. рабочие города встретили с ликованием. Уже в марте 1917 г. на собрании горожан и солдат образуется совет рабочих депутатов, а вскоре создается совет рабочих и солдатских депутатов.

14 мая 1921 г. Порт-Петровск переименовывается в Махачкалу и сюда переносится столица республики из Темир-Хан-Шуры (Буйнакск). Как и другие города Дагестана, столица республики после гражданской войны оказалась в трудном положении. Многие предприятия были полностью разрушены или частично выведены из строя. Восстановительные работы начались с расчистки порта и железнодорожных подъездов к нему. В 1921–1922 гг. удалось закончить расчистку гавани, а в 1923–1927 гг. восстановить портовые сооружения.

Темпы восстановительных работ наращивались. В 1926 г. объем промышленного производства в Махачкале превысил довоенный уровень. Наряду с восстановлением шли реконструкция и строительство новых предприятий. В 1925 г. начал выпускать продукцию крупный рыбоконсервный завод, в 1927 г. – мебельная фабрика, в 1931 г. – химический, а в 1932 г. – ремонтно-механический заводы. Строились хлебозавод, мясокомбинат и ряд других предприятий.

Мирный труд людей был прерван Великой Отечественной войной. В первые же дни войны сотни махачкалинцев ушли на фронт. Важную роль в перестройке жизни на военный лад и обеспечении нужд фронта сыграл созданный в октябре 1941 г. Махачкалинский комитет обороны. Он проводил большую работу по налаживанию на предприятиях города производства вооружения и военного снаряжения для фронта, размещению в городе эвакуированных из оккупированных районов предприятий и людей, организации военного обучения лиц призывного возраста, комплектованию формируемых в Дагестане воинских частей.

В послевоенные годы были осуществлены мероприятия по восстановлению и дальнейшему подъему экономики, улучшению уровня жизни. В Махачкале была создана современная промышленность, в которой ведущее место принадлежало машиностроительной, пищевой, химической и легкой отраслям. Сепараторы, осциллографы, центробежные насосы, электросварочное оборудова-

ние, швейные изделия, обувь, консервы, кондитерские изделия, вина, медицинский рыбий жир – далеко не полный перечень промышленной продукции, выпускавшейся предприятиями города.

С 1970-х годов получило широкое развитие строительство домов повышенной этажности с улучшенной планировкой и жилищными условиями, отделкой фасадов домов облицовочными материалами, керамическими плитками, орнаментированными солнцезащитными и декоративными ограждениями. В настоящее время в городе функционируют русский, кумыкский, аварский, лакский и детский театры, несколько кинотеатров, имеются историко-краеведческий, литературный музеи, музей изобразительных искусств, филармония и другие учреждения культуры.

Махачкалу по праву можно назвать студенческим городом. В Дагестанском государственном университете, Дагестанской государственной медицинской и Дагестанской государственной сельскохозяйственной академии, Дагестанском государственном педагогическом и Дагестанском государственном техническом университетах, Институте народного хозяйства, частных вузах и государственных средних специальных учебных заведениях обучается молодежь из всех районов и городов Дагестана, из других регионов России и зарубежных стран. В 2000/2001 учебном году в вузах обучалось 57 865, а в средних специальных учебных заведениях – 9474 студента.

Много в городе и научных учреждений. В составе одного лишь Дагестанского научного центра РАН 10 институтов и других научных подразделений. Всего здесь более 20 научных учреждений, в том числе “Научно-производственное объединение Дагестан”, ветеринарный институт, институт Дагагропромпроект и др.

Дербент

Это один из древнейших городов мира. Дербент в переводе с персидского означает “узел ворот”. В истории и этнокультурной жизни как Дагестана, так и стран Востока ему принадлежит особенно важная роль. Археологические изыскания развеяли миф о великих чужеземных основателях города, убедительно доказав, что мощный опорный пункт, воздвигнутый здесь в VIII–VI вв. до н.э., был основан местными племенами (*Кудрявцев*, 1982. С. 19).

Крупнейшие древние государства вели непрерывную борьбу за обладание Дербентом и, учитывая его важное военное и экономическое значение, рассматривали город как форпост для завоевания Кавказа. От того, какой из стран и на какое время удавалось завладеть им, зависели характер и масштабы миграции. Каждая из противоборствовавших в прошлом стран, пыталась закрепить в городе не только в военном, но и в “этническом” отношении: заселяла в нем и примыкающих к нему территориях своих соплеменников. Так, в правление Хосрова I Ануширвана (531–579 гг.) были построены мощные и уникальные по своей архитектуре оборонительные сооружения, закрывавшие узкий дербентский проход от вторжения воинственных кочевников с Севера, и поселены стражники из разных областей Ирана.

Видимо, к сасанидскому периоду относится и появление в районе Дербента ираноязычных горских евреев. С V в. н.э. службу по охране дербентского прохода несли и армянские дружины. В последующее время, вплоть до начала XX в., также продолжался приток армян в Приморский Дагестан, в том числе в Дербент. Письменные источники содержат сведения о том, что в городе оседала и какая-то часть хазар. В исторической хронике “Дербенд-намэ” среди средневековых жителей Дербента называются и табасараны.

Рис. 18. Цитадель Нарын Кала. Дербент

В период арабских завоеваний (VIII–XI вв.), “учитывая особую важность Дербента как стратегического и торгово-перевалочного пункта халифы учредили в нем подобие вольного города, во главе которого стоял совет эмиров или реисов” (Буниятов, 1965. С. 167). В этническом отношении население города состояло из местных аборигенных этносов, представителей ирано- и тюркоязычных племен, а также контингента арабских войск, численность которого, в зависимости от конкретной военно-политической обстановки, менялась. Часть арабов осела и в окрестностях Дербента. Известно, что во второй половине VIII в. южнее города было построено несколько укреплений, куда «из Сирии, Месопотамии, Мосульского округа переселилось семь тысяч “мусульманских семей”» (Гасан Эфенди Алкадари, 1929. С. 25). Арабы в течение долгого времени сохраняли здесь этническую обособленность и были полностью ассимилированы местным населением лишь к XIX в.

В средневековый Дербент попадали и русы. “Отдельные группы русов оседали в городах Прикаспия, сливаясь с их торгово-ремесленным населением, или вступали в ряды воинов-наемников. Так началось проникновение на территорию Северного Кавказа сведений о славянских землях, древнерусской культуры и славянского языка” (Гадло, 1979. С. 206; Минорский, 1963. С. 68). Интенсивные торгово-экономические и культурные связи Дербента с различными районами Кавказа, Юго-Восточной Европы, Передней Азии продолжались и в последующий период (Шихсаидов, 1975. С. 9–61).

Автор XII в. Абу Хамид ал-Гарнати свидетельствует, что эмир Дербента “говорил на различных языках, таких как лакзанский, табаланский, филанский, закаланский, хайдакский, гумикский, аланский, асский, зерихкеранский, тюркский, арабский, персидский” (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... 1971. С. 26). Не исключено, что какая-то часть населения города говорила на двух или даже нескольких языках. Этому не могли не способствовать этническая пестрота населения Дербента и прибывавшие туда отовсюду торговцы. Но наибольшее распространение получили языки тюркского корня, так как с середины XI в. начинается господство турков-сельджуков, сыгравших определяющую

роль в формировании азербайджанского этноса и частичной тюркизации местного населения. Добавим к этому, что после распада Арабского халифата Дербент находился в тесных политических, экономических и культурных связях с Ширваном, и формирование этнического состава Ширвана и Дербента происходило по существу в едином русле (Бунятов, 1965. С. 112–177).

В XIII–XIV вв. Дербент был захвачен монголо-татарами. Сведения письменных источников об этом промежутке времени касаются большей частью военно-политических событий и торгово-экономического состояния города. Однако можно полагать, что до начала XVI в. этнический состав населения города не подвергался значительным изменениям.

В начале XVI столетия город попадает под власть Сефевидов, а в конце XVI в. его завоевывают турки-османы. В начале следующего века Дербент вновь попадает в руки сефевидов, а со второй половины этого же столетия до начала XVIII в. им правят персидские наемники. Сефевиды также вели активную переселенческую политику. Сотни семей (в основном тюркоязычных) из Тебриза и других провинций Персии обрели в Дербенте новое место жительства. К этому времени относится переход части населения, исповедовавшего суннизм, к шиизму (Гаджиев В.Г., 1979. С. 216–217).

В тот же период Русское государство, завоевав Казанское и Астраханское ханства, начало реализовывать свои политические и экономические интересы в прикаспийской области. В Дербент периодически стали прибывать русские посольства, в городе проживали и русские купцы (Там же. С. 219).

Для XVIII в. мы располагаем более полными сведениями о населении города. По сообщению И.Г. Гербера, среди горожан “много купецких людей из персиянов, армяннов, грузинцев, и индийцев” (История, география... 1958. С. 86). По сведениям Ф.Ф. Симоновича, относящимся к концу XVIII в., в Дербенте насчитывалось “домов обывательских Алиевой и Суннитской секты 2090, а армянских около 90” (Там же. С. 143). Ранее (XVII в.) о том же более подробно говорит другой автор: “В части Дербент называемой находятся постройки из дикого камня и по большей части в два этажа два дома ханских, мечети Алиевой и Омаровой секты 15, одна армянская церковь, караван-сараев – 6, лавок всяких 500, монетный дом один, фабрика небольших шелковых материй 30, да для бумажных 115, домов персидских (т.е. азербайджанских. – М.М.) 2096 и 93 армянских” (Адам Олеарий, 1906. С. 486).

В августе 1722 г. Дербент без боя был взят Петром I, а в следующем году Персия по Петербургскому договору уступила Российской империи Дербент, Баку, провинции Гилян, Мазендаран и Астрабад. Петр I разместил в Дербенте русский воинский гарнизон. По его же поощрению для активизации торговли в город переселялись армяне.

В 1735 г. Россия вынуждена была отвести свои войска из прикаспийских областей. Дербент был захвачен Надир-шахом, но ненадолго. Потеряв половину войска в горах Дагестана, он бежал. В 1747 г. образовалось самостоятельное Дербентское ханство. В 1796 г., а затем уже окончательно в 1806 г. Дербент попадает под владычество России. Царские власти всячески поощряли приток в город русского населения. Между тем интересы нерусских национальностей ущемлялись. Для того чтобы горским евреям из близлежащих сел переселиться в Дербент, требовалось иметь в городе недвижимость и получить разрешение от полиции и разрешение на заселение от главного раввина города, который не избирался, а назначался властями.

В Дербенте русское воинское и гражданское население жило в цитадели города и во вновь построенных кварталах в приморской части – Дубарах. Цент-

ральные кварталы занимали горские евреи и армяне. В остальных девяти магалах проживали азербайджанцы, а окраины города занимали представители народностей Южного Дагестана.

Основная масса горожан занималась садоводством, огородничеством, виноградарством и виноделием, а также ремеслом, торговлей, извозным промыслом и т.д. Причем виноделием занимались только армяне и евреи, они составляли большую часть торгового сословия.

За годы советской власти численность и этнический состав населения Дербента изменился, но не столь кардинально, как в других городах Дагестана. Так, в нем насчитывалось (тыс. человек): в 1926 г. – 23,1; в 1939 г. – 34,0; в 1959 г. – 47,3; в 1970 г. – 56,9; в 1979 г. – 67,4; в 1989 г. – 82,1.

Что касается этнического состава, то он, несмотря на то что Дербент – самый мозаичный в этом отношении город в Дагестане, оставался относительно стабильным. По данным на 1995 г., население Дербента составило 89,8 тыс. человек. В основном это азербайджанцы – 30,1%, лезгины – 26,1%, табасараны – 14,2% и горские евреи – 10,8%. В последние годы наблюдается отток из Дербента горских евреев, русских, армян. Совершенно остановился и наметившийся в 1970-е – начале 1980-х годов, в связи с развитием промышленности города, приток представителей народов Нагорного Дагестана. Сегодня этнический облик Дербента определяют азербайджанцы и народности Южного Дагестана, а также в какой-то мере горские евреи, численность которых уменьшается здесь с каждым днем. Азербайджанский язык и азербайджанская песенная культура имеют в Дербенте прочные позиции. Из культовых заведений функционируют древнейшая в Дагестане Джума-мечеть, а также синагога.

Дербент – типичный восточный город со своим образом жизни, стандартами и стереотипами поведения. В стиле жизни горожан, особенно тех, кто живет в магалах, легко обнаруживаются сложившиеся веками традиции восточных городов, таких, например, как Баку, Тебриз, Стамбул. Характерная особенность Дербента – дружелюбие горожан и толерантность в межэтнических отношениях.

Расположение Дербента в важнейшей для экономики Дагестана и России зоне, куда стекаются как республиканские, так и международные (Азербайджан, Иран) торгово-транспортные потоки, равно как и уже сложившаяся производственная инфраструктура (переработка овощей и фруктов, производство вин, коньяков, ковровая промышленность), – все это наряду с наличием древнейшего историко-архитектурного комплекса “Нарын-Кала” и созданного в советское время обширного туристического комплекса определяет перспективы для возрождения былой всемирной славы города, его историко-культурных традиций.

Буйнакск

По преданию, на берегу озера, близлежащего к современному г. Буйнакску некогда расположился со своим войском Тамерлан. Позднее на этом месте возникло селение Темир-Хан-Шура (“шура” означает “озеро”). Когда в 1832 г. царские войска построили здесь укрепление, названо оно было так же как и село. Темир-Хан-Шуру именуют воротами в Нагорный Дагестан. Уже в 1834 г. укрепление стало местопребыванием командующего русскими войсками в Северном Дагестане, а в 1866 г. Темир-Хан-Шура получает статус города и остается административным центром Дагестанской области. Со второй половины XIX в. и до наших дней Темир-Хан-Шура (Буйнакск) находится в центре исторических событий, происходящих в Дагестане. К началу XX в. в городе жили 10 тыс. человек, из которых более половины – русские, около 2 тыс. – евреи (горские), около 1 тыс. – дагестанцы (в основном кумыки), около 700 человек – армяне.

Рис. 19. Темир-Хан-Шура

В городе было примерно 700 домов, 125 лавок, две православные, одна армяно-григорианская и одна католическая церкви, две мечети и две синагоги. В городе имелись два мыловаренных завода Хизри Гаджиева и Измаил-бека Алибекова, на которых трудилось всего пять рабочих и вырабатывалось 4700 пудов мыла в год. Работали пивоваренный завод К. Кесснера, который в 1902 г. при шести рабочих вываривал до 10 тыс. ведер пива, а также четыре небольших кирпичных завода и 13 консервных заводиков. Имелись почтовая связь, телеграф, телефон. Была и пожарная служба с двумя пожарными вышками, двумя лошадьми и двумя кучерами.

Помимо лазарета при военном гарнизоне, в котором стационарно и амбулаторно лечились и гражданские лица, имелась бесплатная больница для заболевших учащихся Темир-Хан-Шурина реального училища на 12 коек. Функционировали благотворительные общества, примечетская школа (в ней обучались 20 мальчиков), три школы при синагоге (в них учились 31 мальчик и 5 девочек), две типографии. При реальном училище была библиотека (до 10 тыс. томов). Словом, Темир-Хан-Шура имел типичный для провинциальных российских городов того времени облик.

Естественно, жизнь города за истекшие 100 лет претерпела большие перемены. Население Буйнакса, по данным на 1989 г., составило 56,8 тыс. человек, из которых около 40% – аварцы, более 30% – кумыки, менее 15% – лакцы и даргинцы. Доля русских среди жителей города составляла в 1970 г. 8,4%. Однако в связи с миграционными процессами, обусловленными целым комплексом причин социально-экономического и политического характера, их численность в Буйнаксе (как, впрочем, и в других городах республики) резко снизилась. В целом этнодемографическая структура населения Буйнакса продолжает оставаться стабильной: по сведениям на 1995 г., численность населения составила 59,8 тыс. человек. В основном это аварцы (43,0%), кумыки (32,8%), лакцы (8,0%), даргинцы (6,6%).

Экономика города, представленная такими некогда преуспевавшими предприятиями, как Буйнакский консервный завод, завод шлифовальных станков,

агрегатный, авторемонтный, шиноремонтный заводы, обувная и трикотажная фабрики и другие, находится в состоянии кризиса. За последние 10 лет новые производственные мощности (за исключением цеха по производству водки, частных авторемонтных мастерских, множества мелких торгово-коммерческих структур) не строились. Вместе с тем город располагает необходимой для жизнеобеспечения производственной инфраструктурой (мясокомбинат республиканского значения, мелькомбинат, хлебозавод и др.), школами, больницами, учреждениями культуры.

Буйнакск как транспортный узел Нагорного Дагестана имеет экономическую выгоду от эксплуатации и ремонта грузовых машин, от пассажирских перевозок и прежде всего от оптовой торговли с горными районами. Крупногабаритные и тяжелые грузы доставляются в город по железнодорожной ветке Махачкала–Буйнакск.

Многие годы Буйнакск является центром подготовки кадров со средним специальным образованием. Выпускники Дагестанского педагогического (бывшего Аварского педагогического) и медицинского училищ, сельскохозяйственного и финансового техникумов работают практически во всех сельских районах и городах республики. В городе в течение ряда лет функционировал аварский театр, кумыкские просветительские и культурные организации.

Хасавюрт

Город назван так по имени князя Хасава Гамзаева и получил свой статус в 1931 г. В 1848 г. на месте, где с конца XVIII в. располагалось поселение Сувук Нрушимук (кумык. “холодная стоянка”), царские войска построили укрепление. Позже оно стало разрастаться за счет прибытия отставных солдат, их семей и жителей из соседних сел Эндери, Костек, Аксай и др., а в 1876 г. получило статус слободы. С открытием через Хасавюрт железнодорожного сообщения Ростов–Порт-Петровск (1893 г.) слобода приобрела важное экономическое значение.

Хасавюрт, с 1860 по 1920-е годы административно входивший в Терскую область, привлекал к себе массу переселенцев из внутренних губерний Российской империи, которые приобретали здесь большие земельные наделы, обзаводились усадьбами. Земледелие, в особенности выращивание зерновых культур, солодкового корня, овощей, садоводство давало жителям слободы немалые доходы, тем более что Хасавюрт все увереннее становился торговым центром Северного Дагестана. После гражданской войны, в 1920 г., он был включен в состав Дагестана.

В годы советской власти Хасавюрт стал многолюдным и мозаичным в этническом отношении городом. К 1939 г. в нем насчитывалось 23,4 тыс. жителей, к 1959 г. – 34,2 тыс., к 1970 г. – 54,3 тыс., к 1989 г. – 70,5 тыс. На 1995 г. население его составило – 83,3 тыс. человек. Сегодня Хасавюрт по численности населения среди десяти городов Дагестана занимает третье после Махачкалы и Дербента место.

Промышленность города представлена пищевой, строительной, швейной отраслями. Имеется приборостроительный завод, а также предприятия транспортного и коммунально-бытового обслуживания. Из учреждений образования и культуры следует выделить педагогическое училище, открытое в 1931 г. как кумыкское. Его основателем и руководителем был выдающийся дагестанский просветитель, поэт и драматург Алимпаша Салаватов. С 1930-х годов функционирует Хасавюртовское медицинское училище. В городе есть училище механизации сельского хозяйства, ряд средних профессионально-технических учи-

лиц, детская музыкальная школа, кружки художественной самодеятельности, спортивные клубы (вольная борьба, карате, ушу, кик-боксинг и др.), историко-краеведческий музей, а также школы и детские дошкольные учреждения.

В Хасавюрте находится одна из крупнейших на Северном Кавказе православных церквей – памятник архитектуры XIX в. За последние годы в городе построено несколько новых мечетей.

В наши дни Хасавюрт испытывает сложные социально-демографические и этнические проблемы, обусловленные как последствиями чеченского кризиса (транспортная блокада, беженцы, наличие у населения оружия), так и снижением уровня жизни населения, ростом организованной преступности. Имеющие место обострения межэтнических отношений вызваны не столько этнокультурными различиями, сколько претензиями на лидирующие позиции каждой из трех примерно равных по численности этнических групп населения города (аварцы – 22,0%, кумыки – 26,1%, чеченцы – 35,6%). Это особенно заметно во время выборов в муниципальные, республиканские или федеральные органы власти, когда “размежевание” избирателей идет по принципу этнической солидарности.

Каспийск

Город возник недалеко от столицы Дагестана Махачкалы и возводился вокруг крупного оборонного предприятия “Дагдизель”, которое начали здесь строить в 1932 г. Поселок Двигательстрой, как Каспийск назывался первоначально, с самого своего основания приобрел очертания города с просторными улицами и добротными для своего времени жилыми домами, с Дворцом культуры и предприятиями городской инфраструктуры: школами, библиотеками, кинозалами, детскими садами, больницами.

Уже к 1934 г. Двигательстрой был соединен с Махачкалой железнодорожной веткой, а в пяти километрах от поселка был построен крупный кирпичный завод. В 1947 г. Двигательстрой получил статус города. Все это наряду с наличием в Махачкале свободной и квалифицированной рабочей силы способствовало превращению поселка в один из важных промышленных центров Дагестана, численность населения которого росла невиданными для республики темпами. По Всесоюзной переписи населения 1939 г., здесь проживали 18 874 человека (для сравнения: в Буйнакске – 22 081; в Кизляре – 24 025). К 1970 г. население Каспийска достигло 40,8 тыс. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в городе проживало 60,1 тыс. человек.

Каспийск выделяется среди городов Дагестана не только развитым промышленным и инженерно-техническим потенциалом, но и хорошим санитарным состоянием, возможностями для организации морского отдыха, поскольку город расположен прямо у моря, вдоль берега с песчаными пляжами. В городе около десятка средних специальных учебных заведений и филиал Санкт-Петербургского кораблестроительного института. Каспийск – город спортивный, в котором большое развитие получили бокс, вольная борьба, альпинизм.

По статистике на 1995 г., население города составило 67,5 тыс. человек. Из них аварцев – 13,3%, даргинцев – 20,0, кумыков – 10,6, лакцев – 14,3, лезгин – 15,8, русских – 17,6%. Каспийск имеет репутацию города с благоприятными межнациональными отношениями. Почти все горожане знают друг друга лично, а многие из них имеют и родственные связи (примерно каждый четвертый брак заключается между представителями разных национальностей). Возникнув изначально как интернациональный, город никогда не изменял традициям дружбы народов.

Кизляр

Первые упоминания в письменных источниках о нем относятся к началу XVII в. Город со времени возникновения и особенно после Персидского похода царя Петра I представлял собой стратегически важный форпост Российской империи на Северном Кавказе.

В 1730 г. в Кизляре было построено военное укрепление. Население формировалось из терских и гребенских казаков, армян (притоку последних в XVIII–XIX вв. всячески покровительствовала Россия), а также грузин и местных кумыков, ногайцев, чеченцев-ауховцев и др.

Вплоть до окончания Кавказской войны Кизляр являлся пограничным городом. Здесь располагались вооруженные силы, активно велась как приграничная, так и международная (с Ираном) торговля, работала таможня. Перспективы развития города были связаны не с военными, а с экономическими возможностями этого богатого края, а именно с виноградарством, виноделием, рыболовством. Развитию торговли вином, коньяком (его производством было налажено с 1889 г.), сельскохозяйственными продуктами, рыбой, в том числе осетровых пород, и черной икрой с внутренними губерниями России способствовало строительство железнодорожной ветки Кизляр–Гудермес. Немалые доходы горожане получали и от перепродажи в Россию товаров, поступавших с Северо-Восточного Кавказа, из Закавказья, Ирана (марена, шелковые и хлопчатобумажные ткани, табак, изделия из меди, кожи и т.д.).

В 1913 г. в Кизляре проживали 12,4 тыс. человек. Из них армян насчитывалось 5,5 тыс., русских – 4,4 тыс., горцев – 1,2 тыс., грузин, персов, евреев и иностранцев – по 0,3 тыс., ногайцев и поляков по 0,1 тыс. человек. Абсолютное большинство торгового сословия кизлярцев было представлено армянами.

В годы гражданской войны в Кизляре происходили кровопролитные военные столкновения между красноармейцами и белогвардейскими частями. По постановлению Президиума ВЦИК от 16 ноября 1922 г., Кизлярский округ, входивший тогда в Ставропольский край, был включен в состав ДАССР. В годы советской власти в Кизляре была создана сеть начальных и средних учебных заведений, открыты педагогические и медицинские училища, больницы, кинотеатры, клубы, библиотеки.

Существенные изменения произошли и в экономике города. Помимо расширения производственных мощностей коньячного и винодельческого заводов были введены в строй электроаппаратный (1959 г.) и крупный электромеханический завод (“КЭМЗ”), ряд предприятий по переработке сельхозпродукции (мясокомбинат, маслозавод, мелькомбинат, хлебозавод и др.), предприятия коммунально-бытового обслуживания. Возник новый жилой массив из крупнопанельных многоэтажных домов “Черемушки”.

Политика массового переселения горцев на равнину отразилась и на динамике этнодемографической структуры населения города. Если в 1959 г. представители народов Дагестана составляли всего 1% от общей численности населения городов, то в 1970 г. – около 10%, а в 1979 г. – 13,3%. С 1979 по 1989 г. население Кизляра увеличилось с 33,5 до 42,1 тыс. человек (в основном за счет механического прироста).

Кизилюрт

Как город он появился на карте Дагестана в 1963 г. В его состав вошел поселок с одноименным названием и расположенные в непосредственной близости к нему и имеющие давнюю историю поселки Чириюрт и Бавтугай. Интенсивное освоение этих мест связано со строительством в 1923 г. 70-километрового канала им. Октябрьской революции, благодаря которому было обеспечено

орошение сулакской водой засушливых земель, а также водоснабжение Махачкалы. Становление Кизилюрта как города было обусловлено и строительством здесь флагмана дагестанской энергетики – Чирюртовской ГЭС, заводов “Даг-электроавтомат” и фосфорных солей, а также тем, что через Кизилюрт проходят автомобильная и железная дороги, соединяющие Дагестан с другими регионами России и Азербайджаном.

Большое значение для экономики города имело развитие тут относительно мощной строительной индустрии (завод железобетонных конструкций, щебеночный завод, домостроительный комбинат, механизированные колонны домостроения и др.), обеспечивающей нужды не только Кизилюрта, но и республики в целом. Наличие собственной домостроительной индустрии отразилось на местной архитектуре: административные здания имеют собственный архитектурный облик, а многоэтажные дома “кизилюртовской” планировки отличаются повышенной комфортностью и хорошим внешним видом. Однако большинство кизилюртовцев живет в одно- и двухэтажных частных домах. Город располагает необходимой сетью учреждений образования, здравоохранения и культуры.

Население города, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., – 40,2 тыс. человек. Из них более половины – аварцы, примерно пятая часть – кумыки. Кизилюртовцев отличает приверженность к таким ценностям, как уважение к старшим, гостеприимство, родственная солидарность, дружелюбие и т.д. Сохранность свойственных сельскому образу жизни бытовых традиций в существенной мере объясняется тем, что население Кизилюрта формировалось главным образом за последние три десятилетия и в основном за счет миграции из сел.

Избербаш

Город расположен на берегу Каспийского моря, в 65 км южнее Махачкалы, у подножья горы Изберг-тау, которая из-за схожести профиля этой горы с силуэтом А.С. Пушкина более известна как “Пушкин-тау”. Местность, где находится Избербаш, по своим климатическим характеристикам (заболоченность, наличие малярии) менее всего подходила для возведения здесь поселения. В народе ее называли “долиной, проклятой Аллахом”. Однако обнаружение нефти сделало свое дело. Поиск ее месторождения, начатый в 1920-е годы учеными-геологами Д.В. Голубятниковым, И.О. Бродом, 12 апреля 1936 г. увенчался успехом. Из восьмой скважины, пробуренной бригадой мастера Бориса Карамова, забил фонтан нефти с суточным дебитом в 250 т.

Со временем в этом районе возникли новые нефтяные вышки. В 1947 г. впервые в СССР удалось получить нефть со дна моря, а в 1949 г. под началом инженера О. Межлумова, мастеров А. Сурмина и М. Гаджиева впервые в мире была добыта нефть путем бурения с морской эстакады двуствольных скважин. За это все они были удостоены Государственной премии.

Развитие нефтяной отрасли сопровождалось разрастанием поселка. В 1949 г. Избербаш получил статус города.

С 1959 г. в городе работает “ДагЗЭТО” – завод электротермического оборудования, выпускающий до 200 видов продукции. Помимо обычных предприятий жизнеобеспечения (хлебозавод, молочный завод, жилищно-коммунальные службы) функционирует также филиал Челябинского оборонного объединения – завод “Полет”.

В городе есть жилые многоэтажные дома, однако основной жилищный фонд составляют частные двухэтажные дома из пиленого дербентского камня. Население города – 37 тыс. человек. Более половины горожан – даргинцы. Они наряду с кумыками, которых около трети горожан, и определяют этнический

облик и колорит Избербаша. В городе работает Даргинский драматический театр им. О. Батырая. Имеются также педучилище, профтехучилища, школы, детские дошкольные учреждения, клубы, кинотеатры, Дом культуры.

Дагестанские Огни

Этот город-спутник Дербента, расположенный в 10 км от него, – самый молодой город Дагестана. Статус города он получил в 1991 г. Однако история его восходит к началу XX в., когда в местечке Исти-тепе (азерб. – “горячая сопка”), где издревле горели факелы природного газа и куда приезжали на паломничество огнепоклонники из Ирана, Индии, Афганистана, русскими промышленниками братьями Малышевыми в 1914 г. было начато строительство стекольного завода. Небольшой завод, построенный к 1917 г. на базе местных залежей газа, известняка, глауберовой соли, выпускал ручным способом оконное стекло, винные бутылки, стаканы и другую посуду. После Февральской революции завод оказался заброшен. С установлением советской власти завод удалось быстро восстановить, и в 1922 г. он уже дал первую продукцию. В сентябре 1923 г. по распоряжению ВСНХ СССР здесь приступили к строительству крупного механизированного стекольного завода, на котором были установлены 10 бельгийских машин вертикального вытягивания оконного стекла системы “Фурко” (по имени бельгийского инженера, изобретателя машин). Сюда прибыли специалисты из Бельгии и Чехословакии (27 инженеров-технологов и стекловаров), из Азербайджана (87 строителей и каменщиков), из Брянской обл. (118 печников), из Ростова-на-Дону и Константиновки (Украина) (69 монтажников), а также жители близлежащих аулов Зидьян, Бильгади, Кемах, Сабнова, Гимейды и города Дербента. Строительством руководили крупные специалисты А.И. Китайгородский и А.Ф. Каржавин. Советское правительство придавало большое значение этому заводу: тут дважды побывал М.И. Калинин. 18 января 1925 г. завод “Дагестанские Огни” вступил в строй. Это был первый в стране механизированный стекольный завод, первое крупное промышленное предприятие, построенное в Дагестане после установления советской власти. В 1925–1937 гг. завод работал на машинах Фурко, а затем их заменили усовершенствованными машинами отечественного производства.

В годы Великой Отечественной войны завод выпускал бутылки с горючей смесью. Кстати сказать, более 300 огнищцев ушли на фронт. В послевоенные годы завод расширился. Он стал первым в Дагестане предприятием, освоившим выработку оконного стекла. В настоящее время завод выпускает еще силикат натрия, облицовочные плиты, изоляторы, а также стеклянные трубы для химической и пищевой промышленности. На заводе работают представители около 30 национальностей. На начало 1996 г. в городе насчитывалось 26,1 тыс. человек. Гордость огнищцев – Дворец культуры. В городе с широкими улицами, многоэтажными домами, парками и скверами имеется три кинотеатра, шесть библиотек, книжные магазины.

Южно-Сухокумск

Город возник благодаря разработке нефтегазового месторождения. В 1958 г. было начато строительство поселка. С 1962 г. Южно-Сухокумск административно был включен в состав г. Кизляра. В ранг города он был возведен в 1988 г. Население его в 1996 г. составило 9,1 тыс. человек (аварцы, даргинцы, лакцы, русские). В связи со снижением объемов добычи нефти в экономике Южно-Сухокумска важное место стала занимать торговля. Этому благоприятствует расположение города между Ставропольским краем и Кизляром, а также то, что в зимний период через Южно-Сухокумск осуществляется товарное обеспечение отгонных животноводческих ферм.

Сельская община (*джамаат*) сыграла огромную роль в истории всех без различия этносов Дагестана. Достаточно вспомнить, что большинство нахско-дагестанских народов сложилось в рамках военно-политических конфедераций общин, или “вольных обществ” (араб. *джайи*, авар. *бо*, дарг. *хуребо*, анд. яз. *игьа*, груз. *эри*). Несмотря на крайнюю этническую пестроту Северо-Восточного Кавказа организация общины повсюду была сходной. В XIX–XX вв. ее единообразие еще усилилось под влиянием государственных реформ джамаата, начатых еще в имамате Шамиля (1834–1859), продолженных при военно-народном управлении в Российской империи (1860–1917) и завершенных в Советском Союзе (1922–1991). Плодом преобразований, продолжавшихся более полутора веков, стала бессословная преоформенная община (*сельское общество*), в советскую эпоху принявшая форму *колхоза/совхоза*. Дагестанские этносы, в XX в. консолидированные в крупные национальные общины, в сельской местности опирались именно на колхоз (подробнее об этом см.: *Бобровников*, 2001. С. 68–95). Колхозы и совхозы определяют лицо дагестанского села и на рубеже XXI в.

Настоящий очерк представляет собой первую попытку охарактеризовать общие тенденции и местные особенности в развитии колхозного села в период исламского подъема, начавшегося на Северо-Восточном Кавказе в 90-е годы XX в. Автор на протяжении ряда лет обследовал отдельные коллективные хозяйства в северных и южных районах республики. Очерк написан на основании этих полевых исследований. В нем также использованы статистика из колхозных и районных архивов, а также данные, собранные современными социологами и этнографами.

На первый взгляд в развитии постсоветского дагестанского села можно обнаружить немало парадоксального. В первую очередь это касается сохранения здесь советских коллективных хозяйств. Казалось бы, дагестанские мусульмане так ожесточенно сопротивлялись введению колхозов, что они с радостью освободятся от них при первой же возможности. В самом деле, в конце 1920-х годов насильственное обобществление частносемейных и мечетных земель (*мульк*, *вакф*) вызвали в горах волну ответных бунтов, не прекращавшихся до начала Великой Отечественной войны. В 1930 г. выступления против создания колхозов прошли в Курахском, Касумкентском, Табасаранском и Цумадинском районах. В том же году вспыхнули Дидойский и Хновский мятежи, восстание под руководством шейха Штульского в Южном Дагестане и Северном Азербайджане. Вторая волна крестьянских бунтов отмечена в 1934–1936 гг. В Северо-Западном Дагестане и соседней Чечено-Ингушетии антиколхозное движение продолжалось до 1942 г. (История советского крестьянства Дагестана. Т. 1. 1986. С. 178–179, 188; *Бобровников*, 1999. С. 63). Сплошная коллективизация горных районов ДАССР была завершена только в 1939–1940 гг.

И вот всего через столетия мусульманское крестьянство Дагестана стало не менее ревностным сторонником местных советских институтов, в первую очередь колхозов. Факты говорят сами за себя. Во-первых, в Дагестане дольше, чем в других республиках и областях Северного Кавказа, просуществовали сельские и районные Советы. Они продолжали функционировать до 1994 г., несмотря на принятое еще в октябре 1993 г. решение правительства Б.Н. Ельци-

Рис. 20. Святое место
в селении Рутул.
Фото В.О. Бобровникова.
1997 г.

на об их роспуске. Только весной 1994 г. на место председателей Советов были назначены главы администраций. После выборов 19 июня того же 1994 г. Советы по всему Дагестану были заменены новыми органами местного самоуправления. В сельские администрации попало немало бывших руководителей сельсоветов, советских и коллективных хозяйств. Интересно, что, согласно собранным автором полевым материалам, сегодня к защитникам советской власти относятся в основном жители как раз тех горных районов, где советско-колхозные реформы встретили в свое время наибольшее сопротивление, – Ахвахского, Ахтынского, Рутульского, Табасаранского, Цумадинского и др.

Наиболее устойчивыми советскими институтами оказались колхозы и совхозы. Они уцелели, несмотря на резко ухудшившееся экономическое положение республики и враждебное отношение к ним федеральных властей. Выжили не только крупные и экономически рентабельные коллективные хозяйства, работающие на рынок на равнине и в предгорьях, но и небольшие убыточные горные колхозы, еще в “застойные” годы едва сводившие концы с концами за счет государственных дотаций из крупных промышленных центров России. Уже в 1992–1993 гг. все выплаты им прекратились. Экономике колхозов охватил глубокий кризис (Поляков, Бушков, 1997. С. 10–11). Начиная с 1990 г. в коллективных хозяйствах быстро падает урожайность, сокращаются посевные площади. Уже к середине 90-х годов производство зерна в республике снизилось до уровня 1975 г., овощей – 1983 г., плодов – 1978 г., винограда – 1965 г., молока – 1974 г., производство яиц – до уровня 1980 г. (Новое дело. 1 апреля 1994 г. С. 2). Несмотря на явные признаки кризиса, подавляющее большинство советских коллективных хозяйств продолжает существовать.

На республиканском референдуме 28 июня 1992 г. 83,7% дагестанцев высказалось против раздела колхозных земель на частные владения. В референдуме приняли участие 648 583 человека, или 63,8% граждан республики (Дагестан: этнополитический портрет. Т. 1. 1993. С. 138–139; Кисриев, 1994. С. 19). Чуть позже, при перерегистрации в 1992–1994 гг. советских коллективных хозяйств, коллективы 580 из 634 колхозов и совхозов решили сохранить свой прежний статус (Новое дело. 1 апреля 1994 г. С. 2). В целом по России эта цифра была почти в 3 раза меньше (34% хозяйств). Большая часть распущенных колхозов и совхозов сохранили форму коллективных хозяйств, став ассоциациями крестьянских хозяйств (44 в 1993 г.), сельскохозяйственными кооперативами (17), товариществами (15) и акционерными обществами (5) (Там же. 19 ноября 1993 г. С. 2). В обследованных автором аварских районах распались лишь несколько хозяйств: колхозы в сел. Верхнее Гаквари и Эчеда Цумадинского р-на (1992 г.), сел. Цунта Цунтинского р-на (1993 г.) и Межхозяйственное предприятие “Цумада” (1996 г.). Все остальные колхозы, совхозы и лесхозы до сих пор существуют, хотя некоторые и сменили прежние советские названия на более популярные сегодня имена знаменитых земляков-аварцев: имама Шамиля, поэта Расула Гамзатова и др. Известны случаи, когда распущенные в начале 1990-х годов коллективные хозяйства через пять–шесть лет были воссозданы по решению населения. Такая судьба постигла упраздненные в 1992 г. колхоз им. Кирова Буйнакского р-на и колхоз “Вперед” Кизлярского р-на (Там же. 7 февраля 1997 г. С. 3).

Слабые ростки на дагестанской земле пустило фермерство, основанное на индивидуальном крестьянском землевладении. Слабость его в полной мере продемонстрировал 4-й съезд Ассоциации фермерских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов, прошедший в январе 1994 г. в Махачкале. Согласно обнародованной им статистике, всего в Дагестане было зарегистрировано около 11 тыс. индивидуальных крестьянских хозяйств. Большинство из них сосредоточены на равнине: в Хасавюртовском (1020), Кизлярском (704) и Буйнакском (699) районах. Средний земельный надел каждого составлял всего 2,6 га, что в 16,2 раза ниже среднероссийского уровня (Там же. 19 ноября 1993 г. С. 2). К концу 90-х годов число фермерских хозяйств выросло до 16 590. За ними было закреплено около 40 тыс. га земель. Фермерам принадлежит 6% скота в республике. Но отдачи от многомиллиардных государственных кредитов дагестанским фермерам особенно не заметно. В республике есть немало фиктивных фермерских хозяйств, на деле занимающихся мелкооптовой или посреднической торговлей. Основную массу сельскохозяйственной продукции Дагестана (96%) продолжают давать колхозы и совхозы (Там же. 7 февраля 1999 г. С. 3).

Почти никто из дагестанских колхозников и рабочих совхозов, с кем довелось встречаться автору, не желал роспуска своих колхозов. Большинство горцев живет теперь за счет сезонного отходничества или торговли на равнине (Поляков, Бушков, 1997. С. 14–15). Респонденты – старики и молодежь – откровенно жалуются на низкие урожаи колхозов, порой собирающих только 8–14 ц зерновых с гектара. Все опрашиваемые согласны с тем, что приватизация колхозных земель могла бы помочь поднять их урожайность в 2–3 раза, но в то же время панически боятся введения частной собственности на землю. Даже некоторые дагестанские фермеры не хотят передачи сельскохозяйственных угодий в полную частную собственность отдельных лиц. По мнению крестьян, сохранение колхозов и совхозов поможет уберечь от расхищения природные богатства селений, как это не раз случалось при советской власти. Кроме того, люди не без основания боятся, что после уничтожения колхозов нувориши за бесце-

Рис. 21. Магомедсеид Газиев, дибир селения Хуштада. Фото В.О. Бобровникова. 1995 г.

нок скупают их угодья на равнине, которыми горцы пользуются с 1930–1950-х годов (Полевой материал автора. Ахтынский, Бабаюртовский, Ботлихский, Лакский, Левашинский, Рутульский, Хасавюртовский, Хунзахский, Цумадинский, Цунтинский районы Республики Дагестан. 1992–2001 гг.).

Приверженность дагестанцев к коллективным хозяйствам объясняется растущей ностальгией по советской эпохе. В условиях междоусобных войн, роста преступности и экономического кризиса на Северном Кавказе многие жалеют об утраченном спокойствии и относительном благополучии, царивших в регионе до распада СССР. Этим пользуется коммунистическая оппозиция нынешним властям, превратившая Дагестан в свой оплот. Сегодня это самая влиятельная и организованная политическая сила в республике. Благодаря поддержке горцев КПРФ получила в республике более 50% голосов на общероссийских и местных выборах 1993, 1994 и 1996 гг. (Дагестанская правда. 23 декабря 1993 г., 17 июня 1994 г., 12 июня 1996 г.; Новое дело. 17 декабря 1993 г. С. 5; 19 июня 1994 г. С. 5; 14 июня 1996. С. 5; подробнее см.: *Кисриев*, 1994. С. 21–23). Не случайно также на недавних президентских выборах в республике вслед за коммунистами (51% голосов) лидировал Аграрный союз (17%), выступающий под лозунгами сохранения советско-колхозной системы в Российской Федерации.

Привязанность дагестанских крестьян к своим советским институтам поразительным образом сочетается с исламизацией общественной и частной жизни в республике. Исламский подъем стал первым и важнейшим признаком постсоветской эпохи. Как только в конце 1980-х годов прекратились гонения на мусульман, Дагестан охватило бурное движение за исламское “возрождение”. Уже в 1991–1993 гг. большинство символов советской эпохи были заменены на исламские. Вместо памятников В.И. Ленину, красных флагов и щитов с социалистическими обязательствами центральные площади (*годеканы*, *гим*) селений ныне украшают минареты заново отстроенных мечетей. Над святы-

ми местами, как, например, гора Ахульго, восстановлены увенчанные флажками высокие деревянные шесты. Дагестанские мусульмане возлагают огромные надежды на ислам, который кажется им панацеей, способной решить все проблемы современности. Такие надежды характерны для мусульман большинства стран СНГ. Так, в середине 90-х годов более 50% узбеков полагали, что “только в исламе можно найти решение многих проблем Узбекистана” (Малашенко, 1999. С. 61).

Дагестан справедливо называют самой исламизированной республикой Российской Федерации. За постсоветское десятилетие здесь открылись более полутора тысяча мечетей и несколько тысяч молельных домов возле источников (авар. *кьулгла*, анд. яз. *кьулла*, *кьурма*, дарг. *кьулла*). К 2001 г. в республике было зарегистрировано 1594 мечетей (в том числе 909 соборных – *джума*), 1820 примечетных общин-джамаатов против 27 в 1985 г. При мечетях работают 245 начальных (*мектеб*) и 132 средние (*медресе*) школы, 44 филиала исламских вузов (Религии и религиозные организации... 2001. С. 96–107; Макаров, 2000. С. 5; см. также статистику Комитета по делам религий при Правительстве Республики Дагестан на его официальном сайте за май 2000 г. – <http://www.dagestan.com.ru>). Это более половины всех мусульманских организаций Российской Федерации. Подавляющее большинство открывшихся и заново построенных мечетей – 1462 – находятся в сельской местности и только 132 в городах.

Дело в том, что Дагестан относится к числу тех субъектов Российской Федерации, где большая часть населения по-прежнему живет в селе (по переписи 1989 г., 56,4% дагестанцев). Если за последние полвека сельское население России неуклонно сокращалось и сегодня составляет лишь 38%, то в Дагестане оно, наоборот, выросло в 1,5 раза – с 659,1 тыс. в 1926 г. до 1 млн 15,9 тыс. в 1989 г. (Итоги всесоюзной переписи... 1991; ср. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. V. 1928. С. 342–346; Кисриев, 1994. С. 4).

В других мусульманских республиках Северного Кавказа (за исключением Чечни) исламский подъем чувствуется слабее. Число восстановленных тут мусульманских институтов в десятки, а порой и в сотни раз меньше, чем в постсоветском Дагестане. Так, к январю 1997 г. в Адыгее было зарегистрировано только 14 мечетных общин, в Ингушетии – 6, в Кабардино-Балкарии – 96, в Карачаево-Черкесии – 91, в Северной Осетии–Алании – 17 (Емельянова, 1999. С. 101). По числу восстановленных мечетей и мечетных общин на северо-западе региона лидирует Кабардино-Балкария. К началу третьего тысячелетия здесь насчитывалось 140–160 сельских и городских мусульманских общин (Бабич, 2001. С. 131). Официальных данных по Чечне нет, но, по подсчетам А.В. Малашенко, общее количество соборных мечетей тут к 1998 г. достигло 1000. В 1991–1994 гг., до начала первой российско-чеченской войны, в Грозном работал крупнейший в постсоветской России мусульманский вуз – Государственный исламский институт (Малашенко, 1998. С. 76, 80). Примечетных школ во всех вместе взятых северокавказских республиках меньше, чем в одном Дагестане.

Исламский подъем охватил прежде всего аваро-андо-цезские, даргинские и кумыкские селения Центрального и Северного Дагестана. По данным Комитета правительства Дагестана по делам религий, именно здесь сосредоточено большинство восстановленных мечетей, молельных домов и примечетных школ. По сравнению с дореволюционными временами позиции ислама в горах намного упрочились (ср. Шиллинг, 1993. С. 151, 161; Чурсин, 1995. С. 15–18, 50–63). В других районах республики исламское “возрождение” не так заметно.

Рис. 22. Святое место
“Суфи Гьавалый”
в селении Рутул.
Фото В.О. Бобровникова.
1997 г.

Во многих селениях на юге до сих пор не восстановлено ни единой мечети. Мусульманские общины тут, как, например, в рутульском сел. Шиназ, не имеют собственной соборной мечети. Здесь некому проводить пятничной молитвы. Многие сельские *имамы* не способны прочесть своим прихожанам пятничной проповеди-*хутба*. Роль мечетей в некоторых лезгинских, табасаранских и лакских селениях Дагестана сегодня выполняют святые места (*зиярат, пир*). Некоторые из них, например, святая гора Шалбуздаг, ежегодно привлекают к себе тысячи паломников самых разных национальностей как из селений, так и из Дербента.

В Северном и Центральном Дагестане, в отличие от Центральной России и Южного Дагестана, религиозный подъем носит действительно массовый характер. Соборные мечети нигде не пустуют. Во время поездок по аварским и даргинским районам автору довелось видеть сотни частных молевельных домов (*кьулгла, кьулла*) и даже мечетей на скотоводческих хуторах. Рядом с ними обязательно устраивают поилку, а порой и хлев для коров или овец (анд. яз. *кьай, кола*). По пятницам в соборных и квартальных мечетях собираются все мужчины, включая подростков старше 14 лет. В месяце рамадан почти никто из сельских жителей не осмеливается открыто нарушать дневной пост. От него освобождены лишь малолетние дети, беременные женщины и больные. Кроме того, многие постятся по обету или желая очиститься от совершенных грехов. Тех же, кто, не скрываясь, продолжает пьянствовать или пропускать пятничную молитву в мечети, подчеркнуто сторонятся. Общественное мнение селений осуждает их как вероотступников. Автору известны случаи, когда таких людей долго отказывались хоронить на сельских кладбищах.

Начиная с 1990 г., после почти 70-летнего перерыва, в Дагестане возродился массовый *хадж*. По данным Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), в 1990 г. в хадж и малое паломничество (*умра*) отправилось 365 мусульман республики, в 1991 г. – почти 1200 человек, в 1992 г. – около 6000, в 1995 г. – 9398, в 1996 г. – 12 525, в 1997 г. – 12 208, в 1998 г. – 13 268 человек (Религии и религиозные организации... 2001. С. 72). Число участников хаджа в северокавказских республиках в сотни раз меньше, чем в Дагестане. Основную массу *хаджи* из России составляют дагестанцы. В обследованных автором селениях Ахвахского, Ботлихского, Хунзахского, Цумадинского и Цунтинского районов сегодня каждый четвертый или пятый житель – хаджи.

В Саудовскую Аравию через Иран, Турцию, Сирию и Иорданию стали ходить сотни автобусов-ПАЗиков, которыми сегодня пользуется большинство дагестанских хаджи (Дагестанская правда. 23 апреля 1994 г.; Хлакъикъят. 26 апреля 1994 г.; Новое дело. 20 мая 1994 г. С. 5). Среди них есть рейсовые автобусы, постоянно работающие на внутренних республиканских линиях. Такие машины, украшенные арабскими надписями и саудовскими сувенирами, можно встретить в аварских и даргинских районах. Любопытно отметить, что возобновление массового паломничества к общеисламским святыням не помешало росту почитания святых мест сельского Дагестана. Количество святых мест в целом по Дагестану в постсоветское время резко выросло: вместо 127 их стало 836 (Курбанов М.Р., Курбанов Г.М., 1996. С. 79, 81). Желая уберечься от аварии в пути, водитель рейсового автобуса останавливается у каждого известного ему зиярата. Пассажиры читают молитву и вступительную суру из Корана – *Фатиху*. На маршруте Махачкала–Агвали можно насчитать семь таких остановок.

Столь же неукоснительно, как молитва, пост и паломничество, за последние годы в селениях открыто соблюдается обязательная очистительная милостыня на нужды общины (*закят*). Ее собирают и хранят в кассах соборных мечетей. В районах, где мечети еще не восстановлены, *закят* хранится в доме сельского имама. Нормы его не изменились с ранних советских времен и по-прежнему составляют по одному барану со стада в 40 голов и по 6 пудов с урожая в 60 пудов (Полевой материал автора. Лакский, Левашинский, Хасавюртовский, Хунзахский, Цумадинский, Цунтинский районы. 1992–2001 гг.). Доходы от торговли и сезонной работы, которыми сегодня живет большинство дагестанских крестьян, в отличие от начала XX в., практически не облагаются *закятом*. В то же время осенью во время сушки мяса на зиму горцы стали открыто устраивать необязательную милостыню (*садака*). Каждая семья поочередно одаривает мясом и другими продуктами всех жителей и гостей селения. Сверх того, такую милостыню дают почувствовавшие приближение смерти старики, а также семьи, устраивающие похороны или свадьбы. Ее проводят в мечети либо возле зиярата на кладбище.

Возвращение к открытому исповеданию ислама и стремительный рост численности мусульманских институтов определяет сегодня ситуацию в сельской местности. В то же время начиная с последней трети 1990-х годов появились некоторые признаки замедления темпов исламского подъема, ощутимые даже в наиболее исламизированных сегодня северных и центральных районах Дагестана. С 1996 по 2002 г. число зарегистрированных в республике мечетей упало с 1670 до 1594. Более чем в 3 раза сократилось количество примечательных мектебов, в 2,5 раза – число дагестанцев, совершающих хадж (в 2000–2001 гг. их было чуть более 5 тыс.) (Макаров, 2000. С. 71, примеч. 5; Религии и религиозные организации... 2001. С. 73, 80). Наступило насыщение рынка исламской литературы. Если в начале 1990-х годов в Дагестане был необычайный спрос на арабские издания Корана и на любые другие книги религиозной тематики, то в пос-

Рис. 23. Святое место
“Айишгъай”
в селении Шиназ.
Фото В.О. Бобровникова.
1997 г.

ледние годы спрос на них резко упал. Следует отметить разочарование некоторых дагестанцев в надеждах, которые они возлагали на ислам. Тем не менее реального возрождения мусульманской культуры дореволюционного и раннего советского Дагестана достичь не удалось. В республике один из наиболее высоких на Северном Кавказе уровень преступности, безработицы среди молодежи. Сельская экономика находится в кризисе.

Еще более существенные перемены на рубеже нового тысячелетия претерпели советские коллективные хозяйства, сохранившиеся в дагестанском селе. Сильно изменились их размеры, внутреннее устройство, экономика и формы собственности. Ко второй половине 1990-х годов большинство крупных коллективных хозяйств распались на небольшие одноаульные колхозы. Разукрупнение совхозов и колхозов идет во всех без исключения обследованных нами районах республики. Интересно отметить, что новые мелкие коллективные хозяйства часто возникают в границах дореволюционных общин-джамаатов. Именно так проходило разукрупнение колхозов в Цумадинском р-не. Здесь еще в 1987 г. из колхоза “Красный партизан” сел. Квананда выделился колхоз им. Энгельса сел. Гимерсо; в 1992 г. из колхоза им. Коминтерна, объединявшего четыре соседних селения, выделился колхоз им. Абакарова сел. Цумада, от которого в 1995 г. в свою очередь откололся совсем крошечный колхоз сел. Хвайни в семь хозяйств, принявший имя Р. Гамзатова. Подобным образом в 1998 г. на одноаульные коллективные хозяйства распался Рутульский совхоз в Южном Дагестане (Полевой материал автора. Ахвахский, Ахтынский, Левашинский, Рутульский, Хасавюртовский, Хунзахский, Цумадинский районы. 1995–2001 гг.). Судя по материалам дагестанской прессы, разукрупнение совхозов и колхозов идет как в

Рис. 24. Жители селения Хуштада. Фото В.О. Бобровникова. 1995 г.

горах, так и на равнине: в Акушинском, Гумбетовском, Кизлярском, Тарумовском, Ногайском и других районах (Дагестанская правда. 15–17 сентября 1998 г.).

Разукрупнение больших коллективных хозяйств в условиях распада СССР привело к потере горными колхозами части их угодий. Еще в 1991–1993 гг. они лишились всех горных пастбищ на территории обретших независимость Грузии и Азербайджана. Колхозы и совхозы Магарамкентского, Докузпаринского, Ахтынского, Рутульского, Тляратинского, Цунтинского и Цумадинского районов потеряли угодья, оказавшиеся в районе проведения государственной границы между бывшими союзными республиками СССР. В последние годы некоторые мелкие колхозы добровольно отказываются от пастбищ, которые они не в силах освоить в соседних районах Дагестана. По этой причине на территории одного только Цумадинского р-на освоено 10 591 га, в том числе 3471 га пастбищ. В 1994–1996 гг. они были переданы в госземфонд четырём колхозам Левашинского и Ботлихского районов. После этого вновь начались разгораться прежние споры за эти угодья между соседними дагестанскими, чеченскими и грузинскими селениями (Развернутая экспликация земель колхозов других районов на территории Цумадинского р-на РД по состоянию на 1 ноября 1989 г.; по состоянию на 1 января 1997 г. // Архив райкомзема Цумадинского р-на РД). После 1999 г. поземельные конфликты на межреспубликанском уровне временно затихли в связи со второй российско-чеченской войной.

К этому нужно добавить, что многие пограничные колхозы Северо-Западного Дагестана пострадали от затяжных боевых действий в Чечне и вторжения на территорию республики отрядов боевиков в августе–сентябре 1999 г. Враждующие стороны нередко угоняли скот, что заставляло колхозников держать большую часть своих стад в селениях. Весной и осенью 1995–1996 гг. и летом–осенью 1999 г. на узких улочках пограничных аулов Новолакского, Бот-

лихского и Цумадинского районов можно было видеть пасущихся быков и коров. Жители некоторых селений вынуждены были распродать большую часть колхозного имущества и на вырученные деньги приобрести оружие для самообороны.

Даже колхозы, не пострадавшие от войны и разукрупнения, лишились большинства своих владений. Дело в том, что еще в 1992 г. дагестанские власти решили отдавать имущество убыточных коллективных хозяйств в долгосрочную и бессрочную аренду. Большую часть колхозных овец роздали в качестве заработной платы. Горцы поделили между собой почти все колхозные стада в горах (Дагестанская правда. 19 сентября 1992; Полевой материал автора. Ахтынский, Махачкалинский, Рутульский, Хасавюртовский, Хунзахский районы в 1995–1997 гг.). В 1992–1996 гг., вновь под видом аренды мусульманская администрация горных селений захватила от 80 до 100% колхозных и совхозных пашен, садов и сенокосов в горах, раздав их членам джамаатов из расчета по 28 соток на одно хозяйство (подсчитано по: Земельные балансы на 1 ноября 1990 г. и на 1 января 1999 г. Ахвахского р-на РД // Архив райкомзема Ахвахского р-на РД; Земельные балансы на 1 ноября 1990 г. и на 1 января 1999 г. Ботлихского р-на РД // Архив райкомзема Ботлихского р-на РД; Земельные балансы на 1 ноября 1990 г. и на 1 января 1999 г. Цумадинского р-на РД // Архив райкомзема Цумадинского р-на РД). Так, в 1993 г. в аварских селениях Сильди и Саситли все колхозные угодья в горах и на равнине были разделены между семьями колхозников. Причем в некоторых селениях часть обобщественных в 1930-е годы земель вернули тем потомкам прежних владельцев, которые могли показать границы своих участков. Так, в горах *de facto* возродилось мелкое частное землевладение крестьянских семей (*мульк*).

Эти меры пока не оправдали надежд руководства республики вывести сельское хозяйство горных районов из глубокого кризиса. По данным Госкомстата Республики Дагестан, здесь продолжается сокращение посевных площадей (на 13,6% начиная с 1988 г.) и поголовья скота (на 5,7% только за 1999 г.). В то же время в 1993–2001 гг. немного снизились темпы падения сельскохозяйственного производства. В частном секторе объем выпущенной в 1999 г. продукции даже возрос на 1,2%, по сравнению с 1995 г. (Новое дело. 28 февраля 1999 г. С. 2). Согласно полевым наблюдениям автора, экономическое положение горцев Дагестана не столь печально, как его рисует официальная статистика. В обследованных хозяйствах на 20–30% выросло поголовье частных стад. Неудобств жизни в условиях транспортного кризиса скрашивает появление в большинстве селений лошадей, исчезнувших здесь четверть века назад. Начато освоение десятков гектаров заброшенных садов в долине р. Андийское Койсу. Уже в 1995–1996 гг. все пустоши, лежащие по ходу рейсовых автобусов Махачкала–Агвали и Махачкала–Ботлих (в урочищах Гьесала, Пурухъ, Мархула и др.) были заняты под сады (*Бобровников, 1997. С. 136*).

Важно также отметить, что значительная часть колхозных и совхозных пастбищ в 1994–1996 гг. перешла в коллективную собственность мусульманских джамаатов. О размерах этих приобретений можно судить по следующим цифрам. Администрации джамаатов получили в Ахвахском р-не около 72% всех горных пастбищ, в Ботлихском – 63,5%, в Цумадинском – 66,8% и в Цунтинском р-не – 58,7%. При этом у горных коллективных хозяйств еще остались немалые угодья на равнине (1 млн 157 тыс. га), закрепленные за ними в 1930–1950-е годы. Согласно подсчетам автора, это около половины их прежних земель. Полностью сохранились и владения горных лесхозов (только один Цумадинский лесхоз владеет 19 846 га) (Подсчитано по: Земельные балансы на 1 ноября 1990 г. и на

1 января 1997 г. Ахвахского р-на РД // Архив райкомзема Ахвахского р-на РД; Земельные балансы на 1 ноября 1990 г. и на 1 января 1997 г. Ботлихского р-на РД // Архив райкомзема Ботлихского р-на РД; Земельные балансы на 1 ноября 1990 г. и на 1 января 1997 г. Цумадинского р-на РД // Архив райкомзема Цумадинского р-на РД; Земельные балансы на 1 ноября 1990 г. и на 1 января 1997 г. Цунтинского р-на РД // Архив райкомзема Цунтинского р-на РД).

Однако и эти земли фактически перешли в руки горных мечетных общин, узурпировавших основные права и функции советских коллективных хозяйств. Попавшие в зависимость от них горные колхозы и совхозы постепенно сливаются с институтами джамаата. Еще в советское время на колхозные и государственные пастбища и прочие угодья фактически перешел статус неделимых общинных земель (*харим*). Обобществление мульков и передача бывших частных владельческих и казенных земель горным колхозам на равнине подготовили почву для усиления экономической базы сельских мечетных общин (подробнее см.: *Бобровников*, 1996. С. 18–23). Сегодня мусульманская администрация большинства обследованных мною общин руководит не только религиозной, но и хозяйственной жизнью горцев. Джамаат следит за соблюдением единого севооборота, ремонтирует дороги, мосты и оросительные каналы на территории колхоза, собирает со своих членов штрафы и налог на содержание сторожей (авар. *ахран*), охраняющих колхозные угодья от потравы соседями (Полевой материал автора. Ботлихский, Хунзахский, Цумадинский, Цунтинский районы. 1992–1996 гг.). В 1995–1996 гг. каждая семья платила сельскому сторожу по 2 тыс. неденоминированных рублей в день.

Уже в первой трети 1990-х годов администрации отдельных горных селений в обход российских законов вернули восстановленным мечетям часть приписанных к ним до коллективизации частных участков (*вакфов*). Согласно материалам, собранным автором, это случилось в Агвали, Ботлихе, Гагатли, Гигатли, Карате, Кикунни, Первомайском, Тлондоде, Хуштаде и целом ряде других аваро-андийских селений в горах и на равнине (Там же. 1992–1997 гг.). Только в одном колхозе “Красный партизан” сел. Кванада в вакфную собственность перешли 50 га. Здесь и в других селениях были восстановлены три традиционных вида мечетных владений. Это *чирахъ*, часть доходов от которых идет на освещение мечети; *къурбан*, предназначенные для расходов во время празднования рамадана, и собственно вакфы (*вакъуф*), покрывающие прочие общественные и религиозные нужды джамаата. Общественное мнение селения строго следит за тем, чтобы новые владельцы мечетных земель вносили в мечетную кассу положенную часть урожая.

Иногда при поддержке районных властей передача земель мечетям оформлялась как долгосрочная аренда. В ряде случаев она не была официально закреплена. В таких джамаатах, как Кванада и Хуштада, юридическую силу *de facto* обрели сохранившиеся в частных сельских библиотеках списки дореволюционных вакфов. Весной 1996 г. здесь заново перераспределили часть мечетных полей и сенокосов сроком на три года. В Хунзахском, Цумадинском и некоторых других аваро-андо-цезских районах автору довелось быть свидетелем трехкратного перераспределения вакфов между членами горских джамаатов в 1990-е – начале 2000-х годов. Насколько широко распространено возвращение вакфов в крае, сказать сложно. По региону в целом и тем более по Дагестану официальной статистики учета мечетных земель пока нет (О республиканской ситуации с реституцией вакфов отчасти можно судить по появляющимся время от времени сообщениям дагестанской прессы. См., напр. *Голос правды*. № 10. Сентябрь 1992 г.; *Дагестанская правда*. 3 марта 1994 г.; *Новое дело*. 1 апреля 1994 г. С. 6).

Дело в том, что восстановление вакфов в Дагестане противоречит нынешнему земельному кодексу Российской Федерации.

Реституция вакфов хорошо показывает, как за последние годы укрепилась власть сельских имамов (*дибир, мулла*). Порой они весьма влиятельны за пределами своей общины. Например, в Цумадинском р-не летом 1991 г. имамы селений Агвали и Хуштада помогли урегулировать чуть не дошедший до кровопролития спор колхозов Сильди, Саситли, Гакко и Карата из-за альпийских пастбищ. Цумадинцы единогласно выбрали дибира соборной мечети Агвали С.-Г. Пирмагомедова своим представителем на Съезд народов Дагестана, проходивший в конце 1992 г. в Махачкале (Полевой материал автора. Селения Цумадинского р-на. 1992, 1995 гг.). Славящиеся своими знаниями мусульманские ученые (*алимы*), получившие местное образование еще в годы советской власти, из сел. Хуштада сегодня избраны имамами семи разных общин в горах и на равнине. Это селения Агвали, Тисси, Тлибишо, Ново-Хуштада, Новочеркейск, а также города Кизляр и Хасавюрт. Хуштадинец М.-С. Абакаров, ставший дибиром Хасавюрта, пользуется общедагестанской известностью.

До коллективизации джамаат был чисто светским институтом. Им управлял староста (*бегавул, юзбаши*), назначавшийся властями из представителей наиболее влиятельных сельских кланов (*тухумов*). После проведения советских преобразований и особенно заметно уже в 1980–1990-е годы колхоз-джамаат все более превращается в чисто религиозную общину. На севере и западе республики власть в нем захватили местные религиозные лидеры – имамы соборных мечетей и члены совета старейшин. В их руках сосредоточено управление колхозным хозяйством, суд и исполнительная власть на местах. На юге, где большинство населения осталось индифферентным к религии, вся полнота власти перешла в руки светских лидеров – глав администрации, нередко происходящих из наиболее уважаемых сильных и богатых тухумов. Эти же люди определяют кандидатуру сельского имама, которого избирают на общем сходе колхозников (подробнее см.: *Бобровников*, 1996. С. 18–23; *Он же*, 1997. С. 136–138). Самостоятельность горных мусульманских общин от высших светских и исламских властей Северного Кавказа, по сравнению с дореволюционной и советской эпохами, намного возросла. Попытки республиканских властей и лидеров Духовного управления мусульман Дагестана создать из сельских мусульманских общин централизованную организацию потерпели фиаско. Сегодня ДУМД контролирует лишь хадж дагестанцев.

Одни и те же люди, как правило, составляют администрацию и колхозов, и мусульманских общин. Вся полнота власти тут принадлежит сельским сходам горных селений. Главы администраций, не получившие от правительства никакой реальной власти, не более как марионетки в руках сельских дибиров. Их роль обычно сводится к исполнению решений имама и сельского схода. Большинство глав администраций абсолютно безвольны. Например, глава администрации сел. Кваната с 1994 г. по настоящее время не может из-за противодействия джамаата даже собрать и отправить в армию призывников из своего селения. На сельских сходах безраздельно господствуют религиозные лидеры, имеющие местное мусульманское образование и получившие у своих земляков почетное прозвище ученых-*алимов* (Дагестан: этнополитический портрет. Т. II. С. 303; *Голос правды*. № 10. Сентябрь 1992 г.; *Дагестанская правда*, 3 марта 1994 г.). Среди них джамаат выбирает своего главу – имама соборной мечети. Из-за упадка системы местного мусульманского обучения образованных дибиров повсюду в республике не хватает. Поэтому на эту должность нередко приглашают выходцев из других, порой весьма удаленных горных селений.

Каждую пятницу дибир в качестве шариатского судьи (*кади*) разбирает в мечети по шариату и местному адату семейные и поземельные иски своих односельчан, а также судит виновных в пьянстве, драках и прочих мелких уголовных преступлениях. Тяжелых же уголовных преступлений, требующих вмешательства светских властей, в Нагорном Дагестане, несмотря на общий разгул преступности, встречается мало. Например, в Ботлихском р-не в 1988–1996 гг. зарегистрировано лишь одно убийство (Архив райсуда. Дело № 432). По решению сельского схода, семья убийцы была изгнана далеко за пределы района. В соседнем Цумадинском р-не, согласно материалам Архива райсуда (Дела № 112 и 337), в 1988–1996 гг. были зафиксированы два убийства: в 1988 г. в Гимерсо и в 1993 г. в Гакко. Когда в октябре 1995 г. автор этих строк останавливался в райцентре Агвали с населением 2176 человек, милицейская сводка отметила в селении всего 12 случаев мелкого хулиганства. Почти все они были совершены приезжими на еженедельный субботний базар. Это объясняется тем, что в небольших горных селениях все хорошо знают друг друга. Кроме суда сельские имамы занимаются оформлением шариатских браков (*никах*) и завещаний (*васият*) для своих односельчан. В марте–апреле они открывают праздник первой борозды (авар. *оц бай*), которым по традиции начинают полевые работы.

Вместе с тем во многих селениях даже авторитета имама не хватает, чтобы сдерживать развитие межгрупповых конфликтов. Соседние селения постоянно ссорятся из-за права владения пастбищными горами и водными источниками. Подобные, хотя и менее серьезные столкновения из-за пользования землей и водой (а зимой и снегом) время от времени случаются в больших райцентрах типа Кумуха, Леваша, Хунзаха, Ботлиха или Агвали. Здесь джамаат распадается на соперничающие друг с другом фракции разных кварталов, образованных переселенцами из разных селений. Обычно их возглавляют дибиры квартальных мечетей. Некоторые из них принадлежат к разным колхозам.

Кроме того, ряд джамаатов раздирает ожесточенная борьба фракций, образованных внутриконтрессиональными группами местных мусульман: сторонниками *шейхов* отделений (*вирд*) суфийских братств Накшбандийа, Кадирийа и Шазилийа, открыто возобновивших свою деятельность на волне исламского подъема 1990-х годов, и реформаторами-*ваххабитами*. Последние выступают за очищение ислама от недозволенных новшеств (*бида*), укоренившихся, по их мнению, в сознании и религиозной практике кавказских мусульман. Главный объект их критики – современные дагестанские суфии. Движение зародилось в Северном Дагестане еще в 70-е годы XX в. К середине 1980-х годов оно было подавлено советской властью при поддержке органов КГБ, но уже в конце 1980-х годов вновь возродилось. Движение ваххабитов окончательно организационно и идейно оформилось к середине 1990-х годов. Их общины появились в селениях Кванада, Сантлада, Тлондода и Тинди Цумадинского р-на, Акуша Акушинского р-на, переселенческих аулах Первомайское, Ново-Саситли Хасавюртовского р-на Дагестана.

Организация сельских общин ваххабитов предельно проста и однородна. Они группируются вокруг мечетей или молельных домов, восстановленных в постсоветское время. Во главе каждой из них стоит выборный имам (*амир*), руководящий религиозной и общественной жизнью ее членов. Как и другим кавказским мусульманам, ваххабитам не хватает профессиональных имамов. Наиболее грамотные из амиров возглавляют примечательные медресе. Крупнейшая из них школа ал-Хикма (араб. “мудрость”), в которой обучалось около 700 студентов-*мутааллимов*, действовала в Кизилюрте в 1989–1997 гг.

под руководством Б. Магомедова (*Макаров*, 2000. С. 41). Амир может совмещать не только обязанности преподавателя медресе (*мударрис*), но и председателя (*раис*) шариатского суда (*махкама шариийа*). Такие суды существуют практически во всех общинах ваххабитов. Как правило, они выполняют нотариальные функции, а также разбирают мелкие гражданско-семейные и уголовные дела.

К середине 1990-х годов в движении выделилось несколько течений. Наиболее умеренное его крыло возглавил Ахмад-кади Ахтаев (1942–1998) из аварского сел. Кудали. Он продолжал поддерживать связи с некоторыми суфийскими шейхами и признавал легитимность современных светских властей Дагестана. “Центр” движения представлен Багаутдином Магомедовым (Мухаммадом), родом из хваршинского сел. Сантлада, наиболее активным и влиятельным идеологом ваххабитов. Он повел решительную борьбу со сторонниками суфийских шейхов в Дагестане. К ним он относил и ставшее на сторону ДУМД постсоветское правительство Дагестана, которое, по его словам, находится в состоянии “многобожия” (*ширк*). Основными методами борьбы наряду с созданием сети медресе он признавал и политические методы – от создания партий и парламентских блоков до организации массовых митингов и других акций неповиновения духовным и светским властям. Наиболее радикальную позицию заняла переселенческая община, сформировавшаяся в Астрахани вокруг амира Айуба Ангутаева из Кванады, ученика Б. Магомедова. По его мнению, регион должен скоро превратиться в “территорию войны” (*дар ал-харб*) за освобождение Кавказа от власти неверных (подробнее см.: *Бобровников, Ярлыкапов*, С. 19–23).

Для последователей всех течений ваххабитов характерен прозелитизм. Новообращенные обычно крайне фанатичны. Вместе с тем контролирующиеся с 1992 г. Духовное управление мусульман Дагестана аварцы – последователи шейха Саида-афанди (Ацаева) Чиркеевского не настроены на компромисс. В 1993–1997 гг. в республике прошли диспуты между амирами ваххабитов и сторонниками суфийских шейхов. Активное участие в них принимал амир Багаутдин. Общего языка найти не удалось. Обе стороны настроены крайне агрессивно: открыто поносили своих врагов во время пятничной проповеди (*хутба*), гнушались разговаривать и есть вместе с ними, хоронить умерших из противной фракции. Ваххабиты срывали шесты с флажками со святых мест. В ряде селений и городов Дагестана произошли вооруженные столкновения между разными фракциями мусульман. Наиболее кровопролитные из них случились в августе и декабре 1995 г. в селениях Верхнее Миатли и Чиркей, в марте 1996 г. в Кванаде, в июле 1996 г. и затем вновь в мае 1997 г. в Карамахи, Чабанмахи и Кадаре (*Бобровников*, 1997. С. 138; *Макаров*, 2000. С. 34–35, 42–43). В мае 1998 г. жители трех последних селений захватили карамахинское отделение милиции, изгнали со своей территории представителей республиканских властей и объявили себя “отдельной исламской территорией”, управляющейся по законам шариата.

К 1999 г. инициативу в конфликте перехватило Духовное управление мусульман Дагестана. Под лозунгом “борьбы с ваххабизмом” ему удалось сплотить большинство мусульманских общин Северного Кавказа. Деятельность ваххабитов осудили прошедшие в ноябре 1997 г. Съезд имамов и алимов Дагестана в Махачкале и Конференция исламского духовенства в соборной мечети Каспийска, Конгресс мусульман Северного Кавказа, состоявшийся в мае 1999 г. в Грозном. Центр ваххабитов в последнее время сместился в соседнюю Чечню. При этом в нем усилилось радикальное крыло, появились военизированные

группы. После смерти в марте 1998 г. Ахмад-кади Ахтаева Б. Магомедов, спасаясь от преследований, в декабре 1997 г. с группой из 18 последователей укрылся на территории Урус-Мартана в Чеченской Республике. Летом 1999 г. созданное им движение «Джамаат» пыталось начать военные действия в Цумадинском, Ботлихском и Новолакском районах Дагестана, но уже в сентябре сторонники движения были выбиты оттуда федеральными войсками. Мятежные селения Карамахи, Чабанмахи и Кадар были взяты штурмом. Движение ваххабитов ушло в подполье (*Бобровников, Ярлыкапов, 1999. С. 23*). Его идеолог и лидер амир Багаутдин, по некоторым сведениям, покинул территорию Российской Федерации. В целом ряде дагестанских селений в северных районах республики сохраняется взрывоопасная обстановка.

Положение осложняется до поры до времени латентными поземельными конфликтами на равнине и в предгорьях республики, уходящими корнями в советскую и досоветскую эпоху. Широкое распространение на севере Дагестана получила сложившаяся еще в дореволюционное время традиция аренды территорий равнинных районов горцами. Советская политика трудоустройства избыточного населения горной зоны на плоскости способствовала развитию отходничества безработной горской молодежи в колхозы и совхозы равнины. Следствием массовых депортаций и переселений, а также миграций советской эпохи стали несомненные взрывчатость и конфликтность поземельных отношений в Дагестане, особенно на юге и на севере республики (*Этнополитическая ситуация... 1993. С. 18–20; Поляков, Бушков, С. 14–16*). На плоскости у кумыков и терских казаков сложился комплекс обиды на горцев-переселенцев, обосновавшихся на их исторических территориях. Подобные настроения подспудно вызрели у депортированных чеченцев-аккинцев, а по отношению к азербайджанцам – у лезгин и других южно-дагестанских народов.

До начала 1990-х годов советская власть в Дагестане до поры до времени сдерживала развитие межэтнических противоречий. Распад Советского Союза осенью 1991 г. вызвал неожиданный для многих, но давно назревавший в республике всплеск поземельных и межэтнических споров. Столкновения нередко возникают на почве раздела под частное жилищное строительство колхозных и совхозных земель в селениях, где потомки горцев-переселенцев живут бок о бок с местными кумыками, русскими или ногайцами. Каждая сторона считает эти уголья историческими территориями своей общины (джамаата). Так, в частности, развивался конфликт 1992 г. в кумыкском сел. Костек (Тенглик. 11 сентября 1992 г. С. 1). Подобные споры отмечены в ногайском пос. Главный Сулак, в целом ряде лакских и аварских селений Новолакского р-на, где произошел стихийный захват земель лакских и аварских колхозов чеченским оргкомитетом по восстановлению Ауховского р-на (Дагестан: этнополитический портрет. Т. II. 1994. С. 293–294; Т. III. 1995. С. 157–159, 285–288). В Южном Дагестане под влиянием проведения государственной границы и притока в республику беженцев из Северного Азербайджана обострились отношения между азербайджанцами и лезгинами. Усилиями властей республики развитие этих конфликтов удалось временно сдержать. Но ни один из поземельных споров так до конца и не разрешен.

Тяжело и противоречиво меняется на наших глазах жизнь колхозного села Дагестана. Идет постепенное сращивание институтов бывших советских коллективных хозяйств и открыто возобновивших свою деятельность мечетных мусульманских общин. Советские антимусульманские реформы в какой-то степени подготовили исламский подъем 1990-х годов. Экономической базой этого процесса стали гигантски разросшиеся колхозные угодья, использующиеся по принципам неделимых земель сельских мечетных общин (*харим*). Уже в постсоветское время произошло перераспределение собственности и власти на селе. Это привело к складыванию новой и относительно независимой от республиканских властей сельской религиозной элиты, захватившей в Северном и Центральном Дагестане в свои руки управление колхозным селом. Внутри этой элиты нет единства. Она нередко распадается на локальные противоборствующие фракции, как это показывает недавняя история ваххабитского движения. Как небольшой осколок советской системы колхозы и совхозы вошли в фундамент складывающегося на ее обломках исламизированного общества горцев. Каким будет это общество в XXI в., сказать трудно. Формирование его только начинается. Но уже сейчас можно предположить, что будущее дагестанского села будет определяться сложным переплетением мусульманских и колхозных институтов. К такому выводу подводит изучение полевых и архивных материалов.

В заключение этого очерка следует подчеркнуть важное методологическое значение затронутой в нем проблемы. Изучение исламизации колхозов постсоветского Дагестана позволяет уточнить наше понимание традиций дагестанского горского общества в эпоху глобальных реформ и социальных потрясений современности. До сих пор в отечественном кавказоведении они оценивались как патриархальные и полуфеодальные “пережитки”. С советских времен в традиционной культуре горцев принято видеть нечто застывшее и музейное, отмирающее после завершения коллективизации. Материалы, проанализированные в данном очерке, позволяют не согласиться с этой точкой зрения. На наш взгляд, происходящая сегодня исламская трансформация горного дагестанского колхоза помогает понять истинную природу местного общества. Его общинные традиции существуют в непрерывном изменении. На основе традиционных институтов дореволюционных сельских общин в 1930–1950-е годы сложились советские коллективные хозяйства. В свою очередь колхозы и совхозы в 80–90-е годы XX в. послужили базой для формирования современных мусульманских джамаатов. При этом вплоть до сегодняшнего дня дагестанскому селу, несмотря на частую смену форм существования, удавалось сохранить основные принципы своей своеобразной культуры и социальной организации.

В XIX–XX вв. в культуре и духовной жизни народов Дагестана произошли важные изменения. Они были обусловлены как объективно-историческими процессами внутри дагестанского общества, так и новыми социально-экономическими и политическими реалиями, вызванными к жизни присоединением края к России, постепенным втягиванием его в общероссийскую общественную систему. Перемены коснулись в той или иной степени всех сфер духовной жизни дагестанцев.

В народном образовании наметился численный рост конфессиональных мусульманских школ, большое распространение получили “домашние” коранские школы и мектебы при мечетях. Во второй половине XIX – начале XX в. возросло число школ повышенного типа – медресе. В медресе, функционировавших в некоторых крупных аулах, изучались катехизис, арабская грамматика, логика, мусульманское право, а также азы географии, астрономии, математики, метрики и др. Широкой известностью пользовались медресе аулов Алкадари, Акуша, Верхний Яраги, Кумух, Согратль и др.

Продолжительная и изнурительная антиколониальная борьба горцев сказалась на веками складывавшейся системе просвещения в Дагестане, в частности в районах, находившихся под управлением Шамиля (1830–1850-е годы). Имамы, в особенности Шамиль, уделяли значительное внимание вопросам воспитания и обучения детей и молодежи. Перед школами в имамате Шамиля ставилась четко определенная задача: воспитать из подрастающего поколения верных приверженцев шариата. Шамиль строго следил, чтобы мусульманская школа выполняла это предназначение. Горцам подвластных ему районов вменялось в обязанность наряду с активным участием в военных действиях воспитывать детей в духе газавата, верности предписаниям ислама. Несмотря на тяжелейшие условия военного времени, он заботился о мусульманской школе, принимая меры, исключавшие прекращение обучения детей в своих тыловых районах.

Хотя имамат и испытывал большую нужду в средствах для ведения войны против такого сильного противника, как царская Россия, и Шамиль вынужден был изыскивать все новые источники для пополнения казны, сохранялся закят (налог в пользу мечети), предписанный Кораном. В феодальных мусульманских государствах уплата закята была обязательна для мусульман, владевших каким-либо видом имущества. Шамиль оставил закят в распоряжении духовенства. За счет закята материально поддерживались не только мечети, но и бедные горцы, религиозные школы. Кроме того, в пользу религиозных школ, ученых в имамате Шамиля выделялась пятая часть военной добычи и трофеев. Правда, ее поступление в казну зависело, по свидетельству некоторых современников Кавказской войны, от успехов военных действий горцев и состояния казны имамата (Военный сборник... 1862. С. 377).

Шамиль понимал, что для ведения изнурительной войны нужны люди закаленные, физически сильные. Поэтому в имамате особое внимание обращалось на воспитание в молодых горцах выносливости, привития качеств, необходимых воину, сражающемуся в суровых горных условиях. Обучение военному делу стало в имамате Шамиля одной из важнейших составных частей системы воспитания и образования.

Пока продолжалась борьба горцев, Шамиль не допускал и мысли о контактах с русскими в сфере образования и воспитания. Доставка и распространение русских книг были запрещены под страхом строжайшего наказания. Имамы, в частности Шамиль, старались окружать себя учеными-теологами, толкователями шариата, заботились об обеспечении благосостояния духовенства. Последнее не без основания рассматривалось как сила, способная воодушевлять горцев на ведение войны с “неверными”, возвеличить власть имамов. Ведая всем делом традиционного мусульманского образования, духовенство оказывало огромное влияние на умы подрастающего поколения, воспитывало его в духе предначертаний ислама, шариата, неприятия тех, кто их не исповедовал.

В период Кавказской войны известный ученый Лачинилау предпринял попытку распространить среди аварцев разработанную им родную письменность. Она базировалась на арабской графике с добавлением недостающих знаков для обозначения звуков аварского языка. Попытка Лачинилау была встречена с настороженностью и не имела тогда успеха. По свидетельству некоторых современников, Шамиль открыто не выступал против попыток распространения аварской письменности, но и не симпатизировал им (*Услар*, 1888. С. 39).

Во второй половине XIX в., после подавления антиколониального движения горцев, в системе конфессионального образования Дагестана сохранились традиционные приемы и методы воспитания и образования. Мусульманские школы Дагестана позднее, чем в Крыму, Поволжье и других мусульманских районах Кавказа, встали на путь сближения со светскими школами, и сам процесс этот здесь совершался медленней.

По мнению ряда деятелей просвещения, в реформировании особенно нуждались мектебы. Они выражали сожаление, что в примечетских мектебах обучение грамоте осуществляется на основе “старого притупляющего буквенного способа”, а звуковой метод обучения грамоте, значительно облегчающий труд детей и намного сокращающий время на ее усвоение, все еще не проник в эти школы. В мектебах предлагалось ввести преподавание арифметики и, где возможно, русского языка (*Черняевский*, 1895). Важнейшим составляющим реформы мектебов должно было стать, по мнению ее приверженцев, применение в мектебах новейших приемов преподавания, организация правильного курса обучения, а также улучшение гигиенических условий.

Ввиду неудовлетворительного состояния дореволюционной статистики исследователю трудно проследить эволюцию сети религиозных школ в XIX в. Даже после образования Дагестанской области местные органы царской “военно-народной” администрации не сразу стали подавать о них уточненные сведения. Данные, представлявшиеся начальниками округов военному губернатору и включавшиеся в ежегодные (с 1892 г.) обзоры Дагестанской области, по-видимому, несколько занижены и не отражают полной картины деятельности религиозных школ. Можно предполагать, что вне официальной статистики оставались многие “домашние” коранские школы, которые, возникая и закрываясь в любое время года в зависимости от наличия преподавателя и учащихся, плохо поддавались регистрации.

По официальным данным, в начале XX в. в Дагестане при мечетях и синагогах имелось 870 школ, в которых обучалось 6239 детей (Дагестанский сб. ... 1902. С. 198). В последующие 15 лет в положении конфессиональных школ существенных изменений не произошло. Так, в 1913 г. при некотором сокращении численности примечетских и присинагогских школ (787), увеличилось число учащихся, составив 7220 человек. Пополнили сеть церковно-приходских школ открывшиеся в 1905–1906 гг. армяно-григорианские школы в Те-

мир-Хан-Шуре, Порт-Петровске и Дербенте. В 1913 г. во всех этих школах учились 379 учащихся (Там же).

В начале XX в. в содержании мусульманского конфессионального образования произошли изменения. Они выразились прежде всего в появлении школы нового типа, сохранившей в своей основе религиозное содержание обучения, но введшей преподавание ряда светских дисциплин. Однако эта школа не получила широкого распространения и, по утверждению официальных властей, мало чем отличалась от мечетской (ГАРД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 171. Л. 23). В 1908 г. в области имелось восемь таких школ с 586 учащимися. В них работало 16 учителей, некоторые из которых ездили для усовершенствования в Константинополь. В школах использовались учебники, изданные в Константинополе и Бахчисарае (Там же).

После присоединения Дагестана к России кардинальные изменения внесло в систему образования дагестанцев появление светских русских школ. Первым по времени русским учебным заведением было Дербентское уездное училище, основанное в 1837 г. Оно, как и уездные училища Закавказья, открытые в соответствии с Положением от 12 мая 1835 г., имело целью распространение в крае “начальных сведений и приготовление учащихся к продолжению курса учения в Тифлисской гимназии” (Козубский, 1902. С. 198).

Открывшееся Дербентское училище имело три класса, из которых один – подготовительный. Наряду с другими предметами в училище преподавались армянский и азербайджанский языки. В первый год существования число учащихся тут едва достигало 35 человек, спустя 10 лет их было 57, а в 1878 г., после преобразования уездного училища в трехклассное городское, насчитывалось 125 учащихся.

В конце 1840-х годов в Дербенте открывается второе учебное заведение – мусульманская школа, в которую, в отличие от уездного училища, принимались только дети мусульман “всех свободных сословий”. В 1851 г. в школе обучались 56 учащихся из разных мест Дагестана. В 1855 г. она переводится в Темир-Хан-Шуру и через шесть лет вливается в состав открывшейся тогда же Темир-Хан-Шуринской горской школы. Согласно уставу горских школ, цель нового учебного заведения определялась так: “...распространение гражданственности и образования между покорившимися горцами и доставление служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средств к воспитанию и обучению детей” (Там же. С. 205).

Горская школа содержалась за счет средств российского военного ведомства и находилась в ведении командования вооруженными силами на Кавказе. При школе был учрежден пансион на 65 воспитанников, из них 40 казеннокоштных, в том числе 25 горцев из “почтенных фамилий” Северного и Южного Дагестана и 15 детей русских чиновников. 25 воспитанников пансиона содержались за счет средств, находившихся в распоряжении кавказского наместника и средств родителей.

Вместе с тем вследствие ограниченности программ трехклассная горская школа не могла служить подготовительной ступенью к поступлению ее питомцев в средние учебные заведения. Дети зажиточных горцев и царских чиновников, служивших в Дагестане, после окончания горской школы фактически были лишены возможности продолжать свое образование. Кроме того, горская школа не могла удовлетворить потребности населения в силу ограниченности контингента приема. Поэтому еще в 1860-е годы стал будироваться вопрос о преобразовании школы в прогимназию.

Темир-Хан-Шуринская прогимназия открылась в сентябре 1874 г. Уже через два года в ней обучалось более 200 учащихся. Прогимназия располагала

квалифицированными педагогическими кадрами, необходимыми учебными и учебно-наглядными пособиями, фундаментальной и ученической библиотеками. После трех выпусков (1878, 1879, 1880 гг.) Темир-Хан-Шурина прогимназия закрылась, а вместо нее с 1880/81 учебного года открылось реальное училище – первое и до 1897 г. единственное светское среднее учебное заведение Дагестана (Там же. С. 3, 59).

В 1850–1860-е годы несколько школ было открыто при воинских частях, дислоцированных в различных пунктах Дагестанской области. Такие школы, в частности, существовали в сел. Ахты (при линейном батальоне), Дешлагаре (при Апшеронском полку), в Нижнем Дженгутае (при Дагестанском конно-иррегулярном полку). В некоторых из этих школ обучались и горские дети, часть которых продолжила свое образование в других учебных заведениях. Однако школы при воинских частях были непостоянными и работали, как правило, с перерывами, плохо обеспечивались средствами, имели незначительный контингент учащихся и, просуществовав некоторое время, закрывались.

В 1860-е годы в Дербенте и Темир-Хан-Шуре были открыты первые женские школы, содержавшиеся за счет средств общественной благотворительности и имевшие небольшой контингент учащихся. В 1875 г. в Темир-Хан-Шуре открывается четырехклассная женская прогимназия. Появились также частные школы для девочек.

Школы, о которых идет речь, находились в городах и пунктах дислокации войск. Но в начале 1860-х годов школы для обучения детей горцев появляются и в сельской местности. Первой из них была Ахтынская школа в Самурском округе, открывшаяся в сентябре 1861 г. и насчитывавшая 44 ученика. Детей обучали грамоте на русском и азербайджанском языках (ГАРД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 71. Л. 19).

К 1860-м годам относится открытие вакансий для уроженцев Дагестана в средних учебных заведениях за пределами области. В 1866 г. такие вакансии открылись в Ставропольской гимназии, а в 1868 г. – в Бакинской. С 1866 по 1890 г. в первую было определено 124 дагестанца, окончили курс 32 человека, в том числе по гимназическому отделению – 3 и по реальному (горскому) отделению – 29 человек. 13 выпускников гимназии поступили в вузы и 15 – на военную службу. В Бакинскую же гимназию в 1868–1888 гг. были отправлены 47 дагестанцев, из которых окончили курс 10 человек. В самой области в 1870 г. открывается “одноклассное начальное училище грамотности и ремесел” (Порт-Петровск) и в 1872 г. – начальное училище в Чир-юрте, населенном русскими отставными военными служащими (Козубский, 1902. С. 194, 195, 215).

В 1878 г. сельские школы открылись в Дешлагаре и Касумкенте, в 1880–1890-е годы – в окружных центрах и ряде крупных аулов: Кумух, Хунзах, Ботлих, Маджалис, Хаджал-Махи и др. К концу XIX в. в Дагестанской области имелось 26 русских школ, из них 14 – в городах и 12 – в сельской местности. Средних школ было две и обе в областном центре – Темир-Хан-Шуре. Во всех школах области обучались 1896 учащихся, из них 495 девочек. В сельской местности, где проживало около 95% населения Дагестана, обучением в школах было охвачено всего 493 ребенка, или менее 26% всех учащихся (Каймаразов, 1971. С. 72).

С конца XIX в. школьное образование в Дагестане несколько оживляется. Происходит некоторое расширение сети школ, финансируемых за счет государственной казны. Это было вызвано социально-экономическими и общественно-политическими процессами, происходившими в России и на ее национальных окраинах в тот период. Развитие промышленности, ее техническое совершенст-

вание, рост сельскохозяйственного производства усиливали потребность в грамотных работниках. Этот объективный процесс вынуждал царизм идти на уступки усилившейся буржуазии, толкал на путь хотя и половинчатых, сопровождаемых оговорками реформ в области просвещения. Кроме того, в конце XIX – начале XX в. усилилось общественное движение за демократизацию образования школы, с чем царское правительство не могло не считаться.

В Дагестане число школ с 1899 по 1906 г. удвоилось. Более чем вдвое увеличилось и количество учащихся. Однако если в городах за эти годы было открыто 17 школ, то в сельской местности – всего 9. В 1905 г. на содержание сельских школ было израсходовано из государственного бюджета всего 12,6 тыс. руб. (Обзор Дагестанской области... 1905. С. 72; 1907. С. 57).

Дискриминационный характер политики царского правительства в области образования проявлялся в игнорировании родных языков дагестанских народностей. Обучение в школах велось только на русском языке.

В начале XX в. в области появились первые школы профессионального образования: школа садоводства в Дербенте (1904 г.), электротехническое училище в Порт-Петровске (1905 г.), учительские курсы в Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре и ремесленная школа в Темир-Хан-Шуре. Заметно ускорился рост школьной сети в Дагестане во втором десятилетии XX в. Так, в 1912 г. в области открылось 9 новых школ, в 1913 г. – 19, а к 1915 г. их число уже достигло 93 (из них в сельской местности – 60). Всего в школах к этому году обучалось 7092 учащихся, в том числе в сельских – 2212. Обучением во всех русских школах было охвачено около 5% детей школьного возраста. Средних школ (гимназий, реальных училищ) было шесть – все в городах области. Сельские школы были в основном одноклассными с трехлетним курсом обучения и, как правило, при одном учителе и одном вероучителе. Двухклассные училища, как правило, с двумя учителями и одним вероучителем имелись только в шести крупных аулах (Обзор Дагестанской области... 1915. С. 59).

В 1916 г. в школах области работали 229 учителей. Среди них было несколько десятков уроженцев Дагестана, получивших специальную педагогическую подготовку в учительских семинариях и на педагогических курсах. В те годы начали свою педагогическую деятельность работники просвещения А. Насыров, А. Селимханов, А. Алкадарский, С. Омаров, А. Дандамаев, М. Гасанов, М. Темирханов, Г. Гаджиев, М. Рамазанов, Х. Гаджиев, внесшие, как и их коллеги русской и других национальностей – А. Скрабе, Г. Мустанов, Н. Тарасевич, П. Ковалев, П. Егоров, С. Иванов, А. Столяровская, большой вклад в развитие школьного образования в Дагестане.

Развитие общего образования, открытие новых средних школ способствовали росту тяги дагестанской молодежи к специальному образованию. В начале XX в. сохранились установленные для дагестанцев вакансии в Ставропольской гимназии и Бакинском реальном училище (ранее гимназия). Некоторым выпускникам этих школ, а также средних школ Темир-Хан-Шуры, Дербента и Порт-Петровска удалось продолжить образование в университетах и институтах страны. Так, высшее образование получили питомцы Ставропольской гимназии Д. Коркмасов, С. Габиев, М. Хизроев, У. Буйнакский, выпускники Темир-Хан-Шуринского реального училища М. Дахадаев, М. Далгат, М. Ахундов и др. Многие из них стали видными дагестанскими революционными деятелями. Некоторые дагестанцы окончили Петербургскую сельскохозяйственную и Петербургскую военно-медицинскую академии, вузы Харькова, Одессы, Новороссийска, Томска и даже попали для завершения образования в высшие учебные заведения стран Западной Европы.

Представители местной традиционной духовной элиты получали образование в высших мусульманских учебных заведениях стран Востока, преимущественно Египта и Турции. Ряд выходцев из местной социальной верхушки получили военное образование. Таким образом, к последней четверти XIX – началу XX в. относится начало формирования интеллигенции в Дагестане.

Развитие дагестанской традиционной мусульманской научной мысли в XIX – начале XX в. связано с именами ученых-филологов, философов, историков-хроникеров, правоведов – Саида Араканского, Джамалутдина Казикумухского, Юсуфа Аксайского, Мухаммеда Тахира ал-Карахи, Гасан-Эфенди Алкадари, Гасана Гузунова, Али-Гаджи Акушинского и др. Широкую известность получили труды профессора Казанского, затем Петербургского университетов Мирзы Мухамеда Али Казембека, преподавателя мусульманского законовещения Петербургского университета Магомеда-Эфенди Османова.

В различных периодических изданиях и сборниках печатались статьи дагестанских авторов Абдуллы Омарова, Гаджимурада Амирова, Девлет-Мирзы Сихалиева, Айдемира Чиркеевского, Максуда Алиханова-Аварского и др. Большой научный труд о горских евреях опубликовал в 1888 г. в Москве Илья Анисимов. Выдающийся исследователь кавказских языков П.К. Услар хорошо отзывался о хрестоматии, составленной аварцем Магомедом Хандиевым.

В конце XIX – начале XX в. плодотворную научную деятельность вел преподаватель Темир-Хан-Шурина реального училища и секретарь дагестанского статистического комитета Е.И. Козубский. Он – автор таких значительных работ, как “Очерк истории города Темир-Хан-Шуры”, “История города Дербента”, “История Дагестанского конного полка”, двух выпусков (1902 и 1904 гг.) “Дагестанского сборника” и работы по истории Темир-Хан-Шурина реального училища. Е.И. Козубский был также ведущим автором ежегодных (с 1892 г.) “Обзоров Дагестанской области” и “Памятной книжки-адреса-календаря Дагестанской области” (Темир-Хан-Шура, 1895), содержащих ценный справочный материал о Дагестане XIX – начала XX в.

В начале XX в. появился ряд исследований по этнографии, истории и фольклору местных авторов, получивших образование в русских учебных заведениях. В 1906 г. была издана работа “Лаки, их прошлое и быт” Саида Габиева, а позднее он публикует брошюру “Арабы, ислам и арабо-мусульманская культура”. Ему принадлежит также множество статей в различных периодических изданиях (1910–1914 гг.), в которых давался критический анализ горских адатных судов, разоблачалась система военно-народного управления.

Широкую известность получили труды по этнографии, обычному праву и фольклору дагестанских и северокавказских народов Башира Далгата. Они печатались как отдельными изданиями, так и на страницах различных журналов и газет. В конце XIX – начале XX в. был опубликован ряд этнографических и краеведческих статей Д.Б. Бутаева. Как и Б. Далгат, Бутаев печатался в ряде периодических изданий, в частности в журнале “Этнографическое обозрение”.

Социально-экономические процессы, бурные политические события XIX – начала XX в. оказали глубокое воздействие на духовную жизнь дагестанского общества, что нашло свое отражение в литературе и искусстве народов Дагестана. В XIX в. проявил себя ряд замечательных поэтов и певцов, вышедших из народной среды, тесно связанных с жизнью народа и запечатлевших в своем творчестве его думы и чаяния: Ирчи Казак (1830–1879), Етим Эмин (1838–1889), Омарла Батырай (1831–1910), Тажутдин из Батлаича (1867–1909), Гасан Гузунов (1854–1944) и др. Главная тема их произведений – тяжелая, беспросветная жизнь бедного труженика в условиях колониального господства царизма и фео-

дального гнета. Поэты и певцы осуждали местную феодальную знать, нещадно угнетавшую зависимое население, высмеивали и бичевали поступки некоторых мулл, которые используя свое положение, обманывали и обирали верующих.

Демократическая направленность творчества поэтов XIX в. делала их произведения близкими и понятными массам. В условиях, когда отсутствовало печатание книг на родном языке, лучшие образцы дагестанской поэзии широко распространялись в народе. Они передавались изустно, а зачастую переписывались и в рукописях переходили из рук в руки.

В начале XX в. вышли на литературную арену виднейшие представители дагестанской поэзии Махмуд из Кахаб-Росо (1873–1919), Сулейман Стальский (1869–1937), Гамзат Цадаса (1877–1951), поэты Гаджи Ахтынский (1860–1914), Азиз Иминагаев (1885–1945). К этому же времени относится публикация стихов Саида Габиева, повестей писателя-просветителя Нухая Батырмурзаева. В 1916 г. последний вместе с сыном Зеналобидом, просветителем и театральным деятелем Темирбулатом Бейбулатовым создает просветительно-литературный кружок “Танг-Чолпан” (“Утренняя звезда”), а в 1917 г. начинает издавать журнал под тем же названием.

Еще в дореволюционные годы пришли в литературу видные представители дагестанской советской поэзии – народные поэты Дагестана Абдулла Магомедов, Тагир Хурюгский, а также Рабадан Нуров, Гарун Саидов и др.

В XIX – начале XX в. в Дагестане бытовали и развивались такие виды традиционной культуры, как искусство канатоходцев, народное театральное искусство “нини”, народные художественные промыслы и др. В это же время в национальную культуру проникают и элементы современного искусства русского и соседних кавказских народов. В 1908–1916 гг. в ряде мест Дагестанской области – в аулах Ахты, Кумух, Хунзах, слободе Хасавюрт – возникли любительские театральные кружки, которые ставили произведения местных авторов, русских и зарубежных классиков.

После окончательного включения Дагестана в состав России заметные изменения произошли в развитии художественно-кустарных промыслов Дагестана. Одни отрасли (например, выделка тканей, холста, сукна, производство огнестрельного оружия и др.), будучи не в состоянии конкурировать с русской фабрично-заводской промышленностью, суживались, тогда как другие (изготовление ворсистых ковров, предметов из золота, серебра), благодаря спросу не только на Кавказе, но и во внутренних губерниях России, еще более расширялись. В русских городах и станицах пользовалась спросом балхарская и сулевкентская расписная керамика. Совершенствовались художественная обработка дерева, резьба по камню. Художественные изделия из дерева вывозились в соседние районы Кавказа и в центральную Россию.

В 60-е годы XIX в. в Дагестанской области началось книгопечатание на русском языке. В Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске, Дербенте появились частные типографии. В 1902 г. в областном центре Темир-Хан-Шуре местный предприниматель М. Мавраев открыл типо-литографию, печатавшую книги на ряде дагестанских языков. В Темир-Хан-Шуре и Дербенте стали выходить газеты на русском и арабском языках. В 1912–1914 гг. в Петербурге Саид Габиев издает прогрессивные газеты “Заря Дагестана” и “Мусульманская газета”. В дагестанских школах, а также во всех городах области функционировали библиотеки с небольшим книжным фондом.

Радикальные преобразования в сфере культуры, перемены в духовной жизни Дагестана произошли в советский период его истории. Первоначально в республике, разоренной в ходе мировой и гражданской войн, провозглашенные

программы культурного строительства и духовного возрождения (к тому же не опиравшиеся прочно на выработанный предыдущими поколениями опыт, наследие), выполнялись трудно. Они не могли быть подкреплены достаточной материально-финансовой базой. Сказались и большие потери, которые понес интеллектуальный, кадровый потенциал республики в результате репрессий и эмиграции.

Тем не менее за первое десятилетие существования новой власти в Дагестанской АССР был превзойден дореволюционный уровень охвата детей школой, создана система специального и внешкольного образования, обучения взрослого населения, больше стало учащихся в специальных учебных заведениях. В Дагестане появились клубы, избы-читальни, русский драматический театр, национальная драматическая студия, стационарное кино и кинопередвижки для села, радио, массовым тиражом начали издаваться книги, газеты на родных языках.

К началу Великой Отечественной войны в ДАССР насчитывалось 1329 школ, из них 425 – неполных средних и 71 – средняя. В них обучалось 214,3 тыс. учащихся, в том числе в средних – 42,5 тыс. В пяти высших и 26 средних специальных учебных заведениях обучались 7576 студентов и учащихся (Советский Дагестан... 1960. С. 119, 129). Около 80% населения республики стало грамотным. К концу 1930-х годов 43 160 дагестанцев имели высшее и среднее образование. В научных учреждениях и вузах работали 282 научных и научно-педагогических работника, в их числе кандидаты наук, доценты и профессора – выходцы из коренных народов республики. Функционировали 756 массовых библиотек, 952 клубных учреждения, 119 киноустановок, 8 театров и 5 музеев, творческие организации писателей, художников и композиторов. Издавались 5 республиканских, 27 районных газет на 9 языках, 10 фабрично-заводских газет и 5 многотиражек с общим годовым тиражом свыше 20 млн экземпляров (Каймаразов, 1971. С. 273). С 1930 по 1940 г. Дагестанским государственным издательством (Даггосиздат) было издано 264 названия одних только произведений художественной литературы общим тиражом более 500 тыс. экземпляров (Даниялов А.Д., 1940).

К началу войны во всех райцентрах ДАССР имелись радиоузлы, в городах и селах около 14 тыс. радиотрансляционных точек. Радиопередачи велись на 9 языках.

Немалых успехов в развитии культуры Дагестана удалось достигнуть в послевоенный период. Было введено всеобщее семилетнее, восьмилетнее, а затем среднее обучение детей и молодежи; наряду с существовавшими с начала 1930-х годов педагогическим, медицинским и сельскохозяйственным институтами стали функционировать государственный университет (с 1957 г.), политехнический институт (с 1972 г.), расширилась сеть средних специальных учебных заведений и профессионально-технических училищ. ДАССР превратилась не только в республику сплошной грамотности, но и высокого образования. К середине 1980-х годов здесь всеми видами обучения было охвачено 488,5 тыс. человек, из них в общеобразовательных школах 425,3 тыс., профессионально-технических – 14,1 тыс., средних специальных учебных заведениях – 24,3 тыс., вузах – 24,8 тыс. человек (Народное хозяйство Дагестанской АССР... 1987. С. 204).

В 1985/86 учебном году средние общеобразовательные школы Дагестана окончили 37,9 тыс. человек, а вузы и средние специальные учебные заведения выпустили 11,3 тыс. молодых специалистов. Высшие учебные заведения республики выпускали в среднем 4,1–4,5 тыс. специалистов ежегодно. В народном

хозяйстве было занято около 154 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием (Там же. С. 168, 214–215).

Во второй половине 1980-х–1990-е годы, в условиях “перестройки” и реформ в культурной, духовной жизни дагестанского общества, произошли разительные перемены. Постепенно нараставший в экономике кризис, обострение общественно-политической ситуации существенным образом отразились на функционировании системы образования, деятельности учреждений культуры, науки и искусства. Из-за резкого сокращения государственного финансирования в 1996 г., например, в республике было введено в строй школ всего на 1,5 тыс. ученических мест, тогда как в 1988 г. – на 16 тыс. ученических мест (Шихамедов, Гаширова, 1997. С. 17). При относительной стабильности сети и контингентов учащихся общеобразовательных школ уменьшился выпуск окончивших среднюю школу, особенно в сельской местности.

Появились новые типы средней общеобразовательной школы – гимназия и лицей, преимущественно в городах.

В 1990-е годы сократились численность обучающихся и выпуск специалистов из средних специальных и профессионально-технических учебных заведений. В системе высшего образования наряду с пятью государственными вузами появились несколько десятков филиалов центральных и республиканских вузов, коммерческих учебных заведений, в которых в общей сложности обучались в 1999 г. 67 тыс. студентов (Социально-экономическое положение... 1999. С. 264).

В послевоенные годы в сфере фундаментальной науки в республике функционировали научно-исследовательская база (1945 г.), филиал (1949 г.) Академии наук ССР и Научный центр (1992 г.) РАН. К началу 1990-х годов в научных учреждениях и вузах Дагестана трудились более 6 тыс. научных и научно-педагогических работников, из которых около половины имели ученую степень доктора и кандидата наук. Имена и труды ученых Х.И. Амирханова, Г.Г. Гамзатова, Р.П. Аскерханова, Р.М. Магомедова, А.А. Аливердиева, С.Ш. Гаджиевой, Х.Э. Гаджиева, У.А. Мейлановой, И.А. Шамова и других приобрели общероссийскую известность.

Пополнился отряд писателей: прозаиков, поэтов, драматургов. Далеко за пределами Дагестана известны произведения народных писателей и поэтов С. Стальского, Г. Цадасы, А. Гафурова, Т. Хрюгского, А.В. Сулейманова, А. Аджиева, А. Аджаматова, Э. Капиева. Широкому читателю полюбились произведения писателей более позднего поколения, вступивших на путь литературного творчества в годы Отечественной войны и послевоенный период: Р. Гамзатова, Р. Рашидова, А. Раджабова, М. Гайрбековой, А. Абу-Бакара, Ф. Алиевой, С. Рабаданова, М. Митарова, М. Магомедова, Г. Багандова и др. Их книги издавались на дагестанских и русском языках, а также на языках многих народов СССР, России, зарубежных стран.

В республике работают 9 профессиональных театров, в том числе русский драматический театр, академический ансамбль танца “Лезгинка”, 11 музеев, творческие профессиональные объединения композиторов, художников, журналистов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАРОДЫ ДАГЕСТАНА (историко-этнографические очерки)

АВАРЦЫ

Аварцы (самоназвание – маГарулал) – самая крупная по численности народность Дагестана, которая на 1 января 1998 г. насчитывала в республике, включая родственные андо-цезские народы и арчинцев, 586,4 тыс. человек. По данным переписи 1989 г., на территории СССР проживали 600 989 аварцев (Основные итоги..., 1990). Согласно переписи 1926 г., в которой учитывалась национальность малых народов, аварцев было 177,2 тыс., в том числе родственных народов – 38 440 человек (21% от общего числа аварцев) (Всесоюзная перепись... 1928. С. 343).

Малые народы – андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы, бежтинцы (хъванал, капучинцы), ботлихцы, гинухцы, годоберинцы, гунзибцы (хунзалы), каратинцы, тиндалы, цезы (дидойцы), хваршины, чамалалы – и аварцы, проживающие за пределами Дагестана, многие сотни лет развивались во взаимосвязи с собственно аварцами, и этнографический материал показывает между ними немало черт культурной общности. Этнически своеобразные черты и культурно-бытовые особенности малых народов имеют отчетливую выраженность. Но в то же время малые народы обладают наряду с собственно локально-этническим также и общеаварским самосознанием. В быту представители этих народов пользуются родными языками. Их этноидентификация меняется в зависимости от ситуации, в которой находится человек; она у всех аварцев многоступенчатая: житель селения Гагатли среди андийцев – гагатлинец, среди аварцев – андиец, среди дагестанцев – аварец, за пределами Дагестана – дагестанец. Для малых народностей характерно многоязычие: они владеют родным, национальным, русским, нередко языком соседей (чеченским, грузинским, кумыкским).

Аварцы исторически занимали бассейны трех рек – Аварское Койсу, Андийское Койсу и Кара-Койсу; восточная граница шла от Главного Кавказского хребта (горы Гутон) по хребту Шалиб – восточному склону Турчидагского плато – Левашинскому нагорью – западному склону Кызылярского хребта до предгорья (Верхний Дженгутай); западная граница проходила от горы Диклосмта Главного Кавказского хребта по Снеговому хребту – Андийскому хребту – западному склону хребта Салатау – р. Акташ до равнины (Гельбах – Верхний Чирюрт). В 1940–1960-е годы часть населения из высокогорных районов (около 100 тыс. человек) переселилась на равнину – в Кизилюртовский, Хасавюртовский, Кизлярский районы. Аварцы живут также в сел. Кусур Рутульского р-на, в Северном Азербайджане (45 тыс. человек компактно в Закаतालском и Белоканском районах), в Кварельском р-не Грузии (4,2 тыс.). Сейчас 43% аварцев живет в городах.

Рис. 25. Селение Кахиб. (Из личного архива Исламагомедова А.И.)

В данном очерке речь идет о собственно аварцах – дагестанских жителях с самоназванием маГарулал.

Аварцы, как и большинство дагестанцев, антропологически относятся к кавкасионскому варианту переднеазиатской (или балкано-кавказской) расы южных европеоидов; их рост выше среднего, у них темно-русые или коричнево-черные, слегка волнистые волосы, кожа светлая, лицо высокое и широкое, глаза преимущественно светло-карие и каре-зеленые.

Аварский язык относится к аваро-андо-цезской подгруппе нахско-дагестанской группы северокавказской языковой семьи. Он имеет множество диалектов (многие общества говорят на своем диалекте). Почти в каждом селении свой говор, иногда сильно отличающийся от говоров соседей. В основу литературного языка лег так называемый гьобол маЦ – “язык гостя” (своего рода койнэ), выработанный веками при общении на базарах, с гостями, чему способствовали также единая правовая система и состояние политической консолидации всех обществ. В специальной филологической литературе общий язык назван “Болмац” – “язык войска”, “язык ополчения”. Письменность на аварском языке была создана на основе арабской графики (*аджам*) в XV–XVI вв. Сохранились письменные памятники, относящиеся к XVI в. По некоторым данным можно считать, что аварцы до прихода арабов были знакомы с албанской и грузинской письменностями, пользовались их графикой, а с распространением ислама (X–XV вв.) писали на арабском языке. Процесс принятия ислама был длительным; мусульманство повсеместно в горах утвердилось в XV–XVII вв. Исповедовали ислам суннитского толка (мазхаб Шафи). В 1928 г. был введен новый алфавит на основе латинской графики с одновременным переводом преподавания в школе на родной язык и изучением русского языка в качестве учебного предмета. Такая система сохранилась до 1938 г., пока не была создана письменность на русской графической основе. Сейчас на ней выходят книги, журналы, газеты

Рис. 26. Дом с башней в селении Хотода. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

на аварском языке. Обучение в школе до четвертого класса ведется на родном языке, а в старших классах аварский язык изучают как предмет. Из аварцев, проживающих в Дагестане, родным считают язык своей национальности 98,8%, русским свободно владеет в качестве второго языка 64,6%; среди городского населения – 82% аварцев (Основные итоги... 1990; Алиева, 1999. С. 173).

Краткая история. Территория, занимаемая аварцами, была заселена человеком с эпохи верхнего палеолита–мезолита, к этому времени (8 тыс. до н.э.) относятся нижние слои Чохского поселения (Амирханов, 1987. С. 31), Козьманохо, наскальные изображения Чувал-хвараб-нохо, Чинна-Хитта (все эти археологические памятники находятся на территории Гунибского р-на) (Гаджиев, Давудов, Шихсаидов, 1996. С. 20–22).

Следующая эпоха – неолит (VII–VI тыс. до н.э.) – характеризуется появлением долговременных каменных жилищ, свидетельствующих о возникновении прочной оседлости, земледельческих орудий – жатвенных ножей с каменной или костяной рукоятью, зернотерок, каменных мотыжек. Обнаружены зерна окультуренных злаков (пшеница, ячмень), кости одомашненных животных (овец, коз). Таким образом, приведенный материал показывает, что население в VI тыс. до н.э. перешло от присваивающего хозяйства, основанного на собирательстве и охоте, к земледелию и скотоводству (Абакаров, Давудов, 1993. С. 31).

Эпохи энеолита (V–IV тыс. до н.э.) и бронзы (III–I тыс. до н.э.) представлены на территории аварцев большим количеством памятников (Чох, Гинчи, Чинна, Чиркей, Верхний Гуниб, Чирката, Сигитма), которые свидетельствуют о непрерывности этногенетического развития, преемственности культуры, интенсивности демографических процессов, освоении новых территорий, появлении разнохарактерных поселений, хорошо защищенных естественными преградами. Места расположения поселений удобны для земледелия и скотоводства, и с небольшими изменениями они существовали до средневековья (X–XIII вв.).

Рис. 27. Селение Чвадаб. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

Основой формирования аварской народности предположительно служили племена легов, гелов, албанов, упоминание о которых имеется в письменных источниках V–I вв. до н.э. Они входили в состав Кавказской Албании – древнейшего государства на Восточном Кавказе, возникшего во второй половине I тыс. до н.э. (История Дагестана. Т. 1. 1967. С. 106). Территория, населенная аварами, с V–VI вв. известна как царство Серир (так ее называли арабские авторы) – крупнейшее политическое образование в раннесредневековом Дагестане. В IX–X вв. границы его расширились, и анонимный источник сообщает, что Серир – это область с большими богатствами, горная и степная. Жители страны имели высокую земледельческую культуру, развитое скотоводство и ремесленное производство: гончарное, кузнечное, ювелирное, ткацкое. Торговля и торговые обмены получили широкое распространение. По территории Серира проходили торговые пути, связывавшие страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой и с Северным Кавказом. Серир в X–XI вв. играл активную роль в политической жизни Кавказа. Правитель его обладал огромной властью внутри государства, авторитетом и влиянием среди других феодальных владетелей. Военно-политический союз Серира с соседними владениями способствовал укреплению торгово-экономических и культурных связей. Одним из средств усиления влияния было распространение религии, установление идеологического господства. К этому стремились арабы, начав в середине VII в. экспансию в Дагестан, которая продолжалась более 150 лет, а также армянская церковь, насаждавшая христианство в Южном и Северном Дагестане, и Грузия, развернувшая активную миссионерскую деятельность в основном на территории, населенной аварами. Последствия арабских завоеваний и их миссионерской деятельности хорошо известны: все население приняло мусульманство, ислам утвердился как господствующая религия на всей его территории, и влияние арабской культуры на средневековый Дагестан стало преобладающим.

Рис. 28. Селение Чох. (Из личного архива Исламагомедова А.И.)

Вместе с тем для языческой средневековой Аварии роль христианской религии также была огромна. Население многих аулов приняло христианство. Этим, видимо, можно объяснить некоторые топонимические названия, а также имеющие распространение в народе предания об армянском или грузинском происхождении некоторых селений, тухумов, имен. Сохранились памятники материальной культуры в виде разрушенных храмов (церквей) в Хунзахе, Верхнем Чирюрте, Анцухе, могильников близ селений Урада, Хунзах, Тинди, Ругуджа, крестов, их изображений на камне. Часто христианские культовые сооружения впоследствии использовались как мусульманские или в качестве жилищ. Например, еще в начале 1960-х годов в сел. Ругуджа Гунибского р-на был большой одноэтажный дом “КаллГа рокъ”, что означает “храмовый дом”, “церковный дом”. Размеры его превышали 110 м², он был построен из тесаного камня. До настоящего времени хорошо сохранился христианский храм Датуна (X–XI вв.) в долине р. Аварское Койсу.

Конец I – начало II тыс. н.э. стали для Аварии временем бурных исторических, социальных, политических событий. На этот период падает завершение процесса распада небольших тухумных поселений и сложение на их базе крупных населенных пунктов – территориально-тухумных сельских общин. Примерно во второй половине XII – первой половине XIII в. государство Серир начало распадаться на ряд мелких феодальных владений. Эти существовавшие в границах Серира владения и общества усилились и стали независимыми. И с того времени из арабоязычной литературы исчезает название “Серир”. В историческом сочинении “Тарих Дагестан” (XIV в.), освещающем историю Дагестана X–XIV вв., сказано о земле авар, аварских правителях. В том же труде перечисляются отдельно от “вилаята Хумз” (общество Хунз-Аварское ханство) многочисленные общества, обязанные платить *харадж* (дань) арабскому наместнику, из че-

Рис. 29. Селение Ругуджа. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

го следует, что они были самостоятельными общественно-политическими единицами. (Тарих Дагестан, 1993. С. 103). В основном их названия совпадают с названиями “вольных” обществ. Видимо, уже в то время (XII–XIII вв.) наряду с Аварией – феодальным государством с центром в Хунзахе – образовались общества (союзы сельских общин), независимые от последнего или от другого феодала-владельца, с характерным для них демократическим правлением.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что вся территория, на которой жили аварцы, не называлась Аварией, и аварцы не назывались “аварцами”. В науке принято считать, что слово “авар” связано с именем царя Серира Авар, который правил в V в. (об этом сообщает арабский источник X в. ибн-Руста), и со временем стали употреблять его в письменных текстах для обозначения царства в целом и народа, который когда-то подчинялся царю. Установлено, что термин “авар” не связан с кочевыми аварами (VI–IX вв.) или савирами (саварами). Позднее и русскоязычные документы стали называть хунзахское ханство “аварским”, а жителей его “аварами”. Каждое общество имело собственное название, которое иногда выступало и как субэтноним. Человек так и представлялся: хунзахец, гидатлинец, келебец, хиндалалец, лъебелав, карахец. Объединительным названием для всего народа, говорящего на данном языке, было

Рис. 30. Селение Тлярата. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

магIарулал. Ни один человек из этого народа до начала XX в. не сказал бы, что он – “аварец”, а в 1950-е годы многие пожилые люди даже не знали, кто такие “аварцы”, говоря, что они – магIарулал. И соседние народы их не называли аварцами, даргинцы именовали их *къарахъан*, лакцы – *ярусса*, кумыки – *тавлулар*, грузины – *леки*, азербайджанцы – *лезгилер*, чеченцы – *джъай*, ногайцы – *тавлылар*, русские – *тавлу*, у лезгин экзоэтнонима для аварцев не было. Как правило, лезгины называли общество, из которого прибыл человек (о ком речь). В середине XIX в. известный ученый П.К. Услар писал: “для этого семейства языков не существует никакого общего названия, кроме магIарулал. Аварский есть название совершенно чуждое самому краю” (Услар, 1889. С. 4).

О самом термине “магIарулал”, его этимологии существуют разные мнения. Главное, что слово “магIарулал” не связано с понятием “горцы” – “мугIрулал”. “МагIарулал” – это этноним, не имеющий объяснения. Происхождение его многие связывают с названием народа *гъалби*, входившем в Кавказскую Албанию. Родственные андийцы называли аварцев *гъайбулу*, ботлихцы – *гъабию*, годоберинцы – *гъабулу*, каратинцы – *гъалби*, чамалалы – *гъайдубе*.

Для средневековья (XI–XIII вв.) характерным становится не только образование, как было сказано, самостоятельных обществ, владений, но и стремление

Рис. 31. Селение Гуниб. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

их к усилению своей независимости и безопасности. Наличие множества сторожевых (сигнальных) башен вдоль южной границы и по долинам рек, где проходили дороги со стороны Азербайджана и Грузии, оборонительной стены с севера указывает на большое значение, которое придавали аварцы борьбе с иноземными завоевателями. Их строили также на границах обществ, вокруг селений на господствующих высотах. Остатки таких башен сохранились до сих пор между союзами обществ Андалал и Мукратль, Андалал и Куяда, Анцух и Таш, Гунзиб и Анцух, Гидатль и Келеб и др. Строились башни и внутри селений, их остатки или развалины имеются во многих населенных пунктах.

Если общины укрепляли свои поселения башнями и оборонительными стенами, то феодалам, боявшимся и своего народа, приходилось прибегать к более серьезной защите. В Аварии на чрезвычайно труднодоступных местах сохранились остатки оборонительных сооружений. Временем существования таких крепостей-замков, которые местное население называет “ханские крепости”, археологи считают VI–XIII вв. В последующие столетия в этих обществах, на территории которых находились данные замки, не обнаруживаются признаки сословной дифференциации. В памятниках обычного права XVII–XVIII вв. четко прослеживается явная антифеодалная, антиханская направленность политики в обществах. Таковым же должно было быть и поведение населения в них. За сочувствие или помощь феодалам – ханам, шамхалам – в “вольных обществах” (например, Андалал, Гидатль) предусматривался штраф. Общество как единица политического управления стремилось защищать юридическое равноправие всех своих членов, и в своде своих решений записало: “Если кто-нибудь из жителей нашего селения скажет “Я раб или нуцалчи (бек), то с него взимается 100 овец”. Сословная однородность джамаата служила условием бытования свободного общества. Эти настроения, видимо, были следствием происшедшей

Рис. 32. Аварки из селения Глярош в традиционном костюме. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

Рис. 33. Аварка из “Гидатля” в традиционном костюме. 1980-е годы. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

Рис. 34. Аварка из селения Чох в повседневной одежде, 1960-е годы. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

в XIII–XV вв. дефеодализации, изменившихся общественных отношений в результате борьбы народа против феодальной власти. В XVI–XVIII вв. общества Андалал, Гидатль, Карах могли успешно противостоять таким сильным феодальным владениям (ханствам), как Аварское и Казикумухское.

Аварское ханство в средневековом Дагестане считалось одним из сильных владений. Наиболее известный владетель его Умма-хан (умер в 1634 г.), власть которого распространялась и на Джаро-Белоканы. При нем были собраны древние обычаи и составлен кодекс правовых норм для жителей ханства.

В XV–XVII вв. у аварцев продолжается процесс экономического развития, обусловленный ростом производительных сил и общественных отношений, изменением внешнеполитической обстановки, сложением дифференцированного хозяйства по географическим зонам. Но время это не было спокойным для Аварии. Не прекращались войны между Турцией и Ираном за Кавказ, шахи и султаны вовлекали народы Дагестана через феодальных владетелей в военные действия.

Вместе с тем на самой территории аварцев ни шахи, ни султаны не воевали, ее не удалось покорить. В случае опасности народы объединялись против общего врага, отряды аварцев, лакцев, даргинцев не раз выступали на помощь друг другу и народам Южного Дагестана. Нашествия иноземцев приносили страдания и бедствия дагестанцам, мешали экономическому и культурному развитию. Однако общая беда сплачивала народы, в борьбе с внешним врагом укреплялось единство аварцев и развивалось их самосознание. Ярким примером единства стало Андалалское сражение – значительное событие в истории дагестанцев.

После неоднократных попыток покорить Дагестан иранский шах Надир в 1741 г. вновь двинулся со 100-тысячной армией двумя маршрутами в Дагестан. Основные силы, возглавляемые им самим, наступали через лезгинские, агульские, лакские земли. По пути он беспощадно разрушал селения, убивал стариков, женщин, детей. Сдались уцмий Кайтагский, шамхал Тарковский, был пленен хан Казикумухский. К осени воины шаха подошли со стороны Кумуха к андалалским селениям. Андалалское общество в то время было одним из крупных обществ Дагестана. В него входило большинство селений нынешнего Гунибского р-на с населением около 15 тыс. человек. Андалалцы начали формирование отрядов воинов в селениях, подготовку к тяжелой борьбе. Одновременно были разосланы гонцы с письмами к другим обществам с призывом прийти на помощь, объединиться против общего врага. С призывом обратились и известные ученые Ибрагим Гаджи Гидатлинский, Салман Кудалинский. Была объявлена всеобщая тревога – зов. По этой тревоге каждый житель, способный воевать, должен был встать в ряды защитников. Неявка грозила большим штрафом и позором.

Отметим в связи с этим, что первые статьи андалалских адатов посвящены защите отечества. В Своде решений, обязательных для жителей Андалалского общества, – своде кодифицированных адатов сказано: “С человека, не принявшего участия в тревоге, взыскивается штраф в размере одного быка. ...Если одно из андалалских селений не примет участия в тревоге, то с жителей его взыскивается штраф 100 баранов. ...Если кто-нибудь из наших людей в войне погибнет или покалечится, то его семье общество ежегодно выделяет зерно и скот” (Свод решений... 1965. С. 62).

Весть о приближении жестокого врага и зов всколыхнули людей. Шах Надир почувствовал опасность и не хотел сражения. Он посылает послов к анда-

лалскому джамаату с предложением покориться и признать его власть, но горцы ответили отказом, потребовав уйти из Дагестана. Сражение стало неизбежным, и оно продолжалось больше недели. Горцы применили тактику партизанской войны: не ввязываться в генеральное сражение, не дать шаху возможности использовать свое численное преимущество, нападать неожиданно из засады, заманивать врага в ловушку, разбить его конницу на мелкие отряды и лишить маневренности. Одновременно бои шли в разных местах, на полях чохцев, обохцев, мегебцев, согратлинцев; потери были большие. К андалалцам подоспели отряды даргинцев, лакцев, лезгин, табасаранцев, хунзахцев, джарцев (голодинцев), многих аварских обществ.

Немалую роль в борьбе с шахскими войсками сыграли женщины, которые и морально, и физически поддерживали воюющих отцов, мужей, братьев. На поле битвы пришли женщины, одетые в мужскую одежду, и способствовали победе. Это нашло отражение в фольклоре. Так, в одном из поэтических произведений аварцев говорится: “Побежали всяпть от Чоха все бойцы Надир-шаха, вслед им смех несется женский, смех и радостный и звонкий”.

В этой освободительной борьбе было проявлено множество героических поступков, горцы добровольно шли на смерть ради великой цели – защиты независимости. Погибло много людей, по преданиям, был убит каждый четвертый из молодых андалалцев. Народная память сохранила имена тех, кто сыграл большую роль в организации сопротивления в Андалале и возглавил отряды ополченцев, совершивших подвиг. Это Пирмагомед (кадий), Чупалав, Давуд из Согратля, Муртазали из Кумуха (сын хана), Бухадар и Шахбан из Обоха, Мадилав и Будай из Чоха, Харцо и Хуччу из Мегеба, Амирасулав и Гунаш из Ругуджа и др.

Шах Надир вынужден был уйти из Андалала. Множество иранцев погибло на земле аварской (более 25 тыс. человек), шах потерял почти всех коней и верблюдов, казну (Хроника. 1931. С. 17). У селения Аймаки объединенными силами дагестанцев удалось разбить и другой отряд шаха. Горцы отстаивали независимость и свободу. Это было начало крушения державы шаха Надира. Победа объединенных сил дагестанцев имела великое историческое значение для всего Дагестана.

Социальный строй. В XVIII в. аварцы входили в состав Аварского и Мехтулинского ханств и союзов сельских общин – так называемых вольных обществ. Феодальное владение – Аварское ханство, которое аварцы называли Хунзахским, – состояло из селений, расположенных на плато и его склонах, между реками Аварское Койсу и Андийское Койсу. В разное время влияние ханской власти на соседние общества было разным. При Умма-хане II (1776–1801 гг.) дань ему платили грузинский царь, дербентский, кубинский, шекинский ханы, многие “вольные” общества. Во время войны (похода) аварский хан собирал до 35–40 тыс. вооруженных ополченцев. В ханстве не было единой системы административного деления и управления. Официально все вопросы внутреннего и внешнего управления решал сам хан. Он разбирал дела по адату, судил и наказывал по собственному усмотрению. Духовные, наследственные и семейные дела решал кадий. Полицейские функции выполнял вооруженный отряд – находящиеся на службе у хана нукары.

Другое феодальное образование – Мехтулинское ханство – было небольшим владением. В него входили и кумыки, а местопребыванием хана служили Дженгутай и Дургели. Мехтулинское ханство сложилось во второй половине XVII в. и по своей внутренней организации и управлению не отличалось от Хунзахского.

Рис. 35. Жилища в селении Хунзах. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1950 г.)

Многие аварцы входили в союзы сельских общин-обществ, называемых “бо” (войско, ополчение): Салатавия (НахбакI), Гумбет (Бакълъулал), Ун-кратль (Ункъракъ), Койсубулу (Хъиндалал), Хунз, Технуцал (ТехИнуцал, Хъиндалал), Куяда (КIуяда), Кахиб (КъахIиб), Телетль (Телекъ), Гидатль (Гьидалъ), Келеб (Къелеб), Анцух, Таш, Ухнада (УхIнада), Богнада (Богънада), Анцросо (АнцIросо), Тлебелал (Лъебелал), Томурал (ТIомурал, Джурмут), Андалалъ (Пандалал), Карах (Къарах), Тленсер (Къенсер), Мукратль (Мукъракъ), Хебдалал (ХIебдалал). Общества были в основном стабильными самоуправляемыми общественно-политическими образованиями, основанными на соглашениях и взаимодействии, взаимопомощи, совместных действиях по защите от врагов, по охране своих земель (территории), мирном регулировании спорных вопросов, соблюдении кодифицированного адатного права.

Многие “вольные” общества фактически представляли собой политические и этнографические единицы (субэтнотсы), имевшие собственные культурно-бытовые, языковые особенности и находившиеся в состоянии союза, основанного на соглашениях и общих адатах о соблюдении суверенитета. История знает очень мало случаев нападения одного общества на другое, конфликтов и столкновений между ними.

Селение – сельская община, входившая в “вольное” общество, являлась самостоятельной хозяйственно-политической единицей, базировавшейся на кровнородственных и соседских отношениях, частной собственности ее членов и одновременном совладении ими общественной собственностью на своей территории (пастбищами, сенокосами, лесами, водными источниками), строгом соблюдении обычаев, регулировавших взаимоотношения людей и регламентировавших хозяйственно-бытовую деятельность. Сохранялось общинное управление – сход (мужское собрание), выбранные старейшины – *чIухIби*, *гIадилзаби* с функ-

Рис. 36. Жилища в селении Гента Шамильского района. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1970 г.)

циями судей, исполнители (*глабаби*), выборный кадий (*дибир*). Во многих обществах при выборе старейшин соблюдался традиционный принцип представительства тухумов, хотя нередко все большее предпочтение стали отдавать поквартильному выдвижению правителей.

После разорительных походов шаха Надира экономика дагестанцев восстанавливалась довольно быстрыми темпами, хотя феодальная раздробленность, соперничество дагестанских владетелей во многом мешали этому. Экономическому развитию способствовало уже ранее (XV–XVI вв.) начавшееся разделение труда между отдельными физико-географическими зонами Дагестана, так называемая зональная специализация. Если в горных районах усилилось специализированное овцеводство, то на равнине – производство зерновых как товарной отрасли. Эта была новая, более эффективная форма организации хозяйственной деятельности, она способствовала быстрому росту экономического потенциала отдельных регионов, обществ, развитию ремесла и торговли. Определелись торгово-обменные центры, базарные дни в них. Становятся регулярными существовавшие и ранее связи с рынками Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа.

Аварское ханство и ряд обществ еще с XVII в. имели связи с Россией, которые усилились после включения Дагестана в ее состав. Однако колониальная политика царизма, тяжелые поборы и подати, принудительный труд по строительству дорог, всякие притеснения вызывали недовольство народа. Малейшее непослушание наказывалось, а выступление против русских властей жестоко каралось. Царизм поддерживал феодальных владетелей, подкупал их, назначал им жалованье, присваивал воинские звания, тем самым противопоставляя их народу, рассчитывая на помощь в удержании горцев в своем повиновении и их эксплуатации.

Рис. 37. Тип двухэтажного дома в селении Хиндах Шамильского района. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1970 г.)

Недовольство народных масс использовало духовенство, которое призывало горские массы к борьбе против русского царизма. Идейнными вдохновителями были Мухаммед Ярагский и Джамалутдин Казикумухский. Началась изнурительная, длительная, разрушительная война. Руководителем движения стал мулла Газимагомед из Гимры. Он с небольшим отрядом приверженцев ходил по аварским селениям и вводил шариат, часто силой оружия. Через два года, во время сражения возле с. Гимры Газимагомед погиб, а его друг и сподвижник Шамиль вырвался из окружения.

Вторым имамом стал Гамзат-бек, известный в истории как человек, истребивший ханскую семью в Хунзахе, за что и сам был убит. Новый имам Шамиль долгие годы возглавлял народно-освободительное движение горцев. Ему необходимо было внедрить шариат, идеологическую, правовую и бытовую основу ислама, подчинить общества власти имама и собрать войско. Создать военно-теократическое государство – имамат было нелегко, так как джамааты жили по своим адатам и не желали потрясений. Судьба очень многих селений стала такой, какой ее описывает секретарь Шамиля Мухаммед-Тахир аль Карахи: “Рассчитавшись с андалальцами, имам обратился к хунзахцам и нанес им тяжелое поражение. Мюриды не щадили своих врагов и убивали без всякого милосердия... Аул Чох был взят, разгромлен и сожжен. Остались 2–3 сакли... Захватив с собой добычу, мюриды разошлись по домам, похоронив на месте до 300 своих праведников и взяв с собой до 1000 своих раненых” (Мухаммед-Тахир, 1990. С. 78). Через четыре года Чох был разрушен уже артиллерией русских войск. Так шла эта война, многие селения по несколько раз занимали то мюриды, то царские солдаты.

Война разрушала хозяйство, приносила большие человеческие и материальные потери, многие селения были уничтожены и жители жили на чужбине.

Рис. 38. Аварка с детьми из селения Кахиб. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1950 г.)

Несмотря на суровое наказание за отказ, многие горцы начали уклоняться от участия в движении. Часть наибов отошла от имама и заявила о своей покорности русской администрации. В 1859 г. Шамиль был пленен в Гунибе.

После окончания народно-освободительной борьбы горцев в Дагестане была проведена административно-судебная реформа, ликвидированы ханства, установилась единая система административного управления в составе Российского государства. Были образованы Аварский, Андийский, Гунибский, Закатальский округа с аварским населением. В мирных условиях расширились торгово-экономические связи, появились рабочие-отходники, представители национальной интеллигенции, профессиональные купцы, офицеры.

Народные знания. Произошли заметные социально-экономические и культурные сдвиги. Открывались светские школы, у горцев появилась возможность обучаться основам знаний, проходить подготовительную ступень и дальше учиться в русской средней и высшей школе. В начале 1860-х годов в Темир-Хан-Шуре (Буйнакске) открылась трехклассная горская школа, которая позднее была преобразована в реальное училище. В конце XIX – начале XX в. начали работать школы в Хунзахе, Ботлихе, Гунибе и других населенных пунктах. В 1915 г. в сельской местности Дагестана было 60 светских школ, в которых обучалось 2212 учащихся. Дети горцев стали поступать в гимназии, военные училища, высшие учебные заведения Москвы, Петербурга. В Дагестане открылись курсы подготовки учителей начальной школы. В начале XX в. в Темир-Хан-Шуре и Хасавюрте выходцы из аварского аула Чох М.-М. Мавраев и И. Нахибашев организовали типолитографии, где печатались книги на дагестанских языках, в том числе и на аварском. Прогрессивная роль этих мероприятий для горцев была велика – они усваивали грамоту, русский язык, приобщались к русской и мировой культуре, формировалась интеллигенция. Наряду с русскими

школами продолжали работать религиозные мусульманские школы – мектебы и медресе.

Неудовлетворительные санитарно-бытовые условия жизни горцев и отсутствие профилактической работы среди населения обуславливали частые вспышки эпидемии оспы, брюшного и сыпного тифа, кори, чумы, холеры, скарлатины, туберкулеза. Народные лекарства оказывались бессильны перед тяжелыми инфекционными заболеваниями, необходимы были научный метод лечения болезней и профилактические прививки. Вместе с тем, несмотря на невысокий общий уровень медицинских знаний, многие болезни лечились народными лекарствами. Для лечения широко использовались лекарственные настои на травах, яды растений и насекомых, мед, различные жиры, кобылье масло, сосновая смола. Особенно высоко было искусство лечения ран и переломов. Лекари проводили сложные операции, ампутацию конечностей, частичную трепанацию черепа. Лечение сопровождалось различными магическими действиями и заговорами. Наиболее известными лекарями считались Кебедагджиев Магомед из Корода, Буттай из Согратля, Фитулав из Чоха, Арцала Магомед из Кудали, Рафи Гаджи из Шонгода, Джамалутдин из Салта, Хайбула-Гаджи из Кахиба, Абдул-Азиз из Унцукуля, Саид из Аркаса, Муса из Тлярата.

Рациональные методы лечения, основанные на опыте и знаниях, сосуществовали со знахарством. Для того чтобы избавиться от болезней, люди обращались к мулле, знахарю, посещали так называемые святые места, совершали жертвоприношения, носили амулеты. Естественно, польза от такого лечения была небольшая.

После присоединения к России в Дагестане появляются очаги медицинского обслуживания населения, организуются фельдшерские пункты, больницы. В 1913 г. одна больничная койка приходилась на 5,8 тыс. человек, один врач – на 18,4 тыс., один фельдшер – на 7 тыс. Проводились оспопрививание, санитарно-просветительные беседы. Разумеется, этого оказывалось недостаточно, но все-таки это была помощь. Большую роль в развитии здравоохранения в Аварии сыграли русские врачи Н.П. Пирогов и И.С. Костемеровский. Среди аварцев появились квалифицированные медицинские работники. Врачи М. Нахибашев и М. Дибиров много сделали для сохранения здоровья и жизни горцев.

В годы революции и гражданской войны значительная часть аварцев восприняла социалистические лозунги и приняла участие в революционной борьбе. Из их среды вышли известные борцы за советскую власть М. Дахадаев, М.-М. Хизроев, М. Атаев, М. Омаров-Чохский. Однако немалая часть аварцев выступила и под знаменем ислама и независимости от России, что особенно проявилось в движении Н. Гоцинского.

После установления советской власти и образования Дагестанской автономной республики (1920 г.) в составе Российской Федерации, народы Дагестана впервые были объединены в одно государственное образование.

1920–1930-е годы были периодом настоящей культурной революции в горах. Вместе с развитием школьной сети уделялось внимание улучшению качества обучения учащихся и ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В середине 1920-х годов создается общество “Долой неграмотность”, которое организовало работу в “ликвидационных пунктах”, вовлекло горянок в учебу. К 1930 г. ликвидировали свою неграмотность около 15 тыс. аварцев, в том числе 5 тыс. женщин, а в 1931–1938 гг. на указанных пунктах и в школах малограмотных обучалось около 100 тыс. аварцев. Кадры для национальных школ готовили педагогический техникум в Буйнакске, училище в Хунзахе, рабфак в Буйнакске, педагогический институт в Махачкале. В сере-

Рис. 39. Аварка с ребенком в повседневной одежде. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1970 г.)

дине 1930-х годов в Дагестане работали 22 образовательных и научно-исследовательских учреждения, в том числе 5 институтов, около 250 научных сотрудников, выходила литература по истории, языкам, фольклору некоторых его народов, развивались культура и искусство.

Мирная созидательная жизнь была прервана войной. Более 40 тыс. аварцев вместе с другими народами храбро сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Почти половина из них осталась на полях боев – они погибли, защищая Родину. Тысячи фронтовиков награждены орденами и медалями, звание Героя Советского Союза присвоено Сааду Алиеву из Агада, Саадуле Мусаеву из Ругуджа, Ахмеду Абдулмеджидову из Цуриба, Магомед-Загиду Абдулманову из Карата, Кади Абакарову из Эчеда, Магомеду Гаджиеву и Магомеду Гамзатову из Мегеба.

Вернувшись к мирной жизни, аварцы все свои силы направили на восстановление и дальнейшее развитие хозяйства. Рост сельскохозяйственного производства способствовал повышению материального благосостояния колхозников и работников совхозов. С середины 1980-х годов стали происходить многообразные изменения в экономике, во всех сферах общественной жизни – как положительные, так и неоднозначные по своим последствиям.

Хозяйство. Традиционными хозяйственными занятиями аварцев с древнейших времен были земледелие и скотоводство. Производящее земледельческо-скотоводческое хозяйство здесь сложилось 8 тыс. лет назад.

По своей физико-географической характеристике территория проживания аварцев делится на три зоны, которые обусловили особенности хозяйственно-культурных типов.

В нижнем предгорье ведущее место в хозяйстве занимало земледелие, в основном богарное. Однако, там, где практиковался полив, ирригационная куль-

тура достигла высокого уровня. Преобладали посевы озимой пшеницы, ячменя, позднее кукурузы. Пахотным орудием служил оборотный плуг, применялось боронование. Применялись также переложная система земледелия, двух- и трехпольные севообороты при незначительном удобрении почвы. В скотоводстве преобладал удельный вес крупного рогатого скота. Характерна стационарная форма содержания его, стойлово-выгонная.

Ко второй зоне относятся верхнее предгорье и среднегорье с характерным хозяйственным типом – пашенным земледелием и отгонным скотоводством. Еще с эпохи бронзы земледелие здесь развивалось по пути создания террасных полей. Культура террасного земледелия достигла тут высочайшего уровня. Выдающийся ученый Н.И. Вавилов писал: “...в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли. В Дагестане, около Ботлиха, можно видеть изумительное террасное земледелие, расположенное многими десятками этажей применительно к рельефу, огромными амфитеатрами. Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в горном Дагестане” (Вавилов, 1936. С. 80). В республике наиболее ярко выраженное террасное земледелие характерно для аварцев.

Террасы имелись трех типов: относительно широкие поля с межевыми откосами; неширокие поля на подпорных стенках, узкая полоса земли на высоких подпорных стенках. Последний тип был более характерен для горных долин, где в основном занимались садоводством и виноградарством. Существовала специальная лопата для ручной вспашки под деревьями и узких террас.

Высокая культура террасного земледелия существовала до последнего географического разделения труда (XV–XVI вв.), пока не произошла новая производственная специализация зон. Горцам стало выгодно приобретать зерно на равнине и в предгорье. Все же земледелие остается всеобщим занятием с древними традициями, агротехническими приемами, обрядами и праздниками, детально разработанным календарем. Цена на землю была очень высокой: одна десятина в горах ценилась в 15–17 раз дороже, чем на равнине. Вообще продажа земли осуществлялась довольно редко. Вся пахотная земля являлась частной собственностью. В горах пахали деревянным легким плугом с железным сошником (наральником) и двумя ушками-отвалами. Применяли паровую и плодосменную систему. Сеяли пшеницу, ячмень, голозерный ячмень, овес, бобы, чечевицу, фасоль, лен, коноплю. Кукурузу сеяли где потеплее, на низинах. Подготовленное зерно мололи на водяных мельницах с горизонтальным колесом.

Важной отраслью хозяйства у аварцев горной зоны было животноводство. В силу природных условий здесь выработалась отгонная форма скотоводства. Осенью овцы перегонялись на зимние пастбища Приморской низменности Дагестана, а весной – в горы на альпийские луга. Крупный рогатый скот, за редким исключением, на зиму оставался в горах и находился на стойловом содержании.

Для высокогорной зоны характерны отгонное скотоводство и склоновое земледелие. Основным занятием был уход за скотом, в котором преобладали овцы. Небольшие пахотные участки на крутых склонах население хлебом не обеспечивали. Главным образом возделывали ячмень и рожь, хозяйственно-бытовой уклад во многом сходен с горным типом.

Ограниченные возможности в развитии экономики на базе земледелия и скотоводства заставляли аварцев искать другие источники дохода. Такими источниками были отходничество, промыслы и ремесла. В конце XIX в. число от-

ходников по Аварскому округу на тысячу жителей составляло 87, по Гунибскому – 228 человек (Хашаев, 1961. С. 107; Османов Г.Г., 1984. С. 112). Кустарным промыслом – обработкой шерсти, металла, дерева – занимались для собственных нужд и на рынок. Изделия отличались прочностью, тщательной отделкой, изяществом и приобрели широкую известность. Особенно высокого совершенства достигли кузнечное, оружейное, серебряное дело, сукноделие, вышивание золотыми нитками, вязание изделий – обувь, носки (высокогорные районы). Сложились кустарные и ремесленные центры: Гоцатль, Чох, Гамсутль, Келеб (Ругельда), Салта, Унцукуль, каждое большое селение было известно каким-либо промыслом.

У аварцев существовал подробно разработанный сельскохозяйственный календарь, который регламентировал сроки всех работ, их последовательность. С ним связаны различные обряды и праздники, пословицы и поговорки, космогонические представления. Торжественно отмечали начало и завершение хозяйственных циклов. Один из главных праздников – день первой борозды (*оцбай* – “запрячь быка”), проводимый перед началом земледельческих работ. Он сопровождался ритуальной вспашкой, чтением молитв, магическими действиями, устраивалось угощение, проводились спортивные состязания, скачки, различные игры.

Современные занятия аварцев развиваются на основе традиционных форм. За годы советской власти усилилась зональная специализация. Нижнее предгорье, как равнина, с поливными землями и механизированным трудом стало зоной производства зерна, виноградарства и овощеводства, стойлового содержания мясомолочного скота. В горах уменьшился удельный вес земледельческого труда, преобладает мясошерстное животноводческое направление с отгоном на летние и зимние пастбища и кутанное хозяйство на равнине. Повсеместно начали выращивать, помимо традиционных культур, картофель, лук, капусту, помидоры, ягоды. Хозяйственная деятельность стала многоотраслевой, в ряде районов открылись филиалы промышленных предприятий (после “перестройки” пока закрытые), идет строительство сулакского каскада электростанций, работают фруктово-консервные заводы. Большую роль в хозяйственной жизни играют автотранспорт, торговля. На базе народных промыслов были открыты художественные комбинаты (Гоцатль, Хунзах, Унцукуль), мастерские (Гонода, Бацада, Согратль, Кутлаб), которые после “перестройки” перестали существовать, кроме Гоцатлинского (художественная обработка серебра) и Унцукульского (насечка металлом по дереву). Хозяйствование переселенцев проходит на более широкой, чем в горах, основе использования в производственных процессах достижений современной науки и техники, что делает труд крестьянина высокомеханизированным и специализированным.

В последнее время хозяйство аварцев переживает характерные для всей России и Дагестана процессы упадка. Труд крестьянина обесценен и его материальное положение существенно ухудшилось.

Материальная культура. Поселения аварцев разнообразны по своему внешнему виду, размерам, месту расположения, времени образования. За последние 100 лет они во многом изменились: одни укрупнились и благоустроились, другие уменьшились и требовали ремонта, третьи – перестали существовать. Большое влияние на характер поселения при их основании оказали природные и экономические условия, зональность. В высокогорной зоне (Чародинский, Гляратинский, Цунтинский, Цумадинский районы) суровый климат, большая пересеченность местности, крутые склоны, скудность пахотной земли обусловили малые размеры поселений и их труднодоступность. И сегодня существ-

вуют селения, к которым не ведут автомобильные дороги и до них трудно добраться. В горной зоне заселены перевалы, гребни хребтов, плато, склоны, в нижнем предгорье – плоские возвышенности, склоны холмов, речные террасы.

Для нормального существования селения необходимы хозяйственно-экономические условия, способные обеспечить потребность его жителей. В первую очередь требуется наличие воды, достаточного количества пахотной земли и пастбищ вокруг населенного пункта. Под селение занимали непригодные для возделывания участки, скальные выходы. Учитывали интересы безопасности, стремились выбирать естественно защищенные, укромные места. Этот принцип – сочетать неприступность с близостью к воде – соблюдали во всех старых селениях. Для усиления обороноспособности во многих селениях сооружали боевые башни, а на окрестных высотах – сигнальные, сторожевые. Селение обращено в южную сторону, и эта традиция солнечной ориентации имеет глубокие корни и бытовую целенаправленность.

Центры обществ занимали важные в стратегическом и торгово-экономическом отношении места, имели большие размеры. Так, в 1886 г. в Хунзахе насчитывалось 2576 жителей, в Унцукуле – 2228, в Ирибе – 562, в Ругуджа – 2005 (Дагестанская область, 1890. С. 30, 31, 42–43, 46–47). Кроме указанных можно назвать селения, известные по письменным источникам или устным преданиям как издавна существующие, внесшие свой вклад в историю аварцев: Мехельта, Аракани, Гергебиль, Гимры, Гоцатль, Чох, Согратль, Салта, Корода, Урада, Телетль, Тлярата, Чиркей, Дылым. Образование крупных селений, как показывают археологический и этнографический материалы, произошло в X–XII вв. в результате слияния небольших тухумных поселений, сложившихся как населенный пункт в эпоху бронзы (III–II тыс. до н.э.). При объединении жители одного поселения располагались компактно, поквартально, в результате чего вновь образовавшаяся община стала территориально-родственной. В середине XIX в. квартальное деление, родственный принцип расселения нарушается, тухум перестает быть единым коллективом.

В зависимости от характера местности, рельефа селение принимает определенную форму, т.е. внешний вид, архитектурный облик. На равнине (переселенцы) уже сама ровная местность предопределяет внешний вид, облик селения, кроме того, оно застраивается по заранее составленному плану с учетом принципов: направление и размеры главных улиц, планирование общественного центра, образование кварталов.

В горах селения застроены скученно, улицы – узкие, кривые и кажутся бессистемными, они петляют между домами, нередко обрываясь тупиком, идут в виде туннеля под домами, узких мостов на арках, лестницы, ступеньки которой выбиты в грунте склона. Многие путешественники, наблюдатели, военные, побывавшие в аварских селениях в XIX в., дают экзотическое, преувеличенно мрачное описание аулов, улиц. Например, Е. Марков пишет: “Улицы нет в ауле, каменные двухъярусные бойницы, которые горец называет саклями... отступают друг от друга ровно на столько, чтобы человек с трудом мог протиснуться среди них... Над крышей одной бойницы торчит другая, над другой – третья, и ножом расколота щель, заменяющая улицу, вьется и лепится, как змея, по отвесной круче” (Марков, 1883. С. XLIII). Однако такая планировка была предусмотрена заранее, продумана с учетом всех интересов, и точек зрения жителей селения XI–XIII вв. В этом был разумный расчет и опытное решение: система связи улиц, образование общественного центра, компактность, защищенность. Большинство селений расположены на склоне горы и имеют ступенчатую форму. В некоторых аулах таких ступеней – линий

домов по склону – можно насчитать более 20 (Чох, Гочоб). Если дома расположены не в линию, хаотично, то такую планировку следует назвать беспорядочно-ступенчатой (Ругуджа, Согратль, Гоцатль, Телетль). Другая часть селений, особенно небольших размеров, имеет кучевую форму (Гамсутль, Гента, Надар, Ипута, Артлух). Есть немало селений, которые не поддаются конкретному определению, в них сочетаются разные формы (Хунзах, Унцукуль, Тлярата, Кудали, Буртунай).

За годы советской власти селения аварцев преобразились, в них произошли гораздо большие изменения, чем за многие прошлые столетия. Выросли новые населенные пункты (Гуниб – 2405 человек, Хебда – 2365, Цуриб – 1911 и др.), некоторые переселились на более удобные и ровные места (Гоор, Хиндах, Карата, Могах). В старом селении, оставшемся на месте, происходит частичная его перепланировка, расширение улиц, модернизирование домов внутри традиционных границ и переселения на окраины. Но не все селения в горах имеют возможность перестраиваться. Коренные изменения в них на старом месте невозможны, так как они, будучи расположены на крутых склонах, уступах, гребне хребта или ограничены с трех сторон обрывами, не могут ни расширяться, ни благоустраиваться. Проведение дороги, относительное улучшение условий жизни, строительство культурно-бытовых зданий связаны с огромными затратами и трудностями. Расстояние до райцентра большое – от 40 до 75 км, что создает для жителей таких селений неудобства.

На территории, занимаемой аварцами, постоянное жилище появилось в эпоху неолита (VI тыс. до н.э. – Чохское поселение). Неолитическое жилище было круглое в плане с очагом в центре, и эта архитектурная традиция и каменная строительная техника были самобытным явлением на Кавказе и вообще в истории мировой цивилизации. Просуществовав три с половиной тысяч лет, круглоплановая форма сменилась прямоугольной (конец III тыс. до н.э.). С изменением образа жизни меняется и жилище, которое приспосабливается к новым условиям и требованиям, но при этом сохраняются и развиваются определенные традиции народного зодчества. Живучесть форм объясняется их природосообразностью, универсальностью конструктивных решений, приспособленностью к местным условиям. Отдельные элементы жилища (конструкция кровли, дверей, очага, нары) в усовершенствованном виде дошли до начала XX в. А в середине того же столетия среди разнообразных типов и форм домов (по внутренней планировке, внешнему облику, архитектурной композиции) можно было найти жилища, построенные несколько веков назад (Материальная культура... 1967. С. 149).

Самым древним жилищем, как тип, был одноэтажный однокамерный дом. Он имеет различные формы и размеры. Среди них выделяется жилище-комната больших размеров, встречаемое в обществах Гидатль, Келеб, Карах. Средние размеры комнаты колебались в пределах 80–100 м², иногда доходили до 150 м². В комнату вела низкая двустворчатая дверь из двух грубо обтесанных досок, которые вращались со скрипом на пятах, вставленных в каменные гнезда. Порог высокий. По длине комнаты стоял *цагьур* – деревянное сооружение для хранения продовольствия и различных запасов. Недалеко от центрального столба находился открытый очаг, выложенный вокруг каменными плитами. Мебели не было, если не считать длинной скамейки-дивана, треугольных (на трех ножках) стульчиков. Одежда, утварь, посуда висели на кольях и жерди. С потолка свисала надочажная цепь. Дым выходил через небольшие световые окна под высоким (около 4 м) потолком. Очаг и столб были почитаемым местом и играли культовую роль, олицетворяя семью, ее благополучие.

В XIX в. существовали одноэтажные многоквартирные дома с разделением функций каждого помещения: очажная (семейная), парадная, хозяйственная. Но в основном дома были двух- и трехэтажные. В наиболее старых домах комнаты располагались вертикально одна над другой и не сообщались непосредственно между собой, каждая имела самостоятельный вход со склона. Первый этаж часто отводили под хлев. Бывали, особенно в высокогорных районах, и многоэтажные дома (5–6 этажей), напоминающие башню. Но это не жилая башня, как у горных народов Центрального и Западного Кавказа, ее у дагестанцев не было. Башнеобразный (многоэтажный) дом мог принадлежать нескольким семьям как следствие скученности и тесноты в селениях, отсутствия места для нового домостроительства. Известны случаи, когда продавали крышу дома, чтобы построить комнату или использовать как площадку.

Вместе с тем большинство домов были двух- и трехкомнатными. Это жилищно-хозяйственные комплексы с внутренним расположением жилых комнат и хозяйственных помещений с одним наружным входом. Такая компоновка и глухие стены без окон позволяли сделать дом защищенным. Иногда встречались дома (общества Гидатль, Келеб, Карах, Андалал) конструктивно связанные с невысокой (три–четыре этажа) башней. Ее помещение могло быть временно использовано в качестве жилой комнаты новой семейной пары. Вход в башню был непосредственно из жилища. Имелись и другие виды жилищно-хозяйственных комплексов: дом с закрытым двориком, дом с открытым двором, дом, изолированный от хозяйственной постройки.

В XIX в., по существовавшим обычаям и укладу быта, жизнь семьи проходила в одной комнате – очажной, сколько бы помещений не было в доме. Здесь готовили еду, принимали пищу, выполняли мелкие работы, отдыхали, спали. Одну из комнат в доме обставляли лучше других, в ней строили декоративно оформленный камин, стелили ковры, держали новую постель, дорогую посуду. Она называлась “каминной”, “убранной” и предназначалась для проведения торжеств, приема гостей, траурного сидения. У аварцев не имелось специальной гостиной-куначкой, гостю предоставлялось все лучшее в доме.

В начале XX в. появились железная печь, стекло в окнах, деревянные полы, двери на петлях, мебель – диваны, кровати, столы, стулья, кухонные шкафы, а также сундуки, фабричная посуда и др. Стали строить двухэтажные дома с двускатной железной крышей. Такое жилище появилось у богатых, а основная масса людей понемногу модернизировала традиционное жилище. Кардинальные изменения в жилище аварцев произошли в середине указанного столетия. Исчезли башнеобразные дома, однокамерность. Современное жилище – это одно- или двухэтажный, многоквартирный, покрытый железом или шифером, с застекленной верандой дом. В целом происходит унификация жилища, оно становится более однотипным, что наиболее характерно для переселенцев. Интерьеры комнат и характер их использования приближается к городским квартирам, хотя в жилище продолжают существовать традиционные формы и элементы.

Мужская традиционная одежда аварцев большим разнообразием не отличалась. Она состояла в основном из длинной туникообразной рубахи, штанов с узкими штанинами на вздержке, овчинной папахи, чукьяк из сыромятной кожи (в Тляратинском и Цумадинском районах была распространена вязаная обувь). Верхней одеждой был бешмет (*гужгат*), похожий по покрою на известную на Кавказе черкеску. Обязательный элемент мужской одежды – кинжал. Черкеска, каракулевая папаха, сафьяновые сапоги распространились во второй половине XIX столетия и стали элементами парадной одежды и признаком состоя-

тельности хозяина. С такой одеждой носили оружие и головки газырей в серебряной оправе, часто с позолотой, украшенные слоновой костью, гравировкой, чернью, пояс с набором серебряных пуговиц, пластинок, подвесок. Зимой повсеместно надевали шубы, войлочные сапоги на толстой войлочной же подошве, шерстяные носки. Последние вязали в Аварии повсеместно. Во время дождя на плечи накидывали бурку, ее носили с собой чабаны и путники.

Женская одежда аварцев отличалась большим разнообразием, почти каждое общество имело свои особенности (Сергеева, 1971. С. 240). Одежда была по существу этническим признаком, различительным элементом. По способу ношения платья и платка, по форме и расцветке, по виду шубы, обуви и украшения, особенно по головному убору, аварцы определяли, из какого общества или селения та или иная женщина. Женский костюм менялся с переходом из одной возрастной группы в другую. Девушка надевала платье из цветной ткани (желтой, зеленой), пояс (кушак) красный, около 3 м длиной. Женщины старшего возраста предпочитали носить одежду однотонную и темных цветов. В прошлом имелась рубаша без грудного выреза и штаны, связанные из темных шерстяных ниток без швов. Иногда рубаша и штаны вязались вместе и получалось нечто похожее на комбинезон. Подобную одежду шили и из подстриженной овчины шерстью вовнутрь.

Головной убор имел многочисленные варианты, создаваемые чухтой (чепец или капюшон с мешком для волос) и способом ношения покрывала. Покрывало носили так, чтобы видна была налобная часть чухты, сшитая из парчи, шелка и украшенная галунами, бисером, серебряной цепочкой, ажурными бляшками, кольцами. Традиция украшения чухты уходит в глубокую древность. В Бежтинском могильнике, относящемся к VIII–X вв. н.э., удалось обнаружить головной убор, скомбинированный из кожи и ткани, сплошь покрытый бронзовыми украшениями, а также многочисленными бусами. Особое внимание уделяли височным украшениям. В обществе Карах к комбинированной из кожи и ткани чухте на висках прикреплялись серебряные кольца или крупные монеты. Нарядную чухту украшали еще толстой цепью, идущей вдоль лба от виска до виска. В гидатлинском обществе на уровне висков пришивали филигранные круглые бляхи диаметром 8–10 см, в келебском – бляхи из концентрических кругов, в андалалском (Ругуджа, Чох) – вся налобная и височная часть были покрыты вышивкой, аппликацией, с концов свисали подвески в виде колокольчиков. По представлению людей, кольца и бляхи служили не только украшением, но и оберегом. Наряду с многочисленными и разнообразными украшениями для головного убора женщины с нарядной одеждой надевали кольца, серьги, браслеты, пояса, нагрудники из монет, подвески. Украшения эти стоили дорого, камни привозились издалека, их покупали, но лучшие по художественному оформлению образцы изготавливались местными ювелирами на заказ.

Обувь аварцев отличалась довольно большим разнообразием – кожаная из одного или нескольких кусков, на подошве или без нее, войлочная, вязаная. Особое место занимает вязаная обувь, распространенная в высокогорных районах, отличающаяся высокими художественными достоинствами: цветовой гаммой, орнаментом, аппликациями из серебра, формой (Сергеева, 1984. С. 126, 138).

Основным материалом для изготовления одежды в далеком прошлом служили шкура, кожа, шерсть, получаемые от животноводства. Для изготовления тканей аварцы выращивали и коноплю. Известными центрами сукноделия были селения Согратль, Ругельда, Амуши. Выделкой овчины и кожи занимались повсеместно, но славилась этим ремеслом селения Салта, Корода, Гонода. Материалы домашнего производства не удовлетворяли потребности и поэтому

Рис. 40. Девушка из селения Урада в традиционном покрывале. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1970 г.)

Рис. 41. Женщина из селения Урада в теплой наплечной шали. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1970 г.)

Рис. 42. Женщины из селения Тидиб Шамильского района в повседневной одежде. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1970 г.)

Рис. 43. Головной убор типа чалмы пожилой женщины из селения Чадаколюб Тляратинского района. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1970 г.)

стали пользоваться привозными тканями. В XIX в. привозили дешевые бязь, ситец, сатин и дорогие шелк, парчу, атлас, бархат.

В конце XIX – начале XX в. мужская одежда постепенно меняется: начали носить белье, появилась фабричная одежда, получили распространение гимнастерка и галифе, которые вышли из моды в послевоенные годы и в конце 1950-х годов были заменены современной одеждой. Сейчас полутрадиционную мужскую одежду (шубы, папахи, вязаные сапоги и носки, галифе и гимнастерка, хромовые сапоги) носят пожилые люди. Замена традиционной женской одежды современной фабричной также происходила постепенно. Сегодня отдельные элементы ее (чухта, платье-рубашка, платье на кокетке, длинные штаны, вязаные носки и сапоги, чупаки, шуба, платок) встречаются лишь в костюме старшего поколения. С уходом традиционной одежды исчезают и украшения. Спрос на них в последнее время возрос, но для их возрождения мало что делается. Великолепие этих украшений сегодня можно увидеть на концертных костюмах участниц фольклорных ансамблей.

Система питания тесно связана с природными и хозяйственными условиями; пища жителей горных и высокогорных районов несколько отличается от пищи горнодолинных и предгорных аварцев. Вместе с тем на нее влияет уровень социально-экономического развития народа, этническая специфика, бытовая культура. В пище устойчиво сохраняются древние традиции. Это объясняется во многом психологическими установками и предубеждениями, которые вследствие долгой привычки к определенным блюдам, воспитания вкуса с детства, восприятия организмом продукта сохранялись в народе из поколения в поколение. Поэтому неудивительно, что каждое общество, каждое селение считает свою кухню самой лучшей. Особенности аварского питания объясняются еще и

характером горца, его спокойным, как бы равнодушным отношением к пище. Сдержанность в еде воспитывалась с детства как достоинство.

Традиционное питание основывалось на продуктах земледелия (мука и крупа пшеничная, ячменная, ржаная, кукурузная) и животноводства (мясо, масло, молоко, сыр, творог). Широко использовались культурные растения (бобы, фасоль, горох, чечевица, чеснок, лук, тыква), дикорастущие травы, а в горных долинах – фрукты, овощи, виноград. С начала XX в. в быт входит картофель, капуста, помидоры.

Основными продуктами в пищевом рационе аварцев во всех зонах были мучные изделия. Преобладание того или иного вида муки зависело от природных условий: в высокогорье больше сеяли ячмень, рожь, в среднегорье – пшеницу, голозерный ячмень, в горной долине и предгорье – кукурузу. И часто встречаемое представление, что главной пищей аварцев являлось мясо, не соответствует действительности, даже для высокогорных районов.

В понятие “еда” аварцы как базисный компонент включали мучные блюда – хлеб, хинкал, каши, а мясо и молочные продукты служили дополнением к ним, т.е. были спутниками – “дандежо”. Пища аварцев характеризуется большим разнообразием блюд. Ели аварцы три раза в день, но основную еду готовили на ужин. В характере потребления блюда существовали различия по селениям: одни на ужин готовили чаще хинкал, другие – каши, супы. Во время трапезы, как правило, вся семья садилась в полном составе за один стол. Начинал есть и заканчивал старший. Брат из общей посуды следовало то, что ближе к тебе, ни в коем случае не выбирать. Замечание о качестве пищи не высказывалось, посоветовать мог только старший.

Самой распространенной, повседневной пищей был хинкал, отличающийся по размеру и видам муки (пшеничная, кукурузная, бобовая). Его главный вид – это большие “галушки” из пшеничной муки (“хинкал” – аварский), которые готовили даже при отсутствии мяса и всякой приправы. Обычно хинкал подавали с брынзой, простоквашей, урбечем (двух видов: из семян льна, слегка поджаренных и размолотых, с добавлением масла, иногда меда, или косточек абрикосов и кураги, предварительно растертых), жареным разрезанным на мелкие кусочки курдюком, чесночной приправой, мясом, чаще сушеным (колбасой). Тонкий резанный хинкал подавали с теми или иными “дандежо”. Для приготовления “наполненного хинкала” использовали всевозможные начинки: мясной фарш, творог, тыкву, картофель, зеленый лук, яйцо, молотиво, крапиву, щавель, чабрец, разные сочетания трав, необезжиренный сыр или творог с зеленью и др. Все продукты предварительно обрабатывали, сдабривали поджаркой, смешивали с душистыми травами. Значительное место в пище аварцев занимали дикорастущие травы, их сушили, заготавливали на зиму, некоторые консервировали.

В рационе питания аварцев второе место по удельному весу занимал хлеб, который готовили разных видов как из пресного теста, так и на закваске. Хлеб пекли в золе, на углях, на плите, в специальных печах, в духовке. Для длительного сохранения путнику в дорогу выпекали хлеб из теста на простокваше или сметане с добавлением масла и яиц, на раскаленных стенках печи – кора. Готовили разные виды пирогов с различными начинками. К хлебным изделиям можно отнести и два вида блинов, приготовляемых на айране, реже – сыворотке или кислом молоке, которые жарили на разогретой и смазанной курдюком сковороде. Блины ели со сметаной, урбечем.

Редким блюдом был *нахулъ хинкал* – “хинкал в масле”, приготовляемый для путника и по торжественным случаям. Тесто готовили без воды, на взбитых

яйцах и сметане с добавлением соды, соли, сахара. Приготовленное тесто оставляли на 30–40 минут, затем раскатывали колбаску и нарезали на куски по 7–8 см, жарили в кипящем топленом масле. Такой хинкал долго сохранял свои вкусовые качества.

Неизменным компонентом в системе питания аварцев являлось толокно, которое было не только быстро приготавливаемым, но и сытным блюдом. Толокно употребляли вместо хлеба и хинкала. Из него варили особую кашу, которую ели с урбечем и маслом. Самостоятельной едой служило и жареное зерно, когда не имелось другой пищи. Зерно употребляли и в вареном виде. Популярным являлось варево из зерен разных злаков и фасоли с сушеным мясом или костью. Это блюдо готовили и как ритуальное. Важное место в питании занимали разные супы и каши.

Коровье молоко и молочные продукты были почти повседневным элементом еды. Молоко пили кипяченым, заквашивали, готовили из него масло, творог, сметану, сливки. Употребляли часто как жидкое блюдо простоквашу. Из овечьего молока готовили два вида брынзы: в бурдюках, в рассоле, и сыр, завернутый в листья чемерицы (лобелии), растущей в высокогорной зоне, в виде большого круга, упакованного в травяные жгуты. Почетное место в питании занимало мясо, свежим его ели не часто, прежде всего осенью, когда забивали скот для заготовки мяса на зиму или по случаю. В течение года употребляли вяленое мясо и сушеную колбасу.

Аварцам были известны и алкогольные напитки: в горах – буза и мед, в горных долинах – виноградное вино. Бузу и мед варили из солода. Из солода готовили и разные блюда, которые нередко употребляли как лечебные.

Современная кухня аварцев представлена традиционными и заимствованными блюдами. Некоторые виды пищи забыты, а основными блюдами, как и прежде, являются хинкал, хлеб (часто из пекарни), супы (их стало больше), каши из покупных круп, пельмени, пироги – чуду (с разными начинками). Во многих селениях повседневной едой стали яичница, борщ, картофель и разные блюда из него (соусы). Широко вошел в быт чай, в том числе калмыцкий.

Семья. Жили аварцы с давних времен малыми семьями (нуклеарными), состоящими из двух поколений – родителей и детей. Родители жениха старались подготовить все для создания семьи, хозяйства и отделяли новобрачных. На аварском языке термин “женитьба” воспринимается как “создание семьи” – *хъизан гъабизе*, “дом делать” – “ригъин гъабизе”. В середине XIX в. на одно хозяйство в среднем приходилось 4,2 человека, по данным анкетного опроса в 1990 г. (более 4 тыс. человек) – 4,5. В брачных нормах придерживались эндогамии – предпочитали бракосочетаться с родственниками, в том числе с двоюродными сестрами и братьями, внутри тухума. Выход за пределы селения осуждался. Основная форма брака – сговор. Похищение и уход были редким явлением. Брачный возраст для девушек составлял 16–18 лет, для юношей – 18–20 лет. После сговора и обручения девушка-невеста соблюдала определенный этикет в обществе, особенно по отношению к жениху и его родственникам. Калыма не было. Семья жениха, его родственники старались оказать невесте внимание, делать ей подарки.

После религиозного обряда бракосочетания молодые считались мужем и женой. Для заключения брака согласие девушки при свидетеле, по шариату, было обязательным. Насильственная выдача девушки замуж считалась исключительным явлением. Она соглашалась с решением родных. Семейные отношения характеризовались двойственностью: установленной нормами обычая и шариата патриархальностью и фактической демократичностью (ведущая роль

Рис. 44. Мужчины из селения Кахиб в повседневной одежде. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1970 г.)

женщины в решении семейных, хозяйственных дел). Женщина могла требовать развода, если муж издевался над ней, был недееспособен, материально не обеспечивал семью или имел дурную славу. Развод никак не оформлялся, его объявляли вслух при свидетелях. Разводы осуждались общественным мнением. Сильны были внутритухумные солидарность и взаимозащита.

Свадьба и свадебные обычаи аварцев разнообразны, различаются по обществам, по селениям. В свадьбе в одних селениях участвовали все жители, в других – только приглашенные. Обычно при выданье девушки людей не приглашали, об этом знали заранее, и родственники приходили сами. Среди свадебных обрядов особым весельем и магическими действиями, смеховыми и театральными сценами, состязанием в остроумии сторон отличалась процессия перехода невесты в дом жениха. Обычай избегания не придерживались, молодая жена (невестка) через несколько дней включалась в семейные хозяйственно-бытовые дела.

В семье любили детей, чем их было больше, тем лучше. Дети с раннего возраста воспитывались на традициях приобщения к труду с учетом пола. Строго следовали адатам, соблюдали определенный семейный этикет, нормой поведения являлись уважение старшего, послушание, сдержанность. Счет родства велся по отцовской линии (патрилинейный). Но такой счет существовал и по материнской линии, однако он не обозначался в официальной системе родства.

Общественный быт. Социальные отношения в определенной степени различались в ханствах и “вольных” обществах: если в ханствах власть принадлежала хану, он решал все дела, судил, наказывал или миловал, а население было обязано отбывать ханскому дому разные повинности, то в “вольных” обществах власть принадлежала народу, а сами общества представляли собой демократи-

Рис. 45. Мальчики из селения Чадаколоб Тляратинского района. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1970 г.)

ческие республики. Главной социальной организацией в них являлась сельская община – селение, где управление осуществляли выборные лица и сельский сход – мужское собрание (*джамаат*) – высший орган власти. Судопроизводство основывалось на обычно-правовых установлениях – адатах и нормах мусульманского права – шариата.

В общественной жизни селения важную роль играл тухум – патриархальное преимущественно кровнородственное эндогамное объединение. Из тухумов состояла сельская община. В одной их было больше, в другой – меньше, в зависимости от ее размеров. Размеры самих тухумов тоже различались, число семей в одном могло быть 5–6, в другом – 70–80. До середины XIX в. члены тухума жили компактно, в одном квартале, имели собственное название. Во главе совета тухума стоял старейшина, регулировавший внутренние отношения, обеспечивавший соблюдение обычаев и традиций, норм поведения. Тухум выступал как единый общественный коллектив, оберегающий интересы своих членов, поддерживающий их морально и материально и в случае необходимости защищающий их силой оружия. Тухумная солидарность проявлялась во всем: в обычаях взаимопомощи и присягания, в обязанности исполнения кровомщения и отмщения за оскорбление и убийство, в предпочтительном заключении брака внутри тухума. К XIX в. хозяйственное единство тухума было нарушено.

Общественный быт сельского общества регулировался адатами. Нормой поведения являлось уважение к традициям и обычаям, к старшим, внимание к приезжим, соблюдение этикета. В качестве принудительной силы выступало общественное мнение. В целом дагестанская сельская община, в том числе аварская, характеризуется строгим соблюдением обычаев, которое обеспечивалось силой привычки, моральных представлений, установившихся тради-

ций, взаимного уважения членов общины, высокого авторитета правителей – старейшин, чувством ответственности перед людьми – боязнью потерять их уважение. Правовые же нормы обеспечивались, как уже говорилось, и силой принуждения.

Одним из распространенных у аварцев был обычай взаимопомощи – *гвай*. Сфера применения его отличалась многообразием: это вывоз удобрения в поле, прополка зерновых, сбор и перевозка урожая, молотьба, сенокошение, стрижка овец, обработка шерсти, заготовка строительных материалов, постройка дома и его перекрытие, оказание материальной помощи и др. На коллективную помощь родственников, членов тухума, соседей, односельчан как в беде, так и при выполнении трудоемких работ мог рассчитывать каждый. Гвай обычно проходил торжественно, часто с музыкой, после работы устраивались угощение и веселье. Обычай этот сближал людей, делал их душевно более щедрыми, добрыми. Чувство необходимости помочь родственнику, соседу, односельчанину, вообще нуждающемуся было неотъемлемой чертой характера сельского жителя, его духовной потребностью, одной из основ бытия самого общества.

В жизни аварцев важное место занимал обычай гостеприимства и куначества. Гости бывали разные: приглашенные и незваные. Но в приеме их особой разницы не наблюдалось. Одним из самых строгих правил гостеприимства считались радушие и внимание хозяина и членов семьи к гостю, оказание ему почестей, выполнение всех его желаний, независимо от его категории: незнакомый – случайный путник, малознакомый из других мест, близкий человек – кунак, односельчанин. Близкому человеку – “отцовскому гостю” и человеку, ранее бывавшему в гостях, следовало самому прийти к дому, а по отношению к тому, кто впервые пришел в селение, существовал обычай “определения гостя”. По этому обычаю, если пришельца сразу с *годекана* – общественного центра селения – не забрал никто, то старшина, старейшина, чауш (в разных селениях по-разному) определял его в какой-либо дом в гости. В селении существовала очередь для принятия очередного гостя – *богьун гьобол*. *Гьобол* – “гость”, *богьун* – не этимологизируется. Хозяин не имел права отказать и принимал гостя, соблюдая все правила этикета. Гость получал пищу, ночлег, возможность для совершения намаза и другое необходимое. Нередко бывало, что “очередной” гость становился хорошим кунаком. Семья, по обычаю, шла на большие расходы, испытания и неудобства, чтобы обеспечить гостю безопасность, выполнить цель его прихода, создать ему условия для хорошего отдыха. Со временем обычай стал приспособляться к социальной и имущественной градации общества, общественным отношениям.

Одной из важнейших норм общественного поведения, нравственности аварцев считалось проявление уважения к человеку, личности, недопустимость посягательства на чужую жизнь. Убийство человека рассматривалось как тяжкое преступление перед семьей, тухумом, обществом. Убийство (но не всякое) вызывало кровную месть. Последняя была узаконена, предписана адатами, и отступление от обычая вызывало общественное осуждение. Пострадавшая сторона совершала кровомщение. Но мнение, что кровная месть в Дагестане, а именно принцип “кровь за кровь”, “смерть за смерть”, приводила иногда к полному уничтожению враждующих семей, тухумов и даже селений, не верно. По имеющимся данным, в середине XIX в., а точнее, за шесть лет с 1861 по 1866 г., в Аварском и Гунибском округах были убиты 69 и ранены 222 человека (по самым разным причинам), из них на почве кровной мести соответственно 7 и 1. Ни одного случая изнасилования (или

попытки его) за эти годы не зафиксировано. По тем же данным, в 1865 г. кровную вражду имели в Аварском округе 8 семей, Гунибском – 23 (*Комаров*, 1868. С. 47).

Убийство, по представлениям народа, делилось на три вида: умышленное, неосторожное и случайное. Случайное убийство, как правило, прощалось, за неосторожное взыскивался штраф (*дият*), умышленное преследовалось кровомщением, а сам убийца удалялся из селения, как кровный враг: он мог быть и убит, но чаще получал прощение с помощью посредников. Обряд примирения в обществах имел свои особенности, однако убийца своим видом и поведением всегда показывал горе, раскаяние, сочувствие. И выкуп тоже был тяжелым бременем для семьи убийцы (материально), ей помогали родственники, члены тухума. За умышленное убийство с родственников убийцы взимался “дият” – “цена крови” в пользу семьи убитого, а сам убийца подвергался кровной мести со стороны последней. Мстил отец, брат, сын, двоюродный брат, дядя убитого, а могли отомстить и мать, и сестра. Убийца мог быть убит и спустя много времени, и представителем второго поколения, но соблюдая определенные правила. Считалось позорным нападение (убийство) во время молитвы, в мечети, сзади, когда человек спит или болен.

Во многих дагестанских селениях имеются тухумы, родственные группы, семьи, образовавшиеся от *канлы* (убийцы). Он, лишенный возможности вернуться в родное селение, остается на чужбине. Выясняется, что обычай кровной мести в условиях отсутствия сильной власти с твердыми законами, был обычаем, регламентирующим поведение человека, сдерживающим его от совершения убийства, мерой защиты человеческой жизни.

Свободное от работы время аварцы использовали для общения, физического и духовного развития, развлекательных целей. Особое место в проведении свободного времени занимал *годекан*, где обсуждались важнейшие вопросы (на *сходе*) и устраивались общесельские мероприятия, отдыхали и обменивались мнением обо всех делах общины мужчины, которые узнавали новости, выполняли мелкие ручные работы. Здесь передавались изустные предания, обретали жизнь традиции, на *годеканах* молодежь получала уроки нравственного воспитания. Многие мужчины свободное время в основном посвящали играм: пожилые больше играли в *тлама* (нечто вроде шашек), в эту интеллектуальную игру играли все; молодежь любила военно-спортивные состязания (особенно борьба, бег, прыжки с места, метание камня, плавание в реке, скачки, *джигитовка*).

Существовали мужские дома (союзы) – *гьоркьо рукь*, где молодые мужчины и юноши проводили организованный досуг. “Дома” выполняли несколько общественных функций: социальную, военно-патриотическую, оздоровительную, трудовую, развлекательную, эстетическую, интеллектуальную. Много было подвижных игр, рассчитанных на физическое развитие детей. Распространенной формой общественного досуга для молодых женщин были вечеринки, посиделки – *цладухччлей*; *цладухруссин* (“посидеть у огня”, “собраться у огня”), где выполнялись мелкие работы: шитье шубы, чесание шерсти, изготовление пряжи, шелушение кукурузы, фасоли, обработка конопли и др. Часто на вечеринках проводились игры, танцы, рассказывали сказки, пели, отгадывали загадки, угощались *вкладчину*. Посиделки и вечеринки являлись школой эстетического, трудового воспитания девушек. В целом старались свое свободное время использовать рационально, для саморазвития, рекреации.

Духовная культура. Духовная жизнь аварцев отличалась богатством и разнообразием.

В IX–X вв. Дагестан стал областью, где была глубоко воспринята арабо-мусульманская культура, получившая развитие на местной основе. Известно, что в XI–XIII вв. здесь существовало медресе университетского типа, в XIII–XIV вв. были распространены книги научного, богословского и философского содержания. Сохранились эпиграфические надписи, относящиеся к XI–XIII столетиям. В XV–XVI вв. в Дагестане имелось много грамотных людей, так как начальное обучение оказывалось доступно каждому горскому мальчику. Образование получали в примечетских школах (мектебе), в медресе. Учились у ученых-богословов в различных селениях, многие совершенствовались свои знания в Египте, Сирии, Ираке, Йемене, Турции. Широкой известностью пользовались труды ученых-аварцев: Мухаммеда из Кудутля, Махада из Чоха, Абдурахмана из Согратля, Абубакара из Аймаки, Гасана из Кудали, Дибиркади из Хунзаха, Шабана из Обода, Саида из Аракани, Махаммед-Тахир ал Карахи, Гаджиали из Чоха. Свои работы они посвящали теологии, философии, медицине, логике, юриспруденции, истории, астрономии, арабскому языку. Их традиции продолжили Исмаил-дибир из Шулани, Шуайб-апанди из Багини, Мухаммад Хусайни из Гигатля, Абдулатип из Гоцо, Гасан из Кахиба. В советское время большой вклад в науку внесли историк и юрист Х.-М. Хашаев, философы Х.М. Фаталиев, Р.Г. Абдулатипов, историк Г.Д. Даниялов, медик Х.О. Булач, языковеды Ш.И. Микаилов и М.-С. Саидов, физики А.А. Абдуллаев и И.К. Камилов, литературоведы Г.Г. Гамзатов и С.М. Хайбулаев, геолог М. Исрапилов, археолог М. Гаджиев, главный конструктор подводных комплексов Военно-Морского Флота РФ Ш.Г. Алиев.

В духовной культуре аварцев важное место занимал фольклор. Устно-поэтическое творчество богато историческими преданиями, сказаниями, легендами, пословицами, поговорками, плачами, сказками, песнями-колыбельными, лирическими, героическими. Выдающиеся памятники устного народного творчества – песни “О разгроме Надир-шаха”, “О Хочбаре”, “О взятии Чоха”, “Камалил Башир”, “О хромом Ражбадине”, “Али, оставленный в ущелье”. Во второй половине XVII в. на базе фольклорной культуры зарождается национальная письменная литература, основоположниками которой были Шабанкади из Обода, Мусалав из Кудутли. В XVIII – начале XIX в. появился ряд поэтов, внесших значительный вклад в развитие аварской литературы: Абубакар из Аймаки, Гасан из Кудали, Саид из Аракани. В XIX в. получили известность поэты-певцы Али-Гаджи из Инхо, Анхил Марин, Тажудин Чанка, Махмуд из Кахаб-росо: их творчество развивалось на фундаменте традиций устно-поэтической культуры. Песни этих поэтов-певцов до сих пор любимы в народе, пользуются широкой популярностью. Истинным продолжателем традиций национальной культуры стал Гамзат Цадаса, известный в народе как талантливый мастер сатиры и юмора, баснописец и драматург, автор эпических поэм и лирических стихов. На формирование духовного облика и эстетических вкусов современных аварцев огромное воздействие оказывают произведения Расула Гамзатова, Загида Гаджиева, Раджаба Динмагомаева, Фазу Алиевой, Гаджи Залова, Абдулмажида Хачалова, Машидат Гаирбековой, Магомед Абасил.

Сегодня культурный уровень аварцев достаточно высок. Многие живут в городах и, имея соответствующую профессиональную подготовку, заняты в разнообразных сферах жизнедеятельности. Среди них есть ученые – сотрудники институтов Дагестанского научного центра РАН, а также преподаватели высших учебных заведений, техникумов, учителя, врачи, инженеры, рабочие, руководители крупных объединений. На аварском языке ведутся радио- и телепе-

редачи, издаются книги, журналы, республиканская газета, десятки районных газет, переводная литература. В Махачкале работает Аварский музыкально-драматический театр. На его сцене играли талантливые актеры: народная артистка РСФСР Зейнаб Набиева, заслуженный артист РСФСР Басир Инусилов. Пользуются большим уважением и популярностью народные артисты РСФСР Махмуд Абдулхаликов и Патимат Хизроева, заслуженные артисты России Айшат Мамаева, Арипула Махаев, Сидрат Меджидова, народный артист Дагестана Магомед-Расул Багдулов.

Песня – один из самых любимых видов искусства народа. Песню, ее создателей и исполнителей уважают и любят. Большинство популярных песен не имели авторов. Пели аварцы в основном лирические песни, хотя многие знали и эпические. Баллады исполняли обычно мужчины под легкий бой бубна. В Дагестане распространены такие музыкальные инструменты, как чагъана, чагур, Тамур-пандур, лалу, зурна, бубен, барабан. Известными исполнителями являются Муи Гасанова, Манарша Дибирова, Аминат Якубова, Айшат Мазалова, Тагир Курачев, Абакар Джамалудинов. Помнят аварцы голоса и прекрасное пение Айшат Араканской, Патимат Нуцаловой, Газимагомеда из Чалда, Омара Арашил, Уммы Нурмагомедовой, Даку Асадулаева, исполнительское мастерство на музыкальных инструментах Рамазана Магомедова. Большой популярностью пользуются песни самодеятельных композиторов Ахмеда Цурмилова, Майиндура Далгатова, Тагира Курачева.

Больших успехов аварцы достигли в области изобразительного искусства. В советский период особенно популярным был художник Муэтдин-Араби Джемал. На его картинах и зарисовках, экспонировавшихся на выставках и в музеях, нашли отражение не только традиции старого горского быта, но и новая жизнь, развитие хозяйства и культуры народов Дагестана. Высоко ценятся в Дагестане и работы художника Халилбека Мусаясула, известного как в Европе, так и в странах Востока. Выставки его картин проходили в лучших музеях мира, он признан ведущим мастером, который первым в Европе представил в художественно-живописных произведениях мудрость и духовную силу народов Дагестана.

Гордятся аварцы и людьми, прославившими свой народ в области спорта и военного дела. Это пятикратный чемпион мира по вольной борьбе Али Алиев, олимпийский чемпион по вольной борьбе Загалав Абдулбеков, а также генералы Магомед Тинкаев, Омар Муртазалиев, Магомед Тинамагомедов, герой России летчик-испытатель Магомед Толбоев, маршал Турции Мухаммед Фазил, генерал иракской армии Гази Дагестанли. Упомянем также и другие имена аварцев, пользующихся в Дагестане уважением и внесших свой вклад в развитие общественно-политической жизни, экономики и культуры региона. Среди них можно вспомнить революционеров Махача Дахадаева и Муслима Атаева, партийного деятеля Абдурахмана Даниялова, лауреатов Государственной премии СССР Ислама Исламова и Омара Пакалова.

Отмечая несомненно огромные успехи в культурно-бытовом развитии аварцев, нельзя не сказать о существующих сегодня серьезных проблемах. Жизненные условия в сельской местности, особенно в высокогорных, небольших по масштабам селениях, довольно трудные. Слабая техническая база, заброшенные земли, низкая урожайность, ухудшение качественных показателей скотоводства, развал колхозов, безработица обусловили низкие доходы семей, материальные затруднения, моральную неудовлетворенность. К этим факторам следует добавить плохие дороги, отсутствие во многих селениях культурно-бытовых объектов, слабую материальную базу культуры, хронически плохое снаб-

жение необходимыми товарами (особые затруднения со стройматериалами и их дороговизна). Все это в конечном итоге вызывает отток молодежи с гор на равнину, увеличивая армию безработных в городах.

АНДИЙСКАЯ ГРУППА

АНДИЙЦЫ

Общие сведения. Андийцы (самоназвание – *гъваннал*, экзоэтнонимы – *анди*, *андал*) – один из коренных народов Дагестана. Месторасположение – Северо-Западный Дагестан. С юго-востока андийцы граничат с другими народностями андийской языковой подгруппы и аварцами, с северо-запада – с аварцами и чеченцами. Историческая область компактного расселения андийцев – Андия*, обширный котлован, образованный андийским хребтом и его отрогами. Белоснежный скальный хребет Бахарган занимает всю северную границу, ограждая Андию от холодных ветров, смягчая ее климат. Андия во внутренней части – сильно эродированная область. Раньше она была покрыта лесами, однако хозяйственная деятельность, особенно пастбищное скотоводство сильно видоизменили ландшафт Андии. Андия считалась труднодоступной страной; дороги, соединявшие ее с внешним миром, запирались оборонительными сооружениями: на юге – Мунинской башней, на севере – крепостью Буцурха. По территории андийцев протекает речка Унсальен с тремя притоками, вдоль которых расположены андийские села. Ныне во все селения андийцев проложены автодороги.

В 70-е годы XIX в. у андийцев было семь селений, один поселок, насчитывающих 1499 дворов (5693 человека) (Комаров, 1873. С. 1), в них не учтено население двух крупных пунктов – Муни и Кванхидатль, входивших в соседнее наибство. По переписи 1926 г., андийцев насчитывалось 7595 человек. По данным 1938 г., андийцев было 9750. В последующих переписях андийцы отдельно не учитывались. По оценочным данным, к 2001 г. андийцев в Дагестане насчитывалось около 40 тыс. Всего в андийском участке Ботлихского р-на девять селений и два хутора с населением более 17 тыс.; значительная часть андийцев, примерно 20 тыс., проживает в Хасавюртовском, Бабаюртовском, Кизилюртовском районах и в городах Дагестана. Андийский язык относится к аваро-андо-цезской группе нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи языков. В андийском языке много говоров, которые делятся на две сильно (почти на уровне языков) различающиеся между собой группы: верхнеандийскую и нижнеандийскую.

Заселение территории происходило, по имеющимся данным, в раннебронзовую эпоху. Около андийского сел. Гагатль в местности Галгалатли проведены археологические раскопки, в результате которых исследовано поселение с круглоплановым жилищем, датируемое III–II тыс. до н.э. и относящееся к куро-аракской культуре. Здесь же найдены обуглившееся зерно и формы для бронзового литья. Аналогичные памятники выявлены около сел. Ашали. На перевале Речол и других местах обнаружены могильники каякентско-харачоевской культуры, т.е. эта небольшая область уже в те времена была достаточно плотно заселена земледельческо-скотоводческими племенами.

* “Андия” – обозначение области расселения и политического образования андийцев принятое в старой русской геополитической номенклатуре с начала XIX в.

Своим мифическим предком андийцы (согласно старинной хронике) полагают Ануша (версия “царя Ануша”), который основал Анди, ставший политическим и административным центром андийского общества.

Андийцы, согласно топонимическим данным, в древности занимали обширную территорию вниз по течению р. Андийского Койсу и в Гумбете. Названия аварских селений Мехельта (МелгьелтIа), Аргвани (Арггвани), Шабадух (Щабдухъ), Ичичали (ИчичIали), Инхо, Игали (Иггали), Глянтляри (Лгъанлгъари), Чирката (ЧиркгъатIа), Бетли (Бекгиль), Унцукуль (Онсо-коло) и другие, как и значительная часть иных топонимов, андийского происхождения. Позднее указанная группа андийцев, очевидно, была ассимилирована авароязычным населением. Другая группа андийцев, располагавшаяся по среднему и верхнему течением р. Андийское Койсу, разделилась на восемь самостоятельных этнических единиц (андийцы, ботлихцы, годоберинцы, ахвахцы, каратинцы, чамалалы, багулалы, тиндалы) в пределах соответствующих политических объединений, возможно, на основе древнего внутриандийского племенного деления. К началу нашей эры, по всей видимости, завершился процесс этнической дивергенции андийского этнического массива.

Древнейшим известием об андийцах принято считать упоминание андийцев и страны “Андиу” в торжественной надписи ассирийского царя Саргона II (IX в. до н.э.), где говорится, что он “завоевал страну Телусины андийца и захватил в этой стране в плен 4200 жителей и их скот”. Сопоставление андийцев времен надписи Саргона II с дагестанскими андийцами сделано крупными востоковедами академиками Г.М. Меликишвили и Играром Алиевым. На рубеже нашей эры на Восточном Кавказе андийцев упоминают греческий историк Страбон и римский писатель Плиний Старший – *ании, андаки*. Согласно историческим преданиям и современным исследованиям, в раннем средневековье в среду андийцев осуществлялись значительные вкрапления алан, чеченцев и кумыков.

Исторические предания и хроники хранят сюжеты о вторжении в Андию отрядов Тамерлана, ставленника Тохтамышша, и истреблении им владетельного дома хана Йолука в Гагатле и одновременном утверждении здесь ислама. После распада Казикумухского шамхальства (XIV–XV вв.) андийцы образовали свое шамхальство, но вскоре демократические порядки в виде “вольного общества” здесь взяли верх; шамхальская фамилия, тем не менее, осталась как одна из первых среди благородных фамилий. В XVII в. андийцы отстаивали свои права и суверенитет в столкновении с ополчением нуцала Турулава.

Андийцы приняли русское подданство в 1731 г. с целью обеспечить себе свободную и беспопыльную торговлю в Кизляре и других городах, но вскоре отложились, выступив на помощь чеченцам против генерала фон Фрауендорфа в 1758 г. Андийцы участвовали в общедагестанском победном выступлении против персидского завоевателя шаха Надира в 1741 г. С самого начала Кавказской войны (1817–1859 гг.) андийцы в конном ополчении были ее активными участниками. По данным генерала Розена, они выставили 1000 всадников (Розен, 1959. С. 291), в войне стяжали себе славу храбрейших. Известны деятели освободительной войны – наибы, а именно бесстрашный и благородный Газияв, бескомпромиссный Лабазан, ученый Дибир.

Административное устройство. Исторически верхнеандийцы имели самостоятельное политическое образование со своими границами, известное как Андия, или “андийское вольное общество”. В период имамата Андия стала одним из наибств государства Шамиля. После присоединения к России Андийское наибство сохранялось как одно из административных делений Андийского ок-

руга, образованного в 1861 г. с центром в Ботлихе. Сюда вошли еще Гумбетовское, Технуцальское, Каратинское, Тиндинское, Ункратлинское и Дидойское наибства. В Андийское наибство вошли только верхнеандийские села.

Андийское наибство в 1899 г. было переименовано в “участок”, с участковым (фактически соответствовавшим этническому) самоуправлением. В советский период после реформ 1927–1929 гг., андийцы вошли сначала в Гумбетовский, потом в Ботлихский р-он.

Самоуправление. В политической истории андийский союз известен как “федеративная республика Анди” (*Броневский*, 1823. Ч. 1. С. 40), состоявшая из семи самоуправляемых гражданских общин джамаатов: Анди (Гъванну), Гунха (Гъунха), Гагатль (ГъагъолИи), Риквани (РикИуна), Ашали (Ашолу), Зило (Зилур), Чанко (Чохъуру). Андийские селения Муни (Беннур) и Кванхидатль (КохидолИи) входили в соседнее политическое образование “Технуцал”, находившееся под протекторатом аварского хана, которому платили дань фруктами и солью.

Административную и судебную власть в джамаатах осуществляли выбранные правители и Совет старейшин, который представлял народное собрание *Бадильыр*, обладавшее верховными правами. Общие для всех андийцев правила и функции были делегированы в управление федерацией. Правителей в джамаатах избирали ежегодно и приводили к присяге. В средневековье избранных правителей в селениях Анди, Гагатль, Риквани и Ашали титуловали *ханами*, после реформ в имамате их называли *гъилатабул* (правители), или *наибами*. Полицейские функции выполняли назначенные Советом старейшин лица *доргъахъол*, военными делами ведал предводитель. Суд опирался на традиционные правовые уложения, изложенные в судебнике и в специальных постановлениях для всего союза и каждому джамаату отдельно. Судебные дела по шариату и духовную власть осуществляли кадии, имевшиеся в каждом селении, из которых избирался кадий всей федерации. Благодаря правовому плюрализму истец мог выбрать для суда любую из систем. Важную регулятивную функцию выполняло общественное мнение, а также *маслаатские* (медиаторские) суды. Во многих случаях стороны обходились без суда, разрешая свои дела по традиции и взаимному договору. После гражданской войны и установления советской власти на андийцев распространились все законы и порядки, принятые в СССР. В наше время самоуправление осуществляется через сельскую администрацию, однако реформы самоуправления еще не закончены.

Землевладение. Пахотная земля, часть сенокосов и отдельные пастбища находились в частной собственности общинников (с правом отчуждения, купли-продажи, наследования, дарения и т.д.) Часть земельных участков и имущества являлась вакуфной собственностью, ею распоряжалась мечеть в благотворительных целях. Каждому сельскому обществу, джамаату на правах полной собственности принадлежала окрестная территория с четко указанными границами, документированными письменно или обозначенными опознавательными знаками, закрепленными в “общественной памяти”. Последний способ также имел юридическую силу. После присоединения к России в той же конфигурации эти территории были признаны царской администрацией территориями обществ, затем юридически закреплены за колхозами на “вечное пользование” специальными “актами”. Современные реформы предполагают совершенствование форм землевладения, исходя из исторического опыта и учета рациональных инноваций советского периода.

Хозяйство. Исторически сложившийся хозяйственно-культурный тип андийцев характеризуется интенсивным садоводством горно-долинной зоны и зе-

мледелием и отгонным скотоводством в горной зоне. Основа традиционной экономики верхнеандийцев – отгонное альпийское скотоводство, террасное земледелие и специализированное садоводство для долинных сел Муни, Кванхидатль. Кванхидатлинцы также занимались промысловым солеварением. Хлебные запасы андийцы пополняли зерном из Чечни, где сбывали свои продукты животноводства, наплечные бурки, соль и фрукты. Все отрасли хозяйства у андийцев являются древнейшими и дополняют друг друга. Земледелие в горной части в наше время пришло в сильный упадок вследствие конкуренции товарного зерна, эрозии почв и т.д. Ныне часть андийцев традиционно занята сельским хозяйством, однако начиная с 1990-х годов андийцы, особенно молодежь, занимаются мелким и средним предпринимательством.

Промыслы и торговля. Верхнеандийцы изготавливали знаменитые кавказские наплечные бурки из длинной и прочной черной или белой шерсти андийской породы овец. Мастерицами были женщины, мужчины занимались крашением и торговлей этими бурками. Изготовление бурок – ремесло древнее, известное еще в античное время. Источники упоминают черные бурки как боевое одеяние горцев во времена войн Александра Македонского в Передней Азии. Наибольший спрос и соответственно подъем производства наплечных бурок пришелся на богатый военными событиями XIX в. Тогда же кавказская бурка вошла в моду. Бурки были принадлежностью мужского костюма и важным элементом в ходе сражения: в кавалерии и в пешем бою она играла роль боевого доспеха. Андийцы традиционно считались народом, склонным к коммерции. В год андийцы изготавливали и продавали до 80 тыс. бурок. Свои бурки они сбывали на всем Кавказе и в России. Отдельные коммерсанты скупали бурки у населения и продавали там, где это было выгодно. Предприниматели организовывали производство бурок с использованием наемного труда. С 30-х годов XX в. производство наплечных бурок пришло в упадок в связи с изменениями в моде, падением роли кавалерии в армии и т.д. Местный спрос удовлетворяет бурочная артель в аварском сел. Рахата. Как домашний промысел производство бурок в незначительном масштабе сейчас сохраняется только в андийском сел. Гагатль.

В сел. Кванхидатль занимались добычей и производством пищевой соли из соленых источников, расположенных вблизи села. В незначительном количестве добыча соли продолжается и ныне, благодаря имеющемуся спросу. Жители с. Кванхидатль торговали своей солью; особенно хороший сбыт она имела во времена экономической блокады Дагестана в XIX в., связанной с Кавказской войной.

Нижнеандийцы (в селениях Муни и Кванхидатль) исторически практиковали специализированное садоводство, продукты которого целиком шли на рынок в обмен на продукты животноводства и земледелия. В селениях Анди и Гагатль функционируют базары. В настоящее время во всех селениях имеются магазины и другие торговые точки.

Разделение труда. Традиционное половозрастное разделение труда у андийцев сохраняется и в наше время. Земледельческие работы, за исключением пахоты и молотбы, производят женщины, они заняты молочным хозяйством, промыслами и домашней работой: кухня, уборка, шитье, дети. Женщины также занимаются мелкой коммерцией, их в качестве продавцов и покупателей можно видеть чаще, чем мужчин, на еженедельном базаре. Наиболее тяжелые работы выполняли мужчины: это доставка лесоматериалов, пахота и обмолот урожая, содержание скота и уход за ним на альпийских пастбищах, перегон овец на зимние пастбища, сенокосение на дальних участках, перевоз сена и т.д. Со-

стоятельные андийцы нанимали для этих целей сезонных рабочих из соседних аварских селений. По традиции, мужчинам полагалось быть свободными и посвящать свое время военно-спортивным упражнениям, общественно-политическим делам, что объяснялось образом жизни в условиях самоуправления и гражданской общины в прошлом.

Социальная стратификация. В средневековый период для андийского общества было характерно многоукладное сословное расслоение. Верхний слой состоял из узденских и феодальных родов (*рехедол*), среди которых род шамхалов после исламизации в XV в. получил, как и во всем Дагестане, право на управление обществом, правда, утерянное им к XVII в. Наиболее сильным было узденство, делившееся на знатные (по многочисленности, заслугам и богатству) и обычные (простые) тухумы. В XIX в., после присоединения к России, обозначалась служилая и военная знать. Другие слои составляли так называемые переселенцы, которые включались в тухумы и, наконец, вольноотпущенники (*лаги*). Сословие лагов в XIX в. претерпело общесоциальную интеграцию, они были полностью уравнены в правах, в чем наибольшую роль сыграл ислам, особенно при имамате.

Брачно-семейные и родственные отношения. Община (джамаат) подразделялась на несколько (от трех до семи) тухумов, куда входили лица по отцовской линии родства. Тухум делился на меньшие единицы, образуя трехступенчатую иерархию: собственно тухум, группа родственных семей в тухуме – *гьакъу* и малая семья – *хъизан*. Родство со стороны матери, сложившееся как отдельная родственная организация – *иларигъур*, легко прерывается в третьем или четвертом колене. Эти подразделения наряду с квартальными делениями служили источником формирования публичной власти в регуляции семейно-брачных отношений, обладали определенными правами регуляции в хозяйстве и общественном быте. Роль тухумов, “приглушенная” в советский период имеет тенденцию роста в наше время, особенно в формировании выборных органов самоуправления.

Для андийцев была характерна малая семья. В брак вступали после 15 лет, он был моногамным, хотя допускалась полигамия. Браки внутри тухума разрешались вплоть до кузенов, ограничения существовали лишь для представителей разных сословий и предпочтение отдавали бракам, заключенным в пределах своего селения. В брак вступали сватовством, без брачного взноса. В сел. Анди отдельные тухумы своими постоянными брачными связями образовывали пары, называемые *бадисол* (букв. “противостоящие”). В приданное девушка получала часть отцовского имения землей и скотом. В советское время после отмены частной собственности на землю эти порядки модифицировались и упростились. Заключение брака *ригъин* сопровождалось трехдневным свадебным торжеством *ловзар*, в отдельных случаях организовывали призовые конные скачки. Чаще практиковали упрощенный вариант свадьбы *нусгъол* без больших торжеств, в кругу родственников и друзей. Иногда случался брак похищением, особенно когда родители не выдавали девушку, или брак “побегом”, когда юноша и девушка вступали в брак без согласия родителей. Такие браки вызывали диссонанс в общественной жизни, распри между родами. В отдельных случаях юноша и девушка получали прощение.

Поселение молодоженов всегда было патрилокальным, т.е. отец выделял сыну комнаты или строил отдельный дом. Как в браке, так и в разводе женщина сохраняла право на часть недвижимой собственности, полученной от родителей как приданное и кебина. Современный семейный уклад видоизменялся, но модернизировался поверхностно. В городе больше перемен, встречаются межнациональные браки. В городах население, особенно молодежь, быстрее приоб-

Рис. 46. Квартал селения Анди. (Здесь и далее в очерке “Андийцы” фото из личного архива Агларова М.А.)

щается к городскому образу жизни, хотя внутри семьи сохраняются прежние иерархические отношения, послушание и почтение к старшим. При разводе дети оставались в отцовском доме, особенно мальчики. За жизнью детей, подростков и молодежи следило все общество, социализация проходила по схемам, выработанным веками. Начиная с малых лет детей готовили как новую смену, чему посвящались все игры, занятия и обучение.

Наследование. Имущественное право детей удовлетворялось еще при жизни родителей как соответствующий имущественный выдел для детей во время брачных контрактов. Младший сын оставался у отца и наследовал дом. Если не было детей, имущество наследовалось в тухуме, где последний в линии наследников назывался *вахидоб*. На следующем этапе имущество переходило в общинную казну или в вакуф. В случае смерти родителей до выдела детей наследовали сыновья по равной доле, дочери (дочь) – половину от доли сыновей (по шариату). Каждый мог также оставить письменное завещание, которое оглашалось в мечети. После национализации земли и создания колхозов правила наследования, касавшиеся земли, перестали существовать, однако сейчас, в период реформ они возвращаются.

Поселения и жилище. Старый тип андийских поселений был скученным. Каждое селение имело свою территорию, которая делилась на три части: *гьон* – само поселение, *мигъи* – пашни, часть сенокосов и *бил-алахи*, куда включалась часть сенокосов, альпийские пастбища, пустоши, леса и т.д. В последние 30 лет такое членение нарушено; поселение, распространяясь на свои поля, перестает быть скученным. Поля также частично превращены в приусадебные огороды. Это новая “революция” в поселенческой культуре, протекающая по всему Восточному Кавказу.

Сел. Муни (более 1000 домовладений) относится к типу таких поселений Дагестана, которые исследователи (Н.Б. Бакланов, Г.Я. Мовчан) называют “еди-

ным архитектурным сооружением”. Поселение расположено на крутом склоне в четыре яруса, каждый из которых является террасной лентой из примыкающих друг к другу крыш, одновременно служащих дворами домов верхнего яруса. Темные улицы как туннели проходят под этими же крышами. Двухэтажные дома примыкают друг к другу на смежных стенах, нижние этажи – хлева – не всегда имеют перегородочные стены, их крыши подпираются каменными колоннами, арками (реже), столбами. Пространство используется для совместного содержания скота.

Верхнеандийские традиционные поселения в планировке более свободны: улицы открыты, имеют дворы. Селения спланированы по принципу средневековой городской топографии с четким делением на кварталы, центральной площадью – *кав*, пятничной мечетью. Каждый квартал имеет свой *кав*. Верхнеандийские поселения дважды разрушались и сжигались: после нашествия Тамерлана (конец XIV в.) и похода Воронцова (1845 г.). Видимо, по этой причине андийские поселения не сохранили облик средневековых укрепленных поселений с боевыми башнями и крепостными стенами, о чем говорится в источниках.

Современные жилище и поселение у андийцев, как и во всем Дагестане, испытывают на себе влияние западнокавказского и восточноевропейского свободного планирования с заменой плоских крыш домов скатными крышами из шифера или оцинкованного железа. Для этого региона характерно жилище в один или два этажа с дворами и галереей, нижними этажами или отдельным строением во дворе для скота. Традиционный интерьер андийского жилища имел центральный столб и большой камин – *тавхан* с элементами декорации из налипной глины. Для посуды использовались встроенные в стены шкафы и ниши. Современный интерьер близок к городскому: комнаты обновляются покупной мебелью, на стенах развешивают ковры. На месте камина – газовые печи (у андийцев-переселенцев) и т.д. В прошлом состоятельные андийцы отводили комнату для гостя. Эта традиция сохраняется и в современном жилище.

Одежда и пища. Одежда и пища андийцев мало отличается от аварской, но своеобразен традиционный женский костюм. Он состоял из туникообразного длинного платья на кокетке – *квано*, шараваров – *ошхъоги*, различной обуви, включая кожаные сапожки. Костюм завершался головным убором – андийским *чухту* в виде полумесяца, надеваемого “рогами” вниз. Лобную часть *чухту* украшали ярким золотым шитьем или парчовой тканью, носили *чухту* до 1930-х годов. Андийки заворачиваются в большое белое покрывало – *клази*, как в плед, обязательный для верхнеандиек; нижеандийки носили черный платок без *чухту*.

Памятники истории и культуры. Андийцам памятны места, где происходили наиболее значительные события их истории. В XVII в. в местности Ахулалли около сел. Гагатль произошла кровопролитная битва между андийским ополчением и отрядами владетеля Турлава, где последний был убит, а его войско разгромлено. Андийцам памятна еще местность Гымлиру, близ Гагатля, где, согласно историческим преданиям, Тамерлан устроил кровавую расправу над жителями, в том числе малолетними, побежденного гагатлинского хана Юлука. Интересный памятник истории и культуры – Мунинская башня, закрывавшая вход в андийский котлован с юга. Памятником, подлежащим охране, является также Буцурха – фундамент крепостной стены, закрывавшей стратегически важный перевал, известный в литературе как Андийские ворота. Здесь сохранились остатки 200-метровой стены с четырьмя башнями и уже уничтоженными (из-за строительства автодороги) остатками основания запирающихся ворот. Дорога андийцам и почитаемая ими культовая вершина Бахаргана. В архи-

Рис. 47. Андиец в старинной одежде

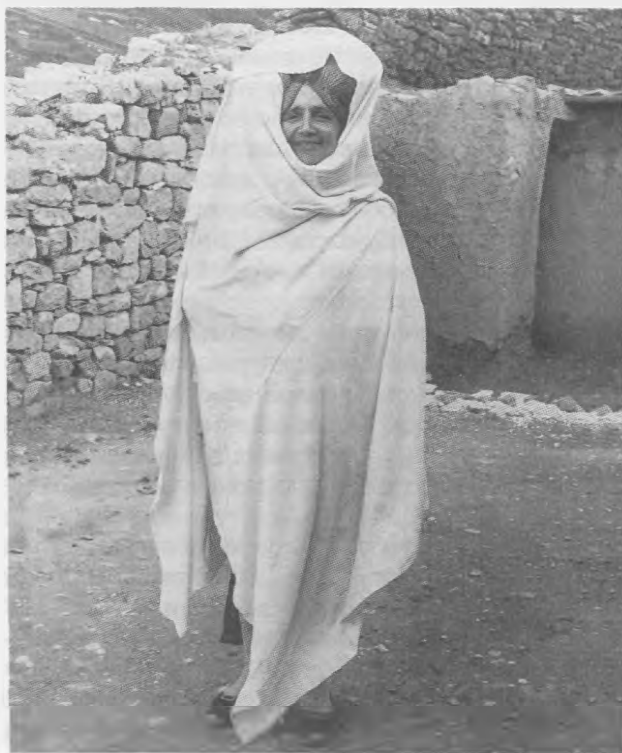

Рис. 48. Традиционная одежда андийки

Рис. 49. Валяние бурки. Селение Ашали

тектурном отношении интересны дом Болачевых (XIX в.), Андийская пятничная мечеть (XVIII в.) и Ашалинская мечеть (XIX в.). Необходима государственная охрана сел. Муни как памятника истории, разрушение которого может стать такой же печальной потерей, как потеря селений Гоор, Голотль и других – замечательных образцов поселенческой культуры горцев.

Религия и просвещение. Андийцы – мусульмане, сунниты. Ислам окончательно утвердился в XIV в., сменив синкретизированную с христианством древнюю религию. Андийцев в доисламский период объединял культовый центр на вершине горы Бахарган с основным верховным божеством Цюб. Во время летней засухи и ныне мужчины и женщины поднимаются на гору Бахарган для совершения обряда дождепрошения, где они устраивают молебни и ритуальные пляски – *зикр*. Ритуал *зикра* ввел Кунта Хаджи – высокопочтимый религиозный деятель Чечни, живший во второй половине XIX в., родители которого были выходцами из андийского сел. Гунха. Во всех селениях андийцев есть мечети, где основным служителем культа – *дибир*, а служитель мечети – *будун*. До 1930-х годов при мечетях функционировали медресе для обучения наиболее одаренных детей. Имеется культ местного святого – *зиярат* – андийского шейха и ясновидца Умараджи.

Известен просветитель и религиозный деятель XV в., титуловавшийся как *шейхуль-шуух*, кадий андийского общества Али-Мирза ал Анди, сделавший первую попытку приспособления арабских букв для нужд аварского языка. Известие о нем сохранилось как о составителе завещания Андуника – важнейшего документа по исторической географии средневекового Дагестана. Есть записи о Молла Хаджи Килахъ Султане, который имел свое медресе и обладал титулами, составленными в превосходных степенях: “корона предков, гордость народа, повелитель ученых, предводитель богобоязненных, имам правоведов”,

Рис. 50. На юбилейном празднике 2500-летия упоминания андийцев в источниках. 9 августа 1992 г.

как написано на полях книги “Бустан ул-Арифин” Абулайса Самарканди, переписанной в медресе Молла Хаджи в 1562 г.

Конец XIX – начало XX в. ознаменовались новшествами в области просвещения. Так, в 1912 г. в Анди была открыта первая светская школа. Среди получившей светское образование чиновной знати можно назвать наиба полковника Араша, полковника Шамхалова Умахана, ротмистра Алиханова, Магомед Алганаева. Все они удостоились дворянского титула и царского жалования. Среди плеяды просветителей начала XX в. выделяются Тажудин Умаханов, Магомед Алиханов, Майрали Идрисов, Рамазан Баязов, Бахтай Шамхалов, Аглархан Алиханов (Мамаев), Махулав Шамсуев и др. Они получили традиционное мусульманское образование, которое в советский период было дополнено светскими знаниями, что позволило этим людям много сделать для распространения современной культуры в жизни андийцев.

В старину преподавание велось сначала на андийском языке и затем, по мере усвоения учащимися наук, – на аварском и арабском языках. В советский период утвердилась новая схема: обучение у андийцев ведется на аварском только до третьего класса, а затем до окончания школы – на русском языке. Реформы предусматривают частичную “коренизацию” этого процесса, а именно включение родного андийского языка как языка обучения с начального этапа обучения. Создан алфавит для андийского письма, появились первые номера газеты “Бахарган” на андийском языке.

Особое значение андийцы придают поведенческой культуре, близкой этическим нормам северокавказцев. Школьное обучение осуществлялось по всем типовым, а ныне всероссийским программам. В наше время в связи с реформой школьного образования и воспитания делается определенный поворот к этнопедагогике. Сегодня дети обучаются в медресе, колледжах и лицеях в городе,

едут на учебу в центр и за границу. Среди современной андийской интеллигенции известны такие крупные ученые, как математик Халид Мухтаров, нейрохирург Рашидбег Умаханов, археолог Хизри Амирханов, специалист в области ветеринарии Висингерей Шамхалов и др.

В народной медицине андийцев, как и других народов Дагестана и Кавказа, причудливо сочетались древние верования и эмпирический опыт. Считалось, что многие болезни, особенно нервно-психические, посылаются духами, и для их лечения применялись магические приемы. Рациональное лечение базировалось на опыте народа, куда примешивались знания и приемы из лечебников восточной медицины. Особенно эффективно лечили раны и переломы, умели вскрывать черепную коробку. В современном здравоохранении научная медицина занимает основное место. В селениях работают медицинские пункты, в сел. Анди – больница.

Говоря о духовной культуре андийцев, следует подчеркнуть, что музыкальный фольклор у них своеобразен, но наиболее близок к аварскому. Танцевальное искусство близко к чеченскому. Старинный, уже забытый андийский танец *кыбдил* имел только ему присущий рисунок.

Андийцы в Дагестане известны как мастера меткого слова, как люди, которые ценят юмор и сочиняют анекдоты. Считается, что национальный характер андийцев похож на чеченский, с которыми они пребывали исторически в соседстве, родстве и дружбе. Вместе с тем по общественному строю, формам социальной стратификации и самосознанию андийцы сопоставимы прежде всего с обитателями старинных политических центров – Мехельта, Хунзаха, Кумуха, Акуша и др. Наивысшими ценностями для андийцев, как и для других кавказцев, являются общечеловеческие добродетели: верность, правдивость, мужество, обходительность и др. Андийцы ревниво берегли честь рода, равно как и всего общества. Соседи приписывали андийцам хитроумие и заносчивость, говорят, что даже “пеший андиец чувствует себя как бы верхом”. Характер – открытый, свободный, речь – громкая. Традиционно они ценят вежливость, уравновешенность, красноречие. Любят беседы и новеллический жанр устной литературы, чеченскую и аварскую музыку, аварскую поэзию. Имеют также собственный фольклор, поэзию, мелодии.

Коммуникабельность в сфере межэтнических отношений у андийцев, как у торгового в прошлом народа, была и остается высокой. Сами они знали два или несколько языков. Постоянно ездили к соседям, особенно в Чечню, и принимали гостей и торговцев на своем базаре и в своем доме. Гостеприимство и надежность в покровительстве гостям хорошо известна их соседям. Межэтнические связи и общение андийцев в XX в. стали еще более интенсивными, особенно у андийцев-переселенцев, с кумыками, язык которых молодое поколение усваивает еще с детства.

АХВАХЦЫ

Ахвахцы (самоназвание – *ашвадо*) – один из малочисленных народов Дагестана, исторически ассоциированный с аварцами. Соседние аварцы, каратинцы, багулалы и другие называют их *садакълиду*, остальным аварцам они известны как *глахъвалал*. Прочие дагестанские народы от аварцев их, как правило, не отличают (Лугуев, 1983. С. 6).

Территориально ахвахцы делятся на северных и южных. Северные ахвахцы (Цунта-Ахвах) расселились на северных склонах Богосского хребта, на северо-западе Дагестана, в ущельях, образованных правыми притоками р. Андийское Кой-

су. Это селения Кванкоро, Цвакилколо, Тад-Магитль, Дологонитль, Кудияб-Росо, Изано и окружающие их хутора (ныне Ахвахский р-н). К юго-востоку от них, по восточным склонам Богосского хребта, по левым притокам р. Аварское Койсу, были расположены селения южных ахвахцев (Ратлу-Ахвах) – Цекоб, Тлянуб и Ратлуб (ныне Шамильский р-н). Те и другие поселения образовались за счет населения тухумных поселений, число которых значительно превышало сотню. Процесс этот, начавшийся где-то в послемонгольский период, затянулся на шесть–семь столетий, завершившись лишь к концу XIX – началу XX в. Соседями ахвахцев на северо-востоке и юго-востоке являются аварцы, на западе – багулалы, на юго-западе – тиндалы, на севере – каратинцы. С XVII–XVIII вв. часть ахвахцев поселилась в Закатальском р-не Азербайджана и живет там, либо смешавшись с местным населением (селения Закаталы, Джар и др.), либо особняком, отдельно (сел. Ахвахдере). В советский период часть ахвахцев осела на Кумыкской равнине. Общая их численность превышает 6 тыс. человек (в том числе на исторической этнической территории немногим более 4 тыс.).

Область расселения ахвахцев представляет собой гористую местность (высота вершин – 1500 и более метров), расчлененную ущельями и горными долинами. Климат континентальный, со значительными перепадами температуры воздуха в зимние и летние месяцы. Склоны гор представляют собой прекрасные пастбища для выпаса скота, на определенной высоте переходящие в альпийские и субальпийские луга. Лесов не много. Реки и ручьи многочисленны, достаточно многоводны. Здесь водятся туры, кабаны, волки, зайцы, лисы, много перепелок, рябчиков, встречаются фазаны.

Ахвахцы – кавкасионцы, т.е. классические представители кавказского типа большой европеоидной расы. Говорят на ахвахском языке, который относится к андо-цезской подгруппе нахско-дагестанской группы северокавказской семьи языков и делится на два диалекта – северный и южный. Ахвахцы являются трехязычным этносом, большая часть населения говорит еще на аварском и русском языках. Аварский язык служит средством общения ахвахцев не только внутри этноса (для носителей разных диалектов), но и при контактах с другими андо-цезскими народами. Письменность – на аварском языке, на русской графической основе. Еще раньше, с начала XIX в. существовала письменность на аварском и ахвахском языках на основе арабской графики. В настоящее время делопроизводство и обучение в школе ведутся на русском и аварском языках.

Археологические материалы свидетельствуют о заселенности этнической территории ахвахцев с эпохи энеолита. Сравнительно-исторический анализ данных археологии, этнографии, истории позволяет говорить о непрерывности процесса культурно-экономического развития местного населения, а также о преемственности форм хозяйства, культуры и быта. В древний период истории ахвахцев складывается раннеземледельческая культура и формируется восточнокавказская этнокультурная общность (V–IV тыс. до н.э.). Примерно с III тыс. до н.э. указанная общность начинает распадаться на отдельные субобщности. Именно последние где-то с I тыс. до н.э. явились основой для образования отдельных дагестанских племен.

Население Ахваха образовалось в период раннего средневековья; позднее (XVI–XVII вв.) оно пополнилось переселенцами из различных частей Аварии, главным образом хунзахскими аварцами.

Первые сведения о племенах, расселившихся на северных склонах Главного Кавказского хребта, восходят к начальным векам нашей эры. Племена андоцезов известны античным писателям под общим наименованием дидури. Страбон, Клавдий Птолемей, Плиний Старший и другие локализовали андо-цезов

приблизительно на их нынешних этнических территориях, за пределами границ Кавказской Албании. Дальнейшее их проживание на тех же территориях подтверждают армянские, арабские, грузинские, сирийские и прочие авторы. Археологические материалы, датируемые серединой I тыс. до н.э., говорят о местном населении как о земледельцах, оседлых скотоводах, обществах с высокой культурой металлообработки (Бухарабское и Местерухское поселения, Тадмагитлинский, Кудиябросинский, Каратинский могильники, Арчовское жертвенное место и др.). Средневековые грузинские хроники XVII в. среди племен Дагестана выделяют уже ахвалов, ахвалов. Косвенные сведения из этих хроник позволяют говорить об активном участии ахвахцев вместе с другими дагестанскими народами в военно-политических событиях Восточного Кавказа.

С XV–XVI вв. в силу ряда внутренних и внешних причин этнополитическое объединение Дидо распадается, в результате чего, в частности, образовался самостоятельный союз сельских общин – “вольное общество” Ахвах. Вся последующая история ахвахцев в значительной степени – это история борьбы против идеологического и территориального наступления со стороны хунзахских ханов и гидатлинцев. На рубеже XVI–XVII вв. часть территории Ахваха была отторгнута от союза и вошла в состав общества Гидатль (Ратлу-Ахвах, селения Ратлуб, Цекоб и Тлянуб). Вместе с другими горцами Дагестана ахвахцы испытали на себе все тяготы иноземных нашествий, храбро и самоотверженно сражались с врагами. Особенно много сил отдано горцами борьбе против иранской и турецкой экспансии. В освободительной борьбе Дагестана и Чечни против царизма ахвахцы принимали самое активное участие, примкнув к Шамилю с начала 1840-х годов. С 1860-х годов в Ахвахе, как и во всей Дагестанской области, было введено военно-народное управление. В настоящее время вместе с каратинцами, аварцами и небольшим числом багулалов (селения Тлибишо и Тлисси) они образуют Ахвахский р-н Республики Дагестан, частью входят и в Шамильский р-н.

Численность ахвахцев со второй половины XIX в. до первых десятилетий XX в. составляла: в 1866 г. – 2464 человека, в 1886 г. – 3585, в 1894 г. – 3725 и в 1916 г. – 2901 человек (Ибрагимов, 1981. С. 101–103, 105). Причины такого спада численности населения пока не выяснены. В советское время численность ахвахцев в Дагестане увеличилась. По данным на 1926 г., их уже было 3700, а на 1 января 1938 г. – 4700 человек. Поскольку при дальнейших переписях ахвахцы брались на учет как аварцы, мы можем оперировать лишь цифровыми данными, характеризующими численность населения по отдельным селениям. В названных нами селениях Ахвахского (шесть селений) и Шамильского (три селения) районов насчитывалось соответственно 2059 и 1265 человек в 1959 г.; 3250 и 1150 человек в 1970 г.; 3955 и 1090 человек в 1979 г.

Ахвахцы входят в Дагестанскую историко-культурную область, которая характеризуется масштабностью и достаточно высоким уровнем горного, в том числе и террасного земледелия, значительным удельным весом посевов ячменя и других зерновых культур, большим значением в хозяйстве промыслов и отходничества. Территория ахвахцев входит в указанную область в качестве этнокультурного района и хозяйственно-культурного ареала. Последний складывается из совокупности особенностей зональной культуры, вытекающих из природно-географических и климатических условий обитания и соответствующей хозяйственной специализации.

Горный (среднегорный) хозяйственно-культурный ареал, куда входят ахвахцы, – это ареал пашенных земледельцев и отгонных скотоводов. Земледелие здесь занятие всеобщее, но не главная отрасль хозяйства. Взаимосвязь и взаимобусловленность земледелия (террасного) и скотоводства, по сравнению с рав-

нинным ареалом, слабо выражена. Для поселений характерны склоновые и террасообразные формы, плотная застройка и компактность жилища. В народной одежде наблюдаются специфические черты, отмечается своеобразие различных видов одежды, распространены вареные мучные изделия – хинкалы; быт характеризуется своеобразием праздников (Османов, 1996. С. 236–237, 292).

Современная экономика представляет собой часть агропромышленного комплекса Дагестана. С созданием в советский период равнинных прикутаных хозяйств экономика ахвацев получила развитие как многоотраслевая. Земледелие на частнопарцеллярной основе перестало существовать, на смену пришла уже крупная колхозно-совхозная собственность. Коллективные формы господствовали и в животноводстве. В результате со временем многое из народного трудового опыта, веками апробированное и рациональное, было заброшено и забыто. Тем не менее индустриализация республики и механизация сельского хозяйства обусловили подъем экономики и рост общего жизненного уровня ахвацев.

Ахвахский союз общин представлял собой экономическое и военно-политическое образование, объединившее усилия отдельных обществ в хозяйственной деятельности и борьбе с земельными притязаниями феодальных образований и соседних союзов. В случае необходимости собиралось народное ополчение, состоящее из всех совершеннолетних мужчин Ахваха (Шиллинг, 1993. С. 207). Руководил ополчением выборный предводитель, очень часто это был представитель духовенства. Для решения вопросов, касавшихся интересов всех обществ, члены последних собирались в районе сел. Тад-Магитль. Каждое из сельских обществ представляло собой самоуправляемую, саморегулируемую и самоконтролируемую единицу. Высшим органом здесь выступал сход мужского совершеннолетнего населения общества, повседневные управленческие, административные и судебные функции в котором выполняли старейшины (они же были главами тухумов), а также кадий, мулла, два–три исполнителя и глашатай. Нормы общественных, межтухумных, межсемейных, внутрисемейных и межличностных отношений регулировались положениями обычного права – адата и шариатскими (мусульманско-правовыми) установлениями. Каждая семья являлась собственником небольшого пахотного участка, сенокоса, того или иного количества скота, жилья, хозяйственных построек и домашнего имущества. Все пастища, часть сенокосов, пустоши, лесные массивы, водоемы считались коллективной собственностью общества. В социально однородной среде ахвацев задолго до XIX в. выделились местная управленческая верхушка, состоятельные скотоводы и землевладельцы, представлявшие собой феодализирующуюся прослойку общества. Незначительное число сословно неполноценных членов обществ (потомков бывших рабов – лагов) сколь-нибудь значительной роли в общественных отношениях не играло.

Культ стариков, глубокое почитание старшего по возрасту укоренились в общественном сознании, в поведенческих нормах. Такое положение вещей нельзя рассматривать лишь как наследие патриархальных пережитков. Мнение стариков, слово старшего, знатоков местных обычаев и традиций, носителей и передатчиков хозяйственного опыта и ценностных ориентаций ставились очень высоко.

Условия социальной жизни общества, общественно одобряемые качества представителей различных половозрастных групп и традиционные нормы культуры поведения находились в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Ахвахское общество развивалось в обстановке постоянного напряжения, сложившегося в условиях непрерывной борьбы за свои земли и свободу. Поэтому военное мастерство, а вместе с ним храбрость, отвага, готовность к самопожертвованию

считались главными качествами мужчины, юноши. Все это формировало чувство собственного достоинства, которым должно было быть проникнуто поведение мужчины. В то же время в идеале от мужчины требовалось, чтобы такое же право на личное достоинство он уважал и в собеседнике. Подобными же или сходными путями формировались в обществе и такие требования при общении, как краткость, немногословие, доброжелательное внимание и др. Определенный отпечаток на поведенческие характеристики накладывали и предъявляемые к мужчинам требования скромности, добросердечия, сдержанности, неприхотливости и выносливости, честности и т.д. Женщине следовало быть скромной, благовоспитанной, душевной. В обществе люди руководствовались совокупностью стандартизированных формул приветствий, прощаний, благопожеланий, выражения одобрения или порицания и др.

В узких рамках своих этнических границ ахвахцы никогда не замыкались, торговые и экономические отношения связывали их с ближними и дальними народами. Значительное количество скота перегонялось ахвахцами из года в год на зимние пастбища Азербайджана, Грузии, Кумыкской равнины. Туда же для торгово-обменных операций вывозилось сукно, шерсть, сушеное мясо, сыры, топленое масло и др. Такого же рода товары вывозились и в Чечню, и в селения приморского Дагестана. Своеобразные партнерские отношения сложились у ахвахцев с ближайшими соседями – каратинцами. В Ахвахе сукна производились редко, в большинстве случаев шерсть отдавалась каратинцам, которые и изготовляли ахвахам на определенных условиях высококачественные, известные даже за пределами Кавказа, так называемые лезгинские шали – добротные сукна. Торговые, партнерские, куначеские связи были у ахвахцев и с другими народами Дагестана. Значительно изменившись по содержанию, эти отношения и в наши дни поддерживаются и развиваются.

С эпохи раннего средневековья (V–X вв. н.э.) господствующей формой семьи ахвахцев является малая простая семья, состоящая из родителей и их детей. Иногда членами семьи могли быть отец и (или) мать мужа, реже – несовершеннолетние братья и сестры главы семьи. Женя сына, ахвахцы стремились тут же отделить молодую семью и дать ей возможность доказать свою самостоятельность. До первых десятилетий XX в. в Ахвахе эпизодически бытовала также и другая форма семьи, структурно и функционально напоминающая больше-семейную (семейнообщинную) форму, а именно неразделенная семья. Такая семья состояла из совместно проживающих (вместе со своими домочадцами) отца и нескольких сыновей или двух и более братьев с семьями, ведущих совместное хозяйство. Однако для ахвахцев, как и для прочих горцев Дагестана, подобная семья представляла собой не пережиточно-архаическое явление. Скорее такая форма семейной организации сохранилась как наиболее рациональная в условиях парцеллярного земледелия, многоотраслевого хозяйства, развитого отходничества и периодических сезонных перегонов скота.

Внутрисемейные отношения строились на патриархальных началах: младшие подчинялись старшим, женщины – мужчинам, все члены семьи – своему главе. Несущая большую часть нагрузки в хозяйстве и обладающая личным имуществом жена (приданое, а также свадебные подарки родственников: участки пашни, сенокоса, скот, серебряные украшения, одежда, утварь и пр.) пользовалась уважением в семье, почитанием со стороны детей, относительной свободой и самостоятельностью. Традиционно ахвахская семья – среднедетная, содержащая обычно двух–трех детей, гораздо реже – четырех и более. Наиболее распространенной формой брака в Ахвахе был брак посредством сватовства (по инициативе родителей). Имели место и другие формы брака

(путем похищения, бегства молодых, ухода женщин в дом мужчины, обменные, левират и сорорат). Из традиционных форм брака отметим, как специфические, брак по инициативе женщины или девушки (получил широкую известность обычай бросания мужчинами своих папах в открытую дверь или окно комнаты, где собирались вдовы и девушки) и браки по инициативе сельской администрации (мужчине, в том числе женатому, старейшины могли “навязать” в жены ту или иную вдову или девушку). В современной ахвахской семье, по-прежнему преимущественно состоящей из родителей и детей, господствует внутрисемейная атмосфера демократии и равноправия, хотя главой семьи продолжает считаться муж. Ахвахских семей, имеющих от одного до трех детей, насчитывается больше, чем многодетных. При выборе брачного партнера мнение родителей значения не утратило, но в большинстве случаев в наши дни молодые люди сами находят друг друга.

С 5–6-летнего возраста мальчики обучались чтению, письму и заучиванию сур Корана в примечетских школах. По той же приблизительно программе обучались дома и девочки. Желавший продолжить учение поступал в медресе, закончив которое мог на несколько лет стать учеником и последователем кого-либо из известных арабистов. Отец, братья, родственники и односельчане прививали мальчику навыки и знания, необходимые при обработке земли, уходе за скотом, владении топором, молотком, кладке стен, обработке древесины и т.д. Из него, кроме того, постепенно готовили наездника и воина. Девочку с малолетства приучали к работе в поле, ведению дел в домашнем хозяйстве (уборка, стирка, шитье, вязание, ткачество, доение, переработка молока и т.д.).

В настоящее время все дети Ахваха с 7-летнего возраста проходят обучение в начальных и средних школах. До четвертого класса преподавание ведется на аварском языке; изучаются и такие дисциплины, как родная литература (произведения дагестанских, преимущественно аварских, классиков, фольклорные произведения) и история Дагестана. Обучение родному (ахвахскому) языку в отдельных школах только начато. Отметим, что в последние годы заметно усилилось стремление со стороны значительного числа родителей обучать своих детей элементам арабского чтения и письма, привить им основы мусульманского вероучения.

Ахвахское поселение – это сравнительно крупное, многодворное селение, жители которого образуют тип сельскообщинной организации. В каждом поселении этого типа обязательно имеется место сбора (схода) населения, места сбора мужчин для проведения досуга (годеканы), сельская мечеть, кладбище. Селения Ахваха, как и почти повсеместно в горах Дагестана, формировались за счет населения небольших родственных поселений, преобразовавшихся в связи с рядом обстоятельств в территориально-родственные.

Для ахвахцев исторически характерно два типа поселений: селение и хутор. Понятие “хутор” для ахвахцев имеет двойное значение: так назывались и сохранившиеся до начала XX в. поселения тухумного типа, состоявшие из нескольких дворов (от трех–пяти до восьми–десяти), и поселение сезонного типа для временного содержания скота и ухода за ним. Переселяясь на новое место и образуя крупное по числу хозяйств поселение, члены тухума старались селиться компактно, образуя единый родственный квартал. Однако начавшийся еще в период раннего средневековья (и усилившийся к позднему средневековью) процесс ослабления кровнородственных связей за счет усиления соседских привел к концу XVIII – началу XIX в. к завершению расселения в селениях по родственно-территориальному признаку, с тенденцией к чисто территориальному расселению. Таким образом, поселения ахвахцев, как и селения других народов Дагестана, прошли исторический путь развития от тухумного, через территориально-тухумное, к терри-

Рис. 51. Часть селения Кванкери. (Здесь и далее в очерке “Ахваццы” фото из личного архива Лугуева С.А.)

ториальному типу поселения. При выборе места для поселения ахваццы старались учитывать несколько факторов: защищенность, наличие источника воды, близкое расположение угодий. Селения как бы сливались с рельефом и были ориентированы на юг, юго-восток или юго-запад. Все они имели вертикальную склоновую планировку и компактно-улочковую форму. Подходы к селению охраняли боевые башни или массивные каменные стены с бойницами.

Со второй половины XIX в. значение оборонительного фактора при выборе места для поселения постепенно отпадает. Приблизительно с этого же времени наблюдается тенденция к заселению более удобных присельских низменных участков, где жилые и хозяйственные строения располагаются свободно, составляя единое целое с приусадебным участком. Эта тенденция усилилась в 30–50-е годы XX в., а в последующие десятилетия стала господствующей. Поэтому во всех ахвацких селениях рядом со старыми, склоновыми их частями появляются новые, со свободной планировкой. Строения старых частей постепенно разрушаются, многие из них превратились в развалины или совершенно исчезли. Исчезли по большей части и поселения хуторского типа, кое-где от них остались лишь фрагменты построек.

Традиционное жилище ахваццев – это двух- или трехэтажный каменный хозяйственно-жилой комплекс с плоской земляной крышей, где хозяйственные службы располагались внизу, а жилье занимало верхний этаж (этажи). Это строение типа “хлев–жилье”, “хлев–сеновал–жилье”, “хлев–жилье–жилье” и другие варианты. Традиционная планировка наблюдается и в наши дни, хотя дома сейчас строятся более обширные, число хозяйственных помещений намного уменьшилось, пристенные очаги типа каминов заменены современными печами, крыши жилищ – преимущественно двух-, реже четырехскатные, иногда по традиции плоские. За исключением последних они крыты шифером или жостью.

Рис. 52. Хозяйственный комплекс в селении Кванкери

Мебели в традиционных жилищах было мало, к ней относились и низкие треногие стульчики и появившиеся в XIX в. деревянные скамьи-лежанки. Одна из комнат обставлялась лучше других и служила в основном как помещение для приема гостей. Здесь раскидывались по полу и развешивались по стенам лучшие ковры, шкуры зверей, нарядная сбруя, дорогое оружие, бурки, расставлялась по нишам и полкам редкая посуда и т.д. Другая комната, с очагом типа пристроенного камина, была главной, повседневного пользования, тут семья проводила свободное время, садилась за совместную трапезу, укладывалась на ночлег. В отдельных комнатах хранились обычно предметы утвари и продовольственные припасы. Одежда развешивалась по деревянным колям, вбитым в стену, или цеплялась на свешивающуюся с потолка суковатую палку. В нишах и по полкам располагалась медно-бронзовая, керамическая и деревянная посуда. Интерьер современного жилища максимально приближен к городскому. В домах ахвацгов с конца XIX – начала XX в. появляются современные кровати, столы, стулья, шкафы, буфеты и прочая мебель, позже – радио и телеаппаратура, книги, современная посуда и т.д. Хозяйственные помещения сейчас занимают гораздо меньший объем жилищно-хозяйственного комплекса, нередко они выносятся на территорию усадьбы, строятся отдельно. Несмотря на то, что современные жилища ахвацгов по форме и типу весьма разнообразны, тесная связь с традиционной культурой строительства все же сохраняется.

Традиционная одежда ахвацгов складывалась под воздействием географических, природно-климатических и хозяйственно-экономических условий и этнокультурных традиций. Одежда в общем была подогнанной по фигуре, не стесняющей движений, теплой, влагостойкой, способной защитить от жары и холода, простой в эксплуатации. У мужчин это главным образом шерстяные штаны, зауженные книзу и без ширинки, туникообразная рубаха, бешмет, безрукавки

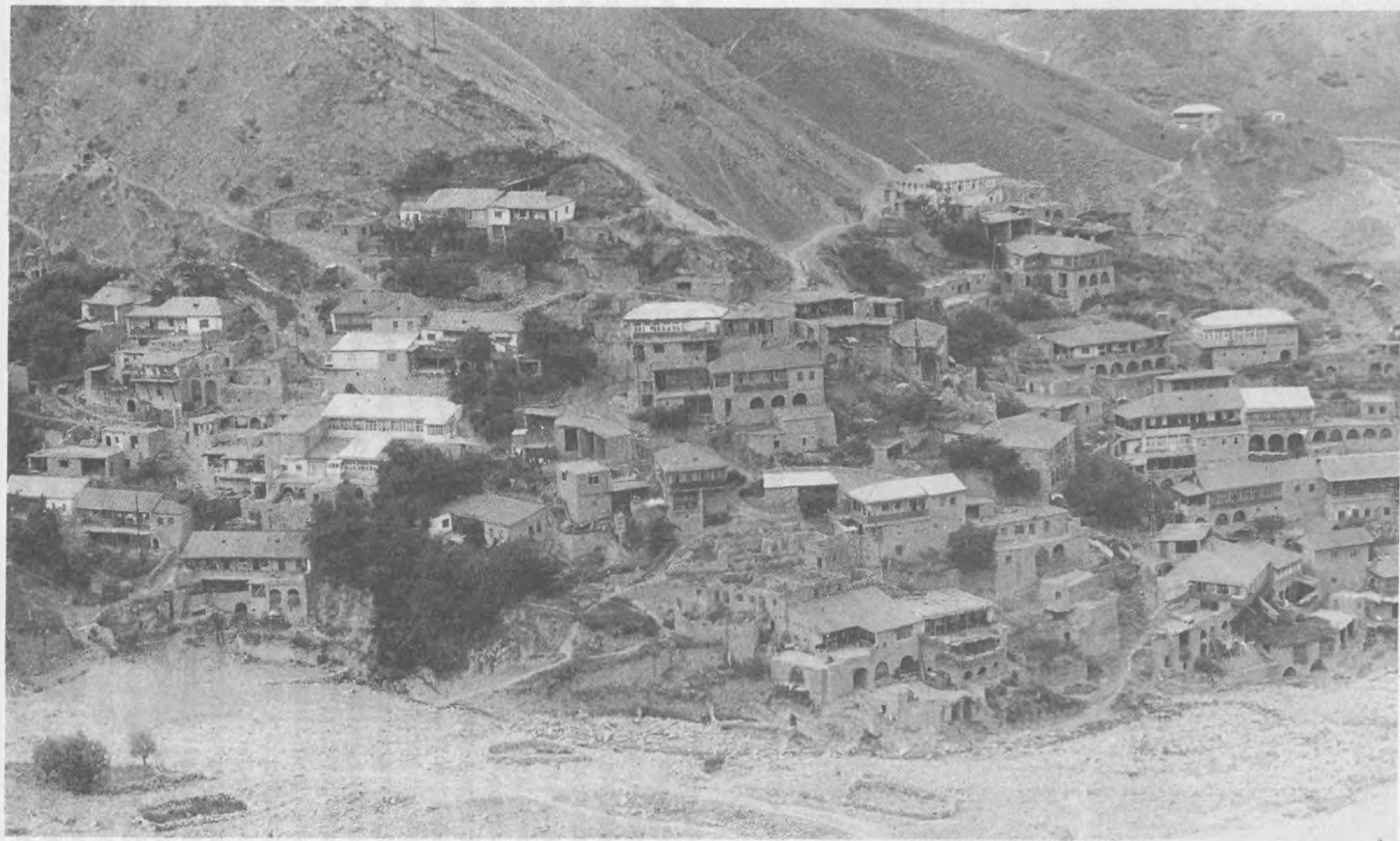

Рис. 53. Селение Кванкери

(войлочные и овчинные), куртки и пальто из войлока, черкесска, несколько разновидностей шуб, войлочная бурка, конусообразная или полусферическая овчинная папаха. На ногах носили чарыки (постолы) из одного куска сырмятной кожи, обувь типа кожаных галош и типа войлочных (или комбинированных, с кожаным низом) чувяк, башмаки без задника, сапоги с мягкой подошвой (с конца XIX – начала XX в. – с твердой подошвой и каблуком), а также ноговицы (кожаные, войлочные). На поясе носили кинжал (до XX в.). Голову мужчины брили, оставляли бороду и усы. Суконные ткани для одежды с XIX в. стали вытесняться привозными – фабрично-заводскими (ситец, сатин, полотно и др.).

Женская одежда состояла из туникообразных и отрезных по талии рубах нескольких разновидностей, нарядных платьев типа “полуша” и “къабалай”, безрукавок, платков и теплых шалей, чепца-накосника – чухту, узких и длинных штанов. Обувь женщин была та же, что и у мужчин, за исключением сапог и ноговиц. Костюм женщины дополняли бусы, серебряные кольца, перстни, серьги, браслеты, височные, налобные, нашейные, нагрудные украшения с полудрагоценными камнями (бирюза, коралл, жемчуг, сердолик, агат, гранат, янтарь и др.). Волосы заплетались в косы, женщины старшего поколения стригли волосы на затылке.

В одежде ахвахцев можно было выделить и заимствования: шубу с пелериной и ложными рукавами переняли у лакцев, платье типа къабалай – у кумыков, тип “кавказской” рубахи – скорее всего у народов Северного Кавказа, эпизодически встречающиеся чабанские войлочные шляпы – у народов Северного Кавказа, палахи типа “бухара” – у народов Средней Азии и др.

Современная одежда ахвахцев – прежде всего одежда городская, европейская. Отдельные элементы традиционной народной одежды встречаются в костюме представителей старшего поколения.

Базовый компонент пищи ахвахцев – зерно-мучные и мясо-молочные продукты. Разновидности хинкалов (с мясом свежим и сушеным, курдюком, колбасой, чесночной подливой, с сыром др.), толокняные катыши, кислые и пресные лепешки, молочные и мясные похлебки, сыры, каши, разновидности пирогов и пельменей составляли основу традиционной кухни. Главные продукты питания – это мука нескольких видов, толокно, мясо, жиры, сыр, топленое масло. Рацион пополнялся за счет стеблей и корней съедобных растений, лесных и полевых плодов и ягод, а также изредка привозимых фруктов и овощей. Традиционная кухня в большей своей части сохранилась и в наши дни, разнообразившись супами, соусами, борщами, щами, котлетами, голубцами, пловом и т.п.

При ближайшей и дальней транспортировке грузов наиболее важное значение имели ослы и лошади. Колесного транспорта не было, для ближних перевозок применялись сани-волокуши, куда впрягались быки. Со второй половины XIX в. старые дороги в большинстве своем были приведены в порядок, построены новые дороги; стал появляться колесный транспорт. В современном Ахвахе автобусы, легковые и грузовые машины, тракторы, мотоциклы и др. – давно уже привычное и обычное явление.

В дагестанской (в том числе и общеаварской) среде ахвахцы дифференцированы главным образом в сфере духовной культуры, а именно в обрядово-ритуальной ее части. В общественно-бытовых обычаях, связанных со спецификой традиционного судоустройства и судопроизводства, с институтами кровной мести, куначества и гостеприимства, взаимопомощи, общедагестанского у ахвахцев несравненно больше, чем частного, особенного, узкоэтнического. Что же касается обрядовых действий календарного, календарно-праздничного, религиозно-магического циклов, то здесь особенно четко выделяется. Например, совершенно оригинален для Дагестана ахвахский обряд борьбы с падежом скота – так называемый обряд

Рис. 54. Селение Ахваштаб

опахивания, при котором 12 женщин ночью, впрягшись в плуг и волоча его вокруг селения, с угрозами и проклятиями в адрес Зулула (персонифицировать его пока не удалось), прокладывали символическую борозду. Обряд этот заканчивался умерщвлением и захоронением черного кота. Оригинален обряд вызывания дождя, совершаемый девочкой-подростком над шкурой и костями жертвенного быка. Только здесь мы обнаруживаем рудименты недавнего бытования такого обряда, как ритуальные выкрики уединившейся группы женщин, подбрасывающих руками свои волосы от плеч кверху (действие, призванное способствовать активизации роста посевов), ритуальный бег группы юношей вокруг селения (обряд прекращения дождя – вызывания солнца). Только у ахвахцев обнаружен и записан нами оригинальный народный календарь, нигде более на Кавказе не встречающийся, в котором движение солнца в различные отрезки сезона года соизмерялось с частями человеческого тела, и др. Те или иные специфические черты носят на себе и рациональные приемы народной медицины, основывавшейся на многовековом эмпирическом опыте нескольких поколений ахвахцев.

Многие из обрядов общественно-бытовой сферы в настоящее время позабыты, прочие фрагментарно сохранились в усеченном виде, растеряв отдельные, как правило, наиболее архаические элементы.

С XV в. Хунзахское ханство и союз Гидатль под флагом распространения ислама вели активное наступление на земли аварских вольных обществ, в том числе и на Ахвах. Процесс исламизации ахвахцев затянулся на столетия и завершился не ранее второй половины XVIII в. Стародавние религиозные представления постепенно были либо позабыты, либо продолжали существовать, приспособившись к новым условиям. Со временем новая официальная религия пустила свои корни настолько глубоко в сознание народных масс, что рудименты домусульманских представлений, обрядов и ритуалов функционировали только в рамках исламской идеологии и догматики.

Мусульманское вероучение, основы шариата органически вплетались в повседневную жизнь народа, в семейный и общественный быт ахвахцев. Безо всякого преувеличения можно сказать, что каждый свой поступок, каждое свое действие ахвахец старался соизмерить, соотносить с исламом и шариатом. Думается, что такие установления и требования ислама, как равенство человека перед Богом вне зависимости от социального положения, уважительное отношение к личности вообще, оказание материальной и моральной помощи сиротам, вдовам, калекам, любому нуждающемуся, постулат “не поступай по отношению к ближнему так, как не хотел бы, чтобы поступили с тобой”, и многие другие, были не чужды сложившимся в народе морально-этическим, нравственным ориентациям.

Современные верующие ахвахцы – мусульмане суннитского толка. Несмотря на былые ограничения и запреты элементарное следование исламскому вероучению в ахвахской среде в значительной степени сохранилось. Подавляющее большинство населения следует первейшим, простейшим мусульманским канонам, знает некоторые молитвы, соблюдает отдельные мусульманские ритуалы и пр., хотя при этом число верующих, пятикратно в день творящих намаз, сравнительно невелико. Молельные дома имеются в каждом ахвахском селении, в большинстве селений функционируют мечети, часть из которых в настоящее время реставрируется.

Ахвахцы по праву гордятся своими лучшими людьми – воинами, учеными, тружениками производства, представителями местной интеллигенции. Из уст в уста передаются имена земляков, прославивших родной край в борьбе с иноземными захватчиками, активным участием в движении Шамиля. Саид-Мулла из сел. Кудияб-росо, считавший себя учеником богослова, философа, математика, астронома Махмуда Чохского (умер в 1770 г.), имел ценную библиотеку и получил широкую известность как просветитель далеко за пределами Ахваха. Популярностью в народе пользовались лекари-универсалы Магомед-Гаджи, Ахмед из сел. Кудияб-росо, Гаджимагомедов Денга, а также его брат и племянник из Тад-Магитля, Бурук (ученик Денги) и Курбан из Лологонитля, Алибеков Ассадулла из Изано, Шамхалов Магомед, Амиров Нури и Нуриев Абдулла из Цекоба, Мусаев Абдурахман и Абдурахманов Осман из Ратлуба, Магомед-Гаджи из Дагбаша и др. Ахвах, один из центров партизанского движения в Дагестане периода гражданской войны, выдвинул из своих рядов целую плеяду красных партизан-орденоносцев, сподвижников и сторонников Муслима Атаева. Более 200 ахвахцев защищали Родину в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., больше половины из них полегли на полях сражений, около 70 человек были награждены орденами и медалями.

В послеоктябрьский период в Ахвахе появилась целая сеть начальных школ, задачей которых стала наряду с обучением детей ликвидация неграмотности среди взрослого населения. Со временем сеть эта значительно расширилась, появились семилетние и средние школы. В настоящее время дети ахвахцев учатся в школах-десятилетках, в школах-интернатах, многие продолжают учебу в средних специальных и высших учебных заведениях. Из года в год растет число лиц с высшим образованием. Не случайно, поэтому, что подавляющее большинство учителей, врачей, специалистов по сельскому хозяйству составляют местные кадры.

БАГУЛАЛЫ

Багулалы – один из небольших по численности народов Дагестана, входящий в аваро-андо-цезскую группу народов. Самоназвание *багулал* имеет несколько толкований: “богатыри”, “время еды”, “соски”, “бедные люди”, “едя-

Рис. 55. Багулалки в традиционном костюме. Конец XIX века. (Из личного архива Гаджиева Г.А.)

щие сырое мясо” и др. Все они относятся к разряду народной этимологии. Контактировавшие с багулалами соседние народы также называли их багулалами, более отдаленные народы Дагестана отождествляли с аварцами.

Багулалы расселены по северному склону Богосского хребта на правом берегу р. Андийское Койсу. Они компактно проживают в соседствующих селениях Хуштада, Тлондода, Кванада, Гимерсо (Цумадинский р-н), Тлибишо, Тлисси (Ахвахский р-н). В наши дни багулалы-переселенцы живут компактно и в сел. Чало (Кизилюртовский р-н). Дисперсно багулалы проживают в переселенческих селениях Кизлярского, Хасавюртовского, Кизилюртовского районов. До революции административно багулалы входили в Каратинское наибство Андийского округа.

Общее число багулалов к концу 60-х годов XIX в. составило 1989 человек, при 577 хозяйствах, в 20-е годы XX в. их стало 3054 человека (или 0,39% от всего населения Дагестана) (Комаров, 1873. С. 37; Всесоюзная перепись... 1928. С. 343). В наши дни численность багулалов, согласно данным похозяйственных книг сельских администраций, составляет более 5 тыс. человек.

Соседи багулалов на севере – каратинцы, ахвахцы, на юго-востоке – тиндинцы (тиндалы), на западе – чамалалы, годоберинцы. Соседство этих народов наложило отпечаток на культуру единого багулальского народа, подразделяющегося на три группы, каждая из которых имеет специфические особенности языка, культуры, быта. Каратинскому и ахвахскому культурному влиянию подверглись багулалы, проживающие в селениях Тлисси, Тлибишо, каратинскому – в селениях Гимерсо, Кванада, тиндинскому – в селениях Хуштада, Тлондода.

Территория расселения багулалов изрезана ущельями, ручьями, вливающимися в р. Андийское Койсу. Южные склоны окружающих гор имеют обильный травостой. Климат – сравнительно холодный.

Рис. 56. Один из кварталов селения Хуштада. (Из личного архива Гаджиева Г.А.)

Очень богаты флора и фауна мест обитания багулалов. Имеются сосновые леса, вперемешку с березовыми деревьями, иногда встречаются бук, дуб, клен. Здесь в изобилии лекарственные травы (тимьян ползучий, чабрец, зверобой, клевер и др.). Большое богатство для багулалов – луга, на которых пасется скот в летнее время. Из животного мира в багулальских лесах можно встретить медведя, волка, лисицу, зайца, белку. В последнее время резко увеличилось поголовье кабанов.

Багулалы в своей основе – древние насельники занимаемой ими ныне территории. Они относятся к кавкасионскому антропологическому типу населения Дагестана. Говорят на багулальском языке андийской подгруппы аваро-андоцезской группы нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи языков.

В древности, объединившись в союз сельских обществ (или племенное объединение) они сыграли заметную роль в истории народов Западного Дагестана, хотя название “багулал” не встречается в источниках до XVIII в. Общество (объединение) “багулал”, начиная с I тыс. до н.э. входило в состав федерации Дидури, а впоследствии – в политический союз Дидо. В него входило шесть сельских обществ: Хуштадинское, Кванадинское, Тлондодинское, Гимерсинское, Тлиссинское, Тлибишинское. Оно просуществовало вплоть до присоединения Дагестана к России в XIX в.

Багулалы, как и другие народы андийской языковой подгруппы, вошли в состав России в XIX в. Однако многие багулалы принимали активное участие в движении горцев под руководством Шамиля. Общество багулал обязывалось по первому зову Шамиля выставить в его армию против царских войск 300 человек (150 конных и 150 пеших) в полной боевой готовности. После завершения Кавказской войны и окончательного присоединения к России багулалы были включены в Каратинское наибство Андийского округа, а с 1900 г. – во владения помощника Каратино-Технучальского участка того же округа.

Беднейшие слои радостно встретили весть об Октябрьской революции, хотя некоторые багулалы участвовали в гражданской войне на стороне противников советской власти. К 1938 г. завершается коллективизация, в каждом багулальском селении был создан колхоз овцеводческого направления. Многие колхозы из-за плохой организации и слабой оснащённости сельскохозяйственной техникой оказались нерентабельными, а доходы колхозников – небольшими. Значительные изменения в пользовании землей произошли в самое последнее время в связи с распределением земель между колхозниками и созданием фермерских хозяйств. К появлению таких хозяйств багулалы относятся сдержанно: из-за небольших размеров угодий они не могут обрабатывать землю имеющимися в их распоряжении сельскохозяйственными орудиями.

На сложение и функционирование хозяйства и культуры багулалов оказали влияние экологическая среда, хозяйственный и культурный ландшафт, социально-экономические условия. Здесь сложился скотоводческо-земледельческий тип хозяйства. Земледелие у них – древнейшее хозяйственное занятие, которое развивалось и совершенствовалось тысячелетиями от самых примитивных его форм до плужного, с развитыми агротехническими приемами.

Существовала частная собственность (*мульк*) на пахотные земли, сенокосы. На отдельные участки пахотных, покосных и лесных угодий существовала и тухумная собственность. Были также вакфы – примечетская собственность на различные виды земли. Общинной собственностью являлись пастбища и частично дальние сенокосы и лесные массивы.

Из зерновых сеяли ячмень (озимый, яровой), пшеницу (озимую, яровую), кукурузу (начиная с XIX в.), из бобовых – горох, фасоль, из огородных – лук, чеснок, тыкву, морковь, в начале XX в. и свеклу, капусту, огурцы, помидоры и разную зелень. Пахота и сев было делом мужчин, а все остальные работы в полеводстве осуществляли женщины.

Получило развитие садоводство – в горно-долинных участках по берегу р. Андийское Койсу. Возделывали виноград, персики, яблоки, груши, сливы, абрикосы и грецкие орехи. Сады находились в личной собственности.

Скот служил главным показателем состоятельности горца. Скотоводство – древнее занятие багулалов. Его основные формы определялись составом и достатком угодий, наличием как крупного, так и мелкого рогатого скота. В 80-е годы XIX в. в шести багулальских селениях в частном владении находились 21 000 овец, 2200 голов крупного рогатого скота, свыше 1100 лошадей, ослов, мулов. (ЦГА РД. Ф. 21). Основной формой овцеводства была отгонная. Перегон в зимнее время осуществлялся в Терско-Сулакскую низменность, а летом – в горы. Существовала также стационарная форма, преимущественно для крупного рогатого скота.

Богатством отличались традиции по содержанию скота и уходу за ним. Продукты животноводства являлись основной пищей и шли в обмен на хлеб и другие продукты и изделия, которые у багулалов не производились.

Получили развитие и некоторые виды промыслов. Сырьем для промыслов служили продукция животноводства (шерсть, шкуры, рога, кости), дерево, камень, имеющиеся в изобилии вокруг багулальских селений. Особое развитие получили ткачество, войлочное дело, сукноделие, вязание шерстяных носков и сапог, изготовление серебряных украшений (серег, перстней, нагрудных украшений), височных обручей для женского головного убора, блях для мужских поясов, ножен для кинжалов. Для внутреннего пользования женщины изготавливали подседельники, перемётные сумки, мешки. Мужчины готовили сельскохозяйственный инвентарь – рало, молотильные доски, лопаты, кирки, вилы, ко-

Рис. 57. Традиционный серп. (Из личного архива Гаджиева Г.А.)

рыта, косы, ткацкие станки, прялки и др. Значение промыслов в наши дни повышается в связи с получившей в последнее время широкое распространение индивидуальной трудовой коммерческой деятельностью и т.д.

Экономическую ситуацию осложняло малоземелье, определившее формы поселений и соответственно наложившее отпечаток на характер заселения. Одним из факторов селостроения была экономия земли, пригодной для хозяйствования. На характер поселений влиял также фактор обороны. Почти все багулальские селения расположены на крутых склонах, в оврагах, труднодоступных участках, ровные места около селений оставались для запашки. Между селениями существовала визуальная связь, позволявшая в случае опасности быстро передавать весть о ней всем дружественным селениям. С этой целью на краю селений возводили сигнальные башни, где круглосуточно по очереди дежурили молодые люди из разных тухумов. В каждом тухумном квартале было по сторожевой башне, первоначально служившей и тухумным убежищем. Между всеми башнями существовали подземные ходы. Каждое селение имело общие ворота, закрывавшиеся на ночь. Учитывался также фактор водоснабжения. Поблизости поселения обычно протекала река, ручей или находился водный источник – родник. Селения имели также ориентацию на солнечную сторону. Значение этих факторов в разные времена менялось.

Традиционными типами поселений были село (*гъан*) и хутор, отселок (*чила*). Село с его постоянным коренным населением являлось самостоятельно управляющейся территориальной единицей – общиной. Высшим органом был сельский сход, решения которого подлежали безусловному исполнению всеми без исключения членами общины. Сход собирали на главной сельской площади по мере необходимости. На нем решали производственные и общественные проблемы, вопросы мира и войны, наделения общинников землей, порядка пастьбы скота и т.д. В селении также имелся орган судопроизводства, основной целью которого являлось примирение тяжущихся сторон. В селениях, как правило, были пятничные мечети, куда приходили по пятницам верующие и из поселений типа “чила”, сельское кладбище, разделенное на отдельные участки

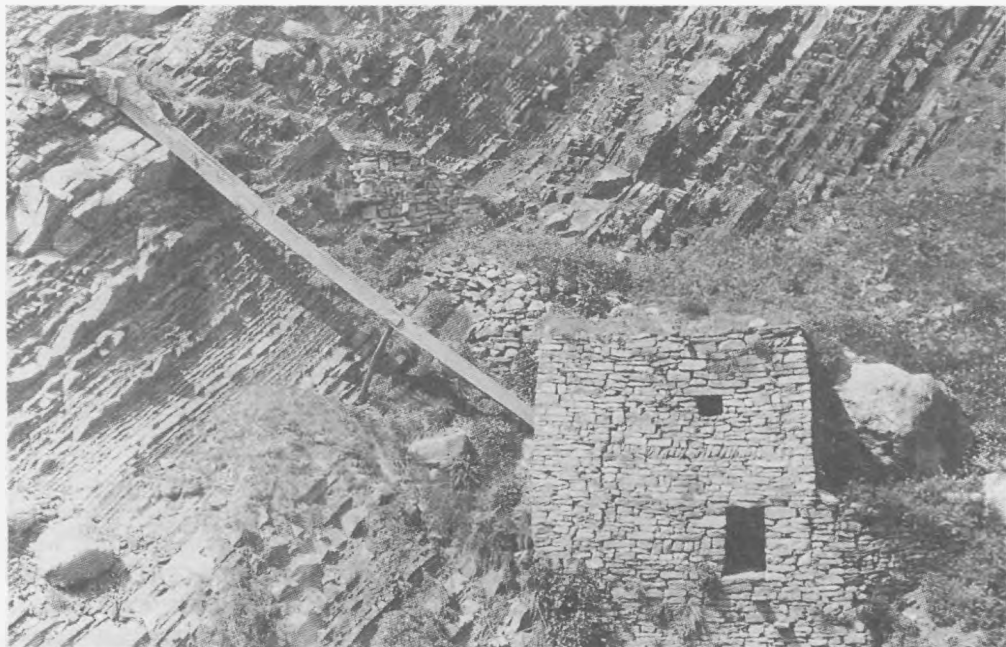

Рис. 58. Водяная мельница. (Из личного архива Гаджиева Г.А.)

для тухумов. К таким селениям у багулалов относились Хуштада, Кванада, Тлондода. К поселениям типа “чила”, в которых не имелось органов управления, относились селения Гимерсо, Тлисси, Тлибишо и ряд поселений, развалины которых сохранились вокруг современных селений (Эсси, Эреси и др.).

Багулальские селения характеризовались скученностью, террасообразностью. В наши дни продолжается расширение традиционных поселений. Дома, как правило, строят на окраинах, на ровных местах, каждый дом имеет приусадебный участок и стоит отдельно от других. Здесь учитывается фактор удобства для житья и семейно-бытовых нужд. Старинные селения превратились в часть поселения, а кладбища, находившиеся на окраине, оказались в черте поселения.

Жилище багулалов делится на одно-, двух- и многоэтажное. Одноэтажное однокамерное жилище в прошлом было единственным для большой семьи. В нем посередине помещения устраивался открытый очаг, все места строго распределялись. Самое почетное место предназначалось главе семьи, его уступали лишь приходящему гостю. Двери и окна такого жилища были узкими и низкими, иногда световое отверстие оставляли в потолке, которое в непогоду закрывали плоским камнем. Маленькие размеры окон, дверей позволяли сохранить в помещении тепло. В связи с разрастанием семей и естественным приростом родственных коллективов увеличивается камерность путем возведения перегородок в большом помещении, а потом и этажность, когда нельзя возвести жилище рядом с домом родственника. Первый этаж двух- и многоэтажного хозяйственно-жилого комплекса предназначается для скота, на крыше устраивается сеновал. С проникновением изделий фабричного производства совершенствуются элементы жилища – окна, двери, балконы, веранды, лоджии и т.д. Устанавливают филенчатые двухстворчатые двери на петлях, окна ставят простые со стеклами.

Рис. 59. Традиционное жилище в селении Гимерсо. (Из личного архива Гаджиева Г.А.)

Для традиционного старого жилища был характерен центральный очаг, преобразившийся в XIX в. в пристенный камин с дымарем (у правой от входа стены). Слева в углу имелось углубление – хранилище, позднее, особенно в двухэтажном доме, превратившееся в отсек. У противоположной стены находилось возвышение для постелей, одежды (наль), позднее – лари-полки. Непременным атрибутом являлся массивный центральный столб с большой фигурной резной капителью. В стене – ниша для парадной посуды и других ценных предметов, сменившаяся через некоторое время ларем и сундуком. Впритык к дому было устроено деревянное массивное хранилище (*гьекуш*).

Коренные изменения претерпело внутреннее убранство жилища в советское время. Жилую комнату обставляли покупной мебелью: диван, кресла, книжный шкаф; в ней имелся телевизор, радиоприемник; спальная комната снабжалась современным гарнитуром. Имеется и отдельная кухня. Не редкость в семьях холодильник, морозильник, кухонные шкафы и кухонная мебель. В наши дни внутреннее убранство дома – симбиоз традиционного и современного городского жилища. Основным строительным материалом ныне остаются камень-песчаник, глина, солома, дерево. В самое последнее время в возведении стен дома используется саманный кирпич (*Гаджиев Г.А. 1989. С. 105, 107, 116–120 и др.*).

Хозяйственные постройки для общественного скота в наши дни строятся по типовым проектам с применением современных строительных материалов (цемент, шифер, железобетонные конструкции и т.д.), а для личного скота отводится первый этаж жилого дома или возводится постройка рядом с домом во дворе.

Материалом для одежды служила продукция животноводства – шерсть, шкура, кожа. В конце XIX в. стали поступать различные материалы фабрично-

Рис. 60. Помещение (гъекуш) для хранения продуктов. (Из личного архива Гаджиева Г.А.)

го производства. Одежда делилась на мужскую и женскую, ритуальная по покрою мало чем отличалась от повседневной. По назначению одежда была повседневной и праздничной, нательной и верхней. К нательной одежде относились рубаха, штаны, а к верхней – бешмет, черкеска, брюки, овчинная шуба (нагольная). Рубаха являлась повседневной одеждой, и, чтобы она быстро не изнасилась, на спине ее пришивали подкладку. Штаны имели “широкий шаг”. На голове носили косматую овчинную папаху конусообразного покроя. Обувью служили чарыки из сыромятной кожи собственного производства. Костюм женщины включал длинное черное платье-рубаху туникообразного покроя, штаны из темной ткани, доходящие до пят, темные покрывала, черное чухто с двумя парами серебряных височных колец, красный кушак. На ногах носили кожаные, войлочные сапожки, чарыки из сыромятной кожи, шерстяные носки с кожаной подошвой. Теплая одежда женщин почти не отличалась от мужской. Свадебная же одежда отличалась только дороговизной материала и обилием серебряных и медных украшений, пришиваемых на груди, голове. Украшением мужской одежды были кинжал и пояс с серебряной инкрустацией, а женской – серьги, кольца, браслеты и др. До 40-летнего возраста мужчины брили голову, оставляя бороду, усы. Женщины отпускали косы, ухаживали за волосами, чаще мыли голову теплой водой, добавив в нее курагу, золу и т.д.

В наши дни традиционную одежду можно встретить только у представителей старшего поколения. В основном сейчас одежда имеет интернациональный (европейский) характер.

Пищей служили продукты земледелия и скотоводства. Ежедневной основной пищей был пресный хлеб типа лепешек, изготавливаемый в домашнем очаге; готовили “ленивый” хлеб из смеси муки с сыром, пресный и дрожжевой, вареные бобы, пшеницу, кукурузу, различные каши из муки, крупы, зерна: молоч-

ная из просеянной крупы, молочная из нарезанных лепешек, сваренных в мясном бульоне, молочная мучная на бульоне, молоке с луком, чесноком, жиром, густая, из кукурузной муки на воде, с жиром и урбечем, из раздавленного вареного кукурузного зерна с добавлением муки, с маслом или молоком. Излюбленной повседневной пищей являлся хинкал (галушки) с мясом, молоком, оригинальный хинкал из нарезанных испеченных лепешек с сыром, чесноком, маслом. Готовили также различные пироги с творогом, мясом, яйцами, съедобными травами (тмин, щавель, черемша, крапива и т.д.). Из молочных продуктов ежедневно употребляли молоко, масло, творог. Мясо ели в свежем (больше летом, осенью) и вяленом виде (зимой), в прошлом ели сырое мясо и жир. Предпочтение отдавали баранине. Очень распространен был бульон, супы употреблялись реже (из фасоли, круп и др.). Деликатесным считался суп (как и хинкал) с добавлением сушеного курдюка. Готовили колбасные изделия из мясного фарша, жира с тмином. Большой популярностью пользовалась кровяная колбаса. Использовали также мясо животных и птицы, добытое на охоте (заяц, медведь, куропатки и т.д.), в целебных целях употребляли конину (против туберкулеза). И в наше время основными блюдами являются хинкал с мясом и шурпа (суп), в последнее время в быт вошли заимствованные блюда (голубцы, котлеты, плов и т.д.). Готовили хмельной напиток “мер” из проросших зерен пшеницы и толокна, ныне добавляют и сахар. В пище используются также различные соленья и компоты, получившие распространение в советское время (Там же. С. 146–155).

Общественный уклад в прошлом отражал определенную систему социальных патриархально-феодальных отношений. Существовала частная собственность на дом, скот, пахотные участки, отдельные покосные угодья. Внутри селения сложились зависимые отношения между тухумами. Малочисленные общины зависели от крупных. Эта зависимость выражалась в необходимости оказания ими принудительной и обязательной помощи крупным и сильным обществам во время войны, стихийных бедствий, в сезоны сельскохозяйственных работ. К XIX в. и внутри селения появились отдельные тухумы, семьи, лица, различающиеся занимаемым положением в производстве и распределении, развивалось имущественное расслоение (неравенство), различные формы эксплуатации одной части населения другой ее частью.

В первой половине XIX в. пережиточно сохранялось патриархальное рабство (*нисуди*). Рабами становились люди, попавшие в плен во время войн, набегов.

Специфичным является древний институт *гьоркьо рухъ* (мужской дом). Ежегодно в течение двух–трех зимних месяцев мужская часть населения группами по 15–20 человек собиравались в домах, куда доступ женщинам был запрещен. Мужчины проводили время в беседах, играх, развлечениях, пиршествах, выбирали из своей среды шаха, слово которого являлось законом для всех. Они занимались и закаливанием организма. Женатые мужчины могли провести ночь с четверга на пятницу у себя дома.

Существовал обычай взаимопомощи, практиковавшийся при выполнении трудоемких сельскохозяйственных работ, при возведении дома, на свадьбах, на похоронах и т.д.

До введения “военно-народного управления” во главе крупных сельских обществ стояли *бегаулы* (*халиды*), избравшиеся на сельском сходе всеобщим голосованием из состоятельных и авторитетных семей. После введения российского управления бегаул утверждался начальником Каратинского участка Андийского округа (наибом). Он был в ответе за все, что делалось в обществе, осуществляя исполнительную и административную власть. Ему помогали два ис-

полнителя (нукеры). Оплату им всем производили за счет штрафных сумм. В каждом селении было по два–три стражника (*адилы*), осуществлявших обязанности полицейского надзора. Помощниками стражников были осведомители-сторожа (*гъелибы*). Большой общественный вес имел *дибир*, избираемый в крупных селениях на сходе всеобщим голосованием. Он решал не только вопросы религии, но и хозяйственные дела. Ближайшим помощником дибира был *будун*. Они занимались преимущественно вопросами судопроизводства. Судебные решения выносились на базе норм адата (воровство, кража, уголовные дела и т.д.) и шариата (дела, связанные с семейно-бытовыми обычаями). Суд был общественным органом, главной целью которого являлось примирение сторон без какого-либо ущерба одной из них. Основной функцией суда было третейское разбирательство дел по охране прав собственности.

Определенное место в общественной жизни занимала кровная месть – один из атрибутов первобытно-общинного строя, возникший как эффективная мера самообороны, самосохранения, регулирования межличностных и межобщинных отношений. Пережитки кровной мести сохранялись до 30-х годов XX столетия.

В суровых условиях замкнутого быта большое значение имело гостеприимство. Оно являлось важным каналом, по которому развивались экономические, культурные связи между народами, обществами. Существовала специальная церемония по встрече и проводам гостя – самого уважаемого в селе и неприкосновенного человека.

Патриархальный характер быта и семьи ревностно оберегал честь и достоинство старших по возрасту, женщины.

Основная форма семьи – двухпоколенная малая (нуклеарная), состоящая из родителей и детей. Средний размер семьи составляет четыре–пять человек. Изредка встречались семьи трехпоколенные, в которых вместе с молодой семьей и их детьми, проживали престарелые родители. Это была система родства арабского типа. Предпочитали браки между родственниками (эндогамия), в том числе кузенные. Браки заключали уводом, уходом и похищением (умыкание), путем сговора. Преобладали последние. Свадьба проходила в три этапа, являвшихся логическим продолжением один другого – сговор, свадьба, послесвадебная обрядность. Своеобразным был в свадьбе обряд под названием “яри-яри-яришо”. На следующий после свадьбы день группа молодежи (позднее – детей) со словами “яри-яри-яришо” (смысл которых нам не удалось выяснить) входила сначала в дом родителей невесты, потом в дом родителей жениха и после соответствующих церемоний получала подарки.

Обязанности между членами семьи были строго распределены. Мужчине не полагалось вмешиваться в женские дела, а жена вела все домашнее хозяйство. В семье строго соблюдалось подчинение младших старшим, женщин – мужчинам. (*Гаджиев Г.А.* 1994а. С. 101–102).

До революции не имелось светских школ, функционировали только примечательные школы, призванные распространять грамотность. Было развито устное поэтическое народное творчество. Наиболее распространенным мотивом сказок являлся лирический, главный сюжет – о любви молодых (богатого и бедного). Излюбленным также был мотив родства животных и человека. Горцы любили песни. Они исполняли их на работе, во время отдыха, на торжествах. Песни делились на лирические, обрядовые, бытовые, трудовые, историко-географические. Умение танцевать считалось достоинством, а неумение – недостатком. Танцы исполнялись под музыку (зурна, бубен, барабан). Наибольшее распространение получили танцы “харазул”, “гъиклаба”, “эшлуб”, “луб”, исполнявшиеся группами мужчин и женщин. Исполняли быстрые танцы “апуш”, “сопар” и др.

В области народного спорта популярностью пользовались состязания по стрельбе из лука, плаванию, народным шашкам и т.д. Было развито изобразительное искусство. Орнаментом (спирали, солярные знаки, геометрические и растительные формы) украшались разнохарактерные предметы материальной культуры, домашнего обихода, утварь и т.д. Существовала разнообразная резьба по камню, особенно на надгробьях. Была развита и обработка кости для поребительских целей. Ювелирное дело не получило такого размаха. Некоторые мастера изготовляли из материала заказчика серьги, подвески, украшения из меди, серебра и т.д.

В конфессиональном отношении багулалы – мусульмане суннитского толка, шафиитского мазхаба. Ислам окончательно утвердился к XIX в. В сел. Хуштада в самые суровые годы, когда преследовалась религия, не прекращала функционировать мечеть. Сейчас в каждом селении имеется мечеть. В среде народа живучи также отдельные домусульманские верования и обряды (вера в существование духов, магию, колдовство и др.).

За годы советской власти удалось добиться заметных успехов в области культуры, здравоохранения. В конце 1920-х годов во всех селениях были открыты светские школы. Сейчас в селениях Хуштада, Тлондода, Кванада функционируют средние школы, в селениях Гимерсо, Тлибишо восьмилетние, а в сел. Тлисси – начальная. При средних школах работают группы продленного дня, заочные школы, а в сел. Хуштада и интернат. Обучение в начальной школе ведется на аварском языке, с 5-го класса – на русском; аварский – один из предметов.

До победы советской власти за исключением медицинского пункта в с. Кванада, перенесенного в 1911 г. в с. Агвали, не было медицинских учреждений. Сейчас во всех селениях (кроме Тлисси) функционируют медпункты, а в сел. Кванада их два.

В каждом багулальском селении (кроме Тлисси) имелись сельская библиотека и дом культуры, музыкальная школа, киноустановка. Селения электрифицированы, радиофицированы, телефонизированы. В домах многих горцев работают телевизоры. Ощутимы изменения в обеспечении населения товарами первой необходимости.

Народ, который в прошлом не имел ни одного человека с высшим образованием, ныне гордится своими земляками: Магомедом Абдуразаковым – доктором медицинских наук, профессором, работающим в одном из научных учреждений Москвы, Амираном Магомедовым – доктором ветеринарных наук, профессором Дагестанской сельскохозяйственной академии, Магомедом Асхабовым – доцентом Дагестанского педагогического университета и др.

Добрым словом вспоминают багулалы учителей, трудившихся в багулальских школах, когда республика ощущала острый недостаток в педагогических кадрах. Среди них Н.В. Завертаева, М.И. Кривенкова, В.Н. Богандова, работавшие в разные годы в Кванадинской школе, А.И. Сизов и Р.М. Аронова, преподававшие в Хуштадинской школе, Ф.С. Уванков, учительствовавший в Тлондинской школе, и др.

Багулалы – бесписьменный народ, хотя у них есть свой язык, отличный от других языков. В наши дни область использования языка ограничена, он выполняет роль только бытового языка, существует опасность его исчезновения в будущем.

Остро стоит проблема занятости населения, велик избыток рабочей силы, особенно мужской части молодежи. В хозяйственной сфере багулалы нуждаются в большей самостоятельности в деле производства и реализации производимой ими продукции.

Ботлихцы – одна из малочисленных народностей Дагестана. Занимают в основном два населенных пункта – селения Ботлих и Миарсо, расположенные в долине р. Андийское Койсу, и два хутора – Ашино и Анхо.

Соседями ботлихцев на юго-западе являются годоберинцы, на юге – аварцы (селения Хелетури и Алак), на юго-востоке – каратинцы, на северо-западе – аварцы (селения Рахата, Ансалта), на севере и северо-востоке – андийцы.

В настоящее время очень трудно установить численность ботлихцев. По сведениям районного статистического управления, в Ботлихе проживают 6,3 тыс. человек – представителей разных народов. По переписи 1886 г., численность населения Ботлиха и Миарсо составляла 1394 человека (число дымов – 345) (Свод статистических... 1897. С. 33). Материалы переписей населения 1897 и 1926 гг. дают следующие цифры: 1225 человек и 328 дымов (1897 г.), 3370 человек и 436 дымов (1926 г.) (Шиллинг, 1993. С. 73). В материалах переписи 1939 г. и во всех последующих ботлихцы показаны в составе аварцев (в 1989 г. их было, по оценке, 4,5 тыс. человек).

Самоназвание народа – *буйхади* (мн. ч.), *буйхали* (ед. ч.). Ближайшие соседи называют их *болъидирал* (андийцы), *бульхади* (годоберинцы), *болъиди* (каратинцы), *балъахъал* (аварцы). Соответственно название Ботлих звучит в таком порядке: *Буйха* (ботлихцы), *Болъиха* (андийцы), *Булъаха* (годоберинцы), *Бальга* (каратинцы) и *Болъих* (аварцы).

О происхождении этнонима *ботлих* существует несколько версий. Одни информаторы (большинство) считают, что название “Ботлих” происходит от слова *бо* – войско, ополчение и *лъалхъи* – остановка, (букв. *место привала войска*). Согласно другой народной этимологии, Ботлих происходит от слова *баилъи* – на гребне, на краю. Действительно, аул был основан именно на краю оврага, наиболее выгодном для фортификации месте.

На расстоянии 3–4 км от Ботлиха в долине р. Андийское Койсу у речки Килухалъи инхе расположено сел. Миарсо. Ботлихцы называют миарсинцев *килухади* (от слова *килу* – хутор), т.е. хуторяне, что безусловно говорит об их происхождении. Согласно преданию, сел. Миарсо образовалось в результате заселения его территории выходцами из Ботлиха. Место, на котором сейчас расположено Миарсо, принадлежало ботлихцам и использовалось в качестве хутора, где в основном в зимний период содержали скот. По сообщению информаторов, название *Muzlarsu* (Миарсо) происходит от аварского *mezlep* – гора и андийского *су* – нет (отрицание), что в буквальном смысле означает “место без горы”.

Антропологически ботлихцы относятся к кавказионскому типу большой европеоидной расы. Говорят они на ботлихском языке андийской подгруппы аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанской ветви северокавказской языковой семьи. Среди ботлихцев широко распространен аварский язык, обучение на котором велось с 1930-х годов. Помимо родного ботлихского и аварского языков у них широко распространен и русский. Графика письма до 1928 г. была арабская, до 1937 г. – латинская, с 1937 г. – русская. В прошлом ботлихцы, как и другие дагестанцы, пользовались аджамской письменностью на аварском языке, некоторые знали и арабский. В настоящее время ботлихцы, как и прочие андо-цезы, являются трехъязычным этносом. Преподавание в школах ведется на русском и аварском языках.

Установить время заселения ботлихской котловины сложно, так как данная местность археологически совершенно не изучена. Правда, ученые (М. Пикуль, Д. Атаев) выявили здесь отдельные бытовые памятники, но они остались без

конкретного определения хронологических рамок. Это, в частности, поселение, расположенное в урочище АчIабалда, известное в народе под названием Шогалъи гъани (“Гончарный аул”) и расположенное в местности Шогалърекъа. Здесь были обнаружены остатки гончарных печей, керамических изделий, а также следы разрушенных строительных сооружений. Керамика ботлихцев (красноглиняная со штрихами) типична для Дагестана и бытовала на протяжении всей средневековой эпохи. Других бытовых памятников, которые могли бы засвидетельствовать время заселения данной территории древними поселенцами, пока не обнаружено. В устной традиции сохранилось предание о судьбе этого поселения. В далеком прошлом в Ботлихской котловине было два аула: Буйха (Ботлих) и в 2–3 км от него Шогалъи гъани. Согласно преданию, здесь жили “балхъал” (некоторые исследователи считают их современными балхарцами). Между ботлихцами и балхъал возникали постоянные стычки из-за земли и воды, особенно за обладание плодородным участком в местности ГъачIибе (“Ровное место”). В итоге ботлихцы одержали победу, а жители поселения Шогалъи гъани вынуждены были покинуть эту территорию. Данные события можно отнести к домусульманскому периоду. Это подтверждается наличием могильника, который исследователи относят к языческому времени.

Вопрос происхождения дагестанских народов поставил немало загадок перед историей. Этногенезис многих из них, в том числе этнических групп Западного Дагестана, остается невыясненным. В различные периоды истории народности этой группы Западного Дагестана (андийцы, ботлихцы, ахвахцы, каратинцы, чамалалы, цезы – дидо, капучинцы и др.) объединялись в военно-политический союз. Таким наиболее известным союзом на территории данного региона с древних времен и в период раннего средневековья был Дидо (термин “дидо” впоследствии закрепился за цезами, или цунтинцами). По имеющимся сведениям древних и средневековых авторов (Плиний, Плутарх, Захарий Ритор, Масуди, Куфи, Вахушти и др.), предположительно с I тыс. н.э. ботлихцы наряду с другими жителями Западного Дагестана уже входили в состав Дидо, который распался в XIV–XV вв.

Что же касается происхождения ботлихцев, то на этот счет имеются различные точки зрения. В частности, в исторической науке утвердилось мнение об их южном происхождении (Г.А. Меликишвили, М.И. Дьяконов, М.Г. Абдушелишвили, Г.Л. Хить, Р.М. Магомедов и др.). Современная андо-дидойская группа народностей, по их мнению, мигрировала из Передней Азии. В пользу южного происхождения говорит также топонимический материал Восточной Грузии (Кахетии), откуда шла главная магистраль их переселения. И.А. Джавахишвили утверждает, что “чечено-дагестанские племена в доисторическую эпоху должны были жить в Закавказье, на территории Грузии”. Располагаясь на такой важной в стратегическом отношении территории, ботлихцы принимали активное участие в политических событиях Дагестана и Закавказья (Алимова, Магомедов, 1993. С. 10).

В период арабских завоеваний в VII–VIII вв. жители Западного Дагестана, в том числе ботлихцы, остаются вне влияния арабов. В источниках упоминается, что одна часть жителей этого региона в конце XIV в. исповедывали христианство, а другая была язычниками. Мусульманство постепенно проникало в среду горцев. К XIII в. Кумух становится центром распространения ислама в Дагестане. Казикумухские “гази” – воители за веру – углублялись в горы. Их усилиями мусульманская религия была утверждена в Хунзахе, который уже к XV в. стал форпостом ислама в этом крае. По всей вероятности, ислам, начавший проникать сюда в XV в. через Хунзах, окончательно утвердился во второй по-

ловине XVI в. Об этом свидетельствует следующая запись в конце переписанной от руки арабской книги “Минхадат-талиби”: “Законная переписка настоящего экземпляра книги от рук грешного беспомощного раба божьего, нуждающегося в его милосердии и прощении Асхаба, Сына Хусейна в медресе кадия Омара, сына Хаджи... в селении Ботлих подвластных нуцалу, в 1027 г. хиджры” (1618 г.)

В XIV–XV вв. в политической структуре населения Западного Дагестана происходят крупные изменения. К этому периоду можно отнести активизацию образования союзов сельских общин, когда отдельные сельские общества стали объединяться для борьбы против местных феодалов и иноземных завоевателей. Такой союз образовался и на территории нынешнего Ботлихского р-на под названием Технуцал. По сравнению с другими союзами Западного Дагестана Технуцал был этнически разнородным социально-политическим объединением. В его состав входили девять сельских общин с проживавшими здесь этносами (ботлихцы, годоберинцы, андийцы, аварцы и чеченцы). Общее число дымов, согласно переписи 1886 г., составляло 1839 с населением 7715 человек. Центром Технуцальского союза сельских общин являлся Ботлих.

Ботлихцы вместе с жителями Западного Дагестана на протяжении всего средневековья вели оживленную торговлю с Закавказьем и Северным Кавказом. Однако после присоединения Грузии к России в 1801 г. была установлена торгово-экономическая блокада, суть которой – ограничить или вовсе запретить горцам вести в Грузии торговые дела.

Вместе с тем жители Технуцальского и Андийского обществ без разрешения, тайком, в тяжелейших условиях везли свой товар в Грузию. Такая торговля им обходилась очень дорого, часто товар конфисковывали, а сами торговцы нередко расплачивались за нарушение запрета своей жизнью. Будучи заинтересованными в развитии торговых сношений, ботлихцы и другие сельские общества выражали готовность выполнить все условия царского командования и не раз обращались с просьбами о принятии их в подданство России, что сняло бы торговые барьеры. В 1809 г. ботлихцы приняли присягу на верность России. Однако это не принесло им желаемых результатов. Ботлихцам и другим жителям общества Технуцал не разрешалось выезжать по торговым делам в Грузию. Такая политика царизма привела к тому, что ориентировавшиеся на Россию общества Западного Дагестана начали постепенно отходить от нее. В 40-е годы XIX в. царское командование окончательно запретило жителям этого края иметь сношения с Грузией и равнинной частью Дагестана. В подобных условиях ботлихцы стали активными участниками национально-освободительной борьбы горцев под руководством Шамиля. Достаточно сказать, что Ботлих в ранний период движения, имея 446 человек мужского пола, выставил 300 человек пехоты и 30 конных. После покорения Дагестана князь Барятинский, понимая стратегическое положение Ботлиха, приступил к строительству Преображенского укрепления, а в самом селении был дислоцирован гарнизон царских войск. Хотя это и сдерживало ботлихцев от антиколониальных выступлений, они все же приняли активное участие в движениях, разгоревшихся в этом регионе в 1861, 1862, 1863 и 1867 гг.

После окончания Кавказской войны Ботлих становится экономическим и культурным центром Западного Дагестана. В 1861 г. из Терской области были переданы в Дагестанскую область общества Ункратль, Чамалал, Технуцал, Андия, Гумбет и образован Андийский округ с центром в Ботлихе. В 1891 г. в селении открывается первое в Нагорном Дагестане светское училище. Оно сыграло огромную роль в подготовке местных кадров.

После присоединения Дагестана к России царская администрация развернула большие работы по строительству колесных дорог, мостов и других коммуникаций, имевших большое значение для возрождения края.

Территория проживания ботлихцев отличается мягким климатом и плодородием почвы. Здесь протекает достаточно крупная р. Килулги инхи и небольшие речки Гьадару инхи и Сарулги баганесуб инхи (“Речка лисьей норы”). Большое хозяйственное значение имеет р. Андийское Койсу, водами которой орошается часть земли, расположенной в долине АчIабалда. Такие природно-географические условия способствовали сложению у ботлихцев развитых отраслей хозяйства.

Сохранившиеся до наших дней террасы позволяют судить об интенсивной и высокой культуре земледелия. Академик Н.И. Вавилов писал об этом: “В Дагестане около Ботлиха можно видеть изумительное террасное земледелие, расположенное многими десятками этажей применительно к рельефу, огромными амфитеатрами. Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Дагестане” (Вавилов, 1936. С. 80). Сад, огород и пашня составляли в этом районе единое целое.

Основными возделываемыми зерновыми культурами являлись пшеница (яровая и озимая), ячмень, рожь, кукуруза, овес, а из технических культур сеяли коноплю и лен.

Ведущее место в хозяйстве ботлихцев занимало садоводство. Здесь выращивали одиннадцать сортов абрикосов, столько же сортов груш, девять сортов яблок, персики. Кроме того, культивировали хурму (мелкую и крупную). Выращивали черешню, вишню, инжир. Древней доходной культурой были грецкие орехи.

Из огородных культур выращивали лук, чеснок, тыкву, дыню, арбуз и другие, со второй половины XIX в. – капусту, помидоры, картофель, огурцы. Из бобовых возделывали фасоль, горох.

Одна из древних культур – виноград (существует собственное название – *kluklu*). Ботлихцам были известны девять сортов винограда, в том числе и выведенные ими самими.

Следует сказать и о своеобразной системе ирригации у ботлихцев. Она регулировала очередность полива, которая в прошлом устанавливалась раз и навсегда. С нарушителя порядка полива взимался бык в пользу общества или же его лишали очереди, что являлось очень болезненным наказанием для хозяина земли.

Традиционной отраслью хозяйства было и животноводство, в основном игравшее вспомогательную роль. Главная причина этого – отсутствие пастбищ, неразвитость товарного характера садоводства. Благоприятные природные условия способствовали также распространению пчеловодства.

Ботлихцы, как и все горцы, занимались кустарными промыслами. Из домашних промыслов в небольшом объеме распространились шерстяное прядение и ткачество (паласы, сукно и др.), валяние шерсти (войлок, бурки), обработка кожи, производство папах и обуви.

Важное значение в экономической жизни ботлихцев имела торговля. Торговля и обмен продуктами садоводства и ремесленными изделиями происходили на узловом базаре, расположенном в Ботлихе (крупный торговый центр в Западном Дагестане), куда съезжались жители Дагестана и Чечни для торговых сделок. Они были втянуты в оживленные торговые связи не только с закавказскими странами, но и с Персией (через Дербент). Во второй половине XIX в., особенно в конце его, стали развиваться товарно-денежные отношения. Этому способствовали также торговые лавки, где реализовывались российские фабричные изделия.

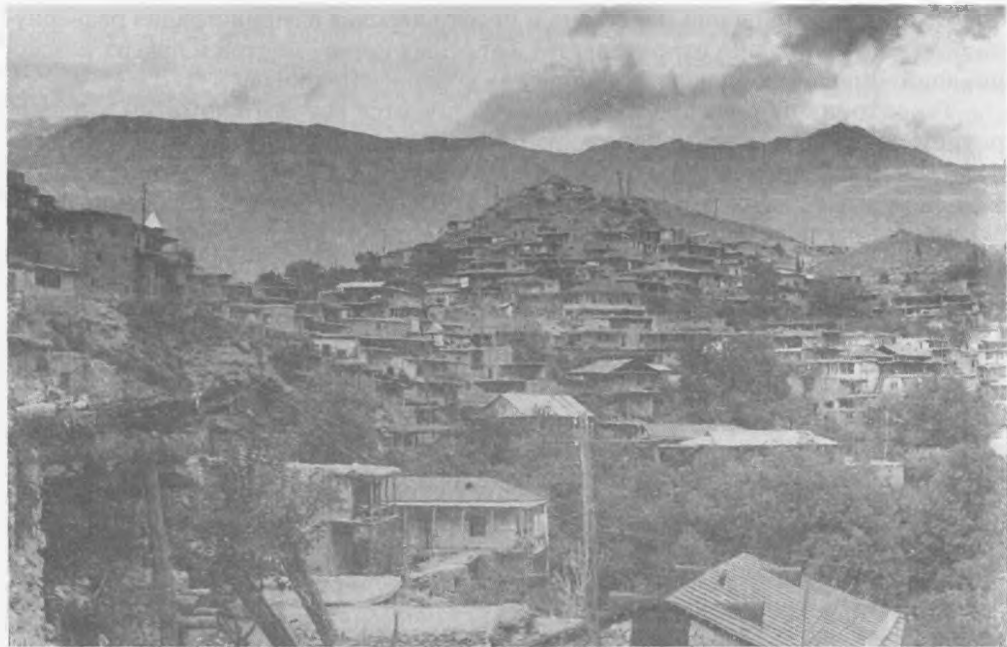

Рис. 61. Вид на старый Ботлих. (Из личного архива Агларова М.А.)

Торговля не ограничивалась ботлихским базаром. Будучи садоводами, ботлихцы вместе с другими жителями долин Андийского Койсу обеспечивали фруктами, овощами и виноградом население высокогорных районов. Здесь существовала прослойка профессиональных торговцев – *базарганы*.

Традиционные поселения ботлихцев можно отнести к типу горных поселений, хотя в связи с характером местности они не имеют вида сильно скученных, расположенных ступенями построек. Оба селения (Ботлих и Миарсо) – компактные, тесно застроенные, с кривыми улицами, которые прерываются многочисленными поворотами и глухими боковыми проулками. И теперь встречаются улицы, проходящие под домами. Центром селения служила небольшая площадь у мечети (главный годекан), где происходили все сельские сборы. Следует отметить, что в отличие от других крупных населенных пунктов, которые образовались в результате слияния (по различным причинам) мелких поселений, Ботлих изначально образовался как территориально- тухумное поселение. Жители делились на семь–восемь тухумов со своими наименованиями. Сохранились воспоминания о том, что когда-то каждый тухум жил в своем квартале, имел собственные башню, годекан, кладбище и управлялся своим старейшиной. В XIX в. уже не сохранились ни тухумные кварталы, ни тухумные годеканы. Селения разделены на кварталы по территориальному принципу (Верхний аул, Нижний аул), которые делятся на более мелкие.

Из общественных построек в ботлихских селениях следует отметить мечети, *кор* – хлебную печь, которая устанавливалась под навесом около какого-нибудь дома, специальную печь *цуй* для поджаривания кукурузы, льна, абрикосовых косточек, базарную площадь – *базаралъи рекъа* и годекан.

Большое внимание ботлихцы уделяли оборонному фактору. Поэтому селение было укреплено боевыми башнями (шеба), число которых, по словам ин-

Рис. 62. Хозяйственные помещения в старой части Ботлиха. (Из личного архива Агларова М.А.)

форматоров, доходило до шести–восьми. Они первоначально принадлежали отдельным тухумам. Во время нападения внешних врагов башни использовались как убежище для населения. Кроме того, селение было снабжено подземным сообщением, которое связывало башни верхнего квартала (*гъеку рехун*) с нижним (*гъикъику рехун*). Кроме башен к числу оборонительных сооружений Ботлиха нужно отнести трое ворот (*каву*), которые замыкали въезд в селение. Существовала также целая сеть постоянных военных караулов, разбросанных во-круг Ботлиха в виде хуторов, обычно – семейных.

Вряд ли в данном регионе можно было найти более укрепленные селения, чем Ботлих. Он своей застройкой, оборонительными сооружениями, внутренними коммуникациями, развитым земледельческо-садоводческим хозяйством, торговой и военной организацией напоминал поселения городского типа, характерные для Дагестана в период раннего и развитого средневековья.

Жилище ботлихцев имело четырехугольную, прямоугольную и Г-образную формы. Наиболее распространенные типы – двухэтажные одно-, двух- и трехкамерные каменные дома с плоской земляной крышей, с жилыми комнатами на втором этаже, внизу – помещениями для скота, части кормов и хозяйственного инвентаря. Сарай для сена строили еще на окраине селения, где они образовывали длинный ряд. Часто второй этаж дома имел по фасаду галерею на столбиках, иногда выходившую на улицу.

Состоятельные ботлихцы украшали жилища резьбой (камень и дерево). В кладке стен некоторых старых домов встречаются большие плоские камни с геометрическим орнаментом, с изображениями животных, крестами. Часты в резьбе на деревянных изделиях и на камнях соляные мотивы.

Национальная одежда сходна с одеждой других народов аваро-андо-цезской группы (за исключением ботлихского женского головного убора “рогатая чух-

Рис. 63. Ботлихская женщина в традиционном костюме с водоносным кувшином. (Из личного архива Алимовой Б.М.)

Рис. 64. Женщина в традиционной одежде. (Из личного архива Алимовой Б.М.)

та”). В комплекс мужского костюма входила нательная рубаха туникообразного покроя, штаны, бешмет, черкеска, овчинные шубы разнообразной формы, бурка, папаха. Обувью служили чарыки из сыромятной кожи в виде полуботинок с ноговицами и без них, войлочные теплые сапоги, деревянные башмаки, легкая летняя обувь с ноговицами и без них. Женщины носили нательную рубаху, штаны, платья в талию, головной убор *klaumla*, платки с кистями и без кистей. Состоятельные женщины в праздник поверх рубахи надевали *хабало* – разрезное шелковое платье, собранное в сборку у пояса, с рукавами, имеющими разрез от локтевого изгиба до кисти (кумык. *кѣабалай*). Обувь женщин имела такую же форму, как и мужская. К концу XIX в. в Ботлих стала проникать фабричная обувь. Материалом для изготовления одежды служили ткани местного изготовления и привозные. У ботлихцев не получили распространения нашивные украшения.

Традиционную пищу ботлихцев составляли блюда из продуктов земледелия и животноводства. Кухню значительно разнообразили садовые и орехоплодные культуры, некоторые овощные культуры, картофель. Повсеместно использовались дикорастущие травы в качестве приправ и начинки для блюд из теста. Наиболее популярным блюдом у ботлихцев был хинкал. Широкое распространение получили пироги с творожной начинкой, пельмени, блины. Мясо ели в свежем, сушеном (вареном, жареном) виде. Из молочных продуктов наиболее популярными были кислое молоко, сыворотка, масло, сыр, творог. Хлеб пекли чаще пресный, замешенный на сыворотке. Основными напитками для ботлихцев служили кислое молоко, айран, виноградное вино.

Феодално зависимых крепостных крестьян и раятских тухумов у ботлихцев не было. Имелось зависимое сословие – так называемые *лагьи* – бывшие военнопленные. Во второй половине XIX в. они уже стали свободными общинниками, с той лишь разницей, что за ними еще сохранилось прозвище *лагь*, или *хѣзахъ*. Характерной особенностью Ботлихского общества была политическая самостоятельность его членов, а также независимость от других общин. А зависимость ботлихцев от аварского хана заключалась только в том, что они передавали правителю шесть козлов, когда он отправлялся через Ботлих в сел. Бути (аварское селение в Технуцале). Миарсинцы ежегодно платили аварским ханам дань – 20 мерок проса и 30 мерок виноградного сока.

В Ботлихе имелись как богатые, так и бедные тухумы. Состоятельными считались Шамхалазул, Урженинал, Нусубал. Но и внутри этих тухумов не было экономического равенства. Существовало имущественное расслоение. Таким образом, перед нами общество свободных граждан-общинников, в котором идет процесс имущественного и социального расслоения. В то же время существовавшая надстройка – народное правление, которое регулировало взаимоотношения между членами общества, одинаково защищало интересы всех общинников, что нашло отражение в обычном праве ботлихцев. Общество это было классовым, где доминировали элементы феодальной формации (частная собственность, мелкокрестьянское хозяйство, ремесленное производство, господство натурального хозяйства), а также зарождались и развивались элементы капиталистического способа производства (аренда, применение наемного труда, товарно-денежные отношения).

Основной хозяйственной и социальной ячейкой внутри общины была малая семья. Семьи отличались малочисленностью (в среднем – четыре человека).

Обрядовые традиции наиболее стойко сохранялись в семейной сфере. Поощрялись внутритухумные и внутриаульные браки. Свадьба – самый насыщенный ритуал в цикле семейных обрядов. По содержанию и последовательности

Рис. 65. Посвящение молодых в животноводы. (Из личного архива Алимовой Б.М.)

исполнения его можно разделить на три группы: предсвадебные, свадебные и послесвадебные. Непременными участниками свадьбы были ряженые. Оставаясь в основе своей общедагестанской, свадебная обрядность ботлихцев имела специфику: это относительная общественная свобода женщин и девушек на свадьбе в прошлом. К исследуемому времени свадебный церемониал значительно упростился, утратив многие компоненты. Рождение ребенка воспринималось как радостное событие в жизни семьи. Обычай предписывали исполнение определенных магических действий для защиты матери и ребенка от злых духов, сглаза и т.д. Комплекс обрядов и обычаев, совершавшихся ботлихцами при смерти человека, включал в свой состав много древних элементов и магических действий. Бытовали здесь и локальные особенности: поверье, что на “том свете” незамужние девушки (*хьурулглен*) и неженатые юноши (*гьазияв*) вступают в брак, и др. Самыми значительными из общественных праздников и обрядов были праздник первой борозды *унса эти* (“запрячь быка”), обряд *лъени этий* (“подъем воды”), весенний праздник цветения *чагьва*, обряды вызывания дождя и солнца; из религиозных праздников обычно отмечались Ураза байрам и Курбан байрам.

Жанры традиционного фольклора у ботлихцев разнообразны: это сказки, легенды, исторические предания, мифы, бытовые рассказы, песни, пословицы, поговорки, загадки и др. Немало в них сюжетов из мусульманской мифологии и доисламских религиозных верований. Ботлихцы и сейчас знают сказки о шайтанах, джинах, домовых и т.д. Особое место в фольклорных материалах занимают свадебные песни, похоронные причитания, необрядовые лирические и любовные песни. Эти жанры достаточно широко бытуют и в наши дни, что является свидетельством существования в прошлом богатой народно-песенной культуры.

Фольклор ботлихцев в XIX – начале XX в. был двуязычен, что является следствием длительного развития бытового двуязычия. Одна часть фольклорных произведений – плачи, пословицы, поговорки, прозаические жанры, детский фольклор, связанные с историей Ботлиха и его жителей, а также сказки – на родном ботлихском языке, другая – на аварском языке. Преобладали лирика, в особенности необрядовая, некоторые пословицы и поговорки. И, наконец, третья часть фольклорных произведений – это материал, который бытует на ботлихском и аварском языках, в зависимости от конкретной ситуации, места, аудитории (сюжетная проза). К последнему типу можно отнести пословицы, поговорки, плачи. В XIX – начале XX в. появился своеобразный жанр обрядовой поэзии, в котором половина строк в песне или плаче могла исполняться по-ботлихски, половина – по-аварски.

В народной медицине ботлихцев кроме средств и методов лечения, сходных с традиционной медициной аварцев и прежде всего народностей андийской группы, имеются и местные методы лечения. Отмечаются специфические особенности и в религиозных воззрениях. До сегодняшнего дня ботлихцы сохраняют различные магические средства борьбы со злыми духами (джины, шайтаны, домовой, водяной и т.п.), представления и обряды, связанные с различными заклинаниями, заговорами.

В наше время существенных изменений в географическом размещении ботлихцев не наблюдается. Незначительные перемены связаны с миграциями в города и другие республики Российской Федерации. В области семейного быта, в духовной культуре ботлихцев традиционные черты сохраняют более прочные, чем в материальной культуре, позиции.

Современный Ботлих отличается смешанным составом населения. Здесь кроме ботлихцев проживают аварцы, каратинцы, андийцы, русские, татары, кумыки и др.

Довольно высок уровень образования ботлихцев. Они работают почти во всех вузах республики (А. Магомаев – кандидат исторических наук, Л. Омаров – кандидат экономических наук, оба доценты Дагестанской сельскохозяйственной академии, Х. Магомаев – кандидат физико-математических наук, доцент Дагестанского политехнического института, М. Азаев – кандидат экономических наук, Х. Азаев – кандидат филологических наук, П. Азаева – кандидат медицинских наук и др.).

Есть среди ботлихцев и заслуженные военные, например, полковник М.З. Дибиров, и государственные деятели, например, Н. Магомаев – заместитель министра сельского хозяйства Республики Дагестан, и др.

Многие руководящие должности в районе занимают ботлихские женщины. Х. Меджидова избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР. Не только в Ботлихе, но и в республике известно имя народного врача СССР З.Ш. Магомаевой. Она избиралась депутатом Верховного Совета СССР, награждена Орденом Ленина. Учительница П.Р. Омарова удостоена звания “Заслуженный учитель Республики Дагестан”.

ГОДОБЕРИНЦЫ

Самоназвание годоберинцев – *гъибдиди* (мн. ч.), *гъибдилъи* (ед. ч.). Это одна из народностей Дагестана. Соседи называют годоберинцев *гъодоберисел* (аварцы), *гъодобердирал* (андийцы). Ботлихцы называют годоберинцев так же, как они сами, – *гъибдиди*. Живут годоберинцы в юго-западной части нынешнего

Рис. 66. Общий вид селения Годобери. (Из личного архива Алимовой Б.М.)

Ботлихского р-на (по левобережью средней части р. Андийское Койсу), непосредственно примыкающего к Андийскому хребту, который отделяет в этом месте Дагестан от бассейна р. Шаро-Аргун.

Занимают они в основном три населенных пункта: селения Верхнее Годобери, Нижнее Годобери, Зибирхали (часть зибирхалинцев живет в сел. Теречное Хасавюртовского р-на). Незначительная часть годоберинцев проживает в хуторах Беледи, Комар-хутор, Лудиха, Чегерчи Кули, Лапхуси, Баккуди, Белеха, Ишагъакъи, Циху, в колхозе “Красный восход” Кизлярского р-на, а также в Кизляре, Махачкале, Хасавюрте и других местах.

Соседями годоберинцев на севере являются аварцы (селения Ансалта, Шадрода), на северо-востоке – ботлихцы (сел. Миарсо), на востоке – также аварцы (сел. Алак), на юге (в пределах Цумадинского р-на) – чамалалы (сел. Гигатль). Западная граница проходит по Андийскому хребту.

Самые ранние сведения о численности годоберинцев относятся ко второй половине XIX в. Так, по данным посемейных списков 1886 г., их насчитывалось 1172 человека (555 мужчин и 617 женщин) (Ибрагимов, 1991. С. 114–115). По переписи 1926 г., их было 1425 человек (Всесоюзная перепись... 1928. С. 343). По сведениям государственной плановой комиссии при СНК ДАССР, на 1 января 1938 г. годоберинцев насчитывалось 1,9 тыс. человек (ЦГА РД. Ф. 266-Р). В материалах переписи 1939 г. и во всех последующих годоберинцы показаны в составе аварцев. Начиная с 1950-х годов в связи с переселенческой политикой численность годоберинцев в горных селениях значительно сократилась. По данным сельской администрации, в плоскостной части Дагестана в настоящее время насчитывается 378 хозяйств годоберинцев, а в селениях Верхнее и Нижнее Годобери, Зибирхали и в отселках всего 562 хозяйства. По приблизительным данным, ныне общая численность годоберинцев – около 3,5–4 тыс. человек.

Годоберинцы антропологически относятся к кавкасионскому типу переднеазиатской локальной расы большой европеоидной расы. Говорят на годоберинском языке андо-цезской подгруппы нахско-дагестанской группы северокавказской семьи языков. Язык этот имеет два диалекта: собственно годоберинский (жители селений Верхнее и Нижнее Годобери) и зибирхалинский (жители сел. Зибирхали). Преподавание в школах ведется на аварском и русском языках. В прошлом годоберинцы пользовались аджамской письменностью на аварском языке.

Годоберинцы, как и другие этносы Западного Дагестана, имеют многоуровневое самосознание: сознание принадлежности к своему этносу, к аварцам, к дагестанцам. В настоящее время они причисляют себя к аварцам и в то же время сохраняют многие культурно-бытовые и языковые черты коренного этноса. Для обозначения аварцев у годоберинцев, как и у других андо-цезов, существует собственный экзоэтноним – *гъабулу*.

Разнообразные материалы (данные сравнительного языкознания, материальная и духовная культура и т.д.) свидетельствуют о генетическом родстве годоберинцев с другими народами Западного Дагестана.

В устной традиции годоберинцев существует несколько легенд об образовании сел. Годобери. Согласно одной из легенд, первые поселенцы этих мест – братья-охотники (*чанахъан*). Они, по преданию, были меткими стрелками, способными поразить стрелой в глаз летящего ворона. Таким образом, согласно преданию, слово “годобери” происходит от аварского *гъедо* – ворона и *бер* – глаз (букв. – “вороний глаз”). Первоначально охотники жили в двух поселениях: Анхвала (на окраине современного сел. Верхнее Годобери) и на местности Беледи (1 км к юго-востоку от Годобери). Позже жители этих поселений объе-

длинлись и обосновались на месте, где сейчас расположена мечеть. Для защиты от врагов они построили башню, которую окружало искусственное озеро. Люди входили в башню по перекидной лестнице (Шиллинг, 1993. С. 131).

Другая легенда гласит, что первые поселенцы остановились в местности Гъеду (Гъиду) недалеко от современной мечети. По преданию, здесь в центре и вокруг были выстроены оборонительные башни (*шеби*). На наш взгляд, вторая версия о происхождении этнонима “гъибиди” (годоберинцы) и ойконима “Гъиду” (Годобери) более достоверна.

Наиболее ранние известия о Годобери и годоберинцах относятся к 70-м годам XVIII столетия. Акад. И. Гильденштедт, посетивший Кавказ в 1770–1773 гг., в числе зависимых от аварского хана селений называет и Годобери. Последнее значится в тот же период и в списках селений – райатов Нуцал-хана, “которые ему дают харадж магадо”.

История годоберинцев тесно связана с историей других этносов, проживающих в Западном Дагестане. Большинство крупных ученых (А.И. Джавахишвили, Г.А. Меликашвили, О.М. Джапаридзе, М.Г. Абдушелишвили, Р.М. Магомедов, К.Н. Пицхелаури и др.) считают, что в III–II тыс. до н.э. дагестанские племена занимали территорию Южного Закавказья и постепенно, в процессе политических событий, перемещались на Север. Они также указывают на генетическое родство народов кавкасионского типа. Насколько это соответствует действительности, покажут дальнейшие исследования, но есть основание согласиться с М.Г. Абдушелишвили, который считает местом формирования кавкасионского типа южные районы Закавказья. Затем, по его утверждению, в результате перемещения населения с юга этот аборигенный тип переселился к северу, к склонам Кавказского хребта, где сохранился и поныне. Учитывая то обстоятельство, что годоберинцы, как и все андо-цезы, антропологически относятся к кавкасионскому типу, можно предположить, что и они вместе с другими дагестанскими племенами переместились с юга на современную территорию Дагестана. Процесс этот происходил в первой половине I тыс. до н.э.

Расселившись компактно, андо-цезы образовали этнотерриториальное политическое объединение Дидо (Диди). (Отдельные этносы на своих территориях создали этносоциальные общества, которые и без территориальных перемещений сохранились до наших дней). Предположительно, с I тыс. до н.э. годоберинцы также входили в состав этого крупного этнотерриториального объединения в Западном Дагестане. На протяжении многих веков союз Дидо оставался одним из самых крупных в Дагестане, с которым приходилось считаться государствам Передней Азии, Закавказья, а также Византии. Согласно источникам (Картлис Цховреба), цари Грузии неоднократно прибегали к их помощи в борьбе против иноземных завоевателей. В случае внешней угрозы годоберинцы могли выставить 200 воинов-всадников.

Внутри племенного союза с первых веков нашей эры уже складывались раннеклассовые отношения. Так, в Годобери в раннесредневековый период господствующее положение занимал *Чеглерчи* (“Черный человек”) – главный герой годоберинских легенд. Согласно преданию, он принадлежал к известному тухуму Гъисарибе, связанному с легендарными охотниками. Чеглерчи захватил в свои руки лучшие пастбища не только годоберинцев, но и жителей соседних селений. По рассказам, он обосновался в местности, которая сейчас носит название *Чеглерчи риххвалъи* (*риххвалъи* – хутор), в укрепленном замке и оттуда со своей дружиной нападал на Шодрода, Ансалта, Годобери и угонял их скот. Погибло много людей, присвоены чужие пастбища, скот. В конечном итоге Чеглерчи был отравлен сестрой убитого им годоберинца, а захваченные им па-

стбища и земельные угодья перешли в распоряжение общества. Рассказывают, что в замке “Черного человека” оказалось так много масла и курдюков, что из подожженной башни жир ручьями тек до самой речки.

В XIV–XV вв. почти повсюду в горах были ликвидированы местные феодальные владетели. Вследствие этого годоберинцы создали гражданское общество, структурно основанное на демократических принципах. В результате образовалось сельское общество со статусом народного правления, которое просуществовало до периода присоединения Дагестана к России.

Господствующей формой земельной собственности являлась частная. Аренда (общинная собственность), источником которой были изъятые у местных владетелей пастбища, луга, леса, стала (вместе с частными владениями) экономической основой жизнеобеспечения общины. Главной социально-хозяйственной ячейкой являлась малая семья.

В XV–XVI вв. на территории современного Ботлихского р-на образовалось более крупное объединение – союз сельских обществ Технуцал, в состав которого входили и годоберинцы.

В период арабских завоеваний VII–VIII вв. жители Западного Дагестана, в том числе годоберинцы, остаются вне влияния арабов. В источниках упоминается, что еще в конце XIV в. одна часть жителей этого региона исповедывала христианство, а другая пребывала в язычестве.

Крупные изменения в социальной и духовной жизни годоберинцев на рубеже XVI–XVII вв. произошли после принятия ими мусульманской религии. Распространение ислама, а затем и арабской письменности, возникновение на этой основе аджама способствовали ускорению культурного развития годоберинцев. В сел. Годобери было открыто медресе, куда приходили учиться и из других мест. До 1917 г. около 30 местных жителей совершили хадж. С середины XVI в. годоберинцы вместе с другими горцами приняли участие в борьбе против сефевидского Ирана и османской Турции. Совместно с жителями Западного Дагестана и антитурецкими и антиперсидскими силами Грузии они выступали против иноземных агрессоров.

Годоберинцы вместе с другими сельскими обществами не раз обращались к России с просьбой принять их в свое подданство. В 1809 г. они приняли присягу верности российскому престолу. Однако принятие присяги не принесло годоберинцам, как и другим жителям союза сельских обществ Технуцал, желаемых результатов. Им, как и прежде, было запрещено иметь торговые сношения с Закавказьем и равнинной частью Дагестана. Такая политика царизма привела к тому, что ориентировавшиеся на Россию общества Западного Дагестана стали постепенно отходить от нее и перешли на сторону участников антиколониальной борьбы. Для участия в национально-освободительной борьбе горцев под руководством Шамиля только годоберинцы выставили под ружье 190 пехотинцев и 30 конных воинов.

После пленения Шамиля (1859 г.) в Западном Дагестане, где в основном расселены андо-цезы, вспыхнули восстания против политики царизма. В этих восстаниях (1861, 1862, 1877 гг.) приняли участие и годоберинцы, за что некоторые из них были сосланы в Сибирь.

Существенные изменения в социально-экономической и политической жизни годоберинцев произошли после окончательного присоединения их к России. Они были включены в состав вновь созданного административно-территориального образования – Андийский округ. Тесные связи с Россией способствовали культурно-экономическому прогрессу края в целом и годоберинцев в частности. Кроме того, царская администрация сняла торгово-экономическую бло-

каду, после которой восстановились традиционные торгово-экономические отношения с Закавказьем и равнинным Дагестаном. Годоберинцы начали свободно перегонять скот на равнину, вести торговлю не только со странами Закавказья, но и с Северным Кавказом. В Годобери через Ботлих стали проникать дешевые фабрично-заводские товары, способствовавшие развитию товарно-денежных отношений в этом крае.

В период гражданской войны в Дагестане многие годоберинцы были на стороне советской власти. В годы Великой Отечественной войны 120 человек защищали Родину и 55 из них погибли.

У годоберинцев издавна сложился комплексный хозяйственно-культурный тип, сочетающий пашенное земледелие (ячмень, пшеница, овес, рожь, позднее кукуруза) и скотоводство. У них было развито и отгонное животноводство. Этому способствовало наличие в достаточном количестве летних пастбищ. Некоторые годоберинцы на зиму спускались со своими овцами и козами на более теплую равнину. Но большую часть скота и зимой они оставляли в горах. В прошлом здесь была развита хуторская система. Почти каждая малая семья имела свой хутор, на котором в зимний период вместе с крупным рогатым скотом содержали и овец. Скот тут пасли обычно на южных бесснежных склонах.

Важное место в экономике годоберинцев занимали садоводство и виноградарство. Сады и виноградники разводили в долине р. Андийское Койсу в местности Шихо. Немаловажную роль в хозяйстве годоберинцев играли лесные массивы, расположенные недалеко от селения. Из подсобных отраслей были развиты охота и пчеловодство. Значительное развитие с древнейших времен получили здесь домашняя промышленность и ремесла: ткачество, обработка кож, шерсти, металла, дерева, камня. Занимались годоберинцы и производством войлока, и поставкой строевого леса.

В годы советской власти многие из ремесел и промыслов исчезли. Произошло это по разным причинам. Главные из них – развитие общественного производства, складывание новых потребностей населения и самое главное – изменение рыночной конъюнктуры, когда с расширением торговых связей производство многих кустарных изделий, особенно ткацких, значительно сократилось, поскольку спрос на кустарные изделия из-за конкуренции фабричных и заводских значительно спал.

Изделия домашних кустарных промыслов в основном удовлетворяли нужды самих годоберинцев и в то же время имели определенный товарный характер. Некоторые из них превратились в дополнительные источники дохода. Поэтому давние традиции здесь имела торговля. Годоберинцы реализовывали продукты садоводства и ремесла на ботлихском базаре, в Чечне и Грузии и приобретали там керосин, фабричные изделия, другие жизненно необходимые товары.

После присоединения Дагестана к России установились торговые связи и с другими регионами Дагестана, Северного Кавказа, развилось отходничество. В свободное от сельскохозяйственных работ время мужчины годоберинцы отправлялись на заработки в соседние общества, особенно в Чечню. Такой отход был известен под термином *химираль* (от *химир* – мешок), что значило “за мешок (зерна)”.

Община (джамаат) играла огромную роль в регламентации всех сельскохозяйственных работ. Она ведала и благотворительными вопросами. Так, в сел. Годобери в общественной собственности находились два ларя (*гьинкIваши*), где хранили зерно, муку (для раздачи). Доход от закята строго распределялся исключительно между сиротами и бедными членами джамаата. Распреде-

Рис. 67. Часть селения Годобери. (Из личного архива Алимовой Б.М.)

лением дохода занимался специально избранный для этой цели представитель общества – *гамил*.

Традиционные поселения годоберинцев возникли как территориально-тухумные. С XVI–XVII вв. они были уже чисто территориальные, с включением иноэтнических элементов, которые впоследствии оказались ассимилированы годоберинцами. Все селения делились на кварталы и тухумы. Рассказывают, что когда-то в каждом квартале была локализована определенная родственная группа. В настоящее время годоберинские тухумы живут смешанно, но почти все помнят свое “родовое” имя. Тухумы давно утратили хозяйственную общность (общее владение пастбищами и другими угодьями).

Жилище годоберинцев отличается оригинальностью. Исследователи выделяют его в качестве особого типа под условным наименованием “годоберинский дом”. Традиционные дома сооружены из камня и дерева. Позднее появляются саманные дома. В качестве строительных материалов использовались также кустарник, дерн, глина, солома и камыш. В традиционной строительной технике камень конструктивно сочетается с деревом (это характерно для традиционных домов аваро-андо-цезской территории в целом). В каменную кладку для связи бывают заложены горизонтальные брусья. Внешняя (большей частью угловая) подпора зданий часто имеет вид колонн из коротких брусьев, уложенных в “клетку” с промежутками, иногда заполненными камнем. Встречаются дома с боковыми стенами (второго этажа) из толстого хвороста вертикального переплетения, обмазанного глиной. Традиционное жилище чаще строили одноэтажное, квадратное в плане, со столбами и прогонами. Конструкция постройки исследователями названа каркасной, так как плоское перекрытие держится главным образом не на стенах, а на системе деревянных вертикальных столбов. Каждая семья имела и хозяйствен-

Рис. 68. Традиционные жилища годоберинцев. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

ные помещения: *бегъва* (сеновал), *бекъи* (хлев), *гъинклуш* (амбар), *гъинуши* (кладовая), *кору* (печь).

При строительстве жилья, хозяйственных построек, проведении срочных сельскохозяйственных работ, требующих много рабочих рук, широко применялась родственная и соседская взаимопомощь – *гвай*.

Национальная одежда годоберинцев, как и хозяйство, жилище, имеет специфические особенности, хотя в целом по своему составу и форме она сходна с одеждой ботлихцев. Здесь обнаруживается удивительное разнообразие терминологии одежды, например, рубаха – *хелу* (ботл. *жила*, авар. *горде*). Материа-

Рис. 69. Традиционное жилище годоберинцев. (Из личного архива Исламгагомедова А.И.)

Рис. 70. Фрагменты традиционного жилища годоберинцев. (Из личного архива Исламгагомедова А.И.)

Рис. 71. Каменные рельефы в селении Годобери. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

лом для изготовления одежды служили ткани местного производства (грубое домотканое сукно, льняное полотно, овчина, войлок, шкуры домашних животных) и привозные (ситец, шелк и др.).

Национальный костюм годоберинцев состоял из туникообразной рубахи (*хелу*), штанов (*барта*), бешмета (*тегела*), черкески (*чухъа*), папахи (*тламла*), овчинных шуб разнообразной формы (*хъабарча*, *зузу*, *сагула*) и бурки. Мужскую одежду украшали пояса (*къвали*), газыри (*расамади*) и кинжалы (*ханжал*). Традиционная обувь была представлена несколькими типами, различавшимися как по крою, так и по материалу. Носили обувь из сыромяти *буки* или сафьяна *лакай*, из цельного куска кожи, кожаную обувь с пришитой твердой кожаной подошвой *лъали*, составную обувь на деревянной подошве *нашмакъ*. Голенище (*зангалал*) для составной обуви делалось из мягкой кожи (*бокус*) или войлока. Для повседневного ношения шили сапоги *чакуме*. Выходной обувью служили сафьяновые чупяки *насси*. К сафьяновым чупякам подшивалась подошва из более твердой кожи. Обувь из сафьяна сохранялась вплоть до 60-х годов XX столетия.

В комплекс женской одежды входили платье-рубаха *хелу*, платье в талию *тегела*, штаны *барта*, головной убор *буклуру клаумла* (ботлих. *кламбалъи клаумла*). Годоберинская *клаумла* украшалась серебряными монетами и по бокам имела крупные и тяжелые нашивные кольца. Именно эта особенность отличала данный головной убор от ботлихского. Пожилые женщины продолжали носить *клаумла* до конца 1950-х годов. На голову женщины набрасывали платок *клази*. Обувью служили кожаные с войлочным голенищем сапоги с загнутым носком *тахабалъи*. В качестве свадебного наряда надевали безрукавку-жилет *кереса*. На передних полах безрукавки пришивали от 50 до 100 серебряных монет. Состоятельные женщины носили серебряные пояса, кольца, серьги, браслеты, колье. Свадебный наряд с украшениями передавался по наследству от матери к старшей дочери. Специфическая особенность годоберинской женской одежды – это пояс *ракъичал*, который носили старухи в знак траура. Ши-

Рис. 72. Каменные рельефы в селении Годобери. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

рокое распространение в среде годоберинок в качестве дополнительной женской верхней одежды получили стеганные на шерсти безрукавки *квахлибудайи*.

Что касается традиционной пищи, то в ней преобладали молочные продукты – сыр, творог, кислое молоко, сыворотка. Распространены были блюда из мясных продуктов – колбаса, нутряной жир, курдюк, блюда из муки, растительные (крапива, мята, тмин) и овощи (тыква). Потреблялись легкие хмельные напитки. Разумеется, соотношение этих продуктов зависело от имущественного состояния семьи и от сезона года. Наиболее распространенными и любимыми блюдами у годоберинцев были хинкал с мясом и без него, с приправой.

Обрядовые традиции наиболее стойко сохраняются в семейной сфере. Браки свободно заключались между членами разных тухумов и между людьми разных селений. Из соседних народов брачные связи предпочитались с ботлихцами и андийцами. По мере вступления в брак сыновья отделяются и создают самостоятельные хозяйства. Свадебный ритуал насыщен символикой плодородия. Похоронно-поминальная обрядность сочетает в себе элементы домусульманских и мусульманских обрядов.

Среди массовых праздников можно было назвать праздники первой обрядовой запашки (*унса гьаам* – букв. “быков вывод”), “выхода скота из хлевов на пастбище” (*нурцы ругьibu салакья*). Осенью (в сентябре) устраивали праздник возвращения скота. Значительными были еще обряды вызывания дождя и солнца и обряд *хурльи садакья*, который совершался в целях сохранения урожая зерновых от засухи, града, ветра.

В культурном наследии не последнее место занимали детские игры (в волчок, в камешки, в альчики и др.) и развлечения, которые имели большое воспитательное значение.

Существовали у годоберинцев и различные приметы метеорологического характера, основанные на народном опыте наблюдений за явлениями природы (солнца, луны), поведением животных и птиц. Так, погоду предсказывали по

Рис. 73. Годоберинка на уборке кукурузы. (Из личного архива Алимовой Б.М.)

форме луны: если она – круглая и светлая, ждали ясной погоды. Появление тонкой полоски синего цвета на серпике луны предвещало, якобы, гром и дождь. Если кошка умывалась, а муравьи выходили из муравейника, ждали в скором времени дождя, и т.д.

Годоберинцы обладают богатым и разнообразным по жанрам фольклором. Это легенды и предания, сказки (волшебные, бытовые), песни, пословицы и поговорки. Наиболее развит у них сказочный жанр. Популярны среди народа легенды и предания о первых поселенцах, местных героях, происхождении тех или иных туземов. Здесь следует отметить, что некоторые жанры фольклора (пословицы, поговорки, плачи, песни) двуязычны (годоберинский и аварский).

Из традиционных видов народного искусства, получивших развитие у годоберинцев, выделяется резьба по дереву и камню (обработка центрального столба с капителью, камни в кладке стен с солярными знаками, надгробия с различными фигурками: человек со знаменем или шашкой, конь, пистолет, четки, грешок, обувь и т.д.).

Немало чисто годоберинских методов и приемов лечения и в местной народной медицине: как рационально-эмпирических, так и религиозно-магических. Наблюдаются специфические особенности и в домусульманских религиозных верованиях (культ духов предков, в честь которых устраивались жертвоприношения, культ деревьев и т.п.).

Среди годоберинцев были известны такие арабисты, как Абдулла Дибиров, Шамаздибир Магомаев, Шамсудин Абдулла-Дибиров, Заид-Гаджи Мустапаев и его отец Мустапа-Гаджи (еще в конце XIX – начале XX в. оба совершили хадж). Совершили паломничество в Мекку и Муртаза-Гаджи, Али-Гаджи, Гасан Гаджи, Магома-Гаджи, Нурмагомед Бадиен. Трижды совершил хадж Дуба-Гаджи. Отправилась в Мекку вместе с мужем и одна женщина – Пари (Пари Хаджи) из

Рис. 74. Сельский годекан в селении Годобери. (Из личного архива Алимовой Б.М.)

сел. Зибирхали. В наше время известен арабист-годоберинец Магомедрасул Магомедгаджиев. Не только в Годобери, но и во всем районе знают и почитают заслуженного деятеля культуры Дагестана И. Алидибирова.

В современных условиях годоберинцы, как и другие народы Дагестана, испытывают большие трудности в связи с необходимостью перестройки сложившегося хозяйственного уклада, приспособления к новым реалиям жизни. Их дальнейшее экономическое и этнокультурное развитие во многом зависит от решения давно наболевших вопросов, касающихся малой рентабельности сельского хозяйства (в какой-то степени это объясняется потерей многих положительных народных навыков и традиций в ведении хозяйства), избытка рабочей силы в горах и растущей безработицы в городе, отсутствия благоустроенных дорог. Среди современных проблем остается актуальной и проблема языка – создания письменности на родном языке.

КАРАТИНЦЫ

Каратинцы – один из малочисленных народов Дагестана, исторически вошедший в определенной степени в ассоциацию с аварцами. Самоназвание – *кIкIрдI*, но чаще они именуют себя по селениям, в которых проживают. Аварцы и соседние народы аварской группы называют каратинцев *кIкIларалал*, другие дагестанцы от аварцев их обычно не отличают (Лугуев, Магомедов, 1991. С. 3, 5). Живут они в центральной части Западного Дагестана, в ущельях, образованных правыми притоками р. Андийское Койсу, по отрогам северо-западной оконечности Богосского хребта, на высотах до 1800 м над уровнем моря. Расселены каратинцы компактно в нынешнем Ахвахском р-не (селения Карата, Ан-

Рис. 75. Селение Карата. (Из личного архива Лугуева С.А.)

чих, Арчо, Цумали, Рачабулда, Маштада, Верхний Инхело, Рацитль, а также смешанно с аварцами в сел. Тукита) и в Ботлихском р-не (сел. Нижний Инхело). В советский период часть их поселилась на кумыкской равнине в селениях Сиух, Кирпич-Кутан, Тукита, Камыш-Кутан Хасавюртинского р-на и в сел. Казийорт Бабаюртовского р-на. В пределах этнической территории на севере и северо-западе каратинцы граничат с аварцами и ботлихцами, на западе – с хваршинами и аварцами, на юге – с ахвахцами. Общая численность, по оценке 1991 г., около 7,5 тыс. человек.

Горные склоны в местах проживания каратинцев – в основном пологие, сложенные преимущественно известняками, с участками смешанного леса, главным образом хвойного. Выше и ниже линии лесных массивов склоны гор, покрытые прекрасным травостоем, изобилуют субальпийскими и альпийскими лугами. Множество родников, ручьев и рек характеризуют местность как влагообильную. Лето здесь жаркое и сухое, зима холодная и снежная; переходы от одного сезона к другому постепенные и плавные. Животный мир представлен тураами, козами, кабанам, лисицами, зайцами и др. Из хищников тут водятся волки, рыси, изредка забредают медведи. Много куропаток, перепелов, диких голубей; водятся дрофы, фазаны, тетерева и др. Особенности среды обитания предопределили хозяйственно-культурную специфику каратинцев: земледелие в данном регионе террасное, склоновое, неполивное; для скотоводства характерны периодические отгоны, перегоны скота; колесный транспорт проник сюда поздно, основной строительный материал – камень, но в строительных конструкциях видное место занимает дерево; в комплект народной одежды входят разновидности овчинных шуб.

Каратинцы относятся к западному варианту антропологического типа дагестанцев. Они – кавкасионцы, типичные представители кавказского типа. Гово-

рят на каратинском языке андийской подгруппы андо-цезской группы нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи языков. В нем различают каратинский и тукитинский диалекты. Последний в отношении говоров – целостный, занимает обособленное место. В каратинском выделяют анчихский поддиалект, а также арчовский, рачабулдинский (с маштадинским) и рацитлинский (с чабакоринским) говоры. Большинство каратинцев говорят на русском и аварском языках: последний выполняет роль средства межэтнического общения для авара-андо-цезов. Письменность сложилась здесь на основе арабской графики на аварском языке с XVIII в. и на основе русской графики с 30-х годов XX в.

Со второй половины XIX в. и до первых десятилетий XX в. численность каратинцев менялась следующим образом: в 1866 г. их насчитывалось 4180 человек, в 1886 г. – 5782, в 1894 г. – 5723 и в 1916 г. – 6531 человек (*Ибрагимов*, 1981. С. 101–103, 105). Ко времени переписи 1926 г. многие из них записывались уже как аварцы, поэтому всего их зафиксировано 5300 человек (*Он же*, 1991. С. 80). По более точным данным, на 1 января 1938 г. каратинцев насчитывалось 6700 человек (ЦГА РД. 1939). Согласно последующим переписям, их записывали как аварцев. Поэтому о численности каратинцев можно судить только по данным о количестве населения в их селениях на этнической территории: в 1959 г. – 5734 человека, в 1970 г. – 6359 и в 1979 г. – 6572. Как в эти, так и в последующие годы, примерно треть каратинцев проживала за пределами своей этнической территории – на равнине и в горах.

По мнению историков, на нынешней территории каратинцы проживают примерно с IX–VIII вв. до н. э. Что же касается древнейшего периода, то его можно рассматривать только как часть процессов (социально-политических и хозяйственно-экономических), происходивших в то время на Северном Кавказе и в частности на территории сегодняшнего Дагестана. Как и другие области, территория эта входила в ареал формирования восточнокавказской этнокультурной общности в V–IV тыс. до н. э., в период возникновения и развития раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа. Субобщности, выделившиеся с III тыс. до н.э. из распавшейся кавказской этнокультурной общности, к I тыс. до н.э. послужили той базой, на которой образовались некоторые дагестанские племена, в том числе и предки нынешних каратинцев. Археологические материалы и другие источники соседствующих регионов позволяют предполагать, что предки каратинцев вместе с прочими во второй половине I тыс. до н.э. переместились сюда из южных регионов Закавказья. С первых веков нашей эры каратинцы входили в состав объединения Дидо народов Западного Дагестана как этносоциальное территориальное общество. В XIV–XV вв., в результате активизации Хунзаха и Гидатля, которые вели наступление на соседние народы под флагом распространения ислама, многие части объединения Дидо от него отделились. С этого периода Каратинский союз сельских обществ существовал уже как самостоятельное этническое и территориально-политическое образование.

Процессу исламизации каратинцы усиленно сопротивлялись. В начале XVIII в. они совместно с тиндинцами в урочище Зани дали отпор распространителям ислама – объединенным силам казикумухского хана и гидатлинцев. Приняли каратинцы ислам лишь к концу XVII – началу XVIII в. Вплоть до середины XIX столетия они постоянно находились под угрозой экспансии со стороны хунзахских ханов. В борьбе за свободу и независимость каратинцы опирались на поддержку других народов. Так, в XVII в. они заключили договор о совместных военных действиях против агрессоров с тиндинцами. Вместе с прочими народами Дагестана каратинцы всегда активно участвовали в борьбе за сво-

Рис. 76. Группа каратинцев в национальных костюмах. Начало XX века. (Из личного архива Лугуева С.А.)

Рис. 77. Каратинка, сбивающая масло. (Из личного архива Лугуева С.А.)

буду и независимость против иноземных вторжений, особенно против иранской и турецкой экспансии. В освободительной борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20–50-е годы XIX в. каратинцы активно участвовали начиная с 30-х годов. К 40-м годам сельские общества Каралал – Каратинского союза – превратились в один из самых значительных опорных пунктов движения Шамиля. Из этого союза назначались военачальники, наибы, должностные лица. На территории Караты был похоронен один из сыновей Шамиля. В годы Кавказской войны каратинцы входили в состав военно-теократического государства Шамиля – имамат в статусе Каратинского наибства. После войны и проведения во вновь присоединенном к России Дагестане административных реформ они вошли в состав Каратинского наибства Андийского округа Дагестанской области.

Каратинские джамааты объединялись в вольное общество, т.е. в союз сельских обществ. Для решения вопросов войны и мира, межобщинных столкновений, споров из-за границ угодий и других проблем в установленном обычае месте между аулами собирались представители разных джамаатов. В особо важных случаях собраться могли и все старейшины – главы тухумов джамаатов и даже все совершеннолетние мужчины всех джамаатов общества. Решения принимались большинством голосов. Их принятие основывалось не только на здравом смысле, жизненном опыте, устоявшихся в обществе критериях справедливости и т.д., но и на положениях краткосрочных или длительных соглашений между джамаатами, касавшихся самых различных сторон и аспектов общественной жизни. Подобного рода соглашения заключались также между Каратинским союзом и прочими вольными обществами и феодальными образованиями Дагестана. По необходимости собиралось общесоюзное ополчение, в котором каждый боеспособный взрослый мужчина становился воином.

Каждое из селений (джамаатов), входящих в союз, имело свою территорию, свое выборное сельское управление, свой суд, руководствовалось своими обычно-правовыми (адатными) нормами. Верховная власть в джамаате была представлена сельским сходом всех совершеннолетних мужчин общества. Повседневная исполнительная власть принадлежала совету старейшин – в основном главам тухумов. Они же, руководствуясь адатами и нормами мусульманского права – шариатом, выполняли в джамаате функции судей. Управленческие и судейские функции выполнял также и джамаатский кадий. В состав сельского управления входили, кроме того, несколько исполнителей и глашатай. Все должности являлись выборными. Судопроизводство, базировавшееся на адате и шариате, призвано было охранять интересы общины, а также жизнь, достоинство и имущество каждого члена общества. Как прямое наследие более ранних этапов социального развития общества до первых десятилетий XX в. сохранились посреднический (медиаторский) суд и судопроизводство, основанное на присяге с привлечением соприсяжников-родственников. Джамааты состояли главным образом из свободных общинников и их семей. Каждая семья была собственницей незначительных по площади пахотных участков, сенокосов, того или иного количества скота, хозяйственно-жилых построек, домашнего имущества. Часть сенокосов, пастбищ, лесные массивы, пустоши, водоемы и прочее находились в общинном пользовании и владении. Строжайше контролируя начало, продолжительность и окончание любых видов сельскохозяйственных работ и категорически запрещая отчуждения пашни или сенокоса за пределы общины, джамаат выступал и как распорядитель фонда частнособственнических земель. Имущественная дифференциация в среде каратинцев еще задолго до XIX в. зашла далеко: выделились владельцы многих стад и обширных земельных участков, а также местная управленческая

верхушка. Все они в значительной степени представляли собой в совокупности феодализирующуюся знать.

Каратинцы, как и другие горцы Дагестана, входят в Дагестанскую историко-культурную область, составляющую часть Кавказской историко-культурной провинции. В этой области они в свою очередь составляют часть хозяйственно-культурного ареала горных (среднегорных) отгонных скотоводов и пашенных земледельцев, который имел определенные особенности хозяйственной специализации и сложился на базе природных условий и общественного разделения труда.

Основные традиционные занятия каратинцев – отгонное скотоводство, главным образом овцеводство, пашенное богарное земледелие, промыслы и ремесла. Развито и садоводство. Овцы были аварской и андийской породы, коровы и быки – малорослой горской породы, разводили и коз. Содержали лошадей аварской породы, ослов. Часть скота выпасалась на местных пастбищах, большая его часть с осени до середины весны перегонялась на зимние пастбища Азербайджана и Прикаспийской равнины. На незначительных по размерам террасных и склоновых участках, иногда орошаемых, выращивали ячмень, рожь, овес, пшеницу, полбу, бобы. С конца XIX в. стали выращивать кукурузу и картофель. Пахотным орудием служил безотвальный деревянный горский плуг с тяжелой подошвой и железным сошником (наральником). Применялись удобрения, в народной агротехнике прибегали к плодосеменному севообороту и к пару.

Были развиты обработка шерсти, дерева, металла, камня и др. Промыслы в основном носили домашний характер, хотя знаменитые каратинские сукна имели хождение далеко за пределами Кавказа. Была развита и торговля, до середины – конца XIX в. преимущественно меновая. Пешеходными и вьючными тропами осуществлялась связь селений каратинцев между собой и с соседними народами Дагестана, а через их территории – с Закавказьем и Северным Кавказом, южными губерниями России и др. В хозяйственной жизни народа большое место занимал ботлихский рынок, куда с товарами съезжались торговцы из внутреннего Дагестана, с равнины, из Южного Дагестана, Северного Кавказа, нередко из Закавказья. Каратинцы продавали (меняли) сукна, паласы, хурджины, вязаные носки, седельные коврики, а также шубы, шкуры, сыр, топленое масло, иногда фрукты. Покупали зерно и муку, предметы кузнечного и медночеканного ремесла, керамические изделия и др.

Транспортным средством служили ослы, лошади и мулы. Лошади и мулы были верховыми и вьючными животными, ослы использовались только как вьючные. Товары перевозили преимущественно вьюками, способов увязки которых насчитывалось более двух десятков разновидностей в зависимости от содержимого груза, вьючного животного, особенностей дороги и ее дальности. Кроме того, товары перевозили в сплетенных из хвороста сапетках и вязаных шерстяных мешках, в хурджилах, грузовых седлах-рогатинах.

С осени до начала весны многие каратинцы отправлялись на поиски дополнительного заработка в районы Приморского Дагестана, в Азербайджан, Грузию, в губернии России, на Северный Кавказ. Там они нанимались разнорабочими, каменщиками, плотниками, пастухами, подрабатывали на соляных, рыбных, нефтяных промыслах и др. К началу весны подавляющее большинство из них возвращались в родные места, часть оставалась на чужбине на два–три года. Оседавшие на новых местах составляли ничтожно малый процент от общего числа отходников.

Со второй половины – конца XIX в. усиливается тенденция развития товарности производства в животноводстве, ремесле и земледелии, появляются отдельные элементы капиталистического хозяйства.

До недавнего времени хозяйство каратинцев, включающее преимущественно общественные хозяйства скотоводческого (с преобладанием овцеводства) и зерно-садоводческого направления, представляло собой часть агропромышленного комплекса республики. В последние годы в общественных хозяйствах наблюдаются кризисные явления.

Основной формой семьи каратинцев уже с эпохи раннего средневековья была малая простая, состоявшая преимущественно из родителей и их детей. До начала XX в. у каратинцев пережиточно бытовала форма большесемейной (семейно-общинной) организации – неразделенная семья. Она предполагает совместное проживание и ведение общего хозяйства отцом и несколькими сыновьями и их семьями. Живучесть подобной формы объясняется, скорее всего, ее целесообразностью: незначительные по площади участки сенокосов и пахоты, а также немногочисленное поголовье скота делить было не всегда рационально. Кроме того, кто-то в семье брал на себя обязанности по выпасу скота, кто-то отправлялся на заработки, другие могли заняться торгово-обменными операциями, сопровождать скот на высокогорные местные или на зимние равнинные пастбища и т.д. Многодетность – в традициях у каратинцев, но в условиях высокой детской смертности семья характеризовалась как среднететная. В большинстве семей насчитывалось два–три, реже – четыре и более детей. Главой семьи был отец и муж, по адатам он считался единовластным распорядителем имущества семьи (не считая свадебных подарков и приданого жены) и судьбы каждого ее члена. На деле ни одно сколько-нибудь значительное решение не принималось без участия или одобрения жены. Большая часть нагрузки по работе в поле, уходу за домашней скотиной, работы по дому, по воспитанию детей лежала на плечах хозяйки дома. Все это в сочетании с относительной материальной самостоятельностью поднимало авторитет жены в семье.

Семьи объединялись в тухумы – группы родственных семей, имеющих одно наименование, ведущих свое происхождение от одного предка и представляющих определенное общественное и хозяйственное единство. В случае необходимости тухум поддерживал каждого своего члена материально, духовно и физически. Тухумная солидарность особенно явно проявлялась в помощи при строительстве, организации свадеб, при похоронах и поминках, стихийных бедствиях и эпизоотиях, при сборе средств на уплату “цены крови”, в поддержке семьи родственника, занятого проблемами совершения мести, и т.д. Подавляющее большинство тухумов каратинцев – местного происхождения. В селениях Карата и Анчих есть по одному тухуму, берущему начало от предков грузин-воинноплемных. В основном однороден и этнический состав населения других каратинских селений, за исключением сел. Тукита, где каратинцы, составляющие численное меньшинство, проживают вместе с аварцами.

Традиционно главная форма брака каратинцев – брак сватовством. Другие формы брака, такие как похищение девушки (женщины), обменный брак, формы сорората и левирата, бытовали лишь отчасти. Свадебный церемониал имел общеаварский сценарий. Половое разделение труда в семье и хозяйстве у каратинцев было жестко регламентировано. Мальчика с детских лет готовили к таким видам хозяйственных работ, как перегон и выпас скота, вспахивание и засеивание поля, обмолот и помол зерна, возведение каменных построек и стен, обработка дерева, камня и др. Кроме того, отец, братья и близкие родственники с детства прививали ему навыки всадника и воина. Девочек учили шитью и вязанию, доению коров, приготовлению блюд и молочных продуктов и др. В примечетской школе мальчики с 5–6 лет обучались чтению, письму и заучиванию определенных сур Корана. Здесь же детей обучали элементарному сче-

ту, объясняли простейшие закономерности в явлениях природы, давали понятия о свойствах твердых и жидких тел и др. По той же приблизительно программе проходило и обучение девочек дома под руководством родителей или родственников. Желая продолжить учебу мог обучаться в примечетских медресе – школах более высшего порядка, а затем стать учеником и последователем кого-либо из ученых-арабистов: в горах Дагестана их было немало.

Современная семья каратинцев – тоже преимущественно малая простая и среднететная. В семье, как правило, господствуют демократические порядки, хотя глава семьи – мужчина – по традиции пользуется подчеркнутым авторитетом и уважением. Сохранилось до наших дней и значение тухумной солидарности и поддержки. Все дети охвачены школьным обучением. Преподавание в школах до 4-го класса ведется на аварском языке. В последние годы в школьную программу включены такие предметы, как родной (аварский) язык, история Дагестана, родная литература и др.

В подавляющем своем большинстве свадьба по составу участников представляла собой не только семейное или тухумное, но и в значительной степени общеджамаатское торжество. Проводилась она примерно по одному и тому же, традиционному для подавляющего большинства народов Дагестана сценарию. Представители юноши посещали родителей девушки несколько раз – до получения согласия на официальное сватовство. В выражении согласия или отказа родственники девушки у каратинцев зачастую прибегали к системе знаков. Так, предложение вернуться к вопросу через год–два со ссылкой на молодость девушки, официальный, сухой тон общения с пришедшими, обыденность, повседневность предлагаемого гостям угощения, демонстративное равнодушие к принесенным продуктам, блюдам, подаркам и т.п. выражали негативное отношение хозяев к пришедшим, к представляемой ими кандидатуре в женихи. Выражение же подчеркнутой благодарности “за оказанную честь”, улыбки, шутки и радушный тон общения, настоятельные приглашения отведать пироги (типа чуду), вареники (типа курзе), плов, фрукты и пр., проявление интереса и благодарности к приношениям, за принесенное, обмазывание сидений, предлагаемых гостям, жиром, тестом, глиной (пришедшие “обнаруживали”, что их одежда запачкалась, только выйдя из дома хозяев) и т.п. означали удовлетворенность родителей девушки предлагаемой им кандидатурой в зятья.

В досвадебные обычаи каратинцев входила и процедура публичного осмотра и оценки приданого женщинами с обязательным присутствием ближайших родственниц жениха.

Цикл семейных запретов и избеганий, наиболее отчетливо проявлявшихся в Дагестане у тюркских народностей, в какой-то мере характерен и для каратинской среды: этикетное ограничение общения невесты с родственниками жениха, некая отчужденность жениха в общении со старшими родственниками невесты и др.

На почве состоявшегося сватовства и последующей переориентации одной из сторон иногда возникали конфликты. Поэтому в одной из поздних редакций “Каратинских адатов” взаимные обязательства сторон жениха и невесты сведены на нет: обычно-правовые нормы стали считаться только с фактом совершения *магъара* – омусульманеной процедурой бракосочетания (Адаты... 1965. С. 148).

Все последующие обычаи и обряды (ритуальное воровство стороной жениха предметов утвари в доме невесты; ритуально-символическое противостояние представителей обеих сторон во время свадебной церемонии; “похищения” жениха, невесты для получения “выкупа”; “свадьба со скрыванием”; церемониал

одаривания невесты родственниками жениха и односельчанами; обычай приобщения молодой к дому мужа-молодожена; выход невесты за водой; обычай “возвращения домой”; послесвадебные приглашения молодых “дружкой” жениха и его родственниками и многие другие) характерны для свадебной обрядности (с различной степенью проявления и в разнообразных сочетаниях) и других народов Дагестана, Северного Кавказа.

У каратинцев много общего с иными народами региона в обрядах и обычаях родильного и послеродового цикла. Сюда относятся магические приемы достижения зачатия, благополучного разрешения бремени, обретения здорового потомства (преимущественно мужского пола), обычаи, связанные с поздравлениями родственников и односельчан с прибавлением в семье, и обычаи укладывания ребенка в колыбель, наречения имени, связанные с первой стрижкой волос, первым обрезанием ногтей, с появлением первого зуба, приуроченные к первому шагу ребенка, к совершению обрезания и т.д. У каратинцев, как и других народов Дагестана, Кавказа было отдельное трудовое воспитание мальчиков и девочек; для быта каратинцев характерны также “военные школы”, в которых мальчики периодически обучались. Несколько особняком стоит местный обычай признания отцом новорожденного(ой) своим сыном / своей дочерью: при первом кормлении ребенка грудью бабка-повитуха в присутствии родственников молодоженов и посторонних спрашивала у отца этого ребенка (в его отсутствие – у деда, дяди, двоюродного дяди по отцу), разрешается ли такой-то “дать твоему (вашему) ребенку грудь”. Подобный же обычай, по полевым материалам, встречался в лакском сел. Балхар.

Похоронная обрядность каратинцев, как и иных дагестанцев, была пронизана рудиментами анимистических представлений, переплетающихся с пережитками верований в оскверняющие свойства трупа. С распространением ислама составные ритуалы похоронно-погребально-поминального цикла были уже в весьма значительной степени омусульманены: сопровождалась мусульманскими молитвами, обращениями ко Всевышнему, его Пророку и святым. Предписания и запреты этого цикла (например, окуривание дымом комнаты, где скончался человек; вынос вещей из этой комнаты на солнечный свет; запрет на употребление пищи, находившейся в той же комнате, близкими родственниками умершего; представления об оскверняющих свойствах воды, которой покойный был омыт, и др.) характерны для быта большинства других дагестанцев. То же можно сказать об обычае кормления пришедших и приезжих с соболезнованиями, заботу о которых брали на себя дальние родственники и односельчане; о порядке и особенностях выражения соболезнования (дифференцированных по половому признаку); о плачах женщин и др. Интересен местный обычай, известный прочим народам Кавказа и не распространенный в Дагестане: ближайший родственник покойного – отец, брат, сын – в день смерти мужчины или на следующий день сообщал о кончине хозяина его коню (тихо, на ухо) – иначе, по поверьям, конь мог сдохнуть.

В отличие от подавляющего большинства андо-цезских народов, хуторов у каратинцев было не много, считанные единицы. Основной тип поселения – это селение территориального типа, образовавшееся, как правило, от слияния нескольких тухумных или территориально-родственных поселений. При выборе места для поселения учитывался оборонный фактор, наличие источника питьевой воды, близкого расположения сельскохозяйственных угодий. Селение располагалось таким образом, чтобы подход к нему был возможен только с одной стороны. Подходы к селению охраняли боевые башни. Кроме того, крайние дома селения, вплотную примыкающие друг к другу и снабженные бойницами, представляли собой пре-

красное оборонительное укрепление. С конца XIX в. намечается тенденция заселения нижних, более ровных участков, окружающих селение. Эта тенденция особенно усилилась с конца 50-х – начала 60-х годов XX в. Наиболее старые части селений заметно изменились. Они либо опустели, строения в них были разрушены временем, либо отремонтированы, причем неоднократно, а иногда отстроены заново. Бывает, что материал для строительства дома в новой, нижней части селения берется из развалин старых домов.

Наиболее типичное жилище – это прямоугольное в плане двухэтажное каменно-саманное или каменное строение с хозяйственными службами на первом и жильем на втором этажах. Хозяйственные постройки – сеновалы, помещения для хранения продуктов и др. – иногда выносились за пределы усадьбы. Внутренние, зачастую полукрытые, дворики – небольшие, нередко они и вовсе отсутствуют (дом-усадьба). В конструкциях строений, особенно хозяйственных помещений, нередко турлучные (обмазанная глиной плетенка) стены. Большинство домов в их жилой части обнесены галереями, кое-где еще сохранились традиционные лоджии открытого типа. Широко применялись арочные конструкции, декоративная кладка, кладка из тесанного камня, декоративные каменные рельефы. Распространена была также резьба по дереву.

В новых частях старых поселений в наше время застройка идет по плану, квартально-уличная планировка позволяет иметь подъезды к отдельным домам, среди строений зачастую встречаются постройки по типовым проектам, для общественных зданий применяются привозные материалы (бетонные блоки, шифер, метлахская плитка, кафель, линолеум) и т.д. Жилые дома каратинцев ныне более объемны и многокомнатны, хозяйственным службам отводится сравнительно немного места.

Традиционный интерьер каратинского жилища характеризовался отсутствием мебели, наличием одного на всю семью обогреваемого помещения, его многофункциональностью, слабой освещенностью и др. Очаг открытого типа был здесь повсеместно заменен пристенным камином с дымоходом в конце XVIII – начале XIX в. В комнате с очагом семья садилась за трапезу, отходила ко сну. Постельные принадлежности, развешенные по стенам ковры, шкуры и одежда, расставленная по нишам и полкам утварь и посуда, продукты в мерах, мешках и сапетках и другое составляли убранство комнаты. Значительную часть времени семья проводила на освещенной и обогреваемой солнцем лоджии или веранде. Другие комнаты, считавшиеся жилыми, практически использовались для хранения утвари, продуктов питания, сырья и т.п. Одна из комнат, убранная богаче и лучше других, служила для приема гостей.

В современном каратинском жилище появились комнаты специального назначения: спальня, кухня, детская, девичья и др. Дома электрофицированы, радиофицированы, в комнатах – мебель, телеаппаратура, магнитофоны, книги, современная посуда и т.д. Давно уже обычны для каратинцев холодильники, стиральные машины, газовые печи (на привозном газе) и т.д.

Народная одежда каратинцев в целом мало чем отличалась от одежды других горцев Дагестана. Мужская одежда состояла из туникообразной рубахи, узких и длинных штанов без карманов и ширинки, бешмета, черкески, войлочной наплечной длинной и короткой одежды с рукавами, бурки, безрукавок (матерчатой или овчинной), овчинных шуб нескольких разновидностей и овчинных же конусообразных или полусферических папах (*Шиллинг*, 1996. С. 23–24). На ногах носили обувь из сыромятной кожи, из местных сортов сафьяна, войлочную, деревянную, вязаные шерстяные носки, ноговицы. Одежда подпоясывалась узким кавказским ремешком, на котором сбоку носили кинжал. Голову мужчины бри-

ли наголо, оставляли усы и бороду. Женщины носили туникообразные платья-рубашки нескольких разновидностей, отрезные по талии, а также распашные платья. Платья-рубашки подпоясывались длинной матерчатой повязкой-поясом. Голову покрывали чепцом-накосником *чухту*, головными покрывалами, шерстяными и шелковыми платками разных размеров. Носили они также узкие и длинные штаны на вздержке. Утеплялись женщины меховыми шубами, платками-шалями, безрукавками. Они носили ту же обувь, что и мужчины, за исключением сапог и ноговиц. Костюм дополнялся бусами, серебряными кольцами, перстнями, браслетами, серьгами, налобными, височными, нашейными, нагрудными украшениями. Выполненные в технике литья, ковки, гравировки, филиграни, зерни, черни и т.п., они приобретались у кубачинских или казикумухских (лакских) мастеров. Камни в украшениях были разнообразны: сердолик, аметист, агат, бирюза, коралл, яшма, янтарь. Иногда применялась и слоновая кость.

Материал для одежды был местный: сукно, сыромятная кожа и сафьян, овчина, войлок, шерстяная пряжа. Нарядные шелковые платки и дорогие ткани (парча, бархат, шелк) приобретались в Закавказье, России, частично (персидского, турецкого, афганского, арабского и другого производства) у заезжих купцов. Со второй половины – конца XIX в. зачастую на шитье одежды шли привозные дешевые фабричные ткани, поступавшие из России и Закавказья (полотно, бязь, ситец, сатин и др.).

Традиционная пища каратинцев – в основном мучная и мясо-молочная. Основными продуктами питания были разные виды и сорта муки, крупы, солод, толокно, мясо, жиры, курдюк, молоко, фрукты. Готовили преимущественно хинкалы (несколько разновидностей), лепешки, кислый и пресный хлеб, толокно, каши, молочные и мясные похлебки, сыр, масло, колбасы, пироги типа чуду с различной начинкой (с зеленью, творогом, мясом), с такой же начинкой делали пельмени типа вареников – *курзе* и т.д. В современной кухне каратинцев большинство национальных блюд свое значение сохранило, хотя она стала значительно богаче и разнообразней.

В дни религиозных праздников каратинцы готовили обильное угощение для гостей, совершали взаимные визиты с поздравлениями и подарками, устраивали коллективные и семейные моления – мовлюды, совершали жертвенные раздачи продуктов и кушаний. Так отмечались праздники – день рождения пророка Мухаммеда, праздник окончания мусульманского месячного поста, день поминовения родственников и близких и др. В дни календарных праздников (день выхода плуга, день встречи весны, зимы, дни начала важнейших сезонов и видов работ: прополки, жатвы, доения овец, стрижки и т.д., их насчитывалось не менее полутора десятков) устраивались коллективные трапезы, спортивные состязания, ритуальные шествия, в том числе и шествия ряженных, приняты были розыгрыши, шутки, веселье, смех. Сохранили свое значение ритуальные действия при исполнении обрядов вызывания дождя, солнца, прекращения градобития, ветра, мора скота и др. Широкое распространение получили вечерние, главным образом сезонные увеселительные собрания типа посиделок, проводившиеся по половозрастному принципу. Отдельные их разновидности, в частности многодневные мужские собрания с жестко регламентированным распорядком проведения и ритуала, представляли собой отголоски “мужских союзов”.

Религиозные праздники отмечают каратинцами и сегодня. То, что на протяжении последних шести–семи десятилетий делалось в полускрытой и завуалированной форме, сейчас уже носит массовый, зачастую подчеркнуто-демонстративный характер, приобретая оттенок возвращения к сугубо местному, исконно национальному, этнокультурному. Не забыты народные праздники и ка-

лендарно-производственного цикла, хотя сценарий их проведения намного упростился, и они из общественно-бытовой сферы переместились главным образом в семейную.

Жанры устного народного творчества – поговорки, загадки, песни, баллады, сказки, плачи-причитания, колыбельные и т.п. – сохранились и передаются на каратинском и аварском языках. На протяжении веков многие поколения каратинцев выработали свой сельскохозяйственный календарь и свою систему отсчета времени. Народные лекари умели диагностировать и лечить сложные болезни, проделывая порой довольно непростые хирургические операции.

В народной среде сохранились рудименты домонотеистических представлений: пережитки культа природы, ее объектов и сил, культа предков, животных, верования, связанные с представлениями о чертях, джинах, домовых, демонах – носителях доброго или злого начала и т.д.

У каратинцев были свои знаменитые люди, известные за пределами родных селений. Так, по всей Аварии славился своим ораторским искусством Умар-Дибир из сел. Анчих. По всему Дагестану было известно имя мастерицы-суконницы Айшат из сел. Карата. Лекари каратинцы, излечивавшие практически все известные болезни, приглашались к большим многим других народов горного Дагестана. В XVIII–XIX вв. это были Уммуга, Дибир-Али и Абу из сел. Карата, Маарип и Магомед-Расул из Арчо, Султанбади из Анчиха, Барух и Ахмед-Хан из Рачабулда, Чегечи из Рацитля и др. Добрую память о себе оставил старшина сел. Карата Шамсудин-Дибир. Стараясь привить здесь садоводство, он распорядился вменить в обязанность каждому владельцу пахотного участка высадить не менее 10 фруктовых деревьев. Это в дальнейшем привело к развитию у каратинцев приусадебного садоводства. Много славных имен выдвинула из каратинской среды эпоха Шамиля. Самоотверженностью, мужеством, мудростью прославились Галбац-Дибир (сын Шамсудин-Дибира), назначенный наибом в Андию, казначей Шамиля Гаджияв, дипломат – посольный имама Черав-Умар, наиб Тауш и др. Каратинцы чтят имена покойных и ныне здравствующих односельчан, покрывших себя славой на полях сражений или прославивших свои селения мирным трудом – поэтов, ученых, работников сельского хозяйства, спортсменов и др.

Каратинцы, как говорилось выше, приняли ислам приблизительно в конце XVII – начале XVIII в. Можно считать, следовательно, что новая религия окончательно здесь утвердилась к середине – второй половине XVIII столетия. Хотя ислам каратинцам в значительной степени и был навязан, приобщение к нему позволило им ознакомиться с культурой, наукой и просвещением мусульманского мира. Укоренению в народной среде мусульманского вероучения в немалой степени способствовало и соответствие этических догм ислама сложившимся в народе нравственным критериям: благожелательного отношения к человеку, благопристойности в мыслях и поступках, безусловной необходимости оказания всемерной помощи нуждающемуся в ней и т.д. В течение сравнительно короткого времени религия вошла в плоть и кровь народа, стала основой его духовной жизни. Не будет преувеличением сказать, что каждый свой шаг, любой поступок каратинец соизмерял с рекомендациями и требованиями ислама. Веками формировавшиеся в народе обычаи и традиции теперь уже воспринимались в массах или как угодные Богу, или не имеющие права на существование. Стародавние обрядовые действия типа вызывания дождя, прекращения падежа скота, содействия прорастанию зерна в почве и другие стали сопровождаться мусульманскими молитвами, обращениями к Богу, Пророку и святым, проводи-

лись с участием муллы, дибира и др. Шесть–семь десятилетий запретов и открытых гонений не смогли отторгнуть народ от ислама. Такое положение вещей объясняется отношением к мусульманскому вероучению как к духовному миру многих поколений предков, как к составной части национальной культуры, национальной форме мироощущения и миропонимания и т.д. Современное поколение каратинцев склонно прививать подрастающему поколению основы этого вероучения. Подавляющее их большинство считает себя верующими. Проявляется это во многих случаях признанием единого бога Аллаха и его пророка Мухаммеда, знанием нескольких, наиболее обиходных молитв, следованием отдельным запретам, соблюдением самых важных, с точки зрения мусульманина, ритуалов и др. Вместе с тем глубоких и последовательных ревнителей ислама в каратинской среде не так уж много, как сравнительно не много пока и лиц, пятикратно в день творящих намаз. Тем не менее ныне в каждом из здешних селений имеются молитвенные дома. На сегодняшний день реставрированы и функционируют четыре мечети, еще три – в стадии завершения реставрации.

В послеоктябрьский период произошли большие перемены в экономике, в сфере общественной жизни, в образовании и просвещении каратинцев. Общие позитивные изменения и сдвиги во всех областях жизни повлекли за собой и процесс постепенной нивелировки традиционной духовной и материальной культуры, привели к исчезновению и забвению многих местных национальных обычаев, обрядов, традиций и т.п.

Наиболее рельефно перемены обозначились в области образования и просвещения. По состоянию на 1990–1991 гг., лишь 1,7% населения (каратинцы Ахвахского р-на) не умели ни читать, ни писать (по-русски или по-аварски на основе русского алфавита), 3,7% владели грамотой на уровне начальной школы, около 16% имели неполное среднее, 24,2% – среднее, 24,7% – среднее специальное, 8,4% – высшее образование. 38% семей каратинцев располагают от 3–5 до 10 художественных произведений на аварском и русском языках, 18% – от 20 до 50, 9% – от 50 до 100, 6,5% – свыше ста произведений. Кроме того, в домашних библиотеках часто встречается специальная литература (по проблемам сельского хозяйства, механики, пчеловодства и пр.). По состоянию на 1990 г., более 80,5% семей каратинцев подписывалось на районные, республиканские, центральные газеты и журналы на аварском и русском языках. Более 90% специалистов – учителей, врачей, механизаторов, агрономов, зоотехников и др. – составляли местные кадры (Райстатуправление Ахвахского р-на. 1990–1991 гг. Д. 78 и др.).

ТИНДИНЦЫ

Тиндинцы (тиндалы, богосцы) – коренное население северо-западной части Центрального Дагестана. Самоназвание их – “идери”. Они относятся к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы народов Дагестана. Соседние народы – хваршины, багулалы, чамалалы, аварцы близлежащих селений – называют жителей сел. Тинди “иди”, “идари”; жители остальных тиндинских селений – Акнада, Ангида, Тисси, Тисси-Ахитли, Эчеда – соседям известны по названиям селений. На севере тиндинцы граничат с багулалами, на северо-западе – с чамалалами, на юге – с хваршинами, на западе – с аварцами.

Тиндинцы расселены на своей этнической территории в указанных селениях и на хуторах компактно. Кроме того, часть тиндинцев с XIX в. осела в Закавказье, главным образом в Закаталах. В результате навязанного, а отчасти и стихийного переселения тиндинцы небольшой частью расселились в Кизилюртов-

ском и Хасавюртовском районах. Здесь они живут по несколько семей в селениях Акнада и Чонтаул Кизилюртовского района. Как и другие андо-цезы, тиндинцы исторически консолидировались с аварцами, с которыми их сближают общие генетические корни, схожесть языка, а также схожесть или идентичность традиционной материальной и духовной культуры, менталитета, семейного и общественного быта, общность исторических судеб. Процесс этой консолидации, начавшийся еще в средневековье, полностью не завершился и поныне. В настоящий период тиндинцы – это часть населения Цумадинского р-на Республики Дагестан.

Этническая территория тиндинцев расположена по северо-западным склонам Богосского хребта, селения в основном группируются по правым притокам р. Андийское Койсу и частично занимают территорию ее левобережья. Это район высоких горных хребтов с заостренными зубчатыми гребнями, высотой от 2 до 2,7 тыс. м. Хребты разделены глубокими долинами и котловинами. Небольшие, но бурные реки – притоки Андийского Койсу – протекают по пологим днищам котловины. Это район субальпийских и альпийских лугов, кое-где перемежающихся с небольшими участками сосново-березовых лесов.

Климат характеризуется холодной и длительной зимой и коротким летом. Среднегодовая температура 5–7 градусов, самый холодный месяц – январь (10 и более градусов мороза), температура самого теплого месяца – августа вплотную приближается к 20 градусам тепла. Годовое количество осадков 600–800 мм, большая их часть приходится на осенне-зимний период.

Антропологически тиндинцы относятся к кавкасионскому типу. Это вариант антропологического типа дагестанцев, характеризующийся высоким ростом, светлой пигментацией, вытянутой формой головы и узким лицом. Как и другие андо-цезы, тиндинцы – изолят: возможности генетического смешения в этой популяционной группе были сведены к минимуму.

Говорят тиндинцы на тиндинском языке, который входит в андийскую подгруппу аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи языков. Особых диалектных дифференциаций в языке нет. Речь населения аулов Тинди, Эчеда, Акнада и Ангида имеет между собой расхождения, в основном фонетического характера, которые невелики. Говоры населения аулов Тинди и Эчеда близки друг к другу. Много общего у говоров акнадинцев и ангидинцев. Тиндинский, багулальский и чамалальский языки тесно связаны друг с другом и образуют одну зону в андийской подгруппе андо-цезской группы языков. Особенно много общего между тиндинским и багулальским языками. Подавляющее большинство населения говорит по-аварски, значительная часть – по-русски, некоторые освоили язык соседних хваршин, часть мужского населения может изъясняться на кумыкском и азербайджанском языках. На новой волне всплеска национального самосознания в последнее десятилетие повысился, в частности, интерес к родному языку. Многие энтузиасты, главным образом из учительско-преподавательских кругов, по собственной инициативе записывают местные произведения фольклора, легенды и предания, вышедшие или выходящие из повседневного обихода слова, выражения и обороты на родном языке и т.д.

Численность тиндинцев, по оценке 1995 г., достигает 8,5–10 тыс. человек. Точную цифру установить невозможно: официальная статистика причисляет тиндинцев к аварцам. По различным статистическим данным, в 1866 г. тиндинцев насчитывалось 2515 человек, в 1886 г. – 3262, 1916 г. – 3864 (Ибрагимов, 1981. С. 101–102, 105), в 1926 г. – 3812, в 1939 г. – 5800 человек. На численность населения и его благосостояние отрицательно повлияли насильственное пере-

Рис. 78. Вид селения Тинди с мечетью на переднем плане. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1952 г.)

селение тиндинцев на земли чеченцев в 1944 г. и обратное переселение их в родные горы и в районы равнинного Дагестана в 1957 г.

Древнейший период истории тиндинцев, неразрывно связанный с социально-экономическими и политическими процессами на Северо-Восточном Кавказе, прослеживается по археологическим памятникам с периода раннего средневековья. Совокупность этих памятников, говорящих о непрерывном развитии и преемственности культуры, наложили свой отпечаток на своеобразие, особенности развития этноса и его культуры. Основой для образования горских племен Дагестана в I тыс. до н.э. послужили субобщности, на которые начиная с III тыс. до н.э. стала распадаться восточно-кавказская этнокультурная общность.

По одной из научных версий, андийские племена были вытеснены из Передней Азии ассирийским царем Саргоном II и переселились на Кавказ в последней четверти VIII в. до н.э. Первые сведения о племенах, расселившихся на северных склонах Главного Кавказского хребта, восходят к первым векам нашей эры. Племена андо-цезов были известны античным писателям под общим наименованием дидуры, заимствованным из грузинского языка. Страбон, Клавдий Птолемей, Плиний Старший и другие локализовали андо-цезов приблизительно на их нынешних этнических территориях, за пределами границ Кавказской Албании. Дальнейшее их проживание на тех же территориях подтверждают армянские, арабские, грузинские, сирийские и иные источники. Археологические материалы, датируемые последними веками до нашей эры – ранним средневековьем, характеризуют местное население, предков тиндинцев, как оседлых земледельцев и скотоводов, имевших торговые (товарообменные) связи с Передней Азией и Закавказьем (тиндинские, тиссинские могильники и находки, Тиссинское и Эчединское поселе-

ния). Этнополитическое объединение Дидо, куда входило множество племен Северо-Восточного Кавказа, активно участвовало в политической жизни Центрального и Северного Кавказа и Закавказья. Как часть этого объединения предки современных тиндинцев противостояли арабским завоеваниям, выступали против монголо-татар и полчищ Тимура, боролись с активизировавшейся турецкой и иранской экспансией и т.д. С XV в. в силу ряда причин внутреннего и внешнего порядка союз Дидо распадается, а входившие в его состав племена образуют целый ряд союзов сельских обществ, одно из которых было представлено тиндицами.

Приблизительно с этого периода общество тиндинцев начинает исламизироваться, хотя данный процесс затянулся примерно до середины–конца XVIII в. В сочинении Мухаммеда Рафи “Тарихи Дагестан”, относящемуся к XIV в., тиндинцы упоминаются как самостоятельная этническая и общественно-политическая единица. В составе Российского государства тиндинцы находились с 1813 г. (Гюлистанский мирный договор с Ираном). В годы Кавказской войны, особенно в период войн Шамиля, тиндинцы активно выступали на стороне имама вплоть до момента взятия Гуниба и прекращения военных действий. Активную позицию заняли тиндинцы в антиколониальном восстании горцев Дагестана в 1877 г. С 60-х годов XIX в. до первых десятилетий XX в. тиндинцы входили в состав Дагестанской области, а после победы советской власти они стали составной частью автономной республики Дагестан.

На протяжении нескольких столетий население вольного общества Тиндал уделяло много внимания борьбе с захватническими устремлениями хунзахских ханов. Для решения проблем безопасности и защиты от внешних вторжений Тиндинский союз сельских обществ заключал долгосрочные или кратковременные соглашения с другими вольными обществами Дагестана: с гидатлинцами, каратинцами, хваршинами, чамалалами, багулалами и др.

Как и прочие горцы Дагестана, тиндинцы входят в состав Дагестанской историко-культурной области, которая в свою очередь представляет собой часть Кавказской историко-культурной провинции. Для тиндинцев характерны достаточно высокий уровень и относительная масштабность горного, террасного земледелия, специализированного в основном на зерновых культурах, значительный удельный вес в традиционном хозяйстве домашних промыслов и отходничества, склоновые и террасные формы поселенческой структуры, плотность застройки и компактность жилища, специфические формы национальной одежды и головных уборов, национальных праздников, видов мучных изделий и блюд и др. Все это в совокупности и позволяет рассматривать тиндинцев как составную часть Дагестанской историко-культурной области, входящих в нее как этнокультурный район и как часть хозяйственно-культурного ареала отгонных скотоводов и пашенных земледельцев.

Итак, главные традиционные занятия тиндинцев – это террасное богарное земледелие и внутриальпийский тип скотоводства с долинным отгоном. Выращивали в основном ячмень, пшеницу, просо, из овощных – тыкву, морковь. С XIX в. стали сажать картофель. Скот, преимущественно овцы, содержался прежде всего на выгонных пастбищных хуторах; периодически совершался долинный отгон скота. Крупный рогатый скот, за исключением зимних месяцев, тоже содержался на хуторах. Разводили ослов; некоторые хозяйства имели верховых лошадей. Жители занимались также пчеловодством и охотой. Из домашних промыслов были развиты производство сукна и вязаных изделий, обработка шкур и овчины, кузнечное ремесло, обработка дерева. В осенне-зимний се-

зон большая часть мужского населения отправлялась на заработки в Закаталы, иногда в Грузию, в Приморский Дагестан, изредка на Северный Кавказ и другие районы. Здесь они нанимались чабанами, пастухами, плотниками, каменщиками, разнорабочими, трудились на рыбных, нефтяных или соляных промыслах и т.п., а весной, к периоду начала сельскохозяйственных работ, возвращались домой.

Индустриализация хозяйства республики и значительная механизация сельскохозяйственного производства, происшедшие в годы советской власти, подняли экономическому тиндинцев, повысили жизненный уровень и благосостояние населения. Следует заметить, однако, что многое из трудового опыта местного населения, отдельные рациональные приемы и методы ведения хозяйства, апробированные веками и поколениями, были позабыты и в значительной мере навсегда утрачены. В последующие десятилетия вплоть до нашего времени экономика тиндинцев – это часть агропромышленного комплекса Республики Дагестан.

Селения тиндинцев – типичные для позднесредневекового Дагестана поселения, максимально привязанные к рельефу, это совокупность гражданских и оборонительных сооружений, составлявших неприступный комплекс со склоново-террасной застройкой, с членением селения на кварталы, с административным центром, мечетью и кладбищем. Кроме этого, для тиндинцев весьма характерны хуторские поселения, включавшие одно–два хозяйства, представляющие собой опорные пункты местного скотоводства. Жилища в основном двух и трехэтажные, прямоугольные в плане, каменные типа “хлев–жилье”, “хлев–сеновал–жилье” и др. С XIX в. в быт прочно вошел пристенный камин, полностью вытеснив очаг открытого типа; со второй половины–конца XIX в. появляются двух и четырехскатные стропильные крыши, покрытые жостью, хотя, отметим, что плоские земляные крыши бытуют, тем не менее, и поныне. Тиндинские селения подвержены тем же архитектурным изменениям, что и другие селения горцев Дагестана: оконные и дверные проемы увеличиваются, жилье снабжается галереей или лоджией, под строительство занимают наиболее удобные участки сельской территории, увеличивается площадь жилья в хозяйственно-жилком комплексе за счет уменьшения площадей, занятых под хозяйственные нужды.

Особенности ведения хозяйства позволяли тиндинцам изготавливать материал для одежды своими силами. В основном она шилась из суконных тканей и войлока, из овчины и кожи местного производства, вязалась из шерстяных ниток. Постепенно кустарные материалы начали вытесняться фабричными тканями, поступавшими главным образом из России. Значительное место в одежде тиндинцев стали занимать готовые изделия из стран Востока, Закавказья: шелковые платки, шали, среднеазиатские папахи, обувь, готовая мужская одежда, женское платье и др. Традиционная мужская одежда тиндинцев состояла из туникообразной рубахи, зауженных книзу штанов без карманов, на вздержке, бешмета, черкески, войлочных курток, овчинных шуб нескольких разновидностей, бурки, овчинной папахи и сыромятной кожаной обуви. Женщины носили широкие туникообразные черные платья-рубахи, узкие черные штаны, черную чухту, украшенную монетами и цепочками в лобно-теменной и височной части, на нижнем конце наконечника и в средней его части. Пожилые женщины нашивали на чухту парные височные кольца, а сверху набрасывали головное покрывало. Платье тиндинки подпоясывали широкой и длинной (иногда до 3 м) кумачевой повязкой, а в траурные дни черной (Сергеева, 1971. С. 233). Современная одежда тиндинцев ничем

Рис. 79. Мужчина в овчинной шубе-накидке. Селение Тинди. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1952 г.)

не отличается от одежды горожан. Представители старшего поколения иногда носят папахи, сапоги с высокими голенищами, а пожилые женщины – чухту.

Традиционная пища – мучная (лепешки, хинкал, пироги, блюдо типа вареников, каши, в том числе из толокна), мясная и молочная – обогащалась блюдами, заимствованными у других народов Дагестана, Закавказья и Северного Кавказа, а с конца XIX – начала XX в. у народов России.

Сел. Тинди являлось одним из известных торговых центров западной части Центрального Дагестана. Конные и пешеходные дороги и тропы связывали тиндинцев с иными народами Дагестана, Кавказа, России. Наиболее распространенным транспортным средством были ослы, в качестве вьючного транспорта использовалась и лошадь. В наши дни автомобильный транспорт связывает тиндинцев с остальным миром, уже несколько десятилетий налажена воздушная связь со столицей республики.

Вольное общество Тиндал представляло собой исторически сложившийся социально-политический, территориальный союз сельских общин – джамаатов, каждый из которых был свободным и равноправным членом данного союза. Административным центром союза считался аул Тинди (Иди, в аварской транскрипции –Тинди). Проживавший в Тинди кадий (дибир) соборной (пятничной) мечети считался первым лицом союза и военачальником народного ополчения в случае военных действий. Для решения дел, касавшихся союза в целом, в зависимости от степени важности обсуждаемых, решаемых вопросов либо собиралось все взрослое мужское население сою-

за, либо сходились все старейшины джамаатов союза, либо дело разбиралось собранием представителей этих джамаатов под председательством тиндинского кадия. Внутриджамаатские дела рассматривались в общине и опять-таки дифференцировались как подлежащие рассмотрению на общем джамаатском сходе, всеми старейшинами селения или несколькими старейшинами во главе с кадием. Дела в джамаате разбирались на основе адатных норм обычного права и мусульманско-правовых норм шариата. Судьями выступали те же старейшины – главы тухумов. В жизни каждой семьи, каждого члена общества тухум имел большое значение. Это был союз родственных семей, главы которых вели начало от одного и того же предка. Союз этот поддерживал члена общества – морально, физически и материально. Главы тухумов имели право и даже были обязаны вмешиваться в жизнь и быт входивших в союз семей. Все более или менее значимые события в жизни семьи так или иначе совершались с ведома и одобрения старейшин тухума. Итак, судьи рассматривали все дела и конфликты, за исключением внутрисемейных и наследственных: последние находились в компетенции духовного главы общества.

Главной задачей адатов и основанного на них судопроизводства была компенсация ущерба, умышленно или нечаянно нанесенного частному лицу, семье или общине в целом. Кроме того, за любые провинности и правонарушения адат предусматривал те или иные штрафы в пользу общества. Эти средства составляли значительную часть общественной казны, куда входили также установленные шариатом обязательные отчисления семей от урожая, приплода скота, торгово-обменной операции, часть доходов от сдаваемых в аренду пастбищ и добровольные благотворительные пожертвования членов джамаата и др. На эти средства общество содержало калек, сирот, оставшихся без кормильца членов общества, оказывало помощь вдовам, беднякам, перенесшим стихийное бедствие, поддерживало муталимов – учащихся медресе и примечетских школ, и т.д.

В прежде социально однородном тиндинском обществе имущественная дифференциация его членов к XIX в. зашла уже далеко; представители сельской администрации и имущая верхушка общества все больше и больше превращались в феодализирующуюся знать. Наряду с этим пережитки родового строя в общественной жизни и быту играли все еще заметную роль. Джамаат тиндинцев – это сельская община, характеризующаяся частной собственностью на дом, домашнее имущество, пахотные и сенокосные участки и общественной собственностью на пастбища, выпасы, выгоны, лесные массивы, пустоши, водные источники.

По данным из посемейных списков, на 1886 г. тиндинцев характеризовали следующие показатели: пять селений и более двух десятков хуторов, всего 715 дымов, 3031 человек, 726 дес. пахоты, 57 дес. сенокоса, несколько участков леса и пастбищ в совместном владении тиндинских джамаатов, 42 лошади, 382 осла, 1089 быков, 1279 коров, 562 теленка, 9624 барана; нужды тиндинцев и их соседей обслуживала 21 водяная мельница, все они принадлежали тиндинцам (Посемейные списки... ГАРД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 117.).

С проведением административно-судебных реформ в 60-е годы XIX в. традиционные общественные формы управления сохранились постольку, поскольку они не противоречили практическим интересам новой колониальной администрации. По-прежнему собирался сельский сход, но уже ограниченный одним представителем от каждой семьи и обязательно санкционированный старшиной – главой местной администрации. Без старшины или его заместителя не мог

Рис. 80. Семья тиндинцев. Селение Тинди. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1952 г.)

собраться и местный суд. Все члены джамаатского управления избирались на сельском сходе, однако любая кандидатура должна была пройти утверждение окружного начальства и т.д.

Преобладающей формой семьи у тиндинцев уже с периода раннего средневековья была малая семья. Пережиточные формы большесемейной организации в виде неразделенных семей продолжали бытовать вплоть до 20-х годов XX в. в силу практической целесообразности. Внутрисемейные отношения строились на принципах главенства в семье мужа и отца, признания авторитета старшего, взаимного уважения членов семьи по отношению друг к другу. Важное и почетное место занимала в семье хозяйка дома, на плечах которой лежала значительная нагрузка по ведению хозяйства и воспитанию детей. Основной формой брака был брак посредством сватовства, заключался он чаще всего по выбору родителей, хотя желание брачующихся тоже старались учитывать. До начала XX в. эпизодически бытовало еще похищение девушки, обручение малолетних, колыбельный сговор. Такие брачные формы, как левират и сорорат, имели место и в 30–40 годы XX столетия, но не как дань традиции, а в силу практической целесообразности: место одного из умерших родителей занимал родной для детей человек (дядя, тетка), и имущество при таких браках не расплылось, оставаясь внутри родственной группы. В среднем семья тиндинцев имела 3–4 детей. Современная семья тиндинцев строится на демократических началах, хотя главенство мужчины, мужа, отца в семье безусловно всеми признается. В наше время чаще всего совершаются браки по любви, но с мнением родителей молодежь старается считаться. В семье тиндинцев обычно бывает два–три ребенка.

Рис. 81. Мальчик у люльки с ребенком. Селение Тинди. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1952 г.)

За многовековую историю народ создал самобытную духовную культуру. С периода средневековья селения Тинди и Акнада были известны как центры богословия и науки в Нагорном Дагестане. По известным сведениям, Ризван из Тинди поддерживал тесные связи и вел переписку с Магомедом-Тагиром Карахским, а Ахвердали Эчединский с Гаджи-Магомедом из Согратля, оба в совершенстве владели арабским и турецким языками. Из среды тиндинцев вышло много известных в мусульманском мире ученых-богословов (Ахмед-Магомма из Акнада, Тулла-Расул из Эчеда, Сулейман-Гаджи из Тинди и др.). Богатое устное народное творчество свидетельствует об образно-художественном восприятии мира, об особенностях сложения и развития в народе этических и эстетических идеалов, ценностных ориентаций. Оно бытует и передается последующим поколениям на родном и аварском языках. О высоком духовном потенциале народа свидетельствуют местный народный сельскохозяйственный календарь и система отсчета времени. Народные лекари тиндинцев переняли от своих предков и передавали последующим поколениям рациональные и эффективные методы, приемы и средства излечения тяжелых заболеваний.

Верующие тиндинцы – мусульмане-сунниты. Они отмечают и празднуют такие дни, как завершение поста, поминовение родственников, день рождения пророка и др.

Домонотеистические пережитки сказываются в среде тиндинцев в соблюдении обрядов вызывания дождя и солнца, прекращения градобития, мора и эпизоотии и др. До сих пор празднуются ими дни первой борозды, начала уборки урожая и начала стрижки овец, дни перегона скота на долинные и высокогорные пастбища и т.д. Большой популярностью пользуется в народе праздник “Кыдоба”, в основе которого лежит шуточная импровизация свадьбы, где в ро-

ли “жениха” выступает кукольный персонаж. В советское время из числа тиндинцев вышло много учителей, врачей, ученых, специалистов различных отраслей хозяйства, руководителей и др. Наряду с позитивными процессами (повышение благосостояния, улучшение здравоохранения, культурный подъем) в жизни тиндинцев в советское время происходили и негативные, тормозившие их национально-культурное развитие (в частности искусственное ускорение консолидационных процессов). Система хозяйствования, практиковавшаяся здесь после коллективизации, репрессии 1928 и 1938 гг., насильственное переселение в 1944 г. части тиндинцев на территорию Чечни и обратное переселение также негативно отразились на благосостоянии народа, его жизнеспособности, процессе этнокультурного и демографического развития.

ЧАМАЛАЛЫ

Чамалалы (самоназвание *чама ига* – “сухая курага”) – народность андийской подгруппы аваро-андо-цезской группы народностей Дагестана. В 60-е годы XIX в. у них было 8 селений и 9 отселков, 715 дворов, 2658 человек населения. В 20-е годы XX столетия число населенных пунктов достигло 34 с населением 4028 человек (Комаров, 1869. С. 43–44; Всесоюзная перепись... 1928. С. 343). В наши дни чамалалы компактно проживают в 29 селениях и хуторах Республики Дагестан (Цумадинский р-н), составляя 1851 хозяйство с населением 7207 человек – 45% населения района, 0,44% – Дагестана (селения Нижнее и Верхнее Гаквари, Гадири, Цумада, Гигатль и др.). Часть чамалалов (343 хозяйства, 2075 человек) проживает в восьми селениях Шатойского р-на Чеченской Республики (Кенхи, Хилиди, Агабехи, Школхе и др.).

Они живут также в переселенческих селениях Бабаюртовского р-на – Аркагесген, Забо, Кумулин, Шава, Терек, Эсси, Шугури, бывших ранее хуторами колхозов Цумадинского р-на (около 300 человек). Дисперсно чамалалы отмечаются в переселенческих селениях Кизлярского, Кизилюртовского, Хасавюртовского районов, в городах Махачкала, Хасавюрт, Буйнакск, Кизилюрт, Кизляр. Их общая численность в Российской Федерации около 9650 человек.

Начиная с Всесоюзной переписи 1939 г., чамалалы включаются в число аварцев. Существуют этнические группы: гигатлинцы, гакваринцы, имеющие локальные особенности культуры.

Соседями чамалалов на севере являются годоберинцы, на западе – чеченцы, грузины, на юге – аварцы, хваршины, на востоке – тиндалы, багулалы.

Территория расселения чамалалов простирается на 12 км по склонам левобережья р. Андийское Койсу по Южному скату Андийского хребта. Она изрезана ущельями, ручьями, сливающимися в р. Андийское Койсу. Южные склоны гор имеют обильный травостой. Здесь много полезных трав (клевер, тмин ползучий, эспарцет), в том числе злаковых (костер, батлачик, полевица, душистый колосок, овсяница).

Из животного мира на территории чамалалов встречаются разные виды грызунов, ящериц, змей, земноводных, водятся медведь, рысь, волк, лиса, заяц. Нашли себе приют в этих местах кабаны, туры, барсуки, куницы и т.д. Из птиц в изобилии водятся альпийские галки, ласточки, дикие голуби, орлы, вороны, грачи, кукушки, сороки, жаворонки. Охотятся чамалалы на куропаток, уларов, живущих на альпийских лужайках. Не редкость здесь также кавказский щур, стрижи, соловьи, синицы, в горных лесах водится также аварский тетерев (Физическая география... С. 306–307, 329–333).

Рис. 82. Улочка в селении Гигатль. (Из личного архива Гаджиева Г.А.)

Чамалалы относятся к кавкасионскому типу европеоидной расы. Они рослы и высоколицы, слабо профилированы в верхнем скуловом сегменте лица. Пигментация волос, кожи, глаз в целом ослаблена (светлая).

Язык чамалалов отпочковался от общего дагестанского праязыка в III тыс. до н.э. Он относится к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи языков. Общество “Чамалал” упоминается в источниках только в XVIII в., однако территория их заселена человеком с каменного века. Начиная с I тыс. до н.э. общество входило в состав федерации Дидури, а в последующем в политический союз Дидо. В состав союза сельских обществ Чамалал входили Гадириновское, Гакваринское, Цумадинское, Гигатлинское, Кенхинское сельские общества. Управление осуществлялось выборными старшинами, легко сменяемыми, если “оные не полюбятся”. Этот союз просуществовал вплоть до окончательного присоединения чамалалов к России в XIX в. После вхождения в состав России чамалалы были включены в ведомство начальника Каратино-Технуцальского участка Андийского округа. После революции, в 1929 г., был организован Цумадинский р-н, куда были включены все чамалалские селения за исключением сел. Кенхи и близлежащих хуторов, отошедших к Чечне.

Для чамалалов характерен скотоводческо-земледельческий тип хозяйства, в котором преобладает отгонная форма овцеводства, а земледелие играет второстепенную роль. Традиционно сеяли из зерновых: озимый ячмень, озимую пшеницу, кукурузу (начиная с XIX в.).

Рис. 83. Хутор Гъилиди (Чеченская Республика). (Из личного архива Гаджиева Г.А.)

Своего хлеба на целый год не хватало, и его приобретали на низменности, обменивая на продукты животноводства (сыр, масло, шкуры и т.д.). Развито было в горной долине и садоводство (яблоки, груши, сливы, абрикосы, хурма), и частично виноградарство. Большинство продуктов садоводства и виноградарства шли на обмен на хлебопродукты. В XIX в. стало развиваться и огородничество, продукты которого целиком использовались для своих нужд (чеснок, лук, перец, капуста, тыква, помидоры, огурцы).

До 1930 г. все чамалальские хозяйства были объединены в товарищества по совместному выпасу скота, а в последующем созданы колхозы, образование которых завершилось в первой половине 1938 г. На первых порах чамалальские колхозы оказались маломощны. Поэтому для организационно-хозяйственного укрепления хозяйств государство выделяло им большие суммы долгосрочных кредитов. Со временем они превратились в многоотраслевые с развитым полеводством, садоводством, животноводством в основном за счет полученных ими земель на равнине. Новым для чамалалов за годы советской власти стало развитие огородничества, виноградарства, а также разведение яков в сел. Кенхи, бывшее здесь основным направлением хозяйства. В 1978 г. сюда из высокогорий Киргизии привезли яков (сейчас их поголовье выросло до 15 000). Они хорошо прижились в условиях гор Дагестана и Чечни.

Многие чамалальские колхозы до последнего времени оставались нерентабельными. В 80-е годы XX в. в связи с переходом на новую систему хозяйствования все колхозы перешли на семейный подряд, что привело к высвобождению части рабочих рук. В связи с этим увеличился поток людей, уезжающих за пределы республики на заработки в Ростовскую, Астраханскую области, Ставропольский и Краснодарский края, Республику Калмыкию и др. Однако в 1990-е годы начался процесс реэмиграции.

Рис. 84. Пахотное орудие (рало). (Из личного архива Гаджиева Г.А.)

Традиционные типы поселений – селение (*гъа*) и хутор-отселок (*авал*, *микли гъа*). Поселения *гъа* были в прошлом территориально-соседскими общинами (полигенные). Для *гъа* характерны наличие сельского управления, постоянной сельской общины, места схода (общая площадь – *лье*), пятничной мечети, сельского кладбища. Такими селениями были Верхнее Гаквари, Нижнее Гаквари, Гигатли, Гадири, Кенхи, Цумада, Ричаганих, а в последующем и сел. Агвали.

Второй тип поселений – авал, или микли *гъа* – чисто территориальный. Такое поселение образовывалось выходцами из различных крупных поселений первого типа. Некоторые из них в силу своего благоприятного расположения превратились в XIX столетии в самостоятельные сельские общины (Агвали, Цумада, Урух). В зависимости положения от крупных оставались небольшие селения Гигих, Гавутли, Гачитли, Цуйди, Баглахатли. Они не имели своих кладбищ, у них не было места схода, пятничной мечети, а вопросы, касавшиеся их внутренней жизни, решались на сходах больших селений с участием представителей этих отселков. Хутора и отселки способствовали дальнейшему освоению новых земель, улучшению материального достатка горцев и т.д. (Османов М.О., 1988. С. 10–17).

По форме поселения являются кучевыми, в них различаются горный и горно-долинный виды. Селения первого вида отличаются скученностью, тяготеют к вертикальной застройке (Нижнее и Верхнее Гаквари, Ричаганих, Гигатли). Они имеют ступенчатую планировку в старой части, горизонтальную во вновь возникших кварталах на пологих окраинах поселений. В горно-долинных поселениях планировка горизонтальная, но скученная застройка (Кочали, Агвали, Гигатли, Урух и др.). В этих поселениях наблюдается почти стопроцентная занятость площади.

Основной тип жилища – одно-, двух- и многоэтажный дом, имеющий конструктивные различия и внешнюю несхожесть. Первоначальным типом было одноэтажное, однокамерное жилище, служившее для членов семьи всем – от кухни до спальни.

По мере развития и разрастания семьи дома стали расти ввысь, увеличилась их камерность. В многоэтажном доме первый этаж служил хлевом, а последний – сараем. Отдельно начали строить кладовую из дерева. По форме дома

Рис. 85. Мужчина в современном костюме из селения Ричаганах. Конец XX века. (Из личного архива Гаджиева Г.А.)

Рис. 86. Обувь из сыромятной кожи. (Из личного архива Гаджиева Г.А.)

строили квадратные, П-образные. Большинство домов имели галереи на высоких консолях, некоторые – лоджии. В связи с проникновением строительных материалов фабричного производства изменились конструктивные особенности, увеличились и расширились двери, окна домов. Традиционно основным строительным материалом служили камень, дерево, глина. В последнее время стены домов стали возводиться из самана, что является заимствованием у равнинных жителей Дагестана.

Основной материал для одежды – продукция животноводства. Со второй половины XIX в. начали пользоваться и привозным покупным материалом, который приобретали на базарах в селениях и городах: Хунзахе, Ботлихе, Темир-Хан-Шуре, Урус-Мартане, Шатое, Шали, Дербенте, Астрахани и т.д.

Мужская одежда состояла из нижней рубахи, штанов, бешмета, черкески, шубы, куртки-безрукавки, куртки с рукавами, бурки, овчинной папахи, обуви из сыромятной кожи и войлока, вязанных шерстяных носков. Атрибутами традиционной женской одежды были нательная рубаха, платье темной расцветки, штаны, различные шубы; головным убором служили чухта, платки.

С одеждой носили также различные украшения. У мужчин это был кинжал, серебряные или узкие медные пояса, газыри на черкеске. Женскими украшениями служили различные серебряные монеты, кольца, серьги-подвески, серебряные и медные цепочки, подвески, бусы из полудрагоценных камней, вышивки из цветных тканей (аппликации), широкие пояса из тканей ярких цветов, браслеты из стали, меди, серебра. Эти украшения выполняли эстетические и религиозно-магические функции.

Повседневным блюдом был хинкал. В пище использовались фасоль, горох. Главной едой являлся хлеб, который пекли ежедневно из пшеничной, ячменной, кукурузной муки на плоском камне-плите, в последующем – на сковороде. На ней же пекли лепешки с сыром, крапивой, творогом, мясом, картошкой. Из муки готовили различные каши с молоком или без него. Кашу приготавливали также из толокна. Делали урбеч. Продукты заготавливали впрок – сушили мясо, делали колбасу с добавлением съедобных лекарственных трав (мята, тмин, тимьян, чабрец) и т.д. Из напитков готовили хмельную бузу.

Кухонную посуду – ложки, миски, корыта для замешивания теста, шумовку и т.д. – готовили местные мастера из дерева. Дорогостоящую посуду из металла приобретали на базарах Хунзаха, Агвали, Ботлиха, Темир-Хан-Шуры и других мест. Она обычно вывешивалась на стене помещения, придавая жилью определенный горский колорит.

В формах семьи преобладала малая двухпоколенная нуклеарная семья. Средний состав ее четыре–пять человек. Предпочитали родственные, в том числе кузенные браки (эндогамия). Горянка в семье обладала правами почти наравне с мужчиной. В семейных отношениях существовали строгие этикетные нормы подчинения младших старшим, женщин – мужчинам.

В свадебной обрядности чамалалов много общедагестанских черт. Можно отметить обычай давать окончательный ответ стороной невесты только после третьего посещения сватов, обряд “закрепления” сговора с посещением невесты сестрой жениха с кольцом и серьгами, а затем тремя его родственниками с бараном, на рогах которого были платок, платье. Для свадебных церемоний характерны проведение обряда “покупки” невесты отдачей названного выкупа, демонстрация невестой нежелания уходить из родительского дома, привязывание подружками невесты к одежде представителей жениха разных тряпок и высмеивание их. Во дворе невесты разыгрывалась и сценка “выбора” невесты. Для этого наряжали несколько девушек – ровесниц невесты. Представитель жениха, главным образом

его брат или друг, должен был указать на невесту, которая находилась тут же. Если он не угадывал, то платил штраф. Самый близкий друг жениха вел здесь шуточный диалог с девушками – родственницами невесты. Они отпускали колкости в адрес пришедших, жениха и его родственников. В это время друг давал деньги всем участницам этой процедуры. Перед самой отправкой обратно в дом жениха они набрасывались на парней – жениховых представителей – с деревянными ножами, рвали на них одежду, царапали лицо.

Для свадьбы чамалалов характерны оригинальное присловье при мазании лица невесты: “чтобы выиграла в хозяйстве и проиграла мужу”; в отличие от большинства других жителей Дагестана, участие жениха и невесты в свадебных торжествах и веселье; обычная борьба невесты с женихом в брачную ночь и установление катка на крыше “на попу” в случае неудачи жениха; при посещении родника мазание лица невесты курдючным жиром в целях защиты от зла и обеспечения достатка (Гаджиев Г.А., 1988. С. 74–86; *Он же*, 1994. С. 3946).

Родильная обрядность обставлялась множеством запретов и предписаний для роженицы и ее родственников. Выполнялись все прихоти беременной женщины. Рождение мальчика отмечали торжественно, а рождение девочки иногда оставалось незамеченным.

В похоронном ритуале преобладала мусульманская обрядность. Хоронили умерших в день смерти, а если умер после обеда, то похороны откладывали на следующий день.

В обрядности отмечают самоистязания (вплоть до увечий) женщин (матери и сестер) при смерти молодого человека; специальные плакальщицы – ведущие и импровизаторы, чаще всего это матери недавно умерших (особенно погибших) сыновей; обычная форма выражения траура и принятия соболезнования (мужчины во дворе, женщины в доме), черная одежда для женщин, повседневный костюм и небритость для мужчин, неучастие в увеселениях, которые откладывались во всем ауле до специального разрешения старшего родича покойного (если свадьба совпадала с днями траура и все приготовления уже завершены – зарезан скот, испечен весь хлеб, приглашены участники, особенно из других мест, тогда старший родич покойного сам шел к отцу жениха и просил его не откладывать, или продолжить торжество; так делалось во всем Дагестане) (*Он же*, 1988. С. 96–97, 99–101).

Общественный строй представлял собой симбиоз пережитков родового строя и феодализма. В XVIII в. чамалалы податей не платили и управлялись выборными старшинами. Внутри чамалальского общества происходило имущественное расслоение. Были состоятельные горцы – свободные уздени, в частной собственности которых имелись основные массивы пахотных земель, сенокосов, большая часть садов, поголовье скота. Были и лично свободные горцы, но с маленькими участками пахотных земель, им своего хлеба не хватало, и они работали на состоятельных горцев. Земельные угодья, движимость и недвижимость находились также в вакуфном владении. В обществе были и бесправные неимущие горцы, бывшие рабы (*нисуди, хъазахъ*), которые служили у состоятельных крестьян.

Высшим органом власти являлся сельский сход, на котором решались все важные вопросы. Право голоса на сельском сходе имели все мужчины, достигшие 16-летнего возраста.

Судопроизводство осуществляли местные духовные лица на основании норм адатов и шариата. Главной задачей суда было примирение тяжущихся сторон, поэтому он назывался третейским, маслагатным. Вопросы семейно-бытового характера решали на базе шариата, а все остальные – адата.

Значительное место в общественной жизни занимал обычай кровной мести, выступавший с древнейших времен регулятором взаимоотношений между разными общинами и отдельными лицами. Кровная месть соблюдалась неукоснительно при преднамеренном убийстве, нанесении оскорбления, вредительстве. Она распространялась на мужскую часть родственников от 16 до 60 лет.

В общественной жизни большая роль отводилась обычаю взаимопомощи. Он практиковался при строительстве дома, при уборке урожая, пахоте, свадьбе, во всех трудовых работах. Важным звеном в сфере общественных отношений было гостеприимство. Каждый горец рад гостю в любое время года и суток, откуда бы он ни явился. Существовал свод нравственных и этикетных норм по приему и проводам гостей, призванный удовлетворить потребности пришедшего, помочь ему решить задачу, ради которой он прибыл в данный населенный пункт.

Было развито также куначество. Кунак – почти родственник, который разделяет с семьей радость и горе; как член семьи он может в любое время прийти в дом без предупреждения, и это отмечается весьма торжественно. Кунаки бывают наследственные и вновь приобретенные. Они часто обмениваются дорогими подарками, называют своих детей именами своих кунаков.

Существенный элемент культуры чамалалов – народная медицина. В ней широко использовались лекарственные травы: зверобой, тмин, чабрец (тимьян ползучий), крапива, конский щавель, мята и др. Широко было распространено и знахарство. Знахарями выступали в основном служители религиозного культа, а также некоторые сельчане, разбиравшиеся в психологии простых людей. Основной метод лечения заключался во внушении и самовнушении; он имел форму психотерапии и принимал магическую окраску.

В 1911 г. в сел. Агвали открыли первую больницу на шесть коек. Естественно, она не решала проблему охвата всего населения врачебной профилактикой и лечением болезней. Уже в советское время, в 1974 г. в Агвали построили специальную больницу на 135 коек, а также поликлинику, где имелись лаборатория, физкабинет с новейшим медицинским оборудованием. В том же году были открыты роддом, а также женская консультация, а с 1986 г. в селении функционирует зубоврачебный кабинет. В 1960-е годы были организованы медпункты в селениях Цумада, Гигатли, Гадири, Кенхи, Верхнее и Нижнее Гаквари. Сейчас охраной здоровья чамалалов занимаются 19 врачей, из них 12 – с высшим образованием, в том числе хирург, невропатолог, психолог, стоматолог, кожно-венеролог, гинеколог и др. За пределами Дагестана известно имя М. Абдулхабилова, работающего в Москве в области травматологии; пользуется уважением заслуженный врач, кардиолог Марьям Кахиева, чамалалы благодарны хирургу Ахмеду Магомедову и др.

До революции у чамалалов не было грамотных, за исключением мусульманских духовных лиц, умевших читать и писать по-арабски. В 1950-е годы в сел. Агвали работали учебно-консультационный пункт республиканской заочной школы и вечерняя школа. В 1949/1950 учебном году организована средняя школа в сел. Агвали, в 1955–1956 г. – в сел. Нижнее Гаквари, в том же учебном году в сел. Верхнее Гаквари открыта школа-интернат. Первоначально в этих учебных заведениях преподавали приезжие из России. Добрыми словами вспоминают чамалалы педагогов Н.М. Дедюгину (сел. Агвали), И.В. Турьянского (сел. Гадири), Е.И. Иванову (сел. Нижнее Гаквари), Е.А. Чечеткину (сел. Гигатли) и др. Чамалалы гордятся своими заслужившими народную похвалу учителями во всех школах. В настоящее время в чамалальских селениях Верхнее и Нижнее Гаквари, Гигатли, Кенхи, Агвали функционируют средние учебные за-

ведения. Восьмилетняя школа имеется в сел. Гадири, начальные школы – в селениях Цумада, Ричаганих, Гигих, Цидатли, Цумада-Урух, Гигатли-Урух, Гачитли и др. К услугам чамалалов вечерняя и заочная школы. Учителей с высшим образованием у чамалалов насчитывается 165 человек, со средним специальным образованием – 61, что составляет соответственно 62,8 и 43,0% от общего числа учителей Цумадинского р-на.

Успехи в области образования можно проиллюстрировать на примере сел. Гигатли. До революции здесь не было ни одного человека с высшим образованием. Сейчас практически все взрослое население является грамотным, около 100 человек имеет высшее образование, четыре человека – ученую степень кандидата наук. Сейчас в селении функционирует средняя школа, где обучение ведут специалисты, родившиеся в Гигатли, два учителя имеют звание заслуженный учитель школы Республики Дагестан; при школе имеется группа продленного дня, интернат на 125 мест, заочная школа. В селении работают библиотека, дом культуры, музыкальная школа и т.д. Развитие духовной культуры Дагестана связано с именами заслуженных артистов республики З. Газимагомедовой, М. Абакарова и др.

Богато представлено духовное наследие чамалалов в обрядах, традициях, обычаях, имеющих древние корни и сохраняющих в отдельных случаях этническую специфику. В производственной деятельности это был обряд “вызова” дождя. Во время засухи все жители селений шли к озеру около гадаринской горы АнчИл муцц, резали жертвенного жеребенка, кровь пускали в озеро, голову также бросали туда и читали молитвы, обращенные к божеству, чтобы тот послал дождь. Интересные обряды существовали в свадебном ритуале. Во время посещений родственниками жениха родственников невесты в доме последних молодежь, особенно девочки, привязывали к одежде пришедших разные тряпки и подсмеивались над ними.

Связь чамалалов с другими народами и прежде всего с аварцами уходит в глубь веков. Аварцы арендовали земельные угодья чамалалов. Особенно тесные связи были с обществом Ункратль, население которого считается выходцами из аварских обществ. Много у них общего в традиционной культуре. Поддерживали чамалалы связь и с чеченцами. Нынешнее чеченское сел. Чадыри некогда считалось чамалальским. Межнациональные браки между чеченцами и чамалалами заключаются и в наши дни. Чеченцы-земледельцы помогали чамалалам, снабжая их зерном в обмен на продукты животноводства. Интенсивные связи существовали между чамалалами и годоберинцами. Свидетельство тому – общность святыни Анжука, находящейся в сел. Годобери. Жители сел. Гигатли считают Анжука своим сельчанином, якобы по воздуху перелетевшим в Годобери.

Чамалалы имели контакты с лакцами. Широкой популярностью пользовались у них керамические изделия, с которыми приходили к ним торговцы из селений Балхар, Кумух. Свои ювелирные изделия привозили к чамалалам и кубачинцы. Чамалалы приобретали саженцы для своих садов в лезгинском сел. Касумкент. Существовали давние связи и с грузинами; происхождение многих тухумов чамалалов связывается с выходцами из Грузии. Здесь оседали как пленники грузины, приведенные после набегов, так и оказавшиеся по другим обстоятельствам.

У чамалалов много нерешенных вопросов. Существует проблема разъединения единого этноса. Часть чамалалов, как уже отмечалось, проживает в Шатойском р-не Чеченской Республики, а подавляющее их число – в Цумадинском р-не Республики Дагестан. Такая разобщенность приводит к утере многих

этнических ценностей, ослаблению этноса, его генофонда, культурной самобытности.

Имеются значительные трудности и в решении языкового вопроса. Чамалалы – бесписьменный народ. Для них характерно трехязычие. Дети, достигшие школьного возраста, изучают аварский, затем на его основе – русский и наконец на базе русского – один из иностранных языков. Чамалальский язык превратился в чисто бытовой, он оскудевает, становится беднее его словарный фонд. Несмотря на трудности, чамалалы занимают достойное место среди дагестанцев по созданию и умножению национального богатства своей республики.

ДИДОЙСКАЯ ГРУППА

БЕЖТИНЦЫ

Бежтинцы общего самоназвания не имеют. Бытуют самоназвания по наименованиям селений. Принятое название субэтноса – по главному селению Бежта. Это один из малочисленных народов аваро-андо-цезской группы в Дагестане. В письменных источниках и историко-этнографической литературе известны как капучинцы, реже как *калаки* (груз.). Представители андийской группы народностей называют их “хъванал”, т.е. “лошадники”.

Этническая территория бежтинцев находится в Западном высокогорном Дагестане, поселения их расположены по левым притокам р. Аварское Койсу, в отрогах Главного Кавказского и Богосского хребтов. С юго-запада они граничат с цезами, гунзибцами и гинухцами, с юга – с цезами, с востока – с аварцами. Это население селений Бежта, Хашархота, Глядал и окружающих их хуторов Цунтинского р-на. Одна часть бежтинцев с XVI–XVII вв. живет в Грузии, другая уже в советский период переселилась на Кумыкскую равнину. Незначительное число бежтинцев отмечается среди иных аваро-андо-цезов, в городах Республики Дагестан и Российской Федерации в целом.

Как этнос бежтинцы представляют собой народность, частично ассоциированную с аварцами. С соседними народами отношения исторически мирные, деловые, добрососедские; столкновений на этнической почве не было.

Территория расселения бежтинцев – высокогорная природно-географическая зона Дагестана. Это сильно пересеченная гористая местность с глубокими ущельями и довольно обширными речными долинами, покрытая альпийской и субальпийской растительностью, а также изобилующая лесами (смешанными, в основном – хвойные деревья).

В антропологическом отношении бежтинцы являются представителями кавкасионского типа большой европеоидной расы. Характерные черты: высокий рост, светлая пигментация, вытянутая форма головы, узкое лицо.

Говорят бежтинцы на бежтинском языке, который относится к цезской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи языков. В нем различают три диалекта: бежтинский, хашархотинский и тлядалский. Между первым и третьим диалектами существуют значительные отличия, хашархотинский занимает между ними промежуточное место (Бокарев, 1982. С. 10). В науке бытует мнение, что бежтинский и гунзибский языки можно рассматривать как диалекты капучино-гунзибского (хванского) языка. Большинство населения владеет аварским (это язык межнационального общения у аваро-андо-цезской группы) и русским языками. Многие представители среднего и старшего поколения свободно говорят по-грузински, что объ-

Рис. 87. Селение Бежта. (Из личного архива Лугуева С.А.)

Рис. 88. Селение Хашархота. (Из личного архива Лугуева С.А.)

ясняется исторически сложившимися торгово-экономическими и политическими отношениями с Грузией. Часть бежтинцев знает гунзибский и гинухский языки на разговорно-бытовом уровне.

Численность народности постоянно менялась, что объясняется совокупностью условий жизни. Согласно грузинским источникам, бежтинцы в случае необходимости могли выставить до 1000 пеших и конных воинов. Следовательно, к XVII в., к которому эти источники относятся, общее число капучинцев равнялось примерно 5 тыс. человек. Позднейшие разрозненные данные позволяют нам говорить о динамике численности народа, имея при этом в виду только жителей, проживающих на этнической территории. С 1866 по 1916 г. число бежтинцев возросло с 1700 до 4050 человек, т.е. в 2,5 раза (Заикин, 1917. С. 22). В 1866 г. их насчитывалось 1708 человек, в 1886 г. – 2697, в 1894 г. – 2946 (Ибрагимов, 1981. С. 101, 102, 104). Иначе говоря, прекращение военных действий, набегов, военных столкновений и стычек приводило к медленному, но неуклонному росту населения. Данные показатели, можно полагать, были бы заметно выше, если бы не большая смертность среди детей. Говоря об этом, нельзя сбрасывать со счетов и тот фактор, что продукты животноводства и земледелия бежтинцы получали путем значительных усилий и затрат сил, здоровья и энергии. Отходничество и переселения – постоянные спутники и без того малочисленного народа. Не случайно, к первым десятилетиям XX в. численность бежтинцев оценивается уже в 2500 человек, на 1 января 1938 г. – 2800 (Ибрагимов, 1991. С. 112). Позднейшие официальные статистические сведения отсутствуют, так как в последующих переписях населения все народы андо-цезской группы записывались как аварцы. Тем не менее, по оценке социологов и этнографов, численность бежтинцев в Дагестане и Закавказье была следующей: 1940 г. – 4,5 тыс. человек, 1944–1945 гг. – 4 тыс., 1957–1958 гг. – 3,5 тыс. (увеличение миграции), 1965 г. – 4,5 тыс., 1975 г. – 6, 5 тыс. человек.

О происхождении бежтинцев, как и других дагестанских народов, говорить весьма затруднительно. Основой для образования горских племен Дагестана, в том числе и конфедерации племен Дидо, в I тыс. до н.э. послужили субобшности, на которые начиная с III тыс. до н.э. стала распадаться восточнокавказская этнокультурная общность. Позднее, уже в середине XV в., из конфедерации Дидо выделились как самостоятельный субэтнос и бежтинцы.

Первые свидетельства о племенах на северных склонах Главного Кавказского хребта (в том числе и о бежтинцах) относятся к начальному периоду (первым векам) нашей эры. Племена андо-цезов были известны античным авторам под общим наименованием “дидуры” (Страбон, Клавдий Птолемей, Плиний Старший и др.). Дальнейшее их пребывание на тех же территориях засвидетельствовано средневековыми армянскими, сирийскими, арабскими, грузинским и другими авторами.

Весьма ценный и достаточно обширный материал, характеризующий культуру и социальную структуру бежтинцев в раннем средневековье, дает инвентарь Бежтинского могильника. Так, обнаруженные в женском захоронении предметы воинского вооружения позволяют судить об общественной и социальной роли женщины. Богатство разновидностей доспехов и оружия говорит, в частности, о том, что вместе с другими племенами бежтинцы в составе объединения Дидо принимали участие в военно-политических событиях того времени в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе (Пикуль, 1956. С. 72; Атаев, 1961. С. 287–288).

По свидетельству древних и средневековых авторов, бежтинцы как союзники Албании, выступали против иранской экспансии в Закавказье. По просьбе

грузинских правителей бежтинцы и другие горцы могли выставить десятки тысяч воинов-наемников (*Магомедов Д.М.*, 1975. С. 98).

Временами бежтинцы вместе с прочими горцами Кавказа попадали в зависимость от правителей Грузии. Так было в период усиления централизованного государства Грузии при Давиде IV Строителе (1089–1125 гг.), а также в период правления царицы Тамары (1184–1213 гг.). Горцы платили Грузии значительные подати, что приводило к неоднократным восстаниям, которые жестоко подавлялись.

Зависимость от Грузии была непродолжительной. Вторжение в страну орд Чингисхана в начале XIII в. и полчищ Тимура в конце XIV вв. привели к ослаблению Грузии, что облегчило горцам Дагестана освобождение от гнета (*Лугуев, Магомедов*, 1994. С. 16).

В XV–XVI вв., в силу совокупности внутренних и внешних социальных и военно-политических причин, этнополитическое объединение Дидо распадается. Результатом этого, в частности, было образование на территории Западного Дагестана самостоятельных союзов сельских общин и их федераций. Одним из самых сильных в военно-политическом отношении союзов здесь в XVI – начале XVII в. стал Анцухо-Капуча, в состав которого наряду с анцухцами и гунзибцами входили и бежтинцы. В середине XVIII в. этот союз распался на отдельные военно-политические единицы Анцух и Капуча (*Норденстам*, 1958. С. 323).

На протяжении всего позднего средневековья взаимоотношения бежтинцев с Грузией были мирными, взаимовыгодными. Бежтинцы свободно спускались в Кахетию для занятия торговыми делами, в поисках заработков и т.д.. Значительная часть скота бежтинцев на зиму перегонялась на арендованные пастбища Алазанской долины. Напряженность во взаимоотношениях горцев с Грузией наступала обычно в связи с ирано-турецкой экспансией на Кавказе или как следствие колониальной политики царизма.

В начальный период движения горцев Северо-Восточного Кавказа за независимость, в первой половине XIX в., народы Северо-Западного Дагестана в этой борьбе участия не принимали. Однако жестокая политика царизма по отношению к горцам, их торгово-экономическая блокада привели к тому, что придерживавшаяся нейтралитета часть горцев, в том числе и бежтинцы, активно втянулась в войну на стороне Шамиля с 40-х годов XIX в.

После окончания Кавказской войны бежтинцы, как и другие дагестанцы, вошли в состав Российского государства с административным статусом Бежтинского округа Дагестанской области. С 1861 г. они находились в Бежтинском наместничестве Гунибского округа. В советское время вместе с цезами, гунзибцами и гинухцами бежтинцы оказались в составе Цунтинского р-на ДАССР, а с 1993 г. образовали Бежтинский участок Цунтинского р-на Дагестана.

Бежтинцы, как и прочие горцы, входят в Дагестанскую историко-культурную область, которая является частью Кавказской историко-культурной провинции. Этническая территория этого народа представляет собой часть хозяйственно-культурного ареала отгонных скотоводов и пашенных земледельцев (*Османов М.О.*, 1996. С. 237–239). Они разводили овец главным образом дидойской породы, а также аварской, андийской и тушинской пород, коз, коров и быков малорослой горской породы, лошадей дагестанской породы. Орудием вспашки у бежтинцев был деревянный безотвальный горский плуг с тяжелой деревянной подошвой и железным сошником. Взаимозависимость между скотоводством и земледелием прослеживается очень слабо, скотоводство при этом преобладает. Пашенные участки располагались на нетеррасированных склонах гор или на ровных, незатопленных участках речных долин. В народной агротех-

нике преобладали плодосменная система и пар. Наиболее распространенной зерновой культурой здесь традиционно являлся ячмень, сеяли, кроме того, рожь, бобовые. Кустарные промыслы в подавляющем своем большинстве были призваны обслуживать внутренние потребности общества. В межсезонье большая часть мужского населения искала дополнительных заработков в Грузии, Азербайджане, на плоскости Дагестана и др.

Общественно-экономические, административно-политические и другие преобразования советского времени коренным образом изменили хозяйство, быт и культуру бежтинцев. Собственность на землю практически была постепенно ликвидирована, возникла коллективная форма организации хозяйства; сельскохозяйственный труд, процесс производства в своей основе уже утратили индивидуальные черты и рассматривались как составная часть процесса производства республики (через соответствующие промежуточные звенья). Общее благосостояние народа, тем не менее, возросло, чему способствовали индустриализация республики и механизация сельского хозяйства. Последнее у бежтинцев развивалось как многоотраслевое: животноводство дополнялось полеводством, садоводством, бахчеводством, главным образом на равнине в прикутаных хозяйствах.

Большим испытанием для бежтинцев явилась Великая Отечественная война 1941–1945 гг.. Они достойно проявили себя как на фронте, так и в тылу, многие пали на полях сражений.

Влияние городов, городской жизни и культуры на жизненный уклад бежтинцев оказалось весьма значительно, особенно с 1950–1960-х годов. Проводниками городской культуры и городских элементов до сих пор выступает главным образом молодежь, проходящая вне селений военную службу, обучающаяся в городах, на профессиональных курсах, в училищах, техникумах и вузах. Все эти процессы привели, в частности, к росту числа межнациональных браков, в какой-то мере вносящих изменения в этнодемографическую ситуацию.

Показывая основные направления историко-культурного и хозяйственного развития бежтинцев, следует упомянуть и о структуре их традиционного общественного устройства. Капучинский союз сельских общин, куда входил данный народ, вместе со своими соседями представлял собой военно-политическое образование, выступавшее как единое целое в случае угрозы извне. В подобных ситуациях собиралось всесоюзное ополчение, состоявшее из вооруженных мужчин всех джамаатов и предводительствуемое выборным военачальником. Вопросы, так или иначе касавшиеся всех обществ союза (объявление войны, организация отпора агрессору, заключение мира, недоразумения по поводу границ, угодий, имущественно-правовые претензии джамаатов друг к другу и т.д.), разбирались собранием представителей обществ союза, собранием старейшин каждого из джамаатов союза или общим собранием всех мужчин-воинов (в зависимости от важности вопроса и сложности ситуации).

В состав союза входили равноправные общества, каждое из которых имело свою территорию, свое сельское управление и свой свод обычно-правовых установлений – адатов. Общества – джамааты – были социально однородными. Как и в других союзах общин Дагестана, они состояли из узденских семей, самостоятельных и независимых, каждая из которых являлась собственницей пахотных, сенокосных участков, дома с хозяйственными постройками и домашним имуществом, того или иного количества скота. Пастбища, часть сенокосов, леса, водоемы, источники и пустоши считались коллективной собственностью общины-джамаата. В среде бежтинцев выделялась феодализирующаяся прослойка из членов сельского управления, а также зажиточных скотоводов и земледельцев.

Нельзя не отметить, что особенности общественного быта бежтинцев наряду с другими факторами (природные, экономические, исторические) наложили свой отпечаток на формирование характера народа – носителя определенных традиций. Исследователи считают, что бежтинцы, как и прочие горцы Дагестана, храбры, отважны, самолюбивы, довольно вспыльчивы, великодушны и щедры, несколько самоуверенны и заносчивы. Следуя требованиям традиционных норм межличностного и группового общения, в беседе бежтинцы склонны подчеркнуть расположенность и уважение к человеку, к собеседникам, к встречаемой ими группе лиц. Такие стародавние обычаи, как почитание старшего по возрасту, подчеркнутое уважение к пришельцам и гостям, терпимость к иноэтническим обычаям и оценочным критериям, а также ярко выраженное чувство ответственности и солидарности по отношению к родственникам, односельчанам, землякам присущи бежтинцам и сегодня.

Традиционно с давних времен для бежтинцев характерна малая простая семья. До первых десятилетий XX в. сохранился распространенный некогда пережиточный тип большесемейной организации – неразделенная семья (совместное проживание со своими семьями отца с несколькими сыновьями, ведущих общее хозяйство). Следует оговориться, однако, что бытование таких семей в XIX в. и позже объясняется не столько стойкостью пережитков, сколько эпизодической целесообразностью подобной семьи при малоземельном, мелком, многоотраслевом хозяйстве с отгонами скота на летние альпийские и зимние грузинские пастбища и развитым отходничеством. Это обстоятельство уже нами отмечалось и будет отмечаться в дальнейшем при характеристике неразделенной семьи того или иного этноса, группы этносов.

Как и в наши дни, в XIX – начале XX в. семья бежтинцев состояла главным образом из родителей и их детей. Членами семьи могли быть также отец и мать мужа, иногда его несовершеннолетние брат и сестра. Традиционно и в настоящее время бежтинская семья в основном среднететная: в большинстве семей имеется два–три ребенка, бытуют семьи с четырьмя и пятью детьми, есть и одноплетные семьи. Преобладающей формой брака был брак сватовством по инициативе родителей. В предсвадебных и послесвадебных традиционных обрядах больше общеаварского и общедагестанского (сватовство, тайные встречи молодых в присутствии родственницы невесты, цикл запретов и избеганий, перевод невесты в дом жениха, пребывание “в другом доме”, заключение магара, свадебный церемониал, приобщение молодой к новой семье, к дому, послесвадебные запреты и избегания и пр.). Традиционно бытовали, хоть и редко, такие формы брака, как умыкание, бегство молодых, обменный брак, отработочный брак, формы левирата и сорората. Изредка практиковалось и многоженство, прежде всего двоеженство. В XIX в. у бежтинцев иногда наблюдались такие формы брака, как люлечное и утробное обручение.

В семье господствовали патриархальные отношения. Зависимость, подчиненность жены мужу были в большей степени традиционно-адатными, чем фактическими. Значение и роль хозяйки, несущей на своих плечах значительную часть хозяйственной нагрузки, домашних забот и хлопот по воспитанию детей, были огромными. Практически все более или менее важные вопросы семейной жизни (женитьба сына, выдача замуж дочери, строительство дома, продажа или покупка участка, скотины и т.д.) решались с одобрения жены. Дарения и подарки родственников при замужестве, куда нередко входили земельные или покосные участки, крупный рогатый скот, овцы и прочее, составляли неотъемлемую собственность жены. Поэтому она чувствовала себя спокойно и уверенно, пользовалась значительной свободой, уважением и почитанием домочадцев.

Главой семьи являлся мужчина – муж и отец. В среде бежтинцев, как и у многих народов Кавказа, Средней Азии, стран мусульманского Востока соблюдались нормы и обычаи, известные в этнографической литературе как избегания и семейные запреты, ограничения. Генетически восходя к ранним формам организации семьи и межсемейных отношений, эти обычаи, утратив свое изначальное содержание, превратились со временем в нормы морально-этического порядка.

Отдельные фрагменты семейно-обрядовых действий носили местный характер. Так, родственницы невесты на свадьбе внимательно следили за тем, чтобы кто-либо из пришедших не навел на новобрачную порчу, а именно не бил бы в барабан или бубен с их обратной стороны, не рассыпал бы соль в помещении, где находилась невеста, а тем более в комнате, отведенной для уединения молодых. Навести сглаз, порчу, по народным поверьям, можно было, разбросав по углам комнаты гнилые фрукты; посыпав на одежду высушенную и размельченную тушку ящерицы какого-то особого вида; попробовав пищу со всех блюд, подаваемых гостям, не произнеся “бисмиллах”; отрывая от своей одежды пуговицы и закладывая их себе же в обувь, под ступню, и др.

Местные, специфические особенности наблюдались и в обрядах детского цикла, и в обрядах, связанных с беременностью женщины. Например, считалось, что если новорожденного мальчика обмыть, обтереть молоком ослицы, то он в зрелом возрасте обретет необыкновенную мужскую потенцию; если то же самое проделать с девочкой, она вырастает красавицей. К часто плачущему мальчику на короткое время в колыбель подкладывали девочку, а плаксивую девочку обсыпали лепестками цветка *дьегьин*, цветущего в расщелинах скал до наступления холодов. Для того чтобы ребенок родился без физических изъянов, женщина как можно дольше смотрела на отражение безоблачного неба в воде. Приходя к односельчанке или родственнице с поздравлениями по поводу рождения девочки, женщины втыкали в притолоку комнаты, где находился ребенок, иголку. Через девять месяцев бабушка ребенка, его тетя или старшая сестра, собирали все эти иглы и втыкали их в лошадиный навоз в виде катыша, который затем закапывался в землю как можно дальше от селения. Верили, что после подобных операций девочка на всю жизнь будет гарантирована от воздействия злонамеренных духов и чар.

Если ребенок впервые становился на ноги на глазах отца, тот легким шлепком опрокидывал малыша на пол. Если при этом ребенок самостоятельно вставал, родители организовывали раздачу в селении лепешек. В противном случае отец и мать ребенка на некоторое время отдавали его в другую семью (родственников, соседей, друзей). Через три–пять дней малыша приносили домой и ждали, когда он сам поднимется, и все начиналось сначала до тех пор, пока ребенок не вставал на ноги повторно.

В современной семье, строящейся на равноправии супругов, роль мужчины как главы семьи, по традиции, остается прежней. Сохраняется также традиция почитания старшего.

Традиционные поселения бежтинцев – это селения, характеризующиеся скученной многодворной застройкой, с квартальным делением (Материальная культура аварцев, 1967. С. 112–130). Непременные атрибуты поселения – место схода, мечеть, кладбище. Исторически селения росли из небольших поселений раннего средневековья. У каждого из бежтинских селений имелись свои хутора. На них содержался скот, вокруг хуторов были разбросаны сенокосы и пахотные участки. В общественно-политическом плане селения бежтинцев – это сельско-общинные поселения раннефеодального типа, присущие союзам сель-

ских общин. Со стабилизацией политической обстановки новые строения селений возникают на более открытых, ровных участках, окружающих селение, нередко захватывая стародавние уголья джамаата.

Жилища бежтинцев – каменные, двух и более этажные (хлев–жилье, хлев–сеновал–жилье, хлев–жилье–жилье и другие варианты). Обилие в округе строительного леса предопределило значительное место в строительных конструкциях деревянных панелей, брусков, плетенок и пр. Крыши строений нередко покрывались колотыми дощечками (дранками) наподобие черепицы. Традиционный лоджийный тип строения постепенно сменился более просторным вариантом дома с верандой. Крыши сейчас, как правило, крыты шифером или жстью. Жилища нового типа по форме разнообразны. Тем не менее в каждом случае связь с традиционной строительной культурой так или иначе прослеживается. Изменилось и внутреннее убранство жилища. В традиционном жилище мебель почти отсутствовала, домашняя жизнь семьи проходила либо у очага (открытого, с XIX в. типа пристенного камина), либо на лоджии. Отдельные комнаты предназначались главным образом для хранения домашней утвари, продуктов и др. Интерьер современного жилища мало чем отличается от городского (современные мебель и посуда, теле- и радиоаппаратура, газовая печь на привозном газе, книги и пр.).

Особенности народной одежды бежтинцев были обусловлены хозяйственной жизнью и общественным бытом, культурными и экономическими контактами с другими горцами, географическими и климатическими условиями, а также вековыми традициями. Мужской костюм состоял из штанов на вздержке, туникообразной рубахи, бешмета, черкески, овчинных шуб, бурки и полусферической овчинной папахи. Самой распространенной обувью были вязаные шерстяные сапоги. Кроме того, мужчины имели и войлочную, и деревянную обувь. До XX в. на поясе носили кинжал. Голову мужчины брили, оставляли усы и бороду. Женская одежда состояла из платья-рубахи, платья других видов (типа бешмета, отрезные), узких длинных штанов, матерчатого пояса-повязки, наосника-чепца чухту, платков, шалей. Женщины имели тот же набор обуви, что и мужчины, за исключением кожаных сапог. Бежтинки носили серебряные украшения: серьги, кольца, браслеты, кулоны и пр. Современная одежда бежтинцев – это преимущественно одежда горожанина-дагестанца, россиянина. Представители старшего и среднего поколения часто носят папахи, нередко – брюки-галифе и кожаные сапоги с каблуками. Чухту и туникообразную рубаху с матерчатым поясом женщины носят редко, однако ярко проявляется приверженность к негромоздким традиционным серебряным украшениям.

Традиционная пища бежтинцев – мучная и мясо-молочная. Главные пищевые продукты – мука, жир, толокно, крупы, мясо, курдюк, молоко, масло, сыр. Основные традиционные блюда: хинкал нескольких разновидностей (с мясом, чесночной подливой, с сыром и др.), лепешки, пресный и кислый хлеб, тесто из толокна, каши, похлебки молочные и мясные, вареное мясо, сыр, пироги типа чуду (с мясом, зеленью, творогом и др.).

Современная пища бежтинцев характеризуется тем, что в рационе питания сохраняют свое значение традиционные блюда в сочетании с заимствованными у других народов Дагестана, Кавказа, России: соусы, сложные супы, котлеты, голубцы, плов и т.д.

Традиционные виды транспорта (вьючно-поклажные перевозки и верховое передвижение на лошадях, реже – на ослах, переноска груза на плечах, спине, волочение – сани-волокуши и ременно-канатное волочение) в быту сохранились, но занимают незначительное место. Транспортные дороги проложены к

каждому из селений, в хозяйстве широко применяются грузовые и легковые автомобили, мотоциклы, тракторы и др.

Религиозные праздники, в последние 70 лет отмечавшиеся в народе тайно или не отмечавшиеся вообще, получают “вторую жизнь” и распространяются повсеместно. Это день окончания мусульманского поста (Ураза-байрам), день поминовения покойных (Курбан-байрам), день рождения Пророка и др. Как и в былые времена, в эти дни в семьях накрывают праздничные столы; устраиваются коллективные моления, совершаются жертвенные раздачи продуктов и кушаний; люди всех возрастов с подарками и поздравлениями посещают друг друга. Широко отмечались раньше, в меньшей степени – в наши дни такие календарные праздники, как день первой борозды, дни встречи зимы, а также дни начала важнейших хозяйственных работ: вывоза навоза на поля, стрижки овец, доения овец, отгона скота на высокогорные местные или зимние закавказские пастбища, возвращение скота и др. В дни календарных праздников устраивались праздничные обеды, люди надевали лучшие одежды. Молодежь при этом нередко устраивала шествия ряженных, ходивших от двора к двору с поздравительными стихами-куплетами и др. Для народного быта характерны были увеселительные собрания (типа рудиментарно носящих следы “мужских союзов”, “женских союзов” либо сборища типа посиделок). Все они проводились по половозрастному признаку.

Народный фольклор – пословицы, поговорки, песни, баллады, сказки, плачи-причитания и другие сохранились и передаются на аварском и бежтинском языках. На протяжении столетий народ разработал местный сельскохозяйственный календарь и систему отсчета времени. При лечении болезней и заболеваний местные лекари пользовались рациональными приемами и методами, почерпнутыми из многовековой народной практики.

В среде бежтинцев, поздно принявших ислам, пережиточно бытовали домонотеистические представления. До новейшего времени сохранились элементы поклонения небу, земле, солнцу, луне, звездам, вершинам, водоемам и т.д. Бытовали поверья, связанные с чертями, джинами, вера в покровителя семьи Цини, в злых духов и демонов Къав, Рохо, Къаро и др.

Подавляющее большинство бежтинцев – верующие, они исповедуют ислам суннитского толка. Хотя этническая территория бежтинцев находилась в непосредственном соседстве с Грузией и представляла собой поле широкой деятельности для христианских миссионеров, христианство здесь заметного следа не оставило, как это было, к примеру, в центральной части Аварии. Тем не менее элементы поклонения кресту в религиозных представлениях бежтинцев вплоть до принятия мусульманства сохранялись, хотя в своей основе они носили характер язычества. Сведений о распространении тут мусульманства непосредственно арабами не сохранилось. В исторической литературе имеется сообщение о пребывании в 50-е годы VII в. в верховьях р. Самур полководца Хабиба ибн-Маслама, заключившего мирный договор с “дуданитами”. Ко времени арабского географа и историка аль-Масуди (X в.) бежтинцы ни от кого зависимы не были и считались язычниками. Даже авторы первой половины XVIII в. (Вахушти, Гербер) говорят о них как о язычниках.

В бежтинскую среду ислам стал проникать в начале XVII в. под давлением Хунзаха и Гидатля. Это был результат деятельности мусульманских проповедников, не затронувших, вместе с тем, глубин традиционных местных представлений. Окончательное утверждение в данном регионе ислама можно отнести ко второй половине XVIII в. С этого времени бежтинцы-капучинцы становятся ревностными проводниками новой религии среди цезских народов Дагестана.

Рис. 89. Группа женщин. Селение Бежта. (Из личного архива Лугуева С.А.)

Рис. 90. Солисты народного ансамбля "Бежта". (Из личного архива Лугуева С.А.)

В селениях Бежта и Тлядал были построены мечети. В мектебах и медресе, открытых при этих мечетях, обучались дети со всех концов Северо-Западного Дагестана. Мусульманство сыграло прогрессивную роль в культурной жизни и культурном развитии общества. Арабские язык и письменность дали народу возможность познакомиться с восточной философией, с мировыми достижениями астрономии, математики, географии и др. Со временем здесь появились свои богословы, ученые-арабисты, знатоки Корана и мусульманского права. Созданная на основе арабской графики аджамская письменность позволила бежтинцам писать и читать на своем родном и на аварском языках.

Значительная часть современных бежтинцев проживает в городах республики. По состоянию на 1990 г., около 200 семей обосновались в Махачкале, около 50 – в Буйнакске, более 250 – в Хасавюрте, 35 – в Кизилюрте, около 350 человек осело на равнине.

Значительно улучшились условия общения бежтинцев с другими регионами республики, Российской Федерации в целом, с народами Закавказья. В 1990-е годы на шоссейной дороге из столицы республики до сел. Бежта был благоустроен участок дороги Андах–Бежта протяженностью более 30 км. Завершено строительство дороги Шаури–Агвали, сокращающей и упрощающей связи бежтинцев с районами внутреннего Дагестана.

Большие успехи достигнуты в культуре и просвещении. На 1988 г. лишь 2,7% населения не умели ни писать, ни читать по-русски или по-аварски (т.е. не усвоили русский и национальный языки на базе русского алфавита). Однако почти 70% из них умели писать и читать на аджаме. 4,8% населения писали только по-аварски (на базе русской графики). 7,8% бежтинцев в указанный период имели начальное образование, 26,4 – неполное среднее, 28,7 – среднее, 20,3 – среднее специальное и 9,3% – высшее.

Народ гордится своими земляками, внесшими заметный вклад в науку и культуру, а также теми, кто прославился спортивными и другими достижениями. Это ученый-арабист и общественный деятель Кебед-Магомед, доктор филологических наук Мажид Халилов, кандидат педагогических наук Шамиль Вакилов, кандидат экономических наук Тажудин Гаджиев, кандидат медицинских наук Магомедсаид Исмаилов, бывший председатель колхоза с 20-летним стажем Магомед Шейхмагомедов, глава администрации Бежтинского участка Султан Абдулмеджидов, заслуженные работники культуры Дагестана Зухра и Халисат Гамидовы, заслуженный тренер Российской Федерации, чемпион мира по самбо Расул Алигаджиев, четырехкратный чемпион мира, чемпион Европы по самбо Гусейн Хайбулаев, чемпион Европы по ушу саньда Руслан Матиев, призер чемпионатов мира по вольной борьбе Шамиль Нажбудинов и многие другие.

ГИНУХЦЫ

Гинухцы – один из малых народов Дагестана, исторически в значительной степени ассоциированный с аварцами (самоназвание – *гъинози*, *гъенозе*. Аварцы называют их *гъенукъал*, бежтинцы – *гъенокъас*, *гъенокъалас*, грузины – *инохъели*. В большинстве своем народы Дагестана и Кавказа гинухцев от аварцев не отличают (некоторые относили их в прошлом к дидойцам). Живут гинухцы в Северо-Западном Дагестане, в нескольких километрах от северо-западной границы Грузии (Кахетия, Тушетия), у северных подножий Большого Кавказского хребта, на склоне горы Охтльо, в сел. Гинух (местн. – Гъино) Цунтинского р-на. По территории гинухцев протекают реки Барике-ихо, Атас-ихо и Бе-

шужаз-ихо – правые притоки р. Андийское Койсу. Не менее 25–30 семей проживают в Грузии, торгово-экономические отношения с которой у гинухцев традиционны. На юге граничат с грузинами, на востоке – с бежтинцами, на северо-западе – с цезами, на севере – с гунзибцами. В местностях Мичитль, Гьвади, Квекьяхо, к югу от селения, находились общеджамаатские хутора гинухцев для сезонного содержания скота. Летние пастбища с постройками для проживания людей и содержания скота были расположены в урочищах Хиротлб и Ихт-льгиго, в местностях Рогьос хьвен.

Территория проживания гинухцев – это область высокогорья (более 2000 м), с глубокими ущельями и крутыми склонами гор. Некогда довольно значительные лесные массивы основательно поределели, оставшись здесь в виде небольших участков. Склоны гор богаты растительностью, субальпийские и альпийские луга издавна благоприятствовали занятию скотоводством. Климат здесь довольно суровый, с холодными снежными продолжительными зимами и коротким жарким летом. Территория изобилует дикими животными и птицами.

В советский период часть гинухцев переселилась на Прикаспийскую равнину. В селениях Монастырское Кизлярского р-на и Стальское Кизилюртовского р-на Республики Дагестан насчитывается до 20 хозяйств гинухцев общей численностью более 100 человек. В 1944 г. гинухцы были переселены на родину (в принудительном порядке) в опустошенное и разоренное селение.

Гинухцы принадлежат к западному варианту антропологического типа дагестанцев, т.е. это классические представители кавкасионского типа. Говорят они на гинухском языке, входящем в цезскую подгруппу аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи языков. Этот язык занимает промежуточное положение между западными (цезский, хваршинский) и восточными (бежтинский, гунзибский) языками цезской подгруппы языков. Гинухцы – многоязычный этнос: кроме родного многие знают русский, аварский, цезский, грузинский, в меньшей мере – гунзибский, бежтинский языки. Письменность на аварском языке на арабской графической основе существовала с конца XVIII – начала XIX в., на русской графической основе – с 30-х годов XX в.

Свою этническую территорию гинухцы занимали примерно со второй половины I тыс. до н.э. С древнейших времен до позднего средневековья они входили в военно-политический союз Дидо. С XV в. гинухцы вошли в состав Анцухо-Капучиского союза конфедерации Антль-Ратль, а позже в составе Кидеринского сельского общества, являлись частью Дидойского (Цезского) союза сельских общин. После административных реформ 60-х годов XIX в. вошли в состав наибства с центром в сел. Кидеро (*Магомедов Д.М.*, 1981. С. 27–28; *Алиев Б.Т.*, 1999. С. 63–66). На протяжении всей истории гинухцы поддерживали тесные торгово-экономические и союзнические отношения с Грузией. Вместе с другими горцами Дагестана они принимали активное участие в борьбе с иноземными захватчиками, особенно против ирано-турецкой экспансии. С 40-х годов XIX в. гинухцы примкнули к освободительной борьбе горцев Дагестана и Чечни. Сел. Гинух было разрушено до основания. Число хозяйств в последней четверти XIX в. упало до 26 (*Козубский*, 1895. С. 236) против 100 в 1841 г. (*Норденстам*, 1958. С. 322). Активное участие гинухцы приняли также в антиколониальном восстании горцев в 1877 г. После его подавления одна часть из них переместилась в Турцию, Иран, другая была репрессирована и изгнана. На 1886 г. в сел. Гинух было 28 хозяйств с 157 жителями (ГАРД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 10, 11, 110, 114; Оп. 3. Д. 11. Л. 20). По данным Е.М. Шиллинга, в 1947 г. гинухцев насчитывалось уже 244 человека (*Шиллинг*, 1996. С. 21). В этих случаях речь идет о жителях Гинуха непосредственно, так как большая часть народа с 40-х годов XIX в.

Рис. 91. Хозяйственно-жилые комплексы, 1974 г. (Из личного архива Лугуева С.А.)

проживала вне пределов своей этнической территории. В общем же численность гинухцев менялась следующим образом: в 1866 г. – 755 человек, 1886 г. – 548, 1894 г. – 778, в 1916 г. – 863 человека (Ибрагимов, 1981. С. 101, 102, 104). В переписях 1926 и 1939 гг. гинухцы отнесены к цезам, а в последующих переписях брались на учет как аварцы. О динамике численности народа можно иметь общее представление по данным о населении сел. Гинух (в 1950 г. – 238 человек, в 1970 г. – 315, в 1979 – 368).

Как и другие народы Дагестана, гинухцы входят в Дагестанскую историко-культурную область – часть Кавказской историко-культурной провинции. Особенности зональной культуры, соответствующие хозяйственной специализации и природным условиям, привели к сложению определенного хозяйственно-культурного ареала. В этом плане гинухцы входят в высокогорный хозяйственно-культурный ареал отгонных скотоводов со следующими характеристиками: взаимосвязанность скотоводства и земледелия минимальна; скотоводство – на первом плане, для него характерны отгонные формы; земледелие в основном склоновое (не террасное), преобладание ячменя, ржи и бобовых в сельхозкультурах; домашний характер промыслов и развитость отходничества; преобладание лошади как вьючного транспорта; мучной и мясной характер пищи; ярко выраженные теснота поселения и многоэтажность жилища; значительность удельного веса хозяйственных построек скотоводческого характера; распространение в одежде овчинных шуб и шерстяной обуви и др. (Османов М.О., 1996. С. 237–239).

Основным занятием у гинухцев было скотоводство, главным образом овцеводство, с перегонами овец на летние и зимние пастбища. Традиционно развито также стойловое содержание скота на хуторах. Разводили коров малорослой горской породы, жирнохвостых овец тушинской породы, коз, занимались коневодством, ослов не разводили (Османов М.-З.О., 1990. С. 217, 218, 229, 230 и др.).

Рис. 92. Гинухцы. Начало XX века. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Рис. 93. Женщина в традиционном костюме. (Из личного архива Лугуева С.А.)

Главным орудием плужного земледелия был горский безотвальный деревянный плуг с тяжелой деревянной подошвой и железным сошником. На небольших пахотных участках преимущественно склонового типа выращивали ячмень, рожь, просо, овес, бобовые. В незначительных количествах сажали лук, чеснок, табак. В народной агротехнике использовались такие приемы, как плодосменный севооборот, пар, удобрение почвы. Полив почти не применялся. Разводили пчел, занимались охотой. Народные промыслы призваны были обслуживать главным образом внутренние потребности населения. Развитие получили выделка шерстяных сукон, паласов, мешков, переметных сум, войлока, вязание обуви и носков, а также кузнечное ремесло, обработка дерева и камня. Половозрастное разделение труда было жестко регламентировано. С конца XIX – начала XX в. скотоводство начинает все больше приобретать товарный характер. В советский период земля находилась в основном в колхозной собственности. Маломощные частные хозяйственные ячейки были заменены относительно крупным животноводческим хозяйством. При этом многие рациональные приемы и навыки в животноводстве и земледелии, сформировавшиеся в процессе многовековой деятельности многих поколений, оказались позабыты (например, районирование видов скота и земледельческих культур, орудий обработки земли). Но индустриализация и механизация сельского хозяйства заметно повысили продуктивность экономики, жизненный уровень населения. Современное хозяйство гинухцев – это часть агропромышленного комплекса республики (Ризаханова, 1991. С. 22–35).

Как член союза сельских обществ джамаат Гинух мог рассчитывать на защиту и поддержку со стороны союза в случае чьих-либо притязаний и агрессии, и точно так же ополчение гинухцев в составе союзного ополчения защищало интересы других джамаатов. В зависимости от важности решаемого вопроса гинухцы могли послать на сход двух–трех старейшин общества, всех его старейшин или всех мужчин – воинов джамаата. Отношения между гинухцами и прочими джамаатами союза регулировались кратковременными и долгосрочными соглашениями (о границах угодий, о совместном пользовании теми или иными угодьями, о взаимной ответственности в случаях ранений, убийств, *ишикиля* – насильственного взимания долга) и др. Подобные же соглашения заключались гинухцами и с иными, несоюзными джамаатами, а также союзами общин. Сами гинухцы как таковые составляли джамаат – общину с сельским сходом, старейшинами, другими членами сельского управления, со своим сводом обычно-правовых норм (адатов), с угодьями и пустошами джамаатской округи. Высшим органом общины был сход – собрание всех совершеннолетних мужчин общины. Повседневное управление осуществлялось старейшинами – главами тухумов, выполнявшими распоряжения схода с помощью нескольких исполнителей, сельского глашатая и дибира. Старейшины и дибир выполняли также и функции судей.

Судопроизводство осуществлялось на основе адата и по нормам мусульманского права – шариата (земельное, семейное, наследственное право). Прибегали гинухцы и к посредническим судам; как пережиток более раннего этапа общественного развития сохранился и суд, базировавшийся на присяге с привлечением соприсяжников. Судебные органы были призваны защищать интересы джамаата, а также стоять на страже имущества и достоинства всех членов коллектива. Каждая семья джамаата была собственником участков пахоты и сенокосов, какого-то количества скота, дома, хозяйственных пристроек, домашнего имущества. Часть сенокосов, все пастбища, лесные участки, водоемы и пустоши являлись коллективной собственностью общины. Она же выступала и как кол-

лективный распорядитель частных угодий, жестко контролируя начало, продолжительность и завершение любых видов сельскохозяйственных работ и категорически запрещая отчуждение этих угодий за пределы общины (*Ризаханова*, 1991. С. 151–165).

Исторически гинухское общество было социально однородным. Однако в нем задолго до XIX в. происходили процессы превращения прослойки сельскохозяйственной верхушки и богатых скотоводов-земледельцев в феодализирующуюся знать. К примеру, сел. Гинух в 1886 г. входило в число 100 селений Дагестана, имевших наивысшие показатели по числу овец на одно хозяйство (ГАРД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 114. Л. 196), что свидетельствовало о наличии крупных барановодов. В целом же это было общество с развивающимися феодальными отношениями, в социальной жизни и быту которого все еще играли значительную роль патриархальные пережитки.

Господствующей формой семьи у гинухцев являлась малая простая семья, состоявшая из родителей и их детей (*Гаджиева*, 1985. С. 85–98). Традиционно вновь образовавшуюся пару гинухцы стремились сразу же отделить. Иногда в такой семье жили также родители (или один из них) мужа и/или его младшие сестры и/или братья. По традиции, гинухские семьи многодетны, четверо–пятеро детей в них – обычное явление. В силу того, что смертность детей у горцев была высокой, а выживаемость – низкой, в среднем на семью приходилось два–три ребенка. Отец занимал в семье главенствующее положение и считался полноправным распорядителем имущества и судьбы его членов. Почетное положение в семье занимала и жена главы семьи – хозяйка и мать, без участия и согласия которой фактически не решался ни один из сколько-нибудь важных семейных вопросов. Несущая большую часть нагрузок по хозяйству и дому жена пользовалась уважением и любовью домочадцев. Семьи группировались в тухумы. Тухум представлял собой группу родственных семей, главы которых происходили от одного и того же предка, характеризующуюся определенным единством в хозяйственном, идеологическом, социальном и семейно-родовом отношении. По необходимости тухум оказывал моральную, материальную и физическую помощь своему члену.

Браки у гинухцев совершались преимущественно по сватовству, чаще всего по инициативе родителей. Иные формы брака (похищение, бегство молодых, обменные и отработочные формы брака, левират, сорорат) бытовали, но к ним прибегали редко. До начала XX в. у гинухцев в отдельных случаях сохранялась форма большесемейной (семейно-общинной) организации – так называемая неразделенная семья. Она состояла из совместно проживающих отца и сыновей или только братьев со своими семьями, ведущих общее хозяйство. Однако, как и для других горцев Дагестана, такая семья являлась формой приспособления к типу парцеллярного многоотраслевого хозяйства с сезонными отгонами скота и развитостью отходничества, требующими нередко объединения множества рабочих рук.

Традиционные свадебные обычаи и обряды у гинухцев от аварских или гунзибских, цезских, бежтинских не отличались. Здесь можно говорить лишь о каких-то специфических чертах и частностях. Так, при сватовстве девушки гинухцы часто прибегали к языку символов. В дом потенциальной невесты приходила родственница парня и просила у хозяйки дома послать к ней дочь с каким-то одалживаемым предметом (тут обычное: “Я сейчас ухожу и дома не буду, пусть ваша дочь принесет ко мне домой мешок... сито, кувшин, какой-то иной предмет утвари”). Если на такую просьбу следовал хоть и мотивированный, вежливый, но твердый отказ, это значило, что о сватовстве и речи быть не может; ес-

ли родители на просьбу охотно откликнулись, то это означало, что можно предпринимать в сватовстве дальнейшие шаги; если с одалживаемой вещью в дом к просительнице приходила не сама девушка, а кто-либо из членов ее семьи (младший брат, сестра), это означало, что родители готовы согласиться засватать дочь, но сама девушка этого не желает; если девушка все же приходила, но от предложенного ей подарка категорически отказывалась (колечко, моток ниток, охапка очищенной шерсти и др.), это следовало понимать так: “Я готова подчиниться воле родителей, но сама не желала бы быть просватанной за вашего парня”.

По местным обычаям, пришедшие сватать девушку хвалили ее, а хозяева дома, напротив, всячески превозносили достоинства парня, а не своей дочери. Так, сторона парня говорила о нем, что он ленив, работать не любит, спит допоздна, особым умом не блещет и прочее, превознося при этом качества девушки; в том же духе отвечали обычно и хозяева.

Гинухцы стремились приурочить свадьбу к периоду полнолуния, считая, что в таком случае супружеские узы будут особенно крепкими, а будущие дети вырастут здоровыми.

Сторону жениха, пришедшую за невестой, сторона невесты задерживала у ворот и требовала от пришедших выкуп за право войти. Требования, по традиции, были чрезвычайно завышенными: заплатить 1 тыс. золотых монет или пригнать 50 быков, табун лошадей, 500 баранов и пр. Дело заканчивалось тем, что сторона жениха дарила невесте овцу, барана или 1 руб. серебром. Вошедшая, наконец, в дом сторона жениха отказывалась от приглашения присесть, требовала от хозяев “золотой трон для жениха” и необыкновенных явств. Пришедшие старались украсть что-либо из вещей в доме (ложку, кружку, миску и др.) – все это потом отдавалось невесте. Сторона же невесты старалась намочить одежду пришедших, незаметно набить карманы гостей объедками и огрызками пищи, как бы невзначай выпачкать им лица сажей и др. Интересен гинухский обычай *печхъи*: посещение утром дружкой жениха и подружкой невесты молодоженов после их первой брачной ночи. Пришедшие приносили с собой мясо, хлеб, сыр, масло, фрукты и час-два проводили вместе, угощаясь, балагурия и веселясь.

В цикле предродовых обычаев и обрядов гинухцев интересно отметить стремление будущей матери и ее родственниц уберечь беременную от злого аморфного духа Зазаха, умеющего якобы перевоплощаться в человека, животное, насекомое. Дух этот мог проникнуть в утробу женщины и съесть или задушить плод. С момента родов мать и ее ребенка старались уберечь и от злонамеренных действий женщины-духа Ххата с темным лицом, клыкастым ртом, длинными, спутанными волосами. Она незримо могла проникнуть в дом и задушить ребенка, чаще всего девочку: к женскому полу Ххата якобы всегда испытывала чувство глубокой ненависти. Опасалась роженица и духа Будалай, проникавшего в дом под видом мужчины или мальчика и похищавшего ребенка в первый день его рождения. Ребенка он не убивал, а воспитывал из него себе подобного. Самобытен обычай прикрывать грудь женщины, впервые кормящей своего ребенка, повязкой из плотного черного материала или войлока, завязывающейся тесемками на спине, со специальными отверстиями для сосков. Такая повязка считалась оберегом от людского сглаза и чар злонамеренных сил. Повязку готовила бабка ребенка по матери. На следующий день повязка сжигалась: недоброжелатель, продырявив ее в нескольких местах, мог якобы лишить кормящую мать молока. Обычай давать тяжело заболевшим детям новое имя широко известен в Дагестане, на Кавказе и в других регионах. Гинухцы в подоб-

ных случаях переименовывали детей всегда одними и теми же именами: мальчика – ИзрагИлом, девочку – ХатИмат. При исполнении ребенку 7, 40 дней, 3, 9 и 12 месяцев родители раздавали соседям и односельчанам лепешки; при исполнении 3, 5 и 7 лет резали барана и раздавали мясо.

Воспитанием детей занималась в основном мать, эта обязанность в отношении мальчика-подростка выполнялась отцом и старшими братьями. В воспитании подрастающего поколения активное участие принимали и родственники, и соседи, и односельчане. Трудовое воспитание предусматривало жесткую регламентацию вида и рода занятий по половому признаку.

Похоронные обряды гинухцев имели много общего с обрядами других народов Дагестана, но были здесь и свои особенности. О смерти члена джамаата оповещались жители селений Кидеро, Зехида и Гудатли. Плакальщицы тут в основном были кидеринскими. По местным преданиям, у гинухцев был обычай увозить умершего мужчину на кладбище верхом на коне, в бурке, сапогах и папахе и при оружии; при этом использовались кожаные ремешки и несколько небольших шестов (*Ризаханова*, 1991. С. 108–150).

Современная семья гинухцев – малая, простая, среднететная, характеризующаяся демократическими внутрисемейными отношениями. Муж, отец, согласно традиции, продолжает считаться главой семьи. Браки посредством сватовства преобладают и в наши дни, но инициатива в выборе партнера принадлежит главным образом самим молодым людям, хотя мнение родителей, особенно отца, все также имеет немаловажное значение. Сохранилось до наших дней и значение тухума, хотя его функции несколько изменились: член тухума ныне получает от родственного коллектива не столько материальную или физическую помощь (таковая со счетов не сбрасывается), сколько моральную, основывающуюся на чувстве единства и сплоченности.

Для гинухцев исторически характерны два вида поселений: селение и хутор. Гинух – это крупное поселение: скученное, многодворное, с квартальным делением, с мечетью, кладбищем, местом схода и местами проведения досуга (*годеканами*). Как и большинство поселений горцев Дагестана (Материальная культура аварцев... 1967. С. 112–113), Гинух образовался скорее всего, судя по некоторым полевым сведениям, за счет объединения населения поселений родственных коллективов, происходившего в XI–XIV вв. (хотя не исключено, что оно просто трансформировалось на базе малого поселения.) Селение располагалось на крутом склоне, у обрыва. Охранявшие подступы к селению боевые башни не сохранились: их срыли в ходе Кавказской войны и после ее окончания. Первый ряд домов со стороны подступов к селению, примыкавших один к другому, был снабжен бойницами и составлял сплошную оборонительную линию. Мечеть и главный годекан располагались в центре селения. Со второй половины XIX в. появляется и получает развитие тенденция к заселению более нижних частей округа селения, где строения располагались уже более свободно и зачастую составляли единый комплекс вместе с приусадебным участком.

Жилища – прямоугольные в плане, каменные, главным образом двух- и трехэтажные, с хлевом, сеновалом и другими хозяйственными службами на первых и жильем на верхних этажах. Крыши строений были двух типов: двухскатные, крытые колотыми дощечками, наподобие черепицы (дранка), и плоские, земляные. Второй этаж зачастую обносился закрытой галереей. Кое-где еще и в наши дни остались традиционные лоджии открытого типа. Усадьба чаще всего была представлена хозяйственно-жилым комплексом, иногда небольшим полуоткрытым двором. Роль двора часто выполняла крыша расположенного ниже строения (если она – плоская). Сеновалы и помещения для хранения продуктов

нередко выносились за пределы усадьбы. В кладке стен и опорных столбов часто встречались деревянные бруски. Распространенными архитектурно-декоративными приемами в строительстве были арочные конструкции, кладка в “елочку”, кладка из шлифованного камня, каменные рельефы (солярные знаки, лабиринты, декоративная арабская вязь и др.). Традиционные типы и планировка жилища в современном строительстве все еще сохраняются. Нынешнее жилище более просторное, со множеством комнат, в том числе и специального (не традиционного) назначения: кухня, спальня, девичья, детская и др. Число хозяйственных помещений значительно уменьшилось и фактически сведено к минимуму. Двух–четырёхскатные крыши крыты шифером или железом.

Традиционно большую часть времени семья проводила в одной комнате, отапливаемой очагом открытого типа, а с XIX в. – пристенным камином с дымоходом. Здесь члены семьи завтракали, обедали, ужинали и укладывались на ночлег. Значительную часть времени члены семьи проводил также и на лоджии за какой-нибудь работой: мужчины за починкой обуви, сбруи, женщины за шитьем или прядением. Другие комнаты комплекса, хотя и считались жилыми, на деле использовались для хранения материалов, одежды, утвари, продовольствия и продуктов и т.д. Одна из комнат убиралась богаче остальных и служила для принятия гостей. Мебели в жилых комнатах не было, их убранство составляли развешенные по стенам и разбросанные по полу ковры, паласы и шкуры животных; на крюках, вбитых в стену, висела одежда, по нишам и полкам располагалась посуда и другая утварь.

В современном гинухском жилище обычно мы видим все то же, что и в городских квартирах дагестанцев, кавказцев, россиян: современную мебель, теле-радиоаппаратуру, современные бытовые приборы и оборудование (холодильники, стиральные машины, пылесосы и пр.), современную посуду и утварь и т.д. Предметы традиционного быта здесь тоже встречаются (традиционные украшения, оружие, посуда, одежда и пр.), но они несут не утилитарную, а художественно-эстетическую нагрузку.

Материал для одежды (сукно, войлок, шерстяные нитки, кожа, овчина) вырабатывался тут же, на месте, самими жителями. С XIX в., особенно со второй его половины, усиливается приток сравнительно дешевых фабричных тканей, главным образом из России, а также из Закавказья – ситца, сатина, полотна, бязи и др.; и многие виды традиционной одежды стали шить из этих материалов. В комплекс мужской одежды входила туникообразная рубаха и зауженные снизу штаны без ширинки и на вздержке. Верхняя плечевая одежда состояла из бешмета, черески, бурки, длиннополых шуб из овчины нескольких разновидностей, войлочных курток и пальто, а также из матерчатых или овчинных безрукавок. На голову надевали овчинную полусферическую или в форме усеченного конуса папаху, а также ночную шапку-колпак из овчины, мехом вовнутрь. Главным видом обуви служили вязаные узорные шерстяные сапоги с сугубо местным цветным орнаментом (Сергеева, 1984. С. 129–130), толстые шерстяные носки двух разновидностей, низкая обувь, скроенная из одного куска сыромятной кожи, обувь типа кожаных туфель с твердой подошвой, сапоги из местных сортов лайки с мягкой подошвой, войлочная обувь с кожаным низом, башмаки, ноговицы. Со второй половины XIX в. в быт прочно вошли кожаные сапоги с твердой подошвой и с каблуком по образцу обуви русских. На поясе носился узкий ремень с серебряным черненым набором, а также (до второй половины XIX в.) кинжал в кожаных (иногда серебряных) ножнах. Голова брилась наголо, оставались усы и борода.

Женская одежда состояла из туникообразных платьев-рубаш, отрезных по талии платьев, платьев, распахнутых до подола, и узких, длинных, доходящих до щиколоток, штанов на вздержке. Утеплялись женщины безрукавками и толстыми шальями, шуб и войлочной одежды они не носили. Платье-рубаша подпоясывалось широким и длинным матерчатым поясом-повязкой, с другими видами платьев могли носить украшенные серебром широкие или узкие пояса. Голову покрывали чепцом-накосником чухту, шерстяными и шелковыми платками, в том числе привезенными из далеких стран Востока. Обувь у женщин была тех же разновидностей, что и у мужчин, за исключением сапог и ноговиц. Украшениями женщинам служили бусы, а также серебряные украшения кубачинских, лакских или местных мастеров: кольца, перстни, браслеты, серьги, налобные, височные, нашеевые, нагрудные украшения.

До начала XX в. у гинухцев, как и у других жителей высокогорья Дагестана, эпизодически сохранялась некогда весьма распространенная одежда типа штанов и рубаш мехом внутрь.

У современных гинухцев преимущественно европейская одежда. Традиционную одежду предпочитают носить часть старшего и среднего поколения мужчин и женщин. Это папачи, костюмы полувоенного образца, мягкие сапоги, чухту, платье-рубаша с матерчатым поясом и др.

Традиционная пища гинухцев – главным образом мучная и мясо-молочная. Овощи и фрукты были привозными. Разнообразили пищу широко потребляемые съедобные травы и корни, лесные плоды и ягоды. Основными продуктами питания были мука ячменная, ржаная, пшеничная, с XIX в. кукурузная, а также толокно и солод, мясо сушеное, свежее, колбасы, жир, курдюк, масло топленое, сыр. Реже потреблялись в пищу мед, урбеч, яйца, сметана, молоко, сливочное масло. Распространены были лепешки из кислого и пресного теста, хлеб, хинкалы (из разной муки различной формы с различными бульонами, с сушеным или свежим мясом, колбасой, курдюком, с чесночной подливой, с сыром), толокняное тесто, разнообразные каши, пироги с той или иной начинкой, пельмени (курзе), молочные и мясные похлебки и др. Подавляющее большинство традиционных блюд подаются к столу и в наши дни. Современная кухня гинухцев разнообразится супами, соусами, щами, блюдами из молотого и рубленого мяса, пловами и др.

Торговлю и обмен гинухцы больше производили с Грузией, меньше – с народами внутреннего Дагестана, Северного Кавказа, с азербайджанцами. Вывозили шерсть, вязаные изделия, войлок, кожи, овчину, шубы, сыр, топленое масло, деревянную утварь. Ввозили зерно, муку, фрукты, изделия кузнечного и медночеканного ремесла, дешевые ткани, керамические изделия, украшения и др. Транспортным выючным и верховым средством служила лошадь, реже – мул. Товар перевозили в плетеных хворостяных сачках, в шерстяных мешках, во выюках. Сообщение осуществлялось по горным тропам.

В советское время, особенно в послевоенное, на фоне государственной и кооперативной торговли объем торговых операций гинухцев снизился до минимума, хотя своего значения эти операции окончательно не потеряли. Улучшение и строительство дорог, начатое со второй половины XIX в. и активно продолжавшееся в советское время, намного увеличили возможности общения гинухцев с соседними и дальними народами. Пассажирский и грузовой транспорт – обычное с 1940–1950-х годов явление для гинухцев.

Как и все мусульмане-сунниты, гинухцы отмечали день рождения пророка Мухаммеда, день окончания мусульманского поста, дни поминовения покойных родственников и др. В эти дни в семьях накрывались праздничные столы, люди

с поздравлениями посещали друг друга и т.д. Широко отмечались календарные праздники – день первого плуга (“выход быков”) и день прихода зимы. Общественные трапезы, обильные угощения, розыгрыши и веселье, шумные шествия ряженных, разжигание костров и прочее сопровождали эти праздники. Отмечались также, хоть и более скромно, день выпечки хлеба из муки нового урожая, дни случки и стрижки овец, день начала сенокосения, дни отгона скота и его возвращения с пастбищ, дни ягнения, первый день доения овец и др.

Обычаи и обряды гинухцев носят в целом общедагестанский характер, в основном – общеаварский. Незначительные вариации можно наблюдать в обрядах семейного цикла (свадебные, связанные с рождением и воспитанием ребенка, похоронно-поминальные и др.), в обрядах вызывания дождя, в обрядовых действиях, имеющих отношение к земледелию и скотоводству. Например, специфичен обычай, по которому друзья жениха мазали ему лицо сажей непосредственно перед интимной встречей новобрачных; только среди гинухцев приблизительно до середины–конца XIX в. сохранился обычай применения тугой повязки на голову новорожденного мальчика; по отдельным сведениям информаторов, в начале XX в. бытовал обряд троекратного обхода еще не засыпанной могилы покойного его родственниками-мужчинами (по отцовской линии); до 1920–1930-х годов прибегали к участию в обряде вызывания дождя мужчин и подростков, первые из которых за сутки до обряда не пили воды, а вторые не потребляли пищи.

Не утратили своего значения в наши дни и традиционные обычаи гостеприимства и куначества, родственной и соседской взаимопомощи, почитания старших по возрасту, бережного отношения к окружающей среде и др. Многие из этих обычаев тесно связаны с нравственными характеристиками народа. Всемерно поддерживаются и прививаются подрастающему поколению традиционные нравственно-этические нормы, требующие от каждого члена общества гуманности, добропорядочности, честности, сдержанности и др.

Ислам гинухцы приняли поздно, возможно, в конце XVIII в. Проводниками ислама здесь были жители Хунзаха, Гидатля, а также недавно обращенные бежтинцы (*Шихсаидов*, 1969. С. 209, 210). Уже в начале XIX в. в Гинухе функционировала мечеть, а при ней – мектеб. Тут мальчики за полтора-два года проходили курс обучения чтению Корана и письму, заучивали определенные суры, а также познавали азы элементарного счета, знакомства с закономерностями явлений природы, счета времени и др. Приблизительно по той же программе обучались на дому и девочки. Занятия велись бесплатно, обучал детей мулла или кто-либо из старших, располагавших минимумом необходимых познаний и свободным временем. Девочек обучал кто-либо из родственников (*Каймаразов*, 1971. С. 50).

Несмотря на запреты и всяческие ограничения официальных властей в 1920–1980-е годы, приверженность исламу, его учению и нормам в народной среде стойко сохранялась. Такое положение вещей объясняется многими причинами, главными из которых, по нашему мнению, являются две. Во-первых, исламские идеи равенства перед Богом, независимо от социального положения, требования оказания помощи любому нуждающемуся в ней, сердечного, доброжелательного отношения к людям, чистоты мыслей и помыслов, нашли отклик в народной среде, способствовали доступности и популярности ислама. Во-вторых, все относящееся к религиозным культам и догмам в обстановке отеснения (заглушения) многого традиционно-культурного воспринималось как составная часть некоего своего, национально-этнического, особенного, отрицанию которого необходимо сопротивляться. Как бы там ни было, на сегодняшний день подавляющее большинство гинухцев – верующие. В большинстве случаев это проявляется в признании основных догм ислама, знании отдельных сур Корана и мо-

литв, признании религиозных праздников, следовании мусульманским запретам и т.д. Число людей, более глубоко и последовательно проявляющих свою религиозность и пятикратно в день совершающих намаз, тем не менее, не велико, хотя оно заметно растет. Можно отметить также среди родителей тенденцию привить своим детям с малолетства основы мусульманского вероучения.

Как и у других горцев Дагестана, в жизни и быту гинухцев рудиментарно сохранились пережитки домонотеистических языческих представлений. Они были связаны с магией, культом предков, тотемизмом, анимизмом и др. Бытовала вера в чертей, джинов, хозяев леса, гор, рек, рощ, озер и т.д., представления о духе, душе (*Гаджиев Г.А.*, 1991. С. 68 и др.). Духовный мир гинухцев населяли охранитель дома и семьи Къин (в образе мыши, паука, сверчка и др.), безликая злая вредоносная сила Хъвед; дух типа ведьмы, похищавший детей, в том числе и из утробы матери, Ххата; злой великан Будадай, убивавший зверей и людей и похищавший новорожденных; Паакъ, всячески вредивший домашним животным, и др.

Веками складывающееся в народной среде фольклорное творчество у гинухцев двуязычно: пословицы, поговорки, загадки, притчи, анекдоты, песни, баллады, сказки сохранились и передаются на родном и аварском языках.

На эмпирическом опыте многих поколений основывались народный сельскохозяйственный календарь и система счета времени. Народные лекари умели поставить правильный диагноз и излечить большинство известных медицине болезней.

Как и прочие народы Дагестана, гинухцы испытали на себе как позитивные, так и негативные изменения в экономике, культуре и быту, которые характерны для послеоктябрьского периода. Механизация сельскохозяйственного производства, электрификация, радиофикация намного улучшили условия труда и быта населения. Посредством периодической печати и радиотелефонной связи население втягивалось в орбиту жизни всей республики и всего государства. Хотя и замедленными темпами, благосостояние народа из года в год улучшалось. Открытие начальной, восьми-, а затем и десятилетней школы, дома культуры, лечебного и акушерского пунктов, магазина, почты, детских дошкольных учреждений и т.д. значительно приблизило местное население к условиям городской жизни. Грамотность, образованность населения повышались из года в год. Потребности производственной, общественной и культурной жизни к этому периоду удовлетворялись преимущественно местными специалистами, зачастую получившими соответствующее образование в средних специальных и высших учебных заведениях республики.

Вместе с тем преследование религиозности, пренебрежительное отношение к языковым и культурным особенностям, к традиционным обычаям нанесло, как и у других народов Дагестана, определенный ущерб народному самоосознанию и бытовой морали.

ГУНЗИБЦЫ

Гунзибцы (самоназвание – *гунзалъ*), или *хунзалис*, *энзеби*, *унзо* – малочисленный народ в Дагестане. В значительной степени они ассоциированы с аварцами. Оценочно их насчитывается около 800 человек в Цунтинском р-не и около 750 человек в Кизилюртовском р-не Дагестана. 300–350 гунзибцев издавна живут в Грузии. В нынешнем Цунтинском р-не, на своей этнической территории, гунзибцы занимают селения Нахада, Гарбутль, Гъело, Родор и Тодор. Это высокогорье Западного Дагестана, с хребтами и вершинами до 3000 м, включая

высочайшее звено Большого Кавказского хребта – Богосский хребет. Гунзибцы на юге граничат с бежтинцами, на западе – с цезами, на востоке – с анцухцами, на севере – с хваршинами. Это зона короткого, но жаркого лета, длительной снежной зимы. Склоны гор покрыты прекрасными лесами, в основном сосновыми. В горах богатые альпийские и субальпийские пастбища. Здесь множество хищных и травоядных животных (медведь, волк, рысь, кабан, лиса, тур, козел, олень, заяц и др.), птиц (орел, сокол, рябчик, куропатка, глухарь, фазан, тетерев и др.) (*Гюль и др.*, 1959. С. 44–46, 77, 221, 224–225).

Гунзибцы – представители западного кавкасионского варианта антропологического типа дагестанцев, который относится к переднеазиатской локальной расе большой европеоидной расы. Говорят они на гунзибском языке, входящем в аваро-андо-цезскую подгруппу нахско-дагестанской группы северокавказской семьи языков. Распространены также аварский, русский и грузинский языки, многие говорят на языках соседей – цезов, бежтинцев и гинухцев. Письменность – на арабской графической основе с конца XVIII в. и на русской графической основе с 30-х годов XX столетия.

Установить численность народов андо-цезской группы нелегко, так как традиционно их относили к аварцам. Еще труднее это сделать по отношению к гунзибцам или гинухцам, приписываемым обычно то к бежтинцам, то к аварцам-цунтинцам. С учетом этого динамика численности гунзибцев со второй половины XIX в. и до первых десятилетий XX столетия выглядит следующим образом: 1866 г. – 568 человек, 1886 г. – 426, 1894 г. – 450, 1916 г. – 479 человек (*Ибрагимов*, 1981. С. 105). О противоречивости сведений можно судить по следующим показателям: по данным на 1926 г. гунзибцев насчитывалось 1100 человек, а на 1 января 1938 г. – 400 человек. (*Он же*. 1991. С. 109, 112). О численности гунзибцев, проживавших на этнической территории во второй половине – последней четверти XX в., можно в целом судить по числу населения в трех селениях: Гунзиб, Нахада и Гарбутль (в 1959 г. 398 человек), а также в селениях Кизилюртовского р-на (около 750 человек) (по данным сельсовета).

Вместе с другими народами Дагестана гунзибцы относятся к народам, территории которых входили в ареал формирования восточнокавказской этнокультурной общности (V–IV тыс. до н.э.), приблизительно относящегося ко времени сложения раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа (*Гаджиев М.Г.*, 1991. С. 242–244). Отдельные субобщности, на которые с III тыс. до н.э. происходит распад названной общности, явились тем ядром, вокруг которого формировались племенные образования Дагестана, в том числе и предки современных гунзибцев (I тыс. до н.э.).

С древнейших времен и до эпохи позднего средневековья (XV–XVII вв.) гунзибцы, как и прочие народы андо-цезской (дидойской группы), входили в состав военно-политического объединения Дидо (диди, додои, дидуванийцы). Об этом свидетельствуют косвенные указания Страбона, Плиния, Клавдия Птолемея, Вахушти и др. (*Магомедов Д.М.*, 1975. С. 38–42). По трудам этих и более поздних авторов можно с уверенностью заключить, что гунзибцы, по крайней мере со второй половины I тыс. до н.э., находились на территории, занимаемой ими в настоящее время. Антропологи В.П. Алексеев и А.Г. Гаджиев в своих трудах сообщают, что предки андо-дидойцев были древнейшим населением горного Дагестана, первыми освоившими эту область (*Алексеев*, 1974. С. 203; *Гаджиев А.Г.*, 1965). Заметно активизировались дидойцы в первые века нашей эры, играя важную роль в политической жизни Закавказья, особенно в событиях Восточной Грузии (в частности, они привлекались в качестве военных союзников царями Картли). С IV–V вв. начинается полоса христианизации жителей Западного Дагестана мис-

сионерами грузинских царей (Известия грузинских... 1897. С. 50 и др.). Несколько волн христианизации привели к появлению церквей в непосредственной близости от гунзибской территории (Хамаитль, Силди, Анцух и др.).

В дагестановедении неоднократно высказывалось мнение о существовании раннеаварского средневекового письма на основе грузинского алфавита. Однако позиции христианства здесь были непрочны, и особенно они ослабли после монголо-татарских нашествий, а также турецких и персидских завоевательных войн, когда вновь усиливаются языческие верования, проникает ислам. X–XV вв. – это период борьбы Дидо с грузинскими правителями за свою независимость. В течение этого времени грузинским царям неоднократно удавалось усмирять непокорных и обкладывать их данью. Те восставали, обретали свободу, вновь терпели поражение. С XV в., в результате распространения ислама и завоевательной политики хунзахских ханов, союз Дидо распадается на ряд союзных сельских обществ (Магомедов Д.М., 1981. С. 27–29). Одним из самых влиятельных со временем стало конфедеративное объединение – союз союзов сельских общин Антль-Ратль, куда входили и гунзибцы.

В составе Антль-Ратля гунзибцы вместе с капучинцами (бежтинцами) и анцухцами образовали Анцухо-Капучинский союз, наиболее сильный и влиятельный в данном регионе. В конце XVII – начале XVIII в. из-за внутренних распрей союз распался на отдельные союзы общин – Унзо (Гунзиб), Капуча и Анцух, при этом первые два рассматривались как единая военно-политическая единица. В период борьбы горцев Дагестана и Чечни против царского самодержавия (20–50-е годы XIX в.) гунзибцы примкнули к Шамилю во второй период движения, т.е. с начала 1840-х годов. После окончания Кавказской войны и проведения в Дагестане административных реформ гунзибцы вошли в Бежтинский округ (1860 г.), который составлял часть Андийского (1861 г.), а затем и Гунибского округов. В советский период в составе населения Цунтинского р-на они вошли в Дагестанскую АССР. В 1944 г. гунзибцы были насильственно переселены на земли выселенных чеченцев и пробыли на чужбине почти 13 лет, только в 1957 г. им разрешили вернуться.

Возвращаясь к союзу союзов сельских общин отметим, что главной своей задачей он считал обеспечение безопасности от притязаний и вторжений других союзов, феодальных образований и чужеземцев. Все взрослое мужское население союза союзов выступало в случае необходимости единой силой, предводительствуемое выборным военачальником. Вопросы, касающиеся населения всего союза союзов, отдельных его частей, а также проблемы межджамаатского характера решались на собраниях взрослых мужчин объединения, представителей джамаатов или всех старейшин джамаатов в зависимости от серьезности вопроса и степени важности ситуации. Каждый из джамаатов представлял собой социально-политическое независимое территориально-родственное образование (общину – джамаат), состоявшее из свободных общинников, скотоводов и земледельцев (Агларов, 1988. С. 207–210). Верховным органом ее был сельский сход – собрание совершеннолетних мужчин джамаата. Повседневные управленческие функции осуществлялись старейшинами, которые зачастую были одновременно и главами тухумов – родственных объединений. В их подчинении находились несколько исполнителей и глашатай. Специальный выборный орган осуществлял контроль за деятельностью аппарата сельского управления и отдельных его представителей.

С первых десятилетий XIX в. функции главы сельского управления стал выполнять избираемый старшина, председательствовавший на советах старейшин. На старейшин и старшину возлагались также обязанности по осуществлению

судопроизводства. Велика была роль сельского кадия, или муллы, входившего в состав совета старейшин и активно вмешивавшегося в судопроизводство. Осуществлялось это вмешательство на основе местных обычно-правовых норм – адатов, а также на шариатских нормах мусульманского права. Как пережиток более ранних форм социальной организации общества в общественном быте гунзибцев сохранилось судопроизводство, базировавшееся на присяге подозреваемого с привлечением по необходимости родственников-соприсяжников.

Каждая семья гунзибцев была собственником одного или нескольких пахотных и сенокосных участков, того или иного количества скота, дома, хозяйственных строений, домашнего имущества. Все пастбища, часть сенокосов, пустоши, лесные массивы, водоемы и другое составляли собственность джамаата. Члены джамаата в социальном отношении были однородны, хотя имущественная дифференциация в узденской среде началась задолго до раннего средневековья. Имущая верхушка и члены сельского управления представляли собой в какой-то мере тип феодализирующейся прослойки. В целом “подогнать” социальный строй гунзибцев, как и других горцев вольных обществ Дагестана XVII–XIX вв., под одну из классических формаций очень трудно: здесь много самобытного, специфического. С определенной натяжкой и с некоторыми оговорками его можно отнести к обществам развивающегося феодализма, в недрах которого пережитки патриархальных отношений все еще продолжали играть значительную роль.

Как и прочие народы Дагестана, гунзибцы входят в Дагестанскую историко-культурную область, которая в свою очередь является частью Кавказской историко-культурной провинции. По природным условиям и хозяйственной специализации гунзибцы входят в высокогорный хозяйственно-культурный ареал отгонных скотоводов и пашенных земледельцев (*Османов М.О.*, 1996. С. 139–140).

Скотоводство, земледелие и промыслы – главные занятия гунзибцев. Занимались они также и охотой. Отгонное животноводство с яйлажной формой и зимним отгоном сочеталось со стойловым содержанием скота. Основной вид животноводства – овцеводство. Разводили овец тушинской породы, коз, коров, быков малорослой горской породы. Содержали также лошадей, в меньшей степени – ослов (*Османов М.-З.О.*, 1990. С. 209–220). На небольших по площади пашенных участках, преимущественно склоновых, иногда террасированных, выращивали ячмень, рожь, кое-где пшеницу, повсеместно овес и просо. Со второй половины XIX в. стали сажать картофель, изредка – кукурузу. Выращивали также горох, бобы, фасоль, тыкву, табак. К народным агротехническим приемам относились чередование культур, пар, унавоживание почвы. Полива не было. Пахота производилась безотвальным горским деревянным плугом с тяжелой деревянной подошвой и железным сошником (наральником).

С XIX в., особенно со второй его половины, сельскохозяйственная продукция постепенно начала приобретать товарный характер. Предметами торговли и обмена становились шерсть, топленое масло, сыр. Были развиты обработка шерсти (выделка сукон, войлока, вязаной обуви, паласов, переметных сум и др.), металла (главным образом кузнечное ремесло), дерева (плотницкое дело), камня и др. Горные тропы связывали гунзибские селения с бежтинцами, цезами, гинухцами, а через их территории – с грузинскими селениями, с рынками внутреннего Дагестана и Чечни, Закавказья. В обмен на свои товары гунзибцы приобретали фабричные ткани, хлеб, кожу, металл и металлические изделия, шелк, парчу и др. Верховым и выючным животным им служила лошадь, ослами гунзибцы пользовались редко.

Разделение труда по полу было жестко регламентировано. Мужчина разбрасывал навоз на пашне, пахал и сеял, занимался обмолотом зерна, молот его на мельнице. Он выпасал, перегонял, лечил скот, доил и стриг овец, косил сено. На мужчине лежали обязанности по строительству и ремонту жилых и хозяйственных помещений, заготовке дров, уходу за лошадьми и быками, изготовлению и починке орудий, обрудования, сбруи и др. Все виды промыслов и ремесел, кроме обработки шерсти, считались мужским занятием. Все остальные многочисленные нелегкие обязанности в земледелии, скотоводстве, в промыслах, в работе по дому ложились на плечи женщин (прополка, жатва, веяние, уход за молочным скотом и изготовление молочных продуктов, прядение, ткачество, вязание, шитье одежды, приготовление пищи и т.д.).

В советский период на смену животноводству на частной основе пришло сравнительно крупное скотоводческое коллективное хозяйство. Обобщественная была и земля. В последние 65–70 лет производительность труда в сельском хозяйстве росла медленно по причине малой заинтересованности производителей в результатах труда. Однако механизация сельского хозяйства все же обусловила ее рост и привела к общему подъему жизненного уровня гунзибцев. Их хозяйство, представляющее в настоящее время агарный комплекс, – составная часть агропромышленного комплекса Республики Дагестан.

В общественной, семейной и личной жизни гунзибцев большое место занимало семейно-родственное объединение – тухум. Он включал в себя несколько родственных семей, объединенных общностью происхождения их глав от одного предка, и представлявших определенное идеологическое и хозяйственное единство. В общине (джамаате) могло быть от двух до восьми тухумов. Главы тухумов представляли интересы своего родственного союза перед джамаатом, союзом общин или союзом союзов. Хотя принципы расселения и хозяйственно-экономических отношений уже с эпохи раннего средневековья были преимущественно соседскими (соседско-общинными), тухумная поддержка и тухумная солидарность играли важную роль вплоть до 30–40-х годов XX столетия. Не утратили они значения и в наши дни. Женитьба сына, замужество дочери, свадьбы, похороны, строительство дома, материальные потери от стихийных бедствий и эпизоотий, выплата “цены крови” – вот приблизительный и неполный перечень ситуаций, где тухум оказывал содействие, давал рекомендации и наставления своему члену. Кроме тухума солидарность и поддержку каждый член общества получал прежде всего от ближайших родственников по отцовской и материнской линиям. Родство по мужской линии было приоритетным и доходило (принималось в счет) до детей троюродных братьев.

Как и во всем Дагестане, гунзибская малая семья утвердилась в качестве основной формы с периода раннего средневековья. Однако пережитки семейно-общинных организаций в различных формах сохранились здесь вплоть до 1930–1940-х годов. Кое-где встречались, в частности, так называемые неразделенные семьи, состоящие из совместно проживающих со своими домочадцами отца и нескольких братьев или только братьев, ведущих общее хозяйство. Их длительное бытование объясняется причинами хозяйственно-экономического характера, соображениями целесообразности и удобства ведения многоотраслевого хозяйства при парцеллярном земледелии.

В семье гунзибцев преобладали патриархальные отношения. Главой семьи был отец. По нормам обычного права, он считался полноправным распорядителем судеб домочадцев и семейного имущества (за исключением свадебных подарков и приданого жены). Жена – это хозяйка дома, без участия которой фактически не решался ни один семейный вопрос. В семье, как и в обществе в це-

лом, был развит культ старшего по возрасту. Почти такими же почетом и уважением, как глава семьи, пользовался и старший брат. Сестры, даже будучи намного старше брата (братьев), старались окружить его (их) вниманием и заботой и слушались их.

В большинстве случаев в семье гунзибцев имелись два–три ребенка, семей с четырьмя и более детьми насчитывалось немного. С детских лет мальчику прививали навыки “мужских” видов работ и постепенно готовили из него воина-крестьянина. Девочку сызмала готовили к роли матери и хозяйки дома. С 5–6-летнего возраста мальчики посещали мектеб, где обучались чтению Корана, письму, заучивали отдельные суры наизусть. Здесь же им давали элементарные навыки простейшего счета, знакомили с закономерностями в явлениях природы, объясняли простейшие свойства жидких и твердых тел и т.п. Девочки получали знания дома. Продолжить обучение ребенок мог в примечетских медресе – школах повышенного типа. Тут арабский язык и грамматика изучались углубленно, кроме того, давались знания по философии, логике, географии, математике, истории, астрономии и др. (Абдуллаев, 1987. С. 80; Каймаразов, 1971. С. 58–59). Обучение в медресе было бесплатным, более того, обучавшиеся там муталимы (в том числе уроженцы других селений) содержались на средства джамаата. Некоторые из юношей, закончивших медресе, могли стать учениками известных в Дагестане ученых-арабистов.

Выбор брачного партнера чаще всего происходил по желанию родителей, прежде всего главы семьи. Для предварительного стовора к родителям девушки шел обычно отец юноши, а для официального сватовства – его мать с тремя–четырьмя родственницами, они же вручали и подарки невесте – платье, платок, нарядную обувь и др. В сел. Нахада на этой стадии отношений обменивались (через друзей, подруг, родственников-ровесников) специально связанными узорными носками. По местным обычаям, засватанная девушка оставалась в родительском доме не более одной-двух недель. За день до свадебного торжества (в доме жениха) родственники, друзья и односельчане собирались у невесты. Во второй половине того же дня совершался акт бракосочетания – *магьар*, при этом жених обыкновенно становился голыми ногами на кинжал, нож, саблю, чтобы обезопасить себя от наговоров недоброжелателей. Примерно через сутки происходил торжественный обряд, праздничное шествие, перевод невесты в дом жениха. Родственницы и подруги невесты несли (обычно – на голове, часто – на подносах) ее приданое: постельные принадлежности, утварь, отрезы материала, готовое платье, обувь, платки и т.д. По пути к дому жениха на возвышенном месте устанавливали шест с яйцом, родственники и друзья жениха должны были выстрелом попасть в него. Не попавший платил штраф – серебряной мелочью, мясом, сыром, другими продуктами – в пользу невесты. Процессия могла продолжить путь лишь после меткого выстрела; отличившийся получал вязаные носки от имени невесты.

По обычаям некоторых селений невесту несли в дом жениха двое его родственников на сплетенных руках, накрытых овчинной шубой, буркой, ковром. У дома жениха близкая его родственница обливала невесту водой. Во дворе или у ворот жениха организовывались групповые танцы, в которых активное участие принимали ряженные (два–три человека). Последние не столько танцевали, сколько кривлялись, дурачились, приставали к женщинам, совершали неприличные жесты и телодвижения: все это, по традициям, на тот момент считалось допустимым. Часто в круг танцующих под общее веселье и смех выводили осла, груженного приданым невесты. Ряженные все это критически рассматривали, одежду примеряли на себе, громко выражали недовольство качеством ве-

щей, бросались ими в окружающих. Все это продолжалось до тех пор, пока один из ряженных не “находил” нарядные носки, специально связанные невестой для жениха: он их примерял на себя, расхваливал работу и с шутливыми пожеланиями преподносил жениху.

Нередко в час уединения жених обнаруживал в постели вместо невесты тряпичную куклу в человеческий рост: подружки невесты прятали ее, жених с друзьями искали пропавшую, и все это продолжалось до тех пор, пока юноши не “подкупали” девушек сладостями, фруктами, орехами, серебряной мелочью и др. В первую брачную ночь молодая оказывала жениху-мужу активное сопротивление; жених должен был “одолеть преграду” из 7–15 пар штанов, развязав их руками. Пришедшие утром с поздравлениями родственницы и односельчанки дарили невесте пряжу, которую вешали на веревку, протянутую через всю комнату. Здесь мы остановились на специфических деталях свадьбы гунзибцев (*Ризаханова*, 1990. С. 112–128). В целом же она проходила, как и у других горцев Дагестана, по одному и тому же традиционному сценарию.

Предродовые, родовые и послеродовые обычаи и обряды гунзибцев в подавляющем большинстве были такими же, как и у аварцев, андо-цезов и горцев Дагестана в целом. Некоторые специфические обычаи сводились к следующим деталям. В течение трех–семи дней беременная женщина не должна была видиться с ближайшими родственниками умершего односельчанина. Молодая мать и новорожденный в течение года и более носили на шее оберег – бусы из пшеничных зерен (33, 66 или 99 штук). Волосы мальчика после первой стрижки хранили в Коране. Считали, что если волосами ребенка опутать конечности лягушки, то он может тяжело заболеть. Новорожденного, по местным традициям, первоначально укладывали в плетеную из прутьев подвесную зыбку, и лишь через три–четыре месяца заменяли ее колыбелью-качалкой общедагестанского типа.

Малая простая семья (родители и их дети) и на сегодняшний день – основная форма семьи у гунзибцев. Бытуют и сложные малые семьи, в которых проживают родители главы семьи и (или) его младшие братья и сестры. Отношения в семье строятся на началах равноправия и взаимного уважения, хотя по традиции главой ее неизменно остается мужчина – муж и отец. По-прежнему семья гунзибцев среднедетна. Дети гунзибцев, как и дети других горцев Дагестана, загружены работой гораздо больше, чем городские подростки. Сызмальства они заняты в хозяйстве, несмотря на прохождение полного курса обучения в общеобразовательной школе. Преподавание в школах до четвертого класса ведется на аварском языке. С недавних пор в программы школ введены такие предметы, как история и этнография Дагестана и родная литература (аварская).

Традиционные поселения гунзибцев – скученное многодворное селение, максимум приведенное в соответствие с рельефом местности, выбранной с учетом оборонительного фактора, наличия или близости источника питьевой воды и солнечной ориентации. Планировка вертикальная, кучевая и террасообразная. Наружные стены домов, плотно прилегая друг к другу, с бойницами представляли собой вместе с боевыми многоярусными каменными башнями серьезную оборонительную линию. Дома были преимущественно двух- или трехэтажными, с хозяйственными службами на первом этаже и жильем наверху. Хозяйственные постройки и кладовые нередко выносились за пределы усадьбы. Дома и хозяйственные постройки возводились из камня, однако обилие в округе леса предопределило значительное место деревянных частей и конструкций в кладке стен, опор и др. Помещение отапливалось очагом открытого типа, с конца XVIII – начала XIX в. – пристенным камином с дымоходом. В одной из комнат, предназначенной для приема гостей, было собрано все самое ценное и

Рис. 94. Хозяйственно-жилой комплекс. (Из личного архива Ризахановой М.Ш.)

качественное, чем владела семья. Другие комнаты жилой части комплекса служили для хранения одежды, утвари, материалов, припасов и др. Мебели в комнатах, кроме низких горских стульчиков, не имелось. Тип широкой деревянной скамьи со спинкой, выполнявшей роль кровати, появился в горных районах лишь в конце XVIII – начале XIX в. Убранство комнаты составляли разбросанные и развешенные по стенам полотнища войлока, шкуры домашних и диких животных, паласы, а также одежда домочадцев, их постельные принадлежности, посуда, какая-то часть продуктов в мерах, мешках и кувшинах и др.

С конца XIX – начала XX в. новые жилища стали строить на более низменных участках сельской округи, где дома располагаются свободно и, как правило, в сочетании с приусадебным участком. В большинстве случаев под новые застройки начали использовать общественные уголья джамаата. Ныне на хозяйственные цели отводятся минимум помещений жилищно-хозяйственного комплекса, а в жилой его части располагаются неизвестные ранее детские, кабинет, спальня и др. помещения (Материальная культура аварцев, 1967. С. 96–214; Ризаханова, 2001. С. 81–100). Внутреннее убранство жилища гунзибцев-сельчан мало чем отличается от городского: здесь мы видим современную мебель, ковры и паласы, книги, современную посуду, телерадиоаппаратуру, электрические бытовые приборы и т.д.

Материал для одежды производился тут же, на местах: сукно, овчина, войлок, шкуры, сыромятная кожа и хром, шерстяные нитки. С XIX в., особенно со второй его половины, гунзибцы, как и к другие народы Дагестана, использовали появившиеся дешевые фабричные ткани: ситец, бязь, полотно, сатин и др. Нашли применение также привозные (из стран Востока, Закавказья, России) шелковые, бархатные, парчовые и другие дорогие и нарядные ткани, малые и большие платки.

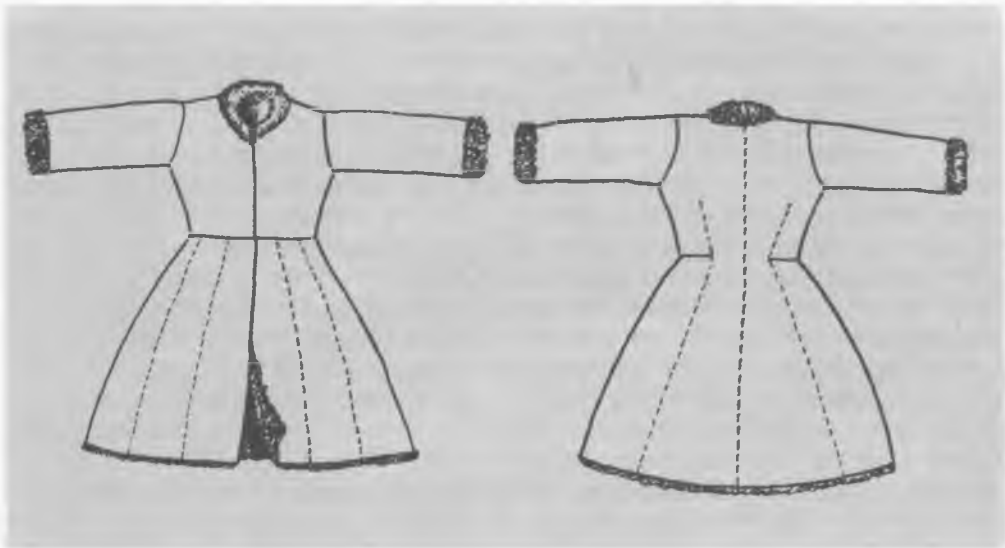

Рис. 95. Утепленный мужской бешмет (покрой). (Из личного архива Лугуева С.А.)

Мужская одежда была представлена овчинными папахами, несколькими разновидностями овчинных шуб, буркой, бешметом, черкесской, штанами без ширинки, на вздержке, с зауженными штанинами, рубахой туникообразной, без воротника, с подкладкой на спине, с длинными рукавами без манжет. Преобладающим видом обуви были шерстяные вязаные узорные сапоги со стеганой шерстяной подошвой и загнутыми концами носков. Кроме того, гунзибцы носили низкую обувь из сыромятной кожи, сшитую из одного куска, со швом спереди и у пятки, сапоги на мягкой подошве из кожи местной выработки; обувь типа туфель без каблуков и жесткой подошвой, комбинированную обувь с войлочным верхом и кожаным низом. На поясе мужчины носили кинжал.

Женщины имели теплые шали, платки. С детского возраста и до старости под платком носили платок-накосник чухту. Верхней и одновременно нательной одеждой им служили рубахи (туникообразного покроя, отрезные по талии с различными комбинациями форм рукавов и воротов). Под рубаху надевали штаны, скроенные из двух полотнищ с большим клинообразным вырезом, на вздержке, со вставкой-ластовицей. Шуб и телогреек женщины не носили. Осенне-летней одеждой им служили также длинные, толстые шерстяные свитера. В любое время года женщины преимущественно носили вязаные шерстяные сапоги. Они отличались от мужских более пестрой цветовой гаммой узорного орнамента (геометрический, частично растительный) и длиной: до колен и выше. Женщины имели и другие виды обуви, те же, что и у мужчин, за редким исключением. До конца XIX в. мужчины и женщины зимой иногда надевали овчинные штаны и рубахи с ворсом внутрь. Женщины носили серебряные кольца, браслеты, серьги, нашейные и нагрудные украшения. Это были ювелирные изделия кубачинских, лакских и аварских серебряников. С детства отпускали волосы, собирая в две косы, в пожилом возрасте женщины их подстригали.

Современные гунзибцы одеваются как городские жители. Предпочтение элементам традиционного костюма отдают представители старшего поколения. Так, некоторые женщины предпочитают носить платье-рубаху с матерча-

тым поясом и чухту; на ногах мужчин можно увидеть хромовые сапоги с мягкой подошвой или вошедшие в быт с конца XIX в. сапоги русского образца; кое-кто из пожилых гунзибцев носит костюм защитного цвета полувоенного покроя; на голову многие мужчины надевают папахи (*Ризаханова*, 1990. С. 68–83).

Пища гунзибцев – мучная и мясомолочная. Овощи и фрукты потреблялись редко. Их в какой-то степени заменяли разнообразные съедобные травы и коренья, а также лесные плоды и ягоды. Продукты питания – мука (ячменная, ржаная, пшеничная, с XIX в. кукурузная), толокно, крупы, сушеное мясо, реже свежее, колбасы, жир, курдюк, масло топленое, сыры, молоко, сливочное масло, яйца. Из муки готовили лепешки, кислый хлеб нескольких разновидностей, хинкалы, из муки и круп – каши; мясо ели вареное (чаще всего с хинкалом), реже – жареное; подавались к столу молочные или мучные похлебки. Пекли также пироги типа чуду с творогом, с растительной начинкой, с мясом и др. С теми же начинками готовились пельмени (Там же. С. 85–97). Большинство традиционных блюд сохранилось и по сей день, хотя кухня гунзибцев во многом обновилась и обогатилась национальными блюдами других народов Кавказа, России, народов ближнего зарубежья.

Гунзибцы с незапамятных времен отмечали религиозные и календарные праздники. В дни религиозных праздников (день рождения Пророка, день окончания мусульманского поста, дни поминовения покойных родственников и близких и др.) принято было устраивать коллективные семейные, родственные и общественные моления, накрывать праздничные столы, совершать жертвенные раздачи, посещать с поздравлениями и подарками родственников, соседей, односельчан. Праздник вывода быков (день первой борозды) 20–22 марта отмечался всем селением символической прокладкой борозды, одеванием вывороченных наизнанку шуб, забрасыванием ритуального пахаря и быков комками земли, коллективной трапезой, спортивными состязаниями в беге, скачках, борьбе, метании камней. День прихода зимы, 20–22 декабря, отмечался праздничными обедами в семьях, взаимными поздравлениями, шутками и веселыми розыгрышами, шествиями ряженой молодежи, разжиганием костров, прыжками через них и др.

Праздничным столом, взаимными поздравлениями и угощениями, жертвенными раздачами отмечались также дни вывоза навоза на поля, первой прополки, жатвы, выпечки хлеба из муки нового урожая, отгона и возвращения скота,

Рис. 96. Мужчина в традиционном костюме. (Из личного архива Лугуева С.А.)

случки, стрижки, доения овец и др. В осенне–зимний период распространены были увеселительные собрания мужчин и женщин по половому и возрастному признаку – своего рода посиделки. В быту гунзибцев пережиточно сохранились рудименты былых “мужских союзов”. Это проявлялось в традиционном многодневном времяпрепровождении, увеселительном собрании мужчин с жестко регламентированным распорядком его проведения.

Устное творчество гунзибцев сохранилось в народной среде на родном и аварском языках. Свообразен народный сельскохозяйственный календарь и система счета времени, основанные на эмпирическом опыте многих поколений. Лекари гунзибцев умели диагностировать и лечить многие болезни.

У гунзибцев, сравнительно поздно принявших ислам (в XIX в.), частично и в наши дни пережиточно сохранились отголоски домонотеистических представлений: вера в чертей, джинов, ведьм, домовых, в мифических распространителей болезней, похитителей внутриутробного плода, в виновников ночных кошмаров, в духов – носителей доброго начала, в божества лесов, полей, гор, рек и т.д.

В советское время в духовной жизни гунзибцев произошли очень большие перемены. Началась широкая кампания по ликвидации безграмотности, открылась сеть начальных, восьмилетних и средних школ, охвативших образованием все подрастающее поколение. Постепенно стала складываться местная интеллигенция – появились свои учителя, врачи, агрономы, механизаторы и др. По официальным данным, около 75% гунзибцев владеет русским языком. Благодаря русскому языку они получили возможность приобщиться к достижениям мировой культуры и науки. Только в период 1990-х годов в средних специальных и высших учебных заведениях республики обучалось более 50 гунзибцев. В наши дни селения гунзибцев связаны шоссейной дорогой и воздушным транспортом со столицей и другими городами и районами Дагестана. Гунзибцы уже давно пользуются всевозможными бытовыми электроприборами, смотрят телепередачи, имеют доступ к дагестанской, русской и переводной иностранной художественной литературе.

Гунзибцы считают себя мусульманами-суннитами. Следует отметить, однако, что в народной среде получил распространение главным образом “бытовой ислам”. В подавляющем большинстве случаев религиозность народа ограничивается признанием единого Бога и его Пророка, знанием наиболее обиходных мусульманских формул и молитв, следованием основным религиозным запретам и периодическими совершениями раздач-благотворений. Число людей, более углубленно и последовательно следующих канонам мусульманского вероучения, сравнительно невелико. Вместе с тем, год от года заметно увеличивается число лиц, пятикратно в день творящих намаз, неукоснительно придерживающихся всех или большинства исламо-шариатских требований и рекомендаций, а также совершающих паломничество в Мекку.

ДИДОЙЦЫ (ЦЕЗЫ)

Дидойцы, дидои (самоназвание – “цезы”, т.е. “орлы”) – народ в высокогорном Западном Дагестане, входящий в аваро-андо-цезскую группу народностей. Аварцы и соседние народы аварской группы называют их *цунтлал*, грузины – *дида*, народы Дагестана от аварцев их обычно не отличают. Цезы исторически сближались с аварцами, с которыми они родственны в генетическом отношении и по языку, наличием общих черт в сфере традиционной семейной жизни, общественного быта, материальной и духовной культуры. Большая часть цезов ком-

пактно проживает в высокогорном Западном Дагестане (Цунтинский р-н) на границе с Грузией, часть издавна, со средних веков, живет в Грузии, в советский период значительное число семей переселились на Прикаспийскую равнину (Традиционное и новое... 1988. С 20–22, 26–31 и др.). На своей исторической территории цезы с юга граничат с Кахетией, на западе – с Тушетией, на севере и северо-западе – с ункратлинцами (аварцами), на востоке – с капучинцами (бежтинцами). Территория дидойцев на юге ограничена Главным Кавказским хребтом, на востоке – Богосским и Мичитлинским, на северо-западе – отрогами Пириктельского хребта. Леса в этой местности преимущественно смешанные, с преобладанием хвойных деревьев, склоны покрыты густой растительностью, изобилуют альпийские и субальпийские луга. Климат суровый, с коротким жарким летом и длительной холодной зимой (*Гюль и др.*, 1959. С. 16, 55, 60 и пр.).

Дидойцы относятся к западному варианту антропологического типа дагестанцев, являясь классическими представителями кавказского типа – кавкасионцами. Этот тип принадлежит к переднеазиатской ветви большой европеоидной расы.

Говорят дидойцы на дидойском (цезском) языке, который входит в аваро-андо-цезскую группу нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи языков. Язык делится на несколько диалектов и множество говоров, на которых общаются жители почти каждого селения (*Бокарев*, 1932. С. 11). Подавляющее большинство населения говорит также на аварском, русском и грузинском языках, многие на разговорно-бытовом уровне владеют языками соседей – бежтинцев, гунзибцев, гинухцев. Некоторые говорят по-кумыкски и по-азербайджански.

Общая численность дидойцев оценивается в 7500–8000 человек. Без учета лиц, проживающих за пределами этнической территории, число цезов составляло: в 1866 г. – 3255 человек, в 1886 г. – 4296, в 1894 г. – 4762, в 1916 г. – 4440 человек (*Ибрагимов*, 1981. С. 101–103, 105). По переписи 1926 г. число их составило 3,3 тыс., а на 1 января 1938 г. – 5,8 тыс. человек (*Он же*, 1991. С. 109, 112). С 1939 г. и в последующих переписях дидойцев-цезов учитывали уже как аварцев. Их численность в 1950–1970-е годы можно установить исходя из данных о численности населения цезских селений Цунтинского р-на. Обобщенные цифры следующие: в 1959 г. – 5138 человек, в 1970 г. – 5467 и в 1979 г. – 5733 человека (Численность и территориальное размещение... 1980. С. 129–131).

Древнейший период истории рассматриваемого народа может быть хоть как-то освещен только в плане формирования представлений о социально-политических, экономических и культурных процессах на Северо-Восточном Кавказе во времена становления здесь этнокультурной общности носителей раннеземледельческой культуры. Субобщности, на которые указанная общность с III тыс. до н.э. начинает распадаться, к I тыс. до н.э. дали ту основу, на которой складывались племена Дагестана и их объединения, в том числе и федерация Дидо. Плиний Старший (I в. н.э.) и Птолемей Клавдий (II в. н.э.), перечисляя племена Кавказа, называют и дидуров. Под этим наименованием был известен конфедеративный суперсоюз, объединивший многие народы Дагестана. Со второй половины II тыс. до н.э. и до середины IX в. до н.э. это самое мощное политическое образование региона (*Магомедов Д.М.*, 1975. Вып. 2. С. 95–110). На протяжении всей истории своего развития дидойцы поддерживали теснейшие экономические и политические отношения с Грузией. В IV–X вв. они подвергались христианизации грузинскими миссионерами, однако новая религия здесь не укоренилась. С XV в. начинается процесс исламизации дидойцев. Усиливается экспансия хунзахских ханов и Гидатля, в результате чего, в частности, многие союзы сельских общин от Дидо отпадают. С конца XV в. дидойцы – это уже чи-

сто этническое понятие, в общем подразумевающее современных дидойцев – цезов (Лузиев, Магомедов, 1988. С. 18–26).

Вместе с другими народами Дагестана дидойцы отражали нашествия иноземных захватчиков, активно участвовали и в многовековой борьбе дагестанцев с ирано-турецкой экспансией. В освободительную войну Дагестана и Чечни 20–50-х годов XIX в. цезы включились с начала 1840-х годов. После покорения Дагестана и до 1860 г. они находились под управлением командующего войсками на Лезгинской кордонной линии, а затем цезские селения были включены в состав Андийского округа Дагестанской области. Центр дидойского наибства находился в сел. Кидеро. В 1860 г. в составе военного отдела был создан Бежтинский округ, просуществовавший до 1865 г. После этого округ ликвидировали, а пять его наибств по частям присоединили к округам Среднего Дагестана. Непокорные дидойцы находились на особом счету у царской администрации. Так, военный начальник Верхнего Дагестана, куда входил Бежтинский округ, подчинялся не областному управлению, а непосредственно кавказскому наместнику (Магомедов Д.М., 1977. С. 22–50).

Дидойцы входят в Дагестанскую историко-культурную область, которая является частью Кавказской историко-культурной провинции. В указанной области они представляют собой часть высокогорного хозяйственно-культурного ареала отгонных скотоводов и пашенных земледельцев. Связь между земледелием и скотоводством здесь минимальная, скотоводство преобладает, земледелие – преимущественно склоновое (а не террасное), из зерновых традиционно сеют ячмень, рожь, бобовые; промыслы исключительно домашние, развито отходничество; во вьючном транспорте главную роль играет лошадь. Скудность и теснота поселений ярко выражена, многоэтажность жилищ более заметна, тут характерно значительное преобладание хозяйственных помещений и построек скотоводческого назначения (Османов М.О., 1996. С. 245–246).

Традиционное занятие народа – отгонное животноводство, главным образом скотоводство. Весной скот перегоняли на высокогорные летние пастбища, а осенью – на зимние пастбища Кахетии и Закавказья. Меньшая часть скота оставалась на хуторах-зимниках. Пахотные участки, расположенные на склонах гор, частично обеспечивали население хлебом. Землю обрабатывали деревянным безотвальным плугом с тяжелой деревянной подошвой и железным сошником (наральником). Разводили пчел. С I тыс. до н.э., согласно археологическим данным, здесь сложился центр металлообработки, получили распространение выделка сукон и овчины, производство вязаной обуви, деревообработка, обработка камня. Промыслы носили домашний характер. Торговля до второй половины XIX в. – в основном меновая, главным образом с Грузией, а также с внутренним Дагестаном, народами Северного Кавказа, с Россией. Со второй половины XIX в. растет товарность производства, появляются элементы капиталистического хозяйства (Магомедов Д.М., 1975. Вып. 2. С. 215–242).

В советский период на смену хозяйству, базировавшемуся на частновладельческих принципах, пришли коллективные формы его ведения. Возник новый тип современного интенсивного скотоводства с незначительным земледелием. К 1980-м годам у цезов образовались 7 колхозов и 4 отделения. У большинства колхозов были свои прикутаные хозяйства на Приморской низменности. На них выращивают огородные и бахчевые культуры, разбиты участки садов и виноградников.

Дидойцы представляли собой военно-политическое и территориально-этническое объединение союзов сельских обществ – “вольное общество”. Оно состояло из трех частей: Дидо-Шуратль (13 селений), Дидо-Асах (9 селений) и Ди-

до-Шайтль, или Иланхеви (12 селений). Вопросы, касавшиеся объединения в целом, решались чаще всего представителями входящих в его состав союзов. По необходимости объединение собирало ополчение из всех мужчин суперсоюза. В состав последнего как самостоятельные административно-хозяйственные и социально-политические единицы входили три названные выше союза сельских обществ со своими союзными и джамаатскими органами управления. Каждый из джамаатов имел собственную территорию и население, органы управления и свод обычно-правовых норм-адатов (*Шиллинг*, 1996. С. 26; *Лугуев, Магомедов*, 1988. С. 161–190).

В социальном отношении джамааты-общины были почти однородны, численность так называемого сословия рабов-лагов, военнопленных и их потомков была незначительной. Население состояло из лично независимых, свободных семей, бывших владельцами пахотных участков, сенокосов, того или иного количества скота, дома с хозяйственными строениями, домашнего имущества и др. Часть сенокосов, пастбища, леса, пустоши, водоемы и прочее являлись коллективной собственностью всей общины. Последняя выступала и как распорядитель частных угодий при их утилизации в сельскохозяйственном цикле. Община регламентировала начало, продолжительность и конец всех видов сельскохозяйственных работ и категорически запрещала отчуждение личных сенокосных и пахотных участков за пределы джамаата.

Сельское управление состояло из сельского схода (верховный орган джамаата), старейшин (они же, как правило, являлись и главами тухумов), нескольких исполнителей с полицейскими функциями и глашатая-*чауша*. Судопроизводство, осуществляемое теми же старейшинами, было основано на адатах и на шариате. Сход представлял собой собрание всех совершеннолетних мужчин общины. Джамааты состояли из тухумов – групп родственных семей с идеологическим и относительным хозяйственным единством, главы которых вели происхождение от одного и того же предка. В большинстве своем тухумы были местного происхождения, и лишь некоторые из них предания связывают с иноэтническими корнями.

В общественной жизни важное значение имел обычай взаимопомощи – как тухумно-родственной, так и соседско-общинной. Любой член общества по необходимости мог твердо рассчитывать на помощь односельчан и родственников при строительстве или ремонте дома, женитьбе сына или замужестве дочери, при пожаре, падеже скота, отправлении поминальных обрядов и т.д. Вдовы, сироты, престарелые одиночки, калеки и другие члены общества, по тем или иным обстоятельствам лишившиеся кормильца, содержались за счет общественных фондов джамаата и благотворительных раздач, дарений членов общины. Общественные средства складывались за счет штрафных платежей членов джамаата, а также сумм и средств, полученных от сдаваемых в аренду прочим обществам и лицам джамаатских пастбищ. Содержались или поддерживались нуждающиеся и из так называемых вакуфных средств, образуемых дарениями и завещаниями верующих в пользу мечети. Часть дохода семьи от земледелия, скотоводства или торговых операций в виде закята специально отчислялась только на подобные нужды. В целом в имущественно-однородной среде цезов выделялась прослойка членов сельского управления, богатых скотоводов и земледельцев, превращающаяся в феодализирующую знать.

С первых веков нашей эры господствующей формой семьи цезов была малая простая семья, состоявшая из родителей и их детей. Неразделенная семья (совместное проживание отца с несколькими сыновьями или братьев со своими семьями, ведущих совместное хозяйство) кое-где сохранялась до первых десяти-

летий XX в. из соображений экономического плана, при весьма небольших размерах площадей угодий и многоукладности хозяйства, характерными чертами которого, в частности, были и периодические перегоны скота, и отходничество.

Традиционно дидойская семья – среднедетная, в ней преимущественно было от двух до четырех детей. Браки совершались главным образом посредством сватовства по инициативе родителей молодых. До начала XX в. здесь изредка практиковались и другие формы брака: похищение, совместное бегство молодых, обменная и отработочная формы, формы левирата и сорората. Свадебные обычаи и обряды – в основном общеаварского и общедагестанского типа. В наши дни браки заключаются преимущественно по любви с возможным учетом мнения родителей. Глава семьи, как правило – отец, но отношения между супругами базируются на началах равенства и равноправия.

В семье с малолетства мальчиков приучали к традиционно мужским занятиям: пахоте, уходе за скотом, строительному делу, обработке дерева и камня и т.д. Под руководством отца, братьев, родственников подросток постепенно обретал также умения и навыки воина-наездника. Девочки приучались к многочисленным обязанностям хозяйки дома и матери. Чтению и письму мальчики обучались в примечетских мектебах, девочки – дома. За год-полтора они осваивали основы арабской графики, чтения и письма и заучивали определенные суры и отдельные стихи Корана. Подобное обучение могло происходить также в любом свободном помещении, где с группой учащихся проводил занятия (бесплатные) мулла или кто-либо из представителей старшего поколения. Продолжить образование можно было в медресе, школе второго, более высокого порядка, где грамматике и письму учили (опять-таки бесплатно) более углубленно, проходили курс арабского языка, где происходило серьезное знакомство с Кораном и Сунной, подробно усваивались нормы шариата. Кроме того, обучавшийся проходил здесь основы курса математики, астрономии, географии, истории, риторики, философии и др.

В современных условиях дети цезов проходят полный курс средней школы. В дополнение к общефедеральным программам школьники изучают аварский язык и литературу, основы этнографии, историю Дагестана. До четвертого класса преподавание ведется на аварском языке, а далее – на русском.

В семье дидойцев стойко сохранялись традиции, связанные со свадебным, а также родильным циклом, которым следовали многие поколения.

Свадьбе предшествовали встречи обрученных – девушки и юноши – со своими сверстниками, которые как бы “прощались” с ними перед их вступлением в брак, в другой период жизни. Так, за два-три дня до свадьбы у жениха организовывалась пирушка неженатой молодежи; в то же время у невесты собирався девичник. Вообще же свадебная обрядность цезов, как отмечалось, в большинстве компонентов совпала или была весьма схожа с соответствующими обрядовыми действиями прочих аваро-андо-цезов и других горцев Дагестана: и брачный возраст молодых, и сговор, и сватовство, и праздничное торжество в доме невесты, и ее перевод в дом жениха (мужа), и фактическое неучастие молодых в торжестве у жениха, и обряды приобщения невесты (супруги) к новому для нее дому, хозяйству, и выход новобрачной за водой, и многое иное происходило примерно по одному и тому же сценарию, совершалось по одним и тем же обычаям.

Местное, специфическое здесь проявлялось лишь в деталях. Например, у цезов было принято произнесение тамадой хвалебного тоста в адрес отсутствующих, по обычаю, на свадьбе отца, братьев и близких родственников невесты по отцовской линии. Подростки и парни верхом на коне гарцевали вокруг процессии, сопровождавшей невесту к дому жениха и предлагали девушкам, в том числе и невесте, подвезти их; согласия, естественно, никто не выражал, но за

любезность всадник получал от девушек подарок. С началом свадьбы во дворе дома жениха или где-нибудь поблизости разжигался небольшой костер, в котором огонь поддерживался до момента уединения молодых; погасить его должен был дядя невесты со стороны матери. Иногда цезы придерживались стародавнего обычая подмены невесты: одна из замужних родственниц или подруг невесты играла роль новобрачной, а виновница торжества какое-то время отсиживалась дома. Обнаружившая подвох сторона жениха должна была одарить их обеих ценными подарками (платками, отрезами на платье, деньгами и др.), чтобы все стало на свои места. Оказавшись наедине с невестой, жених следовало рассмешить ее словами или выходкой, чтобы получить право на близость. Молодые люди кормили друг друга, выражая тем самым взаимное согласие. На второй и третий день свадьбы новобрачная несколько раз меняла наряд: чем чаще она это делала, тем большее уважение демонстрировалось по отношению к семье новобрачного. По установившейся традиции, молодоженам стелили две постели: первые три дня молодые ложились отдельно, встречаясь ненадолго на постели новобрачной. На четвертый день постельные принадлежности жениха его мать дарил кому-либо из молодых неженатых родственников мужа.

С рождением ребенка начинался обрядовый цикл, связанный с появлением нового члена семьи. Прежде всего это обычные у народов Дагестана праздничные трапезы по случаю рождения мальчика или сбор родственников, односельчанок и подруг для поздравления с рождением девочки. К этому же циклу относились обряды укладывания ребенка в люльку и наречения именем, обряды, связанные с первым бризгом головы, появлением первого зуба, первым самостоятельным шагом и т.д.

Поселения цезов (селение и хутор) сложились исторически. До периода раннего средневековья у них, как и повсеместно в горах Дагестана, были распространены небольшие поселения родственных коллективов, возможно – туземов. С XII–XIV вв. происходит процесс укрупнения поселений за счет объединения мелких. Как правило, такое поселение – это мощное укрепление, расположенное в ущелье, на склоне горы, и обнесенное оборонительной стеной, иногда – с оборонительными башнями. Большинство жилых домов в селениях одновременно представляли собой многоэтажные оборонительные сооружения с двускатными сланцевыми крышами, обращенные к внешней части селения сплошной стеной с рядами бойниц. (Материальная культура аварцев, 1967. С. 131–144). Подавляющее большинство оборонительных башен и “домов-крепостей” были разрушены в 40–50-е годы XIX в., в период Кавказской войны. К первым десятилетиям XX в. из них уцелели считанные единицы.

Хутор представляет собой небольшое поселение с числом хозяйств от одного–двух до пяти–шести. Постройки здесь, как правило, располагаются более свободно. Поселение это напоминает опорный пункт для сезонного содержания скота; вокруг могли располагаться небольшие пашни и сенокосы (Асиятилов, 1967. С. 44).

Современные поселения дидойцев – это комплекс жилых и хозяйственных строений преимущественно склоново-ступенчатой планировки, где большинство домов представлено двух- и трехэтажными конструкциями. В новых частях селений, заселявшихся в 20–30-е, а затем в 50–60-е годы XX в., наблюдается тенденция к свободному расположению жилых помещений рядом с хозяйственными постройками, на более низменных частях сельской округи. Многие селения или значительные их части возникли фактически заново после основательных разрушений в годы Кавказской войны и принудительного переселения на территорию Чечни в 1944–1957 гг.

Рис. 97. Селение Кидеро. (Из личного архива Лугуева С.А.)

Прообраз современного жилища – одноэтажная однокамерная каменная постройка с вентиляционными продухами и плоской крышей. Уже в период раннего средневековья она постепенно эволюционировала в многоэтажное многокамерное строение с окнами и двухскатной крышей, крытой зачастую дранкой. В кладке стен строений традиционно значительное место занимали деревянные бруски. Распространена была техника каркасного жилища: промежутки между деревянными каркасами стен выкладывались камнем. Жилая комната отапливалась очагом открытого типа, а с конца XVIII – начала XIX в. появился пристенный очаг-камин с дымоходом. Спальные принадлежности, развешенная одежда и расставленная обувь, повседневная посуда (бронзовая, медная, керамическая и деревянная) и кухонная утварь, хозяйственные инструменты, какая-то часть продуктов в коробках, мерах и мешках и другое составляли интерьер основного жилища, где собиралась семья для обогрева, трапезы, ночлега. Прочие комнаты использовались чаще для хранения домашнего скарба, припасов продуктов, продовольствия и т.д. Одна из комнат, обставленная лучше других, служила для приема гостей. Ее украшали самые красивые ковры, дорогая и редкая посуда, оправленные в серебро оружие, нарядная конская сбруя и т.д.

Современное жилище цезов – это более просторный вариант традиционного жилища, где число хозяйственных помещений сведено к минимуму и появились комнаты специального назначения (кухня, спальня, детская, гостевая и др.). Электричество, радио, телевизоры, современная система отопления, домашние библиотечки, современная утварь изменили интерьер старого жилища. Отдавая дань традиции, многие семьи сохраняют стародавнюю посуду, шубы и папахи, утварь и оружие, что придает интерьеру специфический характер.

Традиционную мужскую одежду составляли туникообразная рубаша, штаны без ширинки, на вздержке, с зауженными штанинами, бешмет, черкеска, овчинные шубы нескольких разновидностей, полусферическая или в форме усеченного конуса овчинная папаха, кавказский ремень с наборными серебряными украшениями, вязаные шерстяные сапоги, простейшая низкая обувь из сыромятной кожи (две разновидности), лайковые сапоги с мягкой подошвой, низкая обувь типа галош с твердой подошвой, войлочные сапоги с кожаным низом. Женская одежда состояла из туникообразных платьев-рубаш нескольких разновидностей, отрезных по талии платьев, сверху донизу распахнутого платья типа *кьабалай* и длинных штанов с зауженными штанинами. Голову покрывали сложным по конструкции чепцом-накосником сугубо местного образца, шелковыми и шерстяными платками, теплыми шерстяными шалями. На ногах женщины носили вязаную шерстяную обувь типа сапог и те же виды обуви, что и мужчины (за исключением сапог). Материалы для одежды (сукно, кожа, войлок, шерстяные нитки и др.) вырабатывались на месте. С XIX в. дидойцы использовали поступавшие к ним дешевые фабричные ткани. Дорогие нарядные ткани привозились из России, Закавказья и Северного Кавказа. Женщины украшали себя бусами, а также серебряными кольцами, перстнями, серьгами, браслетами, налобными, височными, нашейными, нагрудными и прочими украшениями (Материальная культура аварцев, 1967. С. 216–255; *Никольская, Шиллинг*, 1953. С. 12–20, *Сергеева*, 1977, 1978; *Гаджиева*, 1981 и др.).

Современная одежда дидойцев – это в основном одежда европейского типа. Некоторые представители старшего и среднего поколений и в наши дни носят одежду, сохраняющую традиционные элементы.

Особенности ведения хозяйства предопределили мучной и мясо-молочный характер пищи цезов. Основными продуктами питания были мука (ячменная, ржаная, пшеничная, с конца XIX в. кукурузная), толокно, крупы, мясо, колбасы, курдюк, топленое масло, сыр. Фрукты и овощи были привозными. Наиболее типичные блюда: хинкал нескольких разновидностей (со свежим и сушеным мясом, с курдюком, колбасой, чесночной подливой, сыром и др.), лепешки, кислый и пресный хлеб, тесто из толокна, каши, бульоны, молочные похлебки, пироги типа “чуду” с творогом, зеленью, мясом, блюдо типа вареников, “курзе” с той же начинкой и др. Можно отметить, что большинство традиционных блюд в обиходе у цезов и сегодня. С конца XIX в. национальная кухня разнообразилась такими блюдами, как соусы, супы, борщи, щи, котлеты и пр.

Горными выючными и пешеходными тропами дидойцы были связаны между собой, с внутренним Дагестаном, через него – с другими народами Кавказа. Особые торгово-экономические отношения, развивавшиеся веками, связывали дидойцев с Грузией. Товарами обменно-денежных операций служили шерсть, сукна, кожи, сушеное мясо и жиры, топленое масло, сыр. На все это приобретались хлеб, ткани, одежда, фрукты, изделия ремесла и др.

Во второй половине XIX в. и в советское время в горах было проложено много новых дорог, расширены старые. Пассажирские и транспортные перевозки посредством легковых и грузовых автомашин у дидойцев давно стали обыденным явлением.

Как у всякого другого народа, у дидойцев с незапамятных времен сложились свои обычаи и обряды. Большая их часть идентична или схожа с таковыми у прочих горцев Дагестана, некоторые носят сугубо местный характер. Так, в общественно-бытовом институте взаимопомощи у цезов, в отличие от иных горцев Дагестана, существовала жесткая взаимосвязь между степенью родства и количеством скота, выделяемым пострадавшему от стихийного бедствия. В от-

Рис. 98. Дидоец в традиционном костюме. (Из личного архива Лугуева С.А.)

Рис. 99. Дидойка в традиционном костюме. (Из личного архива Лугуева С.А.)

Рис. 100. Девушка в традиционном костюме. (Из личного архива Лугуева С.А.)

дельных обществах нами обнаружены рудименты авункулата, выразившиеся в особой роли дяди по матери при женитьбе, замужестве, возникновении острой потребности в материальных средствах и др. В обычаях семейного цикла, в частности в свадебных, сохранились локальные черты и элементы, унаследованные как рудименты группового брака или матрилокального поселения. То же самое можно сказать и в отношении институтов куначества и гостеприимства, кровной мести, обычая взимания ишкиля (*барамта*), других обрядов семейного (свадебные, похоронные, связанные с рождением ребенка и др.) и общественно-бытового цикла (обрядово-магические действия, имеющие отношение к земледелию, скотоводству). К сугубо местным можно отнести верования, связанные с культом белого камня (ц'ов-б-Аллах). Самобытен местный праздник встречи зимы, сопровождающийся всеобщим весельем, ряжением в маски, разжиганием костров, коллективными трапезами и др. (*Карпов*, 1989).

Самобытна традиционная духовная культура народа. Рудименты домусульманских верований так или иначе сказывались и сказываются в быту постоянно. Это отголоски былых демонических культов, пережитки поклонений объектам и силам природы, остаточные проявления религиозно-магических представлений и т.д. Веками формировавшееся устное народное творчество представлено пословицами, поговорками, сказками, песнями, притчами, детскими рассказами и т.д. Эти произведения передаются последующим поколениям на аварском и дидойском языках. Многовековой опыт наблюдения за взаимодействиями природы и человека способствовал развитию в обществе рациональных средств и методов борьбы с различного рода заболеваниями. На протяжении веков в народе формировался и совершенствовался народный сельскохозяйственный календарь, в основе которого лежал трудовой опыт поколений.

В 60-е годы XX в. дидойцами был организован фольклорный коллектив, который вскоре получил известность в республике, в СССР, отмечался наградами международных фестивалей. Он функционирует и поныне. Во многих селениях имеются дома культуры с местными самодеятельными народными хореографическими и танцевальными ансамблями, с киноустановками, общесельские или школьные библиотеки (Лугуев, Магомедов, 1988. С. 176–195).

Верующие дидойцы – мусульмане суннитского толка. Дидоэтия исторически представляла собой широкое поле деятельности для христианских миссионеров Грузии. Дело дошло до строительства здесь небольших христианских храмов. Грузинские миссионеры открывали у дидойцев школы, где дети обучались языку, чтению и письму на грузинском, а также основам христианской религии. Тем не менее христианство, не сумев пустить глубокие корни, не прижилось в Дидоэтии (История Дагестана. Т. 1. 1967. С. 214–215). Мусульманство у цезов тоже утвердилось позже, чем у других народов Дагестана (возможно из-за отдаленности от главных центров ислама, а также более прочных позиций христианства под влиянием соседней Грузии, с которой цезы истари имели, как указывалось, широкие политические и культурные контакты), а именно к концу XVIII – первой половине XIX в. (по-разному в различных частях). Проводниками новой религии выступали Хунзах и Гидатль (Шихсаидов, 1969. С. 52–69), а также новообращенные бежтинцы. Вскоре идеология ислама укоренилась повсеместно и органически слилась с жизнью и бытом местного населения. Начался процесс строительства мечетей, открытия молитвенных домов, примечетских мектебов и медресе. Пережиточно сохранившиеся в сознании масс элементы стародавних религиозных представлений теперь уже могли существовать только как соответствующие нормам официального ислама, или, по крайней мере, как не противоречащие им. Укоренившиеся в общественном быту стародавние обряды и ритуалы сопровождались в народной среде мусульманскими молитвами, обращениями к Аллаху, Пророку и святым и проводились, как правило, с участием мусульманского духовного лица. Сознание народных масс все больше и больше пронизывали догмы и идеи новой религии. Каждый свой шаг дидоец стремился соизмерять с кораническими ориентациями, любой свой поступок он соотносил с требованиями ислама. Идея единобожия, простота, доступность отправления религиозных треб, логическая выдержанность аргументации основных положений ислама сделали эту религию доступной и популярной.

Запреты и гонения не смогли искоренить в сознании народа чувство причастности к исламу и шариату. В наши дни начинают восстанавливаться и функционировать мечети. В народной среде получает развитие идея приобщения подрастающего поколения к основам мусульманского вероучения. Подавляющее большинство цезов – верующие. Их приверженность к исламу главным образом выражается в следовании самым общим его требованиям: признания единого Бога и его Пророка, овладения несколькими самыми распространенными молитвами, совершения обряда обрезания, соблюдения запретов на свинину и вино, соблюдения поста, приношения периодических пожертвований, поминания умерших и др. Тем не менее процент верующих, следующих религиозным догмам и требованию пятикратно в день творить намаз, невелик. Религиозная нравственность пока еще не стала у дидойцев (как и везде в Дагестане) практической нормой.

В современной жизни у дидойцев отмечаются оживление интереса к своей культуре и истории и повышение уровня субэтнического самосознания.

Подавляющая часть нынешних цезов проживает в селениях. Похозяйственные книги сельсоветов (из которых нами и выведены все следующие ниже цифры) показывают, что на 1989–1990 гг. процент дидойцев-горожан составлял

около 8% (в середине 1970-х годов – 7%). Произошли заметные перемены в традиционном хозяйстве. Сейчас земледельцы выращивают не только зерновые культуры, но и картофель, овощи, разводят сады. Последнее весьма примечательно. Селения цезов традиционно не знакомы с садоводством; посадки фруктовых деревьев, главным образом яблонь и груш, здесь начались в 1930–1940-е годы. В наши дни многие хозяйства на приусадебных участках имеют от 2–3 до 10–15 плодовых деревьев. Садоводство, производство зерновых, овощеводство, бахчеводство особенно интенсивно ведутся на прикутаных хозяйствах равнинной зоны.

Скот в личном хозяйстве содержат 93,8% семей дидойцев, мелкий рогатый скот имеют 74,5% семей, до 5% дидойцев разводят пчел.

Электрификация населенных пунктов, развитие транспорта, внедрение современной техники, газификация (69,5% семей пользуются газовыми плитами на привозном газе), радиофикация и другие прогрессивные явления ведут (медленно, но неуклонно) к унификации материальной культуры, к нивелировке этнической специфики в культуре и быту.

Холодильники, пылесосы, стиральные машины, теле- и видеоаппаратура имеются в большинстве домов. За последние 7–10 лет улучшена проходимость одной из самых сложных в Дагестане трасс, связывающих цезов со столицей республики. В существенной степени решена проблема связи дидойских селений с внутренним Дагестаном с прокладкой дороги Шаури–Агвали.

Продолжается рост культурного уровня дидойской семьи. Около 65% семей имеют домашние библиотечки, до середины–конца 1980-х годов 17% их ежегодно подписывались на периодические издания на аварском, 6,5% – на русском, 65,5% – на аварском и русском языках. В более чем в 25 сельских и школьных библиотеках общий фонд книг превышает 200 тыс. экземпляров.

Более 80% интеллигенции, специалистов различных отраслей хозяйства и служащих со специальным образованием составляют представители местного населения.

ХВАРШИНЫ

Хваршины – небольшая по численности народность Дагестана, в значительной степени консолидировавшаяся с аварцами.

Этническая территория хваршин находится в юго-восточной части высокогорного Цумадинского р-на, где в настоящее время они проживают в селениях Хварши, Хонох, Верхнее Инхоквари, Нижнее Инхоквари, Квантлада, Сантлада, Хвайни. Большая часть хваршин (около двух третей) (*Сергеева*, 1973. С. 65) ныне живет в равнинных районах республики Дагестан: в Хасавюртовском (селения Муцал-аул, Дружба, Октябрьское, Первомайское) и Кизилюртовском (сел. Комсомольское), а также в г. Кизляре. Здесь они обосновались после возвращения в 1957 г. из Чечни, куда были в административном порядке насильственно переселены в 1944 г. Численность хваршин фиксировалась до конца 1930-х годов (последние официальные сведения имеются на 1 января 1938 г.), а затем их показывали в составе аварцев, и как отдельный народ в материалах переписей они не значились. В настоящее время всех хваршин насчитывается около 2,5 тыс., в сельской местности постоянно проживает, по данным учета местной администрации, около 850 человек.

Хваршины граничат с юга и запада с дидойцами, с севера и юга – с тиндалами. Этноним *хваршины* происходит от названия самого крупного их населенно-

го пункта – селения Хварши. Самоназвание хваршин – *акъилько* (*атлилько*); в прошлом жители каждого селения бывшего Хваршинского союза сельских обществ имели свое название. Например, жителей Хварши называли *акъизо*, Инхоквари – *ихиес* (*ихъе*, *ихзо*), Квантлада – *клатъозо*, *клулъѳза*, Сантлада – *золъуза*, Хвайни – *ичизо*. Соседи называют хваршин *хваршал*, *хваршиклалисел* (жители хваршинского ущелья).

Антропологически хваршины относятся к кавкасионам, т.е. являются классическими представителями кавказского типа, который принадлежит к балканокавказской большой европеоидной расе. Говорят они на хваршинском языке (с диалектными различиями в каждом селении), который относится к цезским языкам андо-цезской подгруппы дагестанской группы нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи языков. Исследователи склонны считать хваршинский язык промежуточным между андийским и дидойским (*Козубский*, 1903. С. 71).

Хваршины многоязычны: кроме родного многие знают аварский, русский, тиндинский. Письменность (на аварском языке) на арабской графической основе существовала с конца XVIII–начала XIX в., на русской графической основе – с 1930-х годов.

Этническая родина хваршин вместе с территорией расселения других народов Дагестана входила в ареал формирования восточнокавказской этнокультурной общности, относящегося ко времени сложения раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа (V–IV тыс. до н.э.). Исследователи считают, что с древнейших времен и до позднего средневековья хваршины, как и прочие народы андо-цезской группы, входили в состав военно-политического суперсоюза Дидо (до XV–XVI вв.). Впоследствии распространение ислама и завоевательная политика хунзахских ханов привели к распаду суперсоюза Дидо на ряд объединений. Хваршины вошли в состав общества Богоз (Тинди). К началу XIX в. они отделились и образовали Хваршинский союз сельских обществ (общество Хварши), а после административных реформ 1860-х годов вошли в состав Тиндальского наибства Андийского округа.

История хваршин в целом была связана со всеми историко-политическими процессами, происходившими в Западном Дагестане. Хваршины принимали активное участие в Кавказской войне. Они примкнули к имаму Шамилю на втором этапе движения, т.е. в начале 1840-х годов. Сохранилось множество легенд и преданий об этом периоде, особенно в связи с именем друга и соратника имама Шамиля, известного ученого-арабиста из сел. Хварши Загалава-Апанди.

В хозяйственно-экономическом отношении для хваршин было характерно развитие хуторское хозяйство; занимались они и яйлажным скотоводством, главным образом овцеводством. Разводили овец тушинской жирнохвостой породы. Коровы же были малорослой горской породы. Второе по значимости направление хозяйства у хваршин – богарное земледелие на склоновых участках. Сеяли ячмень, пшеницу, рожь, просо (в низинах), из технических культур выращивали лен-кудряш, из овощных – тыкву, морковь; в настоящее время выращивают высококачественный картофель.

Большое развитие получили различные промыслы: производство сукна и особых ворсистых одеял *пахъхъа-ала*, вязание шерстяных носков, сапог, валяние войлока, изготовление деревянных бытовых предметов (столы, стулья и т.д.), кухонной утвари, долбленых бочек и ульев. Подсобными отраслями хозяйства являлись пчеловодство, бортничество и охота.

Хваршины активно занимались торговлей. Этому способствовало их географическое расположение и хозяйственная направленность – в Грузию, Азербайджан, Чечню вывозили изделия из шерсти, дерева. Внутренние рынки (Аг-

вали, Эчеда, Ботлих) были организованы так, что почти каждый день имелась возможность торговать, переходя из селения в селение. До середины XIX в. торговля носила главным образом меновой характер. В современных условиях пришли в упадок все виды промыслов, из традиционных занятий сохранились земледелие, скотоводство, пчеловодство, получили развитие садоводство с использованием морозоустойчивых сортов яблонь и груш.

В материальной культуре хваршин наряду с общими для многих народов Дагестана, в частности аварцев, чертами во всех областях (как в типах и формах поселений, так и в более подверженных влиянию внешних условий – одежде, пище) прослеживается множество специфических черт, характерных только для них.

Селения (*алъль*) хваршин располагались на естественно-укрепленных местах. Там, где это было необходимо, устраивались сторожевые башни (у сел. Хварши сохранились четыре полуразрушенные башни). Особенностью хваршинских селений являлись их небольшие размеры.

Жилища (*гъай*) – прямоугольные, в основном двухэтажные каменные, с турлучными внутренними стенами и с открытыми лоджиями на втором этаже. Первый этаж – хлев (*булъту*), второй – жилье, как правило, двухкамерное. Крыши плоские, земляные. Функцию двора часто выполняла крыша расположенного ниже дома; отдельный двор – редкое явление. К дому примыкали специальные деревянные пристройки (*бокъис глалнаба*) для хранения продуктов.

Более специфична и оригинальна одежда хваршин. Мужской костюм состоял из рубахи (*гуд*), штанов, распашного бешмета, черкески, в зимнее время надевались разного вида и формы овчинные шубы (*къочора*, *боко*, *клатаклач*), овчинные куртки (*кюйту хабачи*), иногда войлочные накидки (*бутнус къочора*); популярны были и андийские бурки. Головным убором служили белые или черные овчинные папахи нескольких фасонов: конусообразные, цилиндрические, а с начала XX в. в виде перевернутой трапеции с белым суконным дном. Наиболее распространенной обувью были шерстяные сапоги с войлочной простеганной подошвой и усеченным носком, украшенные мелким темным рисунком по белому полю; бытовали также войлочные сапоги (*зунгеба*), полуботы нескольких разновидностей из сыромятной кожи (*хъурхель*, *насираба*), чувяки (*мугуры*), кожаные полусапожки (*уйлянтлу*), а также башмаки с деревянной подошвой с загнутым носком и кожаным верхом без задников (*хъваркинеба*).

Украшением костюма служили кожаный ремень с медными, серебряными фигурками, на котором на правом боку висел пистолет (*тапанча*) и серебряная коробочка (*гъутугъ*) с нутряным жиром для смазывания рук, а на левом – кинжал. На большом пальце правой руки многие мужчины носили серебряную печатку, а на запястье правой руки обязательно (причем, мужчины, и женщины) – повязку из черного войлока шириной 2–3 см.

Одним из основных элементов женского костюма было платье-рубаха туникообразного покроя, расширявшееся книзу за счет боковых клиньев, с прямыми вшивными рукавами без ластовиц и с вертикальным разрезом на груди. С конца XIX в. туникообразная рубаха стала и нательным бельем. Молодые женщины поверх белья надевали платье с кокеткой, а девушки – отрезное платье, присборенное или в складку. Обязательным для всех видов платья остался (у пожилых женщин и в наше время) красный трехметровый кушак, подпоясанный в два оборота, концы которого опускались спереди или сбоку. В качестве головного убора использовали чухту и платок-покрывало. Чухту представлял собой чепец, сшитый из однотонной яркой материи в сборочку, на лбу, с кожаной планочкой на темени для украшений – крученых височных несомкнутых колец. Удлиненная часть сзади не зашивалась, а просто свисала как фата. Мо-

лодые женщины носили чухту-накосник с чепцом из материала темных цветов, по низу отделанный широкой красной полосой. Поверх чухту набрасывалось квадратное покрывало (4 × 4) из сукна (позже – из бязи). Женская обувь отличалась от мужской только декором и длиной голенищ. В конце XIX в. получили распространение сафьяновые сапожки с невысоким трапециевидным каблучком. Низ голенища отделялся цветной шелковой строчкой. Носок и задник украшали серебряными монетами. Для шитья одежды до XIX в. использовали в основном местные материалы (сукно, овчины, войлок), с XIX столетия – привозимые сюда из России дешевые фабричные ткани.

Украшением для женщин служили серебряные монеты; ими обшивали ворот, подол и рукава платья. Из монет собирали и нагрудник *титино*, который иногда доходил до пояса. Носили также различные пластинчатые ожерелья, браслеты, серьги, кольца, имели распространение деревянные, коралловые и янтарные бусы.

Основу традиционного питания хваршин, как и других горцев Дагестана, составляли прежде всего хлеб и блюда из муки и злаков, а затем уже мясо-молочные продукты.

Часто употребляемым и широко распространенным блюдом у хваршин был и остается хинкал (*хинклоба*) – галушки дискообразной формы диаметром 10–12 см из круто замешенного теста, в том числе из кукурузной и бобовой муки (*хелас кейко* – черные бобы, перемолотые в различных пропорциях с ржаным и ячменным зерном), сваренные в воде или мясном бульоне, которые подаются с чесночной подливой.

Из печеных мучных блюд наиболее популярными были круглые пресные чуреки (*музибо*) диаметром 20–25 см, из теста, замешенного на воде из инхкваринского минерального источника (*регъа*), пресный хлеб (*миржикл*) из ячменной или ржаной муки, кукурузные палочки (*горгоба чанкарас*), а также различные пироги – чуду (*матуба*) с самой разнообразной начинкой.

Особое значение придавалось кашам (из солода – *къинос екку*, из кураги – *чламас тошу*), специальной формы пирогам (*бушна*), калачам, халве, приготовление которых приурочивали к семейным и общественным праздникам.

Продуктам скотоводства в балансе и рационе питания хваршин, несмотря на хозяйственную специализацию, отводилось второе место. Мясные блюда не имели такого разнообразия, как мучные. Горцы ели свежее мясо осенью, а в зимнее время только эпизодически готовили хинкал с сушеным мясом, колбасой или гороховый суп на бульоне из сушеного курдюка. Большую роль в рационе питания играли молочные продукты: разнообразные сыры, в том числе высушенный (*изу*), творог, масло, сметана и блюда, приготовленные с их добавлением.

Определенное значение в питании хваршин имели и блюда из немногочисленных огородных культур – гороха, черных бобов, чечевицы, в некоторых селениях – фасоли, а также тыквы и моркови. Весной, когда кончались запасы зерна и других продуктов, различные съедобные дикорастущие травы и блюда из них (зеленые супы – *гъого*, каши – *жахар*, *лъомотлас бухъуса* и др.) становились для многих хваршин спасением от голода и авитаминоза. Имели широкое распространение густые компоты и отвары из лесных ягод и фруктов, а также хмельные напитки из злаков (зило, ороду, мед).

За последние десятилетия в материальной культуре хваршин произошли коренные преобразования. Форма всех селений на равнине, где в настоящее время в этнически неоднородных поселениях проживает большое число хваршин, – горизонтальная. Жилище состоит из усадебного участка, многокамерного одно- или двухэтажного жилого дома и надворных построек. Помещения имеют диф-

ференцированное функциональное назначение, но одно из них, по традиции, используется как универсальная семейная комната. В облике жилищ переселенцев отражаются более высокий уровень материального благосостояния, влияние интернационализирующего быта и близость городов. Значительной унификации, под влиянием современных стандартных требований к комфортабельности, подвергся интерьер жилища (Традиционное и новое... 1988. С. 57–80).

Значительные изменения претерпели и поселения, расположенные в горах, хотя в силу существующего рельефа и тесноты они поддаются перестройке с большим трудом. Тем не менее рядом со старой частью поселений появились новые кварталы горизонтальной планировки, меняющие облик всего поселения. Неузнаваемо изменились жилища. В настоящее время идет интенсивная перестройка домов, увеличение числа комнат за счет возведения капитальных перегородок и пристроек. Возводятся дома с новой планировкой.

Особенно сильно подвержена инновациям одежда. Традиционную одежду в полном комплекте уже никто не носит. В старших половозрастных группах сохраняются отдельные ее элементы (головные уборы, овчинные шубы, изредка – вязаная обувь, красный кушак). Общий процесс урбанизации и интернационализации культуры более всего коснулся представителей молодого поколения в горах и основной массы населения в переселенческих населенных пунктах, где одежда уже не имеет этнических признаков.

Относительной устойчивостью сложившихся национальных форм, длительной сохранностью традиций отличается народная система питания, прежде всего из-за ее тесной связи с семейным бытом: приготовлением пищи преимущественно занимаются женщины – хранительницы культурно-бытовых традиций. Незначительные изменения, которые на протяжении веков все-таки происходили в системе питания, ассортименте блюд, способах приготовления некоторых из них, были связаны с проникновением и распространением новых культур (таких, как кукуруза, картофель). Качественно изменилась и утварь, она оказалась более подверженной влиянию времени. Ушли в прошлое отдельные кушанья, приготовление которых ассоциировалось с бедностью, появились (это больше относится к переселенцам) заимствования из русской кухни и кухни других народов.

Таким образом, этническая специфика в современной урбанизированной материальной культуре хваршин проявляется в целом не столько в предметах, ее составляющих, сколько в характере их использования: в функциональном распределении помещения, в особенностях его декора, в обрядовых функциях сохранившихся элементов одежды, в способах приготовления пищи.

Хваршины были объединены в общины (джамааты). В общине в коллективной собственности находились пастбища, пустоши, большая часть леса и некоторая часть сенокосов. Все остальное – пашни, большая часть сенокосов – находилось в частной собственности.

Первоначально общиной управлял сельский сход, представленный всеми мужчинами, достигшими совершеннолетия, и старейшинами. Старейшины выполняли и адатно-судебные функции. Судопроизводство осуществлялось на основе норм обычного права, адата (сохранились зафиксированные адаты общества Хваршин), частью на нормах мусульманского права – шариата. Значительную роль во всех сферах жизнедеятельности общества, в управлении играл духовный глава – дибир, хотя со второй половины XIX в. судебные функции духовенства были ограничены – по нормам шариата решались только семейные и наследственные дела. В тот же период в обществе стал избираться старшина (бегаул), утверждаемый властями, а представительство на сельском сходе ограничивалось совершеннолетним лицом от каждой семьи.

Рис. 101. Традиционная одежда хваршин: 1, 2, 3 – мужские головные уборы (ночная шапка, папахи), 12, 14 – шубы (с ложными рукавами и шуба-накидка), 13 – бешмет; 4 – женские штаны, 5, 7 – платья, 6 – головной убор, 8 – сафьяновые сапожки, 9, 11 – шерстяная вязаная обувь, 10 – войлочные сапожки. (Художник Малагитинов М.-А. Фото Магомедханов М.М., Лугув С.А.) (Из личного архива Мусаевой М.К.)

Основной хозяйственной и социальной ячейкой внутри общины была малая простая семья, состоявшая в среднем из четырех–пяти человек. Семьи, объединившиеся на основе общего предка в тухум, морально и материально поддерживали друг друга, хотя тухум не был экономически единым организмом. Важную роль играли родственные отношения. Самым близким считалось родство до четвертого колена.

В семье существовало строгое половозрастное разделение обязанностей. Характерной была авторитарная власть главы семьи – отца. Вместе с тем массовое отходничество мужской части населения в различные районы Северного Кавказа и Закавказья предоставляло женщинам возможность решать в отсутствие мужей многие важные для семьи вопросы, т.е. приучало их к определенной самостоятельности. Поэтому всевластие отца в семье, санкционированное обычным правом и установлениями шариата, взаимно дополнявшимися друг друга, было не абсолютным, а адекватным ситуации.

Семья являлась той сферой жизнедеятельности, в которой наиболее стойко сохранялись различные традиционные институты, характерные для общества в целом. При существовании разнообразных форм заключения брака: левирата, сорората, похищения и его разновидностей (брак уводом, прикосновением, снятием платка с головы и др.) основной формой был брак, заключенный посредством сватовства, с богатым и разветвленным обрядовым как предсвадебным, так и свадебным комплексом.

В свадебной обрядности, складывавшейся на протяжении многих столетий, бытовали пережитки реликтовых явлений, многие из которых в XIX–начале XX в., утратив свой первоначальный смысл, имели игровой и развлекательный характер. Они в совокупности создавали своеобразный этнический колорит и воспринимались в качестве культурно-специфических особенностей духовной культуры хваршин.

Обряды и обычаи детского цикла – одни из важнейших структурных компонентов традиционно-бытовой культуры хваршин. Они составляли разветвленную систему, значение которой определялось значимостью выполняемой ею функции – магическое обеспечение репродукции данной этнической группы. Многодетность рассматривалась как признак семейного благополучия; неуверенность в удачном исходе родов, постоянная угроза смерти и прочее вызывали в сознании людей обостренное чувство зависимости от вредоносных сил, воздействию которых, как казалось, особенно активно подвергались роженицы. В связи с этим для беременной женщины существовали определенные запреты и ряд действий, в основе которых лежала предохранительная магия, направленная на обеспечение благополучного исхода беременности. При родах пользовались услугами повитух (*гъенеба*, *къале бухайкла гъини*), которые обладали определенным минимумом медицинских знаний и довольно успешно справлялись со своими обязанностями, используя при этом как рациональные, так и иррациональные действия (например, приглашение на роды мужчины, когда-то вынужденного лягушку из пасти змеи, для перешагивания через роженицу; прикладывание ко лбу и поясице талисманов с письменами из Корана и т.д.). Различными обрядами и магическими действиями сопровождалась также главные моменты жизни ребенка (наречение имени, укладывание в люльку, первая стрижка волос, ногтей, появление первых зубов, первые шаги).

Воспитание и социализация детей осуществлялись как в семье, так и вне ее – воздействие родственников и общества в целом было не менее значимым. В формах, методах и системе воспитания базис составляли прежде всего реальные, достаточно суровые условия жизни и жизнеобеспечения.

Похоронно-поминальный цикл был многослойным, несмотря на наибольшую исламизированность и регламентацию духовенством основных моментов похоронного ритуала. В нем в несколько трансформированном виде сохранялись и отражались некоторые элементы былой языческой обрядности (передача через покойного гостинцев, пожеланий, выраженных в песнях-плачах *кӀвел*; бритье во время траура волос с головы молодой вдовы; флаги над могилой и т.д.) (Мусаева, 1995. С. 120–128).

Несмотря на то, что семья и семейно-бытовой уклад являются показателями устойчивости этнических черт, процессы урбанизации и унификации ощутимо затронули и их. В семье это выражается в изменении взаимоотношений ее членов, изживании авторитарности, утверждении в ней демократических порядков.

Процесс модификации семейно-брачных обычаев начался с 20–30-х годов XX в. Наибольшему изменению подверглись формы заключения брака. Некоторые из них изжиты полностью (*цоцолъа*, люлечный сговор, левират, сорорат) или встречаются крайне редко. Интересно, что кузенный брак, не имевший в прошлом большого распространения, оказался наиболее стойким и даже приобрел определенную популярность. Возросла самостоятельность молодых людей при выборе спутника жизни, изменилась мотивация брака. Основной стимул для вступления в брак в настоящее время – личное чувство. В системе семьеобразующих факторов ведущее место занимает любовь, а не экономические причины, которые в настоящее время тоже не исключаются.

Хотя в последние 50 лет вследствие процессов индустриализации и урбанизации, интенсивно происходивших в Дагестане, появились возможности для территориального расширения брачного круга, у хваршин стойко сохраняется эндогамия, гомогенность браков, случаи межнациональных браков единичны не только в горных селениях, но и в переселенческих.

Изменения в свадебной обрядности заключаются во временном сокращении ее циклов и упрощении. Однако в общих чертах сценарий традиционной свадьбы ныне сохраняется, хотя в него вошли и некоторые элементы современной городской свадьбы.

У хваршин в тесном контакте с соседними народами Дагестана сложилась соответствующая своему времени самобытная духовная культура. Подрастающее поколение обучалось в примечетских школах. Почти в каждом селении были получившие мусульманское образование люди, которые свободно владели арабским языком и делали устные переводы на хваршинский язык религиозной литературы. В Сантлада это жившие в разное время Убайдула Омаров, Магомед-Загид Гаджи, Къасум-Гаджи и др., в Квантлада – Шамсудин Нурудинов, Магомед-Карим, в Инхоквари – Рамазан Гаджи Юсуп, Хамет Шахруев и др., в Хварши – Магди-дибир, Магомед Исбагиев, Абдулла Такудинов и многие другие. Самым известным ученым считался упоминавшийся выше Загалав-Аланди из Хварши. За свои 73 года (умер в 1871 г.) он переписал до 109 книг, 84 из которых хранятся в маленьком домике на месте паломничества к его могиле.

Хваршины имели двуязычный фольклор. Самобытны и своеобразны выработанные на основе эмпирических познаний народный земледельческий календарь и календарные обряды, которые по форме – общedaгестанские, но по содержанию – местные.

Среди популярных религиозных праздников можно отметить такие, как Ураза байрам, Курбан байрам. Различные праздники – встреча “середины зимы” (*кӀедоба*), праздник первой борозды, конец сбора урожая и другие – были неотъемлемой частью проведения досуга хваршин.

Духовность хваршин, их самобытная культура и быт проявились в религиозных верованиях, которые сохранили многие пережитки древних воззрений, связанных с теми или иными видами магии, тотемизмом, культом предков, обожествлением объектов природы и ее сил, разными суевериями и приметами (вера во вредоносные силы в определенные дни – день Ашуры, семь дней Бадруса и др.). Среди местных демонологических персонажей известны добрые и злые джины, шайтаны, демонические существа: домовый Рисисан, лесные духи – покровители охотников Будалла; мать болезней Лелгългнас ишу и др.

С давних времен Хваршинское ущелье знаменито тем, что здесь бьет из земли минеральный Инхокваринский источник, о целебных свойствах которого ходят легенды. В “Кавказском календаре” за 1916 г. имеется справка, свидетельствующая о том, что на территории, населенной хваршинами, было множество таких источников (Кавказский календарь, 1915. С. 184). Сегодня источник находится под охраной государства, но на его поддержание из скудного местного бюджета выделяется очень мало денег.

Известно, что перемены в политике, экономике, культуре и просвещении народов СССР в советский период (особенно в послевоенные и в 1950–1980-е годы) привели к переустройству всего уклада хозяйственной, бытовой и культурной жизни как в стране в целом, так и в Дагестане в частности. Рост уровня образования, общей культуры (открытие почти в каждом селе начальных школ, в сел. Хварши восьмилетней, а в сел. Нижнее Инхоквари школы-интерната, где дети из близлежащих сел получают полное среднее образование и возможность продолжать учебу в высших учебных заведениях республики и страны) имели своим результатом приобщение хваршин к достижениям мировой культуры, включение их в число пользователей сетью коммуникаций и средств массовой информации (в основном газет и журналов из-за отсутствия электричества в некоторых селах до 1985 г.). Наряду с этим особенности демографической и этносоциальной ситуации, переселенческой политики правительства Дагестана и др., имевшие как некоторые положительные, так и многие отрицательные стороны, создавали одновременно предпосылки для резкой трансформации, а порой нивелировки и полного исчезновения всего специфического в культуре и быту народов, в особенности малочисленных, каковыми являются хваршины.

Разрушение и исчезновение традиций, с большой интенсивностью происходившие с 30-х годов XX в., были связаны с коллективизацией крестьянских хозяйств и созданием колхозов. Они возобновились с конца 1950-х–начала 1960-х годов, когда часть хваршин, которая в 1940-е годы была насильственно переселена в Чечню, вернулась в горы, а другая – осела на приморской равнине Дагестана. Процесс отмирания многих сохранившихся до недавних пор традиций продолжается и поныне.

За время многовековой истории у хваршин сформировалась яркая самобытная культура, нашедшая отражение как в материальных компонентах, так и в развитой ритуальной сфере быта семьи, ее формах, особенностях уклада и образа жизни.

Генетическое родство, общность исторических судеб, сходство природно-географических и социально-экономических условий развития определили возникновение у хваршин форм бытовой культуры, которые идентичны таковым у других дагестанских народов, в первую очередь у аварцев и народов аварской группы. Однако во многих ее элементах четко проявляется и чисто хваршинская этническая специфика, исторически сложившиеся местные особенности.

Культура и быт хваршин находятся в состоянии постоянного обновления. Указанные тенденции к стандартизации и унификации элементов бытовой культуры, характерные для последних десятилетий и приведшие к возникновению определенных шаблонов в них, в самое последнее время встречают внутреннее противодействие народа. Это привело к возрождению интереса к этническому, традиционному, что в свою очередь способствует возврату ко многим положительным традициям прошлого.

АРЧИНЦЫ

Арчинцы живут в Чародинском р-не Республики Дагестан, в верховьях р. Хатар, впадающей в р. Кара-Койсу (Рис-ор). Самоназвание – аршашдиб. Лакцы их называют *арчи* (ед.ч., муж.р. *арчиричу*), аварцы – *рочисал* или *арчисел*. Аварцев арчинцы называют *ярттиниб* (ср. с лакским названием *ярусса*), лакцев – *гьаманниб*, лезгин – *ахти-курал*, кумыков – *къаркъалинниб*, даргинцев – по обществам, например: *хъупнашттиб* (куппинцы), *цладахIришттиб* (цудахарцы), *гурттаништтиб* (губденцы).

По данным на 1866 г., арчинцев насчитывалось 592 человека; в 1886 г. – 804; в 1926 г. – 900 человек (*Ибрагимов*, 1981. С. 101–102; 1991. С. 109). В настоящее время, по оценочным данным, их численность составляет примерно 1200 человек.

До первой трети XX в. арчинцы имели одно селение – Хеъреъ (авар. Рочиб, рус. Арчиб (производное от лакск. Арчи)), в котором по прежним адатам разрешалось жить только три летних месяца в году. Остальное время они жили на хуторах (*духхурум*) с капитальными хозяйственными постройками и жилищами. Вокруг “духхурум” располагались зимовья для овец – *малъи*.

После установления советской власти и особенно в связи с коллективизацией и изъятием в 1930–е годы по решению правительства Дагестана части горных пастбищ арчинцев в пользу хозяйств Гунибского и Лакского районов система расселения претерпела кардинальные изменения.

Арчиб – основное селение арчинцев – обезлюдело и превратилось к 1944 г. в груды “полуразрушенных покинутых жилищ, причудливо вырисовавшихся своими контурами по верху гребня” (*Шиллинг*, 1993. С. 229). В нем осталось всего 45 из 258 хозяйств. Их обитатели перешли на постоянное жительство на хутора. Последние разрослись и превратились в селения. Это Клала, Лъатта, Къесер, Хилихъ, Алшуна, Къубакъ (в русской транскрипции соответственно Калиб, Хитаб, Кесер, Хилих, Алчуниб, Кубатль), за которыми до сих пор сохранилось название “духхурум”, несмотря на то что они крупнее сел. Арчиб.

После коллективизации и раскулачивания одна часть арчинцев (около десятка семей) была выселена в Гунибский р-н (селения Салта, Кудали, Кегер и др.), четыре семьи отправлены в Киргизию и т.д. Другая часть, обеднев за послевоенные годы, была вынуждена искать приют за пределами родного селения. Таким образом, около 30 семей (т.е. почти каждая десятая) живут в настоящее время в Киргизии, Азербайджане, а также в Гунибском, Тляртинском и Хивском районах Дагестана.

Еще с XIX в. арчинцы оседали в Кумухе и других лакских селах, куда они обычно прибывали в качестве слугителей культа, овцеводов, ремесленников (каменщики, столяры). Ныне в Лакском р-не живут более 10 семей арчинцев. С начала 1960-х годов они стали селиться в городах Махачкале (15 семей), Буйнакске (1), Кизляре (6).

Климатические условия на территории традиционного расселения арчинцев характеризуются холодной зимой и коротким летом. Имеются хорошие альпийские и субальпийские пастбища, однако пригодной для пашни земли мало. На территории арчинцев находится часть Чародинского государственного охотничьего заказника – здесь водятся дагестанский тур, дикая коза, серна, волк, лиса, заяц, кавказский улар (горная индейка), каменная куропатка. Река Хатар богата ручьевой пятнистой форелью.

Арчинский язык относится к числу хорошо изученных дагестанских языков (Дирр, 1908; Микаилов, 1967). Парадоксальность положения арчинцев среди своих соседей состоит в том, что по языку их сближают с лезгинами, по этническому самосознанию – с аварцами, по культуре – и с аварцами, и с лакцами.

Арчинцы такой же древний автохтонный народ Дагестана, как и другие. Жестко увязывать их происхождение с каким-то другим конкретным дагестанским этносом бессмысленно.

Археологически территория арчинцев не изучена. Однако обнаружены могильники, содержимое которых, в частности керамический материал и каменные плиты с солярными знаками, позволяют предполагать, что территория эта была освоена еще в эпоху ранней бронзы (III–II тыс. до н.э.).

Полевые этнографические материалы свидетельствуют о пережитках язычества и наводят на мысль о возможном влиянии христианства (Сергеева, 1967. С. 20–21).

Арчинцы – мусульмане-сунниты. Ислам, судя по сведениям о наличии здесь арабоязычных куфических памятников, они приняли не позднее X в. В античных и средневековых письменных источниках сведения об арчинцах отсутствуют. В исторической хронике Мухаммада Рафи (XIV–XVI вв.) наряду с большинством других сельских обществ Дагестана упомянуты и арчинцы.

Исторические события времен Кавказской войны прямо или косвенно отразились и на арчинцах. Так, 25 июля 1849 г. войска генерал-адъютанта Аргутинского “направились к аулу Арчи... переночевав у Арчи, войска, с рассветом, 25-го числа зажгли аул и выступили обратно к Шалинскому перевалу. Аул Шали подвергся той же участи, а хлеб на пашнях большей частью истреблен” (История Апшеронского полка, 1892. С. 205).

Территория расселения арчинцев характеризуется весьма суровым климатом. Зимой рогатый скот с ноября по конец апреля находится на стойловом содержании.

Основное занятие арчинцев – скотоводство, главным образом овцеводство, и богарное земледелие. Хозяйство имело замкнутый характер. Только весной, в пору окота, некоторые зажиточные овцеводы, организовав коши и приняв на время за плату овец односельчан, перегоняли скот в низменные районы Дагестана (Сергеева, 1967. С. 44). Зимой скот содержали на хуторах или вокруг них, летом – на альпийских пастбищах (кроме дойных коров и теллят). На хуторах овчарни располагались на втором этаже, над хлевом для крупного скота. На третьем этаже имелись жилые комнаты или помещения для хранения сена и соломы. Земельные участки под пашню располагались на горных склонах и на пологих местах в долинах рек. Основными сельскохозяйственными орудиями общедагестанского типа служили деревянный плуг (рало) с железным наральником, серпы, молотильные доски, деревянные лопаты, со второй половины XIX в. также косы. Сеяли главным образом яровые: ячмень, полбу и пшеницу. Огородно-бахчевые культуры не выращивали, чеснок и лук покупали в Кумухе или у заезжих торговцев из аварских и лакских селений. Распространение получили следующие подсобные

занятия: охота на туров и пчеловодство (основной тип ульев – плетеные кар-касы, обмазанные глиной). Из домашних промыслов и ремесел были разви-ты шерстяное ткачество (выделявались сукна для одежды, паласы с лохма-тым шерстяным начесом – *bamlu*, встречающиеся в Дагестане только у ар-чинцев), резьба по дереву – орудия труда, утварь, посуда и др.

Из традиционных искусств развитие получила художественная резьба по де-реву, главным образом трехгранно-выемчатая. Наиболее распространены со-лярные, а также геометрические мотивы, реже – растительные узоры. Резьбой украшали деревянные сундуки, лари, люльки, кружки, мерки, поставцы, ложки, вилки и другую утварь и посуду.

До недавнего времени экономически арчинцы были ориентированы на кумухский рынок, который находится примерно в 30 км от Арчиба. Накану-не базарного дня они отправлялись через горный перевал в лакские селения Бурши или Хулусма и оставались там на ночлег. В этих селах, как и в самом Кумухе, каждая арчинская семья имела “отцовских” кунаков. На следующий день, закончив свои торговые дела, они возвращались обратно. Торговали баранами жирнохвостой породы, крупным рогатым скотом, овечьей брын-зой, топленным маслом, овчинными тулупами, паласами, шерстью. Все эти товары имели хороший спрос. Покупали в основном соль, сахар, керосин, мужскую одежду, мужские сапоги, женские серебряные украшения, ткани, ковры и т.д.

Для арчинцев характерны два типа поселений: селение и отселки (хуто-ра), возникшие на местах выпаса скота или вблизи удобных земельных уча-стков. Хуторской тип поселения известен местным жителям давно, однако на постоянное проживание туда стали переселяться лишь с 1920-х годов. Еще в начале XX в. арчинцы летом обычно жили в главном селении – Арчи. Ныне вместо хуторов существуют небольшие селения. Ранее преобладал территориальный принцип расселения. Сел. Арчи делилось на кварталы, в которых жили представители разных тухумов. Общественная жизнь сосре-доточивалась возле мечетей (в Арчи их было четыре, на хуторах – две). Все селения арчинцев – горные, скученные. Дома – одно-, двух- и трехэтажные, каменные с плоскими крышами, на хуторах – чаще с хозяйственными поме-щениями и хлевом в одном комплексе. В советское время появились дома с галереей по фасаду, сократились число этажей и площадь хозяйственных по-строек. Были возведены общественные здания.

Одежда арчинцев, в частности женская, имеет некоторые особые черты, а именно в деталях покроя, цветовых предпочтениях, способе ношения.

Мужская одежда состояла из туникообразной рубахи, штанов с широким шагом (за счет клиньев), бешмета, черкески, овчинной (иногда и каракулевой) папахи, свободного покроя овчинной шубы-накидки с ложными рукавами (*раьгьюь*) и без рукавов (*парттукь*), бурки, рабочей обуви из цельного куска сыромятной кожи, без голенищ (*къесур*), войлочных (*ахъидан*) и мягких кожа-ных сапог (*маcхlammy*).

Женщины носили платье-рубаху, которую подпоясывали дважды цветным матерчатым кушаком и завязывали спереди узлом, а также длинные и широкие штаны. Некоторые имели праздничные платья в талию (*бузма*). Носили кожа-ную и войлочную обувь, головной убор чухту (мешочек для кос) и покрывало. Костюм дополняли украшения (серебряные, медные, латунные) – ожерелья, серьги, браслеты, кольца, подвески к чухту, нагрудные украшения, пряжки к поясам и др. Специфична несимметричная, покрытая монетами нашивка, укра-шавшая головной убор (Там же. С. 102–108).

Рис. 102. Девушка с головным украшением. (Из личного архива Магомедханова М.М.)

В настоящее время из традиционных элементов костюма у мужчин сохраняются овчинные шубы-накидки и папахи, у женщин – чухту, головное покрывало, длинные прямые штаны и пояса яркой расцветки.

Кухня, в которой преобладают мучные и мясо-молочные блюда, не отличается особым разнообразием, хотя арчинцы уверены, что по вкусовым качествам их пища (особенно овечья брынза и вяленая колбаса – *гурккимай*) превосходна. Из мучных изделий для повседневного питания пекут пресный хлеб (*букърехвалли*), а для проведения обрядов (свадьба, похороны, раздача милостыни – *садакъа*) – заквашенный (*хехьмуллин ххвалли*) хлеб. Готовят также различные пироги с мясной или творожной начинкой (*носорххвалли*). Поскольку кукуруза в Арчибе не растет, лепешки из кукурузной муки с парным молоком считаются деликатесом. Для беременных женщин, рожениц, истощенных болезнью и престарелых из солода и толокна пекут лепешки (*бокларчи*) или варят кашу (*гъюьлоклала*). Еще 15 лет назад на ручной каменной мельнице мололи пшеницу или кукурузу и из полученной крупы готовили кашу *хьулурхъус*.

Самое распространенное блюдо – хинкал (*хьонклартту*); представляющий собой кусочки теста продолговатой формы, размером с мизинец, прищемленные по центру подушечками пальцев и называемые *ссурхиллу* (т.е. “сюргинские”), которые едят с мясом, сыром, сметаной, кислым молоком, чесночной приправой; широко бытовали также нельмени (*ацлуттиб хьонклартту*) и пироги с начинкой (с мясом, с внутренним бараньим жиром и ливерной начинкой, творогом, яйцами, молозивом, с крапивой, черемшой).

Другой вид хинкала – *гъаьнккуртту* (ср. с лакск. *гъовккури*) более напоминает суп, чем хинкал. Для его приготовления в кипящее молоко добавляют мел-

кие куски пресного теста и раскрошенный творог. Блюдо заправляют чесноком и растопленным старым курдюком или бараньим жиром.

Готовят также различные мясные и постные супы, которые непременно заправляют курдюком или старым вяленным бараньим жиром (*къалия*).

В качестве специй широко применяются тмин, чабрец, перец. Из молочных продуктов употребляются парное и кипяченое молоко, брынза (*мурти-ла*), простокваша (*тебрьнакъ*), обрат (*къиъчиънакъ*), сыворожка (*меъ*), кефир (*хъатухх*).

Мясные блюда готовились летом и осенью в основном из свежего, а в остальное время года из сушеного (вяленого) мяса. Употребление мяса и блюд, состоящих исключительно из мяса, особенно свежего (например, *хъуйурма* тип жаркого, “шашлык”) было делом далеко не повседневным. Это можно было позволить летом (в сезон свадеб) и осенью (во время забоя скота на мясо для сушения, в том числе в виде разделанных туш – (*баккур*, *чихин*), колбас – (*гурккимей*, *пъртли*, *квасила*, *цломо*), курдюков и т.д.). Мясо птиц считалось деликатесом (из-за дефицита зерновых кормов птицеводством здесь специально не занимались).

Традиционный хмельной напиток на свадьбах и праздниках – буза (*ххалай*) сахарная или из толокняной муки (*букъарин ххалай*) с добавлением солода. Из десертных продуктов употребляется урбеч из семян льна, абрикосовых косточек, халва (*бахъухъ*) из муки, масла и сахара или из семян конопли (*натлухI*), абрикосовых косточек, орехов. В последние годы стали готовить из завозных фруктов компоты и варенья, хотя традиционно отношение к пище садоводов, точнее, к немясной пище, у арчинцев индифферентное.

По традиции, все существенные для арчинцев решения принимаются в Арчибе. Здесь же находится и единственное кладбище арчинцев.

В общественной жизни арчинцев значительную роль играла сельская община. При избрании ее органов управления придерживались принципа представительства отдельных тухумов. Сельское управление возглавлял старшина – бегулад, избранный сельским сходом (джамаатом). В состав управления джамаат выбирал также сельских судей из уважаемых и сведущих в вопросах шариата стариков, помощников старшины – чаушей, обсуждал кандидатуру кадия селения (судьи). В ведении джамаата находились также распределение пастбищ между малыми семьями, сенокосных участков, расклада повинностей, ремонт и возведение общественных зданий, благоустройство дорог, мостов, кладбищ, вопросы отношений с соседями и др.

Для традиционного семейного быта характерны подчинение младших старшим, неравное положение женщины, выполнявшей большую часть трудоемких работ (уход за крупным рогатым скотом, заготовка кормов, уборка урожая, переноска тяжестей, обработка шерсти, шитье и др.). Современная семья – малая, чаще двухпоколенная, в ней поддерживаются традиции уважения стариков, трудовой взаимопомощи, родственной солидарности (при устройстве свадьбы, похорон, в других важных делах). В прошлом предпочитались родственные браки, заключавшиеся по воле родителей. Желание породниться с той или иной семьей тщательно обдумывалось, и после принятия на сей счет решения день за днем устанавливались добрые межсемейные отношения. Свадьбе предшествовал сговор и религиозное оформление.

Жених до свадьбы ничего не мог дарить стороне невесты или ей самой. Брак без религиозного оформления (*магъара*) признавался греховным. При заключении магъара соблюдались меры предосторожности от вредоносной ма-

гии. Считалось, что если в момент заключения магъара кто-либо из недоброжелателей завяжет узел, замкнет замок, откроет и закроет нож, вынет кинжал и вложит его обратно неправильной стороной и т.д., это может отрицательно повлиять на потенцию жениха, на прочность брака в целом.

Современные свадебные обряды сохраняют традиционность (участие широкого круга родственников, соседей, торжественная встреча невесты в доме жениха и др.). Подарки на свадьбе выставляются напоказ. Приносят их только женщины. Мужчины идут на свадьбу с тушей или с половиной туши барана (в зависимости от степени родства) или вносят определенную сумму денег.

Погребальные и поминальные обряды совершаются в строгом соответствии с предписаниями шариата. Многие обряды и обычаи связаны с хозяйственным циклом. На 15-й день лета (5 июля) отмечали праздник отгона овец на летние пастбища (*кѣлиши охъмул*), сопровождавшийся спортивными состязаниями, борьбой, поднятием тяжестей, совместной трапезой (главное блюдо – свежеприготовленный овечий сыр). Осенью, в конце октября, устраивали праздник *деги бумул*, связанный с улучшением пород скота. Дети ходили по домам с песнями, в которых желали увеличения поголовья овец, их веса и т.п. Весной праздновали день выхода плуга или первой борозды (*анс бемлмул*), во время которого для всех жителей устраивали угощения, спортивные игры. Организатор праздника выбирался по жребию из числа удачливых в хозяйственных делах людей (Там же. С. 46, 50).

Зрелищно, с разжиганием костров, народными играми, отмечался и праздник весеннего равноденствия (*лъанихълин иц*).

В случаях засухи проводился обряд вызывания дождя (*Ххэьмин доги* – досл. дождевой осел). Заключался обряд в ритуальном шествии по селу толпы с ряженным с ног до головы в траву мужчиной. Последнего из домов обливали водой и угощали яствами. Затем процессия с причитаниями и мольбами к Всевышнему направлялась к реке. В ней ряженого купали, а дети брызгали друг на друга водой. Мулла произносил молитву, бросал в реку камешек с надписанной молитвой. Завершался обряд жертвоприношением. Кровь животного пускали в реку, а мясо раздавали бедным и сиротам.

Арчинцы – гостеприимный народ. Обычай гостеприимства обязывал хозяина не сидеть, пока гость стоит, не оставлять его одного, а отлучаясь, поручить заботу о нем родственнику, не спрашивать гостя о цели визита, пока сам не скажет, не спрашиваться о времени отъезда и т.д. Гость также должен был вести себя достойно. Гостеприимство отнюдь не сводилось к чревоугодничеству, а тем более к пьянству, как это иногда имеет место в наши дни, хотя и раньше для дорогого гостя резали барана, а с последней четверти XX в. могли предложить ему и водку. Гостеприимство предусматривало прежде всего обеспечение гостя кровом, хлебом и безопасностью.

Народный характер основывается на общедагестанских нравственных ценностях, таких как *намус*, *бимушур* (настоящий мужчина), *билъоннол* (настоящая женщина), которые служат каноном благородства, мудрости, ума, чести, совестливости.

Имеются письменные памятники XIX в. на арчинском языке (религиозный трактат, стихи), а также художественные и теологические произведения, написанные арчинцами на аварском, лакском и арабском языках. Из числа арчинцев вышло немало ученых, получивших образование на арабском языке. К сожалению, о многих из них дошли лишь отрывочные сведения: это Казакилав (XVIII в.) – астроном (его считают основоположником астрономической школы

в Дагестане), математик, врач, автор ряда книг и поэтических касид на арабском языке; Магомедхан занимал видную должность при Шамиле; сын Магомедхана Мугеддин – автор трактата об истинных и ложных последователях тариката; шейх Мамма Дибир, известный ученый, муршид накшбандийского ордена, получивший на то право духовного наставничества лично от Джамалутдина Казикумухского. Могила Мамма Дибера находится в Арчибе и служит местом поклонения (зиярата) верующих.

Среди ученых того времени выделяется Магомед Магомедханов (конец XIX–начало XX в.) – депутат Казикумухского окружного суда, знаток арабского, персидского, турецкого, русского и нескольких дагестанских языков, помогавший лингвисту и этнологу А.М. Диру при его исследованиях арчинского и агулского языков.

Последователями традиционной системы образования являлись Садрудин из Алчунуба, Танга-Хаджи и Гарун-Муса из Лъбитаба, Ахмад-Хаджи и Магомед Магомедханов из Арчиба (последний автор более 50 рукописей по богословию и переводу Корана на аварский язык).

В советское время у арчинцев сформировалась своя интеллигенция: ученые, учителя, врачи, экономисты, работники культуры. Большим уважением в республике пользуются народный врач Дагестана, заведующий ревматологическим отделением Республиканской клинической больницы Гамзат Джаватханов, ведущий хирург онкологической больницы Омарбег Омаров, хирург махачкалинской I-й городской больницы Нургаджи Саидов, врач кизлярской городской больницы Гаджи-ага Магомедов, председатель колхоза Саид Гашимов.

Среди кавказоведов хорошо известно имя видного ученого-языковеда, доктора филологических наук, заведующего кафедрой русского языка Дагестанского государственного университета Джалила Самедова.

Хорошо знают в республике и за ее пределами выпускника и преподавателя Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, доктора философских и кандидата экономических наук, одного из руководителей Всероссийской мусульманской организации “Нур” Максуда Садикова.

В Арчибе имеются одна средняя и три начальные школы, укомплектованные местными учительскими кадрами во главе с опытным директором школы Каримом Мусаевым.

У арчинцев распространен аварский и лакский фольклор. Среди арчинцев нет человека, не знающего родной арчинский язык. Кроме того, они владеют аварским и русским языками, на которых ведется преподавание в трех начальных классах и в средней школе, а многие знают и лакский язык.

Популярный танец у арчинцев – лезгинка, наиболее распространенные музыкальные инструменты – зурна, кумуз, гармошка, барабан. Песни исполняются на аварском языке.

В наши дни арчинцы, как и все дагестанцы, переживают трудности, связанные с экономическим кризисом и падением сельскохозяйственного производства до уровня натурального. Овцеводство – главный источник их дохода – все еще остается малорентабельным. Хозяйство некогда богатого колхоза из-за непомерных налогов приходит в упадок. Различного рода программы экономического развития горной части Дагестана, как, например, программа “Горы”, реально не действуют. Телефонная связь, существовавшая с 1960-х годов, отсутствует более 10 лет. Требуют своего решения вопросы трудоустройства молодежи. Арчинцы не представлены в структурах власти как районного, так и республиканского уровня.

Общие сведения. Даргинцы (самоназвание – *дарган*, мн.ч. – *дарганти*, собирательно, как группа, как народ – *даргва*) – один из коренных народов Республики Дагестан. Имеющиеся наименования даргинцев соседними народами представляют варианты самоназвания: аварцы называют их *даргиял*, кумыки – *даргиял* и т.д. Однако в XIX в. соседи называли даргинцев по наиболее известным (или близким к ним) союзам обществ даргинцев: аварцы – *цладехI*, *акъуш*, лакцы – *цлакъар*, *акъуши* (по союзам Акуша и Цудахара). Во многих русских источниках XVIII–XIX вв. часть даргинцев (горцы) именовалась кумыкским термином *тавлины*, *тавлинцы* (т.е. горцы), или же лезгинами, в значении “дагестанцы” – горцы (как и аварцы, лакцы и др.).

Первое упоминание этнонима “даргинцы” относится к XIV в.: в записи на полях арабской рукописи говорится о походе Тимура (Тамерлана) на селения Дарга. Чуть позднее (1404 г.) даргинцев под названием *туриги* упоминает архиепископ Иоанн де Галонифонтибус в своем сочинении “Книга познания мира” (Галонифонтибус, 1980. С. 25, 41). В XV в. Дарга упоминается в записях на полях уже на даргинском языке. Однако еще в XII в. Ал-Гарнати в связи с событиями VIII и XII вв. упоминает Дархах, а также закаланов (гуркиланов), которых А.Р. Шихсаидов идентифицирует как даргинцев (хюркилинцев) (Шихсаидов, 1976. С. 82–84).

В результате происходящей этнической консолидации постепенно в состав даргинцев инкорпорируются кайтагцы и кубачинцы.

Даргинцы расселены компактной массой в срединной части Дагестана. Районы с даргинским (или преимущественно даргинским) населением – Акушинский, Левашинский, Кайтагский, Сергокалинский, Дахадаевский. Исторически даргинцы проживают и в других районах – Агульском (селения Чираг, Амух, Анклух, Шари), Гунибском (сел. Мегеб), Буйнакском (селения Кадар, Карамахи, Чанкурби), Карабудахкентском (селения Губден, Гурбуки, Джанга, Ленинкент). В советское время часть даргинцев была переселена на равнину в Каякентский (селения Первомайское, Герга, Нижние Викри, Нижний Дейбук, Краснопартизанский), Хасавюртовский (Нижний Костек, Сулевкент), Кизлярский, Ногайский, Бабаюртовский, Дербентский и другие районы.

Среди даргинцев процессы внутриэтнической консолидации еще не завершились, и эта незавершенность особенно проявляется в трудном утверждении единого даргинского языка. Поэтому даргинский этнос правильнее будет назвать народом, состоящим из совокупности довольно самостоятельных этнических групп.

Соседи даргинцев – аварцы, лакцы, кумыки, табасаранцы, агулы. Взаимоотношения между ними были деловыми, добрососедскими, за всю историю ни с одним из них у даргинцев не было конфликтов на этнической почве.

Как и у других народов Дагестана, у даргинцев исторически сложившаяся идея единства и общности интересов и судеб народов нашла отражение в появлении (примерно с XIV–XV вв.) термина и понятия единого отечества Дагестан. Даргинцы, как и все народы Дагестана, следуют исторической традиции общедагестанского единства и входят в единую суверенную Республику Дагестан в составе Российской Федерации.

Территория расселения даргинцев охватывает все природно-географические зоны Дагестана – равнину, предгорье, среднегорье, горные долины, высокогорье, но наибольшая часть жителей занимает среднегорье и предгорье. Природно-географические зоны расселения даргинцев практически не отличаются от зон расселения других народов, так как зоны носят общедагестанский характер.

Рис. 103. Селение Чирах. (Из личного архива Османова М.О.)

Длительное проживание в экологической нише, характеризующейся определенной спецификой, закономерно порождает соответствующую специфику в хозяйстве и культуре населения. Различия и своеобразие в составе и количестве угодий, исходных природных материалах, климате, рельефе, ландшафте, богатстве флоры и фауны обусловили зональную специфику хозяйства, особенности культуры, выразившиеся в сложении разных этнографических групп даргинцев – равнинной, предгорно-лесной, горной, горнодолинной зон.

В сложившихся психологических стереотипах этнографических групп отметим снисходительное отношение равнинников к горцам, которым не хватало своего хлеба и поэтому они вынуждены были приходить за ним в равнинные селения. Со своей стороны горцы видели свое превосходство в том, что они были свободными, вольными, не подчинялись ханам и бекам.

Даргинцы относятся к западному варианту антропологического типа дагестанцев – кавказионскому (классические представители кавказского типа). Характерные черты их – сравнительно светлая пигментация, высокий рост, круглая форма головы, массивность лицевого скелета, широкое и несколько уплощенное лицо.

Язык даргинцев относится к нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи языков. Основные диалекты: акушинский, урахинский (хюркилинский), цудахарский, кайтагский, сирхинский, муиринский, мурегинский, кадарский, кубачинский, санжинский, мугинский, амухский, мегебский, губденский и мекегинский (Гасанова, 1971. С. 38–40).

Общего языка общения (наподобие аварского болмацIа) у даргинцев не было. Литературный язык начал складываться в советское время на основе акушинского диалекта. Функции бытового общения у него, правда, незначительны, при знании русского языка представители разных диалектов пользуются для

Рис. 104. Традиционные жилища в селении Харбук. Конец XX века. (Из личного архива Османова М.О.)

общения русским языком, который имеет среди даргинцев значительное распространение (им свободно владеет 68% даргинцев). Однако местные диалекты живучи.

Численность даргинцев по переписи 1989 г. – 365 797 человек, в 1979 г. их было 287 282 человека (прирост за 10 лет – 27,3%).

Из общего числа даргинцев в Республике Дагестан проживают 280 431 человек, т.е. 76,7%. (Национальный состав... 1990. С. 127). В 1979 г. процент проживающих в республике был выше – 85,9, однако после 1991 г. эмиграция полная и частичная (отходничество) стала резко сокращаться и, напротив, начала расти реиммиграция даргинцев (как и других дагестанцев). Отметим, тем не менее, что даргинцам принадлежит рекорд численности своих соплеменников, проживающих за пределами Дагестана в России, – 73 тыс. человек.

Динамика численности даргинцев определялась многими факторами демографического, хозяйственного, военного, санитарно-гигиенического характера. Перепады в численности вызывались то войнами и нашествиями, то недородом и голодом, то эпидемиями, поэтому так разнятся цифры численности даргинцев, которые мы встречаем в различных источниках. Правда, эти несоответствия в значительной мере объясняются и неточностью, недостоверностью данных, связанных с объективными трудностями и субъективными особенностями подсчета. Приведем некоторые из них: 1598 г. – 50–60 тыс. даргинцев (С. Белокуров), 1796 г. – 116 тыс. (У. Reineggs), 1840 г. – 90 тыс. (Н. Окольников), 1862 г. – 85 тыс. (И. Стебницкий), 1873 г. – 89 159 (А. Комаров). Последняя цифра – одна из наиболее точных при установлении численности даргинцев в XIX в. в 1886 г. указывалось 123 587 даргинцев, а в 1897 г. – 121 375. С конца XIX столетия подсчет населения ведется более современными методами, и поэтому неожиданные отклонения в ту или иную сторону уже не наблюдаются. С устано-

Рис. 105. Селение Мекеги, 1980-е годы. (Из личного архива Османова М.О.)

влением мирной жизни, развитием экономики, обмена начинается рост численности даргинцев: в 1917 г. их насчитывалось 136 387 человек (Османов М.О., 1974. Сводная табл.).

Повышение экономического благосостояния и культурного уровня, улучшение медицинского обслуживания, санитарии, гигиены, эпидемиологической службы сказались на росте численности даргинцев в советское время. В 1926 г. даргинцев насчитывалось 125,7 тыс., в 1959 г. – 158,1 (в республике – 148,2 тыс.), в 1970 г. – 230,9 тыс. (207,8 тыс.), в 1979 г. – 287,2 тыс. (246,9 тыс.), в 1989 г. – 365,8 тыс. (280,4 тыс.), в 1995 г. в Дагестане – 332,4 тыс. человек. Прирост численности даргинцев с 1926 по 1989 г. составил 191% (с 1939 г. – 144 %), с 1989 г. по 1995 г. – 118% (в Дагестане).

Даргинцы составляют 15,6% населения Дагестана, и если в прошлом почти все они жили в селе, то ныне 31,5% из них составляют городское население. На 1000 человек в 1989 г. было 64 даргинца с высшим образованием, хотя процент занятых физическим трудом еще довольно высок – 78,2% (в республике – 71,1). Из них в сельском хозяйстве занято 48,3%, промышленности – 29,5%. Следующая по многочисленности категория занятого населения – в народном образовании – 8,3%, в здравоохранении, физкультуре, соцобеспечении – 4%, культуре и искусстве – 1,2%, науке – 0,44%, управлении – 2,5% и т.д. (Социально-демографическая характеристика... 1992. С. 4, 14, 86; Основные национальности Республики... 1995. С. 24–26).

Исторический очерк. Древнейший период истории даргинцев следует рассматривать в контексте общих для Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа хозяйственно-экономических, этнических и социальных процессов. Археологические памятники на территории даргинцев дают возможность проследить непрерывность социально-экономического и культурного развития на даргин-

Рис. 106. Новый квартал в селении Мургуk, 1980-е годы. (Из личного архива Османова М.О.)

ской территории, ее вхождение в ареал формирования (V–IV тыс. до н.э.) восточнокавказской этнокультурной общности, совпадающей со временем бытования раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа.

Археологическими памятниками на землях даргинцев представлены все археологические эпохи: палеолит (стоянки Чумусиницкая, Усишинская), мезолит (у сел. Мекеги), неолит (у селений Акуша, Усиша), энеолит (у селений Гапшима, Муги), более поздние и средневековые (у селений Цудахар, Гапшима, Хаджалмахи, Урари, Леваши, Губден, Нахки) и многие другие. Несмотря на происходившие смены археологических культур, на всех этапах исторического развития сохраняются определенное единство материальной культуры и ее этнокультурное своеобразие. Многие особенности культуры, например, земледельческой, материальной (форма орудий, поселений, типы жилища, виды утвари и т.д.) сохранились, стали составной частью и признаками культуры вплоть до нашего времени. Однако попытки связать древние культуры с определенными поздними этносами нереальны; все археологические культуры связываются лишь с отдельными этнокультурными общностями. Лишь в отношении Северо-Восточного Кавказа мы можем говорить о историко-этнографической области, представляющей историко-культурное, лингвистическое и антропологическое единство, развивающееся на протяжении тысячелетий.

Вопросы этногенеза даргинцев, как и других народов Дагестана, слабо разработаны. С III тыс. до н.э. происходит распад восточнокавказской этнокультурной общности на отдельные субобщности, которые явились основой образовавшихся впоследствии (I тыс. до н.э.) дагестанских племен, в том числе и даргинцев. Ареалом сложения даргинского племени послужила главным образом ныне занимаемая даргинцами территория от Кайтага до Кумыкской равнины, с некоторым расширением ее нижнепредгорной и равнинной частей.

Именно к этому времени следует отнести и формирование этнообразующих признаков даргинского этноса. Однако в этом процессе, особенно на первых этапах, преобладало формирование особенностей и признаков культуры, связанных со спецификой экологических ниш племен, т.е. происходило размежевание скорее этнографических групп, нежели этнических. Лишь в сфере языка и этнических наименований процесс размежевания был выражен более определенно. Об этом свидетельствуют данные античных авторов (Страбон и др.). Еще более многочисленны названия дагестанских народов у арабских писателей. Автор IX в. ал-Балазури упоминает Зирихгеран (Кубачи), Хайзан (Хайдак) и Синдан в связи с событиями VI–VII вв. Эти сведения подтверждают Ибн-Руста, ал-Масуди, Ибн-ал-Факих, анонимный источник XI в. “Тарих ал Баб”, ал-Гарнати, Якут и др. Разные варианты написания – Синдан, Джанзан, Шандан и другие – дагестанские историки относят к средневековому даргинскому владению, расположенному примерно на территории бывшего акушинского союза союзов сельских обществ.

Даже к XX в. этническое развитие даргинцев было на стадии незавершившейся консолидации, хотя этноним “даргинцы” имел достаточное распространение и к концу XIX столетия обнимал всех даргинцев, за исключением кайтагцев и кубачинцев.

Даргинцы входили в состав (или сферу влияния) Кавказской Албании, державы гуннов, а затем и Хазарского каганата. Они были одними из самых упорных противников арабов и местных мусульман (“среди племен неверных в пограничной области ал-Баба злейшим врагом мусульман был народ Шандана”) (Минорский, 1963. С. 48). Большое место в политической истории второй половины I тыс. н.э. занимают Кайтаг и Зирихгеран (перс. “бронники”), отождествляемый историками с поселением Кубачи (кольчужники, по-турецки), иногда вместе с соседними селениями.

Политические образования того времени скорее являлись протофеодальными. Развитие феодальных отношений можно отнести к XI–XII вв. Процесс этого развития нередко облекался в форму объединения групп поселений вокруг богатого аула или правителя. В XII–XIII вв. образуется крупное феодальное владение – Кайтагское уцмийство. Однако дальнейшему социально-экономическому и политическому развитию даргинцев, как и жителей всего Дагестана, особенно равнинного и предгорного, помешали волны нашествий, из которых наиболее страшным было вторжение монголов. Заключительным аккордом в этой череде нашествий стали опустошительные походы Тимура (Тамерлана), причем наиболее губительными они оказались для даргинцев. Летописцы описывают поход Тимура на Ушкуджу (Акуша), а также страшное нашествие на предгорных даргинцев, о которых у летописцев Тимура говорится, что он уничтожил и истребил этих неверных, а “из тысячи не спасся ни один, всех ограбили и деревни их сожгли” (Тизенгаузен. Т. II. 1941. С. 175).

В XV–XVIII вв. земли даргинцев, как и территория всего Дагестана, сильно пострадали от феодальных междоусобиц, а также войн и нашествий Турции и Ирана с целью захвата дагестанских земель. Так, в рукописи 1612 г., переписанной в Акуша, говорится о нашествии правителя Шабрана Юсуп-хана (иранца) на Дарго, Сирха и Атраз: “и в итоге победило Дарго над Юсуп-ханом и злодеями из его войска, было убито 2000 вооруженных воинов” (Алиев Б.Г., 1970. С. 257). Наиболее значительным событием в этих войнах стал разгром огромной армии Надир-шаха в Дагестане (1741 г.), в котором участвовали все дагестанские народы.

До присоединения к России даргинцы образовывали несколько союзов сельских общин (крупнейший из них – союз союзов Акуша-Дарго), часть из них входила в состав шамхальства, уцмийства, Казикумухского ханства.

С XVI в. активизируются русско-дагестанские связи. В течение XVII в. происходит значительный рост экономических и политических связей дагестанцев с Россией. Участились случаи добровольного вхождения владений и союзов обществ в подданство России. В 1633 г. о подданстве заявил уцмий Кайтагский, позднее и отдельные союзы обществ даргинцев.

Со времени персидского похода Петра начинается период, в результате которого Прикаспийский Дагестан вошел в состав России; наступает время ее интенсивного проникновения в Дагестан. Процесс принятия подданства России продолжался в XVII–XVIII вв., но дело ограничивалось лишь его признанием, периодически небольшим оживлением экономических связей, эпизодической военной и финансовой помощью правителям со стороны России. И лишь с 1813 г., по Гюлистанскому договору с Ираном, Дагестан, включая и всех даргинцев, вошел в состав России. Однако в первой половине XIX в. в управление не было внесено существенных изменений. Феодалы управляли своими владениями, союзы обществ сохранили самоуправление, но высшая власть была сосредоточена в руках военного командования.

Территория даргинцев не входила в состав имамата Шамиля, они лишь эпизодически принимали участие в антирусской войне. Причиной тому были близость даргинцев к равнине и большая зависимость (хлеб, зимние пастбища) горных даргинцев от занятой русскими равнины.

Крупное военное столкновение произошло, например, между горными даргинцами и генералом А.П. Ермоловым недалеко от сел. Левашы в 1819 г. В ожесточенном сражении горцы оказались разбиты, но в ходе боя генерал едва не был заколот. Именно после этого сражения А.П. Ермолов сказал о даргинцах: “народ сильнейший в Дагестане и воинственный”, “твердая опора всем прочим народам, могущественным своим влиянием их против нас вооружавший” (*Ермолов*. Ч. 2. 1868. С. 47, 90). Образную характеристику союза союзов Акуша-Дарго дал Я. Рейнеггс: “Его сила и добрая слава, так же, как прославленное повсюду мужество, очень хорошо известны всему Кавказу и всем граничащим князьям” (*Reineggs*. Bd. 1. 1796. S. 100).

В последующем даргинцы не раз выступали против царских войск, но в основном их участие ограничивалось уходом добровольцев к мюридам, а также вооруженным (дружественным мюридам) нейтралитетом. Приведем некоторые из эпизодов участия даргинцев в антиколониальной войне: 400 цудахарских отборных бойцов, посланных к осажденному Ахульго на помощь; широкомасштабное участие акушинцев и цудахарцев в боевых действиях на стороне Шамиля в 1844 г.; сражение кайтагцев против крупного отряда генерала Сулова в 1852 г.; партизанские действия даргинцев, например, отряда Исы Цудахарского и других, против царских войск.

После падения имамата царские власти перешли в Дагестане к прямому правлению, сначала создав для этого военно-народное управление (с элементами адатного права и традиционных установлений).

Большинство даргинских селений вошло в Даргинский и Кайтаго-Табасаранский округа, отдельные из них – в Темир-Хан-Шуринский, Гунибский, Кюринский округа.

Несмотря на положительные экономические последствия, вхождение в Россию не избавило дагестанцев от социального гнета и добавило национально-колониальный. Недовольство этим положением нашло отражение в неоднократных выступлениях и восстаниях. Особенно масштабным было антиколониальное восстание дагестанцев в 1877 г., в котором даргинцы приняли самое активное участие. Например, даргинское сел. Цудахар было раз-

рушено до основания огнем артиллерии, а оставшиеся в живых жители переселены на новое место. Один из участников этого восстания – цудахарский кадий Ника-кади, отклонивший щедрые посулы и награды за обещание не выступать против властей, был казнен вторым после руководителя восстания имама Гаджи-Магомедом.

В годы гражданской войны даргинцы одними из первых вступили в борьбу с белогвардейцами. Всенародное восстание против А.И. Деникина первыми начали именно даргинцы, а разгром ими белоказаков в ущелье Ая-Кака в сентябре 1919 г. – одна из памятных страниц истории народов Дагестана.

Из среды даргинцев выдвинулась плеяда революционеров, возглавивших борьбу горцев против царизма: шейх Алигаджи Акушинский, Магомед и Гамид Далгаты, Алибек Тахо-Годи, Осман Османов, Рабадан Нуоров, Алибек Богатыров, Муса Карабудагов, Кара Караев, Юсуп Малламагомедов, Халимбек Мустафаев, Ибрагим Карабудагов, Али Гамринский и др.

Хозяйство, хозяйственно-культурные ареалы. Даргинцы, как и все народы Дагестана, входят в Дагестанскую историко-культурную область (ИКО), составляющую часть Кавказской историко-культурной провинции.

Дагестанская ИКО представляет собой исторически сложившуюся общность хозяйственной, политической, культурной жизни на основе взаимодействия отдельных экологических ниш, хозяйственно-культурных ареалов и этнокультурных районов. К особенностям Дагестанской ИКО можно отнести высокий уровень горного земледелия, его относительную масштабность, развитость террасного земледелия, большое место голозерного ячменя в зерновых культурах, значительный удельный вес промыслов и отходничества в экономике, склоновые и террасообразные формы поселенческой структуры, плотность застройки и исключительную компактность жилища, некоторые оригинальные формы одежды и головных уборов (накидная шуба, платок-покрывало, чухта, шерстяная обувь), специфические вареные мучные изделия (хинкал), распространенность толокна (муки из поджаренного зерна), своеобразный праздник первой борозды (первого плуга) и многие другие.

Естественно, даргинцы составляли часть Дагестанской ИКО, входя в нее и как этнокультурный район, и как совокупность хозяйственно-культурных ареалов, сложившихся на их территории.

Развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства с сильным террасным земледелием продолжается у населения Дагестана, в том числе у даргинцев, до прекращения набегов кочевнического населения на равнине (до XV в.). С его прекращением, ростом производительных сил, техники, обмена устанавливается хозяйственная специализация по естественно-экономическим зонам (XVI–начало XX в.).

Соответственно хозяйственной специализации и природным условиям складывались и особенности зональной культуры, что приводило в итоге к сложению хозяйственно-культурных ареалов (ХКА).

На равнине и в нижнем предгорье сложился ХКА оседлых пашенных земледельцев – стационарных скотоводов. Его параметры и особенности таковы: высокая степень симбиозности обеих главных отраслей хозяйства; развитое масштабное земледелие и орошение; передковый плуг; переложная система земледелия; пшеница как преобладающая культура; рисосеяние; мареноводство; стационарное скотоводство с преобладанием выгонно-стойлового типа; преобладание мужского труда в сельскохозяйственных работах; господство колесного транспорта, слабое развитие домашних промыслов и особенно отходничества; свободная (усадебная) планировка поселения и жилища.

Параметры среднегорного ХКА пашенных земледельцев и отгонных (осенне-зимних) скотоводов: симбиозность отраслей менее выражена; земледелие – всеобщее занятие, но не главная отрасль хозяйства; господство масштабного террасного земледелия (три вида террас – откосные, укрепленные, с подпорными стенами, приречные); обрабатывающее орудие – рало; паровая система земледелия; развитое удобрение; преобладание ячменя и пшеницы (кукурузы в долинах); превалирование скотоводства и его отгонных форм, преобладание женского труда, вьючного (осел) транспорта и ручных перевозок (на себе, женщины), сильная развитость промыслов и отходничества; форма поселений – кучевая, иногда – террасообразная; тесная вертикальная и компактная планировка каменного жилища с плоской кровлей.

Высокогорный ХКА отгонных скотоводов и пашенных земледельцев подобен среднегорному, но имеет и отличия. На первом плане – скотоводство, земледелие маломасштабное, их симбиозность очень слабая, в формах скотоводства также превалирует отгонная, но весенняя, земледелие преимущественно склоновое, в сельхозкультурах господствует ячмень, рожь, бобовые. Наблюдается большой удельный вес отходничества по сравнению с промыслами; во вьючном транспорте преобладала лошадь. В пище значительное место занимают продукты животноводства. В поселениях более выражены теснота и многоэтажность жилища, преобладание хозяйственных помещений и построек скотоводческого назначения (*Османов М.О.*, 1996. С. 234–239).

Факторы, которые определяли развитие хозяйства у даргинцев в советское время, – это национализация земли, коллективизация сельского хозяйства с ликвидацией кулачества как класса и индустриализация.

В организации промышленности были допущены серьезные просчеты. Хотя казалось бы, ставилась цель использования местных ресурсов (так, создавались фруктово-консервная, рыбная промышленность), главный ресурс – избыток рабочих рук не был рационально использован, не удалось создать трудоемких отраслей точного машиностроения, которое, оставаясь преимущественно промежуточным, без выхода конечной продукции, работало на военный комплекс. В сельском хозяйстве уничтожили террасное земледелие, предали забвению многие выведенные в течение столетий и максимально приспособленные к местным условиям сельскохозяйственные культуры (например, горная и горно-долинная кукуруза, особенно замечательный по вкусовым качествам гергебильский сорт, холодостойкий и голозерный горный ячмень) и породы скота (даргинская и аварская жирнохвостые породы овец, приспособленные к зимнему содержанию в горах, особенно ценная для упряжки ногайская порода крупного рогатого скота). Самый поразительный пример: были практически сведены на нет ценные сорта твердых пшениц “сарыбугда” и “акбугда”, поскольку они давали несколько меньший урожай, чем современные мягкие сорта. А при подсчете оказалось, что гектар этих сортов дает дохода почти в три раза больше, чем внедренные мягкие сорта – соответственно 1313 и 480 руб. (*Омаров Д.*, 2000).

Происходят изменения и в размещении ХКА. Увеличивается ареал и удельный вес равнинного ХКА земледельцев и скотоводов: плужного, механизированного ирригационного земледелия и стационарного молочно-мясного скотоводства с наибольшей технической вооруженностью. Горный же ХКА трансформировался из земледельческого в скотоводческий, сливаясь с высокогорным и образуя единый хозяйственный (и культурный) тип интенсивного отгонного скотоводства с незначительным земледелием.

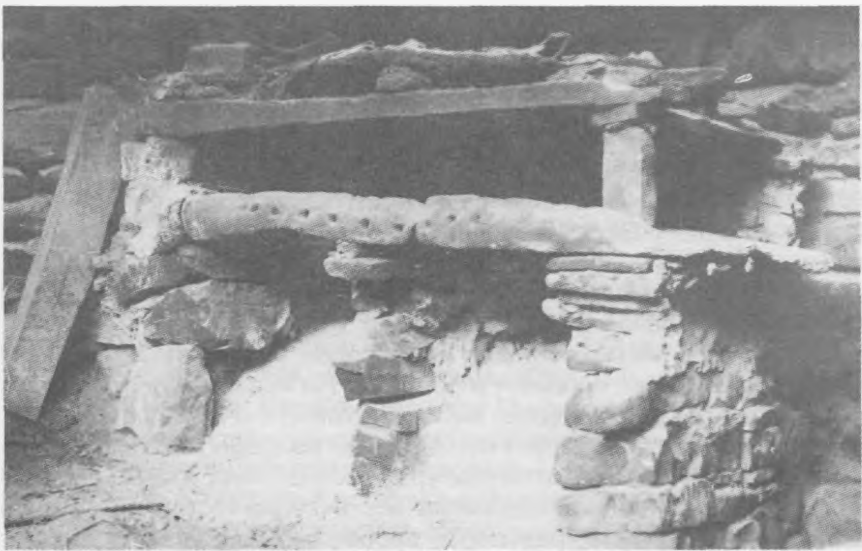

Рис. 107. Традиционная хлебопекарная печь. (Из личного архива Османова М.О.)

Рис. 108. Мякинник и сенник в предгорье. (Из личного архива Османова М.О.)

Естественно, изменения в экономике, подъем просвещения, образования, значительное улучшение транспортной сети и связей между городом и деревней способствовали и росту урбанизации. Это происходило и путем роста городов и городского населения, и проникновением элементов городской культуры и быта в сельские районы. Особенность урбанизации в республике – общедагестанский ее характер в городах (нет моноэтнических городов) и влияние этого процесса на село, продолжавшее развиваться моноэтническим путем. Поэтому степень урбанизации и сохранность традиционного этнического потенциала горо-

да и села в значительной степени различаются. В целом процессы урбанизации не приобрели сколько-нибудь решающего значения в формировании этнического состава республики.

Современная экономика даргинцев представляет собой агрокомплекс, являющийся составной частью аграрно-промышленного комплекса республики.

Основным видом транспорта даргинцев была лошадь для верховой езды. Однако лошадей имелось мало (0,24 на один двор в Даргинском округе, 0,41 – в Кайтаго-Табасаранском на 1886 г.) по причине недостатка кормовой базы, дороговизны содержания лошадей, непосильного для большинства горцев (Османов М.О., 1996. С. 287).

Для грузовых перевозок использовалась повозка в бычьей упряжи на двух колесах – арба (уркура), вьючные животные (осел, лошадь, мул), перевозки на себе (женщины).

На равнине и в предгорье господствовала арба, здесь она была большая, в лесном предгорье использовалась арба меньших размеров, на небольших, но массивных колесах, значительное место тут занимал в перевозках (навоз, дрова, сено и пр.) полозный транспорт (волокуша, сани). В горной части региона арба была меньше равнинной, здесь широкое распространение получили вьючные перевозки (осел). В высокогорье главенствовал вьючный транспорт (лошадь, реже осел).

Современный транспорт – преимущественно автомобильный, очень редко можно увидеть верховых лошадей, повозки. Минусы этого явления уже стали сказываться на хозяйстве и жизнедеятельности людей в послеперестроечные годы.

Материальная культура. В материальной культуре даргинцев, как и во многих других сферах культуры, преобладают общедагестанские черты.

Тип расселения даргинцев характеризовался скученностью; крупные поселения, нередко заключавшие в себе всю этническую группу, составляли преобладающий вид поселений, который можно называть “селением”. Его признаки: многодворность, полный суверенитет над фондом земель, занятие важного в стратегическом и торгово-экономическом отношении места, крупная сельская община с квартальным делением, местом сельского схода, с джума (соборной) мечетью, кладбищем. Селение нередко являлось центром союза обществ или феодального владения.

Образование данного вида относится к XI–XIV вв., до этого преобладали небольшие поселения родственных коллективов (возможно, тухумов).

Другие виды поселений – хутор и отселок. Первый – опорный пункт для хозяйственной микрзоны, постепенно обретавший поселенческие функции; это однодворное поселение характеризуется разбросанным расселением, устанавливается как вид поселения со времени последней зональной хозяйственной

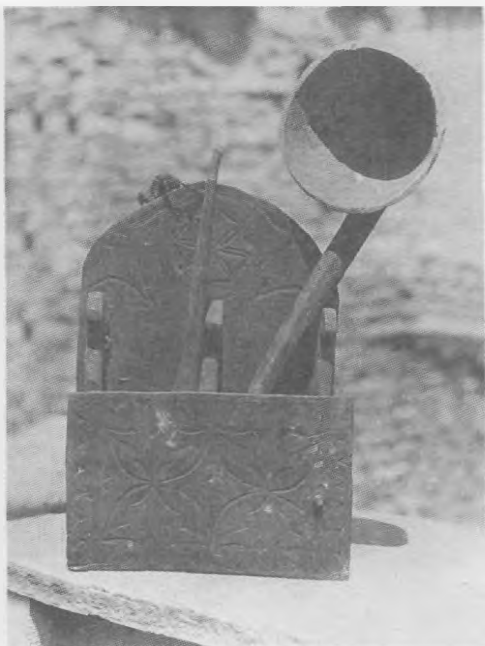

Рис. 109. Поставец. Селение Цугни.
(Из личного архива Османова М.О.)

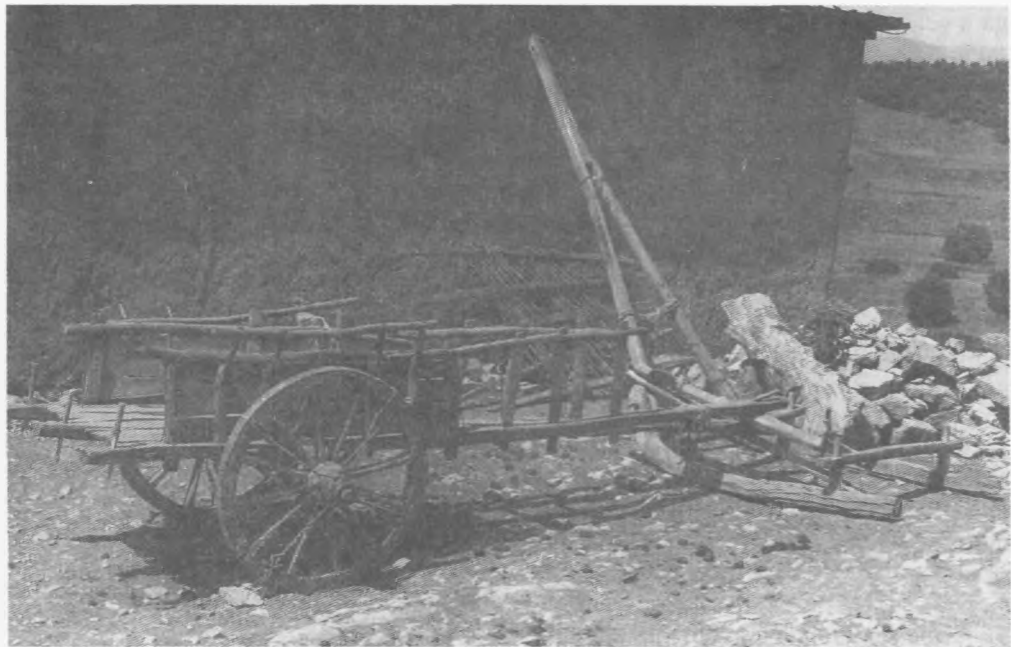

Рис. 110. Традиционный транспорт (арба и волокуша). (Из личного архива Османова М.О.)

Рис. 111. Традиционная арба лесного предгорья. (Из личного архива Османова М.О.)

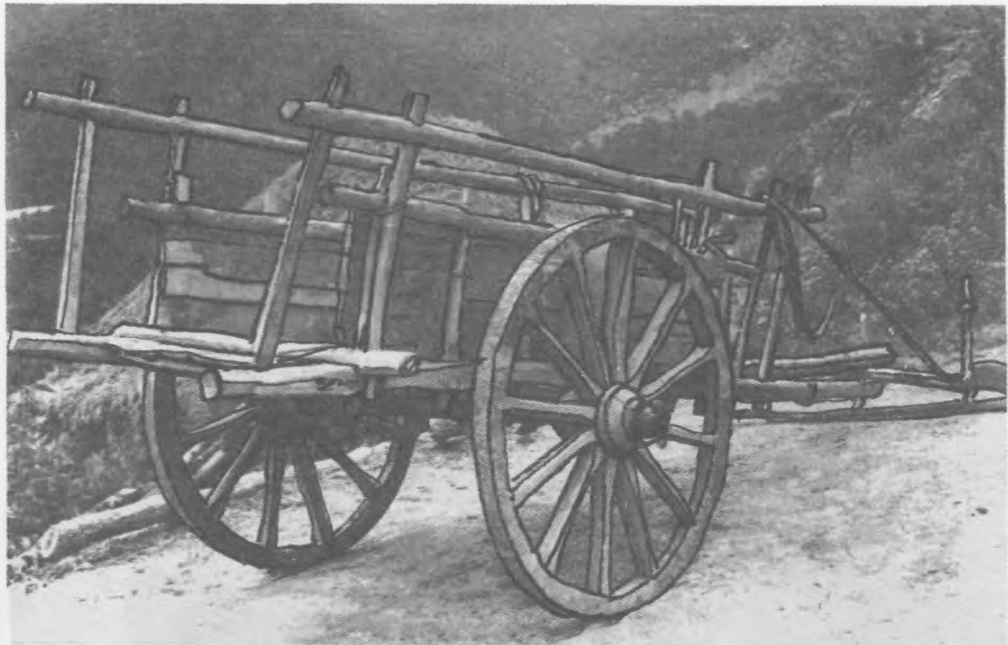

Рис. 112. Традиционная равнинная арба. (Из личного архива Османова М.О.)

Рис. 113. Традиционный способ перевозки навоза. (Из личного архива Османова М.О.)

Рис. 114. Минарет мечети в селении Урахи, 1980-е годы. (Из личного архива Османова М.О.)

специализации (с XVI в.), а как хозяйственная база – с древнейших времен. Хутор не обладает правами на общинные угодья, здесь нет общины, схода, мечети и кладбища. Отселок – разросшийся хутор, малодворный (иногда перерастает в селение, как и хутор в отселок), время генезиса и развития – XVII–XIX вв., субобщина с ограниченными правами, в том числе на угодья, с простой мечетью, без схода и кладбища.

Поселения даргинцев, отражающие их социально-экономическую природу, общественно-политическое состояние, в XVII–XIX вв. имелись трех типов: раннефеодальный, сельско-общинный тип поселений независимых (вольных) союзов обществ; феодально-патриархальный тип поселений зависимых союзов; феодальные поселения ханств (бекств). В советское время устанавливается чет-

Рис. 115. Традиционные дома в селении Ицари, 1970-е годы. (Из личного архива Османова М.О.)

Рис. 116. Традиционное горное жилище. Конец XX века. (Из личного архива Османова М.О.)

Рис. 117. Современный дом в селении Мекеги, 1980-е годы. (Из личного архива Османова М.О.)

Рис. 118. Современный дом в селении Харбук. Конец XX века. (Из личного архива Османова М.О.)

Рис. 119. Современный жилой дом в селении Урари. Конец XX века. (Из личного архива Османова М.О.)

вертый тип – советское колхозное (совхозное) селение нового типа, с новым типом и структурой общественной власти (Османов М.О., 1988. С. 10–22).

Тип планировки (форма поселения) – поселения максимально притерты к рельефу, малодоступны и неприступны (фактор обороны), экономны в использовании земли, близки к источникам воды и имеют солнечную ориентацию. Планировка – вертикальная кучевая, нередко террасообразная, компактная форма. В предгорье, особенно нижнем, планировка более свободная, с компактно-уличной формой. В советское время образуются селения с новым структурным делением, с квартально-уличной планировкой, общественными зданиями, зонами отдыха, насаждениями, водоснабжением и т.п. В горной части селения сочетают более или менее просторные и спланированные окраины с центрами, сохранившими традиционную форму.

Жилище даргинцев в древнейшем виде представляло собой одну камеру с очагом посредине. Развитие происходило путем дробления камеры и присоединения новых построек, а также этажирования. Даргинское жилище всегда представляло собой комплекс жилых и хозяйственных помещений и построек, структура и планировка которых во многом обуславливалась зональными особенностями природно-географической среды, направлением хозяйства, хозяйственно-культурным ареалом. Наиболее распространенный тип в последние столетия – двух- (и более) этажное, каменное закрытое жилище с расположением двора и хозяйственных построек (помещений) под жильем, с плоской кровлей. В процессе эволюции закрытый двор превращается в навес (со службами) по периметру. В планировке преобладал лоджийный тип, с примыкающим к лоджии небольшим центральным коридором (тамбуром), с проходами в помещения по обе его стороны. В горных долинах возобладал верандный тип, нередко с укорочением веранды под жильем, более открытый. В советское время этот тип

Рис. 120. Традиционный центральный столб в селении Санчи. (Из личного архива Османова М.О.)

Основные традиционные строительные материалы – камень и дерево; использовали, особенно в высокогорье, арочные конструкции, в предгорье – турлук. В высокогорье нередко были постройки с минимальным применением дерева – сообщающиеся аркады, с каменными блоками и плитами в перекрытии.

Традиционное внутреннее убранство было бедным. В семейной комнате – тахта, паласы, ковры, в углу – сундук и постели повседневного пользования, полки для посуды, жердь для одежды и постелей, выступ (или доска-полка) для хумов (или мешков) с зерном. В парадной (каминной) комнате – лучшие ковры, паласы, постели, оружие. В лесном предгорье было больше мебели и утвари из дерева: резные, во всю стену лари со шкафами по краям, шкафы для посуды и продуктов, кровати с фигурными украшениями, табуретки.

Для украшения жилища применяли формирование и обтесывание камня, арочные конструкции, проемные кресты, резные ворота и консольные щиты, резные и фигурные центральные столбы, резные рисунки на камне и дереве (ладони, цветы, солярные знаки), лепные глиняные фигуры в нижнем предгорье и др.

Хозяйственные помещения делились на предназначенные для содержания скота (*дерхъ*) и хранения сена, соломы и т.п. (*муруцI*). Отдельные хозяйственные постройки встречались реже. В нижнем предгорье были плетневые загоны и хранилища для половы и соломы (*цуга*), продолговатые и шатровые, сходные с кумыкскими. В горной части бытовали сеновалы на арочных конструкциях (или простенках).

В советское время хозяйственные постройки почти сошли на нет (стало меньше скота, сена и т.п.), появились стандартные постройки животноводческих ферм.

и планировка жилища в основном сохраняются, но дома становятся крупнее, с множеством помещений с разнообразными, неизвестными ранее функциями (например, детская). Значительно уменьшились и отделились от жилья хозяйственные помещения (постройки), жилищу сопутствуют открытый двор, насаждения и огороды. Плоская кровля уступает место стропильной, покрытой шифером или железом.

Изменения быта, санитарно-гигиенических и культурных потребностей и запросов, общественной обстановки и т.п., устранили надобность в закрытых, темных, холодных, очень компактных старых жилищах. В новом строительстве старые типы видоизменяются, принимают современный облик и планировку. Этот процесс замены старого жилища новым усилился в послевоенное время, особенно с 1960-х годов. В настоящее время доля жилищ современного типа, безусловно, преобладает у даргинцев, особенно после строительного бума 70–80-х годов.

Рис. 121. Двухэтажный дом в селении Цудахар, 1950-е годы. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1950 г.)

Современная сельская архитектура даргинцев, несмотря на появление многих новых форм жилища, базируется главным образом на традиционных основах сельского строительства, вкрапывая в них особенности, связанные с изменениями в жизненном уровне, общественном и семейном быте, санитарно-гигиеническом, образовательном, культурном уровнях. Соответствие жизненным и культурным потребностям наших дней в большей степени осуществлено в низовых селениях.

Традиционная одежда даргинцев принадлежит к общедагестанскому типу, но имеет определенные особенности. Мужская одежда состоит из туникообразной рубахи и прямых, сужающихся книзу штанов (с “широким шагом”). Верхняя одежда – это распашной, расширяющийся книзу за счет клиньев бешмет, черкеска, длинные овчинные шубы-накидки двух видов – с пелериной и без нее, с ложными рукавами; третий вид овчинной шубы – приталенная с рукавами, рабочая, более характерная для нижнего предгорья (где больше зимних работ), наплечная бурка (с начесом и без начеса), башлык, шапка (папах) меховая, цельнокроенная, нередко из шкурок с длинным ворсом. В низовых селениях во время летних работ для защиты от солнца носили войлочные шляпы.

Обувь была кожаная (чарыки, мягкие сапоги, в том числе с отдельными голенищами, сапоги с твердой подошвой и на каблучке, полусапоги, напоминающие грузинские), вязаная (в форме сапога-чулка), войлочная, из овчины (сапоги), башмаки типа сабо. Обязательным для мужчины было ношение оружия, особенно кинжала, который являлся естественным повседневным атрибутом любого мужского костюма.

Большими разнообразием и красочностью отличалась женская одежда. Рубахи были туникообразные и с отрезной талией, а также архалук (распашное платье), штаны, аналогичные мужским и широкие. Надеваемые в рукава при-

Рис. 122. Женщина с ребенком из селения Урхучимахи Акушинского района. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1950 г.)

таленные шубы имелись и у женщин, но чаще в предгорье. Носили они и шубы с ложными рукавами, однако шуб с пелериной у женщин не было. Наиболее распространенным головным убором являлось покрывало (чиба) из бязи, полотна, реже шелка, белого или черного цвета, у некоторых этнических групп (кайтагцы, кубачинцы) с вышивками и каймой с бахромой. Другой головной убор – это чухта – *чутхъа*, *чукI* (дарг.), тип чепца со сквозным мешочком для волос, закрепляемый (к затылку) налобной повязкой и доходивший до талии. Менее был распространен *чукI*, представлявший полотнище на подкладке, закрывающее волосы. Налобная и теменная части убора украшались серебром (бляхи, тяжелые цепочки сложного плетения, монисты и др.). Женская одежда вообще имела много серебряных украшений – налобно-теменные, ушные, нагрудные, поясные, наручные, с использованием драгоценных и полудрагоценных камней (яшма, рубин, коралл, бирюза, изумруд и др.).

Несмотря на преимущественную этническую маркированность одежды, имелись определенные зональные отличия, связанные как с особенностями местной географии, так и со спецификой занятий и хозяйственной деятельности. Например, в нижнем предгорье и на равнине были надеваемые шубы, приспособленные для зимних хозяйственных работ, которых здесь хватало, в то время как в нагорье (особенно высокогорье) бытовали накидные тяжелые шубы, совершенно непригодные в рабочей обстановке. Иными словами, зональные метки характерны для элементов, имевших отношение к бытовой и хозяйственной практике (грязь, холод, жара, сезонные хозяйственные действия), в то время как этнические знаки – для элементов, меньше связанных с окружающими условиями. Таким образом, основные элементы одежды имели как бы двойную маркировку – этническую и эколого-хозяйственную. Современная одежда даргинцев почти не имеет не только этнической специфики, но и традиционно-

Рис. 123. Женщина в традиционном головном покрывале из селения Цугни Акушинского района. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1950 г.)

культурных особенностей, она близка к городской; традиционная же одежда частично бытует в отдельных местах (например, Губден), у пожилых людей и во время некоторых обрядовых церемониалов.

Традиционная пища отражает древние земледельческие традиции, с одной стороны, и большое место скотоводства в последние столетия (с XVI в.), с другой. Соответственно имелись две основы питания – растительная и животноводческая, причем преобладала первая. Главными продуктами для приготовления пищи являлись зерно, молочно-мясные продукты, зелень, овощи, фрукты, ягоды. В горной части (особенно в высокогорье) большой удельный вес имела молочно-мясная пища, в предгорье и на равнине преобладала мучная.

Из мучных изделий самое распространенное блюдо – хинкал, однако в предгорье и на равнине он больше готовился как дополнение к основному здешнему мучному изделию – хлебу. Наиболее массовым был хинкал в виде уплощенных цилиндров, нарезанных (или оборванных руками) от заготовки теста в виде колбаски, другой вид – квадратики из обкатанного тонкого теста. В горных долинах больше готовили кукурузные галушки. По возможности хинкал варился в мясном бульоне, ели его с чесночной приправой и закуской – мясо (вареное), колбаса, поджарки курдюка, сала, жирного сушеного мяса, молочные продукты и др. Очень популярны были пироги и вареники с самой разнообразной начинкой – мясной фарш, творог, зелень, зеленый лук, сыр, яйца, тыква, картофель, птица, абрикосы, курага, морковь, топинамбур и др. Дополнительная “приправная” начинка – лук, чеснок, перец, творог (для зелени), толченый грецкий орех, барбарис, уксус, поджарки курдюка, нутряного жира, жирного сушеного мяса, масло, сметана, кислое молоко, тмин, особая растертая трава (*мирхъил мура* – пчелиное сено).

Хлеб преобладал пшеничный и ячменный, пресный и дрожжевой, в предгорье в золе готовили большой хлеб в виде каравая, имелся и просяной, и кукуруз-

ный хлеб (*мучари*), а также солодовый (*кхиа*), слоеный с маслом и др. Хлебопечные устройства были подовые и плиточные, в нагорье бытовал тондыр (тарум), стеночно-подовое устройство, являющееся признаком древней земледельческой культуры.

Распространение получили супы (*нергь*) – мясной, молочный (и с лапшой), фасолевый, рисовый, кураговый, из сушеного кизила, крупяной, картофельный, тыквенный и другие и каши. Древнейшая из каш – зерновая, из многих видов зерна колосовых и бобовых (панспермия), она носила ритуально-обрядовый характер. Варили кашу из круп, зерен всех видов, в том числе из полбы, пшеничной и кукурузной муки, а также кураги, в предгорье популярностью пользовались блины, особенно хороши были блины “буршина”. Приправой служили сметана, масло, урбеш (масло молотого семени льна “кудряш”), мед, сироп из винограда, слив, кизила. Особое место занимало толокно (мука из прожаренного зерна, нередко его смесей), больше бытовавшее в горной части, где испытывалась недостаток зерна, и хлеба выпекали мало.

Даргинцы мало употребляли цельное молоко (только дети), из него готовили масло, творог, брынзу, сыр (овечий).

Отметим еще такое блюдо, как *хляли сирисан* (крученка). Пластины нутряного жира (или вывернутый желудок) наполняли фаршем из печени с нутряным жиром, луком, душистой травой и солью, сворачивали в трубку, обматывали кишкой. Варили и популярный “соус” – вареное мясо с картофелем, луком и специями; делали урбеш – смесь размолотого льняного семени (или абрикосовых косточек), меда, топленного масла и др.

Наиболее распространенный напиток – буза (*гьаруш*), в Кайтаге было кипяченое виноградное вино – *мусти*, медовый напиток (*макатта*), брага из изюма (*тлутила мин*), прохладительный напиток из солода и толокна (*макьсуман*) и другие, имелась привозная водка, чай.

В советское время на пище даргинцев сказались рост их благосостояния, потребление овощей, консервантов, фабричных готовых изделий и полуфабрикатов, заимствованных русско-европейских продуктов и блюд – макарон, бакалейные и кондитерские изделия, салаты, винегрет, борщ, котлеты, тефтели и др.

Социальная организация. Основу социальной организации даргинцев составляла сельская территориальная община (джамаат), базировавшаяся на общинной и совокупности частновладельческих видов собственности (мульков). Общинную собственность составляли необработанные угодья, а пахотные земли, насаждения, значительная часть сенокосов были частными. Имелась еще вакуфная (мечетская) собственность, а у части даргинцев и феодальная. Общины образовывали союзы общин (сельских обществ), делившиеся на независимые (вольные), и на находившиеся в разной степени зависимости от феодальных владений. Союзы иногда объединялись в союз союзов (суперсоюз). Большинство даргинцев входило в Акушинский суперсоюз, включавший союзы общин Акуша, Цудахар, Мекеги, Усиша, Муги, Урахи, временами Сирха. Значительная часть даргинцев находилась в своеобразных зависимых отношениях с Кайтагским уцмийством и носила название Уцуми-Даргва.

В Тарковское шамхальство входили Губден и Кадар, в Казикумухское ханство вошло в последнее время Буркун-Даргва, сел. Мемуги (Мегеб) входило в Андалалский (аварский) союз обществ.

В иерархии община – союз общин основные функции управления принадлежали общине, исключая вопросы, касавшиеся интересов союза. Функции союза были главным образом военно-политические и правовые. Для решения важнейших проблем, особенно войны и мира, суперсоюз имел верховный орган – сход

(собрание) представителей союзов (*цях/набахь*), собиравшийся недалеко от Акуши, на плато, получившем название “равнина схода” (*цях/набахьла диркья*). В промежутках между сходами управление в суперсоюзе осуществлялось высшим советом, состоявшим из кадиев союзов и влиятельных старейшин (12–15 человек), под председательством акушинского кадия.

Хозяйственная и политическая жизнь общины регулировалась обычным правом (адатом), а также нормами шариата. Адатные установления были обязательны для всех и не предусматривали исключений в зависимости от социальной принадлежности. Адааты были сведены в отдельные своды по союзам обществ, некоторые из сводов были кодифицированы. Особенную известность в Дагестане приобрел кодекс Рустем-хана, кайтагского уцмья (XVII в.), названный М.М. Ковалевским “одним из интереснейших памятников кавказского права” (*Ковалевский*, 1890. С. 9).

Управление общины возглавляли сельский кадий, обладавший полнотой высшей духовной и светской надзорной власти. Управлялось сельское общество старшинами (*халати*), надзор за их действиями осуществлялся кроме кадия (или вместе с ним) общинными старейшинами. Ниже старейшин стояли исполнители (*баруман*), которыми руководил глашатай (*мангуш*), наиболее важные вопросы решались сельским сходом, в котором принимало участие все взрослое мужское население (кроме рабов и крепостных).

Тяжбы, гражданские споры, уголовные дела решались по адату, судьями из числа старейшин, дела, связанные с религией, семейными отношениями, наследством, завещаниями, гражданскими исками – кадием, по шариату.

Апелляции по нерешенным вопросам направлялись кадию союза или суперсоюза. К акушинскому кадию часто обращались по спорным вопросам и из селений, входивших в другие союзы и даже феодальные владения, и его решение принималось как окончательное.

Споры и конфликты, затрагивавшие интересы союзов или их соседей, в том числе феодальных владений, решались акушинским кадием и советом при нем, в крайнем случае он объявлял о созыве схода суперсоюза. Как глава религиозной власти, Акушинский кадий освящал и вступление тарковских шамхалов на правление (“короновал”, т.е. надевал папаху).

На всей территории даргинцев, безусловно преобладающим сословием являлось свободное крестьянство (уздени). Помимо них имелось небольшое число рабов (лагов), главным образом домашних (крупных хозяйств для их массового использования в сельхозработах не было). Имелись еще бывшие (или по происхождению) рабы, равные в адатно-правовом отношении члены общества, однако в быту (семейном, общественном, например, в форме напоминания о происхождении при заключении брака) испытывавшие массу социальных неудобств. Тем не менее, они могли благодаря личным качествам или богатству подняться даже до положения старейшин.

В феодальных владениях социальная палитра и неравенство были богаче: князья и ханы, беки, духовенство, уздени, крепостные крестьяне, рабы. Последние две категории и здесь отличались малочисленностью.

Несмотря на наличие классов и сословий, социальные различия и неравенство, даргинское общество XVIII–XIX вв. нельзя считать классово развитым, историко-этнографический же аспект социального развития характеризовался незавершенностью национальной и культурной консолидации (*Магомедов Р.М.* Т. I. 1999. С. 340–367, 390–398).

В культурном развитии, поведенческих стереотипах, принятых приоритетах, понятиях чести, добра и зла и т.п. у даргинцев больше общедагестанского.

Рис. 124. Старейшина селения Цугни проводит первую борозду в поле. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1950 г.)

Морально-этический кодекс зиждется на общедагестанских понятиях *яха*, *намуса*, “мужчинства”, “умности” (целомудрия), установлениях *адата* и религии, на героических традициях.

Понятие “мужчинство” включало в первую очередь благородство, благочестие, трудолюбие, честность, щедрость, уважение к старшим, а также чувство чести и собственного достоинства, смелость, мужество, отвагу, великодушие, милость к слабым и неимущим. Понятие “*яхи*” более конкретно, приближается по смыслу к терпению, выдержке, твердости, включает также основательность, честность, чувство долга, ответственность. Главное требование “умности” – целомудрие, другие качества – благочестие, трудолюбие, скромность, верность, благовоспитанность и пр. Намус включает проблемы морали общего плана – способность к отдаче, щедрость, обязательность, сострадание, приветливость и многие другие.

В целом личные достоинства подчинены общественным заботам и интересам. Патриотизм реализовывался сквозь призму этнической терпимости и добрососедства, мужественная выдержанность и стоицизм ценились выше заливчатской смелости, и все это способствовало миру и добрым взаимоотношениям, несмотря на этническую пестроту и экономическую неблагоустроенность.

Коммуникабельность в условиях межэтнического окружения в советское время усилилась, чему способствовало отсутствие былых соперничавших феодальных владетелей, а существующие официальные установки и идеологические доктрины поощряли добрососедские и дружественные отношения между народами.

Семья и семейная обрядность. Даргинская семья прошла общие для Дагестана этапы развития. В XIX–XX вв. господствующей формой семьи была ма-

лая. Об этом свидетельствует средний размер семьи по семейным спискам 1886 г.: Даргинский округ – 4,2 человека, Кайтаго-Табасаранский – 4,9. Однако еще в конце XIX–начале XX в. можно было встретить остатки большесемейной организации в форме неразделенных семей, напоминавших большие, но являвшихся, особенно по форме собственности, феноменами малосемейной организации. В целом по Дагестану они составляли 13,4% семей, но их удельный вес был значительно выше в равнинном и Южном Дагестане (кумыки, лезгины, табасаранцы, цахуры, рутульцы, агулы и др.), а у даргинцев процент таких семей был значительно меньше. Через 100 лет, в наши дни, наиболее распространенный тип семьи у даргинцев – простые малые семьи (77,7%), большинство из них двухпоколенные (64,3%) и однопоколенные семьи (11,2%). Преобладают семьи, состоящие из 4–5 и 6–7 человек. В 20,3% всех обследованных семей – двое детей, в 18,7% – четверо, в 17,9% – трое, в 11% – пятеро, в 7,7% – шестеро, в 5% – семеро, в 4,3% – восемь и более детей (Курбанов, 1990. С. 16).

Семьи входили в тухум – группу родственных патрилинейных семей, ведущих происхождение от одного предка, и имеющих четко выраженное родственное, идеологическое, общественно-бытовое, но не экономическое единство. Тухум может делиться на подобные же структуры низшего порядка (жинс, аглу) – патронимии, которые, разрастаясь, могут образовать новый тухум.

Тухум не экзогамен, но и не обязательно эндогамен, он представляет и общественную единицу, и, соответственно соподчиняясь с общинным управлением, несет помимо семейно-родственных социальные и гражданские функции.

Система родства даргинцев – арабского типа. Имеются термины: отец, мать, дочь, сын, брат, сестра, внук, дед, бабка, дядя по отцу, дядя по матери, и для них существует степень родства – родной, двоюродный, троюродный и т.д. В тухуме родство обозначалось по отцовской линии до 12-го колена: *дудеш* – отец, *уриши* – сын, *узи* – брат, *узикъар* – двоюродный брат и дальше – *къариган*, *гариган*, *гуникъар* (*туриган*), *гунигар* (*чутхъа пяхъ* – по чутке бьющий), *шиникъар* (*дирхъа хус* – палку волочащий), *шинигар* (*хлеркл ихъан* – реку переходящий), *шушка бихан* (шашку носящий), *хьулиглена* (в доме бывающий).

Брак у даргинцев заключался согласно установлениям шариата. И в советское время (до перестройки), хотя шариатский брак запрещался, подавляющее большинство даргинцев наряду с гражданским заключали без огласки и шариатский брак.

Браки преобладали эндогамные, внутритухумные, часто межпатронимические, однако нередки были и межтухумные браки. Особенно предпочитались браки с представителями больших по численности тухумов, часто решающее значение приобретали достоинства, красота девушки (в конце XIX в. в одном ауле две красивые дочери в одной семье из захудалого тухума были взяты в жены в разные семьи сильных и богатых тухумов. Третья же, некрасивая, была выдана за бедного родственника).

Возраст для брака колебался в пределах 13–20 лет у девушек, 15–25 лет у юношей, идеальными считались параметры – 17 и 25 лет соответственно.

Локализация была патрилокальная, развод осуществлялся по-шариатски, по инициативе мужа. Жена имела право на предъявление требования о разводе в двух случаях: физическая недееспособность мужа и необеспечение им жены (семьи) необходимыми средствами к существованию.

Этапы бракосочетания – сватовство, сговор, обручение, пребывание в “другом доме” (до и после свадьбы). Обряд бракосочетания производился муллой (кадием) с участием жениха и отца невесты, чаще поверенных с обеих сторон. Во всех случаях формальное, высказанное отцу в присутствии свидетеля согла-

сие девушки было обязательным. Положен брачный залог со стороны жениха – кебин, который рассматривается как обеспечение жены на случай вдовства или развода по инициативе мужа. После свадьбы наблюдалось несколько этапов приобщения новобрачной к новой семье и хозяйству, главные из них: ввод новобрачной в общую семейную комнату, первый вывод невесты за водой к сельскому роднику, снятие запретов, связанных с избеганием.

Хотя основные сюжеты и структура брачной и свадебной обрядности имели преимущественно общедагестанский (особенно у горцев) характер, прослеживались в обрядности даргинцев и специфические особенности. Укажем на некоторые из них. У высокогорных даргинцев ночь перед отнесением приданого невесты становилась ночью обязательного бдения для девушек и юношей (заснувших измазывали сажей); девушки выпекали ритуальные творожные и огромные с разнообразной начинкой пироги, а также очень большие хлебы для свадебной процессии.

В предгорье с приглашением за приданым невесты посылали мальчика с подушкой, которую жених должен был выкупить. В высокогорье процессию с приданным возглавлял мужчина с деревцем, увешенным яйцами, сладостями, фруктами, орехами и погруженным в чашу с мукой.

При ритуале обмазывания медом лица невесты в некоторых местах невеста пыталась укутить палец свекрови, в других селениях смотрели, как она прикасается после погружения в мед рукой к притолоке: если ее ладонь оказывалась раскрытой, это означало, что она любит жениха, если сжата в кулак – нет.

У цудахарцев невеста могла принять участие в обручении, если у нее нет мужчин, которые могли бы представлять ее, но до этого она обязательно должна была преодолеть три водные преграды.

Оригинальный групповой танец исполняли на свадьбе у сюргинцев – *тугъла аяр* (линейный танец), во время которого мужчины могли выйти за пределы дома и пройтись в танце по крышам селения (при этом нередко ломая себе ноги). А у цудахарцев был групповой, но уже круговой танец (*щирла делхъ*), исполняемый вокруг костра. У них же как намек на необходимость готовиться к свадьбе подбрасывали следующему по возрасту брату жениха пестик со ступкой (мужское–женское начало). У цудахарцев же при приглашении новобрачных к родителям невесты кидали перед женихом кряжистый сучковатый пень, который он должен был расколоть, – как бы проверка жениха на силу, сноровку, трудолюбие, упорство (*Булатова*, 1988. С. 151; *Сефербеков*, 1999. С. 14, 21).

В воспитании детей большое место занимало приучение их с малых лет к будущим занятиям в соответствии с половым разделением труда: готовить будущего пахаря (скотовода) и воина и хозяйку-мать. Большое внимание уделялось воспитанию трудолюбия и нравственных качеств, послушания и уважения к старшим, понимания и соблюдения не только собственных, семейных, но и тухумных, сельских, отечественных задач и интересов.

Обрядовой инициации не существовало, однако разные возрастные испытания были (подоить корову, взнуздать коня, испытание на боль, выдержку, отвагу и др.). Отмечалось совершеннолетие – (в 15–17 лет) юношу торжественно опоясывали кинжалом (с этого времени он – полноправный и ответственный за себя, семью, тухум, общину и отечество мужчина, до этого он не подлежал призыву в ополчение, на него нельзя поднимать оружие, он не подвергался кровной мести).

Смерть воспринимается даргинцами, как и всеми мусульманами, как предопределение судьбы, начертанной Аллахом. Они верят в загробную жизнь, Судный день, мост Сират, ад и рай. Похороны проводятся полностью по мусуль-

манскому обряду под руководством местного духовенства и хорошо знающих ритуал старших родственников. Положены заупокойные молитвы, щедрые поминки (в этом многое зависит от высказанной воли покойного), кормление присутствующих на *тазияте* – собираются для поминовения в определенном месте (часто во дворе или рядом с домом умершего) родня и пришедшие для соболезнования мужчины. Отсюда они идут после предвечернего намаза и на кладбище для поминальной молитвы. Женщины находятся внутри дома, на кладбище они не ходят.

В советское время даргинская семья претерпела значительные изменения и главное из них – демократизация брачных и семейных обрядов, внутрисемейных отношений, хотя к определению главы и сохраняется традиционный подход (мужчина – отец, дедушка, брат и др.). Изменения коснулись выбора невесты или жениха (они в большинстве случаев сами находят друг друга), взаимоотношений мужа и жены, родителей и детей, традиций избегания, состава брачащихся (больше этнически и социально смешанных браков). Есть изменения и в свадебном ритуале: можно говорить о городской свадьбе, приобретающей общедагестанский характер, и сельской, в которой во многом сохранилась традиционная обрядность, но в более игровой, красочной театрализованной форме.

В воспитании детей и особенно подростков в настоящее время наблюдаются серьезные упущения и недостатки; явно меньше обращается внимания на нравственность, на приобщение к труду. К сожалению, деятельность вновь набирающей силу и признание (в том числе на государственном уровне) религии и ее адептов, а также духовенства не очень успешна в воспитании у молодежи высокой нравственности, чувства уважительности, общественного долга, трудолюбия и т.п.

Традиционный быт даргинцев обычно характеризуется как феодально-патриархальный, или патриархально-родовой. Однако феодального в нем было мало, так же как и родового (имелись пережитки). В семейном быту это прежде всего взаимоотношения в семье, командные позиции мужа (отца) и мужчин (и даже мальчиков), старших над младшими, экономическая, хозяйственно-бытовая, семейно-правовая и психологическая зависимость жены от мужа.

Вместе с тем сильная загруженность горской женщины именно ведомыми хозяйственными делами сделала ее более независимой, дееспособной и правоспособной по сравнению с женщиной равнины, хозяйственные функции которой были невелики. Хозяйственно-бытовой уклад семьи определялся очень строго, и половозрастное разделение труда играло в нем значительную роль. При этом не допускалось, чтобы возрастное разделение пришло в противоречие с половым разделением труда. Масштабность многих мужских работ в горной части была невелика (в частности, земледельческих из-за малоземелья), и поэтому мужчины имели больше свободного времени, которое частично поглощалось кустарничеством и отходничеством.

Особенностью возрастного разделения труда являлось раннее приобщение детей к труду с рациональным использованием в этом опыта и знаний пожилых людей. Дети воспитывались в твердом убеждении, что лень, отлынивание от труда, тунеядство (наравне с трусостью) – самые нежелательные и отрицательные качества человека.

Многое из традиционного уклада, связанное с патриархальными устоями и бытом, в том числе униженное положение женщины, изжиты в современном быту, но, похоже, “с водой выплеснули и ребенка”: меньше стало уважения к труду, к старшим. Теряются многие моральные критерии и трудовые навыки, что ухудшает здоровье (физическое, культурное и духовное) нации, целостность и жизнестойкость генофонда.

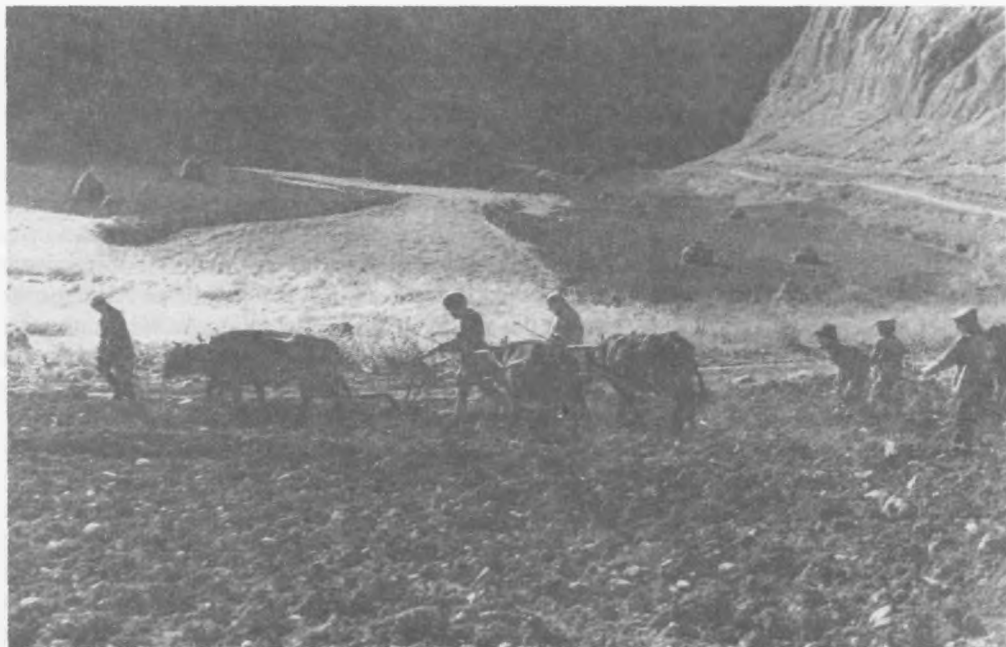

Рис. 125. Обсыпание земель первого пахаря в селении Цугни. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1950 г.)

Общественный быт. Общественный уклад даргинцев регулировался обычным правом, традициями, обычаями, установлениями морально-этического кодекса. Многие из нравственно-этических норм даргинцев сконцентрировались в обычае гостеприимства, заключавшемся в обязанности принимать пришельца, независимо от его этнической или конфессиональной принадлежности, от того, из дружественной он или вражеской страны, и пр. Странник имел право на постой, ночлег, стол, неприкосновенность и охрану жизни, имущества, чести, достоинства. Данные права обеспечивались тухумом и общиной, принимавшей гостя. Этот обычай оказал влияние на весь морально-этический кодекс даргинцев и особенно на нормы и культуру межэтнического и межрегионального общения. Он укрепил многие добрые традиции даргинцев (и всех дагестанцев) – коллективизм, намус, “мужчинство”, яхI и др.

Дериват гостеприимства – это куначество, система постоянных экономических, семейно-бытовых и общественных связей, осуществляемых на межсельском, межэтническом, межрегиональном фоне посредством взаимных посещений. Кунак не просто гость, это и личный друг; человек участвует во всех важнейших делах кунака, а на своей земле оберегает его имущество, достоинство, честь и жизнь как свои собственные. Куначество было наследственным, отцовский кунак считался ближе собственного, самим приобретенного. Если наследственный (отцовский) кунак был беден и странник, его кунак не хотел быть ему в тягость, он сначала шел к нему, приветствовал его и “вешал нагайку” в его доме, т.е. проводил ритуальную беседу, интересовался не нужна ли его помощь, оставлял у него своего коня (осла, мула, арбу), имущество, оружие (кроме опоясанного кинжала) и шел к “своему” более состоятельному кунаку, где и пребывал до отъезда, который также совершался из дома отцовского кунака.

Следование традициям кровной мести также являлось одним из обязательных элементов чести. Община добилась немалых результатов в ограничении масштабов, уменьшении числа жертв кровной мести, например, была установлена очередность права мщения – мстит не любой родич (и не любому), а ближайший ближайшему. Практиковалось изгнание убийцы, чтобы притушить огонь мести.

Традиционные нормы морали и этики нашли отражение и в культуре питания даргинцев. Воздержанность в еде считалась одним из достоинств мужчины, чревоугодие – одним из позорных пороков, за столом следовало вести себя чинно, мало разговаривать, не смеяться, не шуметь, ничего не просить, не обсуждать качества пищи и т.д.

Самым престижным праздником даргинцев являлся праздник первой борозды, предназначенный обеспечить хороший урожай посредством системы обрядов охранительной, инициальной, имитативной, умиловительной, плодородящей и других видов магии. Праздник этот был самым массовым, богатым на игры, зрелища, развлечения, состязания, угощения, имеет глубокие корни, ведущие к раннеземледельческой культуре, периоду зарождения пашенного земледелия. Отличался также весенний праздник нового года с персонификацией зимы и лета и их диалогом-спором; проводились обряды вызывания и прекращения дождя, вызывания солнца, завершения уборки урожая, “делания” воды (очистки источников и канав), начала весенних работ на виноградниках, выгона скота на пастбища, благодарения пашни.

Из мусульманских праздников наиболее торжественно и празднично отмечали день жертвоприношения (Курбан-байрам) и разговения (Ураза-байрам) после месяца поста рамазан.

В советское время главными стали день Октябрьской революции, День Победы, Первомай, празднование Нового года. Большинство обрядов и праздников как религиозных, так и народных были или запрещены, или забыты.

Ныне в обществе наблюдаются оживление старинных традиций, тяга к познанию собственного прошлого, возрождение отдельных обрядов, в том числе религиозных. Даргинцы широко отмечают традиционные обрядовые праздники, особенно первой борозды и исламские религиозные праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам, а также Новый год, Первомай, День Победы.

Духовная культура. Культура и искусство даргинцев характеризуются замечательными достижениями в области народного творчества, в частности декоративно-прикладного искусства, песенно-музыкального исполнительства, поэзии, музыки, народной обрядности, танцах и т.п. Значительно было развито у даргинцев народное зодчество; народные мастера демонстрировали высокое мастерство как в строительстве башен, домов-крепостей, мечетей, мостов, природниковых сооружений, акведуков, так и их декоративном оформлении. Высокого уровня достигли искусство камнерезов, особенно в производстве надмогильных стел, производство оружейных и ювелирных изделий, керамики, золотошвейное и ткацкое дело, кожевенное и меховое ремесла и др. Большое развитие получили художественные промыслы: производство ковров, паласов, вязаных изделий, оружия, ювелирных изделий, поливной керамики, мебели и утвари из дерева и др.

В духовной культуре даргинцев, ее развитии главным содержательным компонентом являлись народные слои. Были развиты такие области культуры как фольклор, верования, игры, музыка, народные знания и пр. Героические легенды, предания, сказки, поэтические сказания, лирика, героика, смеховые произведения – все это широко представлено в народном творчестве даргинцев и со-

Рис. 126. Танцы на площади селения Цугни после проведения обряда первой борозды. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1950 г.)

ставляет важнейшую часть их духовного богатства. На этой основе выросли крупнейшие даргинские поэты Омарла Батырай, Сукур Курбан, Мунги Ахмед, их традиции продолжили в советское время Азиз Иминагаев, Рабадан Нуров, Ахмедхан Абубакар, Рашид Рашидов, Амир Гази, Магомед-Расул, Сулейман Рабаданов, Газимбег Багандов и др. Иной богатый компонент культуры – народные верования. Особенностью их является вкрапленность в исламскую религию.

Большое развитие получили у даргинцев магические верования (на них построена значительная часть семейных и сельскохозяйственных обрядов), затем демонологические (фетишизм, знахарство, духи-демоны), анимистические, космогонические.

В национальных видах спорта, несомненно, первое место принадлежало бросанию тяжелого камня, проводились также соревнования по поднятию камня с земли, состязание в беге, прыжках, скачки и джигитовка, кулачный бой (один на один), борьба (с кушаками и без них), метание камня в цель, стрельба камешками из пращи и специального лука и др.

Музыка даргинцев также носила фольклорный характер, происходил постоянный естественный отбор народных песенных текстов и мелодий. Основные музыкальные инструменты: щипковые – чанг, чугур, смычковый – скрипка, духовые – дудка, свирель, зурна, ударные – барабан, бубен.

Основной танец – лезгинка нескольких видов, различающихся ритмикой и позициями партнеров. Были отдельные массовые ритуальные танцы, исполнявшиеся при выполнении обрядов (например, свадебный “линейный танец” сирхинцев).

Даргинцы – мусульмане-сунниты шафийтского толка, ислам утвердился у них к XIV в., а наивысшего подъема достиг в XVIII–XIX вв. Ислам даргинцев

носит синкретический характер, большое место в нем занимают домонотеистические языческие верования и представления.

Просвещение до революции было организовано на базе арабской письменности. Начальное образование – грамотность, правила богослужения, заучивание отдельных текстов из Корана – приобретали все дети (в мектебе). Мальчики получали среднее образование в медресе: здесь изучались катехизис, арабская грамматика, логика, мусульманское право. Дальнейшее образование было индивидуальным и проходило под руководством известных алимов.

Светских школ у даргинцев не имелось. К началу XX в. в Даргинском округе (свыше 80 тыс. человек) существовало всего два сельских училища, в которых обучались 76 детей (ГАРД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 16). В советское время на базе новой письменности на русской графической основе практически изжита неграмотность населения, обучение в школах ведется преимущественно на русском языке, что способствует приобщению детей даргинцев к достижениям русской и мировой культуры, и родном (явно недостаточно) языке. На литературном даргинском языке издаются газеты и журналы, публикуется художественная литература. Однако хотя язык своего этноса считают родным 97,5% даргинцев (в пределах Дагестана – 98,9%), литературный язык не функционирует в старших классах (только преподается как предмет) и не используется в местном делопроизводстве, малоупотребителен в быту, что делает проблематичным становление в обозримом будущем единого даргинского языка (собираясь вместе, представители разных диалектов – кайтагского, урахинского, сюргинского и цудахарского – обычно говорят между собой на русском языке). Для сравнения: андиец, гидатлинец, андалялец, арчинец, собравшись вместе общаются между собой на аварском языке (*болмацле*).

Современное образование осуществляется в системе государственного просвещения через густую сеть начальных, неполных средних и средних школ.

В традиционной профессиональной ориентации самое большое изменение коснулось пахарей-земледельцев: в горной части их численность катастрофически упала, зато стало больше отходников, людей, занимающихся торговлей, коммерцией. В отходничестве, как казалось, установилась твердая ориентация на строительство и животноводство в России, однако события последних лет ведут к сокращению и этих видов отходничества. Естественно, упала и численность кустарей, многие из видов промыслов вообще исчезли (суконный, гончарный, производство оружия, деревянной мебели и утвари и др.), хотя некоторые получили дальнейшее развитие (строительный, камнерезный, отчасти ювелирный и др.).

Межэтнические контакты даргинцев в прошлом вызывались прежде всего торгово-экономическими предпосылками, затем военно-политическими (вхождение в союзы, феодальные владения, необходимость совместных действий против завоевателей).

Поскольку даргинцы нуждались в привозном хлебе, постольку контакты чаще осуществлялись с кумыками. Эта ситуация облегчалась еще этнополитической обстановкой, отсутствием межэтнической вражды и столкновений, добрососедством, традициями гостеприимства и куначества.

Изменения в межэтнических отношениях в советское время были обусловлены ростом городов и промышленности, процессами урбанизации, способствовавшими росту многонациональных коллективов, полиэтничности населенных пунктов.

Вызванное этими обстоятельствами усиление межэтнических контактов приводило к повышению роли русского языка как языка общения. Таким обра-

зом, русско-даргинское двуязычие заменяет все сочетания и особенно многоязычие. Другое последствие – межнациональные браки, причем подавляющее их большинство составляют браки с представителями других дагестанских народов. Таких браков оказывалось больше в рабочей среде и у интеллигенции, в сельской же местности их было мало, главным образом среди учителей и работников здравоохранения. Так, в 1973–1983 гг. здесь из 12 015 браков межнациональные составляли только 2,5% (Курбанов, 1990. С. 20).

Межнациональные браки носят во многом односторонний характер (особенно с недагестанцами), чаще женятся мужчины, женщины же выходят замуж намного реже, что объясняется большей сохранностью у них национальных и религиозных предрассудков, а также консервативными взглядами старших мужчин на подобный “мезальянс”.

Дореволюционная наука даргинцев, являясь неразрывной частью общедагестанской, развивалась в русле арабской классической науки и богословия. В арабоязычную науку дагестанские ученые внесли значительный вклад, и это признано в мусульманском мире. Большим достижением дагестанских ученых явилось приспособление арабского алфавита к фонетическим особенностям дагестанских языков и создание собственной письменности (аджам) на арабской графической основе. Наиболее известные даргинские ученые, внесшие большой вклад в дагестанскую науку, – это Дамадан ал-Мухи (умер в 1724 г.), ученый-энциклопедист, основоположник естественных наук в Дагестане, выдающийся математик, астроном, медик, Дауд Эфенди Усишинский (умер в 1757 г.), видный филолог, отличавшийся свободомыслием и рационализмом, Г.-М. Амиров (Мурад-бей), ставший крупнейшим историком Турции.

Научные традиции продолжили Б. Далгат, чл.-кор. АН СССР Х.И. Амирханов, Р.М. Магомедов, М. Саидов, А.Г. Гаджиев, У. Далгат, Г.Г. Османов, Г.Ш. Каймаразов, А.-Г.К. Алиев, М.А. Абдуллаев, Д.М. Далгат, З.Г. Абдуллаев, М.-Н. Османов, А.О. Магомедов, А.И. Алиев, М.Ж. Агаларханов, братья М. и М.-З.-Вагабовы, И. и Ю. Шамовы, Г.-Мир. и Г.-Мур. Гаджимирзаевы, С.М. Гасанов, Б.М. Багандов, Аб. Вагидов, Аб. Магомедов, Х.М. Хасбулатов, О.А. Омаров, Б.Г. Алиев, А.З. Магомедов, К.М. Магомедов, Ш. Гасанов, М. Шихшибеков, М.-С. Умаханов, Б.Б. Булатов и многие другие.

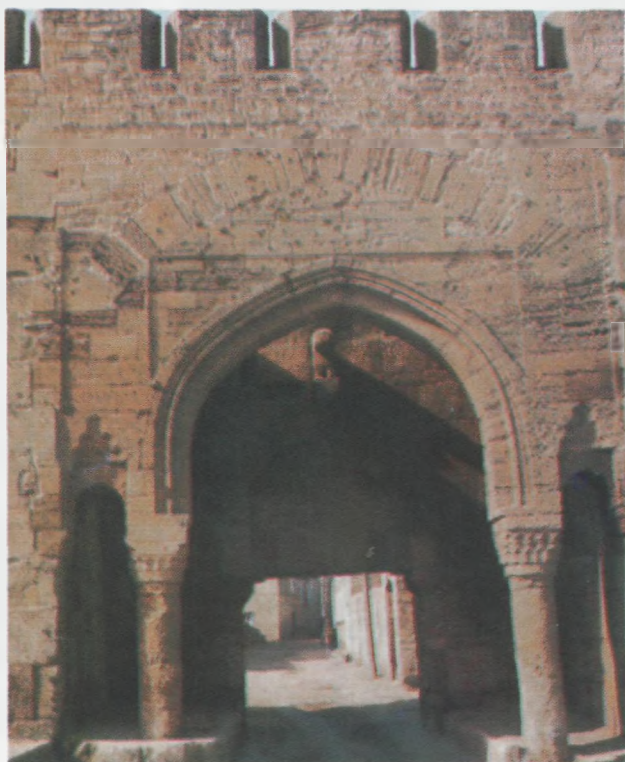
Медицина в прошлом была народной, базировавшейся также на восточной медицине. Истинное врачевание нередко соединялось в ней со знахарством. Народные лекари (хакиды) достигли замечательных успехов во врачевании ран, ушибов, переломов, вывихов, проводили трепанацию черепа, компетентны были и в фитотерапии, лечении некоторых внутренних болезней.

Наибольшую известность получили хакиды Муртазали-Гаджи из Бутри (он 5 лет учился медицине в Каире, сотрудничал с известным русским хирургом Н.И. Пироговым, от которого получил в дар набор хирургических инструментов), Таймаз из Урахи, Давуд-Гаджи из Акуша, Алисултан-Гаджи из Уркараха, Магомед-Гаджи из Хаджалмахи и др.

Нетрадиционное медицинское обслуживание было учреждено только в 1894 г., но явно недостаточное. Еще в 1927 г. на весь Цудахарский участок (31 аул, 17 тыс. человек населения) приходился один фельдшерский пункт с одним фельдшером (Даргинцы... 1930. С. 221). Резкое улучшение в здравоохранении началось с послевоенных лет. В последние десятилетия в каждом населенном пункте, в зависимости от его величины, имеется фельдшерский пункт, участковый врач, участковая, районная, межрайонная, городская, республиканская больницы, ряд профилированных больниц, поликлиник, диспансеров, диагностических центров и т.д.

Дербент.
Цитадель Нарын Кала.
(Фото И. Стин
и А. Фирсова. 1981 г.)

Дербент.
Ворота Орта Капы VI в.
(Фото И. Стин
и А. Фирсова. 1981 г.)

Изделия унцукульских умельцев. (Фото И. Стин и А. Фирсова. 1981 г.)

Арчинец в овчинной шубе-накидке.
Конец XX в. (Из личного архива
Магомедханова М.М.)

Молодая арчинка в праздничной одежде.
Конец XX в. (Из личного архива
Магомедханова М.М.)

Жилище кубачинцев.
Камин с резной плитой
XVII–XVIII вв.
(Фото И. Стин
и А. Фирсова. 1981 г.)

Домашний музей
(Фото И. Стин
и А. Фирсова. 1981 г.)

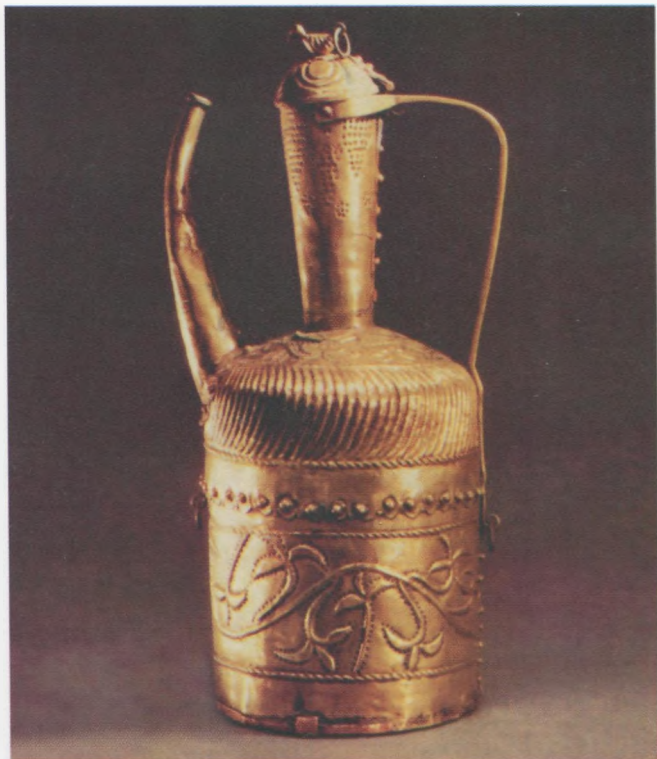

Девушка
из селения Балхар
в костюме невесты.
(Фотоархив ИЭА РАН,
экспедиция 1978 г.)

Маслобойка и другие
керамические изделия.
(Фото И. Стин
и А. Фирсова. 1981 г.)

Кувшин-водолей "кунне".
Латунь, чеканка, клепка.
Селение Кубачи. XIX в.
(Из кн. "Декоративное
искусство Дагестана".
М., 1971. С. 97)

Металлическая пряжка
женского праздничного
костюма. Серебро, позолота,
чернь, филигрань, зернь,
бирюза, цв. стекло.
Селение Кубачи.
Начало XX в.
(Из кн. "Декоративное
искусство Дагестана".
С. 124. Собрание
Государственного музея
искусств народов Востока)

Металлическое блюдо
для фруктов.
Серебро, чернь, позолота,
гравировка, просечка.
Селение Кубачи. 1956 г.
(Из кн. "Декоративное
искусство Дагестана". С. 141)

Браслет. Серебро,
перегородчатая эмаль.
Селение Кубачи. 1960 г.
(Из кн. "Декоративное
искусство Дагестана". С. 153.
Собрание Дагестанского
музея изобразительных
искусств)

Шерстяной ворсовый ковер. Лезгины. XIX в.
(Из кн. "Декоративное искусство Дагестана". С. 257)

Кубачинка в национальном костюме.
(Фото с рис. М. Тильке, 1910 г.
Сер. "Народы Кавказа в национальных
костюмах". М., 1936)

Аварка в национальном костюме
(Фото с рис. М. Тильке, 1910 г.)

Кубачинец в праздничной одежде.
(Фото с рис. М. Тильке, 1910 г.)

Цахурец в праздничном костюме.
(Фото с рис. М. Тильке, 1910 г.)

Перспективы этнического развития даргинцев выглядят довольно противоречиво. С одной стороны, процесс вымывания традиционной материальной культуры продолжается, с другой, отмечается некоторое возрождение национальной духовной культуры, в том числе связанной с религией. Это может привести в будущем и к реминесценциям в сфере материальной культуры. Тормозит этническое развитие и неразрешенность проблемы единого даргинского языка, так как существующий “созданный” литературный язык полностью этой роли не выполняет при наличии более легкого языка общения для даргинцев – русского. Однако в целом этническое будущее даргинцев можно считать благоприятным; наблюдается определенное возрождение этнического облика народа, и национальное вырождение ему не угрожает.

КАЙТАГИ

Кайтаги (самоназвание – *хайдакъанти*, ед.ч. – *хайдакъан*) – этническая группа даргинцев. Некоторые ученые считают кайтагов самостоятельным этносом. Соседи называют их *хайдакълар* (южные кумыки), *хайдакъланты* (даргинцы), *жьюгъяр* (табасаранцы). С 1939 г. записаны как даргинцы.

Под названием Хайдакъ (у арабских географов и историков – Хайзан, Хамзин) издавна известна территория нынешнего Кайтагского р-на. Основная масса кайтагов в настоящее время размещена компактно в 37 селениях, наиболее крупные из которых Маджалис, Джирабачи, Кирки, Кулиджа, Баршамай, Санчи. Селения Ицари, Шари Дахадаевского р-на также кайтагские. Районный центр – сел. Маджалис.

Одна часть кайтагов (селения Абдашка, Гульди, Мерсия, Урша, Сулипа и др.) в 1944 г. была переселена в Чечню. Другая часть (жители сел. Тама) также переместилась со своих мест на равнину, в том числе на территорию Дербентского р-на (пос. Геджух). В районном центре Маджалисе образовался отдельный квартал из переселенцев абдашкинцев. Возникли новые поселения на плоскости – Новая Барша и Родниковый. Часть кайтагов живет в городах республики, главным образом в Махачкале, Избербаше, Дербенте, небольшая часть – в городах России и СНГ.

Кайтагский р-н, кроме кайтагов, населяют также собственно даргинцы, кумыки, горские евреи. Территория Кайтага располагается в юго-восточной части предгорного Дагестана (средняя часть Дагестана). Рельеф этой зоны отличается преобладанием сравнительно мягких и пологих склонов, широких долин, что в связи с наличием плодородных почв содействовало развитию здесь земледелия и сравнительно густой заселенности.

Издавна через территорию Кайтага кубачинцы, даргинцы Дахадаевского р-на и др. горцы связывались с Дербентом, Северным Кавказом, Закавказьем, Ближним Востоком и прочими культурными центрами.

Соседи кайтагов – кумыки на севере, даргинцы на западе, терекменцы на юге, табасаранцы на юго-западе.

Численность кайтагов, по переписи 1926 г. – 14,4 тыс. человек (Всесоюзная перепись... Т. V. 1928. С. 343). По сведениям государственной плановой комиссии при СНК ДАССР, на 1 января 1938 г. их было 17,2 тыс. человек. В материалах переписи 1939 г. и во всех последующих кайтаги показаны в составе даргинцев.

Кайтаги относятся к кавкасионскому типу (южный вариант) переднеазиатской расы большой европеоидной расы. Говорят они на хайдакском диалекте даргинского языка, который входит в нахско-дагестанскую группу северокавказской

семьи языков. Хайдакский диалект, в свою очередь, распадается на пять говоров: шурккантский, нижнекайтагский, ирчамульский, каттагинский и говор селений Ахмедкент и Санчи. Распространен также даргинский язык. Многие кайтаги свободно говорят на кумыкском и русском языках. Письменность на русской графической основе. Обучение в школе проводится на русском и даргинском языках.

Наиболее ранние письменные известия о Кайтаге, его правителях, внутреннем устройстве встречаются в арабских источниках IX в. Уже в V–X вв. среди других государств – Баб ал-авваб (Дербент), Лакз (Южный Дагестан), Табасаран, Гумик (Кумух), Зирихгеран (Кубачи), Серир (Авария), Филан – называется и Хайдак (Кайтаг).

Еще задолго до нашествия арабов в Кайтаге имелись собственные правители, свое политическое устройство, и последний кайтагский правитель, христианин по вероисповеданию, погиб в период покорения Кайтага арабами.

В XIV в. кайтаги подверглись исламизации. В XIV–середине XIX в. (до присоединения Дагестана к России) они входили в крупное феодальное образование – Кайтагское уцмийство и союзы “вольных обществ” или магалы: Маджалис-Катда (в него входили и даргинцы селений Дарша, Иричи, Чахдикна) с главным селением Маджалис; Шурконт (главное селение Джерабачи); Ирчамул (главное селение Кирки); Каттаган (главное селение Кулиджа); Кара-Кайтаг (главное селение Баршамай).

Кайтагское уцмийство как политическое объединение включало также даргинцев (Уцми-дарго), кумыков и терекеменцев, т.е. жителей гор и равнины, и делилось на Верхний и Нижний Кайтаг. Верхняя часть Кайтага была населена непосредственно кайтагами и даргинцами и считалась узденской. Нижний Кайтаг был населен не только кайтагами и даргинцами, но и терекеменцами (зависимые крестьяне), кумыками и горскими евреями. И нагорной, и плоскостной частью Кайтага управлял уцмий. “Вольные общества” в разное время находились в большей или меньшей зависимости от уцмий, он считался военным предводителем в случае войны. По свидетельству, относящемуся к XVIII в., уцмий для упрочения своего положения среди сильных “вольных обществ” посылал к ним своих детей на воспитание, причем все женщины должны были по очереди прикладывать ребенка к своей груди. После этого сын уцмий оказывался связанным с “вольными обществами” родственными узами.

Власть уцмий была наследственной и переходила обычно к старшему в роде, но при этом он утверждался на общем сходе представителей всех вольных обществ с соблюдением специальных обрядов. Тот, кто должен был получить власть и титул уцмий после его смерти, именовался *гаттым*. Церемония провозглашения нового уцмий происходила обычно (XVII–XVIII вв.) в сел. Башлы при большом стечении народа. Согласно церемониалу, на голову наследника возлагали специальный головной убор как знак власти. Этот головной убор хранился у одного из знатных тухумов. Привилегия исполнения обряда торжественного возложения головной убора на голову нового уцмий принадлежала старшему в башлинском тухуме Гасанбека.

Первоначальной резиденцией уцмиев была крепость Кала-Корейш (магал Гапш). Впоследствии центр Хайдака переносится в Уркарах, затем, с начала XVII в., в сел. Маджалис, а в XVII–XVIII вв. в сел. Башлы.

Ниже уцмий находились так называемые уцмийские беки, происходившие из рода уцмий. Наиболее известен уцмий Ахмет-хан (правил до 1578 г.). При нем получили оформление права феодальных собственников, позднее принятые во всем Дагестане, определено постоянное место народных собраний в Маджалисе и проведены другие административные реформы. Уцмий

Рустем-хан (вторая половина XVI–первая половина XVII в.) кодифицировал судебник, представлявший собой один из древнейших дошедших до нас сборников обычного права народов Северного Кавказа. В XVIII в. экономическое и политическое значение Кайтагского удмийства усилилось. Как крупное феодальное образование Дагестана, оно играло большую роль в судьбах Южного Дагестана и даргинцев, но к XIX в. оно значительно ослабло в результате нашествий Надир-шаха и длительных междоусобных войн с другими политическими объединениями.

В 1813 г., по Гюлистанскому мирному договору, кайтаги вошли в состав России. В 60-е годы XIX в. удмийское и бекское управление в Кайтаге было ликвидировано, образован Кайтаго-Табасаранский округ Дагестанской области. С 1921 г. Кайтаг в составе Дагестанской АССР (с 7 декабря 1991 г. – Республики Дагестан).

С древнейших времен традиционными занятиями кайтагов были земледелие и скотоводство (в предгорной и равнинной зонах также садоводство и виноградарство). В горной зоне основной отраслью хозяйства являлось скотоводство, преимущественно овцеводство, занимались и земледелием, разведением пчел и выращиванием конопли. В горнодолинной зоне основными культурами были следующие: кукуруза, которую сеяли вместе с фасолью, ячмень, голозерный ячмень, конопля, лен, пшеница; в горной зоне – ячмень, пшеница, морковь, картофель, рожь, конопля; в предгорье – озимая пшеница и ячмень, полба, просо, кукуруза, овес; в верхнем предгорье – еще свекла, картофель. В Нижнем Кайтаге произрастали садовые и лесные плоды и овощи.

Основным пахотным орудием у кайтагов служил горский плуг (*дерецц*). В Нижнем Кайтаге применяли отвальный плуг. Позже кое-где использовался и фабричный (железный) плуг *кутан*.

Из подсобных отраслей была развита охота. С декабря по май большинство мужчин из Верхнего Кайтага уходило в отхожий промысел в район Дербента. Из домашних кустарных производств получили развитие шерстяное и конопляное ткачество, изготовление бумажных и шелковых тканей. В Верхнем (лесном) Кайтаге были развиты промыслы, связанные с обработкой дерева (производство земледельческих орудий, колес, ларей, кроватей, сундуков, различной утвари и пр.), кузнечество и камнерезное дело. Незначительное кузнечное производство существовало и в Нижнем Кайтаге. В XIX в. кайтаги занимались разведением шелкопряда.

Из домашних промыслов нижекайтагцев (селения Баршамай, Джибахни) следует выделить производство особых подушечных вышивок, которые представляли собой большие прямоугольные куски домотканой материи (из льна, конопли и хлопка), крашенные в темно-синий цвет и вышитые крупной гладью с оригинальным орнаментом (солярные мотивы, завитки, спирали, свастика и др.). Позже такой вышивкой стали украшать подзоры и занавески, одежду. В начале XX в. кубачинские антиквары возили на продажу кайтагские подушечные вышивки за границу (*Шиллинг*, 1996. С. 75). В 1993 г. английский исследователь Роберт Ченсинер издал книгу, посвященную кайтагским вышивкам. Анализ орнамента этих вышивок позволил автору сделать заключение, что в нем отразился символизм зороастризма, мусульманской, христианской и иудейской религий, язычества. По форме, как считает автор, многие элементы орнамента кайтагских вышивок находят аналогии с орнаментальным искусством Византии, монголов, китайцев, турок, кельтов и до (*Chenciener*, 1993. Р. 19). В 1994 г. выставка кайтагских вышивок была организована в Париже и вызвала большой интерес.

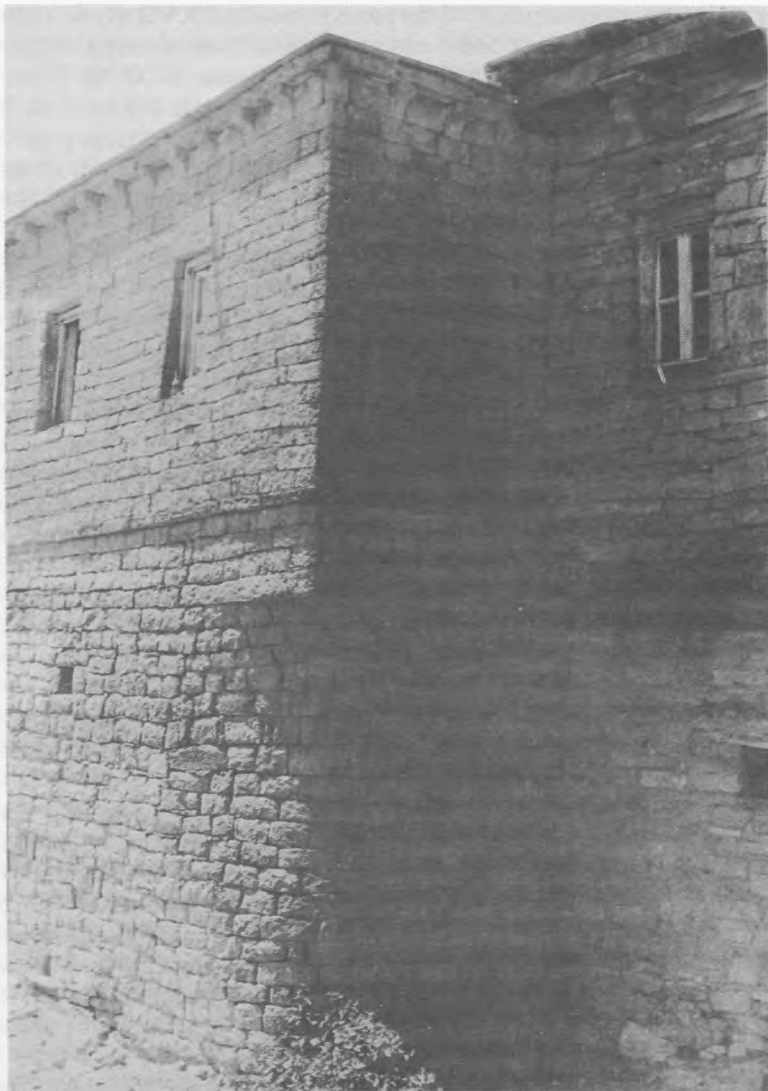

Рис. 127. Традиционное жилище. Селение Дуреге (XIX в.).
(Из личного архива Алимовой Б.М.)

Значительная часть предметов домашнего производства шла на внутреннее потребление, много изделий производилось и на продажу. Главную торговлю кайтаги вели с Дербентом. Предметами ее были скот, фрукты, мед, марена, строительный лес, дрова, деревянная утварь и др. Иногда они возили свои товары и в Кизляр. Вместе с тем кайтаги покупали материю для одежды, медь, железо и другие товары. Внутри Кайтага торговля носила скорее меновой характер. В XIX в. в городах большая часть торговых сделок совершалась при помощи денег. Эти сделки обычно происходили на базарах.

Основными транспортными средствами у кайтагов были верховые лошади (для езды), арба в бычьей упряжи, в горных селениях – волокуши (грузовой транспорт).

Рис. 128. Современное жилище. (Из личного архива Алимовой Б.М.)

Рис. 129. Хранилища для мякеры. (Из личного архива Османова М.О.)

Рис. 130. Кайтагец в традиционном костюме. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Рис. 131. Кайтачка в традиционном костюме. Селение Варсит, 1960-е годы. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Рис. 132. Кайтачка в традиционном костюме. Селение Варсит, 1960-е годы. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Рис. 133. Кайтачка в праздничном костюме. Селение Варсит, 1960-е годы. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Рис. 134. Кайтачка в традиционном костюме. Селение Карачан, 1960-е годы. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Рис. 135. Кайтачка в традиционном головном уборе. Селение Варсит, 1960-е годы. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Традиционные селения Западного Кайтага – скученные поселения с ярко выраженной вертикальной зональностью; селения Восточного Кайтага сближаются с типом соседних кумыкских и вообще предгорных поселений. Постройки здесь не столь скучены и не столь высоки. Дома чаще каменные. Перед домом нередко стоит двор, обнесенный каменной оградой с большими деревянными воротами. Во дворе по краям есть хлев, сарай и другие хозяйственные помещения.

Наиболее распространенная форма жилища у кайтагов в XIX в. – двухрядное двухэтажное и реже одноэтажное двухкамерное жилище с небольшим двориком. Характерны и поныне для Кайтага дома с верандой на фасадной солнечной стороне, с комнатой-коридором, который выходит на заднюю сторону дома.

Из древних сооружений в Верхнем Кайтаге встречаются боевые и сторожевые башни, стены с воротами вокруг села (сел. Ицари). По характеру кладки исследователи сравнивают их с древними дербентскими. В отличие от жилых домов Ицаринская стена и башня сложены из очень красиво обтесанных и хорошо пригнанных блоков. Кладка сухая. Для связи в кладку в разных местах заложены бревна (местный строительный прием). Ицаринская башня имела пять этажей (высота 18 м). Толщина стен на уровне второго этажа – 1,5 м, диаметр башни – 7 м. Сооружение Ицаринской башни исследователи относят к XV–XVI вв., когда резиденция уцмия или членов его дома находилась еще в горах. Ицаринские стены были, по-видимому, некогда конечным звеном крепостной стены, шедшей непосредственно от Дербента в глубь гор. По преданию, башню строили из камня, добываемого недалеко от сел. Ицари. По форме и деталям она несколько напоминает образцы западноевропейской средневековой военной архитектуры (*Шиллинг*, 1996. С. 77).

Традиционные жилые дома сооружены из камня и дерева. Основную роль в украшении жилища в предгорье играло дерево (большие многопроемные оконные и дверные переплеты, устои ворот и другие детали дома, имеющие большие поля, заполненные сплошной резьбой, с орнаментом геометрическим или растительным), в горах – камень. Внутреннее убранство составляли огромные, во всю длину стены, лари, шкафы для посуды и продуктов с несколькими полками, украшенные резьбой, деревянные тахты и кровати с фигурными украшениями и резьбой, стулья, маленькие табуретки со спинками и без них, табурет на трех ножках (наиболее древний), постельные принадлежности. Украшением служили большие подушки с вышивкой, которые хранились в стенных нишах на ребре (чтобы был виден рисунок), разнообразные войлочные и другие изделия.

В XIX в. поселения носили территориально-родственный характер. Каждый аул представлял собой сельскую общину, в которой сохранялось деление на ряд больших и малых родственных групп – тухумов (жинсов). Тухумы в XIX столетии находились в состоянии распада: земля, скот, сады и сельскохозяйственный инвентарь были собственностью малых семей, являвшихся основными хозяйственными единицами. Сохранялась общинная собственность на пастбища, леса, воды и пр. В ведении тухума находились печь для сушки зерна, иногда мельница. Члены тухумов совместно выполняли некоторые трудоемкие работы, взаимно одалживали сельскохозяйственные орудия.

Традиционная одежда кайтагов сходна с одеждой даргинцев. Изготавливалась она из местных некрашенных конопляных тканей и привозных из Нухи

(Азербайджан), с Кумыкской плоскости тканей из хлопка и шелка. Для изготовления одежды использовали также местные и привозные шерсть и кожу.

Национальный костюм кайтага состоял из туникообразной рубахи, штанов, бешмета, черкески, овчинных шуб, бурки, овчинной папахи (у наиболее зажиточных – шапки из каракуля). Во время полевых работ и пастьбы скота кайтаги носили и войлочные шляпы. Наиболее распространенной обувью были остроносые чарыки из сыромятной кожи крупного рогатого скота *къачалайла типри* и *кавцла типри*. Их надевали поверх шерстяных чулок и обмоток. Носили кайтаги и войлочные чарыки, сапоги *варгъила типри* и узкие сапоги *мачайти* из козьей шкуры. Поверх последних надевали калоши – *гъаркган калуш* (табасаранские калоши). Значительное распространение получила обувь, называвшаяся *хъамхIят типри* (башмакъи) – башмаки. В Нижнем Кайтаге мужчины носили и легкую сафьяновую обувь *масхIу* (чувяки). Иногда последние делали с ноговицами, украшенными фигурной строчкой, иногда и на более прочной подошве. Состоятельные кайтаги поверх *масхIу* надевали калуши или башмакъи. Почти такого же покроя одежду и обувь носили мальчики. Для детей младшего возраста шили стеганые телогрейки. Обычно костюм мальчиков обильно украшался. Украшениями для мужского костюма служили серебряный пояс, кинжал, кремневый пистолет со сплошь обложенной черненым серебром ручкой, шашка и т.д. Нарядные черкески обшивали позументом.

Традиционный женский костюм состоял из нательной одежды: штаны двух видов (широкие и узкие), туникообразные рубахи ярких тонов (красного, желтого, зеленого, оранжевого). В отличие от других кавказских народов, рубаха делалась несколько более узкой. Из верхней одежды были распространены *валжагъ* (архалук), платье типа кумыкского полуша (вид нераспашного платья) и *бузма гойлек* (платье-рубаха с отрезной талией). Состоятельные женщины носили нарядные платья *къабалай* (покрой его близок к покрою распашного платья). В холодное время года женщины носили овчинные шубы.

Главными элементами головного убора кайтачек были чухта и большое покрывало ашмаг. В ряде обществ носили разнообразные платки. После присоединения к России в Кайтаг стали поступать дешевые фабричные платки из городов России. Женская обувь мало чем отличалась от мужской. Женщины из состоятельных семей носили чувяки из желтого или красного сафьяна, украшенные золотой или серебряной тесьмой. Украшения кайтачки предпочитали серебряные, украшали одежду вышивкой, плетением, тесьмой, узорной строчкой, золотым шитьем.

Специальной траурной или свадебной одежды у кайтагов не было. Свадебная одежда шилась обычно из дорогих тканей и ярко украшалась, а траурная – из простых тканей темных расцветок. Во время траура женщины снимали все украшения.

В повседневной пище у кайтагов преобладали изделия из теста, мясо-молочные продукты (в том числе мясо домашней птицы и дичи; с начала XX в. – рыба), съедобные дикорастущие травы. Самыми распространенными блюдами были хинкал, супы, пельмени, пироги с разнообразной начинкой. Из теста кайтаги готовили тонкие и толстые лепешки, сдобные булочки, слоеный хлеб и т.д. Гостевыми и праздничными были фигурные хлеба в виде куропатки *къакъба* с яйцами, запеченными внутри (для детей), пироги из кукурузной муки *ава мучери*, пирог из курятины *аркъвалла бацбик*, блины *бурицина* и др. Главным угоще-

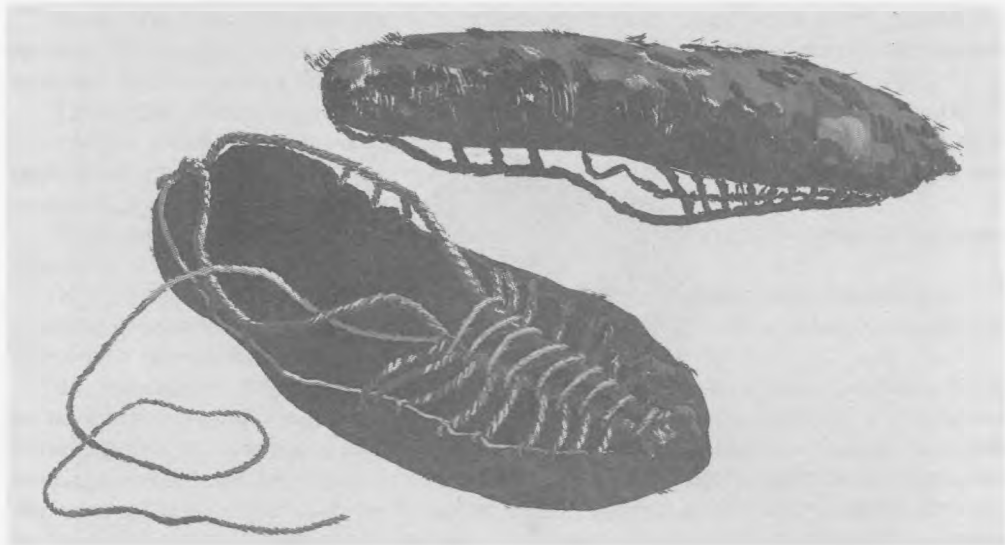

Рис. 136. Традиционная мужская обувь кайтагцев. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Рис. 137. Традиционная мужская обувь кайтагцев. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

нием на свадьбе наряду с хлебом, мясными блюдами, являлась халва (мучная *арбиши* и ореховая *метлух*). Из напитков получило распространение вино из кипяченого виноградного сока *мусти*.

В XIX–начале XX в. основной формой семьи у кайтагов была малая семья *кулпет*. Наряду с малыми семьями пережиточно сохранялись и неразделенные (большие) семьи “хола кулпет”. Одна из особенностей кайтагской большой семьи – высокое положение в семье стариков, их почитание всеми членами семьи. Все члены бывшей большой семьи даже после ее распада

Рис. 138. Котел для плова. (Из личного архива Алимовой Б.М.)

были связаны обязанностью взаимопомощи, оказывавшейся при постройке дома, обработке поля, проведении свадеб и других семейных торжеств. Они обязательно брали на себя заботу о сиротах и вдовах, оставшихся после смерти одного из братьев, других родственников, помогали одиноким и нетрудоспособным членам тухума.

Кайтаги всегда радовались рождению ребенка независимо от его пола. В силу того, что родственники компактно проживали в одном населенном пункте и редко перемещались с места на место, из-за чего были ограничены возможности для знакомства с представителями другого джамаата, большая часть браков заключалась внутри села и тухума. В традиционный цикл похоронно-поминальных обычаев и обрядов кайтагов входило много элементов, общих для всех народов Дагестана, возникших как в домусульманский период, так и после него. В то же время в их похоронно-поминальных обычаях и обрядах прослеживаются специфические черты, развитие которых происходит под влиянием местных условий (порядок, по которому погребальную одежду разрешалось шить только вдове – *кама хьулум*; после выноса покойника мыть пол могла женщина, у которой нет мужа; на второй день после похорон бездетная женщина должна была произвести уборку всей комнаты, и т.д.).

Из народных праздников наиболее любимым и распространенным являлся праздник весны – *Глева байрам* (навруз). Праздник этот в каждом обществе имел свою специфику. Главным развлечением девушек на нем было соревнование в катании на качелях, мужчин – конные скачки, кидание камня, бег и пр. Отмечали кайтаги специальными праздниками начало и окончание сенокоса, жатвы. Женщины в день начала сенокоса и жатвы надевали нарядные платья обязательно красного цвета (он символизировал огонь, солнце, связанные с плодородием). В тех селениях, где издавна занимались виноградарством, сохранялся еще один древний праздник *ахьрарц/ила байрам* (праздник прополки). В конце весны–начале лета кайтаги и табасаранцы собирались на праздник сбора черешни.

Большое распространение в Кайтаге получили праздники в честь нового урожая винограда – *икъри хъурсан* бари. Е.М. Шиллинг отмечал: “Кайтагская лоза, по мнению стариков, древнее дербентской” (Шиллинг, 1996. С. 74).

Середину зимы (в начале февраля) кайтаги отмечали праздником *ц/Луккула ц/ла* (огонь углей) (Булатова, 1988. С. 106). Зимний период был наполнен и другими развлечениями, среди которых большое место занимали катания мужчин на санях, прочие подвижные игры.

Большое распространение у кайтагов получили обряды и обычаи вызывания и прекращения дождя, вызывания солнца.

В культуре и быту кайтагов значительное место занимает фольклор. Из жанров фольклора наиболее распространен прозаический – рассказы, сказки, легенды и предания.

Из традиционных видов народного искусства у кайтагов были развиты резьба по камню (надгробия, детали домов), по дереву (утварь, мебель, деревянные конструкции дома и т.д.), вышивание и др. В них традиционно распространены спирали, соллярные мотивы. На стенах домов часто встречаются вырезанные фигуры людей, животных, солнечные диски, изображения состязаний, стрельбы из лука и т.д. В домусульманских религиозных верованиях обнаруживается специфичность отдельных элементов и обрядов. Доисламский характер имели почти все народные праздники и многие обряды кайтагов. В народной медицине также существовали чисто кайтагские методы лечения – как рационально-эмпирические, так и религиозно-магические.

Наличие грамотных людей в среде кайтагов было характерно не только для XIX – начала XX в., но и для более раннего периода. Распространение письменности в Дагестане вообще и в Кайтаге в частности связано с проникновением ислама. На территории Кайтага учеными выявлено значительное число памятников – арабских надписей куфическим письмом (наиболее ранние свидетельства письменности). Многие из них датированы. Это надпись на северной стене мечети сел. Тама Кайтагского р-на (1405–1406 гг.) и надпись на могильной плите в том же селении (1483 г.) (Шихсаидов, 1969. С. 196–197). В сел. Маджалис обнаружены надмогильные плиты с арабскими надписями. Часть из них датируется XIII–XIV вв. Есть также памятники, датируемые XIV–XV вв. и XV–XVI вв. (Шихсаидов, 1984. С. 263–266). Среди памятников письменной культуры кайтагов особо выделяется “Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго”, составленный во время правления уцмья Рустем-хана (1601–1645).

Письменная культура постепенно становилась достоянием все большего числа людей. Информация о грамотности содержит, в частности, прошения жителей Кайтага по разным поводам, документы, привлекавшиеся в качестве улик, и т.д.

Определенные основы грамотности давали и примечетские школы (мектебы и медресе). На 1 января 1897 г. в Кайтаго-Табасаранском округе было 108 мусульманских школ. В них обучались 595 детей (568 мальчиков и 27 девочек). По данным переписи 1897 г., в Кайтаго-Табасаранском округе русским, арабским и другими языками владела 6,1% населения, а в сел. Маджалис – 3,3% (Первая Всеобщая перепись... 1905. Т. 62. С. 1).

За годы советской власти произошли коренные изменения в области просвещения и культуры кайтагов, их материального положения. Повышение уровня образования и культуры привели к существенным переменам в духовном облике кайтагов, к трансформации их духовных запросов.

Во всех кайтагских селах открылись школы и культурно-просветительные учреждения. Для кайтагов впервые в их истории были созданы основные условия для развития материальной и духовной культуры в национальной форме. Из

среды кайтагов выросла своя интеллигенция. Далеко за пределами Дагестана знают ученого из Кайтага – доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля наук Дагестана и России Г.Ш. Каймаразова. Знают в Кайтаге и доктора сельскохозяйственных наук, профессора М.М. Шихшабекова. Около 30 кайтагов имеют ученые степени кандидатов наук.

Многие учителя, врачи, работники культуры и сельского хозяйства неоднократно награждались орденами и медалями СССР. Около 20 работников народного образования удостоены почетного звания “Заслуженный учитель ДАССР”. Один из них – М. Махмудов – удостоен звания “Заслуженный учитель РСФСР”. В Кайтаге большим уважением пользуются заслуженные работники образования А.Х. Качмасов, Ш.Г. Рашидов, М. Адамов, М. Гасанов, А. Загиров, М.А. Акаев, замечательные русские педагоги, много сделавшие для развития образования в Кайтаге, – Н. Серикова, А. Шадрина, М. Катунина, Н. Яковенко (Меджидова), А. Алисултанова, В. Воробьева и др. Два врача имеют звание “Заслуженный врач ДАССР”, а М.-Р.П. Расулов удостоен звания “Заслуженный врач РСФСР”. За заслуги в области культуры трое кайтагам (А.А. Арабову, Г. Гаджикадиеву, Г.Х. Магомедовой) присвоено почетное звание “Заслуженный работник культуры ДАССР”.

У кайтагов есть четыре Героя Социалистического Труда – Г.К. Камбулатов, Г.И. Чупанов, Г. Насруллаев, И. Такаев (кумык) и Герой Советского Союза С.К. Алисултанов. Кайтаги хранят память о своем замечательном земляке, активном участнике Великой Отечественной войны М.-Р. Тавкаеве.

Большой вклад в развитие экономики и культуры Кайтага внесли видные советские, партийные и хозяйственные работники Э. Темирханов и Г. Исаев (кумыки), С.-М. Зубаилов, Б. Ахмедов, М. Исакаев и др. Хорошо знают в районе имена знатного садовода М. Алхилова и активисток женского движения Р. Ахмедовой, П. Диммаевой, С. Гереевой, П. Гасановой. В Кайтаге и за его пределами знакомы с произведениями писателей А. Муртузалиева, М. Амиралиева, К. Ибашева, К. Маграбова, с полотнами художника-живописца Г. Камбулатова.

Современный Кайтаг отличается смешанным составом населения. Длительные этнокультурные связи с собственно даргинцами, кумыками, табасаранцами, особенно в зоне непосредственных контактов, проявляются во всех сторонах жизни кайтагов – в семейном быту (межнациональные браки и семьи, фольклорное оформление свадеб и иных праздников), материальной культуре. Но это взаимовлияние осуществлялось в значительной степени не путем простой замены одних элементов культуры другими, а зачастую путем постепенного приспособления этнокультурных явлений к новым заимствованиям, и в дальнейшем это культурное взаимодействие протекало в общем русле этнических процессов.

Заслуживает упоминания и то обстоятельство, что кайтагские кумыки, за редким исключением, хорошо знают кайтагский язык. А сами кайтаги настолько овладели кумыкским языком, что он для некоторых давно стал их вторым родным языком.

КУБАЧИНЦЫ

Кубачинцы – этническая группа даргинцев, жители пос. Кубачи Дахадаевского р-на Республики Дагестан (самоназвание – *угъбуг*, *гьугъбуг*, *угъбуган*, *гьугъбуган* – кубачинец, ед.ч.). Даргинцы называют их *гьярбукл* (*гьурбуг*), *гьярбукланти* (*гьярбуклан* – ед.ч.), аварцы – *къубачиял*, *кубачиссел*, лезгины – *клубечияр*, табасаранцы – *кюгияр*, лакцы – *гьургъ*. Некоторые ученые считают кубачинцев отдельным этносом. Численность их в 1926 г. составляла 2357 чело-

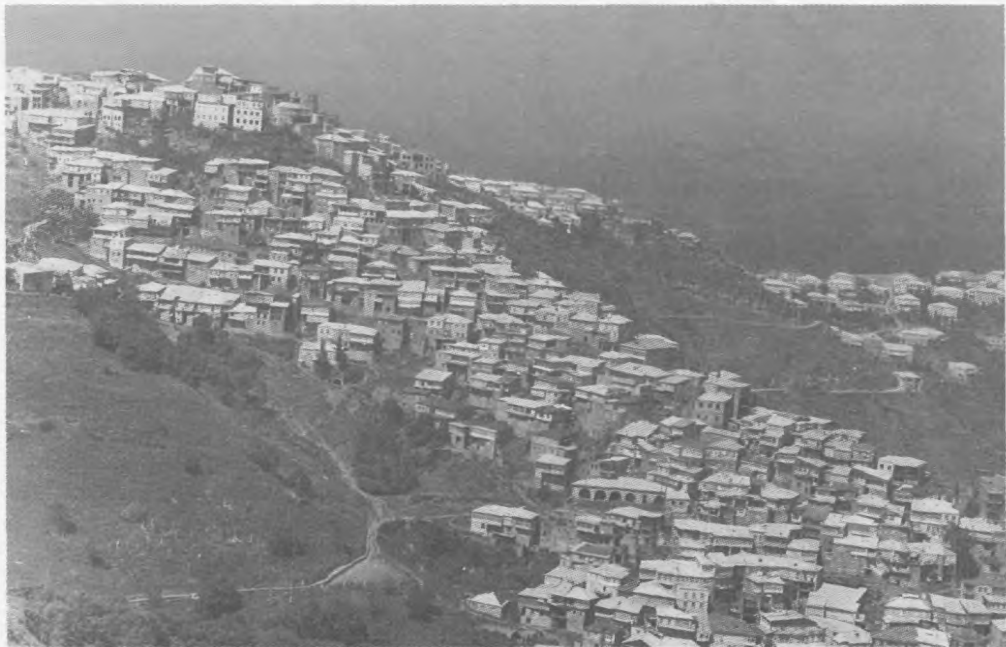

Рис. 139. Селение Кубачи. (Здесь и далее в очерке “Кубачинцы” фото из личного архива Маммаева М.М.)

век (Всесоюзная перепись... 1928. С. 343), по другим данным, 2579 человек (Шиллинг, 1949. С. 16). В 1995 г. в Кубачи проживали 2230 человек, вне его пределов, в городах и поселках Кавказа и Средней Азии – более 3 тыс. (61,2%). Название Кубачи, известное по письменным данным с XV в., происходит от тюркского слова *кубе* (*гюбе*) – броня, кольчуга; “кубечи” – кольчужники (бронники), кольчугоделатели. По средневековым восточным письменным источникам, это селение известно с VI в. н.э. под персидским названием Зирихгеран с тем же смыслом слова.

Поселок Кубачи расположен в горной зоне на высоте 1500–1750 м. Старая часть компактно занимает крутой скалистый склон горы, а новый поселок, построенный в 1970–1995 гг. в 1,5–2 км севернее, располагается на неровном плато Ихакъажила. Кубачинцы называют его Ихакъаже. Климат в Кубачи суровый – зима холодная, лето прохладное, дождливое, часты туманы. Растительность и животный мир разнообразны. Склоны гор покрыты альпийской луговой растительностью и кустарником (шиповник, рододендрон). Лесов мало, они удалены на 15–17 км. Здесь растут бук, граб, липа, дикие яблони, груши, фундук, ягоды – малина, смородина, терн. Из диких животных водятся бурые медведи, кабаны, волки, лисицы, зайцы.

Антропологически кубачинцы, как и большинство дагестанцев, относятся к кавкасионскому типу балкано-кавказской или переднеазиатской расы большой европеоидной расы. Язык кубачинцев – диалект даргинского языка (Магомедов А.А., 1963. С. 13) входит в нахско-дагестанскую группу северокавказской языковой семьи. К кубачинскому диалекту относится речь аулов Ашты, Сулевкент (они считаются кубачинскими отселками), Амузги и Шири. Археологические данные, хотя пока и малочисленные, позволяют с достаточной уверенностью полагать, что история Кубачи насчитывает не менее 2 тыс. лет.

В XVIII–XIX вв. ученые и путешественники выдвигали различные версии о европейских корнях кубачинцев (*Шиллинг*, 1949. С. 211–220). Данные археологии, антропологии, лингвистики, истории, этнографии свидетельствуют о том, что этногенез кубачинцев непосредственно связан с происхождением даргинцев и других народов Дагестана, сформировавшихся в результате длительного исторического становления и развития, сложных этнических, экономических и миграционных процессов.

В начале средневековья (IV–V вв.) Кубачи становятся центром политического образования Зирихгеран, игравшего активную роль в экономической, политической и культурной жизни средневекового Дагестана (*История Дагестана*, 1967. Т. I. С. 126, 177, 184–186, 221, 224). В VI в. они стали данником Ирана, а в 738–739 гг. были покорены арабами и обложены податью. В XIII в. подверглись нашествию монголов. В 1396 г. Тимур вторгся в Кубачи, жители которых, видя невозможность и бесполезность сопротивления, вынуждены были покориться и преподнести ему множество брони и кольчуг. В XVI–XVII вв. уцмий кайтагский и хан казикумухский предпринимали попытки подчинить Кубачи, но они отстаивали свою независимость. В XVIII в. Кубачи испытали нашествие полчищ иранского завоевателя Надир-шаха. По вхождении Дагестана в состав России Кубачи вошли в Кайтаго-Табасаранский округ Дагестанской области. В настоящее время Кубачи – рабочий поселок (с 1965 г.), крупный центр народных художественных промыслов Дагестана и России. Административно он входит в Дахадаевский р-н (образован в 1929 г.) с центром в сел. Уркарах.

В советское время в жизни кубачинцев произошли значительные изменения. В Кубачи были открыты школы, магазины, пекарни, больница, культурно-просветительные учреждения, создана ювелирная артель – ныне Кубачинский художественный комбинат.

Формой социальной организации кубачинцев являлась сельская территориальная община-джамаат, внутренняя жизнь которой регулировалась нормами обычного права (адат) и шариата. Община состояла из свободных общинников-узденой, в большинстве своем ремесленников. Пастбища, выгоны, сенокосы, лесные угодья находились в общинной собственности. Частной собственностью отдельных семей были возделываемые земли – мульк и небольшие сенокосные участки – *мичил*.

Кубачинским обществом управляла организация “Чине” (Совет старейшин) из семи человек, избираемая джамаатом на народном сходе (*Шиллинг*, 1949. С. 173–186). Она ведала внутренними и внешними делами, обладала судебной и исполнительной властью. Ей подчинялась военная организация “Батирте” – постоянная военная дружина, в функции которой входили охрана селения от нападений, грабежа, защита лесных, пастбищных и сенокосных угодий, скота (Там же. С. 176–177).

Социальный строй кубачинцев во второй половине XIX–начале XX в., хотя и сохранял ряд архаических черт и пережитков старого, дофеодального уклада, был достаточно развитым, с далеко зашедшей классовой дифференциацией общества (Там же. 1949. С. 198). Среди кубачинцев были крупные и мелкие предприниматели (владельцы златокузнечных мастерских, торговцы), мастера разной степени зажиточности, неимущий слой (батраки, наемные рабочие) и т.д.

К традиционным нормам кубачинцев относятся трудолюбие, общительность, уважительное отношение к старшему и женщине, доброжелательность. *Намус*, т.е. совестьливость, порядочность, рассматривались как важные человеческие добродетели.

Рис. 140. Новый квартал. Селение Кубачи

Старые Кубачи по типу поселения – крупное горное селение – *ши* (Гаджиева и др., 1967. С. 84). При выборе места поселения учитывались следующие факторы: максимальная экономия земли; близость источников воды и угодий; надежная оборона; солнечная (южная) ориентация селения. По планировке и характеру застройки Кубачи – террасообразное, многоярусное поселение с вертикальной зональностью, с тесно и компактно застроенными кварталами. Оно делилось на три больших квартала: Башалла – Верхний, Дубшила – Средний и Хашалла – Нижний, в которых жили представители различных тухумов, т.е. расселение было территориальное. Существенные изменения в планировке и архитектурном облике Кубачи происходят с начала 60-х годов XX в. – поселок интенсивно застраивается по всем направлениям, где только позволяет рельеф местности, а старые дома частично модернизируются или перестраиваются. Для выросшего в 1970–1995 гг. нового поселка характерны современные архитектурно-планировочные принципы и конструктивные решения домостроительных приемов.

Жилища кубачинцев в XIX–начале XX в. были каменные, многокамерные, трех- и четырехэтажные, порой доходившие до 5–6 этажей, плоскокрышие (Шиллинг, 1949. С. 33–46). В нижних этажах располагались конюшня, хлев, на втором – сеновал, склад топлива, а в верхних этажах – жилье из многих комнат, кладовые для продуктов, домашние мастерские златокузнецов. Своеобразен интерьер жилой комнаты: на полу, выложенном каменными плитами, лежали ковры, в средней части одной из стен находился пристроенный камин для приготовления пищи с орнаментированным дымоходом, вдоль другой стены располагались полки для разнообразной металлической посуды (литые бронзовые котлы, водоносные кувшины, ритуальные и декоративные сосуды *нукнус*, *баццима*, *чибсатагаран* и др.) местного производства и ближневосточного происхожде-

Рис. 141. Старинный дом-башня

ния (Египет, Иран, Сирия). Другие две стены сплошь увешивались рядами медных подносов, фарфоровых и фаянсовых блюд и чаш из керамических центров Ирана, Ирака, Китая, Сирии, Японии, России и европейских стран.

Кубачинский интерьер со своеобразными, описанными выше домашними “музеями”, сохраняется и сейчас у большинства жителей поселка, хотя жилище претерпело изменения – появились кровати, другая современная мебель, телевизоры и прочее, комнаты (кроме каминной) обставлены по-городскому.

В одежде кубачинцев (Там же. С. 47–56) национальные особенности более всего сохранялись в женском костюме, состоящем из платья туникообразного покроя, парчовой шубы с короткими рукавами (ныне вышла из упо-

Рис. 142. Каминная резная плита

Рис. 143. Каменный рельеф на стене дома

требления), трех типов головного убора: *чухты* – квадратной повязки с нашитыми разноцветными лоскутами, *каза* – белой, обычно вышитой полотенцеобразной накидки-повязки, *кате* – шерстяного платка-накидки, а также белых войлочных сапог (ныне вышли из употребления) и вязаных узорчатых шерстяных носков. Во время свадеб кубачинки носят платья из восточной парчи, вышитые золотыми и серебряными нитями *казы*, различные украшения – серебряные цепочки на чухте, крупные золотые перстни с бирюзой и жемчугом, массивные серебряные браслеты с зернью и инкрустациями драгоценными камнями, нагрудные подвески, отделанные зернью, жемчугом и самоцветами.

Мужская одежда однотипна с одеждой представителей других народов Дагестана: это туникообразная рубаха, прямые штаны, бешмет и черкеска, сафьяновые или войлочные сапоги, овчинные меховые шубы и папахи, а также се-

ребряный наборный пояс, кинжал, газыри к черкеске. Ныне традиционная мужская одежда вытеснена общеевропейской одеждой городского типа.

Традиционная пища кубачинцев в целом аналогична пище других народов Дагестана, но имеет некоторые особенности в способах приготовления блюд и их компонентах. Основные продукты – зерно и мясомолочные продукты. Распространенные блюда – хинкал из пшеничной и кукурузной муки (нарезанные куски теста, сваренные в мясном бульоне с чесночной приправой и мясной закуской), супы с фасолью, рисом, чечевицей. Важное место в питании занимают пироги и вареники с начинкой из мяса, творога, яиц, картошки, требухи, тыквы, крапивы, молочные продукты – молоко, масло, сыр, творог, молочные супы с рисом, лапшой, каши. В последнее время пищевой рацион кубачинцев обогатился заимствованными блюдами (борщ, суп-кюфта, котлеты и т.д.).

Главным видом транспорта кубачинцев до середины XX в. был вьючно-верховой транспорт (лошади). Нередко для перевозки дров, сена, строительного камня использовалась и арба, запряженная быками. Ныне основным транспортным средством стали автомобили.

Кубачи на протяжении всей их истории были крупным и широко известным центром народных художественных промыслов. Здесь издавна получили развитие резьба по дереву и камню, художественное бронзовое литье, ювелирное дело, медночеканное и оружейное производство, обработка кости, вышивание шелком и золотом, узорное вязание и ткачество. Земледелие и скотоводство носили подсобный характер. Уже в VI в. искусство металлообработки у кубачинцев было известно за пределами горного края, особенно в странах Закавказья и Ближнего Востока, что нашло отражение в этнониме кубачинцев “зирихгеран” – кольчугоделатели. В XIII–XV вв. высокого уровня достигли литье бронзовых котлов (*Кильчевская*, 1962. С. 18–44; *Маммаев*, 1989. Рис. 47–50), выделка разнообразной чеканной медной и бронзовой утвари, серебряных украшений, оружейное дело – изготовление кольчуг, шлемов, кинжалов и мечей. Необычайный расцвет пережила в XIV–XV вв. художественная резьба по камню и дереву (*Башикиров*, 1931. С. 14–17; *Искусство Кубачи*, 1976. С. 66–67, 165–190). В XVII–XVIII вв. кристаллизуются основные типы кубачинского орнамента растительного стиля, очень широко применявшегося в различных видах декоративно-прикладного искусства (*Кильчевская*, 1968. С. 158).

С XVIII–XIX вв. особенно широкое развитие получило производство художественно отделанного холодного и огнестрельного оружия – кинжалов, шашек, кремневых ружей и пистолетов (*Кильчевская*, *Иванов*, 1959. С. 53–58; *Кильчевская*, 1962. С. 54–62; *Аствацатурян*, 1977. С. 5–6). В XIX в. Кубачи становятся крупнейшим на Кавказе центром изготовления лучших образцов изысканно отделанного оружия. Значительного совершенства достигли ювелирное искусство, узорное вязание и золотошвейное дело. Художественная обработка металла, многообразная по своим техническим приемам и декоративно-выразительным средствам, играла большую роль в истории кубачинского искусства. В этой отрасли высокого профессионального мастерства достигли в конце XIX–начале XX в. ювелиры Магомед Гасанов, Ибрагим Уста, Гаджиабдулла Ибрагимов, чьи изделия экспонировались на выставках в Тифлисе, Санкт-Петербурге, Париже, Лондоне, Стамбуле, Тегеране и неоднократно удостаивались золотых и серебряных медалей.

Со второй половины XIX в. широко развивается отходничество кубачинских мастеров в города Кавказа, где открываются ювелирные лавки и золото-

кузнечные мастерские с наемными мастерами и подмастерьями. В 1924 г. в Кубачи организована ювелирная артель, преобразованная в 1960 г. в Кубачинский художественный комбинат. В 1920–1950-е годы были освоены новые виды изделий из серебра массового спроса и выставочного уникального характера – портсигары, ложки, подстаканники, рюмки, стопки, сахарницы, чайники, молочницы, подносы, блюда, вазы и т.д. (Кильчевская, 1962. С. 63–73. Табл. XV–XVII). В 1960–1980-е годы ведущими мастерами Кубачинского художественного комбината А. Ахмедовым, Г. Кишовым, Р. Алихановым, А. Абдурахмановым, Г.-Б. Магомедовым и другими были созданы высокохудожественные уникальные изделия из серебра – чайные и коньячные сервизы, кубки, ларцы, декоративные блюда и разнообразные женские украшения.

Изделия кубачинских златокузнецов экспонировались на многих отечественных и международных выставках: в Санкт-Петербурге (1913 г.), в Лондоне (1862 г.), в Париже (1900 г.; 1937 г. Гран-При), Брюсселе (1958 г.) (Золотая медаль), Москве (1968 г.), Монреале (1967 г.), Осаке – (1970 г.) и др.

Ведущим мастерам, развивающим национальные традиции народного искусства, присвоены почетные звания народных и заслуженных художников Российской Федерации, заслуженных деятелей искусств и народных художников Республики Дагестан, многие мастера – члены Союза художников России, награждены орденами и медалями страны, а народным художникам Российской Федерации Р. Алиханову, Г.-Б. Магомедову, заслуженным деятелям искусств Республики Дагестан А. Абдурахманову (1904–1989), Г. Кишову (1900–1980), Г.-Г. Чабкаеву в 1971 г. была присуждена Государственная премия РСФСР им. И.Е. Репина. Коллекции изделий и памятников кубачинского искусства хранятся в крупнейших музеях России и зарубежных стран.

Ныне Ордена Дружбы народов (1975 г.) удостоен Кубачинский художественный комбинат – крупное предприятие народных художественных промыслов Дагестана, где работают 540 мастеров (из них 130 надомниц по вязанию узорных носков), выпускающий разнообразные ювелирные изделия.

Возвращаясь к описанию традиционной культуры кубачинцев, отметим, что в XIX в. в их общественной жизни большую роль продолжала играть сельская община – джамаат, состоящая из нескольких тухумов. Каждый отдельный тухум (*жинс*, *къам*, *агьлу*, *тепа*) состоял из кровнородственных семей первоначально по отцовской линии, а затем, намного позднее, и по материнской. Существовало еще внутритухумное деление по степени родства: *багъанте* – все родственники; *гьис талабжуб багъанте* – самые близкие родственники; *гьихъшуб багъанте* – дальние родственники. Тухум поддерживал общественное и идеологическое единство, общность, а в хозяйственно-экономическом отношении каждая семья представляла самостоятельную единицу.

Важное место занимали традиционные обычаи и обряды. Кровная месть у кубачинцев была относительно слабо выражена по сравнению с остальными даргинцами. По адату убийцу высылали в одно из соседних селений. Практиковались выкуп за убийство и примирение враждующих сторон. О соблюдении кубачинцами обычаев гостеприимства и куначества писали многие восточные и европейские ученые и путешественники (Шиллинг, 1949. С. 192). К числу традиционных обычаев кубачинцев относятся также передача дочери в качестве приданого части посуды из домашней коллекции, торжественное укладывание ребенка в люльку, установка памятников – кенотафов на окраине селения умершим или погибшим на чужбине кубачинцам (Там же. С. 18–20, 192) и др.

Рис. 144. Молодые масте-
рицы

Рис. 145. Мастер-кубачинец
за работой

Рис. 146. Кубачинский котел

Рис. 147. Кубачинский сосуд

Большое место в общественной жизни кубачинцев занимали мужские союзы *гулалла акь букьун* (союз неженатых), изобиловавшие сложными церемониями и обрядами и пользовавшиеся большим общественным весом (Там же. С. 147–173). С конца 1920-х годов они прекратили свое существование.

Основной формой семьи у кубачинцев в XIX–начале XX в. являлась малая семья. Большие семейные общины уже распались, но бытовали неразделившиеся семьи, состоящие из трех–четырёх прямых нисходящих поколений – родители, дети, внуки, правнуки, которые жили в большом многоэтажном доме. Согласно традиционному половозрастному разделению труда, в малой семье главной производственной деятельностью по обеспечению семьи занимались мужчины, а домашним хозяйством ведали женщины. Заключение брака, развод, порядок раздела наследованного имущества определялись нормами шариата. Многоженство не получило у кубачинцев распространения. Браки между двоюродными и троюродными братьями и сестрами не ограничивались и совершались по воле родителей; не было браков с представителями других народов. Свадьба, справлявшаяся торжественно в течение трех дней, изобиловала старинными обрядами и церемониями, сопровождаемыми музыкой, песнями, танцами, весельем с участием ряженных, церемониальными шествиями, вождением новобрачной по воду.

Современная семья строится на основе взаимной любви и равноправия мужчин и женщин. Развод может быть осуществлен по инициативе как мужа, так и жены. Браки между двоюродными и троюродными братьями и сестрами стали редки; встречаются межнациональные браки, особенно среди кубачинцев, проживающих в городах. Браки, разводы, раздел наследственного имущества и другие гражданские дела ныне совершаются в соответствии с нормами государственного законодательства. Сохраняется многодетность, в семьях – в среднем четыре–пять детей.

Рождение ребенка в семье кубачинца, особенно мальчика-первенца, являлось большим и радостным событием. Роды происходили в доме мужа. Ребенка сразу после рождения купали в теплой воде, сопровождая купанье пожеланиями, чтобы его вырастили отец и мать, чтобы он вырос сильным, здоровым и из него получился хороший мастер. На третий–четвертый день в дом роженицы приходили близкие родственники, чтобы поздравить ее с рождением ребенка, и приносили подарки новорожденному и еду для его матери (пельмени, чуду, шлов и т.д.).

Послеродовой период в течение 40 дней был связан с системой запретов, направленных на ограждение ребенка и его матери от действия злых сил и от сглаза. С наступлением темноты женщине с младенцем нельзя было выходить на улицу. Если по тем или иным обстоятельствам ей требовалось выйти, ребенку мазали лоб и щеки углем, а его мать брала с собой кусок хлеба. Для того чтобы оградить младенца от злых сил, дурного глаза, в люльку под изголовье клали маленького формата Коран и нож или железные петли для подвешивания котла на цепь в очаге (*гыатумхъне*). Чтобы ребенок хорошо спал, под матрац в люльку клали нарост с листьев шиповника (*галусан*).

На седьмой или восьмой день после рождения ребенка мать роженицы специально подготавливала люльку со всеми необходимыми принадлежностями. Укладыванию ребенка, особенно мальчика-первенца (*гал лакьуйле видихъне*), придавали большое значение, и оно являлось семейным торжеством. К нему готовились заранее родители как мужа, так и жены. При рождении мальчика-первенца его отец резал барана, в доме готовили обильную еду и напитки. В доме роженицы и ее мужа собирались родственники, друзья, односельчане, которые

ели, пили, веселились. Ребенка в люльку торжественно укладывала наиболее уважаемая и почитаемая женщина из родни отца и матери новорожденного. Тут же нарекали ему имя. Рождение девочки отмечали более скромно, в кругу близких родственников. Если ребенок часто болел, то ему меняли имя.

По истечении 40 дней роженица с ребенком могла навещать своих родителей и родственников. Разрешалось также стричь голову и обрезать ногти ребенку. Волосы и ногти нельзя было бросать. Их прятали в щели между камнями в стене дома. Выпавшие молочные зубы тоже прятали в стене.

Когда мальчику исполнялось три–четыре года, ему делали обрезание. В день совершения этого обряда и несколько последующих дней к родителям мальчика приходили родственники с поздравлениями и подарками. Родители накрывали стол, устраивали им угощение. Если родители подозревали, что ребенка сглазили, то совершали обряд “снятия сглаза” (*булька-ца дакы* – букв. “сделать дым-огонь”): крали лоскут от любой одежды сглазившей (сглазившего), сжигали его, затем смешивали с серой и крупной солью. Держа эту смесь в руке над головой ребенка, женщина, снимавшая “сглаз” (бабушка, тетка, близкая пожилая родственница), читала заклинательную формулу, потом, плюнув несколько раз на эту смесь, бросала ее в огонь. Дети до 5–6 лет носили на запястье низку бус, среди которых были бусины от сглаза, а также “предохраняющие” от злых сил. Считалось, что ребенка очень легко могут сглазить.

В системе традиционной обрядности кубачинцев особое место занимают похоронно-поминальные обряды и обычаи. Тяжело больного близкие родственники навещали регулярно. При приближении смерти оповещали родственников, находящихся за пределами селения. Умиравшего поворачивали головой в сторону Мекки и читали “ясин” – одну из сур Корана. После кончины человека в его доме собирались все родственники. В комнате, где находился усопший, мулла читал молитву, затем справлялся “зикр” – коллективное моление всех присутствующих с многократным поминанием Аллаха – “лаилах-иллалах”. После этого мужчины располагались на плоской крыше балкона или на улице возле дома на специально положенных бревнах или досках. Сюда же приходили выразить соболезнование односельчане. Женщины собирались дома.

Перед похоронами покойника обмывали дома в специальном корыте (*ликка бицан*): мужчину – мулла и его сподручные, а женщину – пожилого возраста обмывальщицы, получавшие за это определенную плату. Затем умершего одевали в его одежду, заворачивали в белый саван (*капан*). Если умирала молодая женщина или девушка, ее одевали в лучшие наряды, а состоятельные родители надевали на нее еще украшения – кольца, серьги, браслеты и пр.

Умерших оплакивали женщины – близкие родственницы. Иногда специально приглашали известную в селении плакальщицу для оплакивания умершего песнями-причитаниями. Мужчины не плакали по умершему, считалось, что им не подобает прилюдно показывать слезы. При выносе тела покойного из дома близкие родственницы с плачем и причитаниями сопровождали похоронную процессию на небольшое расстояние от дома. Хоронили умершего в день его смерти до заката солнца по мусульманскому обычаю, на тухумном участке квартального кладбища. Перед тем как опустить покойника в могилу, над ним читали заупокойную молитву, а когда могилу засыпали землей, мулла поливал ее водой из кувшина и читал молитву. На кладбище после того, как засыпали могилу землей, могильщикам (*хябухъанте*), мулле и самым старшим, принимавшим участие в чтении молитвы, раздавали небольшие куски материи, а ныне – платочки. На могилу умершего через несколько дней после похорон (обязательно до 40-дневных поминок) у изголовья ставили украшенный орнамен-

тальной резьбой и арабскими надписями памятник в виде неширокой каменной плиты с заостренным фестончатым верхом. У ног ставили небольшую плиту без декора.

После похорон близкие родственники-мужчины и мулла, который читал молитву, утром и вечером посещали могилу до 40-дневных поминок. Поминки по умершему отмечали на 3-й, 7-й и 40-й дни после смерти и через год. На поминки приходили все родственники и мулла. После чтения на могиле молитвы, в доме умершего тоже читали молитву, затем мужчинам и женщинам по отдельности устраивали обильное угощение.

По обычаю, близкие родственники умершего до 40 дней соблюдали траур. Мужчины не брили бороду, не веселились, не ходили на годекан. Женщины не одевали яркие или новые платья, не появлялись в общественных местах, ближайщие родственницы не ходили по воду (в этом им помогали соседки или дальние родственницы), не выполняли домашние работы – стирку, большую уборку, побелку и т.д. В день 40-дневных поминок в доме умершего женщинам-родственницам раздавали на помин души умершего по чашке или тарелке с деревянной ложкой.

Традиционные похоронно-поминальные обряды и обычаи кубачинцев имеют много общего с подобными же обрядами и обычаями народов Дагестана, но содержат и некоторые специфические черты, сформировавшиеся под влиянием местных условий.

Кубачинцы отмечают мусульманские праздники Ураза байрам и Курбан байрам, а также новогодний праздник (по лунному календарю) – День весны (*Абла бе*), массовый праздник “Хождение по воду от сглаза” (*Улилла шинне бахъне*), отмечаемый в начале мая, в советское время стали праздновать 7 ноября, Первомай, Новый год, 8 марта, День Победы и др.

Духовная культура кубачинцев при общности ее с духовной культурой других народов Дагестана обладает чертами этнического своеобразия, проявляющегося в особенностях традиционных верований, фольклора, народной музыки и хореографии. Так, фольклор имеет особенности, обусловленные характером основной трудовой деятельности кубачинцев – мастеров-оружейников и ювелиров. Даже любовная лирика пронизана производственной лексикой. В небольшой песне “Гяче бикъна у кижиб” (“Ты сидишь в своей мастерской”) восемь терминов: *матяхI* – изделия, *лугъий* – полировать, *дун* – штихель, *дацлуй* – плавить, *хъацI* – чернь, *гIяче бикънала* – мастерская. Все эти термины подчинены художественному замыслу, раскрытию переживаний влюбленной, которой близко все, что связано с трудом любимого, мастера-ювелира (*Абакарова*, 1996. С. 19).

Народная музыка кубачинцев традиционно бытует в устной форме (песни, эпические сказания и танцевальные мелодии). Широко распространены следующие народные музыкальные инструменты: духовой язычковый – зурна (*сурмяв*), ударный – барабан (*там*), струнно-щипковый – чунгур (*чугур*), гармонь (*чанагъа*).

У кубачинцев традиционны такие виды спорта, как бег, борьба, прыжки, метание камня, стрельба в цель, скачки. Им придавалось большое значение, они были обязательны для членов “союза неженатых” (*Шиллинг*, 1949. С. 177).

Религия кубачинцев – ислам суннитского толка, принятый в конце XIII в. Данные средневековых авторов (Масуди, X в. и др.) и местные предания свидетельствуют о некотором распространении у кубачинцев до принятия ислама христианства, а еще ранее – зороастризма (Там же. 1949. С. 170). Несмотря на господство ислама, вплоть до середины XX в. у кубачинцев сохранялись пере-

житки древних языческих верований, проявлявшиеся в обрядах вызывания солнца и дождя, почитании священных деревьев, культе орла, магических обрядах лечения от сглаза, ношении амулетов и талисманов.

До начала XX в. в Кубачи функционировали духовные школы – мектеб и медресе, где детей обучали арабской грамоте, чтению Корана, началам ислама и шариата. Письменность у кубачинцев начала распространяться с XIII–XIV вв.

До 1928 г. кубачинцы, как и все народы Дагестана, пользовались аджамским письмом – арабским алфавитом, приспособленным для передачи фонетических особенностей местных языков. В 1924 г. в Кубачи была открыта начальная, в 30-е годы – семилетняя, в 1950 г. – средняя школы.

Письменности на кубачинском языке нет. Делопроизводство, обучение детей в школе с первого класса ныне ведется на русском языке. Прочно вошли в быт книги, газеты, журналы, кино, радио, телевидение.

В воспитании детей большое место занимало обучение их традиционному ремеслу: сына обучали с 7–8-летнего возраста. С 12–14 лет мальчики вступали в “союз неженатых”, где получали физическое воспитание и проходили военное обучение. Девочки с 8–10 лет выполняли мелкие работы по хозяйству, их учили вязать, вышивать, готовить еду. Детям с малых лет прививали нормы морали, нравственности и этики горцев.

Ныне в традиционной профориентации наблюдается стремление молодых людей не только усвоить мастерство ювелира, но и получить высшее или среднее специальное образование.

Кубачинцы в своей хозяйственно-экономической деятельности соприкасались, кроме дагестанцев, со многими народами – азербайджанцами, грузинами, узбеками, осетинами, чеченцами, ингушами, кабардинцами, балкарцами, усваивали их языки и отдельные элементы культуры (пищи, одежды, детали интерьера, орнаментальные мотивы).

Значительны достижения кубачинцев в науке. Среди кубачинцев три академика, один член-корреспондент АН Азербайджана, 10 докторов и 25 кандидатов наук, писатели, врачи, экономисты, инженеры и др. Среди них А.Г. Алиев (1911–1965) – крупный ученый и педагог, организатор науки и общественный деятель, чл.-кор. АН Азербайджана, доктор геолого-минералогических наук, профессор, бывший ректор Даггосуниверситета (1962–1965); И.А. Шамов – доктор медицинских наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки Дагестана и Российской Федерации, член Союза писателей России; Ю.А. Шамов – доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач Республики Дагестан; М.Г. Кишов – доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Дагестан; Абу-Бакар (1932–1991) – народный писатель Дагестана, видный деятель дагестанской культуры; М.-Р. Расулов – известный ученый-филолог, народный писатель Республики Дагестан; А.А. Магомедов – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник АН Грузии; А.И. Абакаров – выдающийся инженер, бывший главный конструктор завода “Дагдизель” (г. Каспийск), внесший большой вклад в развитие технического прогресса в республике, укрепление обороноспособности страны и др.

Среди кубачинских женщин также известны ученые, педагоги, врачи, в их числе кандидаты филологических наук, научные сотрудники Дагестанского научного центра РАН Ф.О. Абакарова, Ф.А. Алиева, Ф.Х. Мухамедова, кандидат медицинских наук, доцент Дагмедакадемии А.А. Ахмедханова.

Народная медицина кубачинцев XIX – начала XX в. основывалась на выработанных многовековой практикой рациональных методах лечения, с которыми-

ми переплеталось знахарство. Наибольших успехов она добилась в лечении ран, переломов костей, вывихов. Широко использовались целебные свойства дикорастущих трав и ягод. Местные лекари были знакомы с восточными медицинскими трактатами, которые переписывались и переводились на кубачинский язык. Знахарство основывалось на магических приемах и обрядах с заговорами и заклинаниями. Практиковалось ношение бусин-амулетов от сглаза и различных болезней – оспы, желтухи. До начала XX в. в Кубачах врача не было. В настоящее время тут функционирует участковая больница, где работают квалифицированные врачи и средний медицинский персонал.

В современных условиях экономического и духовного кризиса, охватившего наше общество, с особой остротой встает проблема сохранения традиционной культуры, языка, прогрессивных традиций и обычаев, уникальных и самобытных художественных промыслов кубачинцев.

ЛАКЦЫ

Лакцы – один из коренных народов Дагестана. Они называют себя *лак*, а свой край лакрал кІану (“место обитания лакцев”). Соседи именуют лакцев по-разному: аварцы – *тумал*, даргинцы – *вулугуни*, *вулечуни*, *лагла*, лезгины – *яхулви*. По переписи 1989 г., их насчитывалось 118 386 человек, в Дагестане – 91 682 человек (Национальный состав, 1990. С. 127). В сельской местности лакцы живут компактно в Лакском, Кулинском, а после насильственного переселения в 1944 г. на земли чеченцев-аккинцев – и в Новолакском (бывшем Ауховском) районах Республики Дагестан. Часть лакцев проживает в ряде селений соседних районов – Акушинского (Балхар, Кхоли, Цуликана, Уллучара), Рутульского (Аракул и Верхний Катрух), Дахадаевского (Шадни), Чародинского (Шали) и в сел. Советское Магарамкентского районов (переселенцы из сел. Бурши-Мака Курахского р-на).

Основная масса лакцев (около четырех пятых от общего числа) проживает в городах Дагестана, России и СНГ. Высокая степень их урбанизации восходит к традиции развитого в прошлом отходничества.

Язык лакцев относится к даргинско-лакской подгруппе дагестанской группы восточной подсемьи северокавказской семьи языков. Часть исследователей рассматривает лакский язык как особую подветвь аваро-андо-цезской ветви.

Территория лакского этноса представляет собой центральную часть Нагорного Дагестана и имеет форму треугольника, одна из вершин которого обращена на север, в сторону Цудахарского ущелья. Основанием треугольника служат вершины Дульты-дага (4131 м над уровнем моря), Акулалу (3884 м), Пабаку (4098 м), Кокма (3673 м), долина р. Самур. Горные хребты отделяют Лакию также от Аварии и Даргинии. Вся территория Лакии изборозжена множеством ущелий, извивающихся преимущественно в направлении с юга на север. Представляя собой труднодоступный горный край, территория Лакии все же достаточно сглажена и не имеет естественных препятствий для сообщения между ее отдельными частями.

Территория лакцев почти безлесна, только 1,6% земли находится под кустарниковым лесом. На климат Лакии значительное влияние оказывают близость снежных вершин и наличие большого количества рек и источников. Все реки, орошающие Лакию, берут начало с гор, расположенных на юге и юго-западе, и текут на север. Самая большая река – Казикумухское Койсу, берущая начало на Дульты-даге.

Из-за вытянутости территории Лакии с севера на юг, а также потому, что к югу она повышается, климатические условия здесь не везде одинаковы. В северной, более низкой части территории, растительность созревает раньше, чем в южной.

Исторический очерк. Многие вопросы, связанные с происхождением и древней историей лакского народа, еще недостаточно изучены. В исторической литературе высказывались мнения о недагестанском происхождении лакцев (Алиханов-Аварский, 1899; Услар, 1890. С. 1–2; Бакиханов, 1926. С. 14; Алкадари, 1929. С. 12, 171; Маршаев, Бутаев, 1990). Однако сопоставление археологических, лингвистических, антропологических, этнографических материалов убедительно свидетельствует о том, что лакцы – древнейшие насельники на своей территории. Об этом говорят наскальные изображения, обнаруженные в ущелье Виттурзивалу около лакского сел. Кара, относимые археологами к концу V тыс. до н.э. – I тыс. до н.э. На протяжении столь длительного времени на этой территории проживало оседлое население, занимавшееся земледелием и скотоводством. В то же время эти изображения дают возможность проследить эволюцию сложения и утверждения мировоззренческих представлений предков лакцев (Котович, 1986. С. 63–86).

Археологические материалы дают основание предполагать наличие в этногенезе лакцев индоевропейского компонента. Наиболее ранние контакты лакцев с индоиранским миром вначале через скифов, затем через сармато-алан нашли отражение в материалах святилища у высокогорного сел. Хосрек (VIII–VII вв. до н.э.) и Сумбатлинского могильника, датируемого первыми веками н.э. (Давудов, 1974; 1983).

Анализ данных по палеоантропологии Дагестана свидетельствует, что в древнейшую эпоху территорию Дагестана населяли представители долихокранного типа, не соответствующего современному типу населения Дагестана. Сложение современного типа из более древнего считается результатом внутреннего процесса трансформации, причиной которого явилось изменение социальных и иных условий (Гаджиев А.Г., 1965. С. 111–114).

По мнению антропологов, предки лакцев и собственно даргинцев, как и аварцев и андо-цезов, были древнейшим населением нагорного Дагестана и, по-видимому, первыми освоили этот край. Принадлежность их к тому же типу, что и черкесы, балкарцы и карачаевцы, осетины, горные этнические группы грузин, ингуши и чеченцы, не говорит о каких-либо сравнительно поздних этногенетических связях этих народов, разных по языку, культуре и происхождению. Но она свидетельствует о какой-то очень древней общности их предков, восходящей, вероятно, еще к верхнепалеолитическому времени (Алексеев, 1965. С. 166).

О древнем периоде лакской истории нет никаких письменных свидетельств, однако уже в античных источниках среди племен, населявших Дагестан, упоминаются леги и гелы, которые идентифицируются историками с дагестанскими горцами, в том числе с лакцами, тем более что они по звучанию близки к самоназванию лакцев. Леки упоминаются и позже – в “Армянской географии VII в.”, приписываемой М. Хоренскому. Здесь говорится о царе леков храбром Шергире, который погиб на поле Дцераве в битве леков с армянами (Армянская география VII в., 1877. С. 37).

С IV в. в Дагестан вторгаются кочевники-гунны. В начале V в. равнинная и предгорная части Дагестана попали под власть хазар. В то же время сасанидская Персия усилила агрессию против народов Кавказа, в частности в 461 г. она завладела Албанией, а с хазарами у нее были постоянные стычки. Следы пребывания, хотя бы и кратковременного, всех этих народов в Лакии сохранились в ee

Рис. 148. Селение Вихли. (Здесь и далее в очерке "Лакцы" фото из личного архива Булатовой А.Г.)

топонимии (названиях отдельных местностей, населенных пунктов), в тухумных наименованиях. С середины VII в. начинаются походы арабов на Дагестан. Они застают здесь целый ряд политических образований – “царств”, как называют их арабские источники. Историки локализируют лакцев в “царствах” Гумик и Туман, упоминающихся арабскими авторами наряду с другими феодальными владениями. Вместе с тем, судя по данным средневековых арабских источников, лакцы наряду с частью аварцев длительное время (VI–X вв.) находились в составе одного большого феодального государства, в котором Кумух был то казнохранилищем царя, то его столицей. Надо полагать, что именно древней традицией существования у лакцев государственности еще со времен раннего средневековья (по арабским источникам, с VI в.) объясняется и факт более позднего бытования у них сильного феодального образования – шамхальства Казикумухского (Булатова, 2000. С. 54).

Вскоре после появления в Дагестане арабов в Лакию был занесен ислам. Народная традиция и местные источники временем его принятия лакцами считают VIII в. Однако, судя по известиям арабских авторов, окончательное его утверждение в среде лакцев произошло в XI–XII вв. Местные источники сообщают, что арабы поставили правителем лакцев шамхала. Вопрос о времени появления шамхалов и происхождении этого титула в науке до сих пор является спорным: по этому поводу существует несколько взаимоисключающих версий. Но несомненно существование государственности у лакцев задолго до прихода арабов, а наиболее ранний, дошамхальский титул лакского правителя, предположительно, – *цуму* (*цума*), который сохранился в фольклоре и имеет одну основу с местными титулами других дагестанских правителей – *уцуми*, *майсум*, *нуцал* (Там же).

Весной 1240 г. в Лакию через Южный Дагестан прошли монголы и разрушили Кумух. К этому событию принято относить описание разорения Кумуха в хронике Мухаммеда Рафи “Тарих Дагестан”, когда 70 юношей – последних защитников Кумуха засели в укреплении Кекели (ныне эта местность называется Чичула) и все пали мучениками (*Рафи Мухаммед*, 1898. С. 180).

В конце XIV в. Лакия вновь подверглась нашествию иноземцев, на этот раз под предводительством Тимура (Тамерлана). Объединенные силы лакцев и аварцев – 3000 человек – выступили против Тимура, помогая жителям Ушкуджа. Войска эти, предводительствуемые “шаукалом Казикумухским и Аухарским”, потерпели поражение. “Старейшины (калантары) казикумухские и аухарские вместе с тамошними кадиями и вельможами (акабир) прибыли ко двору Тимура, признали свою вину и поступок, каялись и просили прощение и выполнили обычай подчинения и службы” (*Тизенгаузен*, 1941. С. 182). Борьбе лакцев с полчищами Тимура посвящена лакская эпическая поэма “Парту Патима” и предание о “Партувалил Патимат”.

В XV–XVI вв. Казикумухское шамхальство становится одним из самых сильных феодальных владений Дагестана. В отдельные периоды власть кумухского шамхала распространялась на значительную часть Дагестана. Развитие феодальных отношений в тот период происходило в условиях классово-войсковой борьбы, выражавшейся в противодействии общин наступлению феодалов на общинные земли и свободы, в попытках крестьян уклониться от платежа податей и повинностей. От пассивной борьбы крестьяне переходили к открытым выступлениям. Одно из них в 1640 г. закончилось изгнанием шамхалов из Кумуха. После этого лакцы избрали себе правителя хахловчи из побочной ветви семьи шамхалов, оставшейся в Казикумухе. Первым казикумухским хахловчи был Алибек, избранный собранием феодальной знати *къат* (А.К., 1869). Внук его Чолак Сурхай после взятия в 1712 г. Шемахи по-

Рис. 149. Селение Куба

лучает титул хана Ширванского и Казикумухского. Он отстраняет “къат” и духовенство от вмешательства в дела управления, и власть его становится неограниченной. Период его правления отмечен рядом войн, которые он с переменным успехом вел в Закавказье. Для своего времени Чолак Сурхай-хан был просвещенным человеком, выступал поборником грамоты и покровителем наук, окружал себя образованными людьми.

В XVIII в. усиливается агрессия Ирана на Кавказе. В 1741 г. объединенные силы аварцев, лакцев, даргинцев и других народов Дагестана разбили полчища Надир-шаха в битве на склонах Турчи-дага. Здесь своей отвагой прославился младший сын Чолак Сурхай-хана Муртазали-бек. В песнях и преданиях говорится, что он так сильно бился с иранцами, что вследствие неимоверных усилий его руку поразил тяжелый недуг, от которого он и умер.

В правление другого сына Чолак Сурхай-хана – Магомедхана продолжались завоевательные войны в Закавказье, а при внуке – Сурхай-хане II казикумухские владения были расширены за счет включения в них ряда лезгинских, рутульских селений и агульского сел. Правление Сурхай-хана II знаменательно также многолетней войной с русскими (1796–1820 гг.), которые завоевали Дагестан. 12 июня 1820 г. Казикумухское ханство было присоединено к России, а ханом Казикумухским назначен полковник Аслан-хан Кюринский. Время его правления ознаменовалось появлением в Дагестане учения о мюридизме, проповедникам которого он тайно содействовал.

Последним лакским ханом был Аглар-хан, отличавшийся грубостью и жестокостью в отношении своих подданных. В 1859 г. он умер, а в следующем году после реформы управления Казикумухское ханство было преобразовано в Казикумухский округ, разделенный на четыре наибства: Кумухское, Вицхинское, Мукарское, Аштикулинское.

В 1877 г., во время русско-турецкой войны, началось восстание горцев против русской власти в Дагестане, которое охватило главным образом Лакию, часть аварцев и даргинцев, но вскоре оказалось подавлено. Некоторых участников восстания казнили, остальные с семьями отбывали наказание в Псковской, Саратовской, Астраханской, Казанской и Тобольской губерниях. Имущество сосланных конфисковали или разграбили. После пятилетней ссылки, по манифесту императора Александра III, оставшиеся в живых получили разрешение вернуться домой и, оказавшись без средств к существованию, пополнили ряды торговцев и ремесленников.

После реформы 1861 г. в России в русло капиталистического развития в числе других национальных окраин оказывается втянутым и Дагестан. Торговые связи Дагестана развиваются как с соседними областями Кавказа, так и с Центральной Россией, усиливается отходничество, в том числе и в Лакию. Отходничество, с одной стороны, давало возможность прокормиться определенной части населения, с другой, способствовало проникновению в культуру народов Дагестана, в том числе и лакцев, элементов культуры других народов.

Хозяйство. Древнейшими занятиями лакцев являлись земледелие, животноводство, разнообразные ремесла и домашние промыслы. Вследствие сильно изрезанного горного рельефа Лакия бедна удобной для возделывания земель. Но и имеющиеся сельскохозяйственные угодья были малопродуктивны и не могли прокормить все население. Своего хлеба лакцам хватало на два–три месяца, поэтому приходилось прикупать его у лезгин предгорья, у кумыков, а также завозить из Закавказья. Так, в Казикумухском округе при пересчете выращенного в 1891 г. урожая на душу населения приходилось 0,11 четверти (примерно 20 кг) хлеба. Население могло прокормиться собственным хлебом 0,69 месяца или 0,08 года (Бутаев, 1891).

Земледелие было террасным и склоновым. Основными культурами, которые возделывались здесь, являлись голозерный ячмень *у*, ячмень *хъва*, просо *ши*, пшеница *лачла*, горох *хьюру*, овес *нихъа*, лен *турт*, конопля. В начале XX в. в северной части Лакии – Вицхинском магале – стали культивировать кукурузу.

Культура земледелия у лакцев имела свои устоявшиеся традиции и навыки, выработанные веками. Господствовала трехпольная система земледелия, на которую наложило свой отпечаток малоземелье лакцев; широко использовалось также чередование культур. Пахотное поле делилось на три части, а если имелось несколько участков, то через каждые два года на третий один из участков оставлялся под “черный пар”. Его перепаживали после того, как остальные участки весной засеивались; затем, дав вырасти траве, в середине лета его снова перепаживали. В третий раз его перепаживали в конце августа – начале сентября, а дней через десять засеивали озимой пшеницей, чтобы уже к началу осени появились всходы. Рачительный хозяин помимо этого обязательного вспахивания старался производить дополнительную вспашку пара через определенные промежутки времени, до 6–7 раз. Традиционное орудие вспашки – рало *хъарас*.

Участки, предназначенные под засев весной, удобрялись навозом и золой, их разбрасывали по полю сразу после первой весенней вспашки, на следующий день пашню засеивали: крестьянин равномерно разбрасывал зерно по полю, затем горским плугом заделывал его, прикрывая землей. При этом удобрение также оказывалось внутри.

Сев был чисто мужской работой, прополкой занимались женщины. Для начала жатвы назначался определенный день. Использовали для жатвы серп *мюгь* местной работы и покупные, а также маленькие косы (косовидный серп) *мирх*. Жали женщины, а мужчины связывали снопы.

Молотили зерно на специально подготовленных токах молотильными досками, которые обычно тащили быки, иногда – лошади. Хорошим считался урожай в том случае, если один выюк снопов давал 2 сабы пшеницы (приблизительно 1,5 пуда). Иногда выюк давал больше двух саб, а три сабы считались необыкновенно высоким урожаем (*Омаров А.*, 1870. С. 23).

Животноводство, как и земледелие, было одним из древнейших и важнейших занятий лакцев. Развитию его способствовало обилие прекрасных альпийских пастбищ, хотя тормозом являлось отсутствие зимних пастбищ и необходимость отгона скота на равнинные земли.

В XIX – начале XX в. у большей части населения имелся крупный рогатый скот, а также лошади, ослы, но крупный скот из-за недостатка кормовой базы держался исключительно для нужд семьи. Улучшением его породности почти не занимались. Современники отмечали невзрачность и малорослость местной породы при большой выносливости. Средняя удоимость местных коров зимой составляла всего лишь четыре–пять стаканов молока в день, летом – семь–восемь, иногда – десять. В 1889 г. в Казикумухском округе насчитывалось 21 604 головы крупного рогатого скота (*Казикумухский округ*, 1890).

За лето скот хорошо отъедался, так как горные травы и сено с альпийских пастбищ были превосходного качества, очень питательны и богаты белковыми веществами. Однако из-за нехватки сенокосных угодий – в 1911 г. в Лакии на одну голову скота приходилось всего 0,16 десятины сенокосов и пастбищ (ГАРД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 22) – заготовленного сена было недостаточно для зимнего прокорма, поэтому скот всю зиму кормился преимущественно соломой (мякиной).

Неблагоприятные условия содержания, недостаток кормов делали местный скот очень восприимчивым к заболеваниям, особенно таким тяжелым и заразным, как чума. В 1885 г. в округе чумой болело 2763 головы скота, а выздоровело всего 306 голов (*Казикумухский округ*, 1890).

Широкое развитие имело овцеводство, которым население занималось издревле. На это указывает то, что общее количество названий овец доходит до 40. Они даются в зависимости от цвета, возраста и других характерных признаков овец. В конце XIX в. возрастает товарность овцеводства и оно приобретает крупный размах. Отдельные владельцы скота сосредоточивают в своих хозяйствах по нескольку тысяч овец. В конце XIX в. К.Ф. Ган сообщал о жителях нынешнего Кулинского р-на: “Казикумухцы этого района все довольно состоятельны; они занимаются хлебопашеством и скотоводством. У многих есть от 3000–4000 штук овец и до ста и более лошадей; шерсть на месте перерабатывается на ковры, сукна, бурки и т.д. или же продается с выгодой, по 9 руб. за пуд” (*Ган*, 1902. С. 76).

Развитие овцеводства было связано с возросшими потребностями рынка в конце XIX – начале XX в. Из года в год увеличивалось количество поставляемой на общероссийский рынок животноводческой продукции. Рост этот происходил в основном за счет овцеводства. Так, в 1902 г. Казикумухский округ вывозил на внешний рынок около 6 тыс. овец и 880 пудов шерсти, а в 1904 г. – 17 575 овец и 9105 пудов шерсти. Мясо вывозилось главным образом в промышленные районы Закавказья и Северного Кавказа, а шерсть в текстильные центры: в Москву и Иваново-Вознесенск (*Османов Г.Г.*, 1965. С. 71). На месте овечьей шерсти шла на изготовление сукон.

Овцеводство имело отгонный характер, владельцы большого числа овец перегоняли их на плоскость; часть овец зимовала в горах на специальных хуторах, довольствуясь порослью на солнечных склонах и стерне. Достаточно часто случались падежи скота. Так, по данным 1888 г., в округе от общего количества 182 тыс. голов овец от бескормицы пало 80 тыс.; причем одно только

сел. Чукна потеряло 30 тыс. голов (Казикумухский округ, 1890). Тем не менее овцы были здесь самым доходным видом скота.

В традициях, связанных с уходом за скотом, содержанием его, использованием в хозяйстве, у лакцев имелось много общего с другими народами Дагестана.

Наиболее распространенные кустарные промыслы были связаны с обработкой металла. Изделия лакцев – ювелиров, медников, оружейников – пользовались спросом у всех народов Дагестана. Большой прочностью и изяществом отличались клинки лакских мастеров Чаргада (XVII–XVIII вв.), Абдуллы Акиева (XVIII в.), Гузуновых (XVII – начало XX в.) и др.

Располагая самым примитивным инструментарием, наибольшего мастерства лакцы достигли в обработке драгоценных металлов. Они изготавливали из золота и серебра всевозможные украшения для женщин: кольца, серьги, пояса, ожерелья, браслеты, головные и нагрудные украшения и т.д. Лучшими считались мастера-ювелиры селений Кумух, Табахлу, Кара, Кунди, Унчукатль. На Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Петербурге в 1902 г. один житель Кумуха получил большую серебряную медаль за художественность и высокое техническое совершенство ювелирных изделий. Малыми серебряными медалями были награждены два жителя Кумуха: один за золотую насечку по стали, за красоту рисунков насечки и чистоту работы, другой – за красоту и хорошие технические качества изделий. На этой же выставке житель сел. Щара Казикумухского округа получил малую серебряную медаль за “очень хорошие медные изделия” (Обзор Дагестанской области... 1904. С. 70). Изделия лакских мастеров славились на Кавказе и за его пределами: в центральной части России, Средней Азии, Турции, Иране и других странах, где по многу лет жили и работали отходники. Известен случай, когда братья-ювелиры из Кумуха, поехавшие со своими изделиями в Абиссинию, стали там министрами при дворе правителя-негуса.

Повсеместно в Дагестане пользовались спросом гончарная посуда и утварь, производимые мастерицами лакского сел. Балхар. По официальным данным, в начале XX в. балхарские кустари производили ежегодно до 6000 штук гончарных изделий. Балхарская посуда отличалась чрезвычайной тонкостью стенок и по технике считалась наилучшей на Кавказе.

Домашними промыслами в основном занимались женщины. Изготовление сукон, производство паласов, вышивание золотой и серебряной канителью по сукну, шелку, коже, изготовление волокна также были женским занятием.

Обработка шерсти и производство изделий из нее требовали долгого и кропотливого труда. Производились прекрасные тонкие сукна, отличавшиеся большой прочностью, которые шли на шитье черкесок и женской одежды, и более грубые, употреблявшиеся для изготовления повседневной одежды. Сукно ткалось из овечьей шерсти естественного цвета, а для изготовления паласов шерстяные нити красили, используя местные растительные красители собственного производства.

В XIX в. получает развитие золотошвейное дело. Вышивкой украшаются женские головные уборы, одежда, конская сбруя, кисеты для табака, переметные сумки, футляры для Корана, накидки на сундуки и т.п. Известными мастерицами-вышивальщицами в конце XIX – начале XX в. были женщины из семьи Акиевых, Муслимат Мусалаева, Ата-бава, Тамари Муркелинская – все из Кумуха.

Материальная культура. В материальной и духовной культуре лакцев и других дагестанских народов много общего. Для своих поселений лакцы традиционно выбирали места, непригодные для использования в качестве сельскохозяйственных угодий (выход скалы, острый гребень горы). Большое значение они придавали близости земельных угодий: каждое селение имело невдалеке более или менее ровный участок пашни, а также места для выпаса скота.

Рис. 150. Селение Бурши

Не менее важным фактором, определявшим характер заселения, была близость воды. Однако для того чтобы поить скот зимой, а также пользоваться водой при земляных и иных работах, традиционно создавали искусственные водоемы, где скапливалась дождевая и талая вода. Эти водоемы составляют характерную черту лакского поселения.

Селения, как и дома в них, ориентировались обычно на юг и юго-восток для возможно полного использования солнечного тепла. Немаловажным фактором, определявшим характер заселения, был оборонный. Форма и планировка лакских поселений тесно связаны с топографическими особенностями местности. Общественными центрами селения являлись мечеть и годекан.

По преданиям, многие аулы образовались из небольших тухумных поселений, объединившихся в одно селение. Часто названия этих отдельных тухумных поселений сохраняются в названиях кварталов больших селений. Так, по преданию, сел. Кумух образовалось в очень давнее время путем объединения сел на месте обширного кладбища, на котором хоронили покойников из окружающих селений. Лакцы собирались здесь на большое вече – *кьун макхь*, от которого и произошло название “Кумух” (Г-м-к в арабской транскрипции). Время возникновения Кумуха определить трудно, но уже в IX–X вв. арабские авторы говорят о нем как о крупном населенном пункте. В названиях трех из семи кумухских кварталов, по-видимому, сохранились наименования тех поселений, из которых образовался Кумух: Чилейми, Цувади, Чураци (*Булатова*, 2000. С. 170).

Процесс образования в Дагестане крупных территориально-тухумных поселений исследователи относят главным образом к XI–XIV вв. (*Гаджиева, Османов, Пашаева*, 1967; *Агаширинова*, 1978). Каждый квартал вначале представлял местожительство одного тухума. Образование территориально-тухумных поселений было вызвано к жизни разложением патриархально-родовых отношений, необходимостью повышения обороноспособности.

Значительная стабилизация политического положения, развитие производительных сил, рост народонаселения и необходимость освоения новых земель обусловили возникновение отселков, в которых господствовал соседский принцип расселения. Наиболее ранним является образование отселков с сельскохозяйственно-скотоводческим направлением хозяйства. Например, таким отселком от сел. Табахлу было сел. Убра. Большинство же отселков возникло как результат развития скотоводства, в частности овцеводства (селения Бярних, Ула-Урта, Чаккал-мащи, Тукатул, Тукра и др.).

Основателями ряда селений-хуторов считают лиц, изгнанных в результате кровной мести из родного аула (селения Шовкра, Мукар). Если судить по преданиям, были хутора, образованные в целях обороны: сторожевые посты, охранявшие Лакию от внезапных вторжений, со временем разрослись в большие селения (Куба, Турчи, Кара и др.).

В годы советской власти происходит разрастание поселений в сторону пологого склона или подошвы горы, на крутом склоне которой они раньше располагались. Начался этот процесс со строительства школ и советских учреждений на более ровном, удобном месте. Затем постепенно там же сооружались жилые дома. Таким образом во многих старых селениях появились новые кварталы, застроенные зданиями школ, больниц, домов культуры, кинотеатров, различных учреждений, магазинов, столовых, жилыми домами (Кумух, Вачи, Кули, Унчукатль). Эти новые кварталы с широкими прямыми улицами, с зелеными насаждениями представляют резкий контраст со старой частью селений. Изменился общий внешний облик селений. Ныне даже в самом отдаленном лак-

Рис. 151. Селение Цовкра-I

ском селении большинство домов имеет шиферные и железные крыши, большие окна, просторные застекленные веранды.

Самым ранним типом жилища лакцев являлся одноэтажный однокомнатный дом, врезанный в склон горы. Для XIX в. характерными были двух- или трехэтажные многокомнатные жилища, но основная жизнь семьи проходила обычно в одной комнате, где разводили огонь и готовили еду. Для выпечки хлеба и приготовления пищи использовалась глинобитная печь *klara* в форме усеченного конуса. В зимнее время в углубление перед топкой выгребали из нее часть горячих углей, и семья садилась вокруг него и грелась.

Особенность традиционного лакского жилища, не встречающаяся нигде более в Дагестане и на Кавказе, – обогреваемая глинобитная лежанка, в основании которой каменными плитами был выложен дымоходный канал, начинавшийся от печки *kara*, вмозанной в лежанку с ее передней стороны; он был устроен таким образом, чтобы теплый дым равномерно обогревал всю лежанку. Эта весьма экономичная для горского жилища система обогрева напоминает китайский *кан*, корейский *ондоль*. Остатки ее обнаружены археологами в жилищах верхнегунбского поселения эпохи бронзы и на Сигитлинском городище, датируемых серединой I тыс. до н.э. (Котович, 1965. С. 56–57; Бредэ, 1956; Канивец, 1956).

Мебели в традиционном лакском жилище не было. Постельные принадлежности укладывали в глубокие ниши в стенах. Нарядная одежда членов семьи, украшения, приданое хозяйки и дочери хранили в покупных сундуках.

Для посуды и мелких предметов обихода на стенах хозяйственной комнаты под потолком конструировались узкие полки *чламу*, для крупной керамической посуды и тяжелой медной утвари использовались широкие глинобитные полки *ляргьунтив*. Обязательным элементом интерьера хозяйственной комнаты были деревянные лари *су* для зерна и муки и балхарские или сулевкентские глиняные сосуды большого размера того же назначения; в них мог-

Рис. 152. Улица в селении Куба

ли хранить и молочные продукты (сывороточный уксус, сыр в рассоле и т.п.). В каждом доме обязательно имелась комната, обставленная лучше других, в которой обычно принимали гостей. Полы ее застилались коврами и паласами, стены завешивались плотными тканями. В конце XIX – начале XX в. в лакских селениях строятся красивые дома из обработанного камня с навесными балконами и галереями, украшенные фигурными столбами и резьбой по дереву и камню, в них появляются отдельные предметы мебели: кровать, стол, стулья.

В двухэтажном доме хозяйственные помещения – хлев, сеновал – находились на первом этаже, в трехэтажном доме первый этаж отводился под хлев, второй – под сеновал и третий – под жилье. В помещениях первого этажа использовалась арочная конструкция, ее применяли и при строительстве оконных проемов в хозяйственных помещениях и сооружении коробки ворот.

В последние десятилетия в лакских селениях благодаря привозному строительному материалу построено много новых домов усадьбного типа с вынесением хозяйственных построек за пределы жилого комплекса. Наблюдается строгая тенденция к уменьшению количества хозяйственных построек.

Значительно изменился интерьер лакского жилища: кровати, столы, стулья стали неперменной принадлежностью каждого дома. Кроме того, нередки и случаи приобретения мебельных гарнитуров, особенно молодыми семьями. Однако наряду с новыми предметами обстановки во многих домах можно встретить сундук, обитый жестью, на котором уложены редко употребляемые постельные принадлежности.

Прочное место в интерьере жилища в настоящее время заняла радиотехника, телевизор, в отдельных случаях и видеотехника.

Одежда лакцев шилась из местной выделки сукон и привозных хлопчатобумажных и шелковых тканей. Белья ни мужчины, ни женщины вплоть до

конца XIX – начала XX в. не знали. Нательной одеждой мужчин служила рубаха туникообразного покроя, сшитая из хлопчатобумажной ткани, с круглой окантовкой ворота, с прямым разрезом спереди, застегивавшаяся на одну пуговицу. Штаны шились из грубого местного сукна с неширокими штанинами. Поскольку белья не было, штаны имели бязевую или ситцевую подкладку. Они носились на вздержке: у более состоятельных в рубец на талии вдевался специальный тканый кушак, у бедных – грубый шерстяной шнур. Верхней одеждой мужчин были бешмет и черкеска северокавказского типа. Бешмет *ккуртту* – это распашная одежда длиной до колен и ниже, имевшая воротник-стойку и застежку встык на крючки от ворота до пояса. Нарядный *бешмет* по вороту и разрезу спереди украшался тесьмой. Для стариков “ккуртту” шился на ватной подкладке.

Черкеска *чухъа* носилась с газырями и ремненным поясом, украшенным серебряным набором. Черкеска и бешмет северокавказского типа являлись канонизированной формой одежды дагестанского горца во второй половине XIX в., прочно вошедшей в обиход в период Кавказской войны. Однако в более раннее время лакцы, как и другие горцы Дагестана, носили поверх рубахи или бешмета распашную одежду с открытой грудью без газырниц, застегивавшуюся на талии, и с откидными рукавами, похожую на одежду грузинских дворян, которая так же, как и более поздняя северокавказского типа черкеска, называлась “чухъа”. В начале XX в. в моду входит так называемая кавказская рубаха, на которую без бешмета надевают черкеску; она же как самостоятельный элемент костюма, как верхняя одежда носилась поверх штанов, подпоясанная ремненным поясом.

Рис. 154. Традиционное жилище в селении Хулиσμα

Рис. 155. Современный дом в селении Вихли

Рис. 156. Лакец в традиционном парадном костюме. Селение Сумбатль

Рис. 157. Лакец в традиционной шубе

Рис. 158. Лакец в традиционной шубе-накидке. Селение Куба

Рис. 159. Лачка в традиционном праздничном платье-рубаше с украшениями. Селение Цовкра-І

Рис. 160. Лачка в традиционном парадном костюме. Селение Сумбатль

Теплой одеждой служила шуба двух видов: приталенная, надеваемая в рукава рабочая шуба, и большая, длиной до пят, шуба-накидка с длинными ложными рукавами. Вместо плаща употреблялся (особенно часто пастухами) *къавалей* – распашная одежда из войлока туникообразного покроя с длинными рукавами. Обязательной принадлежностью всадника являлась бурка, самодельная или покупная андийская.

Головным убором мужчин была папаха, размеры и высота которой зависели от господствовавшей на Кавказе моды, однако повседневным головным убором большей части мужчин служила так называемая чабанская папаха, дожившая до наших дней.

На ногах лакские мужчины носили местного изготовления сафьяновые сапоги, мягкие чупяки до икр, поверх них надевали кожаные калоши. Дома и в мечети мужчины носили *пашмакъру* – обувь без задника на деревянной подошве. Рабочей обувью были чарыки *бурчул усру* из грубо выделанной кожи крупного рогатого скота. Изготовлением кожаной обуви занимались в селениях Шовкра, Говкра, Куркли, Куба. Обувь шовкринских мастеров пользовалась спросом во всем Дагестане. Зимой мужчины и женщины носили войлочные сапоги, подошва которых подшивалась шестью–семью слоями простеганного войлока. Женская войлочная обувь отличалась от мужской главным образом наличием на ней вышивки и украшений из кожи.

Женская одежда, по сравнению с мужской, была более оригинальной и разнообразной; в некоторых случаях она имела свои локальные варианты, чего нельзя сказать о мужской одежде. Повседневная одежда лачек состояла из ши-

Рис. 161. Лачки в традиционном костюме. Селение Куба

Рис. 162. Жители из селения Убра в традиционной одежде

Рис. 163. Лачка в традиционном головном уборе. Селение Вихли

Рис. 164. Ребенок в традиционном головном уборе. Селение Вихли

рокого и длинного туникообразного покроя платья-рубahi, которое в некоторых селениях носили подоткнутым на бедрах в штаны, и штанов с неширокими штанинами, которые, однако, в составе нарядного костюма отличались более значительной шириной. Эта одежда шилась из бязи, ситца или сатина: для девушек и молодых женщин – ярких расцветок, для пожилых – темных. В XIX в. редко кто из женщин, даже из зажиточных семей, имел больше одного платья. Нарядное платье повторяло покрой повседневного, но шилось из шелковых тканей, бархата, парчи ярких цветов. Оно украшалось разноцветными шелковыми лоскутами в форме трапеций и квадратов, которые нашивались на края подола и по вырезу ворота. К нему пришивали также серебряные пуговицы, бляхи, золотые и серебряные шнуры и галуны. У женщин из богатых семей подол, грудь, низ рукавов платья-рубahi и штанин украшались золотым шитьем. Во второй половине XIX в. в качестве нарядной одежды у лачек появляются

Рис. 165. Мать и дочери в традиционных шубах-накидках. Селение Цовкра-I

распашные платья покроя “бузма” с узким лифом, широкой юбкой и колоколо-видными или откидными рукавами, которые носили с нарядной рубахой. В начале XX в. вошли в употребление отрезные в талии платья со сборкой. Путешественники и исследователи в конце XIX столетия отмечали, что костюм женщин из знатных семей приближался к европейскому.

В одежде лакских женщин большое место занимали украшения из золота и серебра: пояса, кольца, серьги, а также налобные, нагрудные, украшающие низ подола и рукавов сочетания блях и цепочек. В украшениях использовались жемчуг, кораллы, драгоценные и полудрагоценные камни.

Теплой одеждой женщин были овчинные шубы: надеваемые в рукава *ряхлу* и короткая шуба-накидка с ложными рукавами *бартукъ*. Последняя сохранила свою популярность до наших дней в селениях современного Кулинского р-на. Помимо шуб местного изготовления, женщины из знатных и зажиточных семей носили привезенные из центральной части России нарядные бархатные шубы, подбитые дорогим хорьковым мехом.

Головной убор лачек состоял из наволосника *бакIбяхлу* в виде незашитого с двух противоположных сторон мешочка и всевозможных простых, шелковых, парчовых платков. Лачки некоторых селений (Вихли, Балхар и др.) вместо платков носили головное покрывало-полотнище *чинчлу*.

Обувью в древности для женщин служили поршни *хачалай*; в XIX – начале XX в. их носили на полевые работы, положив внутрь сухое сено. В конце XIX – начале XX столетия женщины носили на ногах туфли *пашмакъру* без задников и на высоких каблуках. Зеленого цвета *пашмакъру* в некоторых селениях лакцев были одним из атрибутов наряда невесты. Шили их на месте, но нарядные *пашмакъру* часто привозили из Азербайджана и Средней Азии. Под эту обувь невеста надевала мягкие сафьяновые чупяки из покупной кожи. Девушки носили и сапожки из желтого сафьяна на каблуках, сшитые лакскими сапожниками. В быту женщины всех возрастов носили калоши, у которых передняя часть шилась из мягкого сафьяна, а задник – из грубой кожи. Зимней обувью были войлочные сапоги.

В пище лакцев использовались главным образом мясо-молочные и мучные блюда. Подсобное значение в питании имели привозные фрукты и дикорастущие съедобные травы. Овощей в рационе лакцев имелось мало, это главным образом лук, чеснок, отчасти морковь и тыква, позже и картофель.

Одним из самых популярных блюд лакской кухни являлся хинкал – особым образом сформированные кусочки теста, сваренные в мясном бульоне и подаваемые с чесночной приправой. Формы и размеры хинкала были разнообразными. Важный компонент этого блюда – свежее или вяленое мясо.

Большое место в пище лакцев занимали пироги *буркив* со всевозможными начинками: творожной, мясной, солодовой, тыквенной, травяной. На начинку пирогов шли крапива, молодые листья лебеды, дикого лука, черемши, конского щавеля. Пироги пекли на железном листе, смазывая их по мере готовности. Эти же виды начинок, кроме солодовой и тыквенной, использовались и для пельменей. Редким, сезонным блюдом были пельмени с начинкой из молозива первых доек после отела коров. Роскошным блюдом считались пельмени с яичной начинкой.

Широкое распространение в повседневном быту имели каши из муки и круп. Наиболее древней можно считать кашу из толокна, как и вообще любые блюда из него: лингвистические и археологические данные свидетельствуют, что перерабатывание зерна в толокно предшествовало его размолу в муку.

В народной кулинарии лакцев супов было немного, а в некоторых селениях вплоть до начала XX в. их вообще не знали: мясным бульоном без заправки заправляли другую еду. Там, где готовили супы, они бывали с пшеничной крупой, горохом, чечевицей, рисом, позже – с фасолью на мясном бульоне.

Наибольший интерес представляют кушанья, использовавшиеся во время различных обрядовых действий. Непосредственно перед свадьбой в доме невесты, куда собиралась вся женская родня девушки, совершался обряд кройки платьев для неё и затем обряд *душ шабитан* – “посад” невесты. Участниц и того, и другого ритуалов угощали кисло-сладкой мучной кашей *бурсануйх курч*, приготовленной на соке кураги и заливаемой при употреблении сладким урбечем. Ею же кормили всех женщин, пришедших с поздравлениями в дом жениха на второй день после привода туда невесты. Свадебными и праздничными считались сладости: халва, орехи или конопляное семя в меду. Халва играла важную роль в различные моменты свадебной обрядности. Ночь перед началом свадьбы лакцы некоторых селений называли *бакъухрал хху* – ночь халвы. В этот вечер невесте приносили подарки от жениха и основным угощением для пришедших сюда была халва. Кроме того, халву, отправленную из дома невесты в первую ночь свадьбы, разрезали в доме жениха на третий день свадьбы, и все его родственники вместе с другими подарками от невесты получали и по куску этой халвы. Халва являлась обязательным и важным компонентом свадебного стола невесты. Ею угощали женщин, пришедших поздравить с первенцем-сыном, а также готовили при исполнении похоронных и поминальных обрядов.

Можно упомянуть еще об одном лакомстве, использовавшемся в прошлом только в один из моментов свадебного торжества – *клиянна*. Это было что-то вроде леденцов-тянучек в виде спирально закрученных палочек, которые получали в результате длительной варки меда до загустения с добавлением в него для аромата гвоздики, муската, корицы. Их готовила *аьрхлял-цар* – женщина, опекавшая невесту весь свадебный период, и наделяла ими пришедших за невестой из дома жениха. Эту же медовую массу, но большего размера, закрученную так, что получалось подобие птичьего силуэта (*ницлал къакъгну* – “медовая

куропатка”) посылали из дома невесты жениху, если в промежуток времени между обручением и свадьбой вклинивался праздник весны.

На свадебный стол невесты, во время праздников, а также для путника, отправлявшегося в дальнюю дорогу, выпекали из сдобного теста лакомство, называвшееся “военным хинкалом” (*аьрен гъавккури*) и пельмени с начинкой из ореха и изюма (*гъив-хул-тлутл ххунклу*); и то и другое жарили в масле.

Из сдобного же теста к празднику весны лакцы выпекали особые хлебцы в форме человека, животных, птиц, которые в другое время не готовились. Они назывались *барта*, *абарта*, лицевая часть их украшалась ядрами грецких орехов, изюмом, курагой, финиками, которыми обозначались отдельные элементы лица и туловища или животного. Хлебца “барта” были столь обязательной принадлежностью праздника весны, что в народе ночь весеннего равноденствия называлась *бартрал хху* (“ночь барта”). В день праздника весны обычно проводили обряд преломления “барта”: дети с этим хлебом шли в дом родственников; старший в доме, взяв “барта” у ребенка, разламывал его пополам и возвращал вместе с каким-нибудь небольшим подарком (носовой платок, лакомство, сухофрукты и т.д.).

Обязательным блюдом праздника весны была каша *къурункъуса* из пшеничной крупы, крупно молотой на ручных жерновах, в которую при варке клали вяленые языки или куски сушеного мяса. Это блюдо подавалось с кислым молоком, приправленным чесноком. Его называли еще *къатта тату* (способствующий загустению в доме), т.е., готовя его на этот праздник, надеялись, что в доме целый год будет достаток.

Традиционный напиток лакцев – буза *дукъра гъан*, которая до появления чая употреблялась повсеместно и весьма интенсивно. Это был слабохмельной напиток с несложной технологией производства, получаемый способом самоброжения мучной массы без добавления инородных катализаторов, в меру тонирующий и питательный. Молодая буза – слабокислая и пенистая, ее любили женщины.

На свадьбах и в других торжественных случаях шел в употребление и другой напиток – медовая брага *мачча*, имевшая сладковатый вкус и значительную крепость.

В качестве ароматных напитков, а также с лекарственной целью употреблялись настои мяты, тмина, чабреца, шиповника, отвары сушеных абрикосов, барбариса.

Семья и семейная обрядность. Основной формой семьи у лакцев в XIX в., судя по письменным источникам и полевому материалу, была малая семья, состоявшая из брачной пары с детьми и родителями мужа. Членами такой семьи могли быть незамужние и неженатые сестры и братья мужа.

Сыновей в семье обычно отделяли по мере их женитьбы; для них выделяли отдельные комнаты в том же доме, если только имелась возможность для этого. Во многих случаях старались приобрести для отделившегося члена семьи дом поблизости или земельный участок по соседству для постройки жилища. При отделении сыновей в отцовском доме оставался младший сын, который до конца жизни содержал родителей.

Однако есть свидетельства о бытовании у лакцев в XIX – начале XX в. и неразделившихся семей, состоявших из родителей, детей, внуков, правнуков и насчитывавших 20–25 и более членов. Такой тип больших семей в кавказоведении называется “отцовская большая семья”: главой ее был отец, который распоряжался всем имуществом семьи, распределял средства по различным статьям, руководил деятельностью взрослых членов семьи, особенно мужчин. Он имел право наказыв-

вать и поощрять отдельных членов семьи. Над женской половиной дома властвовала мать. После смерти отца вся полнота власти переходила к матери, а после ее смерти всеми делами семьи ведали старший сын и его жена.

Такая семья проживала в одном доме, иногда по размеру не рассчитанном на значительное количество членов семьи. Если в доме было несколько комнат, то в отапливаемой комнате спали старики. Иногда с ними оставались внуки и правнуки, за исключением самых маленьких. Супружеские же пары вместе с грудными детьми удалялись на ночь в неотапливаемые помещения. Но так как зимой мужчины чаще всего бывали в отходе, а дома оставались старики и женщины, то зимой все спали в одной теплой комнате.

Питалась такая семья из одного котла. Традиционные лакские семьи были среднететными. Рождаемость в прошлом не ограничивалась, но из-за болезней, суровых условий быта, низкого жизненного и культурного уровня выживали немногие из родившихся детей, так что средняя детность составляла два–четыре ребенка на семью. Традиции среднететности, хотя и на другой основе, сохраняются и в современной лакской семье.

Наиболее распространенная форма брака у лакцев – брак сватовством, но еще в XIX – начале XX в. сохранялись в пережиточном виде, хотя и практиковались очень редко, и такие древнейшие формы заключения брака, как похищение, похищение прикосновением, брак “убегом”, левиратные и сороратные браки. Браки между родственниками были предпочтительны, но не обязательны; большую роль играли сословные предпочтения и ограничения. Браки в прошлом заключались преимущественно по выбору и желанию родителей, прежде всего отца; молодые же люди, особенно девушки, не имели права голоса в этом вопросе.

С установлением советской власти основой брака стали равенство, добровольность, взаимное уважение вступающих в брак; авторитарные порядки в семье уступили место демократическим. В настоящее время главный стимул для вступления в брак – личное чувство, хотя встречаются браки и по стереотипу поведения (“потому что все так делают”), и по расчету.

С мотивацией брака связан идеал будущего супруга. Определяющими факторами, по которым выбирают сейчас брачного партнера, являются его личные, моральные качества. Однако и в старину, и ныне трудолюбие, хозяйственность принадлежат к обязательным качествам идеального супруга.

У лакцев, как и у других народов Дагестана, свадьба представляет собой длительный и сложный процесс. Свадебные обряды при общем сценарии имели в разных селениях свои варианты. Собственно свадьбе предшествовали ритуалы, связанные с выбором девушки-невесты, ее сватовством и обручением. Непосредственно перед свадьбой невеста подвергалась недельному затворничеству, во время которого она постоянно находилась в обществе подруг, развлекавших ее и шивших для нее свадебную одежду. Затем она переходила в дом *аврхлал шар* – женщины из числа родственниц, избранной родителями невесты на весь свадебный период, чтобы опекать ее. За несколько дней до свадьбы в другой дом – к своему опекуну – переходил и жених. Из этих домов жених и невеста осуществляли ритуальное посещение своих родственников по их приглашению, которые обставляли эти приемы со всевозможной пышностью. Хозяйева старались не только хорошо угостить молодых людей с их свитой, но и организовать для них развлечения: приглашались музыканты, певцы, здесь молодежь проводила время в танцах, играх, рассказывании забавных историй.

До начала свадьбы проводился обряд религиозного оформления брака – *магьар*. На заключение магьяра требовалось согласие жениха и невесты, выраженное при двух поверенных, а также согласие родителей или ближайших род-

ственников при их отсутствии. Магьар предусматривал обеспечение жены на случай смерти мужа или развода некоторым количеством денег.

В день перехода невесты в дом жениха или в предшествующий этому вечер несколько женщин от нее шли в дом юноши и совершали там обряд занавешивания угла комнаты, предназначенной для молодых; здесь должна была находиться их брачная постель. В это же время несли туда часть приданого невесты, чтобы обставить им комнату молодых. В вечер, предшествующий проводам невесты в дом жениха, у невесты устраивались танцы с приглашением сельской молодежи. После танцев, на которых присутствовала и невеста с подругами, незамужняя и неженатая молодежь оставалась на всю ночь здесь же и проводила время в играх и развлечениях. В некоторых селениях эти сборы назывались *бей-бутулухун батлин* – “собраться за альчиками (бабками). В комнате молодежи располагались у двух противоположных стен: отдельно девушки и юноши. Каждый присутствовавший бросал альчик в порядке очереди, и тот, чей альчик попадал в штрафное положение, должен был выполнить пожелания присутствовавших: спеть, станцевать, рассказать что-нибудь смешное, назвать имя нравящегося юноши (девушки), подражать повадкам какого-нибудь животного и т.п. Невыполнение наложенного штрафа влекло изгнание с вечеринки. Игра, продолжавшаяся всю ночь, прерывалась угощением и танцами.

В день свадьбы, которая начиналась одновременно в домах жениха и невесты, во второй половине дня от жениха посылали делегацию за невестой. В некоторых селениях послов к невесте с приглашением трогаться в путь отправляли несколько раз. Они пели у ее дома песни, содержащие ей похвалу, приглашали ее к выходу. Свадебный кортеж невесты составляли мужчины и женщины, посланные за ней от жениха, ее подруги, опекунша, а также многочисленные родственницы и родственники и просто зрители. Сопровождавшие невесту женщины несли факелы, светильники или горящую лампу, если даже процессия двигалась в светлое время дня, а также сундуки или узлы с приготовленной едой, разнообразными печениями, которыми в первую брачную ночь должны были угощаться жених, его друзья и опекун, провожавшие его к невесте, а на следующее утро украшали стол в комнате новобрачных.

Выходя из родительского дома, невеста брала с собой два хлебца, один из которых она бросала за воротами своего дома, другой – во дворе жениха, как только входила в него. Это символизировало желание невесты жить отныне в достатке в доме мужа, не нуждаясь в родительской помощи. При выходе из родительского дома и входе в дом жениха перед свадебной процессией невесты жгли костры; они могли также разжигаться многократно по пути следования свадебного поезда. Молодежь села преграждала путь свадебному поезду, от них *аврхлял цар* откупалась хлебом и халвой. Перед домом жениха расстлали ковер, по которому молодая входила в дом. Ковер этот поступал в ее собственность, как и скотина, которая выводилась ей навстречу и которой тут же отрезали кончик уха.

У ворот невесту встречала будущая свекровь со словами “Да принесешь ты к нам благополучие, счастье и богатство, да не умрешь ты, пока не увидишь у своих колен своих правнуков” и давала ей ложку меда и специально приготовленной сладкой воды из кувшинчика, после чего заставляла поглядеть в зеркало. Все это, по представлениям лакцев, должно было обеспечить молодой в доме мужа сладкую и светлую жизнь.

Элементом встречи лакской невесты был и особый коллективный древнейший танец *гиргичу*, который исполнялся ближайшей родней жениха под особую мелодию, отличную от мелодий общераспространенной лезгинки. Это был та-

нец сбывшегося желания, исполнением его родня выражала свою радость по поводу того, что избранница семьи находится уже у порога их дома.

Входящую в дом жениха невесту осыпали сладостями и зерном. Введя ее в предназначенное молодым помещение, сажали за занавеску на подушки. Опекунша стелила брачную постель и перекатывала по ней маленького мальчика с пожеланием иметь только сыновей.

На следующий день в доме молодого продолжалось веселье, к молодой приходили женщины с поздравлениями, а родственники мужа одаривали ее деньгами или украшениями. И сама молодая тоже их одаривала в соответствии с полученными подарками.

В один из последующих дней происходил обряд приобщения молодой к труду: подруги и родственницы вели ее за водой к источнику. Сопровождавшая их аьрхЯл шар раздавала встречным куски хлеба с халвой.

Через несколько дней после окончания свадьбы или по прошествии нескольких месяцев молодых приглашали к себе родители новобрачной и после угощения богато одаривали их подарками.

Особо следует отметить зрелищно-развлекательную часть свадебного церемониала у лакцев, которая выражалась главным образом в действиях ряженных. Ряженный, шут был непременно участником свадебного торжества всех народов Дагестана. Свои функции ряженные выполняли обычно в день перевода невесты в дом жениха. Костюм ряженого состоял чаще всего из овчинной шубы, вывернутой мехом наружу и маски из овчины и войлока с приданными к ней матерчатymi рогами, усами и бородой из овчины. Такие ряженные, выходя навстречу процессии с невестой, начинали кувыряться, устраивали между собой потасовки, толкотню среди публики, могли разыграть небольшие бытовые сценки. Была и другая категория ряженных – *аьрав* и *къазахъ*, которые в некоторых лакских селениях участвовали во встрече почетных гостей из других населенных пунктов. *Къазахъ* – девушки, переодетые в мужские костюмы, несли подносы с подарками от гостей; *аьрав* – вымазанные сажей молодые люди – сопровождали их и старались схватить что-то с подноса. Между ними завязывалась шуточная борьба.

Общественный быт. Множество игр и развлечений лакцев были связаны с праздниками, среди которых наибольшей популярностью пользовались: *инт дейдиху* (начало весны), *хъурдаккаву* (праздник первой борозды), *гъи дейдиху* (начало лета) (Булатова, 1971. С. 68–173; 1988). Праздник начала весны, он же – праздник встречи нового календарного года, был самым светлым и любимым у лакцев. Он отмечался в дни весеннего равноденствия (21–22 марта) и сопровождался целым рядом ритуальных и развлекательных действий. Особенно деятельно готовились к нему дети: найдя глину особо хорошего качества, они лепили из нее множество глиняных шариков – *млурци* (*млурби*), в которые с двух сторон втыкались стебельки бурьяна, и засушивали. В ночь праздника ветки бурьяна поджигались и шарики с помощью специальной вязаной пращи метались с возвышенного места в сторону селения. Разжигались костры и огни, и все лакцы, вплоть до больных и стариков, стремились перепрыгнуть через огонь, надеясь, что это принесет им избавление от болезней, невзгод и неприятностей провожаемого старого года. Обращаясь к огню костров, лакцы произносили пожелания богатого урожая зерна и трав, плодородия скота. Уголькам этих костров придавался магический смысл оберегов, а также средства, обеспечивающего плодородие; их разбирали жители и бросали под хлебный ларь, где они лежали до следующей весны. К празднику готовили специальные блюда и особые хлебцы.

В ритуал праздника входили обрядовые гадания девушек. В три праздничные ночи принято было класть под подушку корень травы дурмана, имевший форму

человеческой фигуры, ядро грецкого ореха, каталку и лопаточку, используемые при изготовлении изделий из теста и т.д., что должно было навеять вещей сон гадавшей, по которому она определяла ожидавшие ее в этом году события. Кроме того, девушки гадали, подслушивая разговоры соседей, и по первой услышанной фразе узнавали свою судьбу на весь год: “сиди на месте” означало, что в наступающем году девушка замуж не выйдет, “поезжай”, “иди” – наоборот.

Праздник первой борозды, который отмечался в зависимости от погоды в середине, 20-х числах или в конце марта, символизировал начало хозяйственного года, как бы открывая пашню для весеннего сева. До совершения обряда первого выхода плуга никто не имел права начинать весеннюю пахоту. Считалось, что урожай хлебов, обилие влаги для полей зависит от удачливости пахаря, прошедшего первую борозду. Поэтому первым пахарем старались выбрать человека, известного “легкостью руки”. Пахарь, одетый в овчинную шубу мехом наружу, с запряжкой быков, тащивших плуг, выходил в сопровождении сельчан на близлежащий полевой участок и под градом комьев глины и снега, которым осыпали его мальчишки, проводил несколько борозд. После этого следовало коллективное угощение сельчан мясом, хлебом и бузой на средства, собранные со всего села складчину. Праздник повсеместно сопровождался соревнованиями в скачках лошадей, беге юношей, девушек и детей. Лошадь, занявшую первое место в скачках, девушки обвешивали шелковыми платками. Все присутствовавшие на скачках награждали победителя определенным количеством зерна (до одного пуда). Хозяин победившей лошади устраивал угощение сельчан осенью, после жатвы. День первой борозды был древнейшим земледельческим праздником лакцев и других народов Дагестана и имел аналогии у целого ряда народов земного шара.

Начало лета лакцы отмечали подъемом на горные вершины, жертвоприношениями там и молениями. Лакцы Кумуха и близлежащих селений ранним утром 22 июня поднимались на священную гору Вацилу, и при появлении из-за дальней горной гряды первого солнечного луча все прибывшие сюда произносили свои заклинания о здоровье членов семьи, о благополучии в семье и хозяйстве, о ниспослании урожая, о сохранении полей от градобития и засухи, об умножении стада; девушки высказывали пожелания о скором замужестве. В момент полного появления солнечного диска начиналась церемония *сана* между двумя отрогами горы Вацилу. Она состояла в том, что собравшиеся, двигаясь вприпрыжку, описывали круги между двумя отрогами горы. Затем принято было проходить через узкий каменный лаз на одном из склонов Вацилу. После этих ритуалов собравшиеся ели принесенные с собой кушанья, танцевали и веселились целый день.

Органы сельского самоуправления составляли сход, совет старейшин *хъунисса*, или *марцл арамтал* (досл. “честные мужчины”), кадий, глашатай, *мангъуш*, *чауш*, *мюхчи*, исполнитель *ялурзу*. На сельских сходах решались вопросы, касавшиеся всего селения: ремонт старых и строительство новых дорог, общественных сооружений (мечети, мосты, оборонительные сооружения), водных источников и т.п., использование и ежегодное перераспределение сенокосов и пастбищ, сдача и взятие в аренду сельской общиной пастбищных угодий, начало весенних полевых работ и регламентация их последовательности и сроков. Здесь же выбирались должностные лица сельской администрации и назначались кадий и муллы.

Судебная власть возлагалась на старейшин, которых избирали из одних и тех же влиятельных фамилий. Количество их зависело от величины селения. Они разбирали такие дела, как ссоры, драки без ранений, жалобы на потравы полей, назначали пастухов для сельского стада, определяли места для весеннего выгона и летнего выпаса, назначали штрафы за потраву летнего пастбища, за кошение травы определенными лицами до особого распоряжения старейшин.

До 1868 г., когда было издано “Положение о сельских управлениях Дагестана”, в сходе участвовали все взрослые мужчины, а после утверждения “Положения” – один от дыма. Во главе сельского общества встал теперь старейшина *юзбаши* как официальный представитель власти. Избранный на сельском сходе, он утверждался в своей должности начальником Казикумухского округа. Старейшины сохраняли при нем только судебную власть.

В общественном быту лакцев большое значение имели кровнородственные связи. Широкий круг лиц, объединенных родством по отцовской линии, называется тухумом. У лакцев для обозначения тухума существуют еще названия *сакла*, *агьлу*, *лякьин*. Самая близкая степень родства внутри тухума обозначается терминами *уссур-ссу* (“братья-сестры”), *мачча-гъанмий* (“родные – близкие”); дальнейшее родство обозначается словосочетанием *къанкъ диесса* (досл. “до которых доходит запах родства”) и самая дальняя, едва уловимая степень родства – *къункьал къанкъ* (“запах запаха”). Каждый тухум имел определенное название по имени какого-нибудь известного предка или основоположника тухума. Часто название тухума указывало место, откуда вышли основатели тухума, или место, где в течение определенного времени бывал кто-либо из членов данного тухума. Например, в Казикумухе были известные тухумы: Овгъаннахъул (афганцы), Нугъайхъул (ногайцы), Гъабишнахъул (абиссинцы), Аьмизгнхъул (амузгинцы) и др. Иногда тухумы получали наименования по случайному признаку, свойствам или действиям одного из основателей тухума. Так, известны тухумы Къалияхъул (къалия – растопленный курдюк), Укъаччухъул (ненадеющиеся), Таркнакхъул (досл. *тарк* – кость, *накъ* – суп).

В XIX в. тухумные связи, поддержка тухумом в ряде случаев играли значительную роль; многочисленный и сильный своей сплоченностью тухум был хорошей защитой для его члена, для твердого его положения в обществе. Круг родственников, входящих в понятие *уссур-ссу*, в науке обозначается термином “патронимия” – это братья и сестры, родные, двоюродные, троюродные и даже до пятого колена включительно. Это близкие родственники – выходцы из одной семьи, родство которых между собой четко обозначено. Для названия этой группы родственников употребляется еще выражение *ца къатлул инсантал* – “люди одного дома”. Представители отдельных семей патронимии принимали самое активное участие во всех радостных и печальных событиях, касавшихся патронимии, в значительно большей степени, чем члены тухума.

В общественном быту лакцев большую роль играли различные формы взаимной помощи *марца*, *кумаг*: при строительстве дома, сельскохозяйственных работах, главным образом, при сенокосении и жатве, во время свадеб, похорон, в очистке и обработке шерсти, валянии войлока, изготовлении паласов и т.п. Завершалась *марца* коллективным угощением, организованным хозяином работ, и весельем. Наиболее многолюдной бывала взаимопомощь при работах, связанных с сельским хозяйством.

Одним из древних обычаев лакцев был обычай гостеприимства. Приезжему гостю предоставляли ночлег в лучшей комнате жилища, кормили его сытно и вкусно, выполняли все его желания, помогали ему по возможности быстрее решить дела, которые привели его в это селение. Гостя, кроме того, старались развлечь, при уходе его чем-нибудь одаривали. Между гостем и хозяином устанавливались в дальнейшем близкие отношения, они помогали друг другу в различных работах, наряду с родственниками несли расходы во время разных событий в семье (свадьба, похороны и др.). Исследователи выделяют две категории приезжих гостей: *хъамаличу* и *эйличу*. Хъамаличу – это гость, который в данное село приезжал не в первый раз и имел здесь кунака (или кунаков). Он мог останавливать-

ся в очередной свой приезд только у своего кунака, если не хотел его обидеть. Эйличу – это приезжий, у которого в селе нет ни родственников, ни кунаков. Его определяли на постой сельские власти в порядке очередности (Лугуев, 1980. С. 68) или брал к себе на ночлег кто-то из сельчан добровольно. Впоследствии между ними чаще всего устанавливались отношения куначества.

Обычай кровной мести, сохранявшийся у лакцев еще в XIX – начале XX в., корнями своими уходит к периоду родового строя; в основе его “лежал принцип нанесения равного ущерба, возмездия за потерю производящей единицы, за ослабление коллектива” (Там же. С. 76). Поводом к началу кровной мести служило убийство человека, оскорбление действием или словом женщины: ее похищение, прямое или прикосновением, и т.п. Объектами кровной мести были только совершеннолетние мужчины, ими не могли быть старики, женщины и дети. В лакских адатах предусматривалась развитая система композиций за кровь. В ограничении кровной мести вплоть до полного ее запрета, в замене кровомщения выкупом регулирующую роль играла сильная власть хана в Лакии.

Духовная культура. До принятия ислама лакцы поклонялись различным явлениям и силам природы. Еще в конце XIX – начале XX в. у них сохранялись пережитки культа огня, земли, камня, железа, вера в существование домового и духа хлебных закромов, разнообразные магические обряды, реликты шаманства, ритуалы, связанные с культом святых. Дождя в засуху, удачи в своих делах, больные – здоровья, бездетные – детей просили на могилах святых Вали-Абдуллаха, Гази-Мандала, Гази-Каландара. Известны рассказы о чудесах, связанных с именами Джамалудина Казикумухского – наставника Шамиля, Гаджимуса-Гаджи из сел. Кукни (Булатов, 1990. С. 225–227, 233–246).

Значительного развития достигла у лакцев народная медицина. В ней широко использовались целебные свойства различных трав (подорожник, тысячелистник, зверобой и др.), пчелиного меда, шкуры свежезабитого скота, копченого курдюка и т.д., а также лечебное питание. Универсальным средством при болезнях полости рта и носоглотки являлось лекарство, в состав которого входило 14 компонентов (кора барбариса, трава полыни таврической, гвоздика и т.д.). Рецепт его изготовления был достоянием нескольких семей в Кумухе. По рассказам, это лекарство в короткий срок излечивало ангину, дифтерию и даже проказу. Определенное влияние на народную медицину лакцев оказала медицина стран Востока. С народной медициной, рациональные методы которой вырабатывались на протяжении многих веков эмпирическим путем, сосуществовало знахарство, основанное на всевозможных магических приемах.

Мысли, чувства, чаяния лакского народа отразились в многочисленных произведениях фольклора: эпических поэмах, лирических песнях, сказках, легендах, пословицах, притчах. Лучшие традиции устного народного творчества нашли свое дальнейшее развитие в произведениях передовых поэтов XIX в.: Махаммада Гаджиева, Малла-Магомеда Махмудова, Патимат Кумухской, Махмуда Курклинского, Щазы Курклинской, Гасана Гузунова и др. К началу XX в. относится деятельность революционных поэтов и публицистов Саида Габиева, Гаруна Саидова, прогрессивных деятелей Курди Закуева, Али Каяева.

За последние полвека у лакцев появилась многочисленная интеллигенция: поэты, писатели, композиторы, известные всей стране специалисты разных отраслей народного хозяйства, культуры, науки. Среди них много ученых – докторов и кандидатов наук, в том числе и женщин. Во многих странах мира известны имена композиторов-лакцев Мурада Кажлаева, Ширвани Чалаева. Лакцем является и первый космонавт из числа кавказских народов Муса Манаров.

Коренные изменения произошли в экономике, быту и культуре, особенно в материальной культуре лакцев: изменилась планировка сельского жилища, увеличилось количество комнат, преобразовалось их внутреннее убранство; национальная одежда почти полностью вытеснена одеждой общеевропейского городского типа. Только отдельные элементы традиционного костюма сохраняются еще в сельской местности в costume лиц пожилого возраста.

Исчезли некоторые изжившие себя обычаи и обряды традиционного семейного и общественного быта. В современной свадьбе, хотя и в видоизмененном и упрощенном виде, сохраняются и органично взаимодействуют с инновациями те из традиционных ее ритуалов, которые не противоречат нравственным и эстетическим представлениям современного человека. С сожалением можно отметить, что многие традиционные развлечения, праздники, как и некоторые произведения фольклора лакцев, ушли в прошлое и неизвестны не только молодому поколению, но и людям среднего возраста. Это в большей степени относится к лакцам-горожанам, так как проживание в городах усиливает межэтническую интеграцию и способствует постепенной нивелировке этнических особенностей в быту, культуре, ведет к утрате многих традиций. В ряде случаев мигранты из села во втором, третьем и дальнейших поколениях утрачивают частично, а в отдельных случаях и полностью знание родного языка и языком семейного общения становится русский. Проблема эта для Дагестана универсальна.

Как и другие народы Дагестана и России, лакцы, занятые созидательным трудом, принимают активное участие в процессах, происходящих в постсоветском обществе. Среди них ныне немало предпринимателей, банкиров, коммерсантов, руководителей больших и малых предприятий.

ЛЕЗГИНЫ

Общие сведения. Самоназвание лезгин *лезги* (ед. ч.) и *лезгияр* (мн. ч.). Термин “лезгин” в нынешнем его значении – поздний. Еще в XIX в. лезгинами называли всех горцев нагорного Дагестана. У античных и арабских авторов, а также в более поздних армянских, грузинских, азербайджанских и персидских источниках и кавказских хрониках (“Дербент-наме”, “Ахты-наме”, “Тарихи-Дагестан”, “Гюлистан-Ирам”, “Асари-Дагестан” и др.) мы находим сведения о “гелах”, “леках”, “лакзах” и других, как о народах, живущих на востоке Кавказа. Как считают историки, под названиями “гелов” и “легов” указываются дагестанские народы вообще, в том числе представители лезгинской группы. С конца XIX – начала XX в. термин “лезгин” стал употребляться в основном применительно к нынешним лезгинам, используя экзоэтнонимические традиции азербайджанцев по отношению к дагестанцам и прежде всего к собственно лезгинам. До этого остальные дагестанцы чаще всего применяли по отношению к ним экзоэтноним *ахта-куралал* (ахто-кюринцы), по названиям двух наиболее исторически известных союзов, обществ (Ахты, Курах). В русской литературе в это время утвердилось название “кюринцы”.

Лезгины в наши дни компактно проживают в Южном Дагестане в Курахском, Сулейман-Стальском, Магарамкентском, Ахтынском, Докузпаринском, частично Дербентском, Рутульском, Хивском, Хасавюртовском, Кизлярском районах. В пределах Азербайджана лезгины компактно проживают в Кусарском, Кубинском, Хачмасском, Исмаиллинском, Куткашенском и Кунахкентском районах.

Численность лезгин, согласно учету населения, в 1873–1874 гг., была 120 301 человек, а в 1883–1884 гг. – 123 994 человек (Кавказский календарь... 1887. С. 217). По Всесоюзной переписи населения 1926 г., лезгин насчитывалось

134 536 человек, из которых 40 709 проживали в Азербайджане и 90 509 в Дагестане (Всесоюзная перепись... 1928. С. 343). По переписи 1989 г., общая численность лезгин составила 466,5 тыс. человек, в том числе в пределах Дагестана – 204,4 тыс. (Национальный состав... 1990. С. 127), в Азербайджане – 175 тыс. По сведениям Управления статистических данных Дагестана, численность лезгин в 1994 г. в Дагестане составляла 231,7 тыс. человек, в Азербайджане – 171,4 тыс. Однако в Азербайджане число лезгин значительно выше (около 350 тыс. человек). Объясняется это расхождением тем обстоятельством, что многие лезгин, живущие в Азербайджане, фиксируются как азербайджанцы (часто вынужденно). Около 50 тыс. лезгин дисперсно проживают в других регионах России, в Туркменистане, Казахстане, Узбекистане, Белоруссии, Грузии и т.д., хотя в последние годы (с 1989 г.) численность их в названных странах значительно сократилась.

Соседями лезгин в местах компактного проживания на севере являются агулы, табасаранцы, на западе – рутульцы, цахуры, азербайджанцы, на юге – азербайджанцы, на востоке территорию лезгин омывает Каспийское море.

Территория расселения лезгин делится на три природно-климатические зоны: низменность (Магарамкентский р-н Республики Дагестан, Хачмасский р-н Азербайджанской республики), предгорье (Сулейман-Стальский, Хивский районы Дагестана, Кубинский район Азербайджана), горы и высокогорье (Ахтынский, Докузпаринский, Курахский районы Дагестана). На низменности основная территория лезгин приходится на широкую плоскую низину, прорезанную рукавами дельты р. Самур, а также устьем р. Гюльгеричай. В предгорной зоне – сильно размытые хребты, широкие долины рек, обширные котловины. Горная зона характеризуется рядами горных хребтов, сложенных непрочными темными глинистыми сланцами и большими речными долинами (Самур, Курах-чай, Чирах-чай). Имеются известково-доломитовые массивы.

Определенная часть лезгин проживает в зоне труднодоступных горных хребтов, образовавшихся из темных глинистых сланцев с выходами крепких песчаников, с гребнями и вершинами, иногда покрытыми вечными снегами и льдами. Вершины сложены известково-доломитовой толщей (гора Шалбуз-даг). По территории лезгин протекают реки Самур (длина 203 км, площадь бассейна 4429 км²), Гюльгеричай (длина 128 км, площадь бассейна 2247 км²), Курах-чай (длина 79 км, площадь бассейна 1110 км²) и др. Много родников, ручейков и т.д.

Лезгины говорят на лезгинском языке, относящемся к лезгинской подгруппе нахско-дагестанской группы северокавказской семьи языков. Он делится на три группы диалектов: кюринский, кубинский, самурский, и множество говоров внутри этих диалектов (ахтынский, докузпаринский, курушский, гельхенский, гильярский, яркинский и др.). Литературным считается гюнейский говор кюринского диалекта. Лезгины, проживающие на территории Азербайджана, помимо лезгинского пользуются азербайджанским языком и письменностью. До революции письменность была на арабской графической основе, с установлением советской власти до середины 1930-х годов – на латинской, а в последующем – на русской графической основе. Верующие лезгины – мусульмане суннитского толка, шафиитского мазхаба, некоторые исповедуют ислам шиитского толка (жители сел. Мискинджа Ахтынского р-на).

Исторический очерк. Вопрос о происхождении (этногенезе) лезгин следует рассматривать в свете этнической истории других народов Дагестана и Кавказа. До конца XIX в. считалось не подлежащей сомнению точка зрения, что народы Дагестана и Кавказа, в том числе лезгины, – потомки тех народов, которые проходили через Кавказ, передвигаясь из Азии в Европу. По мнению Аббас Кули Бакиханова, жители сел. Микрах принадлежат к остаткам племени

руссов (славян), переселившихся сюда во времена владычества хазар. Жители же Самурского и Кюринского округов большей частью состоят из древних народов, смешавшихся с позднейшими пришельцами (*Бакиханов*, 1926. С. 12–14).

Было высказано также мнение, что кюринцы подверглись метисации со стороны представителей семитического языкового семейства, главным образом горских евреев (*Курдов*, 1901. С. 176). По другой версии, лезгины считаются выходцами из Индии. Эта версия основана на некоторой антропологической схожести дагестанцев с представителями племени буришков (буриши) на северо-западе Индостана. Зафиксирована якобы также антропологическая схожесть лезгин со знаменитыми басками Испании и Франции. Последнее наталкивает на мысль о миграции басков и мадьяр (венгров) на Запад с Кавказа под натиском более воинственных племен.

Вместе с тем все эти версии не нашли научного подтверждения. Исследованиями последних лет убедительно показано, что Дагестан уже многие тысячелетия назад являлся регионом проживания первобытного человека (*Рамазанов*, *Шихсаидов*, 1964. С. 9, 14; *Пикуль*, 1959. С. 23; *Котович*, 1959. С. 139–142). Так, на территории современного бытования лезгин найдены древнейшие следы деятельности первобытных людей, хорошо изучены памятники эпохи бронзы и раннего железа (см. Мугерганский могильник). Археологические памятники доказывают, что в районах современного расселения лезгин шел непрерывный процесс человеческой деятельности по их освоению. Археологические материалы, дополненные антропологическими данными, несомненно свидетельствуют о древности проживания предков современных лезгин на занимаемой ими сейчас территории. Нынешние лезгины сформировались путем смешения кавкасионского типа местного населения с каспийским типом более южных народов. Они относятся в основном к переднеазиатской локальной расе большой европеоидной расы. Кавкасионно-лезгины характеризуются сравнительной удлинённостью лица, более выраженной пигментацией, развитым третичным волосным покровом (*Гаджиев А.Г.*, 1965. С. 113; *Алексеев*, 1964. С. 160).

В дальнейшем стержневой процесс складывания лезгинского этноса и развития его культуры шел посредством непрерывного культурного и этнического общения с другими дагестанскими племенами, а также племенами Закавказья, Передней и Малой Азии. Это наглядно подтверждается культурной общностью и преемственностью предметов материальной и духовной культуры.

История лезгин на рубеже нашей эры неразрывно связана с историей древней Кавказской Албании, существовавшей с III в. до н.э. до V в. н.э. Отголоском той эпохи являются сохранившиеся у лезгин до настоящего времени представление о могущественном языческом божестве Алпан, древнее название реки лезгин Самур-Албанус, а также наличие селения под названием Алпан у кубинских лезгин и т.д. (*Бакиханов*, 1926. С. 10–11; *Ризванов З.*, *Ризванов Р.*, 1990. С. 5). С этим можно связать и происхождение одной из версий этнонима “лезгин” от названия одного из могущественных и сильных племен – “лек”, входившего в союз племен Кавказской Албании. Примечательно, что в наши дни лезгин, как и всех дагестанцев, грузины называют этнонимами “лек”, “леги”.

После распада Кавказской Албании часть лезгин вошла в состав владения Чора (Дербент), управлявшегося иранским наместником, а основная часть была объединена в государство Лакз (или Лекх), просуществовавшее до XIII в. Арабский историк IX в. Белазури говорит о правителе Лакза Акиле, который обладал большой властью в своих владениях, успешно выступал против многих захватчиков и одерживал над ними победы. Об этом же пишет арабский автор XIII в. Йакут.

История лезгин – это история бесконечных войн с внешними врагами. На протяжении сотен лет лезгинам приходилось отражать нападения многочисленных врагов. Так, еще в I в. до н.э. лезгиноязычные племена Албании успешно отразили натиск римских легионеров, набеги аланов – кочевников северокавказских степей. В VII в. Албания подвергалась нападению хазар. К VII столетию относится и завоевание Албании арабами. В VIII–IX вв. арабы переходят к систематическому освоению завоеванных ими земель. Представители военной знати превращались в классических феодалов и присваивали себе по своему усмотрению право распоряжаться завоеванными землями. Так, на земли Дербента и Табасарана в VIII в. было поселено значительное число арабских семей, которые стали активными проводниками мусульманской религии среди местного населения. В начале XIII в. лезгины оказали ожесточенное сопротивление монголам, но вынуждены были отступить перед превосходящими силами противника в малопригодные для жизни бесплодные горы. Период с XV по XVIII в. ознаменован борьбой лезгинского народа против иранского и турецкого владычества. Особенно ожесточенный характер приобретает борьба лезгинского народа во второй четверти XVIII в. против полчищ Надир-шаха. Огнем и мечом прошелся Надир по землям лезгин и других народов Дагестана. Все народы Дагестана как один встали на защиту Родины. Решительное поражение было нанесено Надир-шаху в Аварии (в 1741 г.) объединенными отрядами горцев Дагестана (аварцев, лакцев, даргинцев, лезгин, кумыков, кайтагцев). Это оказалось началом конца иранской экспансии в Дагестане. Враг терпел поражение за поражением. В 1743 г. остатки войск Надир-шаха были с позором изгнаны с дагестанской земли.

До XVII в. на современной территории лезгин существовал ряд мелких политических образований, осколки когда-то могущественного и единого Лакза. Их возглавляли наиболее многочисленные и сильные сельские общества, центрами которых являлись селения Курах, Кусары, Ахты, Гельхен и др.

В XVIII в. лезгины находились в подчинении кубинского и дербентского ханов. В конце XVIII в. Курах становится резиденцией казикумухского правителя. В начале XIX в. было образовано Кюринское ханство. Кубинские лезгины остаются в подчинении кубинского хана. Самурские лезгины были объединены в “вольные” общества Ахтыпара, Алтыпара, Докузпара. Такое чисто территориальное разделение лезгин внутри одного государства в последующем стало главным аргументом в разъединении народа после образования административно-территориальных единиц с окончательным присоединением Дагестана к России. Эти политические образования наложили отпечаток на сложение у лезгин трех этнических групп – кюринских, кубинских и самурских лезгин.

В 1813 г. все лезгинские земли вошли в состав Российской империи. После введения царского управления самурские лезгины были включены в Самурский округ, образованный в 1839 г., кюринские – в Кюринский округ (1862 г.), после распада Казикумухского ханства, а кубинские лезгины оказались включены в состав Кубинского у. Бакинской губ. (1866 г.). Такое искусственное разделение единого народа сохраняется и в наши дни. Разделение было осуществлено по течению р. Самур – естественному рубежу между различными группами лезгин. Разумеется, такое положение не устраивало лезгин, ибо искусственно тормозило развитие народа в рамках единой административной территории. Такой раздел, тем не менее, не стал препятствием для совместных действий со всеми дагестанцами в 1877–1878 гг., когда различные группы лезгин координировали свои действия против царских войск. Вхождение части лезгин в состав Азербайджана законодательно было закреплено 19 мая 1921 г. и конституциями Азербайджана 1921, 1937, 1977 годов и союзными конституциями 1924, 1936, 1977 годов.

Самурские и кюринские лезгины 13 ноября 1920 г. вошли в состав автономно-го Дагестана. Этот акт законодательно был закреплен постановлением ВЦИК в январе 1921 г.

Социальный строй. Еще в средневековье у лезгин формируются феодальные отношения, особенно четко проявившиеся в Кубинском ханстве. Своеобразный горский феодализм сложился и у самурских лезгин. Достаточно сказать, что к XIX в. 40% всех пригодных пахотных земель в Кубинском ханстве находились в руках ханов и беков. Аналогичное положение в тот период зафиксировано и в Кюринском ханстве. В Самурской провинции все пригодные для пахоты и пастбы скота земли находились в руках сельской верхушки. Кроме того, главное селение лезгин – Ахты и его жители эксплуатировали жителей окрестных сел. Свидетельство тому – наличие у них таких специфических для этого района институтов, как *барху* – внесение оплаты за невесту в сел. Ахты (из других аулов), *пахта* – своеобразное кормление ахтынцев за счет жителей соседних сел, и т.д.

Общинное управление и сельское судопроизводство у лезгин, как и других народов Дагестана, были основаны на адате и шариате. Адатом решались уголовные и гражданские вопросы, как, например, имущественные, преступления, связанные с воровством, и др. По шариату решались главным образом все вопросы, касающиеся религии, семьи и брака, завещаний, наследования.

Адат базировался на правилах и законах, установленных обычаем и опытом прецедентов. С утверждением мусульманской религии адат начал заменяться шариатом, но многие вопросы все же продолжали решать на основе адата. Одной из причин, по которым горцы так привержены адату, по справедливому замечанию А. Лилова, было то, что Коран налагает наказания слишком строгие, например, “лишение членов тела, наказание палочными ударами, арест и проч.”, тогда как по адату наказание большей частью ограничивалось штрафами и общественным порицанием (Лилов, 1892. С. 9–10).

Разбор всех жалоб, споров, тяжб и т.д. проводился гласно. Аксакалы при этом оглашали дело, выслушивали обе тяжущиеся стороны. Джамаат выражал свое мнение. Вопрос решался большинством голосов. Решение оглашалось и заносилось в специальную книгу для жалоб и состоявшихся по ним решений. Более тяжкие преступления, такие как убийство, изнасилование, побои и другие, влекли за собой кровную месть, основанную на принципе “кровь за кровь”.

После подавления народно-освободительного движения горцев и образования Дагестанской области в административном управлении и судопроизводстве происходят изменения. Так, порядок в пределах сельского общества охраняется уже сельским старшиной, назначаемым окружным начальником (как правило, русским). Сельские духовные лица – кази, эффенди, мулла, хотя и продолжают избираться джамаатом, но утверждаются царской администрацией из числа преданных царскому правительству людей. Судопроизводство продолжает осуществляться главным образом джамаатским судом, на базе адата и шариата. При этом высшей инстанцией, к которой могли апеллировать недовольные решением джамаатского суда, теперь становится командующий царскими войсками, который пересматривает дело на основе российского законодательства.

Хозяйство. Среда обитания, природно-климатические условия определили развитие хозяйственно-культурных форм. На низменности и в нижних предгорьях сложился земледельческо-скотоводческий, в верхних предгорьях, горах и высокогорье – скотоводческо-земледельческий тип хозяйства.

Основными направлениями хозяйства у лезгин на низменности и в предгорье были земледелие и садоводство, в горах – скотоводство и земледелие, в горных долинах – земледелие, скотоводство и садоводство. Такая специализация в целом

благотворно сказывалась на экономическом благополучии лезгин. Благодаря этому они обеспечивали себя продуктами земледелия и скотоводства. Между разными лезгинскими обществами существовали обменные, а в последующем товарно-денежные отношения, что было связано с переходом от натурального хозяйства к рыночным отношениям. Это давало возможность лезгинам, не прибегая к дальним поездкам, удовлетворять свои потребности в необходимых продуктах питания повседневного пользования и других товарах первой необходимости. Так, Кубинская провинция для лезгин, особенно самурских, была хлебной житницей. Между самурскими и кубинскими лезгинами существовали постоянные обменные связи. Кубинцы обменивали у самурцев хлеб на продукты животноводства. Хлебным районом являлись и земли кюринских лезгин, служившие житницей и для других дагестанских народов, у которых основными направлениями хозяйства были животноводство и садоводство (агулы, табасаранцы, горные даргинцы и др.).

В годы советской власти в формах хозяйственной жизни лезгин произошли серьезные изменения, связанные в первую очередь сначала с коллективизацией сельского хозяйства, затем преобразованием коллективных хозяйств в совхозы, что привело к значительному уменьшению посевных площадей, поголовья скота и птицы. Неумелая переориентация направлений хозяйств нанесла огромный ущерб экономике целых районов. В последние годы намечается тенденция возврата населения к индивидуальному ведению хозяйства, имеет место и создание фермерских хозяйств, хотя это пока у лезгин единичные случаи.

У лезгин издавна существовало высокоразвитое ремесленное производство. Довольно широко было распространено, особенно в предгорной зоне, где имелись в изобилии различные ценные породы леса, производство деревянных изделий (ткацкие и ковровые станки, детские люльки, лари для зерна, сундуки, плуги и рала, деревянные лопаты, молотильные доски, ложки и прочая домашняя утварь и т.д.). Некоторые из названных предметов (люльки, домашняя утварь и др.), а также наличники окон и дверей, капители колонн интерьера и балконов, консоли карнизов и другое украшались резьбой – в виде плетенки, розеток, солярных знаков, растительных и геометрических узоров. Распространены были обработка кожи (для изготовления обуви, головных уборов, шуб и пр.), изготовление войлока и различных изделий из него (головных уборов, обуви, чабанских накидок, подстилок для пола и др.). Особое развитие получили ковроделие и сукноделие. Изделия лезгинских ковровщиц не раз выставлялись на всемирных выставках в Нью-Йорке, Париже и прочих городах Европы. Развито было также керамическое производство (изготовление тарелок, кувшинов для сбивания масла и хранения воды и т.д.), металлообработка, плотницкое дело, камнерезное искусство и т.д. Шедевры лезгинских умельцев-каменщиков – яркие свидетельства архитектурных достижений народа в прошлом.

Следует отметить, что в наше время производство многих видов кустарных изделий заметно сократилось, а некоторые почти совершенно исчезли. Так, проникновение в горные районы дешевых фабричных тканей и одежды привело к полному прекращению домашнего производства грубого сукна, которое в прошлом повсеместно служило горцам материалом для изготовления одежды и частично – предметом обмена на зерно и другие продукты питания в низменных районах Дагестана и Азербайджана. Готовая фарфоровая, фаянсовая и стеклянная посуда везде заменила традиционные изделия из дерева, глины и меди – декоративные блюда, чаши, кружки, сосуды для хранения продуктов, кувшины и прочее, производством которых в прошлом славились многие лезгинские селения. Немногие изделия из дерева, которые продолжают производить лезгины, – это музыкальные инструменты (зурна и барабан), деревянные лопаты для

вевания зерна, прялки, черенки для лопат, детские люльки, деревянные части домов (окна, двери и пр.), утварь для выщечки хлеба (низкий столик для раскатки хлеба – *куртлун*, дощечка для перекалывания хлеба со столика в печь – *фирджин*, каталка – *клар* и др.). Появление доступных транспортных путей и применение машинной техники привели к значительному сокращению, а в низменных районах почти полному исчезновению широко распространенных в прошлом саней-волокуш, арб, фургонов. В низменной зоне тракторы, бороны, молотилки, комбайны и иные сельскохозяйственные машины почти полностью заменили горское рало – *туьрез*, плуг – *куьтен*, молотильные доски – *ругунар* и др.

В то же время некоторые виды народных промыслов не только не исчезли, но, наоборот, получили дальнейшее развитие. Это прежде всего относится к ковроделию – изготовлению ковров, сумахов и вязанию узорных шерстяных носков, тапочек, варежек, свитеров и пр. Хотя и здесь, т.е. в практике ковроделия, произошли некоторые изменения. Так, вместо весьма распространенных у лезгин вплоть до 1950-х годов растительных красок (марена, кожура орехов, лук, различные травы), которые давали прочную и красивую естественную цветовую гамму, лезгины, особенно в низменных районах области, стали применять легкодоступные анилиновые красители. Новым в ковроткачестве является и изготовление ковровых дорожек, различных ковриков для стульев, кресел и т.д. Наблюдается и некоторая склонность к натурализму и эклектичности (выполненные с фотографической точностью изображения роз, листьев и другого в коврах), совмещение в ковровых изделиях традиционного стилизованного орнамента с натуральными изображениями цветов, птиц и даже человека. Но это единичные случаи. В основном лезгинские ковры сохраняют традиционный орнамент и самобытную красоту.

Материальная культура. Традиционная материальная культура лезгин в целом общедагестанского типа (с некоторыми элементами азербайджанской материальной культуры, особенно у азербайджанских лезгин).

Традиционные поселения лезгин в плане кучевые, террасообразные в горах и разбросанные с относительно правильной планировкой на низменности. При выборе места для поселения у лезгин, как и всех горцев Дагестана, учитывался ряд факторов – наличие вблизи земельных участков источников воды, солнечная ориентация, обороноспособность и др. Главными типами поселений были селение – *хуьр* и отселки – *къазмаяр* и *оба*, образованные в основном на местах зимнего выпаса скота. Традиционные поселения лезгин имели четырехугольные и круглые каменные сторожевые и оборонительные башни с бойницами. Каждое селение имело мусульманскую мечеть, родник для питьевой воды. В больших селениях были квартальные и пятничные мечети. Большое значение в быту лезгин выполняла сельская площадь (*ким*), где собирались жители (главным образом мужская его часть) на сельский сход для решения наиболее важных вопросов общественной жизни села.

В послеоктябрьский период, особенно в результате переселения части лезгин из высокогорных селений на Прикаспийскую низменность (50–80-е годы XX в.), в поселениях лезгин произошли значительные изменения. Преобразование в горных селениях происходит прежде всего за счет переселения части жителей с крутых, скученно застроенных склонов на более пологие площади на окраинах селений. Новая часть селения имеет более свободную и геометрически правильную планировку, исключаящую всякую замкнутость, скученность, присущую вертикальной планировке. Изменения в поселениях происходят и за счет перепланировки улиц, модернизации и перестройки домов, строительства административных зданий, культурно-просветительских учреждений, больниц и т.д.

Рис. 166. Старинный двухэтажный дом в селении Курах. Начало XVIII в. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Поселения лезгин-переселенцев по структуре, форме и планировке принципиально отличаются от поселений горцев. Вместо бессистемной планировки, тесноты, скученности, характерных для поселений горцев, они имеют свободную застройку, обусловленную рельефом местности. Вместо отчасти сохраняющегося в горах территориально-тухумного принципа расселения планировка новых поселений осуществлена по сугубо территориальному принципу, когда учитываются как культурно-бытовые и хозяйственные интересы семьи, так и принципы планировки и благоустройства села в целом. Особенность новой планировки – выход дома фасадом на улицу, тогда как дома горцев, построенные в дооктябрьский период, обращены на улицу глухими стенами. Дома расположены на расстоянии друг от друга, свободно и доступно. Каждый дом представляет собой самостоятельную ячейку и связан с улицей. Здания тянутся вдоль улицы ровными рядами, не нарушая ее правильной линии.

Традиционные жилища лезгин представляли собой двухэтажные сооружения, иногда с лоджиями, галереями и верандами. Строительным материалом служили горный и речной камень, саманный кирпич и глина. Дома плотно примыкали друг к другу, а дома родственников соединялись между собой внутренними ходами или переходами над узкими улочками внутри селения. В плане дома имели квадратную или круглую форму, иногда с крытым двором, предназначенном для хозяйственных целей. Хлевом для скота служил первый этаж дома, а сарай для хранения кормов для скота и хозяйственной утвари возводился в углу крытого двора или недалеко от жилого дома. Полы были земляными, крыши плоскими, глинобитными. Интерьер жилища состоял из ковров, паласов, постельных принадлежностей, медной и керамической посуды, сундуков и пр. Лишь в конце XIX – начале XX в. в интерьере жилища зажиточных лезгин стали появляться кровати, столы, стулья, фаянсовая и стеклянная посуда и пр.

Рис. 167. Лезгины в традиционной одежде. Конец XIX в. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

В послеоктябрьский период в жилищах лезгин происходят конструктивные изменения. В домостроительстве наряду с традиционными строительными материалами (камень, саман, глина) стали применяться и новые, неизвестные ранее в горах строительные материалы – цемент, краски, кровельное железо, шифер, стекло и др. Характерная особенность новых домов – их многокамерность. Планировка жилища подчиняется структуре семьи, ее культурно-бытовым запросам. Основными формами новых жилищ являются одно-, двух- или полтораэтажные дома П- или Г-образного плана из двух, четырех или шести комнат, покрытые шифером или кровельным железом. Характерная особенность современных домов – наличие застекленной веранды, а также больших окон и дверей. В комнатах появились фабричная мебель, телевизоры, холодильники, радио, хотя и редко – телефоны, увеличилось количество ковров и ковровых изделий. В интерьере, как и в других элементах материальной культуры, отражается процесс взаимовлияния культур дагестанских и других народов. Так, в жилищах лезгин можно увидеть распространенные по всему Дагестану изделия даргинских мастеров – расписная деревянная посуда (тарелки, чашки, кувшины и др.), рога, отделанные серебром, большие окованные жстью расписные сундуки и т.д., изделия хохломских мастеров и т.д. В свою очередь некоторые традиционные предметы интерьера лезгин проникли в быт других народов (ковры, сумахи и др.).

Одежда лезгин в прошлом имела много общего с одеждой других народов Дагестана. Мужская одежда состояла из нательной рубахи, штанов на вздержке из домотканого сукна, бешмета, черкески. Головным убором служили овчинные папахи, а обувью – сыромятные чарыки, сапоги на мягкой подошве и др. Теплая одежда включала овчинные шубы, которые у лезгин бытовали в двух вариантах – длинная до пят шуба с ложными рукавами и большим воротником

Рис. 168. Девушка в традиционном костюме. Селение Ахты. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Рис. 169. Лезгинские дети. Селение Куруш. 1920-е годы. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

мехом наружу – *кавал*, и шуба длиной до щиколоток, тоже с воротником, но меньших размеров, рукава длинные, до кисти руки; овчинные куртки, доходящие до колен. Женская одежда состояла из платья, доходящего до пят, сшитого из домотканого сукна, длинных штанов, из материалов темных расцветок, головного платка и чухто – специального головного убора, состоящего из чепца и мешочка для волос, известного всем народам Дагестана. Обувью служили узорные вязаные носки, чарыки из сыромятной кожи. Теплая одежда состояла из овчинных шуб и курток, овчинных или матерчатых безрукавок и т.д. Специальной ритуальной одежды лезгин не имели. Детская одежда по покрою не отличалась от одежды взрослых – она была ее уменьшенной копией. Обязательным компонентом одежды всех половозрастных групп являлись различные украшения. Так, составной частью мужского костюма в прошлом были кинжал и пояс, орнаментированные серебром и чернью, женской одежды – различные подвески, монеты, браслеты, серьги, кольца и другое из серебра и золота, детской одежды – различные бусы, амулеты и пр.

Современная одежда лезгин у подавляющего большинства мало отличается от общепринятого европейского стандарта. Но в одежде представителей старшего поколения и части среднего сохраняются отдельные традиционные элементы, что обусловлено, во-первых, тем, что некоторые ее виды и в наше время отвечают эстетическим вкусам народа, во-вторых, имеют рациональную основу – бытуют в основном те формы и виды одежды, которые приспособлены к местным природным условиям – овчинные папахи, вязаные носки, овчинные и матерчатые безрукавки, платья с широким подолом у пожилых лезгинок, ювелирные изделия традиционного типа и т.п.

Процесс взаимовлияния культур народов Дагестана находит отражение и в том, что некоторые характерные для одного народа типы одежды и украшений заимствуются другим народом. Легкая женская обувь даргинок из Губдена стала популярной среди всех горянок Дагестана, в том числе лезгинок. Большое распространение у всех дагестанок, а также русских женщин Дагестана, имеют золотые и серебряные украшения кубачинских мастеров.

Пища лезгин отличалась большим разнообразием блюд. Основой питания служили хлеб из пресного и кислого теста, выпеченный в традиционных хлебных печах, – *хьаре*, *тондыре*, *садже*. Из мучных блюд наибольшей популярностью пользовался хинкал – галушки с мясом или без него, но обязательно с подливой из простокваши и чеснока. Из мясных блюд наибольшее распространение имела шурпа (мясной суп). Излюбленными блюдами лезгин были голубцы, шашлык, гуляш и т.д. Мясо применяли как в свежем, так и сушеном виде. Из напитков наибольшее распространение имел *mlach* – слабокислый напиток, изготавливаемый из проросших зерен пшеницы, предварительно высушенных и перемолотых на ручных жерновах. Ритуальной едой служили: *guml* – сваренные вместе зерна пшеницы, кукурузы и сушеные бараньи ножки с добавлением молока и жарки из масла и лука; *исида* – халва из пшеничной муки, масла и сахара; *хашил* – густая мучная каша, которую по готовности ели с маслом и сахаром, иногда и с *душаб* – патокой из ягод тутовника. Значительное место в рационе блюд у лезгин занимали молоко и молочные продукты. Молоко употребляли в свежем виде, из него готовили простоквашу (*къатух*), сливки (*къаймак*), из которых сбивали масло. Жидкость, оставшаяся после сбивания масла (*тугъ*), широко применяли как прохладительный напиток, так как он приятен на вкус и хорошо утоляет жажду. Молоко, оставшееся после снятия сливок, шло на изготовление сыра (*нису*). Сыр готовили также и из неснятого молока.

Рис. 170. Женский пояс. Селение Ахты, 1960-е годы. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Большое место в рационе блюд отводилось различным пирогам с начинкой из съедобных трав, мяса, картошки и т.д. Излюбленными блюдами лезгин являлись плов с мясом и кишмишем (особый сорт сушеного винограда), а также голубцы и долма из виноградных листьев и мяса. Готовили также различные каши из пшеничной крупы и куриного мяса и т.д.

Современная кухня лезгин сохранила почти все традиционные блюда, но некоторые из них претерпели незначительные изменения в сторону усовершенствований, улучшающих вкусовые качества (в основном за счет приправ, подлив и пр.). Исчезли те блюда, бытование которых в прошлом было вызвано тяжелым экономическим положением народа (в период войн, неурожая и т.д.) – ячменный и просяной хлеб, различные постные похлебки из трав и муки и пр. В то же время национальная кухня лезгин обогатилась и новыми, неизвестными ранее видами блюд – из продуктов пищевой промышленности и заимствованными у других народов (котлеты, различные супы и борщи, соленья, варенья, салаты, кондитерские и бакалейные изделия и пр.).

Семья и семейная обрядность. Полунатуральное земледельческо-скотоводческое хозяйство, сочетающееся с домашними промыслами, требовавшее усилий большого числа рабочих рук, малоземелье и ряд других факторов способствовали частичному сохранению большесемейной организации (неразделенной семьи) *члехи хизан* (большая семья), в состав которой входило от 50 до 100 и более человек. Такая семья представляла собой близкородственную группу, объединяющую потомков одного отца до третьего и даже четвертого колена (отец, мать, их сыновья, жены, внуки и их семьи, незамужние сестры, двоюродные и троюродные братья и сестры и т.д.). Большие семьи в свою очередь входили в более широкие семейно-родственные группы – тухумы, которые объединяли всех родственников (без ограничения степени родства), происходящих от одного предка. Главой тухума (*келте, сакъа, агъсакъа*) не всегда считался старший в роде, в большинстве случаев главенство приобреталось личными качествами: умом, мудростью, справедливостью при решении спорных вопросов и т.д.

Он представлял интересы членов тухума перед всем обществом, решал вопросы внутритухумной жизнедеятельности. Обязанности членов тухума по отношению друг к другу заключались в нравственной и моральной поддержке (например, в делах кровомщения, уплате штрафа, женитьбе сына, выдаче дочери замуж, строительстве дома и т.д.). Помощь обедневшим или попавшим в беду членам тухума считалась обязанностью каждого.

Как и во всем Дагестане, у лезгин малая семья утвердилась как основная форма с периода раннего средневековья. Разложение натурального хозяйства, развитие рыночных отношений и ряд других факторов привели к дальнейшему распаду сохранившихся больших семей и полному господству малой семьи к концу XIX в. Переход к малой семье у лезгин, как и у других народов, прошел ряд этапов, промежуточных форм, различающихся, согласно мнению Д.А. Ольдерогге, по степени локализации и экономической интеграции: 1) совместное проживание и общая собственность всей семейной общины; 2) совместное проживание и сочетание общей собственности семейной общины и обособленной собственности слагающих ее семейных очагов; 3) совместное проживание и сочетание обособленной собственности с остатками общей; 4) раздельное проживание и собственность, а связь преимущественно лишь в общих обрядах культа предков (*Ольдерогге, 1975. С. 15 и сл.; о других типологиях см.: Смирнова, Тер-Саркисянц, 1995. С. 98–99*). Все эти формы – последовательные исторические типы большой семьи. Эта классификация, по всей вероятности, может быть использована как общая типология форм перехода от большесемейной к малосемейной организации и для северокавказского региона, в том числе и для лезгин.

Анализ архивных материалов подтверждает наличие у лезгин еще в конце XIX в. разнообразных форм семейных организаций (малые семьи, состоящие из родителей и детей, т.е. двухпоколенные семьи; трехпоколенные семьи, состоящие из родителей, детей и внуков; четырехпоколенные: из родителей, детей, внуков, правнуков и семьи, связанные родством по боковым линиям, т.е. состоящие из родителей, детей, племянников и их детей, двоюродных и даже троюродных братьев и т.д.). Но преобладающей формой семьи к концу XIX в. у лезгин была малая семья, средний состав которой составлял 4,5 человека.

Семья у лезгин, как и у иных народов Дагестана, строилась на основе патрилокального поселения, и как всегда при этой форме поселения, главой семьи был *члехи буба* – “большой”, или “старший” отец. По нормам обычного права, он считался полновластным хозяином семейного имущества (земли, скота и пр.). Члены семьи беспрекословно подчинялись главе семьи. Согласно нормам адата и шариата, отец имел право на жизнь детей. Власть отца над детьми отражалась и в адатах по наследованию. Так, по адатам Кюринского округа, отец был вправе лишить наследства тех из детей, которые своим неуважением, непокорностью и вообще дурными поступками навлекали на себя гнев отца. Жена – *члехи диде* (старшая мать), обычно жена главы семьи, также пользовалась в семье непререкаемым авторитетом. Она распоряжалась всеми работами женской части дома, без ее участия практически не решался ни один сколько-нибудь важный вопрос, касающийся всей семьи. Взаимоотношения между членами семьи складывались на базе уважения и почитания старших. Обычное и шариатское право требовало беспрекословного подчинения главе семьи всех ее членов. По адату и шариату, муж являлся повелителем и хозяином жены. До наших дней у лезгин общераспространенным синонимом слова “муж” остается слово “хозяин”, “итим” (мужчина). Лезгинка при разговоре обычно не говорит “мой муж”, но “мой хозяин”, “мой мужчина”.

Семья складывалась на основе брака. У лезгин, как и у других народов Дагестана и Кавказа, продолжение рода не мыслилось вне брака. Минимальный брачный возраст регламентировался обычнорправовыми нормами. По адатам лезгин, для мужчин он составлял 25–30 лет, для женщин – 18–20 лет. Но строгой регламентации при этом не придерживались. Браки в некоторых случаях могли быть ранними, в других – поздними. Традиционные формы заключения брака были довольно многочисленны и разнообразны. Следует отметить, что при выборе брачного партнера лезгины в пределах селения не придерживались строгой эндогамии, т.е. браки могли заключаться между представителями разных тухумов. Редко учитывался и социальный статус вступающих в брак. Это скорее всего связано с тем, что лезгины в подавляющем большинстве были социально однородны. Довольно распространенными являлись такие формы заключения брака, как обменные браки (*рекеь гун*), при которых стороны обменивались девушками (дочерью, сестрой), левиратный и сороратный браки (женитьба на вдове брата и на сестре жены, в случае смерти брата и сестры соответственно), брак похищением (*гуваз катун* – увод девушки без ее согласия) и уводом (*алачна фин* – уход с обоюдного согласия), кросс-кузенные (браки на дочери брата матери или дочери сестры отца) и ортокузенные (на дочери брата отца или дочери сестры матери), колыбельные обручения (*кьенлунал клацл авун* – букв. “делать надрез на люльке”), при котором родители договаривались о вступлении детей в брак по достижении ими совершеннолетия.

Существовали и некоторые запреты и ограничения, связанные с браком. Не допускались браки с иноплеменниками и особенно с представителями иной конфессии. Исключение составляли браки между азербайджанцами и лезгинами. При этом преобладающими были браки лезгинок с азербайджанцами и редко лезгин с азербайджанками. Категорически запрещались браки между представителями враждующих на почве кровной мести сторон. Полигамия у лезгин практически существовала только в теории (шариат, как известно, допускает одновременную брачную связь с четырьмя женами), фактически многоженство (в основном двоеженство) было привилегией лишь немногих представителей состоятельных сословий.

При всем разнообразии форм заключения брака самой распространенной формой являлся брак по сватовству со всеми этапами, характерными для этой формы брака: выбор брачного партнера, сватовство, свадьба, послесвадебные обряды. В выборе невесты принимали участие все члены семьи, родственники, хотя решающее слово оставалось за главой семьи. Калыма – покупного брака в его классической форме у лезгин не было, но за невесту давали определенную плату, известную под названием *Юль-пули* или *пуль-пули*, который в Кюринском округе в конце XIX в. равнялся 60 руб. У лезгин Самурского округа указанная плата называлась *кебин гьакь* и выражалась в закреплении за женщиной части имущества брачащегося – участка земли, скота, домашнего имущества и другого, а также кебинных денег не менее 15 руб. за девушку и 7 руб. 50 коп. за вдову.

Собственно свадьба длилась три дня с участием всех родственников, друзей, сельчан. Все циклы свадьбы сопровождались музыкой, танцами, песнями. Наибольший интерес в цикле свадебных обрядов представляют обычай преграждения дороги свадебной процессии в момент перевода невесты в дом жениха (отголосок родового строя, когда все члены рода имели право на девушку), мазанье губ невесты медом или шербетом (символ пожелания хороших отношений с невесткой), осыпание невесты зерном, мелкими монетами (пожелание ей богатой и обеспеченной жизни), уход жениха и невесты в период свадьбы в “другой дом” – в основном в дом дяди с материнской стороны (уход жениха в “дру-

гой дом” исследователи рассматривают как пережиток похищения – он, жених, скрывается от сознания своей вины перед членами общества и перед самой невестой; уход невесты в “другой дом” рассматривается как пережиток матриархата – она как бы возвращается в материнский род – к дяде с материнской линии), обряды снятия избегания между различными категориями людей – между женихом и невестой, членами семей вступивших в брак – приглашение жениха в свой дом, обряд сопровождения невесты к роднику, приглашение новобрачных в дом родителей невесты и др.

Преобразования в социально-экономической и культурной жизни народа привели к формированию новых форм брачных отношений и свадебных ритуалов, хотя необходимо отметить, что изменения в них не всегда адекватно отражают динамику развития социально-экономической и культурной жизни народа – брак, свадебная обрядность устойчивее других элементов народного быта сохраняют исторически сложившиеся особенности этнической культуры. На современном этапе почти весь цикл обычаев и обрядов, сопровождающих свадьбу у лезгин, сохраняется в традиционном варианте. Однако их содержание значительно изменилось. Современная свадьба лезгин, как и раньше, состоит из нескольких этапов (выбор брачного партнера, сватовство, свадьба, послесвадебные обряды).

Следует отметить, что из всей системы семейно-брачных отношений лезгин больше всего подверглись изменениям формы заключения брака. Крайне редки такие формы заключения брака, как левират и сорорат, колыбельное обручение, обменные браки, умыкание. В отличие от прошлого, когда заключение брака с представителем (представительницей) иной конфессии воспринималось всем обществом как постигшая их беда, в наше время смешанные браки с представителями других национальностей (иногда и иной конфессии) становятся обычным явлением. Необходимо отметить тот факт, что если до 1970-х годов основное число смешанных браков относилось к варианту “лезгин – представительница другого этноса”, то в последние годы намечается явная тенденция возрастания числа браков между лезгинками и представителями других народов, а иногда и иных конфессий, в частности с русскими.

Церемония сватовства в наше время носит чисто формальный характер, ибо молодые заранее договариваются о заключении брака сами (непосредственно или через друзей и подруг), но совершается по традиционной схеме (с участием родителей, родственников, подношениями и пр.). Следует отметить интенсивный рост калыма, которого у лезгин в его классической форме не существовало. Устроители свадеб объясняют это тем, что калым идет на приобретение обстановки и утвари для дома вновь создаваемой семьи. Тем не менее он тяжким бременем ложится на плечи семей брачащихся.

Нельзя не сказать и о возрастании количества свадебных подарков невесте. Если в прошлом они составляли один комплект одежды, то в настоящее время невесте дарят несколько комплектов одежды по сезонам. Традиционные свадебные подношения родственников и сельчан (зерно, мука, ткани, носки и т.д.) заменены деньгами в зависимости от степени родства и материальных возможностей дарителей. Наряду с регистрацией брака в загсе совершается и магьар – шариатский брак. Многие обряды и обычаи свадебного цикла, которым в прошлом придавалось магическое значение, в наши дни чаще всего являются символами, придающими свадьбе эмоциональность и национальный колорит.

Одной из главных функций или целей брака было рождение детей, от наличия или отсутствия их зависело благополучие семьи. “Аял авачирдаз иман авач” (“Не имеющий детей лишен веры”) – гласит лезгинская пословица. Поэтому уже свадебная обрядность включает в себя ряд магических приемов и обрядов,

направленных на обеспечение деторождения (посажение на колени невесты мальчика, вручение невесте многодетной женщиной кувшина, наполненного водой, с пожеланием “быть полной как кувшин”, имея в виду ее беременность, и др.). При бездетности прибегали к ряду приемов как магического (раскачивание бездетной женщиной каменной колыбели на кладбище Къырхлер – сорока мучеников, погибших за веру мусульман – в Дербенте, поклонение святым местам – Квасум утагъу в сел. Мискинджа; святому дубу в сел. Хорель и др.), так и рационального порядка *юкь вахчун* (выпрямление спины) путем соприкосновения головы и ног, закутывание молодой женщины в только что снятую шкуру мелкого рогатого скота, согревающие компрессы на низ живота и т.д.

С периодом беременности связан ряд поверий, основанных на вере в особую активность злых сил (джиннов, сглаза и пр.) в период наибольшей уязвимости женщины, с пищевыми продуктами (беременная женщина должна удовлетворить все свои прихоти в отношении пищи, иначе ребенок родится с каким-то изъяном, запрещалось есть зайчатину, иначе ребенок родится с заячьей губой, и т.д.).

Существовали приметы, по которым определяли пол ребенка (если живот большой – родится девочка, маленький и выпуклый – мальчик и др.).

Роды принимала *мамачи* (повитуха). При трудных родах прибегали к приемам, в основном магического порядка (раскрывали священный сосуд, распускали беременной косы, развязывали узлы, отпирали замки, при особо трудных родах снимали двери мечети и т.д.).

Смерть женщины при родах приписывали вмешательству Ал-паб-демоницы. Для того чтобы отпугнуть ее, стреляли из ружей, били в медную посуду и т.д.

С пуповиной и плацентой, как и с некоторыми другими частями и органами тела (первым зубом, первыми волосами, ногтями и др.), у лезгин, как и многих других народов мира (*Фрэзер*, 1983. С. 49–51), бытует представление о магической связи, якобы существующей между ребенком и отделенными от него частями тела. По поверьям народа, их повреждение или потеря могли повредить ребенку. Поэтому их прятали и хранили в надежном месте.

Послеродовой период также связан с рядом поверий, ограничений и запретов. Особенно опасными считались *чиллад вахт* – 40 дней после родов. Полагали, что в этот период мать и ребенок подвержены влиянию *чилла*, виновниками которой чаще всего являлись нечистая сила, покойник и глазливая женщина.

Для предохранения от чилла или для снятия ее (если она успела поразить новорожденного или мать) брали землю с места, куда вылили воду, которой мыли покойника и, разведя ее водой, обливали ребенка и мать, протаскивали ребенка через сквозную дыру, вырытую на кладбище, в комнате роженицы ставили прозрачный сосуд с водой и яйцом, под подушку ребенка клали острый металлический предмет (ножницы, иглу, гвоздь и т.д.), лоб ребенка мазали сажей, за дверью ставили веник, чтобы напугать и отвлекать джиннов, и т.д.

Многие обряды и обычаи детского цикла (приемы лечебной магии при бесплодии, обряды, связанные со снятием чилла, и др.) у лезгин сохранились и в наши дни. Следует отметить, что одни охранные меры включают положительные практические действия, выработанные многими поколениями. Другие, которые можно характеризовать как ритуальные, скорее носили магический характер и часто могли давать положительный результат, основанный на психотерапевтическом воздействии. Правила и запреты в период беременности женщины, которым в народе придается магический смысл, на деле впитали в себя многовековой опыт и наблюдения и направлены на обеспечение беременной женщине физической безопасности, душевного покоя, что в конечном счете отражается и на ребенке, носимом ею.

В воспитании детей очень большое внимание уделялось подготовке их к предстоящей жизни взрослого человека – отца, брата, пахаря, скотовода, воина и матери, сестры, воспитательницы, устроительницы семейной и домашней жизни и быта, хранительницы очага. Нежность, ласковость по отношению к детям, особенно мальчикам и особенно со стороны отца, не одобрялись. Как писал Н. Самурский, такая скупость на ласки в отношении с детьми главы горской семьи “воспитывала стальные спартанские характеры, которые были столь необходимы в суровой жизни горцев” (Самурский, 1925. С. 42).

Обряды и обычаи погребально-поминального цикла лезгин в большей степени, нежели все другие обряды и обычаи семейного быта, подвержены влиянию ислама. В своей основе они почти идентичны у всех мусульманских народов, хотя и имеют некоторые местные особенности (можно отметить более выраженный и массовый институт профессиональных плакальщиц, а также хоровой плач, большую распространенность прижизненных поминок – *хейрат*, производимых самим старым горцем, чувствующим приближение смерти, заблаговременную заготовку собственно надмогильного памятника, и др.).

Общественный быт. Большую роль в общественном быту лезгин играли различные религиозные и календарные праздники. Широко отмечали религиозные праздники – Ураза байрам и Курбан байрам. В эти дни резали скот, готовили угощение, все ходили друг к другу с поздравлениями, угощались во всех домах. Обязательными были посещение кладбища и жертвенная раздача хлеба, мяса, сладостей на могилах умерших сородичей.

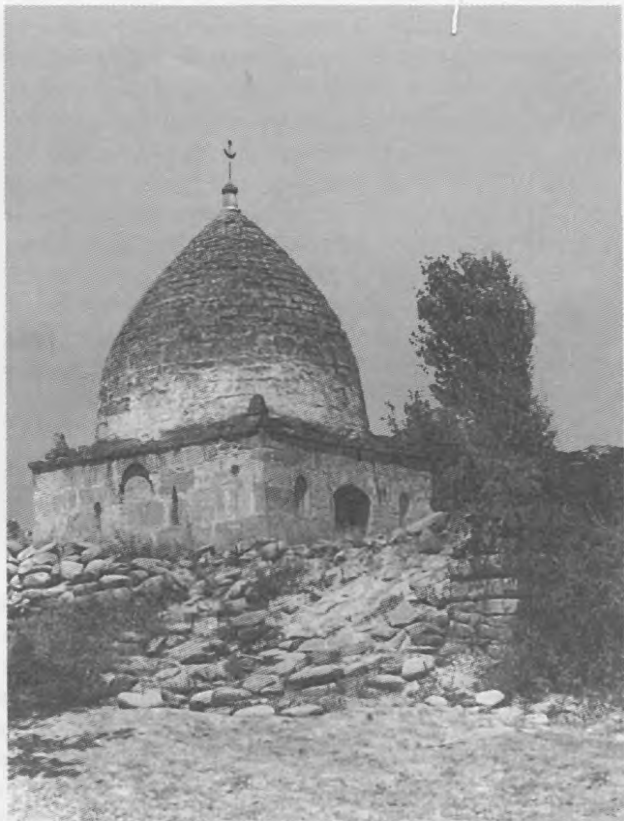
С хозяйственной деятельностью народа был связан ряд календарных праздников и обрядов. Первый день весны – 22 марта, который у лезгин совпадал с началом нового года, отмечался как праздник встречи весны “Яран-сувар”, или “Навруз-байрам” (перс. “Новый день”). Праздник сопровождался рядом обрядов, корни которых восходили к языческим, домусульманским верованиям, смысловое значение их направлено на обеспечение урожая, защиту от болезней и действий нечистой силы на людей, домашних животных и др. (разжигание костров и прыжки через них, качание на качелях, обновление одежды и воды в кувшинах и т.д.). В праздничной, торжественной обстановке проходили и перегон скота на летние пастбища и обратно, праздник цветов (“Цуьквер сувар”), праздник черешни (“Шинирин сувар”).

В зимний период женщины собирались на посиделки, сопровождаемые танцами и т.д. Лезгины проводили обряды вызова дождя (“Пеш апай”), вызова солнца (“Гуънуь”), построенные по принципу “подобное вызывает подобное”, которые представляли в сущности магические действия, направленные на обеспечение хорошего урожая и приплода скота.

В годы советской власти многие праздники и обряды, особенно религиозного характера (Ураза байрам, Курбан байрам, обряды вызова дождя и солнца и др.) не проводились открыто, в них участвовали прежде всего представители старшего поколения лезгин. Обряды и праздники, символизирующие отношение людей к природе, – праздник цветов, встреча весны и другие – сохранились, хотя частично трансформировались (из них исчезли магические обрядовые действия, усилились игровые моменты, вносящие в праздники оживление). В быт лезгин вошли новые праздники и обряды – Новый год, Международный женский день 8 Марта и пр.

В последние несколько лет получают распространение праздники села, которые проходят с участием не только местного населения, но и представителей других селений, приглашенных из районных центров, городов и т.д. При едином содержании и интернациональных чертах этих праздников, в формах их прове-

Рис. 171. Старинная усыпальница в селении Орта-Стал Касумкентского района. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1954 г.)

дения у лезгин можно видеть ряд черт, выражающих традиционные национальные стереотипы. В первую очередь это относится к материальным компонентам (одежда, застолье), музыке, танцам, сопровождающим обрядность.

Духовная культура. Господствующей религией у лезгин в XVIII в. был ислам. Однако в верованиях народа до наших дней можно проследить реликты ранних форм верований – анимизма (представления о загробной жизни, о духах или душах умерших и др.), фетишизма (поклонение святым местам, деревьям, камням и др., вера в оградительные лечебные свойства амулетов), культа предков (поклонение умершим, жертвоприношения им), демонологии (вера в чертей, домовых, драконов, демонов и пр.), космогонии (поверья, связанные с солнцем, луной, радугой, небом и землей и т.д.), теротеизма (поклонение животным, в частности змее особой породы – *бибикар алай гъвелегъ*) и др.

На довольно высоком уровне стояла народная медицина лезгин. Она была представлена двумя направлениями: бытовой, когда каждая семья владела элементарными познаниями в лечении членов семьи народными средствами, и “профессиональной”, представленной джаррахами – лекарями, располагавшими своими секретами, умеющими выполнять специальные лечебные ритуалы, недоступные другим. В своей лечебной практике джаррахи применяли разные методы: хирургию, терапию, психотерапию. Широко были известны имена народных лекарей Мирза Али из сел. Ахты, Шахбаза из сел. Испик, Таиб Магомы из Касумкента и др. В народной медицине значительное место отводилось применению в лечебных целях лекарственных растений. Состав растений был довольно обширен: это различные травы и ягоды – крапива, подорожник, щавель,

черемша, пастушья сумка, волчья трава, мята, полынь, шиповник и т.д. Определенное место в лечебной практике лезгин занимали продукты питания (пчелиный мед, чеснок, молочные продукты), мясо животных (лисы, медведя, ежа, крота и др.). Немаловажную роль играла и гидротерапия. Широкой известностью пользовались лечебные свойства ахтынских серных источников, караюринского озера для лечения ревматических заболеваний и т.д. Практически в народной медицине применялись многие средства лечения болезней, известных медицинской науке. К концу XIX в. в некоторых лезгинских районах (Ахты, Касумкент) открылись лечебные заведения. В настоящее время почти во всех населенных пунктах лезгин имеются медицинские учреждения (многопрофильные в районных центрах и медицинские пункты в селениях).

На основании положительных практических знаний в области земледелия, скотоводства, астрономии и метеорологии у лезгин сложился своеобразный земледельческий календарь. В ходе экономического и культурного развития лезгин, унаследовав древние традиции исчисления времени (когда календарные построения фиксировались на базе наблюдения за объектами природы, в том числе небесными телами), дополняли их новыми данными, регламентируя таким образом различные сферы жизнедеятельности людей – производственную, общественную, семейную.

Лезгины пользовались письменностью со времен Кавказской Албании. Албанский алфавит, созданный Месропом Маштоцем (361–440 гг. н.э.) имел распространение и в Южном Дагестане. В результате экспансии Сасанидского Ирана в Южном Дагестане появляется так называемая пехлевийская письменность. С проникновением в Дагестан ислама (VII в. н.э.) на территории лезгин, как и во всем Дагестане, широко распространяется арабская письменность. В дальнейшем на основе арабской графики, путем приспособления с помощью системы знаков (дополнительных) к фонетическим особенностям местных языков, у лезгин, как и у других народов Дагестана, создается так называемая аджамская письменность.

Народное образование лезгин вплоть до конца XIX в. было представлено мектебами и медресе, в которых ученики обучались арабской грамоте и чтению Корана, а в школах Самурского округа наряду с этим и азербайджанскому языку. Центрами религиозного образования являлись миски (мечети), которые имелись почти в каждом селении лезгин, а в центрах союзов обществ и по несколько. В сел. Ахты насчитывалось 16 мечетей. Согласно источникам, по Самурскому округу при мечетях, по состоянию на 1891 г., было 116 школ (мектебов и медресе). В них обучались 732 ученика, в том числе 638 мальчиков и 94 девочки. По Кюринскому округу в тот же период школ при сельских мечетях имелось 19; в них обучались 322 ученика, в том числе 254 мальчика и 68 девочек (*Обзор...* 1892. С. 62).

С включением Дагестана в состав России начинается новый этап в истории просвещения лезгин. Он характеризуется появлением светских учебных заведений, в которых дети обучались основам современных знаний, проходили предварительную ступень, необходимую для последующей службы в местных заведениях военно-административного аппарата Российской империи. К 1 января 1892 г. в селениях Касумкент и Ахты были открыты начальные училища.

Значительное развитие народное просвещение получает в годы советской власти. В 1920-е годы в лезгинских районах открываются первые светские школы. В каждом селении были организованы пункты ликбеза, которые охватывали все взрослое население. С 1930 г. начал претворяться в жизнь закон об обязательном всеобщем светском обучении. Дети в обязательном порядке вовлекались в учебу.

Рис. 172. Музыкальные инструменты. Селение Ахты. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Особое место в быту лезгин занимало устное народное творчество, отличавшееся богатством и разнообразием художественно-изобразительных средств. Лезгинский фольклор в прошлом представлял собой своеобразную устную летопись, в которой народ воспроизводил свою историю, надежды и думы о судьбах Родины. Показателен в этом плане героический эпос, представленный в образах легендарных героев. Весьма колоритен образ Шарвили – богатыря, защитника отечества, выразителя народного духа. К эпическому жанру близки произведения “Къванцин гада” (“Каменный юноша”), “Бахтавар” (“Счастливей”), “Ашукьдин къуват” (“Сила ашуга”) и др.

В устном народном творчестве лезгин представлены и сказки, в которых, как и в сказках всех народов, доминирует вымысел, воплощены чаяния народа о борьбе и справедливости: это “Гъульун руш” (“Морская дева”), “Гъульун шив” (“Морской конь”), “Пачагъ къабулай кесиб” (“Бедняк, принявший царя”), “Акьул ва бахт” (“Ум и счастье”) и многие другие. Большое место в устном народном творчестве лезгин занимают пословицы и поговорки – афористически сжатые изречения с поучительным смыслом, основанным на жизненном опыте или каких-то правилах общественного бытия: “Вуч цайтла, гьам экъечИда” (“Что посеешь, то и пожнешь”), “Ламраз пурар ягъунал, адакай шив жедач” (“Оттого, что положишь на осла седло, он не станет конем”) и др.

Лезгины создали богатый музыкальный и танцевальный фольклор. В наше время широко известно имя родоначальника дагестанской профессиональной музыки Г. Гасанова. Весьма популярны композиторы Г. Мурсалов, А. Мехман, П. Кебилов и многие другие. Значителен вклад лезгин в науку и культуру. Из среды лезгин вышло немало выдающихся личностей, внесших немалый вклад в науку и искусство. В вопросах физики, философии и других наук много сделал Магарам-эфенди Ахтынский (XIX в.). Видным ученым и поэтом того времени был кадий из Ахты Мирза Али-эфенди Ахтынский, который владел персидским, тюркским, арабским языками и писал на них. Заметный след в идеологической подготовке движения горцев Кавказа и Кавказской войны оставил шейх

Магомед-эфенди из Яраги (Магомед Ярагский). Он был духовным наставником и вдохновителем движения горцев против царизма.

Научные идеи шейха Ярагского продолжил его сын Гаджи Абдурахман-эфенди Ярагский – дядя по матери известного ученого Гасана-эфенди Алкадарского. Одним из крупных ученых Кюринского округа был Гаджи-Али-эфенди Рухунский, после смерти которого его место преподавателя местного медресе занял сын Абакар-эфенди. Эстафету научных изысканий Абакара-эфенди принял его сын Абдул-Гамид-эфенди. К числу известных ученых-арабистов относится Абдул Хаким-эфенди – уроженец Самурского округа, который жил и творил в сел. Шихикент. Он получил инвеституру от Магомеда Ярагского и стал наставником в тарикате накшибенди. Знаток арабских наук считался также сын Хакима-эфенди – Молла Абдул-Гай. Видной фигурой в науке был отец Гасана Алкадари (Алкадарского) – Гаджи Абдулла-эфенди. В юности он получил образование в Махмудкенте у Гаджи-Селима-эфенди и Молла Магомеда-эфенди Ярагского, а в последующем у гимринца Гази-Магомеда-эфенди и харахинца Гаджи Али-эфенди, затем у Магомеда-эфенди Ярагского. До конца своей жизни он занимался распространением знаний и наук в своем родном сел. Алкадар. В числе ученых можно упомянуть Гаджи Магомеда-эфенди, сына шейха Магомеда-эфенди. Видным арабистом – учеником шейха Магомеда Ярагского был Гаджи Амиралли-эфенди из сел. Тахирджал.

Вершина лезгинской науки связана с именем Гасана-эфенди Алкадарского (вторая половина XIX в.). Кроме лезгинского он владел русским, персидским и тюркским языками, прекрасно знал восточную литературу, сочинял стихи, в совершенстве знал физику, философию, изучению которых он посвятил ряд лет под руководством ахтынского кадия Мирза-Али-эфенди. Научные трактаты Алкадарского по религии, философии не потеряли значения и в наши дни. Его эстафету продолжили Г. Алкадарский, М. Гасанов и др.

Далеко за рубежами нашей страны известны имена профессоров – братьев Аливердиевых, А. Агаева, А. Абилова, А.Р. Шихсаидова, Х.Х. Рамазанова, У.А. Мейлановой, Б.Б. Талибова, А. Гюльмагомедова и др. Лезгины гордятся своими земляками – конструктором атомных двигателей – реакторов морских кораблей контр-адмиралом Г. Гасановым, адмиралом Военно-морского флота СССР Г. Лезгинцевым.

В поэзии прославились Е. Эмин, С. Стальский; любимый поэт лезгинского народа – Тагир Хрюкский.

Заметный вклад в дагестанскую литературу внесли поэты, ашуги Лезги Салих Ярагинский (XVII в.), Ялцугъ Эмин (XVII – первая половина XVIII в.), Абдулхалик (Закир) Ахтынский, Магарам Ахтынский, ашуг Шайда из Тагиркента (XVIII в.) и др. Видное место в культуре лезгин занимает творчество поэта-бунтаря Саида Кьюьчхуьрского, жившего и творившего в XVIII – начале XIX в. Под влиянием его поэзии творил и поэт Лезги Ахмед из Кусара (XVIII – начало XIX в.). О думах и чаяниях лезгинского народа писали в своих стихах Мазали Али из сел. Маза, Молла Нур из сел. Ахты, Стал Саид из сел. Ашага Стал и др. В XX в. лезгинскую поэзию и прозу прославили Раджаб Амирханов – соратник Саида Габиева, а также Ахцег Гаджи, Абдуллах Саруханов из сел. Ман-Кули (Кусарский р-н), Нуредин Шерифов (Кусарский р-н), А. Саидов, И. Гусейнов, Шах-Эмир-Мурадов, А. Фатахов, К. Акимов, А. Фатуллаев, Х. Хаметова, Б. Салимов и многие другие. Из среды лезгин вышли профессиональные революционеры Н. Самурский, К. Агасиев, М. Айдинбеков.

Тысячи лезгин удостоены правительственных наград страны. Среди них герои Советского Союза В. Эмиров, Э. Салихов, А. Алиев, М. Велиев, герой Рос-

сии А. Исрафилов, генералы Р. Джафаров, М. Абилов, М. Кахриманов, братья Шайдаевы, М. Лезгинцев и др. Далеко за пределами страны известно имя замечательного скульптора Х.-Б. Оскара Сарыджи.

У лезгин еще до Октябрьской революции, а именно в 1906 г. сложился свой национальный театр. История дореволюционного драматического искусства горских народов знает лишь два–три драматических кружка, возникших в 1905–1906 гг. Одним из них был театральный кружок лезгин. Из группы самодеятельных артистов сел. Ахты выросли профессиональные артисты – супруги Саледин и Шамси Кухмазовы, получившие звание Народный артист Российской Федерации, и другие. В Дагестане чтут творчество народной артистки России певицы Рагимат Гаджиевой, а также заслуженных артистов Республики Дагестан певцов А. Камилова, Д. Рагимовой, С. Гаджиевой и многих других. Первой профессиональной киноактрисой стала Софиат Аскарлова. На сцене Большого театра СССР раскрылся яркий, самобытный талант солистки балета лезгинки Аллы Джалиловой.

Огромный вклад в музыкальную культуру Дагестана внесли профессиональные композиторы Г. Гасанов, З. Гаджиев, самодеятельный композитор Г. Мурсалов и др. Первой женщиной-композитором стала лезгинка Э. Ибрагимова, которая родилась и живет в Азербайджане. В ее творчестве наряду с азербайджанскими большое место занимают лезгинские песенные мелодии. Как в нашей стране, так и далеко за ее пределами снискало широкое признание имя талантливого дирижера и композитора Ниязи Гаджибекова, жившего и творившего в Азербайджане.

Среди народов Южного Дагестана весьма популярны лезгинские музыкальные ансамбли “Шахдаг“, “Самур”. Почти при всех домах культуры в лезгинских районах функционируют коллективы художественной самодеятельности, которые, разъезжая по селениям, знакомят зрителя с достижениями в области театрального искусства, проводят большую работу по пропаганде достижений культуры своего народа. При домах культуры функционируют также кружки по интересам, участником которых может стать любой желающий сельский житель.

Всему миру известны имена лезгин – чемпионов и призеров международных, всесоюзных, региональных спортивных соревнований Р. Ашуралиева, А. Ганиева, К. Агаева, К. Кибаетова, Ф. Вагабова, А. Вагабова, отца и сына Сулеймана и Султана Эфендиевых и многих других.

У лезгин налажен выпуск республиканской газеты, в районах издаются районные газеты на родном языке. По радио и телевидению на нем освещаются проблемы лезгинского народа. На лезгинском языке издаются также книги и журналы.

В наши дни перед лезгинским народом стоят важные задачи не только по укреплению экономики на местах, но и дальнейшего развития их культуры, решения многих наболевших вопросов. Наиболее остро эти проблемы проявляются у лезгин, проживающих в Азербайджане. Они не имеют печатного органа на родном языке. Обучение в школах нередко ведется на азербайджанском языке. В результате неоднократных обращений лезгинской общественности в начале 1930-х годов в начальных классах азербайджанских школ с лезгинским контингентом учащихся было введено преподавание на родном (лезгинском) языке. Но вскоре опять вернулись к преподаванию на азербайджанском языке. Этот вопрос вновь был поднят в 1960-е годы.

Правительство Азербайджана положительно решило данный вопрос, однако в республике не позаботились о выпуске учебных пособий и подготовке учительских кадров, в результате чего уроки родного языка стали заменяться дру-

гими. Сейчас дело преподавания лезгинского языка пущено на самотек, что приводит к превращению его в бытовой на территории Азербайджана. В конечном счете богатый язык оскудевает.

Среди части лезгин популярна идея воссоединения лезгинского народа, после распада Советского Союза оказавшегося разделенным государственными границами между Россией и Азербайджаном. Эта идея получила отражение в деятельности лезгинского движения “Садвал” (“Единство”). Оно успело провести уже три съезда, на которых обсуждались проблемы лезгинского народа. На первых порах это движение сыграло позитивную роль в возрождении национального самосознания лезгин, но в последующем приобрело экстремистское направление.

Основная проблема, стоящая перед лезгинами, как и перед всеми народами Дагестана на современной этапе, – это проблема незанятости трудоспособного населения на местах, нехватка пригодных для нормальной жизнедеятельности земельных угодий. Эта проблема привела к уходу целыми селениями и семьями части лезгин в низменные районы Республики Дагестан и другие республики СНГ на постоянное жительство (Прикаспийская низменность, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан и др.). Естественный рост населения обострит проблему незанятости и это, безусловно, приведет к дальнейшему расширению миграционных процессов среди лезгин.

АГУЛЫ

Агулы, *агъулар* (самоназвание – *гехуьнар*) – проживают в южной части Дагестана, в труднодоступных ущельях верховьев р. Гюльгеричай, в 20 населенных пунктах Агульского и Курахского районов. Часть агулов в 1960-е годы переселилась на равнину, в Дербентский и Каякентский районы. Численность в 1989 г. составляла 20 тыс. человек, из них в Дагестане живет 13 791 человек (Национальный состав... 1991. С. 128).

Агулы относятся к каспийскому и кавказскому типу переднеазиатской расы. Говорят на агульском языке лезгинской подгруппы нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи. Имеют пять диалектов (соответственно ущельям): тпигский (агульский), буркиханский (гехюнский), ричинский (керенский), кошанский, фитинский; каждая община – свой говор. В прошлом среди агулов были распространены лезгинский, азербайджанский языки, в настоящее время молодое поколение их почти не знает, а русским свободно владеет около 70% населения. Письменности на своем языке не было, пользовались арабским письмом, а с конца 1930-х годов русской письменностью. В 1991–1992 гг. создана письменность на родном агульском языке на основе русской графики.

Известные нам сведения об агулах относятся к VII в., в письменном источнике они названы “агутакани” (Армянская география VII в., 1877. С. 37). Эпиграфический, хроникальный и этнографический материалы свидетельствуют о существовании ряда населенных пунктов агулов с современными названиями в XI–XII вв. (Рича, Тпиг).

На территории, занятой агулами, сохранилось большое количество развалин древних поселений. В X–XIII вв. происходит процесс их распада и перегруппировки, вызванный экономическим развитием общества. Исторический процесс распада патриархально-родовых отношений ускорили нашествия арабов и монголо-татар в начале XIII в. На базе распавшихся древних поселений начинается укрупнение населенных пунктов. С целью их укрепления были построены

крепости в селениях, сигнальные и оборонительные башни, о существовании которых говорит эпиграфический материал и остатки этих сооружений.

В XI–XII вв. в Агуле ислам прочно вошел в быт населения, появляется письменность на арабском языке, о чем свидетельствует целый ряд эпиграфических памятников. Агулы сыграли большую роль в борьбе с монголами. Об упорной борьбе с иноземцами говорит надпись, вложенная в стену джума-мечети сел. Рича: “Истинно, войска проклятых татар – да оставит их без помощи Аллах – пришли в Бабиль кист Рича, когда оставалось десять дней до конца месяца раби аль-авваль. И сражались с ними жители Рича до середины раби аль-ахир в шестьсот тридцать седьмом году...” (Шихсаидов, 1956. С. 5–6). Это октябрь-ноябрь 1239 г. В последующие годы были восстановлены разрушенные крепостные сооружения, мечети, в том числе соборная. Рича выступает как крупная база распространения ислама в Нагорном Дагестане.

В конце XIII в. усиливается роль соседнего Казикумуха, и некоторые агульские земли входят в его состав. В конце XIV в. многие селения Дагестана были разорены, разрушены войсками Тимура, и ослабленные агульские общины окончательно потеряли независимость. С этого времени агулы в составе Казикумухского шамхальства объединились по ущельям в союзы сельских общин, в которых внешнеполитические вопросы решал шамхал, внутренние – представители селений. Агульские селения, входившие в Казикумухское ханство, были вовлечены в антирусскую политику, проводимую его ханом, последствием которой явилось неоднократное их разрушение и разорение (Агулы... 1975. С. 17). После окончания Кавказской войны в результате административно-судебной реформы, введения военно-народного управления агулы вошли в Кюринский округ.

В XVIII–XIX вв. существовали следующие формы земельной собственности: ханские земли (пашни, сенокосы, пастбища) – собственность ханов, они могли дарить их, продавать, сдавать в аренду; мюльк (все виды угодий) – собственность члена общины (семьи) со всеми правами; вакуф (все виды) – собственность мечети, образовавшаяся по завещаниям верующих, ее нельзя было делить, продавать, для использования прибегали к разным видам аренды; общинные земли (пастбища, выгоны, сенокосы) отчуждению не подлежали, существовала строгая регламентация условия пользования ими.

Социальная структура у агулов не являлась одинаковой. В большинстве общин джамаат был слабо дифференцирован, население составляли свободные общинники, а в сел. Буркихан, где находился представитель Казикумухского хана – бек с “правами на сбор повинностей с жителей этого селения” (Там же. С. 28), были представлены основные слои феодального общества (Дагестанская область... 1890. С. 159). Основная часть дворов здесь являлась райтской – зависимых крестьян.

Традиционное занятие агулов с древности – пашенное земледелие и скотоводство. Пахотной земли имелось мало, поля представляли собой небольшие участки на склонах, нередко крутых, часть полей была террасирована. В основном земли – богарные, но в долинах рек, на речных террасах имелись и поливные участки. Система земледелия близка к трехпольной: перелог (или пар) с плодосменным севооборотом, пар нередко удобренный.

Главные зерновые культуры: рожь, ячмень, голозерный ячмень, пшеница, конские бобы, горох, фасоль. Со второй половины XIX в. выращивали картофель, морковь, лук, чеснок.

Вспашка производилась с помощью горского плуга-дуруца. За посевами заботливо ухаживали женщины, дважды пропалывали за сезон. Жали хлеб серпом и короткой косой для одной руки. Молотьбу производили на специальном

Рис. 173. Селение Рича. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

току с помощью молотильных досок. Их волокли быки. До помола на водяных мельницах зерно очищали в реке и хорошо просушивали.

Животноводство было второй основной отраслью хозяйства агулов. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, ослов. В XVII–XIX вв. увеличилось поголовье овец в связи с усилением товарно-денежных отношений. Но занималась овцеводством небольшая часть населения. Продукты овцеводства, как и само поголовье, в XIX в. служили прежде всего предметом торговли и обмена. Роль крупного скота в хозяйстве была большой: тягловая сила, обеспечение молочными продуктами, топливом (кизьяк), удобрением. Преобладала форма выгонно-стойлово-пастбищного содержания.

Агулы имели довольно развитые домашние промыслы, кузнечное ремесло. Наибольшее распространение получила обработка продуктов животноводства: шерсти, кожи, овчины.

Отсутствие собственного скота и земли у многих крестьян, т.е. средств к существованию, а также жесткая эксплуатация труда чабанов и пастухов приводили к отходничеству. Большое число отходников из агульских обществ были заняты работами в хозяйствах табасаранских беков и на равнине. Многие уходили на Бакинские нефтяные промыслы, где часто заболевали туберкулезом, малярией и другими тяжелыми болезнями. Работая от зари до зари, они едва могли прокормить себя (Калоев, 1962. С. 84).

С установлением советской власти (1920 г.) изменилось общественно-политическое и социально-экономическое положение населения. Крестьяне получили земли в горах, зимние пастбища на равнине без арендной платы, большую финансовую помощь в виде долгосрочных и безвозвратных ссуд. Экономическая жизнь сосредоточивалась в колхозах и совхозах.

Современное хозяйство агулов многоотраслевое. Многие живут и трудятся в горах (около 30%), значительное число переселилось на равнину, где в составе многонациональных коллективов занимаются овцеводством, виноградарством. Горные селения имеют закрепленные за ними земли в равнинной зоне – прикутаные хозяйства (зимние пастбища, зерновые культуры, заготовка кормов). В горах сохраняются традиционные формы хозяйственной деятельности, но удельный вес животноводства возрос, оно становится ведущей отраслью. Из домашних промыслов продолжают функционировать ковроткачество и вязание носков.

Традиционные поселения агулов (середина XIX в.) насчитывали в среднем около 60 хозяйств. Заселены в основном речные долины. Расположение самих поселений разнообразно: у самой реки на относительно ровной площадке (Тпиг), ограниченной с двух-трех сторон обрывистой скалой, на значительной высоте от реки по склону горы (Рича, Фите), на вершине хребта (Буршаг).

При выборе места для поселения руководствовались следующими факторами: экономическим, а именно наличием на данной территории пригодных для возделывания участков земли, сенокосов, пастбищ; политическим – обеспечение обороноспособности; природным – возможность водоснабжения и использования солнечного света и тепла. Непременным был принцип экономии земли: поселение располагалось в центре своей территории на непригодных для вспашки участках, скальном основании, и застраховывалось от разлива и оползней. Кроме того, такая основа обеспечивала смывание мусора и грязи с улиц во время дождя. Поселение располагалось на труднодоступном, хорошо защищенном естественными преградами месте.

В зависимости от рельефа местности поселения принимают разные формы: на склоне – ступенчато-террасообразную, когда дома расположены бессистемно, хаотично, нет горизонтального ряда; беспорядочно-ступенчатую; на гребне

Рис. 174. Селение Тпиг. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

холма – кучевую. Во многих селениях сочетаются элементы двух, а то и всех форм. Облик аула меняется по мере его роста, развития.

Характерной особенностью планировки были теснота и скученность, дома примыкают друг к другу, создают сплошную застройку улицы. Улицы узкие, крутые, извилистые, в одних аулах много тупиков, в других – туннелей. С середины XIX в. в новых кварталах уменьшается скученность, меняется общественная структура, ослабляются тухумные связи.

В современном сельском строительстве руководствуются другими принципами и факторами. Исчезли те причины, которые вызывали к жизни традиционное поселение. Для нынешней планировки характерны разбросанность, стремление к свободному расселению, чтобы дом был с приусадебным участком, двором и свободным подъездом для автотранспорта. У переселенцев на равнине застройка велась по генеральному плану с соблюдением принципа улично-квартальной планировки.

Жилище агулов было представлено разнообразными и по этажности, камерности, планировке постройками с плоской земляной крышей. Распространение получил дом в два–три этажа без двора и усадьбы – жилищно-хозяйственный комплекс с одним входом и узким световым отверстием (типа бойниц) на нижних этажах. В одной постройке находились жилые комнаты, хозяйственные помещения, хлев. Наряду с хозяйственно-бытовыми дом выполнял и оборонительные функции. Этажи сообщались по внутренней каменной лестнице. Имелись и четырехэтажные дома.

Интересна архитектурная конструкция (“малодеревяная”) агульского дома. Перекрытие нижних этажей состояло целиком из каменных плит, покоящихся на арочной конструкции или на каменных опорах столба.

Рис. 175. Квартал селения Буршаг. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

Рис. 176. Квартал селения Кураг. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

Рис. 177. Боевая башня в селе-нии Хоредж. (Из личного архи-ва Исламмагомедова А.И.)

Жилая часть состояла из одной, двух или трех комнат, в зависимости от материального положения семьи. Жизнь семьи проходила в одной комнате, если даже в доме были еще комнаты, она служила и кухней, и столовой, и спальней, и рабочей. Называли ее «очажной». В ней находился очаг – камин. Если в доме имелась вторая комната, то ее отводили под гостиную – нарядную, обставленную по возможности богато, например, на специальных полках под потолком расставляли парадную посуду, специально покупаемую. Она являлась и кунацкой.

Внешним украшением жилища были наборные каменные пояски, консоли карнизов, орнаментированные резьбой оконные ставни и рамы.

Современное жилище – двухэтажное, каменное, кирпичное со скатной крышей (железо, шифер), с застекленной верандой, большими окнами, деревянными полами. Дом имеет открытый двор и приусадебный участок. В интерьере сочетаются традиционные элементы (особенно в очажной) с фабричной мебелью и технической аппаратурой, газовая плита с железной печью. Формы организации жилищно-хозяйственного комплекса разнообразные.

Основные потребности агулов в одежде удовлетворяли местные домашние промыслы: производство сукна, обработка кожи, изготовление войлока, вязание и т.д. Для изготовления натальной мужской, женской и детской одежды приобретались дешевые хлопчатобумажные ткани, а для нарядной одежды – дорогие восточные и российские ткани, головные шелковые и парчовые платки, серебряные украшения.

Традиционная одежда была однотипна с одеждой других народов Дагестана (Сергеева, 1988. С. 41). У мужчин она состояла из натальной рубахи *бергьам* ту-

Рис. 178. Минарет в селении Рича. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

никообразного покроя и штанов *шалвар*, поверх которых надевались бешмет *валжаг* и черкеска *чохъай*. Черкески и нарядные бешметы носили с дорогими покупными кожаными поясами с серебряным набором.

Теплой одеждой были нагольные меховые шубы двух видов: *кул* – с обычными рукавами, слегка приталенная, с небольшим шалевым воротником, *хлякул* – шуба-накидка большого размера трапециевидной формы с длинными ложными рукавами и большим шалевым воротником. Принадлежностью одежды путника, чабана явилась бурка *лит* местной выделки или привозная.

Головным убором служила папаха *бармак* двух видов: с высокой тульей и круглым верхом и с более высоким центром и покатыми краями – “чабанская папаха”.

Рабочей обувью были поршни из одного куска сыромятной кожи *шумар*, имевшие форму ботинок, и *шаламар* в форме низких чупяк со шнуровкой на носочной части. В быту носили мягкие сафьяновые чупяки *махсар* с обувью без задника *башимакъар*, *яхул калушар* (лакские калоши) – кожаные чупяки с грубой подошвой. Элементом парадной одежды были хромовые сапоги *чакмавур*. Теплой обувью являлись вызанные сапоги *гивянар* с отогнутым назад носком, которые по характеру орнамента и его композиционному решению отличались от подобных же изделий у других народов Южного Дагестана.

Традиционной одеждой агульских женщин являлись платье-рубаша туникообразного покроя, штаны с неширокими штанинами, распашной *валжаг* с узким, облегающим фигуру лифом и широкой юбкой. С нарядным *валжагом* надевали серебряный пояс *камар*. Теплой плечевой одеждой была овчинная шуба

Рис. 179. Традиционное жилище. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

Рис. 180. Жилище конца XIX в. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

Рис. 181. Современный дом в селении Тпиг. Конец XX в. (Из личного архива Исламгагомедова А.И.)

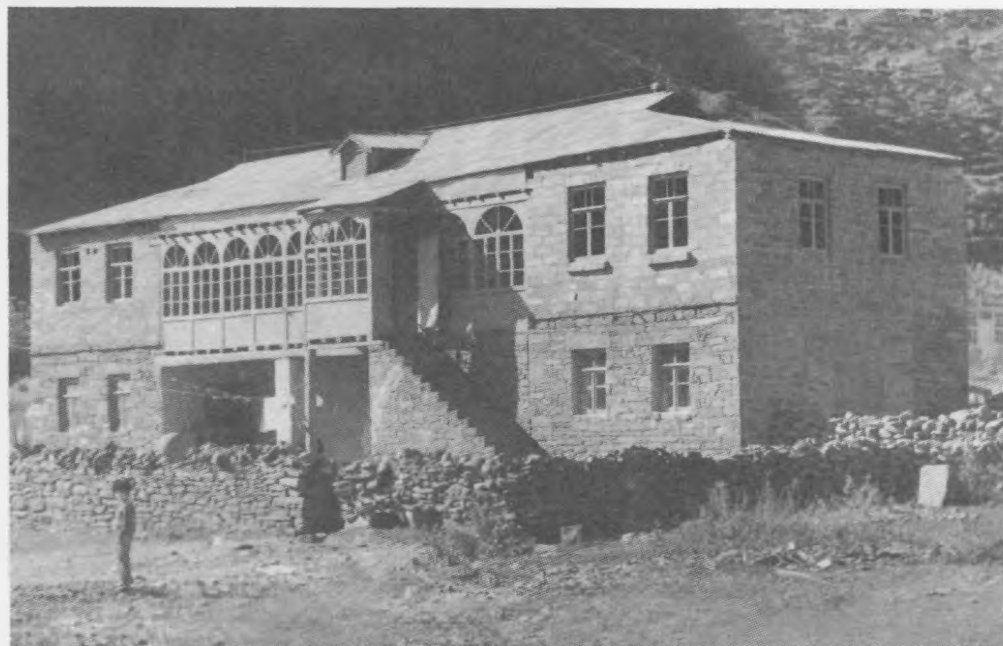

Рис. 182. Современное жилище. Конец XX в. (Из личного архива Исламгагомедова А.И.)

Рис. 183. Агулы в традиционной одежде. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

Рис. 184. Агул в традиционной шубе. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

Рис. 185. Агулка в традиционном праздничном костюме. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

Рис. 186. Агулка в традиционном валжаге и нагрудном украшении. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

Рис. 187. Агулка в старинной одежде. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

Рис. 188. Девочка в традиционном головном уборе. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

Рис. 189. Агульская семья. (Из личного архива Исламмагомедова А.И.)

кул в форме трапеции с узким шалевым воротником или без него, но с отделкой горловины кусочками сафьяна. Носили еще всевозможные безрукавки из овчины, а также матерчатые, подбитые ватой или шерстью.

Обувь была вязаной, с отогнутым назад носком, а также кожаной типа чарыков – *чурукъяр*, *яхул калушар*. И женщины, и мужчины с кожаной обувью носили вязаные носки.

Головной убор состоял из наволосника *къуч* и покрывала-полотнища *клев* (*ашмагъ*, *майзар*). Агулки, особенно молодые, носили серебряные украшения, которые, отличаясь разнообразием, имели вместе с тем особый агульский колорит. Обилием украшений отличалась свадебная одежда.

В наши дни агулы – мужчины и женщины – разных возрастов носят одежду современного, общеевропейского покроя, преимущественно покупаемую, приобретаемую в магазинах и на вещевых рынках; только в одежде пожилых и старых жителей сельской местности встречаются отдельные элементы традиционного костюма: у мужчин – папахи, овчинные шубы, у женщин – головные платки, традиционные безрукавки, вязаные носки.

Почетное место в питании агулов занимало мясо, в первую очередь баранина, реже – говядина, но в повседневном быту на столе агулов оно появлялось нечасто, за исключением тех случаев, когда забивали скот для заготовки мяса впрок или для ритуальных целей. Круглый год в питании использовались молочные продукты: масло, творог, сыр, брынза, айран, сыворотка.

Основной пищей агулов были изделия из муки и круп. Недостаток местного зерна восполнялся приобретением его в обмен на продукты животноводства. Агулам известны различные виды хлебов, в том числе и оригинальный *тлувечай* в форме розетки, заключенной в круг, выпекаемый из ржаной муки. Большое место в пище занимали всевозможные пироги – *кукалай*, *къутлур*, *бахта* –

Рис. 190. Селение Буркихан Агульского района. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1953 г.)

Рис. 191. Двухэтажный дом в селении Тпиг. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1953 г.)

Рис. 192. Улица в старой части селения Тпиг. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1953 г.)

Рис. 193. Сбивание масла. Селение Тпиг. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1953 г.)

Рис. 194. Семья агулов в 1950-е годы. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1953 г.)

Рис. 195. Танцы на свадьбе в селении Буркихан. (Фотоархив ИЭА РАН, экспедиция 1953 г.)

с разнообразной начинкой: из дикорастущих съедобных трав (крапива, черемша, мята, щавель, конский щавель и др.), творога, овечьего сыра, из свежего и вяленого мяса, требухи и пшеничной муки, крупы, обильно приправленных яйцами, орехами, душистыми травами, специями.

Из горячих блюд наиболее популярен хинкал (*хинкал*) разных форм и размеров, который готовили как на мясном бульоне, так и в воде, и ели с различными приправами (чесночной, из кислого молока, жареного курдюка) или же просто с молоком и маслом. Распространены были всевозможные супы на мясном бульоне, молочные, постные, заправленные крупами голозерного ячменя, пшеницы, горохом, рисом. К супам можно отнести и ритуальное блюдо *кыр*, или *члак*, варившееся из пшеничных зерен, гороха с добавлением сушеного мяса и костей. Из муки и круп готовили всевозможные каши, которые ели с цельным молоком, маслом, сметаной, кислым молоком, медом. В особо торжественных случаях варили плов из риса или полбы.

За годы советской власти в пище агулов произошли большие изменения: в рацион их повседневного питания вошли такие прежде малодоступные продукты, как сахар и всевозможные кондитерские изделия, покупные крупы, консервы, овощи, фрукты; появился целый ряд блюд, заимствованных из русской и кавказской кухни.

Агулы жили малыми семьями. Небольшое количество неразделенных семей существовало до начала XX в., они были немногочисленными. По внутрисемейным отношениям, хозяйственной организации, составу агульская семейная община не отличалась от классической общекавказской модели.

Брачные союзы обычно заключались внутри тухума, предпочтение отдавалось эндогамным бракам, при выборе брачных пар решающее слово принадлежало родителям; господствовали авторитарные порядки. Однако мнение молодых людей, особенно юноши, старались учесть. В свадебных торжествах участвовали все жители селения, кунаки. Наиболее важный момент – перевод невесты в дом жениха на второй день свадьбы в сопровождении ее родственников, молодежи аула, музыкантов и встреча с матерью и родственниками жениха (осыпание сахаром, зерном, угощение медом, получение подарков). Характерен обычай “скрывания” жениха в доме дружки и особого приглашения его домой на свадьбу. Завершал цикл свадебных обрядов вывод новобрачной за водой к источнику – знак перехода ее в члены новой семьи и приобщения к хозяйству.

Общине между супругами было сдержанным, особенно при посторонних. Обычая избегания не придерживались, женщина в семейных делах обладала большой свободой. Существовало половозрастное разделение труда, с малых лет детей воспитывали в труде.

В современных семейно-брачных отношениях произошли существенные перемены: расширение брачного круга, приоритетное значение выбора молодых, ослабление роли родителей, демократизация взаимоотношений. Свадьба проводится по традиционному сценарию с включением в него в большей или в меньшей степени инноваций. В городе она также сохраняет некоторые свои национальные традиции, но преобладают в ней общедагестанские городские атрибуты.

Духовная жизнь агулов отличалась богатством и разнообразием. Существовал развитый сельскохозяйственный календарь, с которым были связаны различные обряды и народные праздники, многие пословицы и поговорки, космогонические представления.

Своеобразна народная праздничная культура агулов. Наиболее торжественно отмечали праздник начала весны и нового календарного года *эрен цла, кьеткьетай, хидин оьш, эвельцан*, который приходился на конец второй дека-

ды марта. Готовили ритуальные блюда, числом не менее семи. Ими угощались в семье и с ними посещали родственников, семьи женихов и невест. Разжигали костры, через которые прыгали сельчане всех возрастов с заклинаниями о крепком здоровье, хорошем урожае в наступающем году. Для этого праздника характерны также катание на качелях женщин всех возрастов, развлечения детей и подростков, бросавших с помощью пращи глиняные шарики с горящими фитилями, хождение ряженных по селу, гадание девушек, погодные, хозяйственные и бытовые прогнозы на начинающийся год.

Праздника первой борозды как такового у агулов не было, но элементы его прослеживаются: проведение борозды поручали опытному пахарю, человеку доброму и справедливому. Когда он выводил в поле своих быков, их осыпали мукой, рога обматывали разноцветными лоскутами.

Большой праздник летнего периода был связан со сбором черемши. Агулы разных селений съезжались на вершину горы Джуфудаг, куда приезжали также табасаранцы и даргинцы. После сбора черемши здесь устраивались коллективная трапеза, а затем развлечения, танцы, соревнования в скачках лошадей.

Своеобразна песенно-музыкальная культура агулов. Песни исполнялись на родном, лезгинском и азербайджанском языках. Рассказы, сказки, плачи – на родном. Фольклор представлен лирическими песнями, сказками, пословицами, поговорками, загадками, рассказами о мифических существах, историческими преданиями и т.д.

В общественной жизни стойко сохранялись обычаи взаимопомощи, почитания старшего, гостеприимства (специфическая черта этикета – приветствие гостя не на пороге, а внутри дома).

В наше время традиционная культура получает развитие, есть писатели, композиторы, ученые (З.К. Тарланов, Х.Х. Рамазанов, Ш.М. Ахмедов, Ш.А. Мазанав), сформировалась национальная интеллигенция.

Агулами по национальности являются такие государственные деятели Дагестана, как заместитель председателя Госсовета Республики Дагестан Такибат Алаутдиновна Махмудова, министр по делам национальностей и внешних связей М.-С.М. Гусаев и др.

На родном языке составлены алфавит, букварь; наличие своей письменности дает возможность сохранить многие обычаи и культурные ценности.

РУТУЛЬЦЫ

Рутульцы – один из народов Дагестана. Этноним их происходит от названия главного селения Рутул, которое сами рутульцы называют Мыхед, а себя – *мыхабыр*. У рутульцев нет общего самоназвания, жители каждого селения называют себя по его наименованию. Цахуры всех рутульцев называют *мыхацура*, *агьакъбы*, лезгины – *мыдхадар*, *рутулар*, *вана-вацлар* (*вана* – верхняя, *вацл* – река, т.е. люди, живущие в верховье реки).

Основная масса рутульцев живет компактно в Рутульском р-не Республики Дагестан, в долине р. Самур и его притоков; два селения – Хнов и Борч – располагаются в долине р. Ахты-чай в Ахтынском р-не и четыре (Шин, Кайнар и др.) – в Республике Азербайджан. В настоящее время часть рутульцев проживает за пределами исконной территории в переселенческих селах Прикаспийской равнины, а также в городах Дагестана, России и СНГ. Территория традиционного расселения рутульцев – это труднопроходимые горные хребты, изрезанные ущельями многоводных рек. Между реками Самур и Ахты-чай проходит

Цейлаханский хребет, достигающий 4015 м над уровнем моря, а долину р. Ахты-чай от Азербайджана отделяет Главный Кавказский хребет. Рутульцы занимают юго-западную часть Южного Дагестана и граничат на востоке с лезгинами, на западе – с цахурами, на северо-западе – с лакцами селений Верхний Катрух и Аракул и азербайджанцами сел. Нижний Катрух, на северо-востоке – с агулами и даргинцами сел. Чирах. На большей части территории рутульцев зима холодная, а лето прохладное с частыми туманами и дождями. Склоны гор покрыты травянистой растительностью и служат хорошими пастбищами для скота. Весь правый берег Самура занимает лесной массив. Северные склоны некоторых горных вершин покрыты вечным снегом (Лавров, 1955. С. 192).

По данным переписи 1989 г., число рутульцев в бывшем СССР – 20 672 человек, в Дагестане – около 15 000 (Национальный состав... 1990. С. 128).

Рутульский язык – бесписьменный, входит в лезгинскую группу языков. В 1993 г. составлен рутульский алфавит на основе русской графики и с того же года рутульский язык преподается в школах рутульских селений Рутульского р-на. Рутульцы двуязычны, значительная часть населения владеет несколькими языками. Языками межнационального общения для рутульцев служат русский и в меньшей степени азербайджанский.

В источниках не сохранилось сведений о древней истории рутульцев. Самое раннее сообщение о них – о народе “хеноки” – имеется у армянского географа VII в., который некоторыми исследователями отождествляется с хновцами. В дагестанской исторической хронике “Ахты-наме” в числе других лезгинских народов, участвовавших в ожесточенной борьбе с хазарами, упоминаются и рутульцы.

На рутульской территории обнаружено значительное число арабских надписей, сделанных куфическим письмом, которое вышло из употребления в XIV в. Согласно надписи на камне в стене мечети в сел. Лучек (правда, часть исследователей, например, А.Р. Шихсаидов считает ее сомнительной), ислам здесь утвердился в 128 г. Хиджры, т.е. в 745–746 гг. нашего летосчисления; другие надписи свидетельствуют о реставрации после разрушения мечети в Ихреке в 1016–1017 гг., частного дома и ханака (общежитие суфиев) в Рутуле в 1150 г. (Лавров, 1962. С. 113).

Такие рутульские селения, как Рутул, Ихрек, Шиназ, Лучек, Амсар, Хнов, Мюхрек, известны еще со средневековья, в них имеются эпиграфические материалы XI–XIV вв., некоторые упоминаются у арабских авторов (Шиназ, XIII в.). Более полные сведения имеются о Рутуле и Хнове в сочинениях XV и XVI вв.

В источниках XVIII в. рутульские селения фигурируют в составе “вольных обществ”, называемых магалами: Рутульского (основная масса рутульских и несколько лезгинских селений) и Ахтыпаринского (селения Хнов, Борч), однако, из документальных материалов видно, что в более ранний период в Рутуле имелись феодальные правители.

Отношения между селениями внутри Рутульского магала были напряженными из-за повинности, известной под названием *пахта*, которую жители всех рутульских и ряда лезгинских селений (Хрюг, Зрых, Гогаз, Усур, Кала, Ялах, Луткун), входивших в это вольное общество, отбывали в пользу главного селения магала – Рутула. Повинность состояла в том, что жители сел. Рутул партиями от 100 до 300 человек раз в год отправлялись в каждое из селений своего магала в гости и размещались в домах, хозяева которых три дня должны были кормить их отборной пищей и предоставлять фураж для лошадей. В XVIII в. жители Шиназа, Калы, Амсара и Хрюга отказались отбывать пахту в пользу рутульцев. С собственно рутульскими селениями Рутул воевать не решился; что

Рис. 196. Селение Рутул. (Здесь и далее в очерке “Рутульцы” фото из личного архива Булатовой А.Г.)

касается Хрюга, то борьба с ним у Рутула была длительной и жестокой. Закончилась она тем, что ахтынцы взяли под свое покровительство Хрюг, Гогаз, Усур и Кала. Лезгинские селения Рутульского магала Луткун и Ялах прибегли к покровительству Сурхай-хана II Казикумухского, который отобрал у Рутульского союза и сел. Ихрек с ущельем р. Кара-Самур.

С 1820 г. рутульцы попали в зависимость от России. В 1839 г. Рутульский магал был присоединен к Елисуйскому султанству. В 1844 г. после перехода на сторону Шамиля султана Даниельбека из бывшего Елисуйского султанства и Рутульского магала был образован Елисуйский округ, состоявший из трех магалов: Елисуйского, Ингелойского и Рутульского. Вскоре последний был присоединен к Самурскому округу.

В 1860 г. в состав Рутульского магала вошли и земли Верхнего, иначе, Горного магала, где жили цахуры. Управлял этой территорией наиб, назначенный из рутульских беков и живший в сел. Рутул. Он подчинялся начальнику Самурского округа, резиденцией которого являлось сел. Ахты.

В 1862 г. было образовано еще Ихрекское наибство, куда вошли цахурские земли Рутульского наибства и ущелье Кара-Самур, входившее до этого в Казикумухское ханство. Однако вскоре Ихрекское наибство было упразднено, а его территория вошла в состав Рутульского наибства (позднее – Лучекского участка), которое с того времени стало делиться на три магала: Рутульский, Горный (земли цахур) и Ихрекский.

Основное занятие рутульцев до Октябрьской революции, как и в настоящее время, – животноводство: разведение крупного рогатого скота и отгонное овцеводство. Животноводство до революции было малопродуктивным и мало доходным (слабость кормовой базы), требовавшим большой затраты труда и средств.

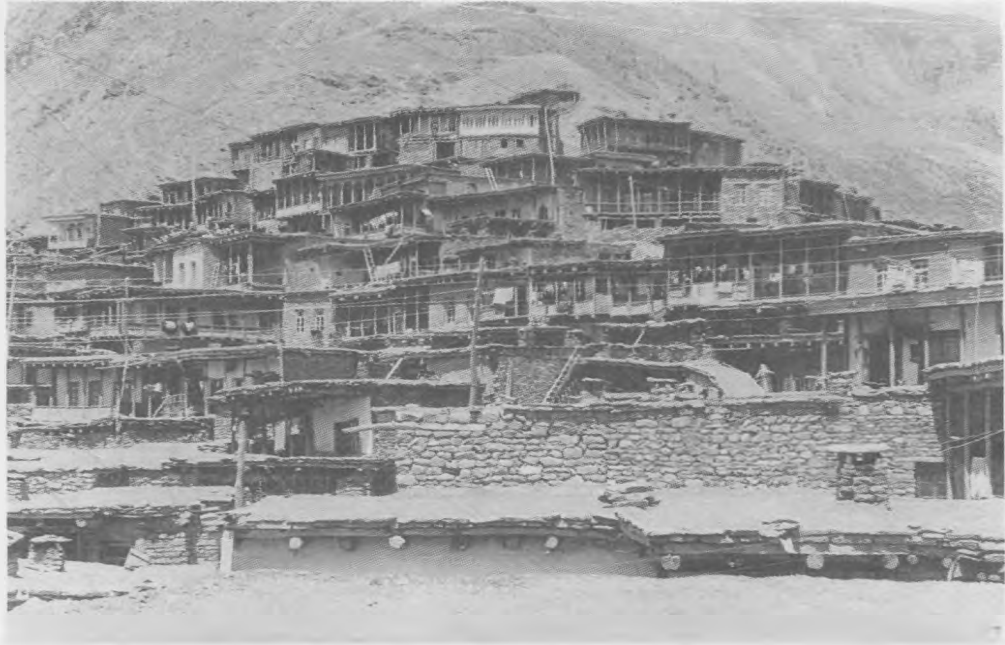

Рис. 197. Селение Ихрек

Из-за неимения у себя зимних пастбищ рутульцы арендовали их у лезгин, аварцев, азербайджанцев, грузин. Некоторым рутульским селениям не хватало и летних пастбищ, которые они на сезон арендовали у соседних сел. Арендатором было сельское общество – джамаат, и арендная плата раскладывалась на отдельные хозяйства джамаата, но арендованный участок не распределялся по хозяйствам. Одна часть сенокосных угодий находились в собственности кварталов, другая – в собственности отдельных хозяев (Там же. С. 127–128).

В способах ведения скотоводческого хозяйства преобладали пастбищные: круглый год скот содержался под открытым небом, подкорма овцы зимой не получали. Ежегодные перегоны с летних на зимние пастбища и обратно сопровождались большим падежом скота: от бескормицы, недостатка водоемов, чрезмерного скопления скота на скотопрогонных трассах и вынужденных простоев в пути. Овцеводство у рутульцев и в наши дни остается отгонным, но перегоны совершаются по определенным графикам, на скотопрогонных трассах работают ветеринарные пункты, отведены специальные участки для пастыби в пути, автомашины подвозят фураж для подкорма на местах, лишенных растительности, используются автомашины для перевозки ягнят и отстающих от стада овец. На зимних пастбищах строятся утепленные помещения для скота и благоустроенные жилые постройки для чабанов. Когда в непогоду скот не может пользоваться подножным кормом, ему дают подкорм. Овцеводство и в прошлом, и ныне – занятие мужское.

Земледелие до революции у рутульцев имело гораздо меньшее значение, чем животноводство, и носило чисто потребительский характер. Пахотные участки, в отличие от пастбищ и сенокосов, находились в подворной собственности. Сеяли пшеницу, яровую и озимую, рожь, ячмень, просо, полбу, сажали картофель. Техника земледелия была низкой, господствовало однополье. Для вос-

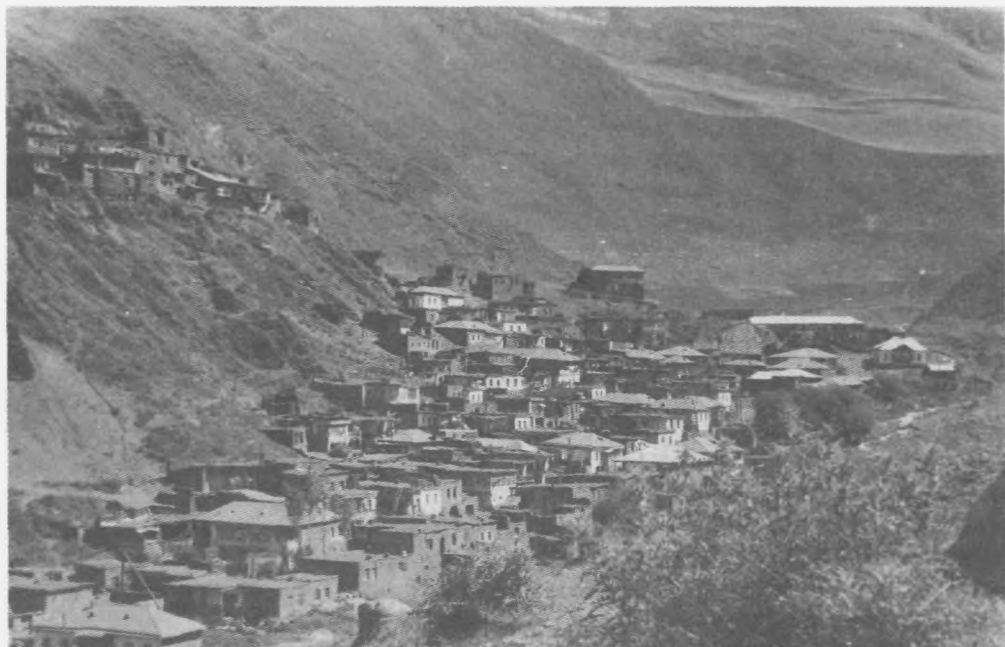

Рис. 198. Тип горного селения

становления плодородия почвы применяли органические удобрения. Землю пахали легким ралом с железным наральником, поднимавшим только самый верхний слой почвы. Урожай убирали серпами. Вспашка, удобрение и сев входили в обязанность мужчин, а прополка, жатва – женщин. Низкая техника земледелия была причиной малой урожайности полей. До установления советской власти рутульцы не знали большинства овощей и мало занимались садоводством.

Многие из рутульцев помимо сельского хозяйства занимались домашними промыслами: выделкой гончарной посуды, изготовлением кожаной обуви, производством шерстяных изделий – сукна, бурок, войлоков, ковров, носков, вязаной обуви и пр. Заказчиков обслуживали кузнецы, каменщики, сапожники, лудильщики, мастера по изготовлению художественных изделий из металла. Часть ковродельщиц, вязальщиц шерсти, сапожников и других работали на продажу.

Со второй половины XIX в., после окончания Кавказской войны, возросли торговые связи с соседними народами и между самими рутульцами. На базарах в Нухе, Ахтах, Казикумухе рутульцы продавали излишки животноводческих продуктов и приобретали хлеб, фабричные товары и изделия кустарной промышленности. В 1892 г. был открыт еженедельный базар в Рутуле, просуществовавший несколько лет. Постоянная торговля сосредоточивалась в лавках, которые содержали рутульцы и евреи. В годы советской власти усиление торгово-экономических и иных контактов связано с улучшением дорожной сети. Построены сотни километров автомобильных дорог, соединивших рутульские селения между собой и с другими районами Дагестана. Существует регулярное автобусное сообщение между селениями рутульцев и городами республики. В каждом селении функционируют магазины промышленных товаров и продуктовые, в отдельных – и книжные.

Расселение рутульцев определялось многими факторами, общими для всех народов Дагестана: экономическим (экономия земли, годной под пашню), естествен-

Рис. 199. Селение Шиназ

но-географическим (близость воды, солнечная ориентация), политическим (обороноспособность) и т.д. Наиболее ранний тип поселений рутульцев – небольшие тухумные поселения. Их объединение послужило основой для крупных территориально-тухумных поселений, вызванных к жизни разложением патриархально-родовых отношений, необходимостью повышения обороноспособности. Форма и планировка поселений рутульцев вытекает из топографических условий местности: мелкие поселения имеют кучевой план. По группировке домов внутри поселения делятся на два вида: вертикального и горизонтального расположения. Первый вид характерен для большинства рутульских селений.

Общественным центром селения в прошлом была соборная мечеть и годекан около нее – своего рода мужской клуб. Для того чтобы не нарушать комплексно-оборонительный характер поселения, магистральные дороги прокладывались по нижней его стороне. По этой же причине и кладбища выносились за пределы селения. Для поселений советского периода характерны разрастание в сторону пологого склона горы, строительство новых домов, школ, советских учреждений на более ровном, удобном месте, а в некоторых случаях и переселение целыми селениями на новое место – на бывшие пашенные участки или же переселение на Приморскую равнину. Центром общественной жизни ныне стал клуб или дом культуры, местами сохранилась определенная роль годеканов.

В процессе исторического развития у рутульцев сложились несколько жилищно-хозяйственных комплексов: 1) с внутренним расположением жилых, хозяйственных и подсобных помещений. Для него характерен двухэтажный дом без двора и надворных построек. Первый этаж дома отводится под хлев, складское или хозяйственное помещение, а второй служит жильем; 2) комплекс с внутренним расположением жилых, хозяйственных и подсобных помещений. Дом двухэтажный, квадратной формы с небольшим открытым двориком в центре;

Рис. 200. Минарет мечети в селении Шиназ

3) состоящий из жилого дома (одно- и двухэтажного), стоящего отдельно от хозяйственных построек. Имеется обособленная хозяйственная постройка – “хлев–сеновал”, структурно не связанная с жилым домом. Жилой дом не имеет ни двора, ни ограды и стоит, тесно прижавшись к другим домам. В этом доме все помещения первого и второго этажа – жилые; 4) одно- или двухэтажный дом с небольшим открытым двором впереди, с надворными хозяйственными и подсобными постройками.

Наиболее ранней формой и первоосновой всех типов жилищно-хозяйственного комплекса было одноэтажное однокамерное жилище с примыкавшей хозяйственной одноэтажной постройкой. Для XIX – начала XX в. наиболее характерным являлся двухкамерный одноэтажный и двухэтажный каменный дом

без веранды и усадьбы. В старом традиционном жилище вместо окон имелись световые отверстия разных размеров, иногда в виде узких стрельчатых щелей, которые давали мало света, но при военных обстоятельствах могли быть использованы как бойницы. Стекол в окнах большинства рутульских жилищ до установления советской власти не было. В интерьере традиционного и современного рутульского жилища большую роль играли ковры (и войлоки) местного изготовления, а ныне и фабричного производства.

Традиционная одежда рутульцев однотипна с одеждой других народов лезгинской группы. Мужчины в качестве нательной одежды носили туникообразного покроя рубаху *ухун* с круглой окантовкой ворота и прямым вертикальным разрезом спереди и штаны *баду* с неширокими штанинами. Поверх рубахи надевали короткий, слегка приталенный бешмет, а в качестве нарядной одежды на бешмет надевалась череска вначале закавказского типа с откидными рукавами, украшенная галунами с отдельно надеваемой газырницей на ремне, а со второй половины XIX в. северокавказского типа с нашитыми на груди карманами, в которые вставлялись газыри. На голове рутульские мужчины носили папаху *бармак* из длинноворсистой овчины, на ногах – вязаные из цветных шерстяных ниток сапоги *кямашбыр* с загнутыми вверх носами. Рабочей обувью были постолы *келамбы* из одного куска кожи. Теплой одеждой рутульцу служила нагольная овчинная шуба *кѣабачей*, надеваемая в рукава, по покрою близкая к бешмету. В свободное от работы время мужчины всех возрастов носили большую овчинную шубу-накидку *гылымат* с длинными ложными рукавами. Дорожной одеждой рутульца была бурка *лит*, в развернутом виде имевшая форму полуокружности. Профессиональной одеждой чабана являлся плащ *чопуз* из войлока, туникообразного покроя.

Повседневная одежда рутулки – туникообразное платье-рубаха *ухун* и штаны *вахчаг* с неширокими штанинами, а в соседних с Азербайджаном селениях носили широкие штаны *квякике*. Верхняя одежда – бешмет *валжаг* – была распашной, на основной территории проживания рутульцев – длинной, а в селениях, пограничных с Азербайджаном, – короткой, до бедер. Во втором случае с бешметом, имевшем вид расширяющейся ниже талии кофты, носили широкую длинную юбку. В холодное время года рутулки надевали приталенную овчинную шубу такого же покроя, как и мужская шуба *кѣабачей*. В качестве теплой обуви женщины носили вязаные сапоги с отогнутым назад носком, отличавшиеся от мужских только цветовой гаммой. Головной убор рутулки состоял из мешкообразного наволосника *кѣациген* и сложенного треугольником платка. В одежде женщин значительное место занимали серебряные украшения. В настоящее время все рутульцы носят одежду только европейского покроя. Обязательной принадлежностью костюма пожилого рутульца, как и прежде, остается папаха, а старой рутулки – головной платок. Некоторое применение имеют и овчинные шубы в одежде представителей старшего поколения.

В пище рутульцев использовались мясо-молочные и мучные блюда. Мясо употреблялось в свежем и вяленом виде, а также в виде колбас, заготавливаемых обычно на зиму. Впрок заготавливались и молочные продукты: масло, творог, брынза, засушивались дикорастущие съедобные и лечебные травы.

В повседневном питании рутульцев большое место занимал хинкал – разной величины и по-разному сформированные кусочки теста, вареные в мясном бульоне и подаваемые с вареным мясом и бульоном или с маслом и творогом. Популярны были каши, мучные и крупяные, пироги и пельмени с начинкой из разнообразных трав, творога, мяса. В качестве слабохмельного напитка употреблялся *кян* – род общедагестанской бузы, приготовленный путем самоброжения из муки проросшей пшеницы в смеси с толокном, разведенных в кипяченой воде.

Рис. 201. Традиционные жилища в селении Шиназ

Рис. 202. Традиционный сеновал

Рис. 203. Рутульский дом в селении Мюхрек, 1970-е годы

Рис. 204. Резьба по дереву. Дом в селении Мюхрек, 1970-е годы

Рис. 205. Рутулец в традиционном костюме. Селение Ихрек

Рис. 206. Рутулец в традиционной шубе-накидке. Селение Лучек

Рис. 207. Рутулец в ночной шапке. Селение Лучек

Рис. 208. Рутулец в повседневной одежде, 1960-е годы. Селение Ихрек

Рис. 209. Рутульцы на годекане, 1960-е годы. Селение Ихрек

Для обозначения широкого круга родственников по отцовской линии рутульцы употребляют распространенный в Дагестане термин “тухум”. Тухумным главой признавался *ада баба* (“старый отец” – заимств. из азерб. яз.) – самый старый член тухума. Он играл роль судьи в спорах между родственниками и главного советчика в семейных делах сородичей. В важных случаях ада-баба созывал совет родственников, состоявший из глав отдельных семей тухума. На заседаниях этого совета решались дела о разделе семейного имущества, а также договаривались о браках и др. Вплоть до XX в. ада-баба мог избить сородича, ослушавшегося его. Высшей мерой наказания считалось изгнание из тухума. Переход отдельных лиц из одного тухума в другой был запрещен. Тухумы разделялись на более узкие родственные группы – патронимии *кьабила* (цихил), которые, в свою очередь, делились на мелкие родственные группы *хьыдле*, объединявшие самых близких родственников за пределами семьи (*кулфат*) до четвертого колена включительно.

Преобладающей формой семьи у рутульцев была малая, хотя в XIX – начале XX в. сохранялись и отдельные большие неразделенные отцовские семьи, состоявшие, как правило, из родителей и их сыновей с семьями, ведущими общее хозяйство и жившими в одном доме. Сохранение неразделенных семей определялось экономическими условиями жизни рутульцев, когда на большую часть года все трудоспособное мужское население уходило с овцами на отгонные пастбища, проводя там шесть–семь месяцев. Оставшиеся в селениях жены и дети мужчин-братьев жили вместе под присмотром свекра и свекрови, занимаясь уходом за крупным рогатым скотом, полеводством, домашними промыслами. И в большой, и в малой семье сохранялись патриархальные порядки: женщины беспрекословно повиновались мужчинам, младшие – старшим и все они – главе семьи, наделенному почти неограниченной властью.

Согласно патриархальным порядкам, невесту и жениха чаще всего выбрали родители. При выборе невесты или жениха учитывали их состоятельность, принадлежность к сильному тухуму, хорошее здоровье и работоспособность. Юношей женили в 18–20 лет, девушек выдавали замуж в 15–16 лет. Традиции многодетности, характерные для рутульской семьи, сохраняются и в наши дни.

Воспитание в рутульской семье было трудовым. С раннего возраста дети принимали посильное участие во всех трудовых процессах, совершаемых семьей: мальчиков с 10–12 лет приучали к труду чабана, к мужским работам в полеводстве; девочки, помогая матери в домашнем хозяйстве, уходе за младшими детьми в семье, обучались и домашним промыслам. Детей воспитывали строго, в рамках сурового горского этикета. Средствами физического воспитания являлись всевозможные игры, спортивные состязания в беге, метании камня, прыжках и т.д. Некоторое место в воспитательном процессе занимали мужские объединения – пережиток архаических мужских союзов древности.

В общественной жизни рутульцев большую роль играла сельская община джамаат. Это было общее собрание мужчин, стоявших во главе отдельных хозяйств, решавшее хозяйственные вопросы селения – пользование летними пастбищами и сдача их в аренду, взятие в аренду зимних пастбищ и раскладка по хозяйствам арендной платы, починка дорог и мостов, постройка и ремонт мечети и других общественных зданий и т.п. До присоединения к России в ведении джамаатов находились и политические вопросы. В некоторых случаях в старое время джамаат брал на себя даже судебные функции. Джамаат избирал сельского старосту и сельский суд, состоявший из кадия и так называемых аксакалов. Обычно на выборных должностях оказывались наиболее богатые. Джамаат делился на несколько обособленных кварталов *мехле*, каждый из которых представлял группу домохозяйств, расположенных по соседству в одной определенной части селения. Мехле у рутульцев часто имел свою особую мечеть и распоряжался принадлежащим ей вакуфным имуществом (сенокосом и другими угодьями), нередко выступал самостоятельно на общесельских сборах, в сношениях с властями. В начале XX в. мехле уже не был организацией родственников, обычно в него входили представители разных тухумов.

У рутульцев имелось сословие беков, но они не имели прав на пользование обязательными повинностями крестьян. Беки были свободны от государственных податей, но зависимых селений не имели. После установления русского военно-народного управления на административные должности, особенно начальниками участков, назначались именно беки.

Религией рутульцев был ислам суннитского толка, однако он спокойно уживался с пережитками древних народных верований. В них обнаруживаются культы природы, охотничьи и продуцирующие культы, магические воззрения, связанные с семейным бытом и производственной деятельностью. Сохранялось поклонение священным рощам, горам, источникам, некоторым могилам и местам, связанным с жизнью отдельных святых. Над могилами святых обычно сооружались *пиры* – небольшие купольные помещения, над которыми устанавливались шесты, к ним привязывались узкие лоскуты тканей. Это делали молящиеся в порядке приношения. Иногда пир увенчивался небольшим флагом зеленого или белого цвета (один из старейших пиров – пир XV в. в Хнове). Когда рутулец умирал, на его могилу часто клали камень, принесенный родственниками с пира. Во время мусульманского поста – уразы после захода солнца к пирам приходили люди для принесения жертв и принятия пищи. Во время засухи происходили коллективные моления у того или иного пира, после чего обливали друг

Рис. 210. Рутулка в традиционных украшениях. Селение Ихрек

Рис. 211. Рутулка в традиционном костюме. Селение Борч

Рис. 212. Рутулка в традиционном костюме. Селение Мюхрек

Рис. 213. Рутулка в традиционном костюме. Селение Лучек

Рис. 214. Рутулка в традиционном головном украшении. Селение Шиназ

Рис. 215. Головной убор рутулки. Селение Борч

Рис. 216. Рутульская невеста.
Селение Ихрек

Рис. 217. Вязаная мужская
обувь. Селение Ихрек

друга водой. В ритуалах, связанных с пирами, пережитки доисламских верований вплетались в мусульманские обычаи.

Многочисленны и разнообразны были сохранявшиеся вплоть до советского периода магические верования, главным образом апотропейного характера. Для отпугивания злых духов под подушку новорожденного клали кинжал, ножицы или другой железный предмет. С той же целью при вводе невесты в дом жениха ее заставляли наступить на что-либо железное. Для того чтобы невеста не была “испорчена” подстерегающими ее злыми духами, в день свадьбы ей закрывали лицо красным покрывалом, а чтобы жизнь новобрачной была счастливой, ее осыпали мелкими монетами, конфетами и т.п.

Поскольку существовала вера в загробную жизнь, производилось “кормление” умерших в виде поминок на третий, седьмой и сороковой день после смерти. Оно сопровождалось забоем скота, приготовлением пищи и раздачей сырого мяса.

До революции у рутульцев отсутствовала регулярная квалифицированная медицинская помощь, они лечились местными средствами народной медицины. Она основывалась на народном эмпирическом лечении травами, плодами, продуктами, минералами и др. Рутульцы знали лечебные свойства зверобоя, мяты, чабреца, подорожника, конского щавеля, тысячелистника, крапивы. Использовались и целебные свойства меда в питании больных, а также солода и толокна. Польза этих продуктов при малокровии и истощении организма признается и современной медициной. Наряду с рациональными методами народной медицины существовали и знахарские.

У рутульцев в значительной степени были развиты традиционные виды прикладного народного искусства: мастерство в орнаментации ковров, пестрых шерстяных носков и вязаной обуви, искусное украшение художественной резьбой наличников в домах, каминов, надгробных памятников, деревянной утвари.

Рутульцы создали оригинальные памятники фольклора: пословицы, поговорки, сказки, предания, легенды, отражающие народное восприятие окружающего мира, явлений природы.

До революции у рутульцев были популярны местные поэты Молла Джума и Кур-Раджаб из Ихрека. В первые годы советской власти известность получили поэты Хазарчи из Шиназа, Нурахмед из Рутула, Джаммесеб Саларов. Их традиции продолжают ныне живущие Магомед Улилеев, Шафи Ибрагимов.

При советской власти возникла рутульская интеллигенция. Появились новые профессии: учитель, врач, зоотехник, агроном, радиотехник, шофер. Среди рутульцев имеются ученые – кандидаты и доктора наук, работающие в научно-исследовательских учреждениях Дагестана, Москвы и других городов СНГ, в том числе и женщины. В последние годы как дань времени приобретают популярность занятия бизнесом, а также банковским делом и др.

ТАБАСАРАНЦЫ

Табасаранцы – один из относительно многочисленных народов Дагестана. По переписи 1989 г., их общая численность – 98,5 тыс., в Республике Дагестан – 78,2 тыс., в Российской Федерации – 93,6 тыс. человек. В настоящее время около 80% табасаранцев проживают в пределах Дагестана, 16% – в различных регионах Российской Федерации, 4% – в странах СНГ.

Самоназвание народа – *табасаран*. Агулы называют табасаранцев *уханар* (лесные люди), лезгины – *къабгъанар*, даргинцы (Кайтаг) – *шиллан*, азербайджанцы – *табасаранлар*.

Проживают табасаранцы компактно на юго-востоке республики в двух административных районах: Табасаранском и Хивском. Наиболее крупные населенные пункты – Хив, хучни, Тураг, хурик, Межгюль, Кандик, Тинит, Сиртич. В советское время часть табасаранцев переселилась на равнину Табасаранского (селения Сиртич, Гюхраг, Чулат) и Дербентского (Белиджи, Мамедкала, Геджух, Араблинка, Джалган, Салик и др.) районов, а также в города республики (Дербент, Дагестанские Огни, Каспийск, Махачкала). В городах проживает более трети табасаранцев. Их соседи – агулы, лезгины, кайтагские даргинцы и азербайджанцы.

В природно-географическом отношении территория Табасарана делится на две части: северная – бассейн верхнего течения р. Рубас, южная – левобережье среднего течения Чирагчая и верховья р. Карчагсу. В основном это предгорья, частично равнины и горы. По своим природно-климатическим условиям Табасаран – один из наиболее благодатных уголков Южного Дагестана. Здесь сравнительно мягкая зима, жаркое лето (особенно в долинах), дождливая и влажная осень. В целом климат умеренно-теплый. Склоны гор, хребтов очень богаты растительностью и используются в качестве летних, а плоскогорья – и зимних пастбищ.

Почвы Табасарана – горно-каштановые (каштановые и темно-каштановые), горно-лесные и луговые. Встречаются солончаки, в горных частях – горно-луговые почвы, а в средней полосе – горно-степные и горные черноземы. Изредка встречаются обнаженные скалы.

Разнообразен растительный мир Табасарана. Его предгорная часть представлена пышными и богатыми естественными лесосадами. В лесах растут бук, граб, вяз, сосна, дуб, береза, липа (с кустарниковым подлеском), кизил, шиповник, боярышник, барбарис. В долине р. Рубас в буково-грабовом лесу встречается дуб грузинский, дуб пушистый, рябина кавказская, клен остролистый, вяз эллиптический, смородина, черемуха. В лесах много дикорастущих плодовых деревьев (груша, яблоня, грецкий орех, лещина, айва и др.) и винограда. Часто встречается ежевика, малина, мушмула, а также кисличка, аконит восточный, недотрога, ясменник душистый, волжанка. Горные и высокогорные луга покрыты сочной травой и служат прекрасными пастбищами для скота.

Столь же разнообразен и богат животный мир Табасарана. В лесах водятся бурый медведь, волк, кабан, кавказский олень, заяц, лиса и др. Кроме того, здесь есть разные виды птиц: куропатки, голуби. Из пресмыкающихся встречаются змеи.

Табасаран занимает одно из первых мест в республике по обеспеченности водоемами. Тем не менее речная сеть на его территории распределяется неравномерно. В горной части реки многочисленны, на равнине их мало. Наиболее крупные реки Табасарана – Рубас, Гюргенчай (Гюльгерычай), менее крупные – Дарвагчай, Карчагсу, Хамейда, Яргилчай. Рубас и Гюргенчай на протяжении всего года несут свои воды в Каспийское море. Все реки берут начало в горах.

Из полезных ископаемых в меловых отложениях встречаются месторождения фосфоритов и селитры (Марагинское месторождение селитры), угля (Архитское месторождение), редкого минерала гагата (Табасаранский р-н).

Антропологический состав табасаранцев представляет собой результат смешения кавкасионского и каспийского типов большой европеоидной расы (Алексеев, 1964. С. 156). Говорят на табасаранском языке нахско-дагестанской группы северокавказской семьи языков. Он имеет несколько говоров, объединяемых в две группы: северную и южную. На основе южных говоров в советское время сложился литературный язык. Помимо родного языка, которым владеют 95,9% табасаранцев, значительная часть свободно владеет русским (62,5%), а также азербайджанским и отчасти лезгинским (Хивский р-н) языками.

Табасаранский язык относится к числу наиболее многопадежных языков мира. В нем 48 местных и 4 основных падежа.

Многочисленные материалы – письменные, археологические, этнографические, фольклорные – свидетельствуют о том, что Табасаран входил в состав Кавказской Албании. В составе албанских войск табасаранцы выступали против иноземных завоевателей – римлян, парфян и др. С распадом Кавказской Албании Табасаран в источниках фигурирует как самостоятельная область, а табасаранцы как одна из древних и крупных дагестанских народностей (*Рамазанов, Шихсаидов*, 1964. С. 24). Армянский автор Фавстос Бузанд (IV–V вв.) сообщает о самостоятельном войске “таваспоров” в связи с событиями II–III вв. н.э. в Закавказье и на Ближнем Востоке. В другом сообщении назван “весь корпус Таваспорана”. Древнеармянский автор Егише (V в. н.э.) перечисляет народы и племена, которые были завербованы Васакком (армянским правителем), в том числе и “все войска Таваспорана, горного и равнинного, и всю крепостную (неприступную) страну гор”.

В армянской географии VII в. наряду со многими народностями Кавказа упомянуты и таваспары. О табасаранцах сообщают также многие раннесредневековые арабские историки и географы. Так, Ибн-Хордадбех (IX в.) в числе “выдающихся укреплений” отмечает “Баб-Табарсараншах”. Сведения о Табарсараншахе приводит и ал-Белазури (IX в.), а Масуди (X в.) говорит об укреплении “Табарсаран” и о царе Табарсарана “по соседству с Ширваном в горах Кабх”. О локализации Табасарана Якут (XIII в.) пишет, что между лакзами и “Баб ал-Абвабом страна Табасаран, жители ее также мужественны и храбры, как лакзы, и страна их также густо населена, как и у тех”.

Борьба за Дербентский проход, которая велась государствами Передней Азии и кочевниками южных степей Восточной Европы, в течение многих веков влияла на исторические судьбы табасаранцев (из-за близости к этому проходу). Уже в IV в. Табасаран подвергся нашествиям со стороны гуннов. Позже, в V–VI вв., последних здесь сменили сасанидские завоеватели. Укрепившись в Дербентском проходе, они неоднократно вторгались в Табасаран. В целях укрепления своих стратегических позиций на Кавказе в район Дербента и Табасарана сасанидские завоеватели переселили из Персии тысячи семейств, создавая там опорные пункты (*Гасанов М.Р.*, 1994. С. 64–67). Наибольшее усиление позиций сасанидского Ирана в Дагестане падает на VI в. и связано со строительством Дербентского оборонительного комплекса (стены, цитадель, горная стена), в сооружении которого участвовали многие кавказские народы. Строя эти укрепления, сасаниды ставили перед собой задачу оградить себя от набегов кочевников и горских народов.

Средневековые источники содержат сведения о борьбе табасаранцев против хазар и арабов. Особенно упорным было сопротивление жителей Табасарана арабским завоевателям. Так, арабский полководец Джаррах (722–723 гг.), решив отомстить табасаранцам, двинул против них 2-тысячный карательный отряд. За оказанное сопротивление были разрушены многие табасаранские селения, в том числе Ерси, Дюбек, Зиль, Дарваг и др. По сообщению ал-Белазури, на подданных Табарсараншаха Мерван наложил дань в 10 тыс. мер, которые они обязаны были доставлять в зернохранилище Баба. На территории Табасарана арабы построили опорные пункты для распространения ислама – Камах, ал-Мухаммадия (Гимейди), Баб-вак (Дарвак) и др. (Там же. С. 67–69). С арабскими завоеваниями связано и распространение ислама в Табасаране.

XI–XII вв. были временем дальнейшего развития феодальных отношений в Табасаране. Сдвиги в развитии производительных сил привели к распаду едино-

го политического образования на более мелкие самостоятельные единицы, в том числе и союзы сельских обществ. Так, если все арабоязычные и персоязычные авторы IX–X вв. писали о Табасаране как о едином политическом образовании, то ал-Гарнати (XII в.) сообщает, что страна была разделена на 24 рустака (союз сельских общин). Причем в каждом рустаке находился *сарханг* (старшина), наподобие эмира. Следует отметить, что в ту эпоху политическая карта Табасарана, как и всего Дагестана, часто менялась и маломощные политические единицы оказывались поглощенными более сильными.

XIII–XIV вв. характеризуются нашествием на Табасаран монголов, затем – полчищ Тимура. К тому же времени относится объединение Табасарана вновь в единое политическое образование. Усиление экономических и других связей отдельных частей Табасарана, а также непрерывные нашествия иноземных завоевателей послужили причиной объединения частей Табасарана в единое владение.

В XV–XVI вв. политически и экономически Табасаран усиливается. Согласно завещанию аварского нуцала Андуника, сына Ибрагима, своему наследнику Булач-нуцалу от 1485 г., из 260 тыс. войск Дагестана 70 тыс. принадлежали майсумству Табасаранскому. В середине XV в. и в начале XVI в. жители Табасарана столкнулись с государством Сефевидов.

В XVI в. майсумство Табасаранское было сравнительно крупным феодальным владением. Оно подчинило своей власти ряд пограничных азербайджанских и лезгинских селений. В тот период в майсумстве усиливаются центробежные силы, и Табасаран как бы переживает новый этап развития феодальных отношений. В результате во второй половине XVI в. на его территории образовалось два феодальных владения: в северной части с центром Хучни – кадийство, а в южной с центром Джарах – майсумство.

Распад единого феодального владения – майсумства, следует полагать, содействовал также возникновению и новых союзов сельских обществ. Процессы децентрализации крупных феодальных владений, образования более мелких удельных территориальных единиц и союзов сельских обществ были характерны и для остальных дагестанских феодальных ханств.

В XVI–XVII вв. Дагестан оказался в сфере ирано-турецких притязаний. Особым упорством отличалась борьба против полчищ Надир-шаха (1740–1742 гг.). Вместе с другими народами Дагестана табасаранцы принимали активное участие в разгроме врага.

В XVIII в. Табасаран был разделен на три части, из которых две составляли самостоятельные владения – майсумство и кадийство. Союзы сельских обществ, известные в литературе под общим названием Девек-Елеми, образовали горный Табасаран.

В свою очередь майсумство и владение кадия делились еще на мелкие политические единицы – бекства, а Девек-Елеми распадался на ряд союзов сельских обществ. Период со второй половины XVIII в. до начала XIX в. характеризуется дальнейшим расширением взаимоотношений народов Дагестана, в том числе и Табасарана, с Россией и присоединением этих областей к ней (1813 г.).

В хозяйственном отношении табасаранцы представляют равнинно-предгорный хозяйственно-культурный тип (ареал) земледельцев-скотоводов (Османов М.О., 1991. С. 58). Ведущими зерновыми зонами были равнинная и предгорная. Кроме зерновых (пшеница, ячмень, рожь, просо, полба, кукуруза), выращивались огородные, бахчевые, технические (марена, конопля, хлопок, табак) культуры. Занимались также садоводством (яблоки, груши, слива, черешня, грецкий орех) и виноградарством. Искусственное орошение применялось преи-

мушественно в равнинной части Табасарана. Еще одна важная отрасль хозяйства табасаранцев – скотоводство. В нижнем предгорье практиковалась выгонно-стойловая форма скотоводства с преобладанием крупного рогатого скота, а в верхнем предгорье – долинно-отгонная форма с преобладанием мелкого рогатого скота.

Традиционные домашние кустарные промыслы и ремесла табасаранцев следующие: ковроделие и вязание шерстяных носков, заготовка и приготовление натуральных красителей, изготовление домотканого сукна из шерсти и полотна из конопля (женские занятия), кузнечное, гончарное (сел. Джули), плотницкое, строительное ремесла, обработка шкур и кож, изготовление шуб и обуви, резьба по камню и дереву, изготовление изделий из дерева (селения Хурик, Ханаг, Ничрас, Гурхун, Вечрик и др.), промыслы, связанные с использованием лесных богатств (поставка строевого леса, сбор орехов и фруктов), пчеловодство, охота (мужские занятия).

Политические, социальные и экономические процессы, происходившие в стране в годы советской власти, прямо или косвенно отразились на состоянии ремесла и промыслов табасаранцев. Многие из них исчезли (резьба по камню и дереву, изготовление сукна и полотна, обуви из сыромятной кожи, поставка строевого леса и др.), некоторые находятся в упадке и на грани исчезновения (кузнечное, деревообработка), отдельные сохранили преемственность и стабильно развивались (ковроткачество), кое-какие возрождаются (гончарное, производство натуральных красителей). Причины этих явлений различны: развитие общественного производства, изменение рыночной конъюнктуры и складывание новых потребностей населения, недостаток сырья и др.

Довольно рано у табасаранцев зародился институт отходничества. Они работали в качестве жнецов на равнине, в Терекеме, на уборке фруктовых садов и мареновых плантаций в Дербенте, в рыболовецких ватагах, мастерами-каменщиками в селениях Дагестана, на нефтепромыслах Баку. Почти все виды и формы отходничества сохранились вплоть до конца 1930–х годов. Во время господства колхозной формы общественного производства отходничество почти прекратилось как из-за того, что колхозы могли занять большое количество рабочих рук, так и в связи с жесткими ограничениями на выезд из села. Со второй половины 1960-х годов, в силу изменения форм общественного производства (преобразованием большинства колхозов в совхозы), определенного прогресса в механизации сельскохозяйственного производства и снятия ограничений на передвижение, отходничество получает “второе дыхание”. Если раньше табасаранцы почти не выезжали за пределы Дагестана, то в советское время основными регионами, куда они отправлялись на заработки, были Чечено-Ингушетия, Алтайский, Ставропольский, Краснодарский края (сельхозработы), Казахстан (производство кирпичей), центральные области России (строительные работы, уборка яблок и т.п.). Выбор места зависел от степени спроса на рабочую силу, условий производства и оплаты труда. В отход отправлялись семьями или группами родственников и односельчан. Отходничество и в наше время продолжает сохраняться как форма дополнительного, а в ряде случаев и основного заработка крестьянина. С развалом СССР и национальными конфликтами отходничество несколько сократилось и ослабло.

Табасаранцы имели издавна сложившиеся внутренние и внешние торговые связи. Внутренняя торговля осуществлялась на базах местного значения в селениях Хучни, Хив, Кандик, Тинит и другие. Выезжали на базары и в другие реги-

оны: Курах, Ахты, Маджалис, Дербент, Куба, Баку. Предметами торговли были продукты земледелия и скотоводства, изделия народных промыслов. Увеличение торговой сети путем расширения систем госторговли и потребкооперации относится ко времени советской власти. В эти годы наблюдается значительное увеличение числа торговых предприятий и возрастание потребления населением различных нетрадиционных товаров. В последнее время сельское население поставлено в тяжелое положение вследствие вымывания из торговли дешевых товаров и резкого удорожания их.

Большую роль в развитии хозяйства и обменных отношений табасаранцев играли дороги и транспорт. До появления дорог с твердым покрытием основным их видом в Табасаране были грунтовые дороги, горные тропинки и перевалы. Строительством широких благоустроенных дорог с твердым или улучшенным покрытием относится к советскому времени, когда хорошие дороги были построены не только до райцентров, но и до многих населенных пунктов.

С дорогами тесно связан транспорт. До появления автомобилей грузы и пассажиры перевозились на верховом и вьючном, колесном и полозном видах транспорта. Автомобильный транспорт появился в Табасаране в конце 1930-х годов, в годы колхозного строительства. В последующие годы происходит постепенная замена гужевого транспорта автомобильным. 1950–1960-е годы – период массового распространения автомобильного транспорта, который к нашему времени почти вытеснил гужевой транспорт.

В материальной культуре табасаранцев, как и в хозяйственных занятиях, преобладали общедагестанские черты. До первой половины XIX в. у табасаранцев существовали два типа поселений – вольнообщинный (в союзах сельских обществ) и феодально-зависимый (в майсумстве, кадийстве, владениях беков). При выборе места для поселения учитывался ряд факторов: наличие источников питьевой воды, земельных угодий, пригодных для возделывания и выпаса скота, обеспечение обороноспособности, солнечная ориентация. Поселения, как правило, располагались на непригодных для возделывания горных склонах. Преобладающей формой поселения была кучевая. Основным типом расселения являлось селение (*гъул*). К числу особенностей поселений табасаранцев следует отнести отсутствие хуторов и отселков, рассредоточенное расселение небольшими поселениями, слабое развитие минаретов и оборонительных сооружений.

В советское время произошли значительные изменения, прежде всего в типах и форме поселений, формирующихся под влиянием особенностей общественного быта и норм современного сельского строительства. Тип поселения определяется как “советское село”. Форма поселения – комбинированная: кучевая и горизонтальная. Совершенно новым явлением стало переселение жителей части сел с гор на равнину Табасарана и другие населенные пункты республики. Особенность новых поселений – укрупнение селений (особенно в райцентрах и переселенческих селах). Еще одна особенность расселения нашего времени – процесс слияния некоторых табасаранских сел (Татиль-Хапиль, Аркит-Рушуль, Ханаг-Ругуж, Пилиг-Цантиль и др.). В силу ряда причин (“неперспективные” села, укрупнение совхозов и др.) многие села в советское время были заброшены или обезлюдели (Яраг, Чулат, Думуркиль, Яргиль, Зирдаг и др.). Однако в последние годы создаются реальные предпосылки для их возрождения.

Жилище наиболее тесно связано с экологией, хозяйственными занятиями, общественным и семейным бытом табасаранцев. Жилищно-хозяйственный комплекс отдельной семьи включал три группы помещений: жилье,

Рис. 218. Традиционные резные окна табасаранцев. Селение Ханаг. (Из личного архива Алимовой Б.М.)

Рис. 219. Жилище табасаранцев, 1960-е годы. (Из личного архива Исламагомедова А.И.)

хлев, сарай для сена. Преобладающим типом жилища было двухэтажное и в меньшей степени одно- и многоэтажное жилище. К числу особенностей табасаранского жилища (“хулар”) следует отнести слабое развитие арки и центрального столба, сильное развитие искусства резьбы по дереву и камню, отсутствие больших ларей типа *цагур*. Неповторимый облик имели мечети и каменные сараи для сена, строившиеся, как и жилища, по единому канону. Минареты и оборонительные сооружения не получили у табасаранцев широкого распространения.

В годы советской власти в жилище произошли большие изменения. Они были связаны с социально-экономическими преобразованиями, социальным, экономическим и культурным прогрессом общества, изменениями в направленности и характере хозяйственных занятий населения, а также в эко-

логии, в развитии просвещения и образования. Большинство изменений обусловливались индустриализацией хозяйства и быта (увеличение номенклатуры строительных материалов, облегчение строительства), коллективизацией, экологическими сдвигами (например, обезлесение) и др. В целом архитектурный облик и основные типы планировки табасаранского жилища сохранились.

Современный жилищно-хозяйственный комплекс состоит из дома с приусадебным участком и подсобных помещений: кладовая (в доме); навес-кухня, хлев и птичник, сарай для сена, дров и другое (во дворе). В типологии жилища традиционны следующие главные компоненты: строительные материалы (камень, дерево, глина), этажность (одно- и двухэтажные), основа планировки (трехкамерная коридорного типа). Новым в жилище являются некоторые строительные материалы (цемент, шифер и т.д.), полуторазэтажность, сочетание коридорной планировки с верандой и прихожей, стропильная кровля и в ряде случаев – баня. Из других элементов традиционны лоджии, конструктивные особенности (арочные проемы, стенные ниши, символика фасада и др.), хлебопекарные устройства, природниковые сооружения и мельницы. К новым относятся многие отделочные материалы, стекло в окнах, филечатые двери, дощатые полы, способы отопления и освещения, жилая и кухонная мебель, бытовая техника, советская символика фасада. Наиболее восприимчивым к новшествам оказалось жилище в переселенческих селах и районных центрах.

В XIX – начале XX в. мужская одежда табасаранцев состояла из черкески – *чуха*, бешмета – *валжагъ*, рубашки – *ккуртт*, штанов – *хужаг*, шубы – *ургам* с разновидностями, папахи – *бачукI* с вариациями, обуви дирихи – *тирихар* (самый распространенный тип обуви), чарыков – *канцалай*, башмаков – *баишмакъар*, комбинированных сапог. Одежда табасаранок состояла из рубахи – *ккуртт*, штанов – *хужаг*, верхнего платья – *валжагъ*, платья – *булушка* (позднее), обуви, различного рода головных платков. В целом женская одежда характеризовалась разнообразием используемого материала, технических приемов его изготовления. Социальные различия в одежде выражались как в составе костюма, так и в качестве тканей, степени украшенности.

Традиционная пища – растительного и животного происхождения, что обусловлено экологией и хозяйственно-культурными особенностями. Значительное место в рационе питания занимали мучные, молочные и мясные продукты, а также овощи, фрукты, ягоды, зелень. Наиболее распространенное и любимое блюдо – хинкал. Распространены также пельмени и пироги с разнообразными начинками, плов, долма, каши из муки, проса, полбы. Хлеб пекли пресный и дрожжевой. Особенно вкусной и разнообразной была обрядовая пища. Например, в дни праздника весны “Эбелцан” готовили особое варево – *кьюар*, или *дангу* – из злаковых и бобовых культур, бараньих или говяжьих ног, языков, хребтовой части. Распространение получили каши из солодовой муки – *алуга*, *млачI*, пироги – *цликаб*, *афар*, *чиргъни галар*, блины – *гъванжрар*, хлебы, испеченные в золе, – *рюккъин гюмбе*, *баклук*, готовили разные виды халвы – *аварша*, *нитлиф*, *мештюкъ*. В советское время традиционная система питания сохранилась. В тот период были заимствованы многие новые продукты, блюда и напитки, способы приготовления и консервирования пищи, кухонная утварь и бытовая техника.

Основу социальной организации табасаранцев составляла сельская территориальная община – джамаат. Общественная, политическая, экономиче-

*Рис. 220. Мастер-деревообра-
ботчик. (Из личного архива
Алимовой Б.М.)*

*Рис. 221. Табасаранки в тради-
ционной одежде. (Из личного
архива Алимовой Б.М.)*

ская жизнь общины регулировалась адатом и шариатом. Майсум, кадий и беки являлись полновластными правителями в своих владениях. Управление джамаатом в союзах сельских обществ осуществлялось выборными органами. Каждое селение имело совет старейшин *кябидар*, во главе которого стоял выборный старшина *кевха*. В состав сельского (джамаатского) правления входили также исполнители – *чауши*, *гюзрар* (диалектный вариант – “надсмотрщики полей”), кази. Наиболее важные вопросы решались на сельском сходе – *мяърака*.

Господствующей формой семьи была малая семья. Однако вплоть до 1930-х годов сохранялись большесемейные организации (*аъхи хизан*) в форме неразделенных крупных семей. Родственные семьи составляли патронимии, входившие в более сложную родственную структуру, – *тухум* (*джинс*, *мирасар*, *сихил* и т.д.). Каждый *тухум* имел в собственности сенокосные, пастибщные участки (пахотные угодья находились в собственности отдельных семей), мельницы, участки на общесельском кладбище или отдельные *тухумные* кладбища. Счет родства велся по отцовской (*мирасар*, или *бачукл тереф* – ряд папахи) и материнской (*лакач тереф* или *майлар* – ряд по платку) линиям. Существовали и различные формы искусственного родства (например, *аштин мирасар*, т.е. “родственники по каше”). В традиционном общественном быту стойко сохранялись обычаи гостеприимства (*хялижвал*, *ханухрар*), взаимопомощи (*мил*, *кюмек*), кровной мести (*ифтин душманвал*). В настоящее время у табасаранцев господствует малая семья. Тухумные связи, особенно у горожан, несколько ослабли.

Брак заключался по шариату. Свадебная обрядность состояла из ряда этапов, большинство из которых сохранились до наших дней. Предсвадебные обряды включали в себя обряд “спросить” (*гьерхуб*), сватовство (*швушв ча клуб*), обряд лишан (знак, “отметина”), обручение (*тлублан хъанлуб*), обряд “кройки одежды” (*куртар ктатлуб*). Свадебные обряды состояли из обряда *никягъ* (регистрация брака по шариату), *ушвирикар* (девичник в доме невесты), *сумчар* (свадьба в доме жениха). Послесвадебные обряды включали обряды *мубарак* (поздравление молодоженов родственниками), *цѐйи швушв штуз адауб* (вывод невесты к общественному роднику), *жамна швушв хялижв алуб* (приглашение молодых в гости родственниками).

Большое значение придавали воспитанию детей – трудовому и нравственно-му. Игры и развлечения были направлены на то, чтобы воспитать из мальчика будущего воина, крестьянина, достойного члена джамаата, а из девочки – будущую мать-хозяйку, хранительницу семейного очага. Значительное место в воспитании уделялось освоению детьми обычаев и традиций своего народа, его исторического и культурного наследия.

Похоронный обряд проводился по мусульманским религиозным установлениям, с которыми переплетались элементы домонотеистических верований. Следы последних обнаруживаются в надмогильных камнях необычной для мусульман формы и символики (например, антропоморфные надмогильные памятники в селениях Хив, Кандик, Чувек, Яргиль, Урга, Вертиль, Джули, Кувиг и др.), в помещении в могилу в некоторых случаях вещей и предметов, бытовании обычая наряжать фруктовое деревце на могилах молодых людей (*гъар балгъуб*) (Алимова, 1992. С. 175–177) и т.п. Доминирующую роль в современных похоронных обрядах играют исламские религиозные каноны, проявляющиеся в регламенте похоронного церемониала, языке богослужения, сроках и порядке траура и поминок. В советское время, преимущественно со второй половины 1960-х годов, в похоронной обрядности закрепились новые обычаи. На-

ибо более наглядно они проявились в оформлении памятника и могилы, а также в соблюдении траура.

Распространение ислама у табасаранцев началось в VII–VIII вв., но утвердился он, вероятно, к XI–XII вв. (*Шихсаидов*, 1969. С. 143). В рамки арабской классической науки и богословия вписывались и научные достижения табасаранцев. К концу XVI – началу XVII в. относятся многочисленные записи по географии, математике, астрономии, риторике, принадлежащие Кавхе Раджабу из сел. Ругуж. Большую роль в культурной жизни Табасарана сыграли Гасан из сел. Зирдаг, знатоки арабского языка и арабо-мусульманской культуры Шахбан и Магомед из сел. Кюраг и др. До нас дошли имена ученого Гаджимагомеда Зирдагского (1664/1669–1721/1728) и поэта-воина Калук Мирза (конец XVII в. – 1741 г.). Хроника, охватывающая события XIV–XVII вв. и доведенная до начала XIX в., составлена Рамазаном, сыном Курбана из сел. Куштуль (*Юсуфов*, 1986. С. 22–23). Широко известен на Кавказе и на Востоке ученый-энциклопедист первой половины XIX в. Аббас-Кули-Ага Бакиханов, предки которого происходили из знатного табасаранского рода.

Заметную роль в бытовой культуре табасаранцев играли их прежние языческие религиозные представления, культы и верования. Магические обряды, отголоски анимизма, тотемизма и фетишизма пронизывают хозяйственную жизнь и материальную культуру, семейно-бытовые обряды и общественные праздники, народную медицину. До сих пор табасаранцы почитают пещеру Дюрхъ, поклоняются священным деревьям и рощам, камням и скалам, источникам воды. У старших поколений сохранилось в памяти имя верховного Бога в прежнем пантеоне табасаранцев – Умчара, бытует вера в домового Рух, демоническую женщину Ал, нападающую на рожениц, домовых змей (*Сефербеков*, 2000. С. 7–27). Устойчиво сохраняется древний праздник весны – Эбелцан, в названии которого до нас дошло имя аграрного божества Эбелцан (*Он же*, 1995. С. 87–103).

Значительные изменения в жизни табасаранцев произошли в годы советской власти. Несмотря на известные негативные явления, в общественной, экономической и культурной областях табасаранцы вышли на более высокий уровень. Численность народа за неполное столетие возросла в 4 раза. Село относительно обеспечено современной сельскохозяйственной техникой и автотранспортом, проложены дороги, налажена связь.

Значительного развития достигли национальная литература, наука, профессиональная музыка. Широко известны в республике имена писателей и поэтов – Темирхана Шалбузова, Манафа Шамхалова, Абуमुслима Джафарова, Багаудина и Муталиба Митаровых, Юсуфа Базутаева; профессоров и докторов наук – С.О. Хан-Магомедова, Б.Г. Ханмагомедова, З.К. Юзбекова, М.А. Ризаханова, М.Р. Гасанова, М.А. Алиева, М.М. Курбанова, Х.Ш. Шихалиева, А.С. Алиева, Абдулмалика и Магомеда Юсуфовых, Вели и Загира Загировых и др.; композитора Касума Магомедова, заслуженного артиста Республики Дагестан Ахмеда Оруджева. Командиром одной из авиационных частей Российской Федерации является генерал Зия Абдурахманов – выходец из сел. Дюбек. Всемирно известен турецкий ученый, профессор экологии, советник министра экологии Германии Октай Табасаран.

Табасаранцы мало чем отличаются от других дагестанцев в культуре, поведенческих стереотипах, понятиях чести, добра и зла. Своеобразными национальными признаками табасаранцев стали их более устойчивый и ярко выраженный обычай гостеприимства, многодетность, присущая большинству сельских семей, и древнее ремесло ковроткачества.

Цахуры (самоназвание – *йыхбы*) – коренное население Дагестана (5,2 тыс. человек), а также Азербайджана (13,6 тыс.). Численность в Российской Федерации – 6,5 тыс. человек. Общая численность – 20,1 тыс. человек (Основные итоги... 1990). Говорят на цахурском языке, который делится на цахурско-сувагильский, гельмецко-курдульский, сапунджинский диалекты, входит в лезгинскую группу нахско-дагестанских языков (Талибов, 1999. С. 420). Большинство дагестанских цахуров знает несколько языков: азербайджанским свободно владеют почти все, русским – 25% (в пределах Российской Федерации – 59,3%). Обучение в школе у цахуров Дагестана вначале велось на азербайджанском, затем (с 1952 г.) на русском языке. В настоящее время осуществляется возврат к письменности на родном языке (цахурский алфавит на латинской основе был составлен в начале 1930-х годов), часть пользовалась письменностью на арабском языке. Верующие цахуры – мусульмане-сунниты.

В Дагестане цахуры населяют высокогорную зону – труднодоступный Рутульский р-н, верховья р. Самур (в прошлом эта территория называлась Горный Магал), в Азербайджане – южные склоны Главного Кавказского хребта (предгорные и равнинные селения в Закавказском, Кахском и Белоканском районах). Территория, заселенная цахурами, разделена на две части Главным Кавказским хребтом. Историко-этнографические и языковые данные показывают, что это одно исторически сложившееся этническое общество, занимавшее две естественно-географические зоны: обширные альпийские летние пастбища (высокогорье) и плодородные, теплые южные склоны (предгорье), позволяющие сочетать скотоводство с земледелием, создать единое комплексное хозяйство.

Цахуры относятся к каспийскому типу европеоидной расы.

Этноним народа “цахи” (*цIаIх*) происходит от главного селения Цахур. Первые сведения о цахурах встречаются в армянских и грузинских источниках VII в., где они названы “цахайками” (Сергеева, 1988. С. 499). На их территории при земляных и строительных работах находят керамическую посуду, бронзовые предметы, датируемые III–II тыс. до н.э., свидетельствующие, что шел процесс сложения хозяйственно-культурной, этнической общности.

Цахуры были одним из народов, входящих в состав Кавказской Албании. После ее распада на территории цахуров сложилось политическое образование с центром в Цахуре (Цукетия). Эпиграфические надписи свидетельствуют о принятии ислама и появлении письменности на арабском языке в X–XI вв. В XI–XIII вв. в Цахуре существовало медресе, где преподавание шло на арабском языке и делались попытки перевода арабских богословских сочинений на цахурский язык (XII в.), т.е. приспособления арабской письменности к цахурской системе звуков. С XV в. во главе объединенных цахурских обществ встал цахурский султан. В XVIII в., когда резиденция цахурского султана была перенесена в сел. Елису на территории Закавказья, это государственное образование стало называться Елисуийское султанство.

У закавказских цахуров существовали также и вольные сельские общества, часть которых вместе с соседними – аварскими образовали союз – Джаро-Белоканские вольные общества. В 1803 г. цахуры приняли российское подданство, при этом царские власти особым протоколом подтвердили территориальную независимость Елисуийского султанства. Но когда в 1844 г. султан Даниел-бек примкнул к Шамилю, султанство было ликвидировано и введена русская администрация, оно вошло в состав Самурского округа (Никольская, 1960. С. 547). В 1852 г. за поддержку национально-освободительного движения горцев 15 се-

Рис. 222. Верхний квартал селения Цахур. (Здесь и далее в очерке "Цахуры" фото из личного архива Исламмагомедова А.И.)

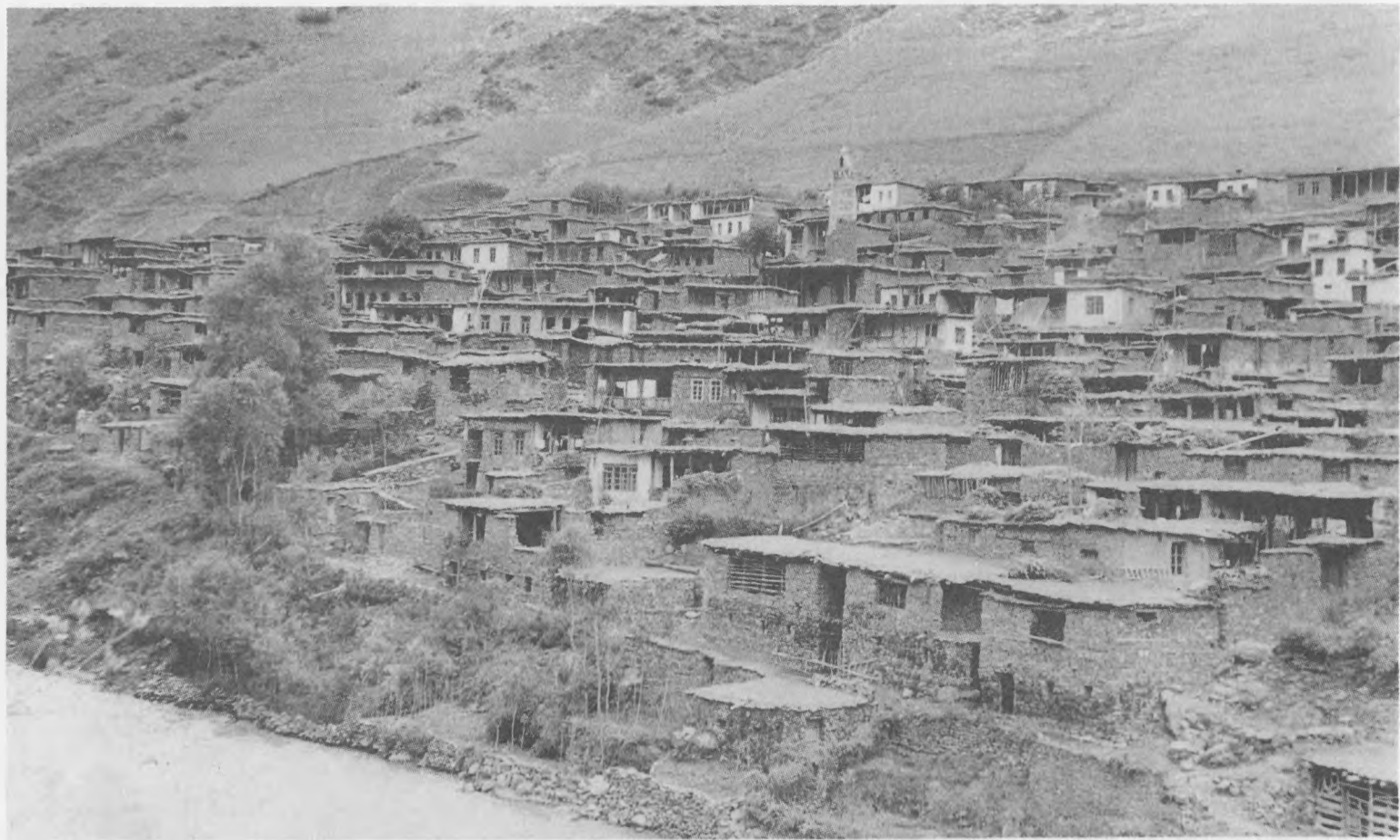

Рис. 223. Селение Мишлеш

Рис. 224. Селение Сюгют

лений в верховьях Самура были разрушены до основания царской армией, а жители принудительно переселены на Приазовскую равнину. После окончания Кавказской войны в 1861 г. им было разрешено вернуться в родные места, а Горный магал вошел в Джаро-Белоканский военный округ.

С середины XIX в. внешними делами цахуров занималась царская администрация; вопросы внутренней жизни сельской общины они решали сами на основе адатов. Высшим органом управления было мужское собрание (джамаат), оно выбирало правителей – старейшин, судей, кадия, исполнителей. Для разрешения наиболее важных вопросов, касавшихся всех цахуров (в том числе азербайджанских), созывали общий сход (ижлас) представителей селений. Главным лицом в сельском управлении становится старшина (*кавха*), следивший за строгим выполнением решений и указаний набов. Изменения в систему управления внесла Октябрьская революция.

Традиционные занятия цахуров – пашенное земледелие и скотоводство. Исторически сложившийся хозяйственно-культурный уклад (зональная специализация) привел к образованию у одной общины двух поселений с одинаковыми названиями в разных зонах. Одна часть родственников селилась в Закавказье, занималась обеспечением скота на зиму кормами и посевами зерновых, другая оставалась в горах, содержала скот на летних пастбищах и заготавливала продукты животноводства. В горах пахотной земли было мало, узкие склоновые поля не обеспечивали население хлебом (хватало на три–четыре месяца), стационарное скотоводство исключалось из-за невозможности заготовки кормов, многие семьи вместе со скотом перекочевывали на зиму в Закавказье (создавая своеобразное отходничество), на лето возвращались в Горный магал. Такая взаимодополняемость, двусторонняя связь была жизненно необходима, она обеспечивала продуктообмен и торговые сношения. Пахотные земли в обеих зонах являлись частной собственностью с правом продажи, передачи, пастбищные – общинными, как и сенокосы, леса. Существовала и третья форма собственности – вакуфная, источником образования которой являлись завещания верующих; вакуф не подлежал дележу и отчуждению.

Горное земледелие было богарным. Сеяли озимую пшеницу, рожь, ячмень, полбу, просо. Удалось вывести местные скороспелые сорта, рассчитанные на короткое лето. На равнинах применялась ирригация и по большей части возделывали яровые и кукурузу. Пахотные орудия различались по природным зонам: в горах – легкий деревянный плуг, на равнине – более тяжелый для двух–трех упряжек. Траву косили маленькими косами, урожай собирали серпами, обмолачивали парой небольших молотильных досок, в которые были запряжены волы. Мукомольные мельницы – общекавказского типа (*Агларов*, 1974. С. 226).

Для скотоводства характерным являлся большой удельный вес овец и лошадей. Лошадь была единственным видом вьючного и верхового транспорта.

Существовало половое разделение труда. Женская работа: уход за детьми, приготовление пищи, заготовка топлива, уход за крупным скотом, переработка молочных продуктов, прополка и уборка полевых культур, обработка кожи, овчин, шерсти, изготовление ниток, ковров, паласов, тканей, вязание. Мужчины готовили орудия труда, пахали и засеивали поля, молотили и веяли зерно, стригли и доили овец, чабанили, ухаживали за лошадьми, занимались отходничеством (каменщики, плотники, лудильщики, рабочие на нефтяных промыслах, сельскохозяйственные сезонные работы).

Современное хозяйство цахуров основано на традиционных занятиях – земледелии и скотоводстве. Вместе с тем произошли большие изменения в организации труда. В хозяйстве преобладает животноводческое направление (отгон-

ное). В горах возрождается земледелие (с использованием плуга и волов). Склоновые поля засевают зерновыми, а на приречных террасах выращивают лук, чеснок, капусту, помидоры, сажают фруктовые деревья. Из домашних промыслов сохраняется вязание.

Поселения дагестанских цахуров расположены с учетом наличия водного источника на труднодоступных вершинах хребтов, изгибе реки у подножия горы, обрывистом склоне, с учетом южной (солнечной) ориентации и стремления экономить пригодную для вспашки землю. Для всех селений (крупных селений более 100 домов в XIX в. не было) характерны большая скученность, сплошная застройка с двух сторон узких улочек. Часто они проходят по крышам домов, под домами, представляют собой ступеньки в скале, на подпорных стенках. Внутри селения вели ворота (обычно двое), закрываемые на ночь. Форма поселений зависела от рельефа местности: ступенчато-террасообразная (на склоне), улично-квартальная (на речной террасе), кучевая (на вершине хребта), смешанная (у подножия горы). Структура поселений сложилась в период их укрупнения на базе слияния нескольких мелких (IX–X вв.), каждое переселившееся селение составляло отдельный квартал и носило название тухума.

Общественным центром были мечеть и площадь гимга – место народного собрания. За годы советской власти не произошло ни образования новых селений, ни переселения на более удобные места, шла перепланировка на старых местах, появились общественные здания: школа, клуб, больница.

Основным типом жилища являлся одноэтажный каменный дом с плоской земляной крышей без усадьбы и двора, замкнутый комплекс жилых помещений, выходящий к улице сплошной стеной с входной дверью. Жизнь семьи проходила в одной комнате – очажной (*дега*) со своеобразным однотипным интерьером: пристенный камин, в центре – углубленный в пол очаг (*лахха*) для выпечки хлеба и обогрева, вдоль дальней стены две кладовые (*хидва*) с дверцами, над ними антресоли (*кьас*), много декоративно выполненных элементов (лари разных конструкций, столбы, подбалки). Большую роль в архитектуре интерьера играла оригинальная конструктивно-декоративная система перекрытия жилой комнаты. Она зрительно кажется больше своих действительных размеров. “Подобный интерьер однокамерного цахурского дома был создан, по-видимому, еще в XVII–XVIII вв.” (*Хан-Магомедов*, 1999. С. 87). В двухкамерном жилище одна комната оставалась под кунацкую (*утагъ*). Работали, отдыхали сидя на специальных подушках на застланном коврами полу. Двухэтажные хозяйственные постройки (хлев–сеновал) располагались отдельно от дома, часто образуя особый квартал на окраине аула. Летняя кухня (*секу*) находилась в полуоткрытом помещении, там же сооружались специальные печи для выпечки хлеба – *тандур* (из кислого теста) и *хъар* (тонкого, из пресного теста).

Современное жилище в основном двухэтажное с дифференцированными помещениями и верандой, крытое шифером или железом. Интерьер комнат близок к городскому, отапливаются они железной печью, еду готовят на газовой плите. Хлебопекарные устройства традиционны. По-прежнему нет дворов, открытых участков перед домом (*Исламмагомедов*, 1974. С. 112 и сл.).

Традиционная одежда цахуров имеет много общего с одеждой народов Дагестана в покрое, однако отличается отделкой, цветом, способом ношения. Сказывается влияние азербайджанской культуры. Основным материалом для одежды была продукция скотоводства: шерсть, овчина, кожа. Мужская одежда: штаны, туникообразная рубаша, бешмет на подкладке (*алхалыг*), длинная распашная черкеска (*чактай*), шуба-накидка с ложными рукавами, шуба с рукавами, бурка, войлочный плащ (у чабанов, пастухов), конусообразная островерхая

Рис. 225. Селение Гельмец

шапка из овчины, каракулевая шапка, башлык. На ноги надевали вязаные носки, поршни-чарухи (кусоч кожи, стянутый по форме ноги), сафьяновые сапоги и чувяки, вязаную шерстяную обувь с загнутым вверх носком. Непременный элемент одежды мужчин – кожаный пояс с кинжалом.

Женская одежда: штаны, туникообразная рубаша, широкая юбка, кофта на подкладке, бешметы разного покроя (*алхалыг*, *катиба*), передник-фартук. Головные уборы: чухта, платок. В способе ношения головного убора существовали возрастные различия. Теплой одеждой были безрукавки и овчинные шубы. На ноги надевали пестрые шерстяные носки, поршни, башмаки, сафьяновые чувяки, вязаные сапоги. В женской одежде широко использовались украшения: нарядный головной убор – капор (*дугмаче*), налобник, серебряные цепочки, трубочки, бляшки, нашитые монеты, вышивки, нагрудные подвески, пояс, браслеты, серьги. Современная одежда – главным образом городская, из традиционного костюма сохранились шубы, вязаная обувь и носки, каракулевые шапки.

Традиционная пища состояла из мучных блюд и мясо-молочных продуктов. В употреблении овощей и фруктов существовала разница по зонам, в рационе горцев они занимали незначительное место, их заменяли дикорастущие травы. Распространенным блюдом был хинкал разных видов и размеров, подаваемый с мясом, брынзой, чесночной подливой. Большим разнообразием отличались пельмени с начинкой из творога, тыквы, молока с яйцами, крапивы с орехами, разных трав. В рационе питания видное место занимали каши (из пшеничной, овсяной, полбовой круп, кураги, тыквы) и супы. Ритуальным блюдом служила каша из зерен злаков с добавлением костей позвоночника и челюсти барана. Хлеб готовили разных видов из дрожжевого и пресного теста, пироги (чуду) с теми или иными начинками. Сырое молоко употребляли мало, из него получали сметану, масло, творог, варенец, айран, из овечьего молока делали сыр. Из

Рис. 226. Цахурец в традиционной верхней одежде

Рис. 227. Цахурец в традиционной шубе

Рис. 228. Цахурец в рабочей шубе

Рис. 229. Цахурец в шубе-накидке

Рис. 230. Цахурец в традиционном войлочном плаще

Рис. 231. Цахурец в повседневной одежде, 1960-е годы

Рис. 232. Цахурка в традиционном костюме

Рис. 233. Цахурка в традиционном костюме

Рис. 234. Пожилая цахурка в повседневной одежде, 1960-е годы

Рис. 235. Молодая цахурка в повседневной одежде, 1960-е годы

Рис. 236. Традиционный цахурский женский головной убор-шапочка “дугмаче” (спереди)

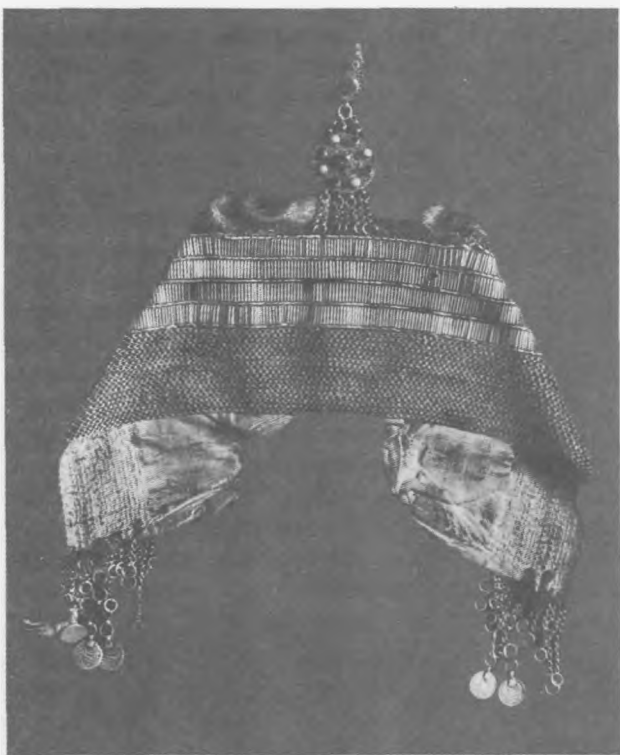

Рис. 237. Шапочка “дугмаче” (сзади)

свежего мяса готовили соус, шашлык. Чабаны запекали начиненные внутренностями и салом с добавлением душистых трав желудок или целую тушку (завернутую в шкуру), зарывая их в горячие угли. Осенью забивали скот для приготовления вяленой колбасы и мяса. Кухонная утварь была медная (луженая), гончарная, деревянная. Современная пища сочетает традиционные блюда с новыми, заимствованными из кухни других народов (борщ, голубцы, котлеты, пюре, жареный картофель, калмыцкий чай), широко применяется консервирование, соление. Любимым напитком стал чай.

Основной формой семьи была малая семья, но наряду с ней существовала неразделенная семья (*хэбна хизан, хэдин хав*). Она сохранилась до 30–50-х годов XX в. и состояла обычно из пяти–семи семейных пар (30–35 человек, трех- и четырехпоколенный состав). Она не была классической большой семьей или семейной общиной. Бытование ее объясняется традицией и хозяйственной целесообразностью: совместное проживание нескольких семей обеспечивало хозяйство большим количеством рабочих рук. Одна часть членов неразделенной семьи проживала в Горном магале, другая – в Закавказье.

Хозяйственную основу неразделенной семьи цахуров составляло скотоводство, которое, в отличие от других народов Дагестана, имело свои особенности в формах содержания крупного рогатого скота. Некоторые семьи (из общего числа семей неразделенные составляли около 5–7%) в конце XIX в. имели в своем хозяйстве более 3000 голов овец, 60 голов крупного рогатого скота, 20 лошадей. Земля, скот, имущество были общими, кроме приданого невесток; оно, как и личная одежда, считались собственностью каждой из них, не подлежали учету при распаде неразделенной семьи и разделе ее имущества. При формальном равноправии всех членов семьи власть главы – старшего – была неограниченной. Обычно семейные пары с неженатыми детьми жили в отдельной комнате (Курбанов К.Э., 1981. С. 127).

Жилище малой семьи могло состоять из одной большой комнаты, одного многокамерного дома, нескольких домов. Все члены семьи пользовались равными правами, организацией работы и быта руководили старший мужчина и его жена. Внутрисемейные отношения строились на патриархальных нормах шариата. Это не исключало хозяйственно-бытовой свободы женщин: многодетные матери и старухи пользовались большим уважением, могли участвовать в сходах. Обычай избегания существовал, но проявлялся в своеобразной форме; общение молодых женщин со взрослыми мужчинами было сдержанным, при посторонних разговаривали через детей. Проявление отцом ласки к своим детям считалось слабостью. С малых лет шло трудовое воспитание с учетом полового разделения труда. В брачных нормах предпочтительной являлась эндогамия, формой заключения брака – сговор. Встречались люлечные формы сговора. Обычай калыма не существовал. Свадьба представляла собой сложный цикл магических обрядов и театрализованных представлений с участием всех жителей селения и родственников из Закавказья и Горного магала. Разводы происходили редко. Счет родства – патрилинейный.

В общественном быте особое место занимали развлечения, игры, праздники и обряды, в которых наряду с мусульманскими было много элементов древних верований. Широко отмечали праздники Ураза байрам, Курбан байрам, начало весны – Навруз (*юхъванин йыгъ*) и проведение первой ритуальной борозды (*вейца аччес*). На празднике весны готовили особое блюдо из зерна злаков, вяленого мяса, кашу из полбы, пельмени с яичной начинкой, пекли фигурные хлеба, красили яйца, которыми угощали родственников, соседей, детей; принято было разжигать костры, петь обрядовые песни, рядиться в животных.

Рис. 238. Нагрудное женское украшение

Возвращение скота и чабанов с зимних пастбищ было большим событием, которое отмечали всем селением: устраивали взаимное угощение, скачки, собачьи бои, состязания борцов, танцы, совершались жертвоприношения – резали баранов и раздавали мясо.

Особенно любимым был древний домусульманский праздник Сейран, богатый религиозно-магическими действиями и спортивно-развлекательными играми. Проводили его летом до начала сенокоса и уборки хлебов на поляне священной горы три дня. В прошлом, до упрочения шариата, в праздничном действе участвовали и женщины, демонстрируя высокое искусство верховой езды. Летом совершали обряды вызывания дождя и солнца с обходом села, произнесением соответствующих заклинаний, коллективным приготовлением и раздачей ритуальной пищи, приготовленной из продуктов, пожертвованных сельчанами. Строго соблюдали обычай взаимопомощи и гостеприимства, сильна была внутритухумная солидарность, взаимозащита. Тухумы распались на более узкие родственные группы – насыли.

До начала XX в. у цахуров сохранились реликты древних, предшествовавших исламу, религиозных верований, которые проявились в обрядах календарного и семейного циклов. Это главным образом магические ритуалы карпогонического апотропейного (защитного), инициального, мантического (гадания) и другого характера, обычаи, направленные на усиление производящей способности человека и природы. Цахурам были известны персонажи низшей мифологии – покровители и антагонисты человека. Популярны рассказы о местных святых и связанных с ними чудесах.

Разнообразна песенно-музыкальная культура цахуров, которая испытала влияние культуры соседей-азербайджанцев. Песни исполнялись на родном и азербай-

джанском языке, а рассказы, сказки, плачи-притчи – на родном. В отличие от плавного азербайджанского танца, чаще исполняемого женщинами, местный отличался быстротой и эмоциональностью (коллективный и парный). Высоко исполнительское мастерство музыкантов на таре, сазе, зурне (обычно два – мелодист и аккомпаниатор), барабане. Традиции фольклора нашли отражение и получили развитие в творчестве поэтов-певцов – Гаджалили из Цахура (XIX в.), Гусейна из Мишлеша (XIX в.), Шихамира из Гельмеца (XX в.), Назира из Сувагиля (XX в.). Известными учеными были Аллахверди из Цахура (XVIII в.), Абдулла из Мишлеша (XIX в.), Курбан-эфенди из Мишлеша (XIX–XX в.).

За годы советской власти во многом изменились занятия, культура и быт цахуров, хотя традиционный уклад в целом сохранился. Сформировались кадры национальной интеллигенции. В 1990 г. постановлением Совета министров Дагестана для цахурского, как и для ряда других языков, введен статус письменного языка, утверждён алфавит, составлен букварь, выпущены учебники для младших классов, готовятся кадры учителей родного языка, что способствует укреплению этнического самосознания цахур, сохранению обычаев и культурных ценностей. В 1992 г. создано культурно-историческое общество “Цахуры”, которое ставит своей целью возрождение и развитие культуры, народных традиций, обычаев, изучение истории, подъём экономики и благосостояния, улучшение социальной сферы цахуров. Выходит цахурская газета, где публикуются статьи на цахурском и русском языках.

ЧЕЧЕНЦЫ

Чеченцы Дагестана включают две субэтнические группы вайнахского (чеченского) этноса: собственно чеченцев и их особое подразделение – аккинцев (самоназвание – *аьккхий*; в исторической литературе и документах до середины XX в. назывались ауховцами). Северные и восточные соседи аккинцев кумыки называют их *аухлар* (от местного кумыкского топонима Аух), южные соседи аварцы для обозначения их используют название общества *главухъал* (Аух). Кумыки называют собственно чеченцев *мычыгъышлар*, а аварцы – *чачанал*, или *буртиял* (Ибрагимов, 1993. С. 59).

Дагестанские чеченцы расселены в предгорьях Северо-Западного Дагестана по долинам среднего течения рек Аксай, Ямансу, Ярыксу и Акташ и на Кумыкской равнине, вблизи границ с Чечней. Чеченцев, живущих в Республике Дагестан вместе с беженцами из Чечни насчитывается около 110 тыс. человек (по оценке 2000 г.), что составляет около 5% населения республики или более 10% всех чеченцев. Сельское население дагестанских чеченцев (около 48%) сосредоточено в Новолакском (27% населения района), Хасавюртовском (25,6%), Казбековском (13%), Бабаюртовском (8%) районах. Чеченцы-горожане расселены в основном в трех городах Дагестана – Хасавюрте (35,6% населения города), Кизляре (6,5%) и Махачкале (4,3%) (Основные национальности... 1995. С. 47, 50, 63).

Дагестанские чеченцы обитают в двух природно-климатических зонах: предгорьях северных склонов Андийского хребта (Новолакский и Казбековский районы) и юго-западной части Кумыкской равнины (Хасавюртовский и Бабаюртовский районы). Климат в этих местах в целом умеренный, теплый, с жарким летом, дождливой осенью и относительно мягкой зимой. Абсолютные максимумы температуры воздуха составляют летом + 41°, зимой – 29°. Среднегодовое количество осадков достигает 600 мм, в предгорье – 700–800 мм. Почвы в предгорьях горнолесные бурые, а на равнине – каштановые и луговые. В предгорной зоне произра-

Рис. 239. Чеченец в традиционном костюме. (Из личного архива Ибрагимова М.-Р.А.)

стают дубовые, грабово-дубовые и буковые леса, на равнине – тугайные леса, кустарниковые заросли, луга и сообщества солянок в поймах рек. В этих местах растут также ясень, клен, дикая груша, грецкий орех, яблоня, тополь, ива, кизил, айва, фундук, боярышник, мушмула, терн, шиповник, ежевика, дикий виноград. На территории их расселения имеются лесные массивы, где обитают волки, шакалы, кабаны, барсуки, лисы, зайцы, ежи, встречаются камышовый кот, а из птиц – орлы, ястребы, филины, совы, сороки, вороны, жаворонки, синицы, воробьи, ласточки, а также гуси, утки, фазаны, куропатки.

Численность чеченцев в Дагестане росла не только за счет относительно высокого естественного прироста их, но и за счет миграции из Чечни. Так, в 1870 г. в Хасавюртовском округе насчитывалось 5912 ауховцев (или 12,7% населения округа) (Сборник сведений... Т. I. 1871. С. 289), к 1897 г. их число выросло в 3 раза и составило 18 128 человек (25,6%), из них в Хасавюрте жило 103 человека (1,9%); основное население слободы Хасавюрт составляли тогда русские (59,2%), евреи (14,3%), кумыки (8,6%). (Первая всеобщая... Т. LXVIII. 1905. С. 3). Интенсивный приток мигрантов-чеченцев в Дагестан зафиксирован и в первой четверти XX в. "Ауховцы, – отмечается в статистическом отчете Хасавюртовского округа ДАССР за 1925 г., – дали увеличение на 2737 душ, или 21,8%, что объясняется массовым самовольным переселением выходцев из Чеченской области в округ (Хасавюртовский. – М.-Р.И.). По данным Окружного Земельного Отдела за 1918–1924 гг., в округе самовольно поселилось 570 семейств, выходцев из Чеченской области" (ГАРД. Ф.р.-127. Оп. 3 Д. 1. Л. 53 об.). К 1926 г. в ДАССР число чеченцев достигло 21,4 тыс. человек, из них в Хасавюртовском округе – более 20 тыс. (34%) (Всесоюзная перепись... 1926. С. 342). По данным переписи населения 1939 г., в ДАССР насчитывалось 27 678 чечен-

цев (Всесоюзная перепись... 1939. С. 66), а к 23 февраля 1944 г. их было уже 37 106 (ГАРД, Ф. п-1. Оп. 2. Д. 1013. Л. 42). Перепись населения 1959 г. зафиксировала 12,8 тыс. чеченцев (Итоги... 1962. С. 202), что было следствием гибели части их во время высылки и из-за того, что не все они вернулись в республику. В 1960–1970-е годы произошло восстановление их довоенной численности в Дагестане. В 1989 г. численность чеченцев составила 57 877 человек (3,2% населения Дагестана) (Основные национальности... С. 24), а к началу 2000 г. из-за притока собственно чеченцев из Чечни их число вновь достигло 109 тыс. человек (5,1%) (По данным Комитета Республики Дагестан по госстатистике).

Дагестанские чеченцы, включая аккинцев, являются представителями кавкасионского типа переднеазиатской расы европеоидов. Их язык входит в нахско-дагестанскую группу северокавказских языков. Аккинцы говорят на аккинском диалекте чеченского языка, а в школах изучают чеченский литературный язык. До середины XX в. некоторыми исследователями нахских языков признавалось существование самостоятельного аккинского языка (З.К. Мальсагов и др.). Другие ученые считают, что язык аккинцев занимает промежуточное положение между чеченским и ингушским языками, в нем сохранились и более древние формы вайнахских языков (И.А. Арсаханов и др.). По мнению исследователей, выделение аккинского языка-диалекта из вайнахской общности, в которую входили будущие чеченцы и ингуши, произошло относительно поздно – в течение XVII в., и с этого времени можно говорить о его самостоятельном развитии (Гусейнов, Мугумова, 1983. С. 46). Ныне он признан одним из более отдаленных диалектов чеченского языка, сохранившим отчетливые следы близости с ингушским языком. Язык аккинцев претерпел определенные изменения в лексике и фонетике под влиянием кумыкского и в гораздо меньшей степени ногайского языков (Волкова, 1973. С. 162; Гусейнов Г.-П. А.-К., 1985. С. 139; Русско-чеченские... 1997. С. 261). “В лексике аккинского диалекта, – пишет И.Ю. Алироев, – наблюдается большой слой восточной, тюркской, арабской, персидской заимствованной лексики, пришедшей сюда из языков Дагестана. Аккинский диалект, оказавшись в окружении такого влиятельного языка как кумыкский, который вплоть до Октябрьской социалистической революции являлся межнациональным языком, стал испытывать сильное его влияние. Поэтому в аккинском диалекте просматривается большой слой восточной лексики, отсутствующей в чеченском литературном языке” (Алироев, 1994. С. 47). Большая часть чеченцев свободно владеет русским, часть их знает кумыкский язык, а некоторые – и аварский.

История формирования чеченоязычного населения Дагестана тесно связана прежде всего с этнополитической историей аккинцев, являющихся, как уже было отмечено, одной из вайнахских региональных групп. По поводу происхождения, этнической принадлежности аккинцев-ауховцев, времени переселения и образования Ауховского общества в Дагестане и другим вопросам имеются различные, порой противоречивые сведения и гипотезы. Дагестанские чеченцы-аккинцы, как об этом свидетельствуют этногенетические предания и анализ их современного тайпового состава, считаются переселенцами из Лам-Акки, расположенной в верховьях р. Гехи, в урочище Нашах (Русско-чеченские... 1997. С. 261). Здесь в Западной Чечне и ныне живет часть аккинцев – *лам аьккхий* (горные аккинцы) в отличие от *арара аьккхий* (равнинных аккинцев-ауховцев) (Волкова, 1973. С. 172; Алироев, 1994. С. 47).

По поводу появления аккинцев в Дагестане первый историк и этнограф из чеченцев У. Лаудаев в 1870-е годы писал: “Ауховцы называются аккий, название это они получали от того, что, живя прежде в Аргунском округе, составляли членов аккинской фамилии. Скудная почва земли, принадлежащая этому об-

шеству, заставила половину этой фамилии переселиться в Аух, где кумыками и русскими переселенцы назывались ауховцами, сами же они для себя, как и от чеченцев, удержали название первобытной фамилии Аккий, т.е. выходцев из Акки” (Лаудаев, 1872. С. 4).

Причиной ухода части аккинцев, по мнению этого автора, были также раздоры и притеснения их со стороны других вайнахских племен. Переселение, по У. Лаудаеву, происходило в начале XVIII в. В подавляющем большинстве версий, преданий время исхода предков аккинцев-ауховцев определяется XVI–XVII вв. Этот хронологический рубеж близко соответствует имеющимся письменным и археологическим данным и поэтому в исторической науке прочно утвердилось мнение, что переселение аккинцев и образование Ауховского общества произошло в конце XVI в. (История народов... 1988. С. 277). Здесь следует сказать о попытке А. Адилсултанова провести ревизию общепризнанных исторических фактов и дать “новую” интерпретацию известных документов в целях обоснования мифических взглядов на Терско-Сулакскую низменность вплоть до Каспийского моря как прародины чеченцев-аккинцев, якобы обитавших тут с первых веков нашей эры (Адилсултанов; критику см.: Современное состояние... 1977. С. 44, 55, 59; Алиев, Умаханов, 1999. Кн. 1. С. 30, 128, 134, 145, 161).

Как следует из преданий самих аккинцев, их предки примерно в конце XVI – начале XVII в. в силу ряда социально-экономических, демографических и других причин (войны с соседними чеченскими тайпами и грузинами и т.д.) вынуждены были покинуть места своего древнего обитания в Лам-Акки и, постепенно двигаясь на восток, расселились по долинам р. Мичик (ныне Ножаюртовский р-н Чеченской Республики), а затем под давлением калмыков (первое крупное столкновение горцев с ними, которое произошло в 1644 г.) примерно во второй половине XVII в. “аккинцы переселились в горы к р. Ямансу, где и образовали свои поселения” (Волкова, 1974. С. 143).

Гидронимия и топонимия среднего течения междуречья Аксая и Акташа, где поселились аккинцы, как отмечает чеченский исследователь И.А. Арсаханов, “свидетельствует о том, что до появления на этой территории аккинцев или ауховцев там жили кумыки” (Арсаханов, 1969. С. 243). Письменные источники XVIII – начала XIX в. также подтверждают, что аккинцы расселились на землях, принадлежавших кумыкским (эндиреевским) князьям, которые взяли их под свое покровительство: “Аухи, так называются поселившиеся на землях кумыцких около вершин рек Агташа и Ярухсу карабулакские и частью чеченские выходцы” (Буцковский, 1958. С. 243).

Ауховское общество формировалось из представителей различных вайнахских тайпов. Так, аккинцы из тайпа Парчхой основали два селения: Шир-юрт (Юрт-аух, ныне Калининаул) и Парчхой (Акташ-аул, ныне Ленинаул), а выходцы из тайпа Цечой – сел. Цечой (Кишень-аух). Несколько позже выходцы из ичкеринских тайпов Беной, Цонтарой, Курчалой и другие основали еще несколько селений на территории Ауховского общества (Арсаханов, 1959. С. 153; Он же, 1969. С. 6).

И.А. Арсаханов, основываясь на народных преданиях ауховцев, приходит к выводу, что “основная масса состояла из аьккхи, чем объясняется и общее название переселенцев – аьккхи” (Он же, 1959. С. 9).

Несколько иной точки зрения о роли аккинцев в сложении ауховского общества придерживалась Н.Г. Волкова, которая считала, что “восточные, равнинные аккинцы представляют смешанную в племенном отношении группу, образующуюся из орстойцев, горных чеченцев (преимущественно ичкеринцев) и менее аккинцев. Основу этой группы составляли карабулаки. По определению

восточных чеченцев, хасавюртовские аккинцы – это Цечой тейпа (карабулаки), переселившиеся на восток из Аккилам, т.е. горного Акки” (Волкова, 1974. С. 168). При этом орстхоевский (карабулакский) тайп Цечой известен и в настоящее время среди ингушей.

Другая этническая группа дагестанских чеченцев обосновалась примерно в конце XVII–XVIII вв. севернее Ауховского общества в шести селениях, расположенных на этнической территории аксаевских кумыков на стыке нынешних границ Дагестана и Чечни. Процессы расселения и роста численности этой группы описаны А. Буцковским, который еще в 1812 г. отмечал, что “при выходе их гор на понизовье Сунджи и Терека чеченцов часть сих последних была выведена аксаевскими владельцами и поселена на их землях у подножия Черных гор между Сунджею и Аксай-рекою, на известных условиях, под названием качкалыков... Сии качкалыки, размножившись приходом многих новых чеченцев, хотя и ныне аксаевцами почитаемы за их подвластных, но, пользуясь послаблением сих владельцев, вышли из всякого послушания, овладев всем участком между реками Гуйдюрмезом и левым берегом Аксая” (Буцковский, 1958. С. 239).

В XVII–XVIII вв. из Чечни в предгорья и на равнину Дагестана устремились выходцы из карабулакских (Цечой, Мержой и др.) и ингушских (Зюгой, Ваьлий, Пулой и др.) тайпов, однако основную массу переселенцев в Аух составляли представители чеченских, преимущественно ичкеринских тайпов (Беной, Цонтарой, Курчалой и др.). Переселение чеченцев из Чечни в ауховские селения продолжалось в XIX в. и позже, вплоть до начала 1944 г. В ауховских селениях оказались также представители соседних этнических общностей: кумыков и аварцев. Этот процесс зафиксирован И.И. Норденштаммом, который в 1834 г. писал, что “...племя, вышедшее из ущелья Аксая, Халхалу и Гудермеса (чеченцы), смешалось с кумыками: часть оного с Мичика перешла через Качкалыковский хребет на земли аксаевских князей и поселилась там, сии теперь называются качкалыковцами, другая часть, поселившись на землях андреевских князей, в ущельях Акташа и Ямансу, получили название ауховцев, к коим от времени до времени присоединились разные таулинцы” (горцы, аварцы. – М.-Р.И.) (Норденштамм, 1940. С. 308). Исследователь XIX в. Д.М. Шихалиев отмечал, что “они (салатавские аварцы. – М.-Р.И.) считаются в родстве с ауховцами” (Шихалиев, 1993. С. 23).

Поскольку ядро первопоселенцев в Аухе составляли аккинцы, а остальные – карабулаки и представители чеченцев-ичкеринцев поселялись рядом с ними в течение определенного времени, то языком общения, а вслед за этим и родным языком стал аккинский. Быстрому сближению и переходу на аккинский диалект способствовали, с одной стороны, большая этнокультурная близость и родство всех вайнахских этносов, а с другой – несколько изолированное от остальных вайнахов и относительно самостоятельное развитие Ауховского общества. Последнее обстоятельство способствовало консервации ряда оригинальных элементов в духовной культуре, которые нашли отражение в языке аккинцев Дагестана, сохранившем некоторые архаичные формы вайнахских языков, а также специфические элементы, как, например, комплекс -рх – на месте бацбийского -тх – и чечено-ингушского -лх (ср. *бацб. матх*; чеч.-ингуш. – *малх*, аккин. *марх* – “солнце”, и др.), а также лексические и фонетические формы, близкие к ингушскому языку, например, аккин. – *сесаг*, ингуш. – *сесак* // *сесаг* при чечен. – *зуда* (“жена”), начальное *с* в аккинском и ингушском на месте чеченского – *стаг* // *таг* (“человек”) (Алироев, 1975. С. 118, 122). Кстати, по мнению А.Н. Генко, поддержанному Е.Н. Кушевой и Н.Г. Волковой, Акка – ингушское общество (к XX в. оно очеченилось), а аккинцы были первоначально ингушами (Генко, 1930. С. 684; Кушева, 1963. С. 64, 69).

Предки аккинцев и вообще чеченцев после переселения из Чечни в Аух оказались на землях подвластных дагестанским феодалам. Они вынуждены были вступить в даннические отношения с кумыкскими феодалами, в частности с эндириевскими владельцами, занимавшими нижнюю часть предгорья и равнины. В начале XVII в. аварские ханы принудили к дани пограничные чеченские общества, а также часть ауховцев. “В конце XVIII столетия... ауховцы, бывшие под властью аварцев, освободились от них; малая их часть платила еще ясак кумыкам”, – писал У. Лаудаев (*Лаудаев*, 1872. С. 22). Ауховцы продолжали быть в зависимости от эндириевских князей вплоть до 1840 г., когда во время национально-освободительной борьбы горцев имам Шамиль освободил их от податей за участие в движении. В 1841 г. во время карательной экспедиции царских войск в Аух “аул Кишень-аух и некоторые другие... были истреблены, ... около 250 семейств, т.е. половина всего Ауховского общества были переселены в Андрееву деревню и окрестные кумыкские селения”, как говорилось в одном из военных донесений (Акты... Т. IX. 1884. С. 295). В последующие годы за участие в восстаниях 1867 и 1877 гг. часть жителей ауховских и других чеченских аулов была насильственно переселена в равнинные селения Кумыкского (Хасавюртовского) округа. Так, в конце 1877 г. 1200 семейств чеченцев из Ичкерии (Чечня) “беспрекословно выселились на плоскость, где из сострадания дан им временно приют чеченцами (ауховцами. – *М.-Р.И.*) и кумыками, пока не решит правительство дальнейшую их участь”, – сказано в одном из архивных документов (ГАРД Ф. р-175. Оп. 1. Д. 6. Л. 60).

В 1860 г. после образования Дагестанской и Терской областей Ауховское общество вошло в состав Кумыкского (позднее – Хасавюртовского) округа Терской области (с 1918 г. – Терская, а с 1920 г. – Горская Республика), с 1920 г. этот округ вместе с ауховским участком были переданы из Горской ССР в состав Дагестанской АССР. В марте 1921 г. часть аккинцев выразила желание выйти из состава Хасавюртовского округа ДАССР и присоединиться к Чеченскому округу Горской ССР, однако другая часть их была против выхода и Ауховский участок остался в составе ДАССР (ГАРД. Ф. р-263. Оп. 4. Д. 2. Л. 11,13).

После многократных обращений ауховцев с просьбой создать национальный район указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 октября 1943 г. за счет разукрупнения Хасавюртовского р-на ДАССР было принято решение об образовании Ауховского р-на с центром в сел. Ярыксу-аух (ГАРД Ф. р.-352. Оп. 2. Д. 51а. Л. 266; Оп. 14. Д. 22. Л. 22). В конце декабря того же года было создано Оргбюро, которому постановлением правительства республики от 13 января 1944 г. было предложено представить бюджет района к февралю 1944 г. В состав этого национального района вошли 8 сельсоветов: Акташауховский, Алтымирзаюртовский, Банайаульский, Бильтаульский, Кишеньауховский, Минайтугайский, Юртауховский и Ярыксуауховский (15 селений, в которых проживали 13 321 человек), а шесть селений чеченцев остались в составе Хасавюртовского района (ГАРД Ф. р-352. Оп. 3. Д. 74. Л. 6). Новый Ауховский р-н находился на стадии формирования. А тем временем в кремлевских кабинетах тайно готовился сценарий очередной трагедии вайнахского народа.

23 февраля 1944 г. все чеченцы и ингуши, проживающие в Чечено-Ингушской АССР и прилегающих к ней территориях, в том числе и Дагестанской АССР, были выселены в различные районы Казахстана и Киргизии. Всего репрессиям в Дагестане подверглись 8386 семей или 37 106 чеченцев, в том числе 14 901 человек из Ауховского района, остальные – из г. Хасавюрта, Хасавюртовского и Бабаюртовского районов (ГАРД Ф. п-1. Оп. 2. Д. 1013. Л. 42).

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 июня 1944 г. Ауховский р-н был переименован в Новолакский с центром в сел. Ново-

лакское (бывшее сел. Банайаул), изменению подверглись и названия всех населенных пунктов; при этом два сельсовета – Сталинаульский (быв. Акташауховский) и Калининаульский (быв. Юртауховский) – оказались переданы в Казбековский район. В селения дагестанских чеченцев были принудительно переселены лакцы (в Новолакский район), аварцы (в два селения быв. Ауховского района, переданных в Казбековский), кумыки (в три селения Хасавюртовского района) (ГАРД Ф. р.-352. Оп. 2. Д. 56. Л. 146).

Дагестанских чеченцев доставили на места спецпоселений, где они оказались в условиях, резко отличавшихся от районов их постоянного обитания. Традиционный уклад жизни был разрушен в одночасье. Адаптация к новым условиям проходила весьма тяжело: от сыпного тифа, голода и холода в дороге и за годы высылки, не выдержав физических и психологических перегрузок, погибли до 30% всех чеченцев (*Иосиф Сталин...* 1992. С. 107, 265).

После выхода указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. “О восстановлении Чечено-Ингушской АССР” в Дагестан в 1957–1963 гг. вернулись более 28 тыс. чеченцев. Вопросы их размещения и обустройства в пределах республики находились под контролем Дагестанской областной партийной организации и Совета Министров ДАССР. В мае 1960 г. вышло постановление Совета Министров ДАССР “О дополнительных мерах по хозяйственному и трудовому устройству чеченского населения прибывающего в Дагестанскую АССР” (*Османов А.И.*, 2000. С. 229).

Кумыки, насильственно переселенные в 1944 г. в чеченские селения Хасавюртовского р-на, в 1957 г., не дожидаясь официальных решений, добровольно, за счет собственных средств вновь переселились в свои селения Альбуригент, Кяхулай и Тарки.

Вернувшимся из мест спецпоселений чеченцам – выходцам из Ауховского р-на было предложено поселиться в Хасавюртовском, Бабаюртовском и Кизилюртовском районах. Специальные уполномоченные по оргнабору для трудоустройства в Дагестане выдавали чеченцам-аккинцам спецудостоверения, где указывались места их размещения (*Шайхиев*, 1989). Им запрещалось возвращение в свои селения, так как власти не желали проводить переселение проживавших в них аварцев и лакцев. Для упорядочения учета и расселения прибывшего из специальных поселений населения в Хасавюртовском, Новолакском районах, а также в селениях Сталинаул (Ленинаул) и Калининаул Казбековского р-на был введен паспортный режим. Руководство республики объясняло это “невозможностью и нецелесообразностью дальнейшего доприселения в эти районы чеченского населения, в связи с отсутствием экономических возможностей для их размещения” (ГАРД Ф. р.-168. Оп. 34. Д. 923. Л. 171). Дело в том, что в течение неполного года, на рубеже 1957–1958 гг. одновременно с возвратившимися из ссылки чеченцами, вынуждены были вернуться в Дагестан 12 104 семьи (или 59 300 человек) аварцев, даргинцев и других, принудительно заселенных в 1944 г. на землях шести районов бывшей Чечено-Ингушской АССР (*Османов А.И.*, 2000. С. 232). В связи с этим руководство СССР отклонило ходатайство правительства Дагестана об отселении лакцев и аварцев и освобождении населенных пунктов бывшего Ауховского р-на для заселения туда чеченцев-аккинцев. Проблема территориального устройства чеченцев-аккинцев не была решена, так как они настаивали на возвращении в свой Ауховский р-н.

До принятия закона Верховного Совета РСФСР от 26 апреля 1991 г. “О реабилитации репрессированных народов” мероприятия по восстановлению их законных требований не были обеспечены правовыми актами. Несмотря на отсутствие в указанном законе механизма его реализации, III съезд народных депутатов Да-

гестана 23 июля 1991 г. принял постановление, в котором устанавливался переходный период (1991–1996 гг.) для восстановления Ауховского района и исторических названий входящих в его состав населенных пунктов, для переселения лакцев на новое место и возвращения всех желающих чеченцев-аккинцев в места их прежнего проживания. В декабре 1994 г. завершена выплата репрессированным (5720 хозяйств) компенсаций за несохранившееся имущество в сумме 1202,9 млн. руб. Однако мероприятия по полной реабилитации аккинцев выполняются медленно, в основном из-за отсутствия финансирования из Центра. Тем временем аккинцы пошли по пути самовольного захвата участков и строительства домов в Новолакском и Казбековском районах, что привело к обострению ситуации.

Основным традиционным занятием дагестанских чеченцев являлось земледелие (ячмень, пшеница, кукуруза, табак, овощеводство), сочетавшееся с животноводством – содержанием крупного рогатого скота (буйволы, быки, коровы) и овцеводством (овцы, козы). Излишки успешно возделываемых зерновых культур обменивались на животноводческие продукты (жир, курдюки, сушеное мясо, овечий сыр и др.). Широкое развитие у дагестанских чеченцев получили огородно-бахчевые культуры: лук, чеснок, черемша, фасоль, перец, тыква, арбуз и др.

Скотоводство чеченцев имело мясо-молочное направление. Крупный рогатый скот, кроме пополнения пищевых запасов и сырья для домашних промыслов (одежда, обувь, отчасти орудия труда и др.), использовался в качестве рабочей силы при обработке пахотных земель, перевозке грузов (быки, буйволы). Коневодство у чеченцев играло второстепенную роль, лошадей любили и использовали в основном для верховой езды, а также при обмолоте зерновых. Крупный рогатый скот и лошади большую часть года содержались на выгонах (богатых травой балках, оврагах, лиманах), а зимой находились на стойловом содержании. Через территорию чеченцев проходила скотопрогонная трасса, связывавшая высокогорные районы левобережья Андийского Койсу с Кумыкской равниной.

Важную роль в хозяйстве чеченцев играли кустарные промыслы. Немалой популярностью пользовалось чеченское сукно, из которого шились черкески, башлыки и др. Высокое развитие получило оружейное производство; “весьма хорошие делают ружья”, – писал в начале XIX в. об аккинцах военный исследователь А.М. Буцковский (*Буцковский*, 1958. С. 243). Повсеместное распространение имели обработка кожи, дерева, шерсти, изготовление сельскохозяйственного инвентаря. Некоторое значение имели птицеводство, пчеловодство и охота на диких зверей и птиц. Часть населения занималась извозом. Транспортным средством служила арба, а зимой использовались сани и волокуши.

Характерный тип поселения дагестанских чеченцев – аул-юрт. При строительстве поселений учитывались возможности обороны, наличие воды, близость сельскохозяйственных угодий и другие факторы. Аккинские поселения, как правило, растянутые вдоль рек или дорог, были относительно крупными, насчитывавшими в среднем до 200 хозяйств. Традиционным типом жилища дагестанских чеченцев были турлучные и саманные дома прямоугольной планировки. Дом с приусадебным участком обносили забором, а во дворе располагались хозяйственные постройки, навесы, хлев и т.д. Имелась гостевая комната, которая обустраивалась лучше других; интерьер остальных комнат был весьма скромным. Современные жилища с двух- или четырехскатными крышами, покрытыми шифером или кровельным железом, строятся из обожженного кирпича, пиленого известняка и современных строительных материалов.

Традиционная одежда чеченцев имела много общего с общекавказским костюмом и отражала этнокультурные связи с кумыками и другими народами Северного Кавказа. Мужскую одежду составляли туникообразная рубаха, сужен-

Рис. 240. Чеченцы. Конец XIX в.
(РЭМ. Фототека. Колл. 136-24)

Рис. 241. Чеченская семья. Ко-
нец XIX в. (РЭМ. Фототека.
Колл. Ф-92-37)

ные к низу штаны, цельнокроеный бешмет, черкеска. Последняя считалась праздничной одеждой. Зимней одеждой являлись овчинная шуба и бурка. Головными уборами мужчин (*кюд*) были высокие овчинные папахи, войлочные шляпы, обувью служили сапоги, сшитые из сукна, сафьяна, овчины. Костюм украшали пояс, кинжал. Основными частями женской одежды были широкая, длинная туникообразная рубаша и штаны, а также бешмет и праздничное распашное платье *глабали* с нагрудником и поясом. Головные уборы (*кюртхтилар*) отличались разнообразием, большие и малые платки (*докътуркул* и *зимгатуркул*), шелковые платки (*гюльмельди*), шали (*бой*), под которые надевали *чухту*. Обувью служили чупяки и праздничные туфли с высокими носками, без задников, на твердой подошве, с каблуком. Большим разнообразием отличались женские украшения: серьги, кольца, браслеты, ожерелья. В женской одежде значительную роль играл цвет: молодые женщины предпочитали яркие, привлекательных тонов платья и легкие платки (в том числе с блестками); замужние – более скромные, а пожилые – серые и темные цвета одежды. Общекавказский культ головного убора существовал и у чеченцев-аккинцев и выражался в особом, почтительном отношении к папахе и требовании всегда носить достойный головной убор. Женщина обязана была постоянно носить платок (или хотя бы повязку, которая прикрывает волосы). Мужчины до сих пор не разрешают чеченским женщинам быть в обществе без платка.

Пища чеченцев, изготовленная из продуктов земледелия и в меньшей степени скотоводства, подразделялась на повседневную и ритуально-праздничную, свадебную, поминальную. Была и походная пища – *цлу* (толокно из прожаренного ячменя, проса, ржи, а в последнее время – кукурузы). Повседневную пищу составляли: чурек с сыром, *галнаш* (тип хинкала из кукурузной муки), разные супы (*дугана*, *шурэ чорп*, *жирга чорп*), каши (*худар*). У состоятельных пища была более разнообразной: творог с маслом, яйца (*хлоа*), мясо, мясной и куриный бульоны (*джижиган*, *куотли чорп*), лепешки с сыром, мясом, тыквой, домашние колбасы и др. Значительное влияние на культуру питания чеченцев Дагестана оказала кумыкская кухня. “Аккинцы готовят пищу подобную кумыкской (союзама – особый вид творога; чий – простокваша, Гинкал (хинкал) – кусочки теста, вареные в жирном бульоне, чишлик – (шашлык)” – отмечает И.Ю. Алироев (Алироев, 1994. С. 133). К заимствованным блюдам следует отнести плов (*пилув* и *чилув* – кумык.), *киргизой пилув* (киргизский плов), котлеты и др.

Общественные и семейные отношения дагестанских чеченцев имели как вайнахские, так и специфические черты, сформировавшиеся под влиянием соседних народов, в частности кумыков. Это было вызвано рядом обстоятельств. Предки аккинцев-ауховцев после переселения из Чечни в конце XVI – начале XVII в. в междуречье Аксая и Акташа были вовлечены в феодальные отношения. Находившиеся в зависимости от аксаевских и эндириевских князей ауховцы освободились от нее лишь в середине XIX в. Общественная жизнь до начала XX столетия регулировалась народными собраниями, сходами, состоявшими из всего мужского населения сельской общины. Состав схода (*кхел*) строился на основе представительства от дворов, патронимий. Он имел право решать общественные, хозяйственные, судебные и другие дела общинников. Общественное управление и суд были основаны на адатах и шариате (соответственно – обычном и мусульманском праве). Сельская община распорядилась распределением общесельских пахотных, сенокосных и лесных участков. Сход сельской общины определял также сроки начала сельскохозяйственных работ, выступал посредником в примирении кровников и решал другие вопросы. Большое значение в жизни дагестанских чеченцев имела принадлежность к тому или иному

тайпу, который состоял из группы родственных семей, находящихся друг с другом в кровном родстве и возводящих себя к общему мужскому предку-эпониму.

В общественном быту немалую роль играл обычай гостеприимства, а правила приема гостей были закреплены древней народной традицией. Распространение получили куначество, побратимство и аталычество. Важное значение в быту чеченцев имел обычай взаимопомощи (*белхи*); сохранялся обычай кровной мести.

Основной формой семьи была малая моногамная двухпоколенная семья, хотя сохранялись и неразделенные семьи. Главой семьи являлся мужчина, но и женщина пользовалась относительно большей свободой в соответствии с ее положением в общественном производстве и трудовой жизни семьи. Существовало строгое половозрастное разделение труда. В народной педагогике большое место занимало трудовое воспитание, включавшее физическое и нравственное воспитание. У детей вырабатывались такие качества, как терпение, самообладание, упорство, настойчивость, смелость, решительность. Почитание старших, уважительное отношение к родителям – характерные черты чеченцев. В общении они придают большое значение этикетным нормам.

Браки заключались с 16–18-летнего возраста. В досвадебной и свадебной обрядности принимал участие многочисленный коллектив родственников, соседей, знакомых. Основными формами брака были браки по согласию, убогом, умыканием. Соблюдались обычаи избегания (между снохой и родственниками мужа, между зятем и родственниками жены, между родителями и детьми). Показателями счастливой жизни у чеченцев являлись наличие многодетной семьи, большое число близких родственников; приветствовалось и отмечалось рождение мальчика. Похоронные обряды исполнялись в соответствии с адатно-шариатскими нормами; при этом резали скотину, раздавали по куску мяса односельчанам, кормили пришедших на соболезнование и т.д.

Дагестанские чеченцы обладают богатыми и разнообразными формами фольклора: преданиями, легендами, сказками, песнями, сказаниями (нартский эпос и др.). Богато представлены у них как музыкальное танцевальное искусство (особенно привлекателен мужской танец, отличающийся экспрессией), так и музыкальные инструменты: барабан, бубен, зурна, гармоника и др.

Ими выработана система производственных навыков, включающих сельскохозяйственный календарь, агротехнические, зоотехнические, метеорологические и прочие народные знания. Большую роль в духовной жизни играл ислам суннитского толка, проникший в их среду после переселения в Дагестан. Религиозные и календарные праздники: Курбан-байрам, Ураза-байрам, обряды вызова дождя, солнца и другие были яркими событиями в общественной жизни аккинцев. Мусульманская обрядность тесно переплетена у них с более ранними религиозными верованиями (почитанием гор, скал, деревьев, рощ, особенно богов неба и солнца, грома и молнии, богини плодородия, покровителя охотников и т.д.).

В советский период истории у чеченцев Дагестана произошли значительные изменения, которые охватили все сферы их жизни и деятельности: экономику, материальную и духовную культуру, семейный и общественный уклад. Хозяйства дагестанских чеченцев специализировались главным образом на развитии земледелия и скотоводства, включая такие новые виды занятий, как виноградарство, выращивание подсолнечника; они также работали на заводах и фабриках, в строительстве, в основном рабочими, каменщиками, малярами и т.д.

Дагестанские чеченцы пользовались арабской графикой; в городах Темир-Хан-Шуре и Петровске в типографиях М. Мавраева и А.М. Михайлова в начале XX в. издавались книги на чеченском языке (Каталог печатных книг... 1989.

Рис. 242. Группа чеченцев при уборке хлеба. Конец XIX в. (РЭМ. Фототека. Колл. 5304-30)

С. 145–149). При этом большая часть из выявленных 15 книг, изданных на чеченском языке в Дагестане в начале XX в., по содержанию являются религиозными: об основах ислама, мусульманском праве и т.д. Среди них имеются книги, подготовленные дагестанскими чеченцами Абдаррахимом из Авухюрта (ныне Калинин-аул) и Шихабудином, сыном Шуайба из Баммата (ныне Бамматюрт). Первый издал две книги: “Китаб руб ал-’ибада мин ал-фикх би-лисан чачан” (“О мусульманском праве на чеченском языке”) и “Тарджамат ал-мухтасар” (Перевод “Мухтасара”); второй – автор книги “Хадийат чачан фи маса ‘ил ал-иман” (“Трактат о вероисповедании на чеченском языке”) (Там же. С. 146, 147). Меньшая часть книг представляет собой учебную литературу для мусульманских конфессиональных школ. Это учебники по арабской грамматике с переводом на чеченский язык, учебные пособия для первоначального обучения детей письму и чтению. Таковым является учебник для чеченцев, подготовленный Б. Атавовым – “Учебное пособие для обучения детей письму и чтению” (Там же. С. 149).

В начале XX в., в 1912 г., у чеченцев (еще раньше, с 1903 г. у кумыков) появляются учебники по “новометодному” способу обучения (*усул джадид*). Первой такой книгой для чеченцев стало учебное пособие для учителей “Суллам ассибийан”, составленное Мухаммедом Гасан-хаджи из Акташа и написанное на кумыкском и чеченском языках. В предисловии к этому пособию автор пишет об обучении детей арабской грамматике и чтению и отмечает, что “у кумыков имеются люди, которые могут обучать детей по новому методу. Однако у наших братьев чеченцев таких людей нет. Чтобы оказать им помощь я написал эту книгу на кумыкском и чеченском языках. Этой книгой могут пользоваться оба народа: кумыки и чеченцы” (Там же. С. 137). Не исключено, что – Мухаммед Гасан-хаджи, проживавший в селении Яхсай, был родом из Акташ-ауха и являлся чеченцем-аккинцем.

В условиях полилингвизма Дагестана ощущалась необходимость издания и использования многоязычных переводных словарей аварского, арабского, даргинского, кумыкского, русского и чеченского языков. Эти словари, составленные и изданные А. Акаевым в Темир-Хан-Шуре, назывались “Суллам ал-лисан” (“Лестница языков”); в них содержатся около 1500 слов и выражений на шести–семи языках, в том числе и на чеченском (Там же. С. 14). Сегодня дети аккинцев в школах в качестве родного языка изучают чеченский литературный язык. В начале 1990-х годов группой энтузиастов проводилась работа по подготовке и изданию учебной литературы на аккинском диалекте. В 1996 г. Э.Х. Солтаханов и А.Д. Адилсолтанов издали букварь для чеченцев-аккинцев “Абат”, предназначенный для более легкого усвоения аккинскими детьми литературного чеченского языка (Солтаханов, Адилсолтанов, 1996). По инициативе члена Союза писателей СССР А. Шайхиева была начата подготовка аккинско-чеченско-русского словаря (насчитывающего 2,5 тыс. слов), который также призван помочь аккинским детям овладеть чеченским литературным языком, представляющим для них ощутимые трудности в его освоении.

Чеченский литературный язык имеет статус языка обучения и в качестве родного изучается в 48 школах Дагестана. Обучение на чеченском языке (с 1-й по 4-й классы) ведется в 10 школах Хасавюртовского р-на, 9 школах Новолакского р-на, в одной школе Казбековского района и в одной школе Бабюртовского района. Кроме того, в качестве учебного предмета чеченский язык изучается в 33 школах Хасавюртовского р-на и г. Хасавюрта, 9 школах Новолакского р-на и 6 школах Казбековского, Кизилюртовского и Бабюртовского районов. Обучением на чеченском языке и изучением чеченского языка в Дагестане в 2000/2001 учебном году охвачено 16 327 учащихся (по данным Министерства образования Республики Дагестан).

Учителя, преподающие чеченский язык, уделяют большое внимание языковой и исторической подготовке учащихся. Чеченская молодежь предпочитает в повседневном общении плоскостной диалект чеченского языка (собственно чеченцы) и аккинский диалект (аккинцы), в то время как представители других народов Дагестана этого региона (кумыки, аварцы, лакцы) зачастую общаются с соплеменниками на русском языке.

Для удовлетворения культурных потребностей чеченцев в Дагестане до недавнего времени издавалась районная газета “Халкъан аз” (“Голос народа”), а с 2001 г. функционирует республиканская газета “Нийсо” (“Равенство”) на чеченском и русском языках. В Дагестане на чеченском языке ведутся передачи республиканского и районного радио. В последнее время транслируются передачи муниципального телевидения (г. Хасавюрт, Хасавюртовский р-н), в которых часто звучат чеченские мелодии и песни. Чеченские песни, мелодии, танцы – неотъемлемая часть дагестанских концертных программ, передач республиканского телевидения и радиовещания. Чеченский язык – один из 14 государственных языков, зафиксированных Конституцией Республики Дагестан.

КУМЫКИ

Общие сведения. Кумыки – один из коренных народов Республики Дагестан. Самоназвание – *къумукъ*; от этого этнонима происходит русское и ногайское – *кумык*, чеченское – *гъумки*; у горских народов Дагестана экзоэтноним кумыков передается словами “жители речных долин, равнин”: по-аварски – *лъарагдал*, по-даргински – *диркъаланти*, по-лакски – *арнисса*.

Кумыки – наиболее крупный из тюркских этносов Северного Кавказа и третий по численности среди народов Дагестана (13% населения республики). Общая численность кумыков в России и странах СНГ, по данным переписи населения 1989 г., – 281,9 тыс. человек, а в настоящее время – около 350 тыс., в том числе в Дагестане – около 280 тыс. человек (по оценке 2000 г.). Естественный прирост за последнее десятилетие – около 20%.

Кумыки проживают на своей исконной территории – Кумыкской равнине и прилегающих к ней предгорьях от р. Терек на севере до рек Башлычай и Уллучай на юге. Более половины (52%) из них расселены в восьми сельских административных районах. Около половины всех кумыков сосредоточены в городах и поселках городского типа, бывших ранее кумыкскими селениями и преобразованных в городские поселения.

За пределами Дагестана в России проживают более 20% всех кумыков. Относительно большими группами кумыки проживают в Гудермесском и Грозненском районах Чеченской Республики и Моздокском р-не Республики Северная Осетия – Алания. Небольшая часть кумыков расселена в Ставрополье, Тюменской обл. (более 3 тыс. человек) России, а также в республиках Казахстан, Украина, Узбекистан, Туркменистан и Азербайджан. Часть кумыкской диаспоры находится в Турции, Иордании и некоторых других странах мира.

Уже во второй половине XIX в. кумыки представляли собой относительно высококонсолидированный народ с развитыми этническими признаками: распространением единого эндонима, единого языка, наличием единого культурного ядра, регулярностью торгово-экономических и культурных взаимосвязей и т.п. Процесс этнокультурной консолидации не устранил деления на этнографические группы (брагунские, буйнакские, каякентские, моздокские, хасавюртовские кумыки) и субэтноты (башлынды, казанишпы, эндиреевцы и др.), которые сохранили некоторые специфические черты в культуре, быту, языке, фольклоре и т.д., впрочем, ныне не играющие существенной роли.

Кумыки граничат на севере и северо-западе с чеченцами, ногайцами, русскими (в основном с казаками), на западе с аварцами и даргинцами, на юге с даргинцами и азербайджанцами (главным образом с терекемейцами).

Территория от р. Терек и ее притока Сунжи на севере до рек Башлычай и Уллучай на юге традиционно именуется Кумыкской равниной, которая имеет почти плоский характер, но по мере приближения к предгорьям слегка повышается. Предгорье состоит из множества отдельных хребтов, простирающихся с северо-запада на юго-восток, их средняя высота – 500–700 м. Уникальным природным образованием является высочайшая в Европе песчаная гора (дюна) Сарихум (Желтые пески) высотой более 250 м. На востоке Кумыкия омывается Каспийским морем, в которое впадают реки Терек, Сулак (Къойсув), Гамриозень и другие, часть рек до моря не дотекает; озер на Кумыкской равнине немного (Турали, Ак-коль, Алтаусское и пр.).

Низменность в большинстве своем представлена луговыми разновидностями почв, покрытых прежде всего пыреем, солодкой и др. Предгорная часть Кумыкии, преимущественно представленная почвами каштанового типа, богаче растительностью, в основном злаково-полевой. В отдельных местах, обычно в предгорьях и вдоль долин рек, произрастают лиственные леса и кустарники (дуб, тополь, клен, грецкий орех, алыча, кизил, дикий виноград, терн, плющ, держи-дерево и др.), где водятся кабаны, лисицы, зайцы, шакалы, волки, изредка встречаются благородные олени и медведи. Реки и Каспийское море богаты рыбой, в частности осетровых пород. Следует отметить, что в последнее время в результате массовой вырубке лесов и кустарников, браконьерства, загрязне-

ния и других факторов флора и фауна равнины претерпевает существенные негативные изменения.

Климат Кумыкии – умеренно-теплый, континентальный, с сухим и жарким летом, дождливой осенью и прохладной малоснежной зимой, средняя годовая температура – + 11°; в Терско-Сулакской низменности годовое количество осадков достигает всего 200–300 мм, в предгорьях показатели значительно выше.

Проживание на равнине, являющейся узким переешком, соединяющим в пределах Северо-Восточного Кавказа Азию и Европу, сыграло как положительную, так и отрицательную роль в истории кумыков: с одной стороны, они рано приобщились к культурно-экономическим достижениям других народов, в их характере в числе прочих вырабатывались и такие черты, как терпимость и дружелюбное отношение к этим народам, с другой стороны, походы могущественных завоевателей зачастую приводили к гибели значительного количества кумыков, к уничтожению их поселений.

Кумыки относятся к древнейшему на Северном Кавказе и в Дагестане каспийскому типу большой европеоидной расы с примесью кавкасионского типа в некоторых группах. Говорят на кумыкском языке – одном из старописьменных литературных языков Дагестана. Он входит в кыпчакскую подгруппу тюркской группы алтайской языковой семьи. Делится на диалекты: хасавюртовский, буйнакский, кайтагский, подгорный, терский, последний представлен на территории Чечни, Ингушетии, Осетии. Литературный язык, имеющий достаточно давнюю письменную традицию, сложился на основе хасавюртовского и буйнакского диалектов. Родным считают язык своей национальности 99% кумыков (1989 г.). Распространен также русский язык: им свободно владеют 74,5% кумыков.

Племена, сыгравшие определенную роль и в этногенезе кумыков, в той или иной мере пользовались албанской и рунической (древнетюркской) графикой. Есть сведения о том, что для дагестанских гуннов (савиров) была создана письменность византийско-армянскими миссионерами, а в хазарский период – новая письменность на основе греческого алфавита; кроме того, каганы хазар использовали в переписке и древнееврейский алфавит.

В связи с арабскими завоеваниями, проникновением в край ислама и исламской культуры с VIII–X вв. здесь постепенно распространяется арабская графика, которая подвергалась реформе, приспособлялась к звуковой системе местных языков, в том числе и кумыкского (аджам). В 1929 г. кумыкский язык был переведен на латинскую графику, а с 1938 г. – на русскую. В конце XIX в. выходят первые печатные книги на этом языке. Вместе с тем рукописная арабграфическая традиция имеет гораздо более раннее распространение; к ее памятникам относится, например, “Дербенд-намэ” (конец XVI в.) – один из первых оригинальных источников по истории народов Дагестана.

Начиная примерно с хазарского времени по первую треть XX в. тюркский язык предков кумыков, а затем и сам кумыкский язык служили языком межэтнического общения на Северо-Восточном Кавказе. Кумыкский язык, окончательно сложившийся в домонгольскую эпоху, кроме того, был официальным языком переписки народов Кавказа с русскими царями, представителями русской администрации, изучался в гимназиях и училищах Владикавказа, Ставрополя, Моздока, Кизляра, Темир-Хан-Шуры и др. В 1917–1918 гг. на национальных съездах народов Северного Кавказа кумыкский язык был принят в качестве официального языка. В 1923 г. тюркский (кумыкский) язык в Дагестане был провозглашен государственным языком республики (Алиев К., 1997. С. 35).

Этническая история. Древняя история кумыков, как и других народов Дагестана, изучена недостаточно, поэтому в ней много “белых пятен”, а нередко

высказываются взаимоисключающие суждения. В связи с этим интересно, что ряд зарубежных крупных ученых этноним “кумык” и государственность кумыков обнаруживают на Кавказе и в Малой Азии еще до нашей эры (И. Джуна-так, З. Ватерман, Дж. Анадол, Ф. Кырзы-оглу, Ю. Юсифов и пр.). В отношении тюркских племен на Древнем Кавказе к аналогичным выводам приходят и многие российские историки и филологи (Дж. Карабудахентли, С. Токарев, Л. Лавров, С. Байчоров, И. Мизиев, К. Кадыраджиев, М. Джуртубаев, С. Алиев, А. Кандауров, К. Алиев и пр.).

По мнению других ученых, основу этногенеза кумыков составляло местное дагестанское население, с глубокой древности занимавшее предгорья и прилегающие к ним равнины Дагестана и принявшее тюркский язык и отдельные элементы культуры пришлых тюркоязычных племен, начиная с первых веков нашей эры (В. Бартольд, Я. Федоров, С. Гаджиева, Г. Федоров-Гусейнов и др.). (Подробнее о различных гипотезах см.: *Федоров-Гусейнов*, 1996. С. 16 и сл.) Следует отметить, что фольклорный материал, как и языковой, свидетельствует о том, что местный тюркоязычный кавказский фольклор бытовал в северокавказском регионе с очень давних времен (нартский этнос, песни о Минкюллю, Карткожаке, мифологические произведения и др.). Не случайно многие крупные ученые подвергли аргументированной критике “официальную теорию” об “отюречении” кумыков (см. подробнее: *Алиев К.М.*, 2001. С. 4–18).

В формировании предков кумыков определенную роль, очевидно, сыграли, в частности, племена, известные под обобщенными названиями: киммерийцы (до начала VIII в. до н.э.), скифы (VIII–III вв до н.э.) и др. Упоминания сходных со словом “кумыки” этнонимов (“камаки”, “гемикины”, “кымыки” и т.п.) на данной или на прилегающих территориях встречаются также у Плиния Секунда, Клавдия Птолемея (II в. н.э.), у раннесредневековых арабских авторов, у Махмуда Кашгарского (XI в.), Плано Карпини (XIII в.) и др.

Предки кумыков, очевидно, входили в государственные объединения гуннов, савир, барсил, булгар; особенно большую роль в истории кумыков сыграли хазары и кыпчаки.

Образование кумыкской народности с ее нынешним кыпчакским языком относится к XII–XIII вв. Традиции государственности, сложившиеся в средневековый период, были продолжены и в последующее время, когда появились такие политические образования, как Тарковское шамхальство, Мехтулинское ханство; в Северной (Засулакской) Кумыкии – Эндиреевское, Костекское и Аксаевское владения, в нынешней Чечне – Брагунское княжество; южные кумыки входили в Кайтагское уцмийство. Особое место занимал Тарковский шамхал (шавхал), сюзеренитет которого признавался другими кумыкскими и иными владетелями Дагестана. Он обладал практически неограниченной властью, хотя периодически и собирал совет для решения важных задач. Шамхал не имел постоянной армии, но у него было большое число дружинников (*некер*), его васалами являлись также удельные князья (бий, бек). У шамхала были помощники, “министры” (*вазир*), смотрители (*назир*), главы военной силы (*черивбаши*), сотники (*юзбаши*), городничий (*къалабек*), городовые (*чавуш*), конюшенные (*карасчы*), стольники (*хончачы*), виночерпии (*аякъчы*) и т.п. Почти то же самое наблюдалось в управлении другими владениями Кумыкии. В социальном отношении кумыкское общество состояло также из дворян, узденей различных категорий, крестьян разной степени зависимости, рабов и др.

После окончательного присоединения Кумыкии к России высшая власть сосредоточивается в руках царского военного командования.

С XVI в. фиксируются тесные торговые и дипломатические отношения кумыков с Россией, которые усилились с постройкой Терского городка (1589 г.) в устье Терека. После образования Дагестанской области (1860 г., центр – г. Темир-Хан-Шура) фактически ликвидируется политическая власть шамхалов, ханов и биев; вместо прежних владений были созданы округа: из Кайтагского уцмийства и Табасарана был образован Кайтаго-Табасаранский округ, из Тарковского шамхальства, Мехтулинского ханства и Присулакского наибства – Темир-Хан-Шуринский округ Дагестанской области; на территории Эндиреевского, Аксаевского и Костекского владений образуется Кумыкский (позднее – Хасавюртовский) округ Терской области. Кумыки составляли основное население (более 60%) Темир-Хан-Шуринского и Хасавюртовского округов, а в Кайтаго-Табасаранском округе – около 15% населения. В 1920 г. при создании автономной Дагестанской ССР Хасавюртовский округ вошел в состав республики, т.е. было восстановлено административное единство большей части территории проживания кумыков, разделенных в 1860 г. на две области, за исключением брагунских и моздокских (кизлярских) кумыков.

Самые ранние относительно достоверные сведения о численности кумыков относятся к 1860-м годам. По официальным данным Главного штаба Кавказской армии в Дагестанской (в Темир-Хан-Шуринском и Кайтаго-Табасаранском округах) и Терской (Кумыкском округе) областях насчитывалось 62 кумыкских селения, в которых проживали около 78 тыс. человек. Полвека спустя, к 1916 г., численность кумыков выросла до 97 тыс. Динамика численности кумыков во второй половине XIX – начале XX в. свидетельствует о постоянном, хотя и медленном приросте кумыков, что было следствием двух демографических факторов: высокой рождаемости, поощряемой обществом и адатными нормами (раннее замужество, одобрение многодетности и др.), мусульманской религией (образом жизни), осуждающей не только меры по ограничению рождаемости, но и бездетность, разрешающей многоженство и поощряющей увеличение числа мусульман и т.д.; относительной стабильностью расселения кумыков на исконной территории.

Темпы прироста замедлялись достаточно высокой смертностью из-за слабого медицинского обслуживания, распространения инфекционных заболеваний, эпидемий. Средняя величина семьи у кумыков во второй половине XIX – начале XX в. составляла около пяти человек.

Численность кумыков в XX в. в Дагестане в нынешних пределах республики выросла с 88 тыс. (1926 г.) до 278 тыс. человек (2000 г.), т.е. на 190 тыс., или в 3 раза; среднегодовой показатель прироста кумыков достигает почти 3,4%, что выше, чем среднегодовой прирост по республике в целом.

Основные занятия. Земельные угодья кумыков традиционно делились на четыре вида: пашни, сенокосы, леса и пастбища. Ведущей отраслью хозяйства издревле считалось земледелие, особенно зерновое (пшеница, ячмень, просо, кукуруза, рис). Кумыки знали трехпольную систему земледелия с чередованием посева культур, приемы искусственного орошения. Широко практиковалось поднятие пара. В ряде кумыкских селений значительное развитие получили садоводство, бахчеводство, огородничество и виноградарство. Вторую по значению отрасль народного хозяйства составляло животноводство, развитию которого способствовало наличие хорошей кормовой базы. Ведущее место занимал крупный мясо-молочный и мелкий рогатый скот. Крупный рогатый скот использовался и в качестве тягловой силы, лошадь – преимущественно для верховой езды. Характерно было разведение буйволов. Животноводство в основном являлось стационарным, но крестьяне ряда кумыкских селений прибегали и к отгонным формам содержания

поголовья овец. Жители Нагорного Дагестана арендовали у кумыков зимние пастбища на равнине (кутаны), кумыки же пользовались летними пастбищами горцев на тех же арендных условиях. Эти отрегулированные многовековые традиции во многом способствовали сложению общности экономических интересов жителей Дагестана, рациональному разделению труда, исключению межэтнических конфликтов на базе земельных притязаний.

Еще до XIX в. в Кумыкии общественная собственность на землю в целом уступает место феодальному землепользованию. В XIX в. уже существуют три основных вида земледелия: частное, государственное, вакуфное – земли мечети. Частное землевладение делилось на крупные феодальные владения и на мелкие частновладельческие земли – мюльки. После установления советской власти вся земля была национализирована.

Благоприятные природные условия, близость к морю, наличие рек способствовали возникновению у кумыков рыболовства (подсобного). Некоторое значение в экономике имела добыча соли и нефти, которыми также снабжалась большая часть Нагорного Дагестана. В связи с разделением труда между равнинной и горными частями Дагестана, а также сравнительно ранним проникновением на равнину русских фабрично-заводских изделий у кумыков многие виды ремесел начали сравнительно рано сворачиваться. Вместе с тем отдельные отрасли домашнего производства и ремесла продолжали играть важную роль. Среди них можно выделить изготовление сукон и хлопчатно-бумажных тканей, обработку кожи, дерева, металла, ковроткачество, изготовление оружия (например, в сел. Верхнее Казанище, выходцем из которого является знаменитый мастер Базалай) и др.

Через Кумыкию проходили важнейшие на Восточном Кавказе торговые пути, в частности Великий шелковый путь. Кумыкская равнина служила главной житницей для многих районов Дагестана – все это обусловило значительное развитие торговли, экономики. Усиливаются процессы вовлечения равнинного Дагестана в общероссийский рынок, проникновения капиталистических отношений.

У кумыков существовало довольно четкое половозрастное разделение труда: мужчины занимались уходом за мелким рогатым и рабочим скотом, их пастьбой, большинством полевых работ, заготовкой сена, дров и др. Женщины ухаживали за молочным скотом, занимались ведением домашнего хозяйства, уходом за домом, шитьем, ткачеством, вышивкой, производством изделий народно-прикладного искусства. Престарелые родители не допускались к тяжелому физическому труду, общественное мнение осуждало взрослых детей, если их престарелые родители привлекались к непосильным работам (Гаджиева, 1961. С. 62–106).

Материальная культура. Основной тип поселения у кумыков – селение: юрт, гент, авул; последним термином чаще называются кварталы. На территории Кумыкии располагалось много древних и средневековых городов (Семендер, Беленджер, Таргъу, Эндери и др.), здесь расположено большинство дагестанских городов современного типа (Махачкала, Буйнакск, Хасавюрт и др.). Существовал и хуторской тип поселений (отар, махи), которые обычно разрастались и превращались в селения. В результате многочисленных войн и вторжений периода арабо-хазарских войн, нашествия монголов, Кавказской войны ряд других кумыкских поселений оказался стерт с лица земли, но в большинстве своем в мирное время поселения восстанавливались. В период завоевания царской Россией и позднее на Кумыкской равнине были построены русские крепости и селения. Здесь оседают также часть ногайцев, чеченцев, образуя отдельные поселения, а также расселяясь в кумыкских селах.

Жилище кумыков можно разделить на три основных типа: одноэтажное – на низком фундаменте; полуторазэтажное – на высоком каменном фундаменте:

Рис. 243. Шамхальский дом в селении Кафыр-Кумух. (Из личного архива Ибрагимов М.-Р.А.)

в последнее время такие дома строятся также с большим подвальным помещением для хозяйственных целей; двухэтажное. Недостаток природного строительного материала (камня, леса), наличие земли, а также большая приспособленность к защите от летнего зноя способствовали преимущественному развитию у равнинных кумыков одноэтажного жилища; у предгорных кумыков, наоборот, двухэтажные здания встречались чаще.

По внутренней планировке все комнаты располагались или в один ряд, или Г-образно (когда в доме больше двух комнат), или П-образно (при наличии более трех комнат). Комнаты обычно объединялись идущей вдоль главного фасада галереей. Внутри дома вдоль потолка комнат под потолочными балками перпендикулярно к ним проходил поддерживающий их прогон-матица из толстого отделанного дерева. Прогон поддерживался в центре толстым срединным столбом (*орта багъана*), который обычно имел сверху деревянную массивную подбалку с декоративными деталями в виде львиных голов, выполненными резьбой. Двери и рамы окон изготавливались из цельной дубовой доски. Крыши домов были глинобитные, плоские, у северных кумыков – приближенные к двускатным.

В кумыцком доме каждая комната имела свое назначение. Под кухню (*ашу уй*) отводилось самое просторное помещение. Имелась специальная комната для гостей – кунацкая (*къонакъ уй*), состоятельные люди строили для гостей отдельные помещения во дворе. Одна комната отводилась для хранения продуктов, остальные комнаты выполняли роль спален. Все галереи, окна и двери обычно были обращены на юг и юго-восток, что обусловлено стремлением получить больше солнечного тепла, лучше защититься от холода.

Дом отапливался камином. Во второй половине XIX в. появились комнатные печи, имеющие много общего с печами для выпечки хлеба – *кёрюками*, издавна соорудившимися или во дворе, или на галерее нижнего этажа. С конца

Рис. 244. Селение Эрпели. (Из личного архива Ибрагимова М.-Р.А.)

XIX в. появляются железные печи. В наше время для отопления часто используется водяное устройство, для приготовления пищи – газовые плиты и печи, отапливаемые углем (Там же. С. 192–222).

Двор ограждался забором из камня, самана или плетенки (и турлука). Дворы, за немногими исключениями, имели дубовые ворота с массивными створками.

Легкой нательной мужской одеждой являлись туникообразная рубаша (*гёлек*) и штаны (*иштан*, *шалбар*). Поверх рубахи кумыки носили бешмет (*къаптал*), сшитый из темных (для зимы, для работы) и светлых (для лета) тканей. Бешмет постепенно стал заменяться кавказской рубахой. На бешмет или кавказскую рубаху надевалась черкеска (*чепкен*), которую шили из местных или привозных полусуконных, хлопчатобумажных тканей, реже – из белой верблюжьей шерсти. Зимой поверх бешмета или черкески надевали овчинную шубу (*тон*). Нарядные шубы делались из белых овчин молодых барашков. Кумыкские феодалы и буржуа носили собольи, горностаевые, хорьковые, бобрывые шубы из привозных русских мехов. Верхней одеждой, защищавшей от дождя, холода и ветра, служила бурка (*ямучу*). Обувь мужчин отличалась разнообразием: носки из шерстяной пряжи (*чоран*), сафьяновые легкие сапоги (*этик*, *маси*), чарыки, башмаки и галоши из сафьяна или тонкой кожи на толстой подошве. Головным убором кумыка была овчинная папаха (*папах*, *бёрк*), а также башлык (*башлыкъ*). После присоединения Дагестана к России в кумыкскую среду стала проникать и привозная городская одежда европейского типа.

В средние века кумыкские воины носили кольчугу (*гюбе*), железный или стальной шлем (*такъыя*), железный щит (*къалкъан*), колчан (*садакъ*), в бою использовались лук со стрелами (*окъ-жая*), дротик и пика (*сюнгю*), палка с клинообразным штыком (*сюлче*), сабля (*шйшке*, *къылыч*), особенно был распространен кинжал (*хынжал*). С XVII в. кумыки использовали и огнестрельное ору-

Рис. 245. Вид селения Н. Казанице. (Из личного архива Ибрагимова М.-Р.А.)

Рис. 246. Старый дом в селении Эрпели. (Из личного архива Ибрагимова М.-Р.А.)

Рис. 247. Жилище кумыков, 1960-е годы. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

жие: гладкоствольное ружье (*тювек*), пистолет (*тапанча*) и пушку (*тон*). Наряду с оружием местного производства имело распространение и турецкое, русское, английское оружие.

Женская одежда имела больше особенностей, в том числе локальных, чем мужская. Нательная одежда – *ич гёлек* и *бюрюшме гёлек* (длинные рубахи); в поясную одежду входили шаровары или широкие штаны (*шалбар*, *шитан*). Верхнее платье было нескольких видов: *арсар* (распашное платье); *полиша* (нераспашное платье); *кьабалай* (нарядное платье типа арсара). Зимой носили шубы. Обувь женщины составляли главным образом шерстяные носки, чувяки, башмаки, кожаные галоши. Они были сходны с аналогичными видами мужской обуви, но, как правило, отличались нарядностью, изготовлялись более изящно, из более изысканных, ярких по цвету материалов.

На голове кумычки носили повязку (*чуткю*) в виде открытого сверху и снизу мешочка, сшитого из атласа, сатина или шерсти. В чуткю опускали сплетенные в косы волосы. Поверх чуткю повязывали большой платок (*явлукъ*, *тастар*) – шелковый, шерстяной, тюлевый или ситцевый. Платки были весьма разнообразны, выбирались прежде всего с учетом возраста, обстановки (праздник, траур и т.д.).

Носили украшения, пришиваемые к одежде и являющиеся ее деталями: серебряные, украшенные филигранью или чеканкой пряжки, изготовленные в форме длинных маленьких рыбок и пришивавшиеся к поясу платья; мелкие бляхи и всевозможные пуговицы, главным образом серебряные, которые пришивались на рукава, пояс, грудной вырез платья и т.д. Были украшения, используемые отдельно: *камал* – широкий серебряный пояс, иногда в золотой или позолоченной оправе с драгоценными камнями, а для менее состоятельных женщин – из позумента с пришитыми во всю длину в несколько рядов серебряными

Рис. 248. Кумыки в повседневной одежде. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Рис. 249. Кумык в черкеске. Селение Аксай. (Из кн.: Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана XIX – начало XX в. М., 1981. С. 42.)

Рис. 250. Кумычка в традиционном костюме. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Рис. 251. Девочка-кумычка в традиционном костюме. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Рис. 253. Мальчик-кумык в традиционном костюме. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

монетами; *тамакъса* – особый вид ожерелья, плотно охватывающий шею и состоящий из нанизанных на две нитки 20–25 мелких золотых или серебряных полых пластин; *къаршумалар* – украшения в форме длинных и узких пряжек из позолоченного серебра, пришитавшиеся к бархатному или плюшевому нагруднику; *арна* – бусы в форме ячменя, прикрепляемые к золотым или серебряным бляхам или монетам; *минчакъ* – кораллы; серьги, в основном двух видов: *чюмекли гьалкъа* – без подвесок, но с отростками, и *салланчыкъ гьалкъа*, имеющие от четырех до шести тонких подвесок в виде мелких колечек; *юзюк* – кольца; *белезик* – браслеты. Все эти украшения делались из золота или серебра, зачастую покрывались богатым орнаментом и украшались драгоценными камнями. В большинстве своем они изготовлялись на месте, но использовались и привозные (Гаджиева, 1961. С. 237–239).

В Дагестане кумычки традиционно считаются искусными кулинарками. Из блюд можно назвать следующие: хинкал – род национальных галушек из некрутого пшеничного теста, сваренных в жирном мясном бульоне и заправленных подливой (*тузлукъ*) из сметаны (или кислого молока, томата, орехов и т.д.) с чесноком (хинкал имеет много разновидностей); *гьалтама* – хинкал из кукурузной муки; *шорпа* – различные супы (с фасолью, рисом, лапшой, крупой и др.); *кюрзе* – род пельменей с начинкой из мяса (или творога, тыквы, крапивы, ливера и др.); *чуду* – род чебуреков (пирогов) из тех же, что и кюрзе, продуктов; *долма* – вид голубцов из мясного фарша с рисом, обернутых в листья винограда или капусты; *пилав (аши)* – плов; *шишлик* – шашлык; *къуймакъ* – яичница из взболтанных яиц; *къувурма (бозбаши)* – мясной соус; *чилав* – каша из риса, а также кукурузной или пшеничной крупы, сваренной на молоке или воде; *тахана* – жидкая каша из жаренной на масле пшеничной муки; *халва (гьалива)* из жаренной на топленом масле муки и сахара, халва с орехами и другие разновидности. Это

далеко не полный перечень основных национальных блюд, имеющих к тому же локальную специфику. Большим разнообразием отличались также пироги, хлеб, оладьи, калачи, варенья, напитки и др. Обычный и калмыцкий (подсаливаемый) чай, кофе, какао, многие спиртные напитки у кумыков относятся к заимствованным напиткам.

Общественный и семейный быт. Еще задолго до XIX в. кумыкский тухум (*тайпа, къавум, джинс*) претерпел глубокие изменения, хотя тухумные связи и в более поздний период продолжали играть значительную роль. В тухум входили только родственники по отцовской линии (обычно 100–150 чел.), степень родства имела большое значение. Значительную роль играли и некровнородственные связи: аталычество (воспитание детей в чужом роду), куначество, отношения со сводными братьями и сестрами.

В XIX в. основным типом семьи кумыков была малая, хотя кое-где сохранялись неразделенные семьи или семейные общины численностью до 25–30 человек. Все члены семьи подчинялись главе, которым, как правило, был мужчина, старший по возрасту и пользовавшийся непрерываемым авторитетом, однако при решении важных вопросов ведущую роль играл семейный совет, в который входили все взрослые мужчины и некоторые старшие опытные женщины.

Все имущество и продукты питания считались коллективной собственностью всей семьи. Собственность членов семьи состояла из имущества, перешедшего к ним по наследству и приобретенного общим трудом семьи. Личную собственность главным образом имели женщины, и, как правило, она состояла из приданого. В случае развода супругов личная собственность женщин не подвергалась дроблению. Если мужчина выступал инициатором развода, женщина получала все, что она привезла из родительского дома, и, кроме того, плату (*гебингъакъ*), полученную за нее при вступлении в брак. Некоторыми видами имущества (мельницей, в отдельных случаях – землей и т.д.) члены большой семьи продолжали владеть совместно и после раздела, соблюдая в пользовании ими очередность или деля доход. В отцовском доме чаще всего оставался младший из сыновей, ведя общее с родителями хозяйство. Развитие товарно-денежных отношений и частной собственности, крестьянская реформа привели к смене большесемейных ячеек малосемейными.

Заключение брака и развод регламентировались шариатом. Брак заключался в 15–16 лет и старше. Переговоры с родителями девушки вело доверенное лицо – *арачы*, затем, после появления шансов на успешное сватовство, к родителям девушки посылались сваты (*гелечилер*). За невесту платили калым, одна часть которого у кумыков шла в пользу родителей, другая – на покупку приданого. Кроме того, муж должен был платить *гебингъакъ*, обеспечивающий жену и детей на случай развода или смерти мужа. Обручение (*гелешив*) отмечалось в торжественной обстановке. Для скрепления принятых сторонами обязательств родителями невесты вручалась какая-нибудь ценная вещь – *белги*. Свадьбу (*той*) кумыки отмечали торжественно, как правило, с приглашением всех односельчан. Жених находился в доме близкого друга, где также происходили торжества, но в более узком кругу.

Обычаи избегания (семейные запреты) – одна из наиболее сильно развитых и самобытных характеристик традиционных семейно-родственных отношений кумыков. Суровость нравов, аскетический, “спартанский” образ жизни традиционно не позволяли мужчине принимать участие в воспитании малолетних детей, проявлять родительские чувства. Воспитанием ребенка занималась мать, хотя при посторонних и она не должна была его ласкать, проявлять свои чувства. С определенного возраста воспитанием детей, особенно сыновей, занимался

и отец. Воспитание мальчиков и девочек различалось: мальчику внушалось, что он призван в будущем защищать близких, занимать независимое положение в семье и обществе, стать хорошим работником в поле и т.д.; в девочке, наоборот, воспитывался покладистый характер, она приучалась к уходу за ребенком, к работе по дому. Все это осуществлялось средствами народной педагогики, в которой использовались приемы трудового обучения, игры, обряды, детский фольклор и др. (Там же. С. 252–280).

Традиционная система судопроизводства у кумыков была основана на адатах (обычном праве) и шариате (мусульманском праве). Главное место занимал адат, по которому разбирались большинство дел: об убийстве, ранении, избивании, воровстве, поджоге, прелюбодеянии, похищении, ложной присяге, исковые дела и др. По шариату обычно разбирались дела о завещаниях, опеке, о разделе имущества, брачные вопросы. Суд по адату производили опытные и влиятельные старики из князей и узденей, а по шариату – кадий. Существовал и третейский суд (*маслагьат*), решение которого считалось окончательным. Когда дела рассматривались на основании подозрения, т.е. не имелось свидетелей (*шагьат*), большую роль в судебном процессе играли соприсяжники (*тусев*). Если преступник не был известен, его поиск поручался доказчику (*айгьакь*). Решения могли отменяться феодалами или царской администрацией. По важным делам созывался общий сход мужчин, где феодальная верхушка все же играла решающую роль.

Духовная культура. С VIII–XII вв. среди кумыков получило распространение мусульманство суннитского толка со всеми присущими ему особенностями. Есть сведения о том, что до этого периода определенное распространение имело христианство и иудаизм. Очевидно, прежде всего ранним проникновением в край ислама обусловлено то, что языческие верования у кумыков сохранились относительно плохо, институт шаманства как таковой практически не фиксируется, хотя и сохранились рудименты аналогичных институтов (*халмач, этне*). Фольклорно-этнографический материал позволяет говорить о поклонении кумыков верховному богу Тенгири, божествам и духам Солнца, Луны, Земли, Воды и т.д. Сохранились былички, побывальщины, устные рассказы, обрядовые песни и другое о демонологических существах Албаслы (безобразная женщина с огромными грудями, закинутыми за плечи, она обычно вредит роженицам), Сув-анасы (Мать воды, она может утопить купающихся), Темиртёш, Балтатёш, Къылычтёш (у них из груди торчит лезвие топора или сабли), Сюткъатын (очевидно, богиня, дух дождя и плодородия), Басдырыкъ (во сне может душить людей), Сулагь (прожорливое существо) и др.

Широкое распространение среди кумыков получила мусульманская мифология, которая частично напластовалась на языческие верования и трансформировала их “в свою угодую”. Так, в похоронной обрядности и поэзии наряду с мусульманскими регламентациями (особенно в процессе захоронения), представлениями о загробной жизни сохранились и элементы языческих верований, а также некоторые обряды и песни: *шагьалай* – своеобразные причитания и ритуальный “танец” вокруг покойника, обряд посвящения умершему коню и др. В настоящее время наблюдается усиление роли мусульманских, частично и языческих верований и обрядности.

Значительного уровня у кумыков достигло орнаментальное искусство. Так, в домах старого типа большое значение придавалось резному орнаменту, которым украшались деревянные части дома, балки, столбы, стенные шкафы, двери, ставни, обрамление окон, ворот. Небольшие каменные плиты, покрытые традиционным резным орнаментом и надписями, вставлялись в каменные сте-

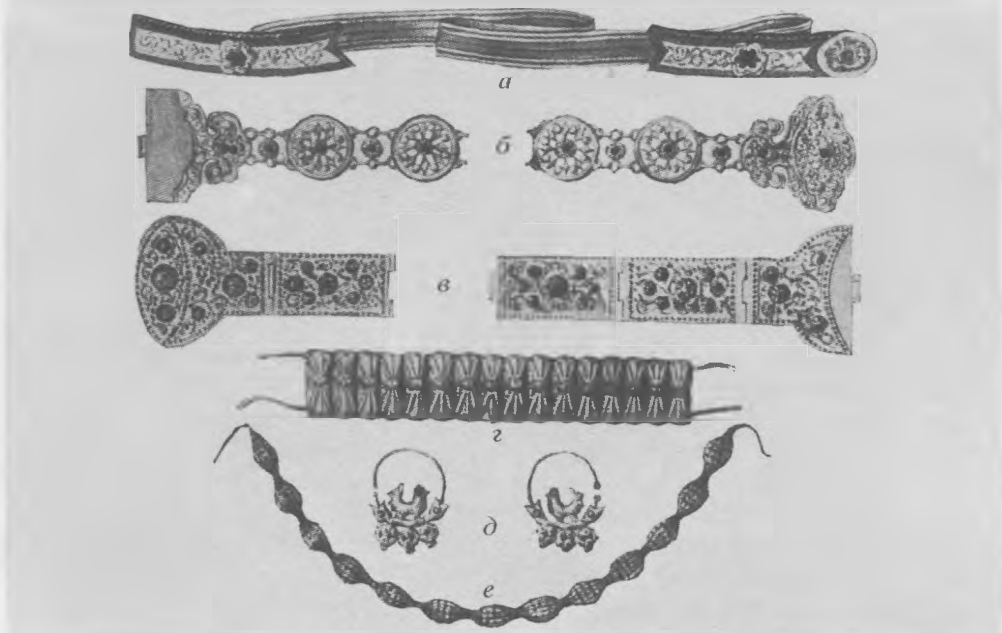

Рис. 252. Женские золотые украшения: а, б, в – пояса, г, е – нагрудные украшения, д – серьги. (Из кн.: Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 238.)

ны галереи, в ворота и т.д. Широко применялась и лепка из глины для оформления ниш, проемов, карнизов, каминов и др. При распределении архитектурно-декоративных элементов использовались традиционные приемы, основанные на специфическом понимании декоративного ритма. Кинжалы, пистолеты, сабли, ружья покрывались резными украшениями, золотой или серебряной оправой. Почти все виды женской одежды и в особенности той, что предназначалась для девочек и девушек, украшались по подолу, на поясе, рукавах, груди, воротнике или золотыми, серебряными галунами, или кружевами, или разнообразными искусно исполненными позолоченными нагрудниками. Оригинальностью и высокими художественными качествами отличались ворсовые и безворсовые ковры (*дум*, *хали*, *чанка*, *кайкентские паласы*), войлочные ковры (*арбабаи*, *кийиз*), циновки (*чинта*), переметные сумы (*хуржун*).

Кумыкский народ создал высокохудожественные образцы фольклора. В героический эпос входят “Йыр (песня) о Минкюллю”, восходящий к глубокой древности и в ряде характеристик сходный с “Эпосом о Гильгамеше”, “Йыр о Карткожаке и Максуман” – памятник кумыкского нартского эпоса, “Йыр о Джаватбие”, в котором, как и в огузском эпосе о Деде Коркуте, повествуется о борьбе героя с ангелом смерти Азраилом и др. В “Сказании о битве при Анжи” отражен период арабо-хазарских войн.

Календарно-обрядовая поэзия представлена песнями вызова дождя (Земире, Сюткьатын и др.), осенними песнями (Гюдюрбай, Гьуссемей и т.д.), песнями встречи весны (Навруз) и др., семейно-обрядовая поэзия – свадебными песнями (*той сарынлар*), причитаниями (*яслар*, *ваяглар*). Значительное развитие получили также детский фольклор, мифологические легенды (космогонические, этиологические и др.), предания (топонимические, генеалогические, об

Рис. 254. Народный ансамбль, 1970-е годы. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

отражении иноземных завоевателей, о классовой борьбе и т.д.), а также сказки (*ёмакълар*). Среди героико-исторических песен очень популярны йыры о народных батырах Айгази, Зоруше, Абдулле, Эльдаруше и др., а также о героях антиколониальной и антифеодальной борьбы в XIX в. (о Шамиле, Дели Османе, Махти, Казибекке, Абдуллатипе и др.). К сравнительно поздним жанрам кумыкского фольклора относятся *казак-йыры* (героические и философско-назидательные песни о вольнолюбивых казаках-дружинниках), *такмаки* и *сарыны* (четверостишия-состязания преимущественно любовного, шуточного характера), любовные (ашугские), юмористические и другие йыры. Богатством отличаются и паремии (поговорки, загадки).

Кумыкский танец, имевший около 20 вариантов, относится к типу лезгинки, он отличается рядом черт, характерных для развитой хореографии. Ему свойственны композиционная четкость, ярко выраженная манера исполнения (сильная, мужественная у мужчин, спокойно-горделивая у женщин), сложный рисунок, двухдольный ритм и др.

Большого совершенства достигло и песенное исполнительное искусство, в особенности редкий для Дагестана мужской многоголосный (бурдонирующий) хор. Танцы и песни сопровождаются аккомпанементом кумуза (щипковый музыкальный инструмент), гармоники, на этих же инструментах исполняются и сольные наигрыши.

Литература кумыков начала развиваться в XIV–XV вв. (Умму Камал, Багдад Али, Мухаммад Аваби и др.), однако значительного уровня достигла в конце XVIII–XIX вв., когда появляются такие крупные поэты, как А. Какашуринский, Йырчи Казак, М.-Э. Османов, А.-Г. Ибрагимов и др. Большое развитие получает просветительская и революционно-демократическая литература (Н. и З. Батырмурзаевы, Т.-Б. Бейбулатов, А. Акаев, М. Алибеков, К. Джа-

малдин, А. Дадав и др.). В развитие дагестанской советской литературы огромный вклад внесли А.-П. Салаватов, Ю. Гереев, А. Магомедов, Б. Астемиров (один из создателей и первый председатель Союза писателей Дагестана), А. Акавов, А.-В. Сулейманов, А. Аджаматов, А. Аджиев, И. Керимов, Ш. Альбериев, М.-С. Яхьяев, М. Атабаев, К. Абуков, Бадрутдин (Магомедов) и др. По отцовской линии восходит к роду шамхалов Тарковских также выдающийся русский поэт Арсений Тарковский и его сын – всемирно известный кинорежиссер Андрей Тарковский.

Кумыкский театр, являющийся первым из национальных театров Дагестана, был создан в 1930 г., на его сцене играли такие выдающиеся дагестанские актеры, как народная артистка СССР, лауреат премии им. Станиславского Б. Мурадова, народные артисты РСФСР и ДАССР А. Курумов, Т. Гаджиев, Г. Рустамов, С. Мурадова, М. Акмурзаев и др. В развитие дагестанского и российского киноискусства значительный вклад вносит И. Казиев. Среди мастеров исполнительского искусства большой популярностью пользуются Т. Мурадов, И. Батталбеков, З. Алескендеров, Г. Бекболатов, Б. Ибрагимова, У. Арбуханова, Б. Эльмурзаева, Б. Осаев, М.-З. Багаутдинов и др. У истоков дагестанской, в частности кумыкской, профессиональной музыки стояли Т.-Б. Бейбулатов и Т. Мурадов, их традиции ныне успешно продолжают Н. Дагиров, К. Шамасов, Х. Батыргишиев, А. Аскерханов, С. Амирханов и др.

Спорт. В жизни всех народов важную роль играют национальные виды спорта. В детском и юношеском возрасте это были в основном игры и состязания, обычно “облаченные” в формы обряда или зрелища. Так, при проводах зимы кумыкские дети, как и дети многих народов Дагестана, прыгали через костры (смысл – магический), имелись многочисленные варианты игр, напоминавшие или очень сходные с русскими играми в городки, лапту, “казаки-разбойники”, в “коня и всадника”, жмурки, ловитки, игра в альчики и т.п. Интересно, что у кумыков была и своеобразная игра “хоккей на траве”: вечером поджигали кусок трута и отбивали его друг у друга клюшкой (*кбайкты*). Как составная часть празднеств, обрядов и как самостоятельные соревнования проводились скачки, джигитовки, состязания по национальному виду вольной борьбы и т.д.

Национальные виды спорта, несомненно, стимулируют развитие аналогичных им современных видов спорта: в них отличились всемирно известный борец и артист цирка Ал-Клыч Хасаев (Рубин), а также Сали Сулейман Казанищский, Али Казбек, чемпионы Олимпийских игр и мира по вольной борьбе Н. и А. Насруллаевы, С. Абсаидов, М.-Г. Абушев и другие, чемпион мира по ушу-саньда З. Гайдарбеков, чемпион Азии и мира по кикбоксингу среди профессионалов А. Порсуков, чемпионка России, СССР и мира по стрельбе из лука Махлуханум Мурзаева, призер чемпионата мира, трехкратный чемпион Европы по ушу-таоу, популярный актер кино Джамал Ажигирей и др.

Наука. Народные знания кумыков, как и у других народов, в ранние периоды развития носили эмпирический характер, вырабатывались они на протяжении столетий и касались самых различных областей жизни и прежде всего медицины. Народные лекари в лечебной практике применяли растения, продукты питания, воду, использовали кровопускание, массаж, компрессы и др. Наряду с этими рациональными методами нередко применялись и магические приемы, восходящие к глубокой древности. Из профессиональных медиков еще до революции особой популярностью пользовались Ю. Клычев и Т. Бамматов. Нельзя не отметить, что за годы советской власти дагестанская медицина достигла значительных успехов, выросли высококвалифицированные кадры (из кумыков – чл.-кор. АМН СССР Р.П. Аскерханов, десятки докторов и кандидатов наук).

Довольно хорошо были развиты у кумыков и астрономические знания, о чем свидетельствует наличие названий многих планет и созвездий, ряд из которых служил практическим целям: определению сторон света, времени года, суток и т.д. Еще в VII–VIII вв. у тюрков был известен 12-летний цикл так называемого животного календаря. Хотя считается, что этот, а также столетний календарь-предсказатель у кумыков получили широкое распространение в начале XX в. через публикации Абу-Суфьяна Акаева, есть основания полагать, что 12-летний календарь был известен здесь издавна. Об этом, например, свидетельствует пословица “Не радуйся, что сейчас год змеи – впереди ожидает тебя год лошади” (“Йылан йыл деп сююнме – йылкты йылынг алдынгда”), основанная на поверьи, что год змеи, в отличие от года лошади, бывает теплым, благоприятным для приплода.

На отдельные периоды делится и год: они имели свои названия (“малое чилле”, “большое чилле” и т.д.) и достаточно точные погодные характеристики.

Довольно хорошо была развита у кумыков и метрология, в большинстве своем носящая общетюркский характер: большие расстояния измерялись в *чакъырымах*, т.е. в километрах, в *агачах* (5–6 км) и т.п., в основе более мелких мер лежали размеры частей человеческого тела: *абат* (шаг), *къарыш* (пядь) и др. В качестве мер веса использовались понятия *гилевке* (фунт). Традиционные метрологические названия, сами понятия ныне практически все заменены интернациональными (километр, килограмм и т.д.).

Говоря о вкладе кумыков в развитие науки, отметим таких крупных ученых, как Мухаммад Аваби Акташи (вторая половина XVI–начало XVII в., автор “Дербенд-наме”), Аликулихан Валех Дагестани (1710–1756 гг., поэт, составитель антологии “Сад Поэтов”, содержащей сведения о 2594 поэтах Востока X–XVII вв.), Девлет-Мурза Шихалиев (первый кумыкский этнограф), Ахмед-Саиб Каплан (1859–1920 гг., политический деятель, автор более 10 монографий по истории и политике Турции), Шихаммат-Кади (1833–1918 гг., крупный ученый-арабист, издал около 30 книг), Абу-Суфьян Акаев (1872–1931 гг., выдающийся просветитель, ученый, поэт, книгоиздатель, общественный деятель), Гайдар Бамматов (1890–1967 гг., крупный политический деятель, автор капитального труда по истории и культуре мусульманского мира “Лики ислама” и других многочисленных работ), его сыновья: Нажмутдин (координатор по вопросам мировой культуры ООН, доктор теологии и гуманитарных наук), Темир-Болат (генеральный авиаконструктор Франции, советник по проблемам развития международной авиации). Назовем и другие имена известных ученых-кумыков: Мужаеддин Хангишиев (1905–1971 гг., крупный авиаконструктор, заведующий отделом в Конструкторском бюро А.А. Туполева, дважды лауреат Государственной премии СССР), Мурад Капланов (1915–1980 гг., главный специалист по космической технике, главный эксперт по технологии цветного телевидения, дважды лауреат Государственной премии СССР), Фахретдин Кырзы-оглу (член Академии тюркской истории, один из ведущих историков Турции, автор многочисленных монографий по истории древнего Кавказа и Ближнего Востока), Яшар Айдемир (профессор Калифорнийского университета, крупный физик), С.Ш. Гаджиева (крупный этнограф, автор многих фундаментальных трудов) и др.

На протяжении многих столетий кумыкам, как и другим народам Дагестана, приходилось бороться за независимость, за сохранение своей государственности, своих земель и т.д. В этой борьбе участвовали выдающиеся сыны кумыкского народа, среди которых следует отметить, например, Султан-Мута, эндириевского князя, который, в частности, нанес в 1604 г. сокрушительное поражение войскам царского воеводы Бутурлина, о чем Н.М. Карамзин писал, что “сия

битва ...стояла нам от шести до семи тысяч воинов и на 118 лет изгладила следы Российского владения в Дагестане” (Карамзин, 1845. С. 43), Ахмедхана Дженгутаевского, возглавлявшего борьбу дагестанцев против иранского шаха Надира (XVIII в.), Хасайхана Уцмиева, генерала русской армии, друга М.-Ф. Ахундова. В бурные годы революции и гражданской войны зачастую по разные стороны баррикад оказывались такие видные деятели, как У. Буйнакский, Дж. Коркмасов, Г. Бамматов, Н. Тарковский, С.-С. Казбеков, З. Батырмурзаев и др. В битвах с фашистскими захватчиками из среды кумыкского народа, накануне войны насчитывавшего всего лишь чуть более 100 тыс. человек, шестеро были удостоены звания Героя Советского Союза (точнее, один из них, Абдулхаким Исмаилов – Герой России, ибо до последнего времени было наложено “табу” на информацию о том, что он и два его товарища первыми водрузили знамя Победы над поверженным рейхстагом, в связи с чем они лишь спустя полвека были удостоены высокого звания), два кумыка стали полными кавалерами Ордена Славы, многие тысячи кумыков были удостоены других высоких наград за героическую защиту своей родины. И в послевоенные годы представители кумыков внесли значительный вклад в укрепление обороноспособности страны, в военное строительство (например, генерал-полковник Э.К. Цоколаев был командующим военно-воздушными силами на Дальнем Востоке, заместителем главнокомандующего войсками Дальнего Востока, и др.).

Современные проблемы. Таким образом, кумыки в течение многовековой своей истории во всех сферах человеческой деятельности показывали себя как жизнеспособный, трудолюбивый народ, они внесли достойный вклад в развитие дагестанской, общероссийской и даже мировой культуры. Кумыкский народ и сейчас обладает достаточным внутренним потенциалом для дальнейшего развития. Однако за последние десятилетия в результате широкомасштабной переселенческой политики кумыки, как и другие проживающие в равнинной части республики народы, – ногайцы, русские (казаки), азербайджанцы, лишились значительной части земель на своей исконной территории, потеряли компактность проживания. В отличие от других (горских) народов Дагестана, они не имеют теперь мононациональных районов и в условиях, когда большинство ныне существующих, в том числе сельских, населенных пунктов стали многонациональными, возникли реальные перспективы деэтнизации кумыков.

Основная причина сложившегося положения – переселение горцев на равнину ввиду аграрной перенаселенности гор. Это переселение носило вначале стихийный (если до 1918 г. на равнинных землях было создано 23 переселенческих поселка, то уже в 1918–1921 гг. – еще 57), а затем организованный характер.

Переселение горских хозяйств на равнину продолжалось и в 1930–1940-е годы. Тогда же начали отводить горцам пастбищные земли на равнине для содержания скота в зимний период, закрепляя кутаны за животноводческими горными колхозами. На этих кутанах постепенно оседало горское население.

Новая волна этого процесса связана с восстановлением Чечено-Ингушской АССР и возвращением выселенных горцев в Дагестан, в основном на Кумыкскую равнину. Одновременно продолжалось организованное переселение с гор на равнину, усилившееся в связи с переориентацией в 1960-е годы сельского хозяйства республики на развитие виноградарства, требующего дополнительных трудовых ресурсов. Разрушительные землетрясения 1966 и 1970 годов также способствовали дальнейшему заселению горцами равнинной части Дагестана. В результате к концу 1970-х годов было переселено около 300 тыс. горцев. Для переселенцев на равнину было организовано 76 новых населенных пунктов, создано свыше 100 колхозов и совхозов. К этому следует добавить, что горные

районы со времен земельно-водной реформы 1927–1934 гг. получили на равнине во временное пользование земли под зимние пастбища, сыгравшие жизненно важную роль в решении их социально-экономических проблем. За 280 общественными хозяйствами 21 горного района было закреплено на равнине около 1,5 млн га сельхозугодий, в том числе 137 тыс. га пашни.

Переселение привело к существенному смягчению остроты аграрных вопросов в горах, но в то же время породило массу проблем для жителей равнины, ставшей перенаселенной. В результате многолетних переселений на равнину за кумыкским населением осталось около трети земель, принадлежавших им до недавнего прошлого (до 1930–х годов), они оказались национальным меньшинством на своей территории. Кумыки, лишившись компактного проживания, попали в число обделенных земель народов Дагестана.

Таким образом, были нарушены наработанные многовековым опытом и мудростью народов Дагестана традиции, согласно которым все народы располагали своей определенной территорией, каждая из которых была вовлечена в систему разделения труда (в горах развитие получили скотоводство, ремесла, садоводство, на равнине – в основном зерновое земледелие), обуславливающую свободный и взаимозаинтересованный обмен продуктами и предметами труда между жителями равнины и гор. Это одновременно служило и мощным фактором сохранения межнационального мира и взаимопомощи, чем традиционно славятся местные народы.

В конце 1980–х годов на политической арене республики появляются национальные движения “Тенглик” (“Равенство”) и другие, которые поднимали острые проблемы, предлагали свои пути их решения. Очевидно, что решение проблем кумыкского народа тесно взаимосвязано с общедагестанскими проблемами и требуют принятия неотлагательных мер.

НОГАЙЦЫ

Ногайцы, ногай, ногайлар (самоназвание) – один из тюркоязычных народов Северного Кавказа и Дагестана. Общая численность в России и странах СНГ составляет около 100 тыс. человек (по оценке 2000 г.). Основная область расселения ногайцев – территория Ногайской степи; ныне она разделена административно-территориальными границами между Дагестаном, Чечней и Ставрополем. Субэтнические группы: караногойцы (Дагестан, более 34 тыс., или 35% всех ногайцев), ачикулакские, кумские (Ставрополье), кубанские (Карачаево-Черкесия) и астраханские (Астраханская обл.) ногайцы. За пределами СНГ они живут в Венгрии, Турции, Румынии и др. странах.

Ногайцы относятся к южносибирской (туранской) переходной расе; в антропологической типе ногайцев есть как монголоидные, так и европеоидные элементы. Говорят на ногайском языке кыпчакской подгруппы тюркской группы алтайской языковой семьи. Ногайский язык – один из литературных языков Дагестана. Имеет два диалекта: караногойский и кубанский; своеобразна речь ставропольских и астраханских ногайцев. Литературный язык сложился на базе караногойского диалекта. Родным считают язык своей национальности 90% ногайцев. Распространен также русский язык (свободно владеют 79,3%), а в некоторых группах и кумыкский язык (аксайско-сулакские ногайцы, особенно старшего поколения).

Этническую основу ногайцев составили древние кочевые тюркоязычные и монголоязычные племена, обитавшие на просторах Прииртышья, Северо-За-

падной Монголии, Дешт- и Кыпчака, Средней Азии, Северного Кавказа. В формировании ногайского этноса принимали участие уйсуны, уйгуры, найманы, керейты, кыпчаки, дурмены, катаганы, кунграты, мангыты, кенегесы, канглы, асы, болгары и другие, при этом доминирующую роль в этногенезе ногайцев сыграли кыпчаки. Некоторые из них известны и до нашей эры, многие имели свои государственные образования. В разные эпохи они входили в состав Хуннского союза, тюркских каганатов, болгаро-хазарских объединений.

Возникновение этнонима “ногайцы” и формирование ядра ногайского народа традиционно связывают с именем золотоордынского правителя Ногая (XIII в.). Однако более вероятным представляется, что этноним “ногайцы” – гораздо древнее, чем андроним. Ссылаясь на Н. Бичурина, исследователь Р.Х. Керейтов полагает, что имя Ногай было известно древним тюркам еще в V в., и что “это имя тотема, как это было принято в древности, и оно всплыло через века” (Керейтов, 1999. С. 22). По Н.И. Веселовскому, этноним “ногайцы” упоминается в конце XIII в.: “состояние страны (Венгрии) было до того бедственно и беспомощно, что Олдамур в 1285 г. с шайкой куманов (половцев) и ногайских татар напали на страну, причинили большое опустошение, проникли до Пешта и могли беспрепятственно вернуться обратно” (Веселовский, 1922. С. 34). Более широкое распространение этноним получает при Эдиге (конец XIV–начало XV в.) и его преемниках, когда создается Ногайская Орда как самостоятельное государство.

С конца XV в. между Ногайской Ордой и Московским государством наладились постоянные дипломатические отношения. Отношения между Русью и Великой степью складывались со времен предков ногайцев – печенегов и кыпчак-ов. Бий Эдиге продолжил эти традиции: известна его помощь России в борьбе с литовским князем Витовтом в 1400 г., когда на р. Ворскле ногайскими войсками были разбиты польско-литовские силы. В конце XV в. в Москву прибыли первые ногайские послы вместе со своими купцами. Ногайцы оказали помощь Московскому государству и в Ливонской войне (1566–1585); Ногайская Орда могла выставлять тогда свыше 200 тыс. конных всадников (Кочекаев, 1973. С. 34). Уже будучи в составе России, ногайцы сформировали полк (в 1812 г.), который участвовал в войне с французами и вошел в Париж.

Первые сведения о появлении ногайцев в северокавказских степях, в том числе в низовьях Терека и Сулака, относятся к концу XV в., хотя можно предположить, что ногайцы как правопреемники Дешт-и Кыпчака кочевали здесь с более ранних времен. В пору своего военно-политического подъема в конце XV–середине XVI в. границы Ногайской Орды проходили на востоке с Казахской Ордой, на северо-востоке – с Сибирским ханством, на юго-востоке – с кочевьями туркмен, на Северном Кавказе – с горцами, с кумыками, в Крыму и Таврических степях – с Крымским ханством, на юго-западе, в районе Бессарабии, – с владениями Турецкого султана, на севере и северо-западе – с Московским государством и Казанью (Жирмунский, 1974. С. 417).

Во второй половине XVI в. после междоусобных войн Ногайская Орда разделилась на два улуса – на Большую и Малую Ногайские орды, состоящие из различных кубов – родоплеменных объединений. Часть ногайцев Большой Орды объединилась с казаками, позднее образовав с ними Младший казахский жуз. Малая Орда кочевала в Северо-Восточном Причерноморье и степях Северного Кавказа. С этого времени северокавказские степи становятся основным районом обитания ногайцев. Восточные районы Северного Кавказа были заселены выходцами из Малой Ногайской Орды, а низовья Сулака, в частности, – также и ногайцами из Большой Ногайской Орды. В конце XVII в. значи-

тельная часть ногайцев с низовьев Терека и Сулака откочевала в Моздокскую степь, к живущим там ногайцам, и вместе с ними положила начало группе северо-восточных ногайцев, известных под именем караногайцы.

В начале XVIII в., по указанию Петра I, в связи со строительством в 1722 г. крепости Святой Крест на р. Сулак часть сулакских ногайцев вынуждена была переселиться на Волгу, но примерно через год они вновь перекочевали на прежние места. На территории Северо-Восточного Кавказа фиксируются несколько групп ногайцев: караногайцы, а также аксаевские, эндиреевские, костековские, тарковские ногайцы (названия даны по кумыкским владениям, в которые входили те или иные ногайские аулы).

Для политической организации Ногайской Орды была характерна феодально-иерархическая система. Во главе Орды стоял бий, избираемый представителями племен и родов. Вся орда считалась владением бия и делилась на улусы, управляемые мурзами – вассалами бия. Вторым и третьим в иерархии Орды являлись соответственно управленческие должности нурадина и кековата, на которых была возложена обязанность оберегать государство с запада и востока; позднее, во второй половине XVI в., появилась аналогичная им должность тайбуги. Постоянным органом управления при бие – верховном правителе Орды был карадуван, который находился в столице Ногайской Орды г. Сарайчик (на р. Яик, ныне – Урал). В ведении карадувана находились внешние и внутренние дела государства. Бий имел при себе совет, состоявший из феодальной знати. Для разрешения важных вопросов внутренней и внешней политики Ногайской Орды в торжественных случаях, при приеме иностранных посольств созывался Большой совет – Корныш. Для решения текущих вопросов собирался Малый совет (в русских источниках он называется кругом).

В XVIII в. ногайцы оказались на стыке политических интересов России и Турции. В 1774 г. между Россией и Турцией был заключен Кючук-Кайнарджийский договор, согласно п. 3 которого все крымские татары и ногайские кубы признавались независимыми от России и Турции. Однако пункт этот не выполнялся. Россия опубликовала манифест от 8 апреля 1783 г. о присоединении Тамани и правобережья р. Кубани к владениям империи. С объявлением этого манифеста уничтожались независимые татарское и ногайское государства. К тому же, стремясь лишить Турцию влияния на Кавказе и в Крыму, в российских верхах возник проект переселения ногайцев в Уральские степи, что вызывало недовольство и волнение в народе. С этого момента начинается трагическая страница в истории ногайцев, когда регулярные царские войска (во главе с А.В. Суворовым) в 1783 г. были брошены против ногайцев, не желавших покинуть кочевья и переселиться за Урал. В результате оказались разгромлены едишкульские, едисанские и джембойлуковские ногайцы, погибли десятки тысяч людей. Из-за создавшегося положения и агитации протурецки настроенных слоев населения в конце XVIII в. в Турцию ушли несколько сотен тысяч ногайцев (*Калмыков, Керейтов, Сикалиев*, 1988. С. 37), что послужило, кроме всего прочего, причиной гибели части письменной культуры ногайцев. Оставшаяся часть ногайцев, по указу Потемкина, была переселена в Крым и на юг будущей Ставропольской губ.

На земле ногайцев были образованы четыре приставства: Калаус-Саблинское, Калаус-Джембойлуковское, Ачикулак-Джембойлуковское и Караногайское. Они существовали лишь формально, а надзор за кочевым народом продолжало осуществлять военное ведомство. С 1820-х годов все четыре ногайских приставства входят в состав Ставропольской губ. В начале 1850-х годов, накануне второго выселения ногайцев в Турцию, в Ставропольской губ. насчитывалось более

76 тыс. ногайцев, в том числе 14,5 тыс. калаус-джембойлуковских, 12,2 тыс. ачикулак-джембойлуковских и 38,5 тыс. караногайцев вместе с едишкульцами.

В начале 1860-х годов по окончании Кавказской войны ногайцы вынуждены были покинуть верховья Кубани, долины рек Малый и Большой Зеленчук, Лаба; по данным энциклопедии Брокгауза–Ефрона, в Турцию эмигрировали около 180 тыс. ногайцев. В результате этой массовой эмиграции территория двух ногайских приставств опустела, остались лишь Ачикулакское и Караногайское приставства.

В 1888 г. Караногайское приставство вместе с Кизлярским у. передали Терской обл. С этого времени до 1922 г. Ногайская степь находилась в составе Терской обл.

После установления советской власти и провозглашения автономии Дагестана к нему были присоединены сначала восточная часть Кизлярского у. (1922 г.), а затем и ее западная часть – Ачикулакские и Караногайские степи (1923 г.).

Вопрос о вхождении Караногая в состав Дагестана решился на I съезде ногайского народа в 1922 г. Караногайцы пожелали выделиться в особую административную единицу (округ) и войти в состав Дагестанской республики.

Постановлением ВЦИК от 22 февраля 1938 г. пять северных районов Дагестанской АССР: Ачикулакский, Каясулинский, Караногайский, Шелковской и Кизлярский (т.е. районы расселения ногайцев и русских) были переданы в состав Орджоникидзевского (ныне – Ставропольского) края.

В 1944 г., когда указом Президиума Верховного Совета СССР Чечено-Ингушская автономная республика была упразднена, часть ее территории передали в состав соседних республик (Грузии, Дагестана, Осетии), а из оставшейся части создана Грозненская обл., включавшая в свой состав районы расселения ногайцев: Ачикулакский, Каясулинский, Караногайский, Тарумовский, Каргалинский, Шелковской, Кизлярский и Крайновский.

В 1957 г. в связи с восстановлением Чечено-Ингушской АССР произошли изменения в административно-территориальном устройстве республик Северного Кавказа. Ачикулакский и Каясулинский (ныне Нефтекумский) районы оказались включены в состав Ставропольского края, Каргалинский и ряд ногайских аулов – в состав вновь образованного Шелковского р-на Чечено-Ингушской АССР, остальные районы – в состав Дагестанской АССР. Таким образом, территория Ногайской степи, по этническому составу оставаясь постоянной, претерпела множество перемен в административно-территориальном отношении, что не могло не сказаться на развитии искусственно разобщенного ногайского народа.

Письменные и литературные традиции ногайцев восходят к раннему средневековью и формировались до XIV в., когда ногайцы как самостоятельный этнос выделились из общей массы тюркских племен. С V по X в. они пользовались древнетюркским руническим алфавитом, с VIII в. стала распространяться уйгурская письменность, которая продержалась у ногайцев до XVIII в., когда ее вытеснила арабская графика, пришедшая вместе с исламом. Широко использовался ногайский язык в переписке с русской администрацией, в торговых делах и т.д. Есть сведения о том, что еще в начале XIX в. на ногайский язык была переведена миссионерами “Библия” (Курмансеитова, 1991. С. 98–100), однако достаточно распространенные среди народа печатные книги на ногайском языке выходят в конце XIX в. В 1928 г. арабская графика была заменена латинской, а затем с 1938 г. – русской графикой. Ногайский язык наряду с кумыкским относится к числу языков межэтнического общения народов Северного Кавказа, с начала XIX в. он преподается в городах Ставрополь, Астрахань и др.

Рис. 255. Кочевой аул ногайцев. (Здесь и далее в очерке “Ногайцы” фото из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

Для Ногайской Орды были характерны феодально-патриархальные отношения. Бии, мурзы, карачи, уланы, духовенство составляли социальную верхушку ногайского общества, а в феодально-зависимую категорию входили крестьяне – лично свободные и крепостные; особую категорию составляли домашние рабы. Сохранялись пережитки родоплеменного деления, родовая и соседская помощь, кровная месть, гостеприимство, аталычество. В XIX в. существовали две формы семьи: большая, патриархальная и малая. Быт большой, в меньшей степени малой семьи, был строго регламентирован. Взаимоотношения строились на нормах адата и шариата, что способствовало сохранению авторитарной структуры семьи, неполноправия женщины и младших мужчин.

Главным занятием ногайцев в XIX в. являлось кочевое скотоводство (овцы, козы, крупный рогатый скот), коневодство, верблюдоводство. Лошади, верблюды, овцы составляли основное богатство ногайца-кочевника. Наряду со скотоводством оседлые ногайцы в незначительной степени занимались земледелием (просо, овес, пшеница), бахчеводством и садоводством. Они разводили также домашнюю птицу (кур, гусей, уток). К числу древних традиционных занятий ногайцев следует отнести охоту и рыболовство (пернатая дичь, зайцы, сайгаки, лисы и др.; сельдь, усач, осетр, лосось и др.). Из ремесел наибольшее развитие получили изготовление сукна, обработка кожи, овчины, производство войлока, из которого делали бурки, сапоги, головные уборы, ковры-арбабаши. Через Ногайские степи проходили важнейшие на Восточном Кавказе торговые пути, в том числе Великий Шелковый путь, что обусловило значительную роль торговли у ногайцев.

В советский период мелкотоварные в основном скотоводческие хозяйства Ногайской степи постепенно сменились крупными многоотраслевыми хозяйствами, оснащенными современной техникой. Повысилась продуктивность животноводства, и племенные овцеводческие заводы “Червленные буруны” и “Шелковской” за успехи в развитии тонкорунного овцеводства получили Орден Ленина. Были выведены породы тонкорунных овец “Грозненский меринос” и “Ногайская”. Семь овцеводов стали Героями Социалистического труда, среди них – прославленные чабаны Я. Абдулкадыров, Н. Эсмухамбетов, братья Сабутовы. Прославились своими достижениями женщины-орденоносцы К. Мижева, Ш. Карасова, Э. Отегенова и др.

За годы советской власти в Ногайской степи успешно развивается нефтяная и газовая промышленность. В северо-восточной части Ногайской степи в связи с разработкой богатых залежей нефти и газа вырос молодой рабочий город Южно-Сухокумск.

Характерным типом поселения ногайцев в конце XIX в. были кочевые аулы, которые подразделялись на весенне-летние, летне-осенние (*яйлак, язлав*) и зимние (*кыслав*); при этом зимники постепенно превращались в оседлые постоянные поселения (*юрт, аул*).

По вековой традиции ногайцы в первый месяц весны начинали свое движение со скотом на северо-запад и северо-восток. Перед началом весенней перекочевки в каждой юрте приготавливали праздничное кушанье, готовили кумыс, резали скот и устраивали празднество: соревновались в джигитовке наездники, состязались борцы и силачи, певцы и музыканты.

Во время перекочевки на летние пастбища образовывали весенне-летние аулы, которые располагались рядом с реками или колодцами. По истощении пастбищ аул перекочевывал на другое место. Аулы родственников располагались по соседству. В октябре-ноябре ногайцы собирались на зимних стоянках, где в процессе оседания и перехода к оседлости строились турлучные или саманные

Рис. 256. Свадебная юрта ногайцев (отав)

дома. Здесь же вблизи от зимних поселений располагались поля, где сеяли просо, овес, ячмень, пшеницу, выращивали бахчевые культуры. Процесс перехода ногайцев к оседлости происходил постепенно, начиная со второй половины XVIII в., сначала у причерноморских и азовских, затем у астраханских и кубанских, с середины XIX в. – у терско-сулакских и остальных ногайцев. Однако только во время проведения земельно-водной реформы (1927–1934 гг.) завершился переход ногайцев на оседлость.

Традиционными жилищами ногайцев были кибитка (*юрта*) и дом (*уьй*), которые приспособлены соответственно к кочевому и оседлому образу жизни; более древний и характерный тип жилища ногайцев – юрты (*терме, отав*), описание которых встречается еще в XIII в. у кыпчаков и канглы, вошедших в состав ногайцев.

Ногайская юрта – большая разборная (*терме*) и малая неразборная, переносная (*отав*) – представляла собой типичную для кочевых народов кибитку круглой в плане формы. Каркас *терме* состоял из складных решеток, изготовленных из ореховых (лещины) жердей. Количество решеток определялся размер юрты. У богатых ногайцев встречалась 12-решетчатая юрта, а бедные довольствовались 5–8-решетчатыми. Собрав решетки в круг с помощью деревянных жердей, в центре устанавливали деревянный обод (*тундык*), который служил верхом юрты. Так образовывался купол юрты. Сверху круга крепили полукруглое решетчатое навершие, служившее одновременно окном и дымоходом. Дверь состояла из одной или двух створок, крепившихся на шарнирах и украшенных резьбой. Дверь ориентировалась на юг и открывалась наружу, зимой утеплялась войлоком (*эсик*). Снаружи каркас юрты обтягивался войлоком. Посередине остова юрты (*турлак*) войлок крепили тканым шерстяным поясом (*белдеу*) или кожаным ремнем (*туар кайыс*). Богатые накрывали юрту в не-

сколько слоев белым войлоком, бедняки – серым войлоком. Внутри юрты стены обтягивали камышовыми циновками, а богатые и коврами. Пол устилали камышовыми циновками, войлоком и коврами. Устройство юрты-отав в деталях напоминало юрту-терме. Во второй половине XIX в. юрта-отав использовалась только как свадебная юрта молодоженов; она украшалась специально изготовленным войлоком.

Оседлые ногайцы жили в полуземлянках (*ерме казы*) и наземных турлучных и саманных домах с пологой двускатной крышей. Дом имел кухню-сени (*аят-уьй*) и спальни (*иш-уьй*); после женитьбы сыновей к дому пристраивали новые комнаты. Для обогрева юрты в холодное время и приготовления пищи использовали открытый очаг; здесь же стоял треножник (*ошак*). В стационарных жилищах были пристенные камины; в начале XX в. появляются железные печи. Внутри юрты почетной считалась северная сторона; по правую сторону от почетного места (*тоьр*) располагались мужчины, по левую – женщины. В комнатах также имелась почетная сторона (*тактабет*), где устраивались глинобитные возвышения – лежанки высотой до 50 см, на которых раскладывали войлоки, ковры, на них днем отдыхали, ночью спали. Тут же стоял сундук, на него днем укладывали постель (*юк*). Имелась специальная комната для гостей (*конак уьй*); у степных ногайцев в период перехода к оседлости сохранилась юрта, используемая как кунацкая.

Традиционная одежда мужчин – нательная рубаха туникообразного покроя, штаны с широким шагом, верхняя рубаха, куртка-безрукавка (*кыспа*), кафтан (*каптал*), бешмет и черкеска (у богатых), бурка (*ямышы*); обувь из шкур, сафьяна, хрома; папаха, шляпа из войлока, ткани, меха (*боьрк*), поясной ремень. Зимой надевали шубы (*тон*) из овчины (бедные) или из волчьих, лисьих, беличьих шкур и каракуля (богатые). Мужскую одежду дополняли оружие и воинские доспехи: лук (*яй*) и стрелы (*ок*), копье (*субьъги*), латы, шлем, щит (*калкан*), кольчуга (*куьбе*), кинжал, шашка (*кыльиш*), топор (*балта*), а с середины XVII в. – огнестрельное оружие: ружье (*туьбек*) и пистолеты различных видов (*пыштау, кероха, тапанша*).

Женский костюм по покрою близок к мужскому: платье-рубаха (*иш коьйлек*), различные типы платьев (*зыбын, каптал* и др.), шуба (*тон*), шапочка из меха или ткани, платок, косынка; обувь из шерсти, кожи, сафьяна, а также различные виды украшений (*Гаджиева, 1976. С. 125–154*).

В советский и особенно в последний период произошли существенные изменения во многих областях жизни ногайцев, в том числе в одежде: вслед за традиционной одеждой военного покроя (галифе, рубаха со стоячим воротником и накладными карманами на груди и др.) приходит одежда городского покроя. Изменилась и женская одежда: молодое и среднее поколение носят городскую одежду, а пожилые женщины в основном традиционную одежду.

Традиционная пища ногайцев представлена мясо-молочными, мучными и рыбными блюдами: *бесбармак* (мясо с лапшой), *кувырдак* (жареное мясо с луком), шашлык, *казы, толтырма* (колбасы), *казан боьрек* (пельмени), *инькал* (род галушек), *балык сорна* (уха), каши, различные виды сыров, пирогов, яичниц и т.д. Большим разнообразием отличаются напитки: *ногай шай* (ногайский чай), *югурт, кумыс, айран, буза, сербет сув* и др. Часть традиционной кухни ногайцев заимствована соседними северокавказскими народами (ногайский чай, бесбармак и др.); сами ногайцы используют некоторые кумыкские, карачаевские, черкесские, русские и украинские блюда: *долма* (из виноградных листьев), *курзе, кышын, либже, борщ, котлеты, голубцы* (из капустных листьев) и др.

Рис. 257. Традиционное ногайское жилище

Рис. 258. Селение Кумли. Конец XX в.

Рис. 259. Улица в селении Кумли

Рис. 260. Современное ногойское жилище. Конец XX в.

Рис. 261. Ногайская женщина в традиционном костюме

Рис. 262. Девушка в традиционном костюме

Свадебная обрядность ногайцев формировалась в лоне общетюркских и северокавказских традиций. Брачным возрастом считались для девочек 13–15 лет, для юношей 15–20 лет. Брак ногайцев был строго экзогамным. Так, у караногайцев девушек внутри бывших родоплеменных подразделений (*куьн*, *куб*), которые имели свою тамгу и называли себя *тамга кардаш* (“брат по тамге”), брать замуж запрещалось; у ногайцев же Терско-Сулакской низменности экзогамия соблюдалась лишь внутри близкородственного подразделения – *тукым* (*тухум*, родственники по отцу до седьмого колена), а не между всеми родственниками по племени или роду (*куьн*). Строгие брачные запреты независимо от родства внутри некоторых фамилий существовали и у кубанских ногайцев. Вместе с тем, ногайцы могли (даже считалось предпочтительным) жениться на родственницах по материнской линии, поскольку тамги разные (Гаджиева, 1979. С. 61).

Обязательным условием заключения брака у ногайцев была уплата калыма (*калын*, *сукьек сатув акша*), размеры которого варьировали от 15 до 40 голов крупного рогатого скота (*кьырк тувар*), включая лошадь с богатым седлом и сбруей (*бас ат*) и деньги (100–300 рублей). Кроме калыма жених должен был сделать подарки родственникам невесты (до 40–50 меховых мужских и женских шуб у караногайцев), а также ценный подарок матери невесты или ее кормилице (*сукьт акы*). Выплатить калым помогали родственники по отцовской линии, которых специально приглашал отец жениха (Там же. С. 65).

Свадебный церемониал включал несколько этапов: сватовство (*айттырып келуьв*), помолвку молодых (*бегитуьв*, *белгилев*, *келисуьв*), малую свадьбу (*кишкей той*) и большую свадьбу (*уллы той*).

Малая свадьба, когда происходила передача калыма в дом невесты, отмечалась очень торжественно. В это время “молодежь гуляет, джигитует, борется, а невеста, если она взрослая, окруженная сверстниками и молодыми замужними женщинами, плачет с тоскливыми причитаниями... Подруги стараются развлечь ее песнями”, – писал Г. Малявкин (*Малявкин*, 1893. С. 163).

После помолвки или внесения части калыма жених и невеста до свадьбы могли встречаться либо в доме ее родителей, либо в отведенной для взрослой дочери юрте – отав. Завершающим этапом была большая свадьба, связанная с обрядом бракосочетания (*неках той*). Основная часть свадьбы происходила в доме невесты, где вначале муллой в кибитке невесты оформлялся акт бракосочетания, затем перед заходом солнца свадебный поезд двигался в аул жениха. Здесь собирались все родственники с семьями, приглашенные и торжественно праздновали свадьбу. Для новобрачных ставили новую свадебную юрту – отав, которую дарил отец невесты. Юрта была нарядно убрана, а над ней водружался свадебный флаг из войлока (*тунглык*). Для свадьбы готовились традиционные блюда. На свадьбе исполнялись старинные народные песни, отрывки из популярных поэм и сказаний (*Гаджиева*, 1979. С. 83).

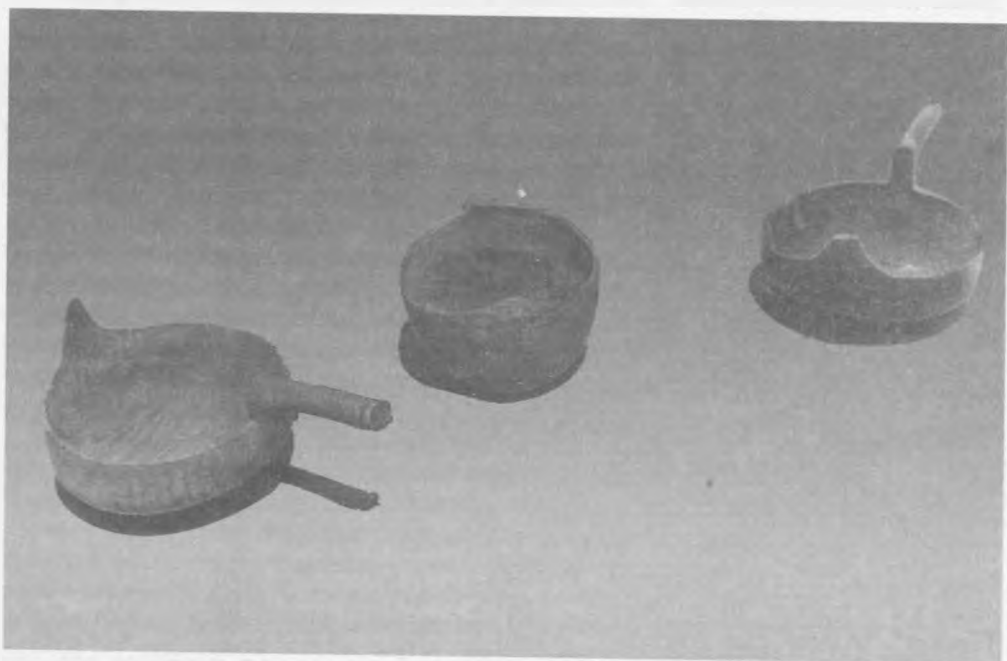
Ногайцы располагают богатым фольклорным наследием. Наиболее древний пласт ногайского устно-поэтического творчества представлен магической поэзией и обрядами (языческие заговоры, заклинания, гадания, благопожелания, проклятия). Обрядовая поэзия делится на календарно-обрядовые и семейно-обрядовые песни, синкретичные с обрядами, музыкой, танцами и т.д. Весною устраивали сабантой, молодежь ходила по дворам, исполняя песни “Навруз” и “Коекк батыр”; полевые работы начинались с песни первой борозды. Были песни вызывания дождя и солнца. К этой области поэзии примыкают трудовые песни: песни ткачих, скотоводов и др. Особенно сильно была развита у ногайцев семейно-обрядовая поэзия. В свадебный фольклор входили песни прощания невесты с родительским домом *сынсув* (плач невесты), *кыз келтируьв* (песни привода невесты), *той баслар* (песня, начинающая свадьбу), *яри-яр*, *бет ашар* (песня, открывающая лицо невесты), *алгыс* (благопожелания новобрачным перед едой), *той таркатув* (песня, завершающая свадьбу). Похоронная поэзия состоит из циклов: *хошласу* – предсмертное прощание с жизнью, с близкими и т.д.; *эстирту* – песня, извещающая о смерти; *бозласу* – похоронные причитания; *йоклау* и *юбанту* – плачи-воспоминания, плачи-утешения, исполняемые спустя некоторое время после смерти близкого человека.

К древности восходят истоки и ногайских сказок (*эртегилер*), особенно сказок о животных и волшебных сказок. В первых традиционных действуют такие персонажи, как волк, лиса, разные птицы и т.п., олицетворяющие людей, во вторых – народный батыр, бедняк, хан, дракон (*аздаха*), ведьма (*обыр куртка*), людоед (*елимауз*) и т.д. Бытовые сказки близки к реальности, в них тоже даны два противостоящих друг другу типа образов: положительные – умный, находчивый, храбрый, честный бедняк, батрак и т.д.; отрицательные – хан, торговец, ростовщик и т.п. Богатейшую область народного творчества представляет несквозный эпос о ногайских батырах, известный и другим народам: казахам, каракалпакам, узбекам, башкирам, кумыкам и др. Особенно популярны народные поэмы и сказания “Шора батыр”, “Эдиге”, “Мамай”, “Копланлы батыр”, “Эр Таргыл”, “Ахмет, сын Айсыла”, “Адил-Солтан”, “Мусевке батыр” и другие, в которых нашли художественное отражение события разных периодов истории

Рис. 263. Ногайский арбаш

Рис. 264. Чаши для калмыцкого чая

ногайцев и ряда других народов. Дастанный эпос ногайцев представлен как оригинальными, так и широко распространенными на Востоке лиро-эпическими произведениями: “Козы-Корпеш и Баян-Слу”, “Тоьлеген и Кыз-йибек”, “Боз-йигит”, “Тахир и Зухра”, “Ашик-Карип” и др. Мудрость, многовековой практический опыт народа, его художественное мышление запечатлены в афористических жанрах: в пословицах (*такнаклар*), поговорках (*айтувлар*), загадках (*юмаклар*). Важное место в ногайском песенном фольклоре занимают *казак йырлары* – о бедных, но храбрых, мужественных и мудрых народных героях – казаках. Необрядовая поэзия ногайцев представлена любовными, философско-назидательными, игровыми, шуточными и другими песнями.

Истоки литературы ногайцев восходят к ряду общетюркских памятников (“Книга гаданий”, “Кутадгу билиг” Ю. Баласагунского, “Кодекс Куманикус”, “Книга моего деда Коркута” и др.). Становление собственно ногайской литературы относят к XIV–XV вв. и связывают с именами Сыбра йырау, Шал-Кийиза Тиленши улы, Асана Кайгылы, Досмамбета Азаулы. Многие из этих поэтов известны также казахам, каракалпакам, киргизам, башкирам. В XVII в. жили и творили поэты Умбет-Али, Умболат, Максут-агай, Самытбай, Шора Найман улы, Казтуган Суюнши улы и др.; в XVIII в. – Исмаил Мажарлы, в XIX–начале XX в. – Ахмедие Адиль улы, Абдулхалык Абдулрашид улы, Менгли-Шеих Ембойлык, Баймурза Манап улы и др.

Большое развитие получили музыкальный фольклор, хореография; очень популярны народные игры и спортивные состязания (борьба, скачки и др.).

Разработаны у ногайцев народные календари, самым древним среди которых был 12-летний животный цикл, использовавшийся ими до конца XIX–начала XX в. Летосчисление по этому циклу предстает в следующем виде: 1-й год – *шышкан йылы* (год мыши), 2-й – *сыйыр йылы* (год коровы), 3-й – *барс йылы* (год барса), 4-й – *коян йылы* (год зайца), 5-й – *балык йылы* (год рыбы), 6-й – *йылан йылы* (год змеи), 7-й – *ат йылы* (год лошади), 8-й – *кой йылы* (год овцы), 9-й – *мешин йылы* (год обезьяны), 10-й – *тавык йылы* (год курицы), 11-й – *ийт йылы* (год собаки), 12-й – *донъгыз йылы* (год свиньи). Наиболее распространенным календарем у ногайцев был хозяйственный календарь, согласно которому началом года считался март (*навруз ай* – месяц нового года), затем шли апрель (*коькек ай*), май (*курал ай*), июнь (*тамбыз*), июль (*шилле*), август (*сары тамбыз*), сентябрь (*кырк кийик*), октябрь (*казан ай*), ноябрь (*караша ай*), декабрь (*карагъис*), январь (*канъытар*), февраль (*уыт*) (Калмыков, Керейтов, Сикалиев, 1988. С. 197–198).

Народная медицина и ветеринария у ногайцев были высокоразвиты; им, например, известны были более 20 болезней животных и способов борьбы с ними.

Из традиционных верований и мифологии ногайцев рудиментарно сохранились представления о духах земли (*ер иеси*), воды (*сув иеси*), неба (*коьк иеси*), дома (*уьй иеси*), домашнем покровителе (*уьй йылан*), а также демонических существах (албасты, аздага, обырах – оборотнях, джинах и др.). Сохранились отголоски веры в древнетюркского бога Тенгри.

В советский период в духовной культуре ногайцев произошли значительные преобразования. Сложилась ногайская интеллигенция, которая продолжила и приумножила значительные культурно-просветительские традиции А.-Х. Ш. Джанибекова и других выдающихся ногайцев. Развивается ногайская литература, представленная Б. Абдуллиным, Х. Булатуковым, Ф. Абдулжалиловым, Г. Аджигельдиевым, К. Оразбаевым, М. Курманалиевым, С. Капаевым, К. Темирбулатовой, И. Капаевым, Б. Кулунчаковой, А. Култаевым, М. Авезовым и другими талантливыми поэтами и писателями. Значительные успехи, до-

стигнутые в историческом изучении ногайцев, нашли отражение в трудах Р.Х. Керейтова, А.И. Сикалиева, Д.С. Кидирниязова, А.А. Ярлыкапова. Оригинальные скульптуры малых форм, эскизы и графика на темы ногайского эпоса представлены в работах молодого талантливой художника К. Зарманбетова. В сел. Терекли-Мектеб краеведом Б. Кельдасовым создан и функционирует замечательный историко-этнографический музей. Создан и успешно концертирует ансамбль “Айланай” и Ногайский государственный оркестр народных инструментов (1994 г.).

Важным событием в жизни ногайского народа явилось празднование 600-летия Ногайской Орды и эпоса “Эдиге” в 1991 г. в сел. Терекли-Мектеб. Пожалуй, это был самый крупный и значительный за последние 80 лет праздник, собравший большое количество ногайцев со всех регионов их проживания.

Вместе с тем еще в конце 1950–х годов на территории Ставропольского края и Чечено-Ингушетии были закрыты ногайские школы, перестала издаваться газета на ногайском языке; в г. Кизляре прекратило существование педагогическое училище, которое готовило национальные кадры для ногайцев. В Ногайском р-не Дагестана до самого последнего времени не все дети ногайцев охвачены обучением на родном языке. Все это тормозит развитие национальной культуры.

Отсутствие административно-территориальной целостности негативно влияет не только на культуру, но и на состояние экономики ногайского народа. В конце 1980–начале 1990-х годов отмечается всплеск национального самосознания. Создание межрегиональной общественно-политической организации “Бирлик” (“Единство”) стало фактором оформления политических устремлений ногайцев. Она с 1989 г. организовала четыре съезда представителей ногайского народа. На всех съездах ногайцы ставили вопрос отмены указа 1957 г. в части, касающейся разъединения ногайцев в Ногайской степи, выдвигались требования о создании автономного образования ногайцев в составе Российской Федерации. Ставились также вопросы, связанные с развитием культуры ногайцев, преподаванием на родном языке в школах во всех регионах их компактного проживания, представительством ногайских кадров в системе управления как на республиканских (краевых) уровнях, так и в районах. Особенно сильно проявляется это в Ставропольском крае и в Дагестане.

В последние годы активизировались усилия по развитию культуры ногайцев. Так, в Дагестане и Карачаево-Черкесии работают редакции радио, издаются две газеты на ногайском языке – “Ногай тавысы” и “Шоьл тавысы”. В сел. Терекли-Мектеб с 1992 г. функционирует отделение Хасавюртовского педучилища, готовящее преподавательские кадры родного языка. В Карачаевском государственном педуниверситете имеется отделение ногайского языка, где проходят подготовку специалисты родного языка и литературы для старших классов ногайских школ. Был создан Ногайский государственный оркестр народных инструментов. На основе ногайской студии, подготовленной на факультете культуры Даггосуниверситета, с помощью правительства Дагестана и кумыкского театра в 2001 г. создан Ногайский государственный театр (в сел. Терекли-Мектеб).

Экономический кризис переходного периода в России остро затронул регионы проживания ногайцев. Почти повсеместно резко упала производительность сельского хозяйства, соответственно это снизило уровень жизни, усиливаются процессы опустынивания Ногайской степи. Многие вынуждены заниматься отходничеством, выезжая на заработки в другие области и республики. Администрация Ногайского р-на и национальные движения выступают за переда-

чу имеющихся пастбищ под юрисдикцию местных органов самоуправления. Ногайцы выступают против частной собственности на землю, ссылаясь на то, что ее могут выкупить представители других народов, и на то, что у них в основном угодья пастбищные, а орошаемых земель мало.

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ

Азербайджанцы Дагестана (самоназвание – *азербайджанлылар*; вплоть до конца 1930-х годов в исторической литературе и документах назывались закавказскими, или азербайджанскими татарами и тюрками) – этническая группа, т.е. часть азербайджанского этноса, образующего основное население Азербайджана и Северо-Западного Ирана. Соседние народы – лезгины, табасараны, кумыки и даргинцы называют их тюрками, каджарами, реже – персами.

Дагестанские азербайджанцы расселены в приморской и предгорной частях Южного Дагестана, в основном в г. Дербенте и близлежащих к нему районах. Азербайджанцев, живущих в Республике Дагестан, насчитывается около 92 тыс. (2000 г., оценка), что составляет 4,3% населения области, или 1,3% всех азербайджанцев СНГ. Около половины их проживает в сельской местности – в Дербентском (55,7% населения района), Табасаранском (18%), а также в Рутульском (4%), Магарамкентском (2,8%) и Кизлярском (2,6%) районах. Азербайджанцы-горожане сосредоточены в Дербенте и Дагестанских Огнях, в которых составляют около трети населения в каждом. Часть их проживает также в Махачкале, Кизляре, Хасавюрте, Буйнакске, поселках городского типа Мамедкала (22,4%), Белиджи (7,3%) и др.

В отрыве от основной территории расселения находятся азербайджанские селения Нижний Катрух Рутульского р-на, Большебредихинский и Персидский Кизлярского р-на. В составе азербайджанцев Дагестана выделяется особая субэтническая группа терекемейцев (самоназвание – *тэрэкэмэлер*), которая вплоть до начала XX в. считалась отдельным этносом, а ныне она консолидируется с собственно азербайджанцами, сохраняя при этом свои этнические самосознание и самоназвание. Терекемейцы расселены компактно в 10 селениях, расположенных в северной части Дербентского р-на. Соседи – собственно азербайджанцы, кумыки и даргинцы называют их соответственно *тэрэкэмэлер*, *тэркемелер*, *таркама*; у северных кумыков, части даргинцев, аварцев и лакцев они известны под этнонимом *надар*.

Дагестанские азербайджанцы граничат на севере по р. Артозень (Башлычай) с кумыками, на западе по предгорьям с кайтагцами (даргинцами) и табасаранами, на юге по р. Самур с лезгинами. На востоке естественной границей их этнической территории служит Каспийское море. Азербайджанцы расселены в двух природно-климатических зонах: в южной части приморской равнины (Дербентский р-н) и предгорьях Южного Дагестана (Табасаранский р-н); лишь одно село (Нижний Катрух Рутульского р-на) расположено в высокогорной зоне. По этнической территории азербайджанцев протекают реки Уллучай, Дарвагчай, Камышчай, Рубас, Гюльгерычай в их нижних течениях.

Климат в целом здесь умеренно теплый, мягкий, отличающийся засушливым и жарким летом, дождливой осенью и сравнительно мягкой зимой. Абсолютные максимумы температуры воздуха составляют соответственно +38° и –21°. Среднее количество осадков достигает около 400 мм в год. Почвы здесь светло-каштановые, тяжелосуглинистые, глинистые и солончаки (равнина), и каштановые, темнокаштановые, горно-степные, горно-лесные и луговые (предгорья). На равнине

произрастает солончаковая и полынно-типчаково-ковыльная растительность, в предгорной зоне – разнотравно-типчаково-ковыльные и бородачевые в сочетании с тимьянниками и трагантиками. На этнической территории дагестанских азербайджанцев до недавнего времени имелись довольно значительные лесные массивы, в том числе Уллумеше (“Большой лес”).

Из полезных ископаемых здесь имеются газ, нефть, соль; из строительных материалов – известняк, песок, а также месторождение фосфоритов и селитры (с. Марага).

Находясь на территории, через которую проходил не только Великий шелковый путь, но и многочисленные военные походы, совершаемые из Передней Азии в Восточную Европу и обратно, азербайджанцы ощутили все блага богатой торговли и цивилизованной жизни и в то же время испытали на себе все ужасы и тяготы жестоких войн и опустошительных разорений.

Дагестанские азербайджанцы – представители каспийского типа большой европеоидной расы с небольшой примесью элементов кавкасионского типа, т.е. антропологический состав их свидетельствует о смешении каспийского и кавкасионского типов южной европеоидной расы.

Азербайджанцы Дагестана говорят на дербентском и терекемейском диалектах азербайджанского языка юго-западной (огузской) подгруппы тюркской группы алтайской языковой семьи. Вместе с тем дербентский диалект (жителей г. Дербента) и говор (сельских азербайджанцев южной части Дербентского и Табасаранского районов) и особенно терекемейский диалект (близкий к кубинскому и шемахинскому диалектам азербайджанского языка) испытали в большой степени влияние кумыкского, татского и иранского языков. Большинство азербайджанцев (72,2%) свободно владеют русским языком.

Дагестанские азербайджанцы имеют давние традиции письменности; предки их, видимо, пользовались клинописью, в первые века нашей эры – албанской и сасанидской графикой, а затем, после арабских завоеваний, – арабской графикой (аджам) вплоть до 1929 г., когда последняя была заменена латинским алфавитом. С 1938 г. азербайджанская письменность была переведена на реформированную русскую графическую основу. Почти во всех районах расселения азербайджанцев Дагестана имеются общеобразовательные школы, в которых преподается родной язык. Азербайджанский язык в Дагестане имеет статус языка обучения: на нем ведется обучение по всем предметам в начальных классах шести школ Табасаранского и трех школах Дербентского районов. В начальных классах этих национальных школ параллельно с родным языком изучается (с большим количеством часов) и русский язык как учебный предмет. Начиная с пятого класса все обучение идет на русском языке, а азербайджанский язык изучается как учебный предмет. Азербайджанский язык как учебный предмет преподается в 71 школе, в том числе в 35 школах Дербентского района, в 18 школах г. Дербента и 9 школах г. Дагестанские Огни. Обучением на азербайджанском языке и изучением его в Дагестане в 2000/2001 учебном году охвачено, по данным Министерства образования Республики Дагестан, 18 624 учащихся. Создана система подготовки и повышения квалификации учителей родного языка и литературы. В Дербентском высшем педагогическом колледже обучаются 139 студентов, 40 человек его уже закончили. Подготовка и повышение квалификации кадров проводится и в вузах Азербайджана, где обучаются 120 студентов. На азербайджанском литературном языке издаются художественная, научная и общественно-политическая литература, газета “Дербент”. С 1978 г. на республиканском радио функционирует отдельная редакция вещания на азер-

байджанском языке (по 30 минут ежедневно), а с 1986 г. транслируются передачи Азербайджанского телевидения (в объеме 6340 час. в году).

На территории расселения азербайджанцев имеются археологические и архитектурные памятники: каменные орудия труда ашельской эпохи, остатки жилищ и поселения эпохи энеолита, бронзы и раннего железа, памятники куро-араксской и каякентско-хорочоевской культур, древнейший градостроительный комплекс на Кавказе – Дербент с его уникальными стенами, цитаделью (Нарын Кала), мечетями (Джума-мечеть), банями и кладбищами, а также Даг-бары и др.

В формировании дагестанских азербайджанцев принимало участие древнее коренное население Кавказской Албании (каспии, касситы, албаны, маскуты и пр.), смешавшееся с вторгавшимися сюда в I тыс. до н.э. ирано- и тюркоязычными племенами (киммерийцы, скифы, сарматы, гунны, болгары, хазары, печенеги), а также иранскими и арабскими колонистами. Последовавшая в XI–XIII вв. новая волна вторжений тюркоязычных народов (особенно огузов-сельджуков и отчасти кыпчаков) привела к завершению формирования азербайджанской народности, которое выразилось в смене коренных языков населения тюркским разговорным языком. Миграционные и цивилизационные катаклизмы предки азербайджанцев испытывали и в XIII–XIV вв. Этническую основу дагестанских азербайджанцев усиливали неоднократные в XV–XVIII столетиях вторжения и переселения выходцев из Азербайджана, в основном из Кубы и Ширвана.

В первой половине XV в. в Дагестан вторгаются племена огузо-туркменского происхождения каракоюнлу (“чернобаранные”), с которыми исследователи связывают этноним *тэрэкэмэ* и формирование терекемейцев в отдельную этническую группу в Ширване. В конце XVI в., после организованного Кайтагским уцмием систематического переселения части этих кочевых племен из Кубы и Ширвана, предки нынешних терекемейцев обрели вторую родину в Дагестане. Топонимические материалы и исследование С.Ш. Гаджиевой свидетельствуют, что в формировании дагестанских терекемейцев участвовали не только тюркоязычные (*тэрэкэмэ*, падар, карадаглы, кайы и др.), но и ираноязычные (татляр) племена, а также представители соседних народов, с которыми терекемейцы имели тесные этнокультурные связи (*Гаджиева*, 1990. С. 15).

Дальнейшему росту численности азербайджанского населения Дагестана способствовала переселенческая политика иранских правителей, проводимая с начала XVI в. в целях упрочнения своей власти в крае: шах Исмаил после захвата Дербента в 1510 г. переселил сюда 500 семей из Тебриза (из племен румлу и караманлы), а затем – часть племени баят, шах Тахмасп I в 1540 г. – еще 400 семей племени гурчиан (курчи), шах Аббас I в 1579 г., выслев суннитов из Дербента, поставил здесь сильный гарнизон кизилбашей, а также переселил 400 семей полукочевых племен баят и устаджлу. Эту политику продолжали иранские правители XVII–XVIII вв. Сефи I, Аббас II, Надир-шах, которые осуществили военную колонизацию равнинной части Южного Дагестана. По свидетельству А. Олеария (1638 г.), в Дербенте находилось 500 воинов из тюркских племен айрумлу и койдурша, имелись гарнизоны в других местностях (*Олеарий*, 1906. С. 486); Надир-шах в 1741 г. поселил в Дербенте несколько сот семей азербайджанского племени микри.

Значительную роль в истории сложения азербайджанцев Дагестана играли ассимиляционные процессы, которыми была охвачена часть терекемейцев. Так, в первой половине XVIII в. около 300 семей бежали от феодальных притеснений кайтагского уцмия Амиргамзы во владения кумыкских (эндириевских и

костековских) князей. Эти терекемейцы обосновались в аулах Темираул, Чонтаул, частично в Костеке, Аксае и к концу XIX в. влились в состав кумыкского этноса. Терекемейцами по происхождению считается также большая часть жителей ныне кумыкских сел Каякент, Усемикент, Тумеллер, Янгикент, при этом более 70% жителей сел. Янгикент еще в середине XIX в. были горскими евреями, хотя говорили на азербайджанском языке, а часть жителей сел. Каякент – татами, но уже говорили по-кумыкски (Комаров, 1869. С. 92).

Однако более масштабны процессы тюркизации, которыми были охвачены в конце XIX – начале XX в. жители татоязычных и арабоязычных, частично табасаранских селений, находящихся вблизи Дербента. Так еще в 1873 г. А.В. Комаров отмечал, что “в последние годы татский язык в этих селениях (Джалган, Митаги, Кемах, Зидьян, Бильгади, Гимейды и Рукель. – М.-Р.И.) начал заменяться тюрко-азербайджанским; теперь им говорят только старики и женщины” (Там же. С. 24). Вытеснение татского языка азербайджанским усилилось в начале XX в. с ростом межэтнического общения, а позднее – преподаванием в школе азербайджанского языка как родного. Ныне татский язык сохранился лишь у жителей старшего и среднего поколений селений Верхний Джалган и Верхний Митаги. Аналогичные процессы тюркизации фиксируются у жителей селений Арабляр, Дарваг, Ерсиджа, Кемах и Гимейди, происхождение которых связывается с арабскими колонистами VIII в. Жители этих селений (кроме сел. Арабляр, название которого означает дословно “арабы”) при переписи населения 1897 г. указали, что они – арабы, хотя дарвагцы говорили по-азербайджански, а кемахцы и гимейдинцы по-татски. Здесь следует сказать и о потомках 24 тыс. арабов, поселенных наместником халифа Масламом в 732 г. в г. Дербенте, тюркизация которых завершилась к началу XVI в. (если не ранее). Число азербайджанцев увеличилось также за счет перехода персов на азербайджанский язык и последующей сменой их этнического самосознания (а может быть, только самоназвания); наиболее активно эти процессы происходили с начала XX в. с персами, жившими в Дербенте, Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске, Кизляре, а также в сел. Персидское Кизлярского у. (района).

Предки дагестанских азербайджанцев входили в состав древней Кавказской Албании, а в средневековый период на территории их расселения существовали государства Маскут, Гуния (Страна Хонов), Дербент (с IX в. – Дербентский эмират, с XVIII в. – ханство), Табасаранское кадийство, Ширван и др. Дербентское ханство, границами которого на севере была р. Дарваг, на юге – р. Самур, на западе – отрог Табасаранского хребта, на востоке – Каспий, занимало южную часть Прикаспийской низменности. С 1806 г. ханство находится в составе России. После присоединения к России социально-экономические отношения в Дербентском ханстве стали меняться: жители Дербента и округа освобождаются от таможенных пошлин, увеличиваются товаропотоки из России и т.д. Изменение произошло и в политико-административном устройстве: Дербентское ханство было упразднено, а управление им передано тарковскому шамхалу Мехти. С 1813 г. в Дербенте было учреждено Главное управление Дербентскими и Кубинскими провинциями (т.е. нынешними территориями Республики Дагестан и Азербайджанской Республики). Дагестанские азербайджанцы вошли в состав Дербентского у., а с образованием Дагестанской области в 1860 г. – в Дербентское градоначальство, Улусский магал, Нижне-Кайтагское и Северо-Табасаранское наибства (позднее – участки) Кайтаго-Табасаранского округа области; после образования ДАССР и административно-территориальной реформы в крае в 1929 г. они входят в состав Дербентского и Табасаранского районов Дагестанской АССР, с 1994 г. – Республики Дагестан.

Азербайджанцы, как и другие народы Дагестана, отличаются довольно высокими темпами естественного прироста. Так, их численность выросла с 19 тыс. в 1866 г. до 92 тыс. человек в 2000 г., т.е. в 4,8 раз, в то время как все население края за тот же период увеличилось в 4 раза. Это результат традиционно высокой рождаемости, сохранению которой способствовали ранние браки, одобрение многодетности, осуждение разводов, бездетности и применения контрацепции. В прошлом относительно высока была смертность, особенно детская, из-за распространения инфекционных заболеваний, эпидемий. Средняя численность семьи у азербайджанцев составляла около пяти человек. В настоящее время у них один из самых высоких коэффициентов естественного прироста – 17,4‰, что обусловлено сохранением относительно высокой рождаемости (23,5‰) и низкой смертностью (5,8‰) населения. Они имеют благоприятную половозрастную структуру населения: 51% составляют женщины, 49% – мужчины; удельный вес детей и подростков – 38,8%, населения в трудоспособном возрасте – 51,8% и населения старше трудоспособного возраста – 9,4%. Азербайджанцы отличаются также относительно высокой долей лиц, состоящих в браке (72,2%) (Социально-демографическая... 1992. С. 17, 19, 65).

Ведущим занятием азербайджанцев было земледелие, носившее многоотраслевой характер, при этом особое место занимало производство зерновых культур (в основном пшеницы). Практиковались двух-, трех- и многопольные системы с выделением немалой части надела под осенний или весенний пар. Широкое развитие получило искусственное орошение, в том числе рисовые чеки (*дэгъа*). Существовала строгая система распределения воды по селениям через ирригационные устройства (*арх баши, бенд*). Земельный фонд делился на пашни, сенокосы, пастбища и лес. Народные приемы селекции позволили выработать самые лучшие сорта пшеницы и риса в Дагестане – *сары-бугда* (*истамбул-бугда*, или *арнаутка*), *аг-бугда*, *наргыз-аба*, *дугъи* и др. Высокой урожайностью славилась пшеница *терекеме будай* (терекемейская пшеница). Среди главных занятий азербайджанцев следует назвать выращивание шафрана и рукоделие разных родов (*Симонович*, 1958. С. 143). Азербайджанцы успешно возделывали огородно-бахчевые культуры: арбузы, дыни, чеснок, лук, перец, фасоль и др.; они выращивали сливы, персики, абрикосы, миндаль, алычу, груши, яблоки, айву, инжир, гранаты, тут, грецкий орех, каштаны и др. Большое развитие получило виноградарство и виноделие. Из технических культур азербайджанцы возделывали хлопок и особенно марену, из которой получали красители для шелка, шерсти, хлопчатобумажной пряжи и других изделий; мареноводство, а также шелководство здесь были древними занятиями, игравшими заметную роль в местной и даже международной торговле. В 40–70-е годы XIX в. производство марены получило огромное развитие в связи с потребностями русской текстильной промышленности, но с изобретением синтетического красителя ализарина пришло в упадок.

Другой важнейшей отраслью хозяйственной деятельности азербайджанцев было скотоводство в основном мясо-молочного направления. В крестьянском хозяйстве большое значение имело разведение крупного рогатого скота, особенно буйволов, используемых для тягловой силы. Коневодство играло второстепенную роль; лошадей использовали для верховой езды, а также при обмолаоте зерновых. У дагестанских азербайджанцев крупный рогатый скот почти круглый год был на выгонах, а в холодное зимнее время находился на стойловом содержании, овец и коз насчитывалось относительно мало.

Существенное значение в хозяйстве имело птицеводство. Широко развито было пчеловодство. Некоторое распространение получила охота на диких уток,

гусей, а также на зверей. Большое значение в экономической жизни части азербайджанцев (терекемейцев) имели добыча и продажа соли и нефти главным образом горцам.

У дагестанских азербайджанцев в силу их специализации на производстве зерна ремесло, в частности ковроткачество, получило развитие лишь у жителей селений, находящихся в непосредственной близости к табасаранским и татским селениям. Домашние промыслы в той или иной степени были развиты почти у всех азербайджанцев: обработка дерева, железа и изготовление сельскохозяйственного инвентаря, обработка шерсти, кожи и особенно шелка, вязание носков (*джорабы*), переметных сумок (*гаиш хэйбэ*) и др. В свободное от полевых работ время часть азербайджанцев занималась извозом. Основным транспортным средством служила большая двухколесная арба с парой буйволов; зимой использовались также сани и волокуши, а для верховой езды – лошадь.

Расселение азербайджанцев в районах контактной зоны – Приморской равнине и прилегающих к ней предгорьях – объективно обусловили значительную роль торговли, которая получила новый импульс после строительства здесь железной дороги в конце XIX в. Особенно преуспели в торговле дербентцы – главным образом хорошо образованные и занимающиеся коммерцией с древних времен.

Азербайджанцы Дербента и его округа еще с раннего средневековья оказались вовлечены в феодальные отношения. Часть азербайджанцев находилась в зависимом положении от феодалов (эмира, уцмия, беков) Дербента, Кайтага и Табасарана (раятские села), а другая часть была более свободной и занимала промежуточное положение между раятами и узденями. Почти вся земля находилась в собственности феодалов, исключение составляли лишь небольшие мюльки и вакуфы, которые принадлежали соответственно отдельным семьям и мечетям. Селения управлялись беками. Привилегированный слой составляли представители сельской администрации и верхушка духовенства, а также купечество. Общественное управление и суд основывались на обычном праве (*ада-тах*) и шариатских нормах. Сельская община и входящие в нее тухумы регулировали всю производственную и общественно-политическую жизнь селения, распоряджаясь переделом общесельских пахотных, сенокосных, пастбищных и лесных участков и ирригационной системой.

Ведущим типом семьи у азербайджанцев была моногамная малая двухпоколенная семья, хотя почти везде вплоть до середины XX в. сохранялись неразделенные семьи. Глава семьи – старший из мужчин – пользовался большим авторитетом. Существовало строгое половое и возрастное разделение труда. Серьезное значение придавалось физическому, трудовому и нравственному воспитанию детей и подростков, которых приучали уважать старших и друг друга, быть вежливыми и отзывчивыми.

Приветливое и доброжелательное отношение к людям – характерная черта азербайджанцев. Об этом свидетельствуют и такие институты традиционного общественного быта, как гостеприимство и куначество. В общественном быту сохранялись также обычаи взаимопомощи, кровной мести и др. Большое влияние на семейный быт оказал шариат, регулировавший семейно-брачные отношения. Браки заключались с 15–18-летнего возраста; при выборе жениха и невесты их родителями предпочтение отдавалось двоюродным, троюродным братьям и сестрам или другим членам тухума. После сватовства, обручения и выплаты калыма (скотом и деньгами) сторона жениха платила также *сют пули*, *капы пули*, *ёл пули* (соответственно молочные, таможенные и дорожные деньги). Свадьбу играли один–два дня, начинали обычно в четверг и отмечали торжественно всем селением; свадьба у дербентцев состояла из свадьбы невест-

ты, на которой присутствовали только женщины с обеих сторон, и свадьбы жениха, проводимой через неделю или месяц, где участвуют только мужчины; подают еду на стол и обслуживают тоже мужчины.

Накануне свадьбы происходит обряд *хина геже* (“ночь хны”): в доме невесты собираются близкие родственницы и подруги, которые купают ее, готовят к свадьбе, используя хну для окраски волос, а также ногтей рук и ног. Этот вечер и ночь они проводят в веселье, танцуют, шутят. На следующий день во время свадьбы в доме у невесты на торжестве присутствуют только женщины. Невеста сидит с открытым лицом в окружении подруг и близких родственников. Все веселятся, танцуют, образуя круг; танцующим дают деньги (*шабаиш*), которые отдают музыкантам. Танцы сопровождаются угощениями, общением.

Свадьба жениха проходит в его доме очень торжественно. В конце свадьбы ночью невесту забирают в дом жениха. Утром от нее приходят родственницы с пловом, приготовленным на молоке со сладкой приправой, а также курицей или индюшкой, фаршированной орехами и сухофруктами. В течение недели молодую никто не должен видеть, кроме мужа и его сестры. Через неделю совершают торжественный обряд *уз ачан* (“открывать лицо”): накрываются столы и невестку церемонно выводят к гостям – женщинам и членам семьи мужа, которые дарят ей дорогие подарки, свекр, например, дарит золото. Невестка обязана выполнять все работы по дому, кроме приготовления пищи, которую готовит свекровь.

Обычай избегания и семейных запретов соблюдались два–три месяца. Рождение ребенка, особенно мальчика, многодетность приветствовались и считались показателем счастливой жизни. Обряд наречения имени отмечался следующим образом. Через 40 дней после рождения ребенка женщина, умеющая читать Коран, зачитывает определенные суры (*кьуран тапиширан*) и трижды в ухо ребенка выкрикивает его имя в присутствии родственников и подруг. Такое собрание называется *йыгъва*. Эти женщины приносят в подарок печенья из миндаля (*пахлава, шэкэр-бура*), мясные пирожки (*кутабы*) и другие сладости. Женщин, пришедших в гости, невестка вначале угощает кашей, приготовленной из жареной муки (*гоймак*), а затем подают плов и другие кушанья.

Специфический обычай дербентских азербайджанцев – обычий, по которому в случае исполнения желаний (чтобы не болел и т.п.) ребенку ко дню Ашура (день траура по имаму Хусейну, погибшему в сражении при Кербеле 10 октября 680 г.) в знак шиитского траура шили одежду черного цвета.

Похоронные обряды их почти не отличались от обрядов других народов, исповедующих ислам. У дербентских азербайджанцев на соболезнование в дом к умершему женщины приходят с утра до обеда, а мужчины – с обеда до вечера. Последние ходят на кладбище в течение 40 дней после полуденного намаза. Пришедших на соболезнование кормят перед полуденным намазом на скатерти (*суфра*) на полу; накрывается суфра отдельно для мужчин и для женщин. В течение семи дней приходит женщина, исполняющая роль муллы, которая читает суры из Корана и мерзия (*марсия*) (выдержки из истории гибели имама Хусейна и его приближенных) отдельно для женщин.

В общественной жизни яркими событиями являлись религиозные и календарные праздники: Новруз байрам, Ураза байрам, Курбан байрам, обряды вызывания дождя, солнца и др. При этом мусульманская обрядность тесно была переплетена с домонотеистическими представлениями и обрядами: верили в божества плодородия, воды, солнца, неба (Тенгри, Гуд, Су-Анасы и др.). Шиитская община отмечала также “шахсей-вахсей”, или Ашура: на улицах и ныне организуются процессии-представления, инсценирующие борьбу и гибель имама Ху-

Рис. 265. Улица в селении Падар. (Из личного архива Ибрагимов М.-Р.А.)

сейна, при этом некоторые участники бьют себя кулаками, наносят себе удары цепями и кинжалами.

В последние 10 лет у азербайджанцев, как и у других народов бывшего СССР, произошел значительный рост религиозного самосознания. Очень много молодых людей стали верующими, происходит “омолаживание” религии и у азербайджанцев. Подавляющее большинство азербайджанцев – жителей г. Дербента – шииты, а азербайджанцы, живущие в сельской местности (Дербентский и Табасаранский районы) – сунниты. Шиитских мечетей в Дербенте три: Джума, Верхняя мечеть и Кырхляр, а суннитская мечеть – одна (в центре города). Здесь имеются также одна православная церковь и одна синагога.

Характерный тип поселения – селение (*кенд*), насчитывавшее в начале XX в. в среднем до 400 жителей. Крупными селениями были Марага, Дарваг, Берикей, Великент. Самое крупное поселение – город Дербент – древний, средневековый. В настоящее время это торгово-экономический центр Северо-Восточного Кавказа, оказывающий огромное влияние на судьбы азербайджанцев и всего населения Южного Дагестана. Азербайджанские поселения, расположенные на склонах гор, имеют кучевую, а в долинах рек – разбросанную планировку. Обязательным условием была близость источника воды, родников; оборонный фактор учитывался лишь в предгорье. Поселения имеют южную или юго-восточную ориентацию и разбиты на кварталы (*махья*, *магалы*), которые, как правило, назывались по имени предка, основавшего его, по роду занятий или по этнической принадлежности жителей.

Жилища (*эв*) были представлены тремя типами: одно-, полутора- и двухэтажные; последние наиболее распространены, в них жилые комнаты располагались на втором этаже, а хозяйственные – на первом.

Традиционный дом строился из камня или самана (у терекемейцев) на глине, имел плоскую глинобитную крышу, как правило, вытянутую прямоуголь-

Рис. 266. Селение Великент, 1950-е годы. (Из личного архива Ибрагимова М.-Р.А.)

Рис. 267. Традиционный дом терекмейца. (Из личного архива Ибрагимова М.-Р.А.)

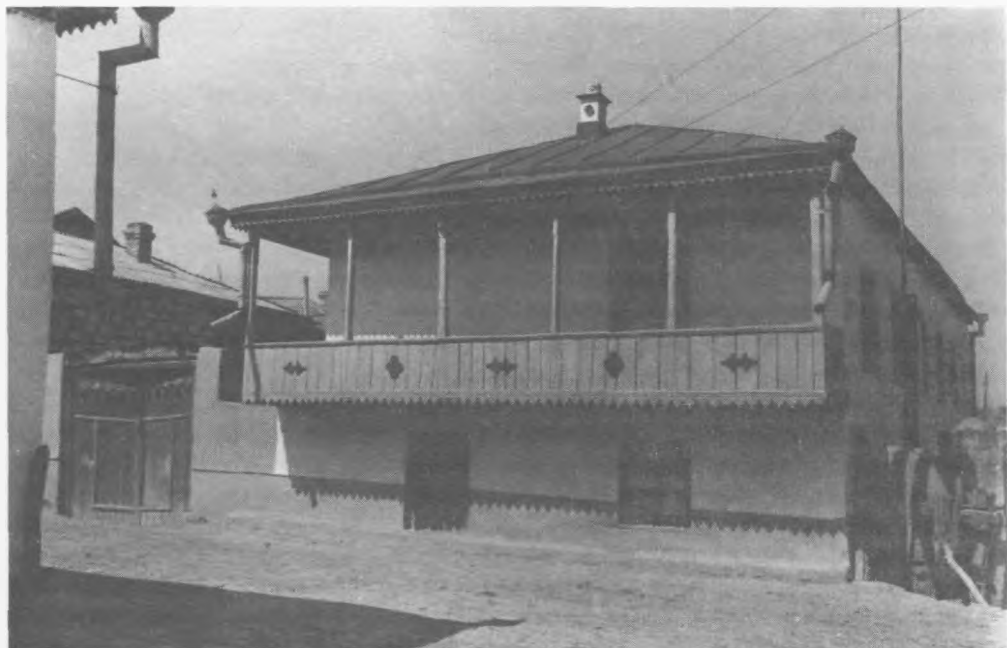

Рис. 268. Теркемейский дом 1960-х годов. (Из личного архива Ибрагимова М.-Р.А.)

ную планировку с помещениями, расположенными в ряд. Современные жилища с двух- или четырехскатными крышами, покрытые шифером или кровельным железом, строятся на цементе из пиленого известняка или крупного булыжника, имеют два-три этажа Г- и П-образной планировки, большое число комнат с дощатыми, реже – паркетными (в городе) полами. Интерьер жилища стал богаче и разнообразнее: наряду с традиционными коврами и паласами, деревянной, медной и керамической посудой, сундуками, почти вытесненными к середине XX в., большое распространение получила стеклянная, фаянсовая и металлическая посуда, столы, стулья, кровати, фабричная мебель, холодильники, телевидеоаппаратура и прочие предметы современного быта.

Традиционная одежда дагестанских азербайджанцев отражает этнокультурные связи с их соплеменниками из Кубы, Ширвана, Баку и с соседями: кумыками, кайтагцами, табасаранами и лезгинами. Мужскую нательную одежду составляли рубаха туникообразного покроя (*кеннег*) и штаны; поверх рубахи одевали бешмет, черкеску, бурку (в непогоду) и меховую нагольную шубу (зимой). Головным убором были овчинная папаха и суконный башлык, обувью служили чарыки, сафьяновые сапоги, башмаки, галоши, которые носили с шерстяными или хлопчатобумажными обмотками. Украшением костюма мужчин были пояс и оружие, изготовленные, как правило, в Кубацах: кинжал, реже – пистолет, шашка. Женская одежда также состояла из нательной (широкая длинная рубаха и штаны) и верхней (длинное распашное платье с откидными рукавами – *дон*, украшенное галуном, ажурной тесьмой, подвесками). Распространенными головными уборами женщин были повязка – *чутгу*, поверх которой надевали будничные или праздничные платки (*фте*, *шал*, *гюльменди*); обувью служили однотонные и орнаментированные шерстяные носки, чуваки из черного или красного сафьяна, на которые надевали кожаные галоши или башмаки, расшитые

Рис. 269. Современный дом. Конец XX в. (Из личного архива Ибрагимова М.-Р.А.)

дербентскими золотошвейками. Специфической чертой одежды азербайджанок являлось женское покрывало, которое закрывало фигуру.

Большим разнообразием отличались женские украшения: серебряные серьги различных форм, кольца, браслеты, шейные и нагрудные ожерелья из ажурных пластинок (*бугаз арты*), кораллов, мелких монет, янтаря, сердолика, реже – жемчуга, золота, а также серебряные пояса к выходному костюму. Азербайджанские женщины, особенно горожанки, пользовались различными косметическими средствами: румянами (*энгилик*), белилами (*киршан* или *ова*), хной, басмой и др.

Пища азербайджанцев, особенно дербентских, издавна была богатой и разнообразной. Их культура питания оказала значительное влияние на кулинарию дагестанцев. Одно из первых мест занимают хлебопекарные изделия, супы, хинкалы и плов разных видов. Популярны бозбаш и пити (густые супы), долма (род голубцов в обертке из виноградных листьев), бадамжан долма (фаршированные баклажаны), а в последние десятилетия – долма из болгарского перца, помидоров. Азербайджанцы готовят также следующие блюда: дюшпере и курзе (род пельменей с начинками), чуду (род пирогов), говурма, бастырма (мясные блюда), шашлык, люля-кебаб, каши. Готовят несколько видов халвы, пахлавы, мураппа (варений), душабов (сироп), напитков (щербет и др.). Большое место в питании занимают огородно-бахчевые культуры и фрукты.

Дагестанские азербайджанцы обладают богатым культурным наследием, яркими обычаями и традициями, многообразием фольклорных жанров, литературы и музыки, многие элементы которых заимствованы народами Южного Дагестана. Наиболее популярными произведениями азербайджанцев являются историко-героические эпосы “Деде-Коркуд” и “Кёр-Оглы”, лирические дастаны “Асли и Керем”, “Шахсенем и Ашиг-Гариб”, “Шах-Исмаил” и др. Широко бытовали сказки (о животных, волшебные и бытовые), легенды (космогонические и др.), загадки, по-

Рис. 270. Азербайджанка в традиционном костюме. (Из личного архива Гаджиевой С.Ш.)

культуры и просвещения на Кавказе, имеющий арабо-персидские традиции письменности. Начиная с 1830-х годов здесь создаются первые в Дагестане русские образовательные школы; к началу XX в. в Дербенте насчитывалось 10 начальных школ и одно реальное училище с русским языком обучения.

Просветительские традиции были продолжены в 1920–30-е годы и последующий период (Дагестанский педагогический и сельскохозяйственный техникумы, а ныне в городе около 20 филиалов вузов России и Азербайджана). Среди известных ученых и просветителей были профессор С.-Петербургского университета М. Казембек родом из Дербента, А. Талыбов из Темир-Хан-Шуры, поэт М. Гумри, композитор А. Зейналлы, философ М. Алекперли и многие другие. Дагестанскими азербайджанцами являются три генерал-майора Вооруженных Сил России – Т.А. Сеидов, М.Д. Насиров, Н. Садыков.

Дагестанским азербайджанцам хорошо знакомы произведения азербайджанских классиков: Хакани, Низами, Физули, Гаджибекова, Рустамова, Ахмедзаде и др., а также местных авторов XVIII–XX вв.: Фетали, Дермирдира Дэрбенди, Кегмишина Фикри, Кызыллале, Ф. Сейида, Михрали, Киласса, Пирали, Халида, М. Юсифли, Н. Агасиева и др.

В советский период истории произошли значительные изменения, которые охватили все сферы жизни и деятельности дагестанских азербайджанцев: экономику, материальную и духовную культуру, семейный и общественный уклад. Хозяйства азербайджанцев специализируются главным образом на развитии виноградарства и овощеводства, торговле, частично на производстве продуктов

словоицы, поговорки и прочие жанры устного творчества. Обрядовая поэзия представлена календарными, свадебными, колыбельными песнями, песнями-причитаниями. Популярным жанром народной поэзии были социально-бытовые и любовные баяты. Огромной любовью пользовались состязания ашугов-певцов, исполнивших на сазе (струнном инструменте) собственные произведения. Азербайджанские песни и танцы под аккомпанемент барабана и зурны – неотъемлемые элементы многих торжеств, особенно свадеб. Они весьма популярны и у других народов Дагестана, особенно Южного Дагестана.

Большую роль в духовной жизни играл ислам шиитского (горожане Дербента) и суннитского (большая часть сельских азербайджанцев) толков. Основам религии, чтению Корана, азам математики и природоведения учились с детства в примечательных школах – мектебах и медресе. Широкое распространение получила литература не только на азербайджанском, но и на персидском и арабском языках. Особую роль в этом играл Дербент – крупный центр

животноводства и на ковроткачестве. В 1935 г. был создан Азербайджанский театр, но к середине 1950-х годов он перестал существовать; его предстоит возродить. В 1950–1970-е годы на равнине возникло несколько новых селений азербайджанцев, переселенных из предгорных селений Кемах, Гимейды, Зидьян и других, которые ныне полностью или частично заброшены, земли их переданы другим хозяйствам. Бывшие жители пытаются восстановить свои прежние селения. В постановке этих и прочих вопросов (представительство в республиканских органах управления, проблемы народного образования и культуры и др.) перед официальными органами Республики Дагестан, налаживании контактов с общественностью и руководством Азербайджанской Республики заметную роль играет республиканское азербайджанское общество “Азери”.

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ

Горские евреи (самоназвание – *джугьур*, *джуургьо*, от иврит: *йегудим* – “иудеи”, возможно, через посредство иранских языков) – одна из этнических групп евреев Кавказа, формирование которой происходило на территории Дагестана и Северного Азербайджана. Значительная часть горских евреев под влиянием политико-идеологических причин, в том числе проявлений антисемитизма, примерно с конца 1930-х годов и особенно активно с конца 1960-х – начала 1970-х годов стала называть себя татами, основываясь на том, что они говорят на татском языке. Этот процесс “татизации”, поддержанный официальными властями Дагестана, по сути своей сводился к “деиудаизации” и привел к искусственному формальному разделению этого этноса на несколько частей: на горских евреев и татов (кроме того, часть горских евреев записана в паспортах и данных переписей населения как “евреи”, т.е. как европейские евреи). Эта путаница в названиях и обозначениях горских евреев отражает многообразие существующих версий об их происхождении.

Большинство ученых считают, что горские евреи – потомки древних евреев, плененных и перемещенных сначала в Месопотамию, точнее, в Юго-Западный Иран, где они освоили язык окружающего населения (татский язык), а затем под давлением конфессиональных и социально-экономических обстоятельств вновь вынужденных переселиться в Северный Азербайджан и Дагестан; здесь они обрели вторую родину и сформировались как самостоятельный этнос. Ряд ученых (Р. Магомедов, М. Мататов, Х. Авшалумов, Л. Авшалумова и др.) утверждают, что горские евреи являются татами, т.е. иранцами по происхождению, часть которых якобы была обращена в иудаизм в период принятия правителями Хазарского каганата (VIII–X вв.) этой религии.

Наши исследования показывают, что горские евреи и та часть населения, которая называет себя татами, в действительности ныне являются представителями единого горско-еврейского этноса. Что касается татов – иранцев по происхождению, исповедующих ислам и также переселенных иранскими правителями в Дагестан, в предгорья западнее Дербента в раннем средневековье, то они еще в конце XIX – начале XX в. в большинстве своем перешли на азербайджанский язык и считают себя азербайджанцами.

Соседние народы называют горских евреев этнонимами, восходящими к религиозному самоназванию: азербайджанцы, кумыки, даргинцы, аварцы и лакцы – *джувут*, *джуфут*, *жугьут*, табасараны – *жугьуд*, лезгины – *ччувуд* и т.д.

Горские евреи, насчитывающие в Дагестане вместе с другими группами евреев 14,7 тыс. человек (2000 г., оценка) (в 1989 г. лишь 3,6 тыс. человек указа-

Рис. 271. Горские евреи в повседневной одежде. Конец XIX в. (Из личного архива Ибрагимов М.-Р.А.)

Рис. 272. Горский еврей в традиционном костюме. Конец XIX в. (Из личного архива Ибрагимов М.-Р.А.)

ли свою национальность как горские евреи), расселены дисперсно на Прикаспийской равнине. В подавляющем большинстве (98%) они живут в Дербенте, Махачкале, Буйнакске, Хасавюрте, Каспийске, Кизляре. Сельские жители, составляющие около 2% горско-еврейского населения, рассеяны небольшими группами в местах традиционного обитания: в Дербентском, Кайтагском, Магарамкентском и Хасавюртовском районах республики.

За пределами Дагестана горские евреи живут в Азербайджане (города Куба, Баку, Шемаха, селения Красная Слобода, Варташен, Мюджи), в Кабардино-Балкарии (г. Нальчик), в Северной Осетии–Алании (города Владикавказ, Моздок), а также в Москве, Санкт-Петербурге, Пятигорске и других городах России.

До начала XX в. горско-еврейские селения (чаще – кварталы в дагестанских аулах) были расположены преимущественно на стыке равнины и гор в предгорной зоне с самыми лучшими в крае природно-географическими характеристиками: мягким теплым климатом с достаточным количеством осадков (дождей и снегов), плодородными почвами, где произрастала разнообразная растительность, включая южные фрукты и овощи, обширными лесными угодьями, в которых водились различные виды зверей и птиц.

Горские евреи – представители переднеазиатского типа большой европеоидной расы с примесью элементов кавкасионского типа. Антропологические исследования, проведенные К.М. Курдовым в начале XX в., позволили ему сделать вывод о том, что горские евреи сильно смешались с народами, среди которых они живут уже свыше тысячи лет. Дерматоглифические исследования Г.Л. Хить показывают, однако, что “абсолютно изолированное положение занимают горские евреи, отделяющиеся от массы основного населения Кавказа на уровне очень больших различий” (Хить, 1983. С. 101). По мнению другого известного антрополога В.В. Бунака, горские евреи вместе с грузинскими евреями, а также евреями Средней и Передней Азии образуют кавказскую группу евреев (Бунак, 1922. С. 160). Таким образом, антропологический тип горских евреев свидетельствует об их смешанном переднеазиатско-кавказском происхождении, при этом семитские черты сохранились довольно устойчиво, что позволяет и не специалистам выделять их среди соседних народов, в частности татов, с которыми порой неправильно отождествляют горских евреев.

Горские евреи говорят на северокавказском (или еврейско-татском) диалекте татского (правильнее – среднеперсидского) языка, входящего в состав западноиранской подгруппы иранской группы индоевропейской языковой семьи. Первый исследователь татского языка акад. В.Ф. Миллер еще в конце XIX в. дал характеристику двух его диалектов, назвав один мусульманско-татским наречием (на котором говорят собственно таты – один из иранских по происхождению и языку народов), другой – еврейско-татским наречием (на котором говорят горские евреи) (Миллер, 1892. С. XVI). Диалект горских евреев получил развитие и идет по пути формирования самостоятельного литературного языка. Поэтому, когда говорят “татский алфавит”, “татская газета”, “татская литература”, “татский театр”, “татское радио” и т.д., речь идет о письменности, литературе и культуре именно горских евреев, а не собственно татов, поскольку сами таты уже к началу XX в. в основном перешли на азербайджанский язык, считают себя азербайджанцами и пользуются азербайджанской письменностью и литературой (Мусаханова, 1993. С. 6). Хотя в сельском быту часть татов, например, жители селений Джалган и Митаги (Дербентский р-н), продолжает употреблять североазербайджанский (мусульманско-татский) диалект среднеперсидского языка (см. раздел “Таты” настоящей книги).

Татский язык горских евреев имеет следующие говоры: кубинский, дербентский и северокавказский (махачкалинско-нальчикский). Литературный язык горских евреев создан на основе дербентского говора. Лингвистические исследования В.Ф. Миллера, А.Л. Грюнберга и других показывают, что для диалекта горских евреев характерны относительно значительные заимствования из древнееврейского языка.

На язык горских евреев сильное влияние оказали также и иные, прежде всего тюркские языки: азербайджанский и кумыкский. Об этом свидетельствует большое число тюркизмов, встречающихся в их языке. Владение азербайджанским и кумыкским языками, служившими языками межэтнического общения на Восточном Кавказе, открывало возможность широких контактов горских евреев со всеми остальными народами Азербайджана, Дагестана и Северного Кавказа. В несколько меньшей степени среди горских евреев были распространены другие языки: лезгинский, табасаранский, даргинский, аварский. Владя уникальным историческим опытом специфического языкового поведения в диаспорах, горские евреи легко воспринимали языки страны (или селения в условиях полиэтнического Дагестана) проживания в качестве средства бытовой коммуникации. Так, горские евреи Кубы, Дербента, сел. Ньюнди и многих других селений Южного Дагестана свободно владели азербайджанским языком, горские евреи из селений Араг, Мамрач, Карчаг и других – лезгинским, из селений Маджалис, Янгикент, Доргели, Тарки, Аксай, Костек, Хасавюрт и прочих – кумыкским, из селений Маджалис, Мекеги, Дешлагар (Сергокала) и других – даргинским и т.д. Со второй половины XIX в., когда русский язык становится официальным языком Дагестанской области, горские евреи активно осваивают и русский язык. В настоящее время подавляющее большинство горских евреев (86%) свободно владеют русским языком и значительная часть – языками тех народов, вместе с которыми они совместно проживают. Таким образом, практически все горско-еврейское взрослое население, как правило, владело и владеет двумя, тремя и более языками. При этом доля лиц, считающих родным языком язык своего этноса, достаточно велика и достигает 90–92%, что свидетельствует о высоком уровне этнического сознания и сплоченности.

Предки горских евреев, по материалам В.Ф. Миллера, пользовались своеобразной разновидностью еврейского курсива, называемого ими “багдадским письмом”, однако каких-либо текстов этой письменности не сохранилось. Свидетельство бытования древнееврейского языка в Дагестане – ответное письмо хазарского правителя кагана Иосифа испанскому сановнику еврею Хасдаю ибн Шафруту, датированное X в., в котором он рассказывает о своем государстве, о некоторых эпизодах своей жизни, о религии, обычаях и законах. Известно, что государственной религией в Хазарском каганате был иудаизм, и исследователи связывают процесс иудаизации хазар с культурно-экономическим влиянием на них предков современных горских евреев. По утверждению И.Ш. Анисимова, проведшего в XIX в. глубокое исследование горских евреев, в некоторых дагестанских аулах (Ахты, Ругуджа, Мекеги, Аракань и др.) мусульманское население хранило как святыню еврейские книги, перешедшие к ним от предков (Анисимов, 1889. С. 12). О следах существования древнееврейских рукописных книг в Дагестане свидетельствуют пергаментные обложки с надписями на иврите, хранящиеся в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. По материалам Г.Б. Мусахановой – автора капитального труда по татской (горско-еврейской) литературе, имеются сведения о существовании традиции создания местных исторических хроник по истории горских евреев (Мусаханова, 1993. С. 27).

Слабо функционировавшие литературные традиции горских евреев на иврите (Элишагь бен Шомоиль и Ливи бен Миши Нагдиму из Абасава возле Дербента, XVII–XVIII вв. и др.) оказались вытеснены в начале XX в. в связи с созданием татского алфавита, разработанного раввином Эсефом Ютом Пинхасовым (1884–1920) на основе древнееврейской графики (Там же. С. 52). Э.Ю. Пинхасов и Ишая Раввинович (1884–1921) были руководителями первого русско-еврейского начального училища, созданного в Дербенте в 1904 г. В этом училище наряду с изучением религиозных заповедей изучался русский язык, на котором также велось преподавание математики и географии. В начале XX в. издаются первые печатные книги на татском языке с использованием еврейского письма: И. Соapiro “Сионизм” (Вильнюс, 1908), “Молитвенник” (Сидур) (Вильнюс, 1909), “Книга для чтения” (Буйнакск, 1925), “Новая книга первого обучения для учащихся” (Буйнакск, 1927), “Новая школа”: Учебник для малограмотных (М., 1929) и др.

К тому времени был создан новый алфавит на латинской графике, но первая горско-еврейская газета “Захметкеш” (“Труженик”), начавшая выходить в 1928 г. в Дербенте, печаталась на татском языке с использованием ивритской графики, а с 1932 г. перешла на латиницу. В разработке нового алфавита на латинской графической основе с 1928 г. активное участие принимали Н.А. Анисимов, Е. Мататов, Я. Агарунов и другие горско-еврейские просветители. С 1938 г. горские евреи переходят на русский алфавит с дополнительными знаками, которым пользуются до настоящего времени.

Издание газеты “Захметкеш”, алфавитов и художественной литературы и фольклора на татском языке, преподавание его в качестве родного языка в младших классах Дербента сыграли огромную роль в ликвидации безграмотности взрослого населения, повышении грамотности и общего культурного уровня, переустройства их быта и, наконец, в подъеме этнического самосознания горских евреев. В настоящее время татский язык – один из конституционных языков Республики Дагестан, на нем издавался альманах “Ватан советиму” (“Советская Родина”), ныне издаются газета “Ватан” (“Родина”), учебники, художественная и научно-публицистическая литература, ведутся республиканские радио- и телепередачи.

Вопросы происхождения и формирования горских евреев как этноса остаются до настоящего времени дискуссионными. Письменные источники о времени появления еврейской общины на Восточном Кавказе, в частности в Дагестане, весьма скудны: это в основном записки путешественников. Самые ранние достоверные сведения о них мы находим в упомянутом письме-ответе хазарского кагана Иосифа, датированном X в. В середине XIII в. о них упоминает фламандский путешественник В. Рубрук, который фиксирует “много иудеев”, живущих в двух днях пути от Дербента.

Автор первой трети XVII в. А. Олеарий не только зафиксировал горско-еврейскую общину в Дербенте, но и впервые записал предание об их происхождении – “от колена Вениаминова”. Несколько подробнее эта версия их происхождения описана другим автором начала XVIII в. – И.Г. Гербером, который отмечал, что “большая часть из сдешних жидов счисляются от поколения Беньями, и некоторые сами не знают, от которого сие поколение. Рабби, или учителя их, люди простые, однако ж рассказывают, что прадедов их взял в полон и увозил из Ерусалима Маусул падишах, то есть король от маусулии, или киниве, и посланы быть стали в ссылку в Медию в здешних краях, от которых они еще произошли, только не могли умножиться для утеснений, учиняющихся от здешнего народа, и оставляли им только сии малые скудные деревни для их пропитания” (Гербер, 1958. С. 117).

Аналогичные легенды о происхождении горских евреев были записаны И. Черным и А.В. Комаровым в середине XIX в. Так, А.В. Комаров отмечает, что горские евреи в Дагестане начали селиться в конце VIII – начале IX в., а первыми местами их обитания были: в Табасаране – Салах, недалеко от сел. Хучни, а в Кайтаге – ущелье близ Кала-Корейша, еще и теперь известное под именем Жиут-Катта, т.е. Еврейское ущелье. По преданиям, около 300 лет тому назад горские евреи отправились отсюда в Маджалис, а впоследствии часть их перешла в Янгикент. Далее этот автор уточняет, что “евреи, живущие в Темир-Хан-Шуринском округе, сохранили предание о том, что предки их пришли из Иерусалима после первого разорения в Багдад, где жили весьма долгое время. Избегая преследований и притеснений от мусульман, они постепенно переходили в Тегеран, Гамадан, Решт, Кубу, Дербент, Маджалис, Карабудахкент и Таргу; на этом пути во многих местах часть их оставалась на постоянное жительство” (Комаров, 1873. С. 25). Как пишет другой исследователь, воспоминания горских евреев о происхождении из колен Иуды и Вениамина бытуют до настоящего времени, а своей древней родиной они считают Иерусалим (Семенов, 1992, С. 14).

Анализ этих и других легенд, косвенных и прямых исторических данных и лингвистических изысканий позволяет утверждать, что предки горских евреев в результате вавилонского пленения были переселены из Иерусалима в Персию, где, живя среди персов и татов несколько столетий, адаптировались к новой этноязыковой ситуации и усвоили татский диалект персидского языка, который, кстати, происходит, по мнению И.М. Оранского, из юго-западных областей Ирана, т.е. той части Месопотамии, в которой находились предки евреев и после окончания плена. При этом довольно длительное время предки горских евреев были двуязычны: наряду с древнееврейским языком, используемым для внутриэтнического общения и при отправлении религиозных обрядов и ритуалов, они широко употребляли персидский язык, необходимый им при общении с окружающим населением. Примерно в V–VI вв., во времена сасанидских правителей Кавада I (488–531) и особенно Хосрова I Ануширвана (531–579), предки горских евреев вместе с татами как персидские колонисты были переселены на Восточный Кавказ, в Северный Азербайджан и Южный Дагестан для защиты иранских владений от набегов кочевых племен.

Другая причина переселения предков горских евреев в Прикаспий, как отмечает И. Семенов, заключалась в усилившихся религиозных гонениях евреев из-за активного участия их в движении маздакитов в Иране, когда экиларх Мар-Зутра II создал самостоятельное еврейское государство в Иране, и последовавшего в 531 г. разгрома евреев-сепаратистов (Там же. С. 18).

Преследования евреев в Византии в начале VII в., а затем и в начале VIII в. усилили приток их в Дагестан; они бежали в Хазарию, отличавшуюся известной веротерпимостью. С принятием иудаизма в Хазарском каганате в качестве государственной религии в VIII в. наступает кратковременная эпоха стабильного развития горских евреев.

Миграционные процессы предков горских евреев продолжались в течение длительного времени: в конце XIV в. они подвергались гонениям со стороны войск Тамерлана. В 1742 г. горско-еврейские поселения были разрушены и разграблены войсками Надир-шаха, а в конце XVIII в. они подверглись нападению со стороны Казикумухского хана, разрушившего ряд селений (Абасава близ Дербента и др.).

После присоединения Дагестана к России в начале XIX в. положение горских евреев изменилось: с одной стороны, с 1806 г. горские евреи, как и остальные жители Дербента, были освобождены от таможенных пошлин, а с другой –

во время национально-освободительной войны горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля мусульманские фундаменталисты ставили своей целью истребление “неверных”, разрушали и грабили еврейские селения и их кварталы. Жители вынуждены были прятаться в русских крепостях или насильственно обращались в ислам и впоследствии слились с местным населением. Процессы этнической ассимиляции горских евреев дагестанцами сопровождали, пожалуй, всю историю развития их как этноса. Именно в период переселения и первые века пребывания их на территории Северного Азербайджана и Дагестана горские евреи, видимо, окончательно утратили древнееврейский язык, который превратился в язык религиозного культа и традиционного еврейского (слабовозитого) образования.

Ассимиляционными процессами можно объяснить известия многих путешественников средневекового и нового времени, а также данные полевых этнографических экспедиций о еврейских кварталах, существовавших до конца XIX в., в ряде азербайджанских, лезгинских, табасаранских, татских, кумыкских, даргинских и аварских селений; об этом говорит также еврейская топонимика, встречающаяся в равнинных, предгорных и горных районах Дагестана (Джувудаг, Джугьут-аул, Джугьут-булак, Джугьут-куче, Джуфут-катта, Жугьут-Изул-росо, Жугьут къабурлар, Жугьут-тёбе и др.).

Еще более убедительное свидетельство этих процессов – тухумы в некоторых дагестанских селениях, происхождение которых связывается с горскими евреями; такие тухумы зафиксированы в селениях Ахты, Рутул, Карчаг, Усучай, Усуг, Убра, Ругуджа, Аракань, Салта, Муни, Мекеги, Дешлагар, Рукель, Мугатыр, Гимейди, Зидьян, Марага, Маджалис, Янгикент, Доргели, Буйнак, Карабудахкент, Тарки, Кафыр-Кумух, Чирюрт, Зубутли, Эндирей, Хасавюрт, Аксай, Костек и др.

Одним из важных условий ассимиляционных процессов была традиционная дружба и куначество, веками существовавшие у горских евреев с другими народами Дагестана. В постановлениях кайтагского уцмья Рустам-хана в целях ограждения евреев от нападков говорится: “За убийство еврея виновный должен наполнить серебром кожу убитого и дать беку” (Комаров, 1868. С. 86). Формирование горских евреев как этноса со времени их поселения в крае, как справедливо отмечает М.М. Ихилев, проходило в длительном историческом общении и хозяйственно-культурных взаимосвязях с народами Дагестана (Ихилев, 1960. С. 554).

С окончанием Кавказской войны положение горских евреев несколько улучшилось. Российский режим обеспечил им личную и имущественную безопасность, либерализовал существующие в крае юридические нормы, положив конец господству шариата. Горских евреев брали на работу в государственные учреждения, в полицию и другие организации, чего не разрешалось евреям-ашкеназам. “В настоящее время, – писал И.Ш. Анисимов в 1880-е годы, – горские евреи, как отнесенные русским правительством к числу покоренных кавказских горных жителей, пользуются правами горцев, избавлены от воинской повинности, наделяются землею наравне с теми жителями, где живут, платят подати и несут одинаково с горцами повинности натурой” (Анисимов, 1889. С. 183). До конца XIX в. горские евреи не подвергались тем ограничениям в правах, которые выпали на долю их единоверцев в черте оседлости. Однако местные чиновники предпринимали попытки распространить на них антисемитские постановления и указы.

Во время революции и гражданской войны большинство горских евреев оказались на стороне большевиков, так как в них видели силу, способную обеспечить порядок и положить конец притеснениям мусульманских экстремистов, оградить их от русских монархически настроенных казаков, автоматически распространивших на горских евреев свое отношение к евреям из европейской ча-

сти России. Многие горские евреи сражались за установление советской власти: среди них Е. Мататов, участник Октябрьского восстания, И. Бенъяминов, награжденный Орденом Красного Знамени за героизм в гражданской войне. В то время часть горских евреев из-за разрушений их селений и кварталов вынуждена была переселиться в Дербент, Махачкалу, Буйнакск.

В советский период произошли существенные преобразования во всех сферах жизни горских евреев: заметно улучшились социально-бытовые условия, широкое распространение получила грамотность, выросла культура. В 1920–1930-е годы создаются алфавиты и издаются учебники, книги, газета “Захметкеш” горских евреев, активно развивается профессиональная литература, появляются многочисленные любительские театральные коллективы. В 1935 г. основывается профессиональный татский государственный театр в Дербенте (режиссер З. Авшалумов) и т.д.; до 1947 г. в национальных горско-еврейских общеобразовательных школах преподавался родной язык.

Преобразования в хозяйственной жизни, наделение землей в вечное пользование, создание горско-еврейских многоотраслевых виноградно-винодельческих, садоводческих, табаководческих колхозов (имени В.И. Ленина и “Путь коммунизма” в Дербенте, имени Л.М. Кагановича в Маджалисе и др.) сопровождалось кризисом, охватившим горско-еврейскую общину: коллективизация, ограничения кустарных промыслов и ремесел, разгром частной торговли практически уничтожили традиционные еврейские способы зарабатывания на жизнь. Подавляющее большинство (более 90%) горских евреев в предвоенное время уже переселилось в города Дагестана, а в сельской местности осталось менее 1 тыс. человек (1939 г., перепись). Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. значительное число горских евреев, проживавших на оккупированной немецкими фашистами территории Северного Кавказа и Крыма, было уничтожено. Горские евреи, как и другие дагестанцы, храбро сражались за независимость и свободу. За подвиги на фронтах многие горские евреи награждены орденами и медалями, а уроженцы Дербента Ш. Абрамов и И. Илизаров стали Героями Советского Союза.

Созданная в 1920–1930-е годы сеть школ на родном языке, национальных клубов, театров и пресса горских евреев постепенно сворачивается. В 1948–1953 гг. были прекращены преподавание, выпуск газет, литературная деятельность на родном языке. Начиная с середины 1950-х годов публикации на татском языке возобновляются в незначительном объеме.

Особую страницу в истории горских евреев занимают их взаимоотношения с еврейскими общинами Европейской России и связи их с исторической родиной – Эрец-Исраэлем. Первые контакты горских евреев с европейскими (российскими) евреями-ашкеназами, едва намечившиеся в 1820-е годы, были прерваны указом Сената от 30 июня 1825 г. о запрещении евреям селиться в Астраханской и Кавказской областях. Взаимоотношения европейских и горских евреев носили сложный характер. Европейские евреи считали горских “дикими горцами”, обзывали их “быками” и вместе с тем восхищались их способностью постоять за себя, умением скакать на коне, обращаться с оружием. А горские евреи испытывали перед европейскими не только ощущение культурной неполноценности, но и чувство превосходства над евреями-“вольнодумцами”, под воздействием западной цивилизации отходящими от заветов отцов. С возникновением сионистского движения начался реальный процесс сближения других общин. Отношение Советской власти, запретившей сионистскую деятельность, было почти одинаковым к обеим общинам. Растущее ощущение общности судьбы ярко проявилось во время Второй мировой войны, когда на Кавказ стали

прибывать десятки тысяч евреев-беженцев, тепло принятых горскими евреями, а после войны в постепенном росте числа межобщинных браков и совместных действиях активистов движения за репатриацию.

В 1899 г. представители горских евреев участвовали в работе III Сионистского конгресса. В 1900 г. в Дербенте возникла сионистская организация “Бней Цион”. На следующий год в Тифлисе состоялся I Сионистский конгресс евреев Кавказа и с этого времени растет число репатриантов. Примерно с середины 1920-х годов репатриация прекратилась и возобновилась с 1974 г., при этом доля горских евреев была незначительна – 10–15%, а с 1976 г. – более 25% от общего числа репатриантов из СССР (по данным проф. М. Альтшулера). В последние годы, в связи с ростом напряженности в межэтнических отношениях, войнами и конфликтами на Кавказе, отсутствием личной безопасности, неуверенностью в завтрашнем дне многие горские евреи вынуждены принимать решение о репатриации. Поэтому в последнее время из Дагестана в Израиль и другие страны ежегодно выбывает по 1,3–1,5 тыс. горских евреев. Только за 1992–1995 гг. из республики за границу выехали 5080 горских и 1230 европейских евреев. Всего за 10 лет с 1990 по 1999 г. из Дагестана в страны дальнего зарубежья выехало 12 тыс. человек; в основном это горские евреи, эмигрирующие в Израиль (Миграции... 2000. С. 36).

Горские евреи входят в Дагестанскую историко-культурную область, являющуюся частью Кавказской историко-культурной провинции.

Традиционные занятия горских евреев – земледелие, ремесло и торговля, игравшие главную роль или второстепенную в зависимости от конкретной ситуации. Так, по официальным данным губернатора Дагестанской области, в 1866 г. из 5389 горских евреев в сельской местности проживали 4014 человек (74,5%), а в городах – 1375 (8,6%). Однако это не означает, что все эти сельские жители были вовлечены в сельскохозяйственное производство: хлебопашество, рисоводство, мареноводство, табаководство, шелководство и т.д.; одна часть из них была ремесленниками, занимавшимися обработкой кожи, выделкой сафьяна, тканьем, вязанием, а также красильщиками, шапочниками, портными, другая жила за счет торговли, главным образом мелочной (иголки, нитки, краски и проч.), равно как еще одна часть горожан занималась садоводством, виноградарством, виноделием, мареноводством и табаководством, не говоря уже о купцах и ремесленниках, составлявших основную массу горско-еврейских горожан.

Горские евреи выращивали пшеницу, ячмень, рис, овес, полбу, а также горох, чечевицу. Возделывание зерновых и бобовых сочеталось с выращиванием садово-огородных и технических культур. В ряде местностей (Дербент и округа, сел. Маджалис и др.) древним занятием горско-еврейского населения было виноградарство и виноделие. По данным М.М. Ихилова, в дербентских виноградниках выращивалось до 20 сортов винограда. Вплоть до 60-х годов XIX в. отмечались случаи, когда виноградарство как более рентабельное производство вытесняло хлебопашество. Горские евреи вместе с армянами стали основными производителями местных виноградных вин, ибо мусульманское население Дагестана из-за религиозных запретов не могло заниматься виноделием. Садоводство также получило большое развитие у горских евреев: они выращивали тут, инжир, сливы, абрикосы, персики, миндаль, алычу, яблоки, груши, грецкий орех, вишню, черешню и др. Народные приемы селекции позволяли создавать устойчивые и урожайные сорта фруктовых деревьев и винограда. Из технических культур они выращивали марену (до изобретения синтетического ализарина), табак, разводили шелкопрядов. Огородничество и бахчеводство (арбуз, дыня, лук, зелень, капуста и др.) у горских евреев носило подсобный характер.

Весьма слабое развитие у них имело разведение мелкого рогатого скота и птицы. После земледелия и садоводства (включая разведение виноградных и фруктовых садов, культивирование марены и табака), по свидетельству И.Ш. Анисимова, на третьем месте стояло кожевенное дело, а также занятия шелководством и приготовление сыра и масла (Анисимов, 1889. С. 195).

Значительное место в жизни горских евреев-горожан, не имевших земли, занимали мелкая торговля и посредничество при торговых сделках. “В торговых делах, – пишет А.В. Комаров, – они постоянно служили посредниками между горцами и жителями плоскости, поэтому селились преимущественно в тех местах, где оканчивается равнина и начинаются горы, как, например, Дженгутей, Дургали, Маджалис, Маграга, Куарчаг, Мамрач, Ханджал-кала” (Комаров, 1873. С. 25).

В городах купцы имели свои лавки, часть горских евреев объезжала практически все, включая и горные, селения Дагестана, предлагая населению мелкие товары широкого потребления, мануфактуры и др. Горские евреи работали также на рыбных промыслах.

По материальной культуре горские евреи близки соседним народам. Они имеют почти одинаковую с ними строительную технику, планировку жилищ (с некоторыми особенностями в интерьере), орудия ремесла и сельскохозяйственного производства, оружие, украшения. Собственно горско-еврейских селений было немного: Ашага-Араг (Джугут-Араг), Джугут-катта, Мамраш (Мамрач), Ханджал-кала, Ньюнди (Мюшкур), Джараг, Ньютиг, Аглаби, Хош-мензиль, Янгюрт (Ньюнди). Большая часть евреев проживала в отдельных мяхляля (квартал) в дагестанских селениях и городах, особенно в Дербенте. В середине XIX в. горские евреи проживали в 29 населенных пунктах Дагестана и насчитывали 1222 дома (хозяйств).

Традиционные жилища горских евреев, как и у соседних предгорных народов, были каменными и состояли из двух–трех комнат (мужская, гостевая, женская). Горские евреи заимствовали тип одежды у окружающих народов. Так, еще в середине XIX в. А.В. Комаров обратил внимание, что “женщины носят одежду персидского покроя” (Там же. С. 25).

Различия в пище горских евреев были продиктованы религиозными требованиями: запрещалось употреблять мясо животных и птиц, зарезанных не равнином, нельзя было есть свинину и конину, запрещалось одновременно употреблять мясную и молочную пищу, существовали дни, когда не разрешалось есть мясо. Весьма популярной пищей горских евреев была рыба (вяленая, соленая, копченая, жареная, отварная, фаршированная и пр.), а также зелень, которую, как и рыбу, они употребляли ежедневно. Излюбленными блюда горских евреев изготавливаются из курятины, баранины, риса и различных овощей. Часто используются острые приправы из слив, алычи, терна, а также лук и чеснок. Самыми распространенными мясо-мучными блюдами являются тара, ягны, буглеме (мясо с овощами), хое-гушт (тушеное мясо с луком, приправами, залитое большим количеством яиц), япрагы (долма), хинкал, плов из риса, пшеничные каши, разновидности пельменей. Вплоть до конца 1950-х годов горские евреи предпочитали выпекать хлеб в специальных печах-тону. Большое влияние на горско-еврейские традиции питания оказали и иранская, и азербайджанская кухня.

Основным типом семьи у горских евреев примерно до первой трети XX в. была большая неразделенная трех- и четырехпоколенная семья. Численный состав таких семей колебался от 10 до 40 человек. Большие семьи, как правило, занимали один двор, в котором у каждой отдельной семьи имелись свои дома или несколько изолированных комнат. Главой большой семьи являлся отец, ко-

Рис. 273. Горские евреи в традиционных костюмах. Конец XIX в. (Из личного архива Ибрагимова М.-Р.А.)

Рис. 274. Горская еврейка с водоносным кувшином. (Из личного архива Ибрагимова М.-Р.А.)

Рис. 275. Горские евреи из Темир-Хан-Шуры. (Из кн.: "Русский антропологический журнал". М., 1905. № 4. С. 59)

Рис. 276. Горский еврей Дагестанской области. (Из кн.: "Русский антропологический журнал". М., 1905. № 4. С. 69)

Рис. 277. Горские евреи из Темир-Хан-Шуры. (Из кн.: "Русский антропологический журнал". М., 1905. № 4. С. 73)

Рис. 278. Горские еврейки Дагестанской области. (Из кн.: "Русский антропологический журнал". М., 1905. № 4. С. 77)

тому все должны были подчиняться. Он определял и организовывал исполнение решений всех первоочередных хозяйственных проблем семьи. После смерти отца главенство осуществлял старший сын.

Несколько больших семей, происходивших от одного предка, образовывали тухум или тайпе. Существовало строгое половое и возрастное разделение труда. Женщины и девушки вели замкнутую жизнь, стараясь не показываться посторонним. Большое значение придавалось трудовому, нравственному и физическому воспитанию детей и подростков, у которых вырабатывались такие качества, как трудолюбие, усердие в достижении цели, уважительное отношение к старшим, умение адаптироваться к новым условиям, оптимизм. Горским евреям, как отмечали наблюдатели, присущи сметливый ум, находчивость, надежность в партнерстве, поиски компромиссных решений и т.п. Гостеприимство и куначество были жизненно важными общественными институтами, помогавшими горским евреям выдерживать многочисленные притеснения. Институт побратимства с соседними народами также являлся своего рода гарантом поддержки горских евреев со стороны окружающего населения. В общественном быту сохранялись обычаи взаимопомощи (*кумеки*), кровной мести.

Большое влияние на семейный быт и иные стороны социальной жизни оказывала иудейская религия, регулировавшая семейно-брачные отношения и другие сферы. Религия запрещала горским евреям вступать в брак с иноверцами. Иудаизм разрешал многоженство, однако на практике двоеженство наблюдалось главным образом среди зажиточных слоев и раввинов, особенно в случае бездетности первой жены. Права женщины были ограничены: она не имела равной доли в наследстве, не могла развестись и т.д. Браки заключались с 12–15 лет у девушек и 17–18 лет у юношей, как правило, между двоюродными или троюродными братьями и сестрами; распространение получили институты левирата и сорората. За невесту платили “калым” (деньги в пользу ее родителей и на покупку приданого). Сватовство, обручение и особенно свадьбу отмечали весьма торжественно; при этом обряд венчания происходил прежде во дворе синагоги, затем начинался свадебный ужин и поднесение подарков молодым. Наряду с традиционной формой брака по сговору существовал брак похищением (умыканием).

Рождение мальчика считалось большой радостью и встречалось торжественно, принимались даже специальные меры, чтобы женщина, забеременев, родила именно мальчика. На восьмой день над мальчиком совершался обряд обрезания (*милло*) в ближайшей синагоге (или дома, куда приглашался раввин). Горские евреи, рассматривая обрезание как большой семейный праздник, практиковали его и при советской власти. Сейчас этот обряд совершают хирурги в клиниках. После обрезания и наречения имени (как правило, старших предков по отцовской линии) в синагогальном дворе устраивали торжественный пир с участием близких родственников, соседей.

Похоронные обряды совершались в соответствии с установками иудаизма; вместе с тем прослеживаются следы языческих ритуалов, характерные для соседних тюркских народов раннесредневекового Дагестана.

Верующие горские евреи – иудаисты: у них, как и у остальных евреев, этническое и религиозное самосознание слиты воедино, поэтому переход их в другую религию рассматривался как переход в другой народ. Религиозные обряды, имеющие специфические черты, совершались в синагоге (*нумаз*) во главе с раввином (*рабби*). Они же обучали детей основам иудаизма и просвещения в школах при синагоге (реже – в частных платных школах), которые имелись почти во всех населенных пунктах, где жили горские евреи. В середине XIX в. в Даге-

Рис. 279. Горские евреи из Темир-Хан-Шуры. (Из кн.: “Русский антропологический журнал”. М., 1905. № 4. С. 83)

стане насчитывалось 27 синагог и 36 училищ (*нубо хунде*). Главным раввином города, председателем религиозного суда и руководителем высшего религиозного училища (*иешива*) являлся *даян*, которого избирали руководители еврейской общины.

Иудейская религия горских евреев сильно переплетена с языческими представлениями и обрядами, характерными для соседних народов. Мир считался населенным множеством духов, вредящих или благоволящих человеку. Наиболее значительные из них – Нум-Негир (владыка путников и семейной жизни), Иле-Нови (Илья-Пророк), Ождогое-Мар (домовой), злые духи Дедей-Ол (злое божество, гроза рожениц), Сер-Ови (водяной) и Шегаду (нечистый дух, сводящий с ума, сбивающий человека с пути истины). В честь духов осени и весны Гудур-Бой и Кесен-Бой устраивались праздники; праздник Шев-Идор посвящен властителю растительного царства Идор; обряды вызова дождя – “Земирей” (ниспослатель дождя), “Гудил”; отмечали “Шаами весал” (“Светоч огней”) и др.

У горских евреев сохраняются такие религиозные традиции, как обрезание, ритуальные требования к пище (“кошерное” и “трефное”), приготовление мацы, обряд совершеннолетия (*бар-мицва*). Отмечаются (соблюдаются) следующие праздники: Нисону (Пейсах, Пасха), Асельте (Шавуот), Рушо-шуне (Рошашана; Новый год), Аравои (Кушей), Кипур (Йом-Киппур, Судный день), Гомуну (Пурим, праздник карнавала и забвения обид) и др.

Фольклор горских евреев отличается многообразием жанровой системы, живостью и богатой образностью языка. Значительное развитие в нем получила песенная лирика, особенно красочна свадебная обрядовая поэзия, художественной образностью отличаются жанры плачей и причитаний. Популярностью пользуются лирико-романтический эпос по мотивам художественных жемчужин Востока,

который воспринимается как собственный (“Асли и Керем”, “Лейли и Меджнун”, “Одигюзель”, “Кёр-Оглы”, “Шахсенем и Ашуг-Гариб” и др.). Большой самостоятельный пласт составляют сказки (*эвосуне*): волшебные, богатырские, авантюрные, бытовые, сказки о животных и др. Широко распространены предания и легенды, притчи и анекдоты. Немалой популярностью у горских евреев пользовались ашуги, сказители, сказочники. Из недр фольклора, в частности ашугства, выросла литература горских евреев. Наиболее известными горско-еврейскими поэтами и писателями являются Ю. Семенов, М. Бахшиев, М. Дадашев, Д. Атнилов, Х. Авшалумов, С. Изгияев и др.; пользуются популярностью журналисты Ф. Бахшиев, Н. Гилядов и др.

Горские евреи принимали и продолжают принимать активное участие в культурной и научной жизни страны: в их числе проф. И.А. Анисимов, академик, лауреат Ленинской премии и Герой Социалистического труда Г.А. Илизаров, доктора и кандидаты наук Д. Бахшиев, А. Ханукаев, М.М. Ихтилов, Г.Б. Мусаханова, М.А. Якубов, член Госсовета Республики Дагестан Л.Х. Авшалумова, Т. Израилов, удостоенный звания “Народный артист СССР”, народная артистка Дагестана М. Шербатова, известные хореографы братья Иосиф и Шалуми Матаевы, заслуженный деятель искусств Дагестана Х. Ханукаев, композиторы Д. Ашуров, В. Шаулов, музыканты и певцы А. Авдалимов, М. Рабаев, М. Матаева, Г. Сосунов, художники М. Мушаилов и Э. Акулаев, скульпторы З. Азгур, Т. Мусаханова и А. Ягудаев и др. Почетное звание Героя Социалистического труда одной из первых женщин Дагестана было присвоено колхознице Гюльбор Давыдовой. Горские евреи дали стране двух Героев Советского Союза и семь Героев Социалистического Труда.

В последние годы стали известны государственные деятели – министр энергетики РФ И.Х. Юсупов, президент Гильдии российских адвокатов, акад. РАЕН, депутат Государственной Думы РФ Г.Б. Мирзоев, ученые – крупный архитектор, лауреат Государственной премии Ю. Рабаев, шекспировед проф. И.М. Гиллилов, чл.-кор. РАН, член Академии космонавтики, заместитель директора Института кибернетики Г.С. Осипов.

ТАТЫ

Таты – субэтническая общность в Дагестане и Азербайджане, основная часть которой находится в Иране (свыше 300 тыс. человек), близкая к персам по языку и культуре (*Люшкевич*, 1972. С. 76). Численность татов в Дагестане, по переписи 1989 г., – 12,9 тыс. человек, однако в это число входит, несомненно, и часть горских евреев, называющих себя татами. Этноним “тат” – термин тюркского происхождения, данный кочевниками-тюрками оседлому ираноязычному населению. Верующие таты – в основном мусульмане-шииты, есть среди них и сунниты.

В Дагестане таты были расселены в предгорной зоне, западнее г. Дербента (и в самом городе), более всего в селениях Джалган, Митаги, Камах, Рукель, Зидьян, Бильгады, Мугарты, Гимейди, а также в новых населенных пунктах Хазар и Нижний Джалган. Они живут в них, смешавшись с местным азербайджанским населением, в подавляющем большинстве считают себя (на бытовом и официальном уровне) азербайджанцами. В своих семьях и в селениях Верхний Джалган и Верхний Митаги таты говорят на родном языке, а в остальных селениях – на азербайджанском. В местных школах дети из татских семей в качестве родного языка изучают азербайджанский.

В антропологическом отношении таты относятся к малой переднеазиатской расе большой европеоидной расы. Говорят они на южном диалекте татского языка, который относится к северо-западной иранской группе индоевропейской семьи языков (Миллер, 1929. С. 10).

Район расселения татов – это прибрежная полоса Юго-Восточного Дагестана и примыкающее к нему предгорье. Собственно в прибрежной полосе таты стали жить с 1960–1970-х годов, с появлением Нового (Нижнего) Джалгана. В целом в районах обитания это сильно пересеченная местность с глубокими оврагами с крутыми и обрывистыми берегами. Лесные массивы здесь разбросаны небольшими участками, в них встречаются дуб, граб, липа, ясень, клен и другие деревья, густые кустарниковые заросли. Природно-климатические условия в значительной степени предопределили направление хозяйственной деятельности татов – земледелие и скотоводство.

До Октябрьской революции таты использовали в качестве письменного языка персидский, незначительная часть их владела арабским языком и грамотой. В последующие годы их язык оставался бесписьменным.

Примерно с конца 1950-х годов и до настоящего времени татами нередко называют и горских евреев, что создает в этом вопросе путаницу и значительные сложности. Так, в предвоенные годы оба этнонима считались идентичными, и к концу 1970-х годов более трети горских евреев относили себя к татам, к концу 1980-х годов процесс этот прогрессировал, а в последующий период начался обратный процесс в горско-еврейской среде. Это далеко не случайные явления, поскольку здесь прослеживается прямая связь с определенными антисемитскими настроениями в советской среде (официальной и бытовой), с реструктурными явлениями и демократизацией общественной жизни и общественных отношений, с новой волной подъема этнического самосознания народов и др. Как раз в 1970–1980-е годы были предприняты значительные усилия подвести научную базу под надуманный тезис “таты и горские евреи – это этногенетическое единство, искусственно разделенное по конфессиональному признаку”.

До второй половины XIX столетия таты входили в состав населения Кайтагского уцмийства и Табасаранского майсумства. С 60-х годов XIX в. они вместе с другими дагестанцами вошли в состав Дагестанской области (в Кайтаго-Табасаранский округ) Российской империи.

На территории Дагестана таты расселены в удобных для земледелия районах равнинного приморья и предгорья. Это не могло не повлиять на земледельческую направленность традиционных занятий народа.

Во II – начале I тыс. до н.э. в Юго-Западной Азии, в частности на Иранском нагорье, происходили мощные миграционные волны кочевников-скотоводов. Сложившиеся в результате этого племенные союзы включали в свой состав наряду с местными также и пришлые этносы. Ряд исследователей считает неслучайными генетические параллели татского языка с языками этносов Восточной Мидии (И.М. Дьяконов, Ж.Г. Галотвин, М.Е. Мататов). Появление татов на Кавказе, в частности в Дагестане, связано с экспансией Сасанидов на Восточный Кавказ. С целью обезопасить северные границы от вторжения кочевников иранские властители разместили здесь укрепленные поселения, население которых – воины-колонисты – служило серьезным ограждением от беспокойных соседей. В 387 г. по договору с Византией Иран держал на Кавказе укрепленные поселения и крепости. Предки современных татов на Кавказе как раз и были этими колонистами. Элементы этногенетических связей в какой-то степени сохранились лишь в языке и религии. С периода раннего средневековья в обла-

сти духовной и материальной культуры татов преобладают общедагестанские черты с весьма заметным влиянием традиционной культуры азербайджанцев.

Однозначного мнения в отношении состава татского этноса в историко-этнографической литературе все еще не сложилось. Так, вслед за И. Черным М.В. Мататов, Х.Д. Авшалумов и другие считают, что этноним “таты” объединяет татов-иудаистов (больше известных как горские евреи), татов-мусульман (здесь – собственно татов) и татов-григорян (армяно-григорян, живущих в основном за пределами Дагестана). Иные исследователи вслед за И.Ш. Анисимовым полагают, что таты и горские евреи – это два самостоятельных этноса, различных по происхождению, языковым особенностям, вероисповеданию и культуре (М.М. Ихиллов, Г.Б. Мусаханова и др.).

Официальные переписи сведений о динамике численности татов не дают, так как упомянутая выше путаница мешала получению объективных данных. Кроме того, многие таты записывались как азербайджанцы, что никак не способствовало прояснению хотя бы исходных данных демографической ситуации.

Говоря о татах, следует отметить, что основным видом их традиционного хозяйства являлось земледелие. Из злаков выращивалась главным образом пшеница, с XIX в. – кукуруза. Хорошо были развиты садоводство, виноградарство, бахчеводство, огородничество, большое место занимало, особенно в 40–70-е годы XIX в., мареноводство. Значительная часть сельскохозяйственной продукции поступала, как правило, на рынок. Кроме того, таты содержали крупный рогатый скот (быков, коров, буйволов) и овец, разводили птицу. Многие таты в осенне-зимний сезон нанимались работниками на нефтяные и соляные промыслы, подрабатывали в рыболовецких ватагах. Домашние промыслы и ремесла были развиты. Заметное распространение среди татов получили ковроткачество (рукельские ковры – одни из лучших в Южном Дагестане), сукноделие, шелководство, выделка кожи и сафьяна, производство древесного угля. Таким образом, таты представляли собой тип оседлых земледельцев и стационарных скотоводов. Как и другие народы Дагестана, они входят в Дагестанскую историко-культурную область, в свою очередь являющуюся частью Кавказской историко-культурной провинции.

В 30-е годы XX в. таты, как и другие дагестанцы, были организованы в колхозы, где трудились бок о бок с азербайджанцами, даргинцами, кумыками, табасаранами, горскими евреями и др. Современная экономика сельского татского населения вливается в местный агрокомплекс, являющийся составной частью агропромышленного комплекса Республики Дагестан. Незначительное число городских татов, главным образом дербентских, а также проживающих в Махачкале, Хасавюрте, Избербаше и других городах и поселках, из общей массы городского населения ничем не выделяются.

В социальном отношении таты Дагестана занимали промежуточное положение между лично свободными узденями и зависимыми раями. Как и уздени, они имели собственность (пахоту, сенокос, скот, дом с хозяйственными постройками и имуществом и др.) и не несли повинностей типа барщины или услуги феодалу. Но в отличие от узденей, они не имели права на пай из общественных земель (пахоты или сенокоса), обязывались делать феодалу “подношения” и несли иногда повинности типа подводной и вестовой. Семьи татов объединялись в родственные коллективы, каждый из которых имел свое представительство (старейшину) перед джамаатом. В вопросах, не касавшихся распределения пастбищ и сенокосов, совершеннолетние таты были равноправными членами сельских сходо-джамаатов. Функции судей у них выполняли собственные старейшины. Если дело выходило за рамки внутриэтнических отношений, оно

разбиралось старейшинами джамаата с участием старейшины-тата. Судопроизводство было основано на нормах обычного права (адатах) и на шариатских нормах мусульманского права. В социальном отношении таты между собой были равны, хотя имущественная дифференциация в их среде зашла уже далеко.

Условия социальной и политической жизни веками выработывали у татского населения внутриэтническую сплоченность и некоторую отчужденность по отношению к иноэтническому окружению. Скупость в средствах мимики и жестов, в средствах речевого общения, эмоциональная сдержанность в какой-то степени выделяет тата из общедагестанской среды и в наши дни. Неторопливые и даже откровенно медлительные сельчане склонны проявлять удивительную трудоспособность, трудолюбие при работе в поле, в саду, в хозяйстве, в общественном производстве.

Основной формой семьи была малая семья. Неразделенные семьи в среде татов – явление чрезвычайно редкое. Глава семьи – мужчина, муж и отец. В случае отсутствия главы (отход, торговля) его функции автоматически переходили к старшему сыну. Традиционно многодетность у татов приветствовалась, однако число детей в семье не превышало, как правило, трех–четырёх человек, в подавляющем большинстве семей было два–три ребенка. Женщина (жена, дочь, сестра) по отношению к мужчине (мужу, отцу, брату) занимала подчиненное положение. Авторитет главы семьи высок и непререкаем. В современной семье отношения супругов строятся на основе равноправия и взаимного уважения. Главой семьи по традиции продолжает оставаться мужчина. Его авторитет перед детьми хотя уже и не несет следов патриархальной авторитарности, все еще достаточно высок.

В татской среде кроме брака посредством сватовства традиционно бытовали браки похищением, обменный брак, колыбельный стговор, обручение малолетних, формы левирата и сорората. Сторона жениха выплачивала родителям невесты калым в вещевом или денежном выражении. Состав и размер калыма оговаривался до свадьбы. Кроме того, по обычаю жених платил матери невесты “молочные деньги”. Предпочтение отдавалось бракам между двоюродными, троюродными и четвероюродными братьями и сестрами и другими родственниками. Как невеста и жених, так и молодые супруги неукоснительно придерживались обычаев избегания и семейных запретов: невеста избегала встреч с родственниками и родственницами жениха (мужа), не называла мужа и его родственников по именам, не подходила к мужу с вопросом или по делу в присутствии посторонних и т.д. Обычаев избегания и запретов придерживался также и жених. Браки между родственниками бывают и в наши дни, но все реже и реже. Калым как таковой в наши дни выплачивается реже, чаще соблюдается обычай делать невесте дорогие свадебные подарки (одежда, украшения, утварь и пр.). Семейные запреты и избегания своего значения не утратили, хотя они сейчас и бытуют в упрощенном и менее жестком варианте.

Как и некоторые другие группы населения Дагестана (горские евреи, кубачинцы, губденцы, балхарцы), таты представляли собой относительно закрытую субэтническую общность: внеэтнические браки у них были крайне редким явлением. В последующем, с конца XIX – начала XX в., таты стали активно смешиваться с азербайджанцами Дагестана и, как уже указывалось, в значительной степени ассимилированы ими. И в наши дни таты находят своего брачного партнера преимущественно внутри этноса или в азербайджанской среде.

Рождение ребенка считалось радостным событием в семье, в кругу родственников. Рождение мальчика, особенно первенца, торжественно отмечалось в семейно-родственном кругу. Большую радость испытывала семья и при рождении

мальчика после девочки, тем более – после двух и более девочек. Однако выказывать сожаление, горе, роптать при рождении девочки по морально-этическим нормам не полагалось; к отцу новорожденной и его родственникам это относилось в большей степени, чем к матери и ее родственному окружению. Новорожденного не купали, а обтирали куском влажной шерстяной материи, смачиваемой в чуть подсоленной воде, после чего тело ребенка, за исключением головы, протиралось тампоном из мягкой материи, ваты, пропитанной топленным маслом. В теплой воде ребенка периодически купали только после 36-дневья или 45-дневья. Мальчик проходил обряд обрезания в период от 3 до 30 дней со дня рождения. Все последующие циклы детского возраста (укладывание в люльку, наречение имени, обряды, связанные с первой стрижкой, с появлением и выпадением первого зуба, с первым шагом ребенка и др.) татами отмечались примерно так же, как и другими народами Дагестана. У татов соблюдался обычай одаривания новорожденной предметами женской одежды для взрослого человека (с подтекстом, как нам объяснили: “пусть девочка живет долго”).

Однотипны с обрядами и обычаями других народностей Дагестана и составные похоронно-погребально-поминального обряда татов. Можно отметить лишь, что здесь предпочтение отдавалось захоронению не в нише – подобие могилы, а в невысоком (35–40 см) каменном ящике в могиле, перекрываемом каменными же плитами.

Традиционное жилище татов – это саманное, саманно-каменное, иногда каменное одно- или двухэтажное строение с плоской крышей и открытой верандой (во всю длину строений). Жилище, как правило, выходит наружу (на улицу, в проулок) глухой стеной: окна, двери, веранды были обращены внутрь двора. Значительное место в строительном деле отводилось турлучным конструкциям: турлучными могли быть внутренние перегородки жилого помещения, турлучными были в основном и хозяйственные помещения, загоны, ограда и др. Рядом с домом находились хозяйственные службы: хлев, сеновал, складские помещения, курятники и пр. Почти в каждом дворе имелась емкость с запасом воды для полива, иногда это был небольшой, обложенный камнями бассейн. Здесь же, под легким навесом, размещался род летней кухни с тандыром для выпечки хлеба. Как правило, небольшой приусадебный огород и сад в несколько деревьев составляли единый комплекс усадьбы за общей изгородью.

Внутреннее убранство традиционного жилища состояло из разостланных паласов и ковров, пуфиков и подушек, спальных принадлежностей, кухонной утвари, а также развешанных по стенам одежды, оружия, конской сбруи и пр.

В традиционной одежде татов отразилось заметное влияние азербайджанской культуры. Мужчины носили рубахи и узкие штаны из домотканого сукна, с XIX в. рубахи шились уже преимущественно из сравнительно дешевых фабричных тканей. Верхней плечевой одеждой служил архалук, нередко череска с газырями. Овчинных шуб таты не носили. Голова покрывалась овчиной папай, на ноги надевались сапоги с высокими или укороченными голенищами. Женщины носили длинные туникообразные рубахи и широкие в шаге штаны. Среди женщин распространены были и отрезные по талии модели платьев, а также распахнутое сверху донизу приталенное платье с длинными широкими рукавами и широкой юбкой. Женский архалук, нередко стеганный на вате (зимний вариант), шился в основном из дорогих тканей – шелка, бархата, парчи. Голова покрывалась чепцом-накосником чухту, украшенным у девушек и молодых женщин серебряными монетами, цепочками и розетками. На чухту надевался легкий шерстяной или шелковый платок, поверх которого набрасывался большой по размерам тяжелый платок, нередко с бахромой. Длинная и широ-

кая шаль, укутывавшая женщину с ног до головы, довершала убор. На ногах женщины носили сафьяновые, бархатные, парчовые башмаки с каблуками и без них. Женщины-татки любили украшать себя бусами, кольцами, перстнями, браслетами, серьгами, ожерельями, изделиями типа колье, кулона и т.д. – золотыми и серебряными.

Пища татов была разнообразной: мучной, мясной, молочной. Квашеный хлеб пекли в тандыре, неквашеный – на плите или сковороде. Распространены были разного рода супы: на мясном бульоне, с курицей, овощные, молочные, суп с лапшой и др. Нередко к столу подавались постные пловы, приправленные муссами, сиропами, молочными, овощными и плодовыми подливами. Нередко блюдом у татов был и хинкал с чесночной, бульонной или кисломолочной подливой. Обильно потреблялись овощи, фрукты, огородная зелень. Из фруктов на местах изготовлялся довольно крепкий спиртной напиток типа араки. Специфическая особенность национальной кухни татов – тяготение к специям, пряностям, соленьям и маринадам. Особенно широкое потребление, к примеру, получил маринованный, очень острый стручковый перец.

В основе традиционной этики поведения татов лежало стремление продемонстрировать уважительно-доброжелательное отношение к собеседнику, встречному, не теряя при этом своего достоинства. Уважительное отношение к старшему вообще, в частности к старшему родственнику, лежало во главе угла норм общественного поведения.

Согласно сложившимся нормам, группа беседующих татов как бы совершенно не замечала проходящей мимо женщины, девушки. Тем не менее, при ее приближении шутки и смех на время прекращались, прерывался разговор. Возобновлялось прежнее общение после некоторого отдаления проходящей. Впрочем, правила благовоспитанности требовали от девушки или молодой женщины обходить по возможности стороной подобные собрания. С детских лет подрастающему поколению прививались такие чувства, как учтивость, сдержанность в речах и поступках, скромность, доброжелательное отношение к односельчанам и родственникам и др.

В духовной культуре народа много общедагестанских черт, наблюдается здесь также и азербайджанское влияние. Последнее наиболее отчетливо отразилось в фольклоре. У татов-мусульман были примерно те же рудименты домотеистических представлений, что и у остального большинства дагестанцев (черти, джины, девы, оборотни, духи гор, рек, полей, лесов и т.д.).

Как и другие мусульмане Дагестана, таты-мусульмане торжественно отмечали и отмечают сейчас такие религиозные праздники, как день поминования родных и день окончания поста: люди одеваются в праздничные одежды, посещают родных, близких и односельчан с подарками и поздравлениями, устраивают коллективные моления и трапезы и пр. В начале третьей декады марта празднуются дни начала весны: накрываются праздничные столы, разжигаются костры, исполняются песни и танцы, повсюду царят шутки, смех и розыгрыши. Согласно полевым данным, до начала первых десятилетий XX в. в татской среде бытовал обычай сжигания на новогодних кострах небольшого антропоморфного соломенного чучела, в чем усматривается прямая связь с доисламскими представлениями.

Народные лекари знали целебные свойства многих культурных и диких растений и успешно использовали эти знания в лечебной практике. Песенный фольклор по мелодике и содержанию несет печать азербайджанского влияния. Плачи и причитания по покойному звучали как на татском, так и на азербайджанском языках.

Современные таты посредством русского и азербайджанского языков приобщены к культурным достижениям мировой цивилизации. Огромна тяга подрастающего поколения к учебе, знаниям. По приблизительным подсчетам, почти 25% выпускников средних школ продолжает учебу в вузах республики, до 40% их поступает в средние специальные учебные заведения.

РУССКИЕ

Общие сведения. На языках народов Дагестана названия русских имеют сходное звучание: *гурус* – *гурусал* (авар.), *урус-урусун* (дарг.), *урус-урусар* (лезг.), *орус-оруслар* (кум.), *оьрус* (обе формы, лак.), *урус-урсар* (табас.), *оври-си-оврсий* (чеч.).

Говорят русские на языке восточнославянской подгруппы славянской группы индоевропейской семьи языков. В бывшем СССР и в нынешней Российской Федерации русский язык стал языком межнационального общения, а также инструментом приобщения к достижениям русской и мировой культуры. Это обстоятельство оказалось особенно важным для Дагестана с его этнической и языковой пестротой. Большинство верующих – христиане православного толка, в том числе старообрядцы; есть баптисты, адвентисты седьмого дня.

Согласно последней переписи (1989 г.), число русских в Дагестане составляло 165,9 тыс. человек, т.е. более 9,2% от всего населения республики (Национальный состав... 1990. С. 128).

В Дагестане русские расселены в Тарумовском, Кизлярском, Бабаюртовском, Хасавюртовском, Кизилюртовском, Буйнакском и Дербентском районах. Проживая в перечисленных районах совместно с дагестанцами (преимущественно) и другими народами, в первых двух они составляют подавляющее большинство населения и значительную ее часть в двух последующих. Кроме того, русские проживают в городах Кизляр, Махачкала, Каспийск, Хасавюрт, Кизилюрт, Избербаш, Буйнакск, Дербент. Зона их расселения – это прежде всего прикаспийская плоскостная часть Дагестана, наиболее обеспеченная сельскохозяйственными угодьями, климат ее характеризуется продолжительной не холодной зимой и жарким засушливым летом. По преимуществу это территории влажных ветров в осенний и весенний периоды и суховея в летний период, с большим числом солнечных дней.

Основные этапы переселения. Русско-дагестанские связи имеют длительную историю и уходят в глубь веков. Еще средневековые арабоязычные и западноевропейские авторы – ал-Масуди, ибн-Хаукал, ал-Истахри, ибн-Хордадбех, Плано Карпини, Рубрук, Контарини, Барбаро и другие писали о торговых и военных связях Дагестана с Русью. Самое раннее известие о пребывании русов на территории Дагестана, как считает А.Р. Шихсаидов, – сообщение Белани о появлении русов в районе Дербента в 643 г. О контактах между дагестанцами и русскими в XIII–XIV вв. сообщают, опираясь на богатую источниковую базу, Р.М. Магомедов, В.Г. Гаджиев и др.

Интенсивное формирование русской национальной диаспоры в Дагестане относится ко второй половине XIX – началу XX в. и связывается главным образом с переселенческой политикой правительства России, хотя отдельные группы русского населения стали оседать в крае с XVI в.

Более или менее заметное переселение русских на Кавказ происходит еще раньше, примерно с XIV в. С образованием на Северном Кавказе так называемых казачьих городков с русским населением к ним стали переселяться выход-

цы из Дагестана, Кабарды, Чечни и других мест. Между русскими переселенцами и горцами Северного Кавказа установились тесные связи на взаимовыгодной основе. Кавказцы производили сельскохозяйственные орудия, хозяйственный инвентарь, в которых нуждались казаки. Последние покупали или обменивали у горцев лошадей, овец, крупный рогатый скот, продукты земледелия и скотоводства.

Новый период в истории заселения русскими Северного Кавказа наступает с XVIII в. Особенность этого периода – наряду со стихийным началось и правительственное заселение края.

Заселение русскими территории Дагестана в XVIII в. связано, в частности, с деятельностью Петра I. В период Персидского похода и в последующее время был заложен ряд опорных пунктов и укреплений вдоль побережья Каспия. В 1722 г. сооружены укрепления и крепость на Аграхани, а также по берегам рек Сулак, Рубас и Орта-Бугай. К 1724 г. завершилось строительство крепости Святой Крест, куда были переселены жители Терского городка и воинский гарнизон. Прибывшая сюда тысяча конных и пеших казаков поставила свои укрепленные городки на р. Аграхани. Позднее переселенная в этот регион тысяча семей донских казаков построила станицы Каменка, Кузьминка и Прорва. Таким образом, русское население Дагестана в первой четверти XVIII в. состояло из служилого люда регулярного войска, заселивших крепости и укрепления (Аграхань, Тарки, Святой Крест, Дербент, Рубас, Бойнак и др.) и территории терских (частично донских) казаков, которые жили в низовьях Сулака, Терека и Аграхани.

Заселение русскими Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, усиливается с образованием Кавказской губ. (1775 г.), Кавказского наместничества (1786 г.). Возникают новые крепости, станицы, города. Правительство начало кампанию по переселению на Северный Кавказ значительного числа русских семей с целью учредить здесь, по словам Г.А. Потемкина, “виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, хлебопашество” (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 285).

К моменту образования в 1786 г. Кавказского наместничества на Северном Кавказе было всего пять городов (Кизляр, Моздок, Ставрополь, Георгиевск, Екатериноград) и 20 населенных пунктов с общим числом жителей 22 156 душ мужского пола.

Этот период характеризуется ростом численности русских переселенцев за счет оставших офицеров, военнослужащих, гражданских чиновников и казаков, которым безвозмездно или на льготных условиях предоставлялись значительные земельные наделы. Крупные земельные наделы получили здесь А.В. Чернышов, А.В. Воронцов и др. Русские дворяне получили в Дагестане более 25 тыс. десятин.

Для освоения этих земель дворяне начали переселять на Северный Кавказ крестьян из внутренних губерний России. Только в 1781–1784 гг. было переселено около 70 тыс. человек. Поскольку для освоения этой территории требовалось намного больше крестьян, правительство разрешило переселяться на Кавказ “всем, без различия звания”. Откликнулось сразу же более 23 тыс. человек. В конечном счете к концу XVIII в. часть этих крестьян создала более 40 новых крестьянских сел.

Новая волна притока русских переселенцев на Северный Кавказ и в Дагестан связана с подписанием между Россией и Ираном Гюлистанского мирного договора (1813 г.) и начавшимся с 20-х годов XIX в. движением горцев: возникают новые крепости, укрепления и опорные пункты, в них размещаются русские

военнослужащие и их семьи. Крепости и укрепления строятся в важнейших, с точки зрения царских чиновников, стратегических пунктах. В это время были построены укрепления Воздвиженское, Евгеньевское, Петровское и другие, а также крепости близ селений Казикумух, Ахты, Курах и пр. Тогда же были образованы и русские слободы в Ишкартах, Чирюрте и Дешлагаре. По данным А.В. Фадеева, в 50-е годы XIX в. население Степного Предкавказья, куда входила часть Северного Дагестана, составляло более 740 тыс. человек, в том числе линейных и черноморских казаков – 432 тыс., государственных крестьян – 172 тыс., помещичьих крестьян – около 17 тыс. и ногайцев-кочевников 88 тыс. (соответственно 58%; 23; 2; 11%) (Фадеев, 1957. С. 62).

Во второй половине XIX в. правительством были приняты законодательные акты: “Положение о переселении в Терскую и Дагестанскую области” (1863 г.), общий “Закон о переселении и переселенцах” (1889 г.) и др. Принятые меры способствовали миграции крестьян из центральных губерний России на Кавказ, население которого само испытывало недостаток свободных земель и остро нуждалось в сельскохозяйственных угодьях.

Царское правительство после 1880-х годов наращивает поток направляемых переселенцев на Северный Кавказ, в том числе в Дагестан. Вовлечение Северного Кавказа в общероссийский рынок, проникновение сюда капиталистических отношений, проведение Владикавказской железной дороги не могли не влиять на поток переселенцев, которые сыграли заметную роль в развитии капиталистических элементов в местном хозяйстве (Мансуров, 1994. С. 86).

Сравнение масштабов переселенческого движения на Кавказ, Сибирь, Среднюю Азию в пореформенный период до начала XX в. показывает, что наиболее осваиваемыми территориями являлись регионы Кавказа, особенно Предкавказье. За 30 пореформенных лет (1867–1897 гг.) в Предкавказье прибыли 1586,8 тыс. переселенцев, тогда как за такой же период (1861–1894 гг.) в Сибирь поселились около 600 тыс., а в Средней Азии число переселенцев за 1867–1882 гг. составило 63 тыс. (Там же. С. 111).

Картина изменилась после издания закона от 6 июля 1904 г. Он знаменовал собой начало нового политического курса правительства в переселенческом вопросе и предусматривал различные ограничения, которые делали практически невозможным переселение крестьян. Однако начавшееся в начале XX в. целенаправленное ограничение переселенческого потока на Кавказ сменилось новой волной переселения, связанной с событиями 1905 г. По указу от 9 ноября 1906 г., крестьяне России получили право выхода из общины со своим наделом, и таким образом была открыта дорога к переселению сельской бедноты. Правда, с этого времени потоки переселения меняют направление: Кавказ отходит на второй план, а на первый выдвигается Сибирь. Не все переселенцы, которые направлялись в Дагестан, оседали здесь: остались только те, кто так или иначе приобрел земельные наделы. Они по большей части были вынуждены возвращаться обратно или продвигаться дальше, в Закаспийскую область и Закавказье. Тем не менее к началу XX в. в Дагестане осело значительное число переселенцев. Основными районами их заселения стали Кизлярский у. Терской обл. и Хасавюртовский округ Дагестанской обл., где для них оказались сравнительно благоприятные условия, а также города Дагестана – Петровск, Дербент, Кизляр, Темир-Хан-Шура.

Экономика русских переселенцев развивалась на землях, купленных или арендованных ими у частных владельцев и казны, а также и на казенных землях, предоставленных государством на определенных условиях.

Русские переселенцы, заселив земли Хасавюртовского, Кизлярского, Темир-Хан-Шурина и других округов Дагестана, создали свои поселения и ху-

тора на казенных и частновладельческих землях. Кроме того, они селились в аулах, где уже проживало местное население. Одна часть переселенцев получила землю от казны, другая приобретала ее покупкой у частных владельцев. Так, в Хасавюртовском округе, по данным на начало XX в., насчитывалось около 25 тыс. русских переселенцев. Из них только 2163 человека обосновались на казенных землях площадью 3654 дес.

Значительная часть переселенцев обосновалась на купленных и арендованных землях: административные власти областей и округов не вели работу по подготовке казенных участков для переселяющегося населения. Большинство предоставленных бесплатно казенных земель представляла собой болотистые, трудноосваиваемые участки. Многие из этих мест были настоящими рассадниками малярии, которая оборачивалась для русского населения подлинным бедствием. Газета “Баку” от 30 августа 1905 г. сообщала: “...В верстах 20 от Петровска есть поселок Озень. Образовался он четверть года назад из переселенцев. Поселок положительно умирает. Мрут и молодые. Медицинская помощь отсутствует” (Вести с мест... 1905).

Большим бедствием для переселенцев были также растущие из года в год грабежи, производимые небольшими группами местного населения, угрожающие не только имущественной, но и личной безопасности поселян. Кроме того, как местные жители, так и переселенцы страдали от наводнений, уничтожавших пашни, сады, виноградники. Все это в совокупности служило тормозом в развитии переселенческого движения. Несмотря на указанные бедствия и невзгоды, а также весьма серьезные недостатки в организации переселенческого дела, к началу XX в. численность русского населения в Дагестане приближалась к 100 тыс. человек (Ибрагимов, 1978. С. 93–94).

Владея передовыми методами ведения земледельческого хозяйства, русское население обогатило местную земледельческую культуру народов Дагестана и способствовало возникновению и развитию ряда новых отраслей сельского хозяйства. Русские переселенцы приложили огромные усилия для превращения непригодных для земледелия участков в пашни, в плодородные участки, сады, виноградники, бахчи, пастбища, сенокосы. Осушение болотистых мест, обработка почв золой и известью, засыпка их черноземом и перегноем, выкорчевывание пней и кустарников, очищение от камней требовали полной отдачи сил не одного поколения новых землевладельцев. Не случайно, с приходом русского населения здесь стали увеличиваться посевные площади, расти урожаи зерновых. Производство зерна в Засулакской Кумыкии в 1879 г. составляло 113 250 четвертей, а в 1905 г. оно выросло до 301 626 четвертей (четверть = 166,7 кг).

Если в начале XX в. русское население Дагестана составляло 99 тыс. человек, то после революции 1917 г. и гражданской войны численность его сократилась, в том числе и за счет оттока из республики. В 1926 г. в Дагестане насчитывалось 66 тыс. русского населения, или 8,8% от общего количества населения ДАССР.

В последующий период происходил интенсивный рост русского населения за счет прибывавших в Дагестан специалистов, кадровых рабочих и другого населения, а также естественного прироста. В 1950–1960-е годы наблюдалась самая высокая численность русских в Дагестане – 214 тыс. человек, или около 20% населения республики. Затем отмечается постепенное уменьшение абсолютной численности русского населения. По переписи 1970 г., русских в Дагестане насчитывалось 209,6 тыс. человек, в 1979 г. – 189,5 тыс., в 1989 г. – 165,9 тыс. (Национальный состав населения... 1990. С. 128).

В настоящее время русские проживают в основном в городах Дагестана. За исключением Кизлярского и Тарумовского районов, в других районах русские селения не сохранились. В Хасавюртовском р-не, куда, как уже отмечалось, к началу XX в. переселились 25 тыс. русских, не осталось ни одного из числа основанных ими селений, население которых было бы русским. Исчезли даже названия русских поселков и хуторов, за исключением селений Покровское, Нечаевка, Могилевское и Петраковское, где проживает по несколько русских семей. По переписи 1979 г., русские в сельской местности составляли не более 40 тыс. человек, в то время как в городах проживали около 150 тыс. русских.

В конце XIX – начале XX в. русские составляли около половины городского населения Дагестана. В тот период русские наряду с другими народами (азербайджанцами, кумыками, евреями, армянами) были основным ядром формирования городского населения Дагестана. До конца 1980-х годов доля русских, покидавших Дагестан, составляла 0,5% от их численности. С 1989 г. процесс несколько активизировался. Так, в 1989 г. из республики выбыло 0,71% русских, в 1990 г. – 0,88%, в 1991 г. – 1,34, в 1992 г. – 2,49, в 1993 г. – 2,82, в 1994 г. – 2,4. С 1994 г. миграция русских из республики замедлилась. Уменьшился фактор силового воздействия на русское население со стороны отдельных групп коренного населения. Усилилось внимание к проблеме со стороны правительства республики, местных административных органов и общественности в целом.

В результате демографических процессов русское население в 1989 г. составляло 189 796 человек, или 9,2% населения республики; в 1994 г. – 156 788 человек, или 7,6%; в 1995 г. – 154 725 человек, или 7,5%. В основном снижение удельного веса русского населения объясняется оттоком населения, а также низкой рождаемостью у народа и соответственно самым низким его естественным приростом, по сравнению с другими народами, проживающими в Дагестане.

Хозяйство. В зерновом хозяйстве русского населения ведущее место занимало выращивание пшеницы, ячменя, овса, проса, со временем – гречихи и сорго. К 80-м годам XIX в. в Дагестане получает повсеместное распространение картофель, что напрямую связано с русскими переселенцами. Они являлись также инициаторами широкомасштабного разведения виноградников, фруктовых садов и бахчевых культур. В Дагестане гречиху впервые начали выращивать интенданты русских регулярных частей. Они пришли к выводу, что выращивание ее здесь обходится значительно дешевле, по сравнению с затратами на ввоз из российских губерний.

Виноградарство, бахчеводство, садоводство получили значительный размах и стали носить товарный характер благодаря трудовой деятельности русского населения. Площади, занимаемые садами и виноградниками, уже своими размерами красноречиво свидетельствовали об их промышленном значении. Сады и виноградники русских предпринимателей отличались не только размерами, но и разнообразием сортов фруктов и винограда. Это, в частности, было видно на примере виноградников Воронцова-Дашкова в имении “Теджух”, где возделывались лучшие сорта винограда. В 1897 г. общая площадь его виноградников достигла 108 дес., на которых культивировались как европейские и закавказские (рислинг, семильон, каберне, бордо, шало, мускат, ркацителы, педро-хименес, зайд, саперави, вердальс и др.), так и местные (нарма, гиялаби, агадаи, гимринский, агизюм и др.) сорта.

Крупные виноградные плантации и фруктовые сады русских поселенцев возникли в Хасавюртовском, Кизлярском, Темир-Хан-Шуринском, Кайтаго-Табасаранском округах. “Всеим этим, – говорится в одном из официальных документов, – чем Хасавюртовский округ стал в последние годы, он почти всецело

обязан своему пришлому переселенческому населению – тем 25 тысячам... переселенцев из внутренних российских губерний, которые за последние 20–25 лет в качестве мелких арендаторов, а отчасти и крупных земельных собственников, поселились на землях округа и оплодотворили их своим трудом” (см.: *Гаджиев А.С.*, 1964. С. 43).

Действительно, Хасавюртовский округ благодаря русскому населению превратился в одну из хлебных житниц Дагестана и стал одним из важнейших центров торгового земледелия. Выступая на I Северокавказском мелиорационном съезде (начало XX в.), начальник Хасавюртовского округа подчеркивал: “Пришлый русский и немецкий элементы, приобретая землю на Кумыкской плоскости за счет или при содействии различных банков, внесли в край известную культуру: количество рабочих рук увеличилось, орошение значительно улучшилось, площадь возделываемых полей возросла, а потому стоимость земли быстро стала подниматься, и те земли, которые в 60-х годах прошлого века имели цену в 1 руб. десятина, в настоящее время стоят 170 руб. и более десятина” (РГИА. Ф. 426. Л. 221). Благодаря русскому населению земледелие все более и более стало носить торговый характер. Продукция земледелия шла не только на удовлетворение потребностей населения, но и вывозилась на всероссийский рынок.

Таким образом, в районах расселения русского населения происходила специализация сельского хозяйства на производстве товарного хлеба с широким развитием таких отраслей, как виноградарство, садоводство, огородничество. Особенно усилился этот процесс после ввода в эксплуатацию Владикавказской железной дороги.

Переселенцы пользовались переложной системой земледелия, развили существовавшую и создали новую систему орошения. Главными орудиями обработки земли здесь были сложный тяжелый передковый плуг и борона.

Наряду с земледелием русские переселенцы занимались и скотоводством, преимущественно стационарным. Как известно, развитию скотоводства в Дагестане препятствовали ограниченность пастбищ, сенокосов, слабость кормовой базы, отсутствие ветеринарной службы и т.д. В результате деятельности русского населения в животноводческом хозяйстве Дагестана произошли существенные сдвиги в сторону роста поголовья скота, улучшения кормовой базы и пород скота. Для содержания скота переселенцы успешно использовали производство сочных кормов. Заготавливались на зиму и грубые корма. Население содержало коров, буйволов, свиней, овец и коз, разводило лошадей. Появились хозяйства, которые занимались исключительно животноводством, разведением породистого скота. Завезли русские в Дагестан, в частности, и тонкорунных овец. Некоторые русские предприниматели держали от 30–40 до 100 тыс. овец этой породы, имели свои обустроенные кутаны, нанимали десятки высокопрофессиональных чабанов. Тонкорунное овцеводство стало одной из ведущих отраслей в скотоводческом хозяйстве переселенцев.

Русское население имело также более совершенные орудия труда, которые они получили не только из агрономических пунктов, открытых в городах и селениях Дагестана, но и приобрели их на собственные средства в Центральной России. Все это свидетельствует о товарном характере земледельческого и скотоводческого хозяйства и специализации русского населения на производстве той или иной рыночной продукции, а в конечном счете – о вовлечении экономики Дагестана во всероссийскую экономическую систему.

Весьма заметен вклад русского населения в создание здесь, на местах, предприятий промышленного производства. Промышленность Дагестана была со-

средоточена главным образом в руках русских предпринимателей. Промышленные предприятия создавались для переработки той сельскохозяйственной продукции, которая производилась в Дагестане. Это были предприятия консервной, винодельческой, мукомольной, рыбной и других отраслей обрабатывающей промышленности. Почти все рыбные промыслы Дагестана находились на арендном содержании и в собственности русских предпринимателей, которые организовывали промышленный лов рыбы.

Как писал современник И.А. Бородин, "...в сельдяном деле края замечается настоящая горячка, выразившаяся в небывалом развитии этого дела по всему западному берегу Каспия, который из недавнего безлюдного и почти не видевшего русского человека превращается ныне, в сезон рыбной ловли, в уголок астраханских промыслов с огромным количеством рабочих... Весь юг России питается уже Петровской и Дербентской сельдью морского лова" (*Рамазанов*, 1972. С. 186).

Еще одной важнейшей отраслью промышленности являлась мукомольная, которая также связана с деятельностью русских предпринимателей. Самые крупные мельницы с механическими двигателями были построены именно ими. Большой известностью пользовалась мельница кизлярского купца Иванова, построенная вблизи сел. Аксай и рассчитанная на перемол в сутки 1500 пудов зерна. Она представляла собой "...единственную правильно действующую, дешево и хорошо работающую мельницу... во всей местности и поэтому притягивала к себе зерно с района до 100 верст в окружности, главным образом из казачьих станиц за Терек, а также из русских хуторов и поселений переселенцев" (РГИА. Ф. 396. Л. 66).

С деятельностью русского населения связано также возникновение и развитие винодельческой промышленности в Дагестане. До 70-х годов XIX в. виноделием в Дагестане почти не занимались. Начальник Дагестанской области отмечал: "При разнообразии и достоинстве виноградников, они могут дать, как это подтверждено оценкою посланных на Политехническую выставку образцов, весьма хорошие вина; но бедность преимущественно мелких садовладельцев, отсутствие предприимчивости и недостаточность познаний в виноделии причина тому, что виноградарство и виноделие не ведутся правильно, и вина без должной выдержки не приобретают таких качеств, которые обеспечивали бы сбыт их в России" (Там же. Ф. 1263. Л. 683).

Действительно, слабость технических знаний виноделов, отсутствие у многих из них погребов для хранения вина были серьезным препятствием в развитии виноделия. Для приготовления вина виноград давили ногами в деревянных корытах-тарпонах. Ни прессов, ни фильтров винодели области не знали. Одним из первых стал применять на Кизлярщине более совершенные способы выделки вина отставной лекар Любачевский. Еще в 1862 г. он построил довольно вместительный погреб со всеми приспособлениями для выделки и хранения вина.

Дальнейшее развитие виноделия связано с возникновением в Дагестане поселков и хуторов русских поселенцев. Главными районами производства вина становятся Дербентский участок, Кизлярский, Хасавюртовский, Темир-Хан-Шуринский округа – основные регионы заселения русскими. Наибольшей славой во всей России пользовались вина, произведенные в имении Воронцова-Дашкова около Дербента. Особо широкое развитие виноделие получило в Кизлярском округе, где ежегодно производилось около 2 млн ведер вина.

С виноделием связано также развитие таких отраслей промышленности, как винокурение и пивоварение, которые получили широкое развитие в Темир-Хан-Шуре, Кизляре, Порт-Петровске, Хасавюрте.

К 90-м годам XIX в. относится возникновение в Дагестане предприятий консервной промышленности. В 1896 г. в Темир-Хан-Шуре московские предприниматели основали ряд консервоварочных предприятий. Консервы из персиков, абрикосов, яблок и груш отличались высокими вкусовыми качествами и пользовались широким спросом у населения России, а фруктовые пюре – и в кондитерской промышленности.

Рыба и рыбная продукция вывозились в Россию и даже в страны Европы по железной дороге и по морю. В 1903 г. из Петровска по морю было вывезено 92 тыс. пудов рыбы, а из Дербента – 33,5 тыс. По железной дороге за тот же год из Петровска вывезли 681,3 тыс. пудов, а из Дербента – 211,8 тыс. пудов рыбы. Всего же по железной дороге в 1903 г. было отправлено 2 млн 123,4 пудов рыбопродукции.

Кроме того, рынки Северного Дагестана заполнялись изделиями русских домашних промыслов. Высоко ценились бадьи и бочки русских бондарей, деревянная утварь подельщиков, упряжь и седла шорников и седельников, изделия из кованого железа, выделанные меха, вязаные шерстяные изделия и т.д.

Современное хозяйство потомков бывших русских переселенцев представляет собой агрокомплекс – составную часть агропромышленного комплекса Республики Дагестан. Неизбежные изменения условий производства и быта привнесли свои коррективы в определение современного типа хозяйства равнинных земледельцев-скотоводов, а точнее – плужного, механизированного и ирригационного земледелия и стационарного молочно-мясного скотоводства.

Социальная организация. Большую роль в формировании русского населения Дагестана сыграл процесс урбанизации. Русское население явилось основным ядром формирования городского населения Дагестана в начале XX в. и в последующий период. Так, по данным на 1979 г., русские составляли 189 474 человека, или 11,7% населения республики, и были размещены: в Махачкале – 71 673 человека, в Кизляре – 23 104, в Дербенте – 10 404, в Хасавюрте – 7366, в Кизилюрте – 4887, в Избербаше – 4495 и в Буйнакске – 3797 человек. Всего в городах Дагестана проживали 149 340 человек, а в сельской местности – 40 134 человека. Следовательно, значительное большинство русского населения сосредоточивалось в городах Дагестана, составляя костяк рабочего класса и интеллигенции.

Коренные изменения произошли в социальных отношениях хозяйств русского населения. В социальной структуре деревни значительную роль стали играть те слои, которые были связаны с развивающимися капиталистическими отношениями. Все большая часть крестьянства начала работать на рынок, превращаясь, таким образом, в “мелкого буржуа”. Основными признаками его хозяйства являлись покупка и аренда земли для производства сельскохозяйственной продукции на рынок, наем рабочей силы, вложение свободных денег в покупку земли, инвентаря, машин. Эта крестьянская буржуазия, составляя меньшую часть крестьянства, играла ведущую роль в сельскохозяйственном производстве и способствовала развитию капиталистических отношений в земледелии.

На другом полюсе оказались крестьяне с мизерными наделами или вовсе безземельные, словом, та часть крестьян, хозяйства которых пришли в упадок. Это был сельский пролетариат, занимающийся продажей своей рабочей силы.

Следует отметить, что русские переселенцы по имущественному положению были неоднородны. Архивные материалы и иные источники показывают, что переселились в первую очередь крестьяне-середняки, стремясь разбогатеть на новых землях. Они рассчитывали создать зажиточные хозяйства, воспользовавшись возможностью приобретения на окраинах империи земли по более

низким ценам, чем в Центральной России. Иначе говоря, переселение крестьян среднего достатка на окраины было связано с наличием у них предпринимательских настроений. Этим можно объяснить создание ими на окраинах хозяйств, производящих товарную продукцию, т.е. чистого капиталистического хозяйства, близкого к фермерству, в развитии которого оказалась велика роль переселенческого движения.

На новые места русские перенесли основные традиционные черты социального устройства – сельской общины в ее разновидностях. Традиции эти у русского населения возникли на базе совместного землепользования и коллективной трудовой взаимопомощи. Община регулировала поземельные отношения в сфере коллективного землепользования (пастбища, часть сенокосов, лесные угодья, пустоши, водоемы), контролировала различные формы общественного поведения, несла фискальную ответственность.

На протяжении многих десятилетий в Дагестане возникали переселенческие хозяйства, отличавшиеся друг от друга по своей экономической мощи, степени использования наемного труда, уровню оснащенности техникой.

Главным социальным явлением, сопутствовавшим переходу к капиталистическим формам хозяйства, было формирование торгово-промышленной буржуазии и фабрично-заводских рабочих. Представители русской буржуазии, начавшие свою деятельность по производству и сбыту сельскохозяйственной продукции, постепенно заняли здесь ключевые позиции. Отрасли перерабатывающей промышленности в основном находились тоже в руках русской буржуазии. В связи с развитием промышленности Дагестан испытывал недостаток в квалифицированных рабочих. На месте их найти было невозможно, приходилось набирать рабочих из русских губерний. Текстильщики набирались из подмосковного района и Иваново-Вознесенска, бондари – из Рязани и Астрахани, рыбаки – с Волги и т.д. Постоянные кадры в промышленности и на транспорте состояли почти целиком из русских рабочих. Все постоянные работники на железной дороге, все бондари, две трети рабочих текстильной фабрики, половина рыбаков были русскими. Только рабочих и служащих дагестанского отрезка Владикавказской железной дороги с членами их семей в 1903 г. насчитывалось более 13,5 тыс. человек. Рабочие из местных народностей составляли незначительную часть и занимали низкооплачиваемые должности. На железной дороге в Петровском районе работали 1575 русских рабочих и только 25 человек представляли местные народы.

Значительное число рабочих было сосредоточено на рыбных промыслах. По данным В.И. Мейснера за 1912 г. (Милованов, 1963. С. 45), на петровских, теркемейских, дербентских и кюринских рыбных промыслах насчитывалось более 15 800 рабочих, из них русские составляли чуть менее 50%. В начале XX в. только в Кайтаго-Табасаранском округе на рыбных промыслах, находившихся в руках русских предпринимателей, трудились 4235 рабочих. На фабрике “Каспийская мануфактура” в 1905 г. числились 1021 человек, из которых 766 – русские рабочие. Численность русских рабочих в Дагестане не ограничивается этими данными, так как определенное их количество работало в других отраслях промышленности. В конце XIX – начале XX в. особенности промышленного развития Дагестана привели к формированию рабочего класса, основное ядро которого составляли русские рабочие.

Семья и семейная обрядность. Семейные отношения русских складывались в зависимости от социально-экономических условий. Часть русского населения, особенно в районах с казачьим населением, была безземельной, нередко не имела даже собственного жилья, кормилась работой по найму, ремеслом. Поэ-

тому в период первых волн переселений семейные коллективы зачастую не складывались или складывались редко. В дальнейшем количество семей с каждым годом увеличивалось: материально окрепшие переселенцы начали привозить на новые места своих домочадцев, ускоренными темпами развивался процесс образования новых семей.

Большесемейные коллективы или неразделенные семьи для русского населения Дагестана второй половины XIX – начала XX в. – явление исключительно редкое. Наибольшее распространение получили малые двухпоколенные, реже – трехпоколенные семьи. Традиционные черты внутрисемейных отношений русского населения стали характерными и здесь, вдали от родных мест.

Главой семьи был мужчина, муж и отец, содержавший и защищавший своих домочадцев. Женщина выполняла функции хозяйки дома, поддерживала внутрисемейный распорядок. Подавляющее большинство работ в поле и по уходу за скотиной выполнял мужчина. Стряпня, стирка, уход за детьми, работы на подворье и в огороде – все это ложилось на плечи женщины. Уход за птицей, доение коров, изготовление молочных продуктов, заготовка шерстяных ниток, вязание и многое другое – это далеко не полный перечень женских забот. Подростки и дети помогали родителям, причем жесткого регламента половозрастного разделения труда не было: подмести пол и принести воды мог и мальчик-подросток, девочки и особенно девушки не чуждались работы вилами, топором. В разделении труда скорее придерживались принципа предпочтительности: серп, грабли, мотыга и другие орудия приличествовали женщине, топор, пила, вилы – мужчине. Младшие слушались старших, дети – родителей, жена – мужа. Женщина обладала относительной свободой: она могла навестить соседку, односельчанку и провести какое-то время в беседах и в обмене новостями; ее внутрисельское, внутрисемейное общение ничем, кроме приличий, не ограничивалось. В отличие от дагестанской женщины, роль русской женщины в семье была более значительной, согласие жены требовалось почти в любой бытовой ситуации.

С середины XVIII в., с приходом в край выходцев из земледельческой глубинки России, у русского населения Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, появились, хотя и в небольшом числе, неразделенные семьи. Бытованию таких семей способствовала не только традиция, но и хозяйственная целесообразность: многоотраслевое хозяйство (земледелие, животноводство, домашние промыслы) требовало значительного количества рабочих рук. Кроме того, отдельные члены таких семей занимались отходничеством и торговлей, а добытые средства вносились в общий “семейный котел”. Традиции большесемейной организации были живучи также и среди переселившихся сюда старообрядцев из южных черноземных губерний России. Неразделенные семьи, точно так же, как и крестьянскую общину, царское правительство старалось сохранить, усматривая в них гарантию крупного доходного хозяйства и удобную организацию по принципу круговой поруки. Дело дошло до официальных кодифицированных запретов на дробление семей и раздел имущества.

У русского населения Дагестана в свадебной обрядности утвердились черты традиционных русских обычаев. В выборе брачного партнера участвовали обычно все родственники юноши или девушки, при этом учитывалось имущественное состояние вступающих в брак. Заручившись формальным согласием родителей девушки, родители жениха посылали сватов. Сватовство, как и другие обряды предсвадебного, свадебного и послесвадебного цикла, сопровождалось символическими текстами, иносказаниями, своеобразным состязанием в остроумии обеих сторон и завершалось шумным застольем. До официального церковного венчания молодых и свадьбы обычно совершались такие обряды, как

Рис. 280. Молодая русская семья. Начало XX в.

смотрины, т.е. знакомство родных и близких жениха с будущей невесткой; рукобיתье, когда согласие выдачи дочери, родственницы и принятие обязательств в обеспечении молодых с обеих сторон заканчивалось публичным рукопожатием; “прощание” жениха с друзьями и невесты с подружками; “откупные” со стороны жениха сельской, станичной молодежи; обряд “расплетения косы”, “одевания чепца”, и пр.

Свадебные торжества одновременно происходили в домах жениха и невесты и сопровождалась обрядовыми действиями, обрядовыми песнями, обильными одариваниями, возлияниями и угощениями. В казачьей среде, кроме того, иногда еще придерживались старозаветных обычаев: венчание молодых завершалось медленным обходом вокруг вербы или березы; о стремлении создать молодую семью будущая супружеская пара объявляла, взявшись за руки, на казачьем кругу; прикрыв голову невесты полой своего кафтана, казак давал рыцарский обет быть жене защитой и опорой и др.

Русско-казачье население Дагестана придавало большое значение неукоснительному соблюдению многочисленных родильных обрядов, поверий и запретов. В основных чертах они были схожи с обычаями восточных славян, но уже включали в себя заимствованные у горских народов элементы этих обрядов.

Будущая мать до родов соблюдала множество обычаев, обрядов и запретов, призванных в совокупности обеспечить здоровье будущему ребенку. Роды принимала повитуха. Послеродовых символов, обрядов, запретов и прочего было не меньше, чем дородовых. Роженицу и ребенка (особенно первенца) одаривали родственники и жены, и мужа. Обряды первого пеленания, обнесения (отец ребенка в сопровождении жены “обносил” сына или дочь по комнатам, хозяйственным постройкам, по пашне и сенокосу и т.д.), вскармливания (каждый из

близких родственников отца и матери ребенка должен был увидеть, как молодая мать кормит дитя), крещения, наречения именем, первой стрижки волос, первого зуба, стрижки ногтей, становления на ноги и другие обряды обставлялись молитвами, заклинаниями, приговорами и заговорами и сопровождалась, как правило, угощением, большим или малым застольем.

Религиозно-магическое происхождение имели и отдельные элементы родильных обрядов терского казачества. Здесь верили, что такие приемы, как развязывание всевозможных узлов и завязок, открывание окон, дверей, заслонок, задвижек, крышек, замков и т.д., облегчают роды и способствуют здоровью матери и ребенка. Население стремилось соблюдать многочисленные послеродовые обряды, запреты и рекомендации, призванные оградить детей от злобы и зависти многоликого недоброго начала (*Заседателева*, 1974. С. 340 и др.).

Умерших хоронили по обычаям православных христиан – в гробу, с надмогильным крестом, с панихидой и отпеванием, с оплакиванием, поминальными трапезами и др. В поминальные обряды русских входило и угощение пришедших на соболезнование обрядовыми блюдами: пшеничной зерновой кашей с медом, курицей, а также обнесение вином всех присутствующих из больших чаш-братин. В казацкой среде сохранились также представления и обряды, связанные с “заложными”, или “нечистыми” покойниками (колдуны, утопленники, самоубийцы), которых хоронили за оградой кладбища или же на специально отделенных на кладбище местах, причем по некоторым из них справляли “тайный помин”.

В семейно-бытовой обрядности русского населения элементы православия сочетались с рудиментами дохристианских представлений, с различного рода обрядами, связанными с язычеством.

Современные семьи русских – это преимущественно малые простые семьи, состоящие из родителей и их детей. Глава семьи, по традиции, – это отец, хотя в целом здесь обычно царят отношения равенства, взаимопонимания и взаимопочтения. Подавляющее большинство женщин-горожанок работают на производстве. В сельской местности женщины прежде всего заняты домашним хозяйством. Уход за скотом, разной живностью, работа на приусадебном участке и внеусадебном огороде в совокупности с другими повседневными семейными обязанностями не оставляют ей свободного времени. Закрепилась устойчивая традиция отделять вновь созданные молодые семьи, предоставив им возможность вести самостоятельное хозяйство. В обычаях и обрядах семейного цикла в современных семьях многое упростилось, изменилось в сторону уменьшения традиционного, этнически-самобытного. Христианизация семейной обрядности в обстановке официальных запретов и осуждений заметно ослабла, по крайней мере, чисто внешне. Тем не менее большинство детей в семьях подвергалось обряду крещения, официальная часть свадьбы сопровождалась негласным венчанием, по умершим в большинстве случаев наряду с гражданской панихидой устраивалась и “нелегальная” церковная и т.д.

Отдельными профессиональными навыками и умениями дети овладевали в малолетстве в семье, в среде родственников и односельчан. В казацких станицах мальчиков обучали держаться в седле, постепенно прививали им навыки обращения с холодным и огнестрельным оружием. Грамоте и счету мальчики и девочки обучались в одно- (трехгодичных) или двухклассных (пятигодичных) церковно-приходских школах. Основной упор в этих заведениях делался на изучение основ христианской религии и канонов православного богослужения. Большинство населения на этом свое образование заканчивало. Некоторые отправлялись в центральные губернии России и продолжали образование, получая специальности, необходимые в перерабатывающей промышленности, в поле-

водстве, садоводстве, бахчеводстве, скотоводстве. В гимназиях, лицеях, в высших учебных заведениях получали образование единицы – дети богатых предпринимателей, землевладельцев и скотоводов. С середины и особенно с конца XIX в. представители русского населения Дагестана могли получать специальное образование в заведениях, открывавшихся, хоть и не в большом числе, в различных округах и городах Дагестанской области.

Материальная культура. В XIX – начале XX в. главными типами поселений русских были селения и хутора. Те и другие располагались обычно по берегам рек таким образом, чтобы хотя бы с двух сторон водная преграда закрывала доступ к ним, а сельскохозяйственные угодья находились рядом, невдалеке. Строения в последних группировались с учетом того, чтобы под ними не были заняты наиболее удобные для пахоты, выпаса скота участки земли. Поселение обносилось турлучной стеной, деревянным частоколом, иногда отдельными участками, каменной стеной с бойницами. В наиболее опасных местах могли быть поставлены трехъярусные боевые башни, чаще всего бревенчатые. Нередко поселение обносилось и рвом. Наиболее важные в стратегическом отношении военные поселения были построены на манер военных крепостей, с инженерными фортификационными сооружениями и тяжелыми пушками. Основной защитой всем этим поселениям все же служили чаще всего крепости и укрепления, вокруг которых населенные пункты и создавались.

Селение группировалось обычно вокруг церкви или молитвенного дома. Как правило, тут же, неподалеку, располагались и сельская площадь для сборов и собраний, и дома наиболее зажиточной части населения. Поселения характеризовались горизонтальной планировкой и делились на кварталы. Родственные семьи стремились селиться в одном квартале, но этот принцип расселения соблюдался далеко не всегда. Иначе говоря, территориально-квартальный принцип членения селения – принцип доминирующий. В целом поселения русского населения Дагестана – это компактные поселения усадебного типа.

Заселяя новые места, русские переселенцы переносили элементы традиционной строительной культуры на осваиваемую территорию. С течением времени, однако, на месте выработался тип жилища, обобщающий в себе строительные традиции различных областей России, испытавший на себе влияние местных строительных традиций и максимально отвечавший региональным особенностям как природно-географического, так и хозяйственно-экономического плана. В первой половине XIX в. в жилищах терских казаков значительно сказывалось влияние домостроительства русских выходцев из центральных районов России, а также местных северокавказских традиций. Местные особенности построек проявлялись в плоских земляных крышах “саклеобразных” строений, в применяемом стройматериале (сырцовый кирпич – саман и турлучные конструкции), в манере огораживания усадьбы глухим сплошным забором, в функциональных назначениях хозяйственных помещений, во внутреннем убранстве дома и др. Интересно в этом плане замечание Л.Н. Толстого о том, что гребенские казаки устраивали свои жилища “по татарскому обычаю”, иначе говоря – на местный горский лад. Типичное для русских дагестанских переселенцев строение – это в основных чертах прямоугольное в плане одноэтажное строение с саманными или турлучными (нередко – с комбинированными) стенами, с земляным или глинобитным полом. Крыши домов – обычно четырехскатные, покрытые камышом или соломой, стропильной конструкции. Дом чаще всего выходил фасадом на улицу. Высокие и широкие ворота вели в относительно просторный двор, где располагались сарай, хлев, амбар, нередко – погреб. Каждое из строений тоже было крыто камышом или соломой. Во дворах некоторых

хозяев стояли бани, топившиеся по-черному (“черная баня”). Баня представляла собой небольшую постройку из бревен под двухскатной крышей, с одним или двумя маленькими оконцами и маленькой низкой дверью с высоким порогом. Отапливалась она печью-каменкой. Состоятельные хозяева строили высокие многокомнатные каменные жилища под жестяной крышей. В то же время беднейшая часть населения ютилась в землянках.

Современная планировка русских селений – более продуманная, отвечающая санитарно-гигиеническим требованиям сегодняшнего дня. Строения традиционного типа кое-где пережиточно сохранились (под шиферным покрытием) и служат главным образом хозяйственно-бытовыми помещениями. Наиболее распространенный тип жилого строения – это прямоугольное, одноэтажное, многокомнатное строение из кирпича или камня, иногда из сырцового кирпича. Крыши строений покрыты шифером или оцинкованным железом, высокие окна с резными наличниками застеклены. Характерным является наличие комнат специального назначения: рабочий кабинет, спальня, детская, кухня, столовая и др. Произошли изменения и во внутреннем убранстве жилищ. Кустарные столы, стулья и табуреты, лавки, деревянные лежанки и другое вытеснены мебелью, нередко – гарнитурами. Керамическая и деревянная утварь исчезла, на смену ей пришла фабричная посуда – стеклянная, фаянсовая, фарфоровая, хрустальная.

Книги, журналы, картины – неперемнная принадлежность дома любого хозяйства. Отечественные и импортные ковры, паласы, дорожки украшают и утепляют стены и полы жилищ. Повседневными стали такие приборы и предметы, как телевизор, холодильник, стиральные машины, магнитофоны, радиоприемники и др.

Характерная черта нового времени – весьма заметное уменьшение количества хозяйственных построек; совершенно исчезли “черные бани”.

В XIX – начале XX в. в среде русских Дагестана больше всего сохранились элементы традиционной крестьянской одежды различных губерний России. Наиболее распространенной женской одеждой являлись сарафан и понева. Вместе с ними носился часто шугай – женская короткая одежда со сборками сзади, из шелка, парчи, реже – бархата, обязательно на подкладке. Сарафаны и поневы были в основном однотипны, но могли шиться из разного материала: из тонкого сукна, ситца, сатина, бязи и др. Во второй половине XIX в. они повсеместно начали вытесняться юбками и кофтами самых различных модификаций: из домотканых и фабричных дешевых и дорогих, местных и привозных тканей; юбки ниже колен, юбки до пят, с клиньями, вставками и без них и др.; кофты с большим вырезом, на пуговицах, с малым вырезом, без выреза, с вышивкой и без нее, с узкими и широкими рукавами и пр.

Мужская одежда состояла из штанов, рубахи, кожаной обуви (очень редко – лаптей), верхней плечевой одежды, шапки. Штаны носились неширокие, с двумя ромбовидными вставками между штанинами, без карманов и ширинки, на вздержке. Носились и другого вида штаны – с трапецевидной вставкой, на поясе, с пуговицами. Штаны с широким шагом, шаровары, или чаги, вдвое шире обычных, со вставкой из четырех трапецевидных клиньев между размахом штанин (в комбинации – шестиугольник), носились иногда среди казачества, изредка – в среде крестьян. Туникообразные рубахи, с длинными рукавами без манжет, длиной ниже колен, носимые навыпуск, постепенно к началу–середине XIX в. повсеместно оказались заменены более короткими (выше колен) рубахами с прямыми и косыми вставками и ромбовидными ластовицами, иногда с рукавами на манжетах, с воротником-стойкой. Чаще всего это были косоворотки с разрезом налево, реже – направо. С XIX в. верхней плечевой одеждой мужчи-

нам служили жилетки, к концу века – пиджаки. Наиболее распространенной обувью были так называемые поршни, получившие название чувяков или постолов. Они встречались двух разновидностей: из одного куска кожи, стянутого на подошве и вокруг ступни с помощью кожаных ремешков или веревок (наиболее древний вид славянской обуви) и из двух кусков со специально выкроенной и пришитой головкой. Получила распространение и такая обувь, как сапоги (выворотные, вытяжные, “в гармошку”) и коты, или обутки – твердые, грубые, башмакообразные туфли на каблуках.

Из традиционной одежды русское население Дагестана надолго сохранило женские головные уборы: различного фасона кички и кокошники, фатки-платки, свернутая особой повязкой вокруг головы фабричная ткань с завязками спереди; повязку, представляющую собой кусок парчи, позумент, повязываемый вокруг головы; перевязку – обшитый нарядной или вышитой тканью обруч, который украшался бисером, иногда – жемчугом, и др.

Из прочих видов местной традиционной одежды русские Дагестана носили бешметы (кафтаны с перехватом, отрезные по талии, с вшивными клиньями, стеганные на вате), армяки (длинный, расширяющийся книзу халат с большим отложным воротником), чекмени и чопаны (халатообразная одежда), кафтаны, свиты, жупаны – двубортная одежда с цельной спинкой, иногда с перехватом и др.

С развитием процесса втягивания отдельных губерний и областей России в общероссийский рынок традиционная русская одежда все больше нивелируется. Со второй половины XIX в. в общественной жизни России ведущее положение занимает рабочий класс. С этого периода процесс проникновения в крестьянскую среду и закрепления в быту элементов одежды рабочих все больше и больше увеличивается. Брюки, жилетки, заправленные в брюки узкие рубахи, подпоясывание рубахи поясом, фуражка, обувь типа ботинок, сапоги и т.д. – все это проникает к русским Дагестана.

Современный костюм русских Дагестана (мужской и женский) ничем не отличается от одежды народов других регионов России.

Традиционная пища русских переселенцев была в своей основе мучной, молочной и мясной. Большое место в местном рационе занимали овощи и фрукты, а также компоты, варенья, соленья, копченья и пр.

Пища русского населения характеризовалась большим ассортиментом хлебных изделий из пшеничной и ржаной муки: ковриг, паляниц, лепешек, коржей, булок, блинов, оладий и т.д. Разнообразностей выпечки было не меньше: это пироги, пирожки и запеканки с самой разнообразной начинкой (с мясом, дичью, творогом, грибами, рыбой, яблочные, сливовые, вишневые пироги и пр.), расстегаи, рулеты, ватрушки, печенье и т.д. Подавались к столу вареники и пельмени с мясом, творогом, картофелем, яйцами, фруктами, а также супы с лапшой, клецками, мучной затиркой и др. Мясные блюда готовились реже, но их было тоже довольно много: мясо вареное, жаркое, мясо печеное, тушеное – отдельно и в составе тех или иных блюд (свинина, говядина, баранина, птичье мясо, мясо дичи). Рыба и рыбные блюда также разнообразили стол местного населения. Повседневной пищей русского населения Дагестана были молоко и молочные продукты (кислое молоко, сметана, творог, сыр, масло), а также различного рода молочные супы, молочные кисели, молочники (род окрошки) и др. Национальные блюда – супы, щи и похлебки, борщ, уха, каши, кисели, холодец (студни), множество соусов и подливок входят в рацион питания русских семей и в наши дни.

Наиболее распространенным напитком являлся хлебный квас, реже – хмельной квас, медовуха, сидр. Популярностью пользовалась хлебная и виноградная водка, крепленые и сухие вина. Кухня русских переселенцев обогати-

лась в XIX в., особенно во второй его половине, заимствованиями из кухни других народов. Все чаще стали подаваться к столу курзе, долма, шашлык, пловы, блюда типа пити, азу, кебабы и пр. Состав пищи, повседневный рацион питания были, разумеется, значительно дифференцированы в зависимости от степени зажиточности и благосостояния семьи.

Традиционно питание русского населения в семьях – коллективное; есть в одиночестве, наспех, “на ходу” было не принято. К общему столу семья собиралась к завтраку, полднику, обеду и ужину. Завтракали рано и плотно, хотя завтрак состоял в основном из холодных закусок. Ближе к полудню семья собиралась, чтобы отдохнуть и подкрепиться перед обедом. Обедали поздно, где-то между 2 и 3 часами дня. Обед состоял из нескольких блюд (щи, каша и пр.) и был наиболее обильным. Дневной рацион заканчивался необременительными закусками перед отходом ко сну. Как правило, семья ела из одной миски, каждый член семьи не торопясь черпал из нее своей ложкой. Есть полагалось не спеша, подставляя под ложку кусок хлеба, черпая из миски только перед собой, не погружая ложку глубоко. Кусок хлеба каждому члену семьи отрезал и подавал ее глава. Посетившему семью во время приема пищи постороннему хозяин дома, приглашая его к столу, подавал кусок хлеба, а хозяйка – ложку. Иноверца, в том числе старообрядца, католика, за общий стол не сажали, угощение с общего стола такому человеку подавалось в отдельной посуде и в отдельном углу.

Традиционными транспортными средствами русским служили колесные повозки: несколько видов легких двух- и четырехколесных экипажей, низких и высоких, малогабаритных и просторных, закрытых и открытых. Кроме того, на подводах и изредка снях перевозили грузы. Лошадь использовали для верховых переездов и редко в качестве вьючного животного.

Повсеместно распространенный легковой и грузовой автомобильный транспорт стал обыденным явлением для русского населения Дагестана в наши дни.

Духовная культура. Русское население Дагестана – в значительной своей части верующее, исповедует православие. Гонения на религию и запреты, длившиеся несколько десятилетий, не выветрились из сознания населения элементов христианского вероучения. В новых условиях наблюдается религиозный подъем. Люди, совсем еще недавно считавшиеся неверующими, участвуют в богослужениях по церковным праздникам. Такие обряды, как крещение, венчание, отпевание, прочно входят в повседневный быт. Однако в этой же среде еще долго продолжали бытовать (частично бытуют и сейчас) пережиточные представления, связанные с более ранними этапами развития общества, с языческими верованиями. Это вера в оборотней, домовых, сеношных, леших, упырей, кикимор, русалок, чертей, отголоски веры в белую и черную магию, анимистические представления, различного рода приметы и запреты.

Сравнительно хорошо развит фольклор русского населения, обогащенный вековыми влияниями других народов, но сохранивший истинно русские дух и колорит. Это и многочисленные пословицы, поговорки, загадки, сказки (о животных, волшебные, героические и др.), былины и старины, песни (лирические, обрядовые, шуточные, детские), анекдоты, притчи, плачи-причитания и др. В различных жанрах народного творчества отражались особенности социально-экономической и культурной жизни народа, его мечты и чаяния, его мировоззрение, эстетические, морально-этические, нравственные критерии, ценностные ориентации.

Предки русского населения Дагестана сумели передать своим потомкам рациональные познания в народной медицине, апробированные вековыми методами и практикой приемы диагностирования и лечения многих болезней, недугов, заболеваний, травм и т.д. В основе лечебной практики лежали результаты

наблюдений не одного поколения людей над закономерностями природы и особенностями взаимосвязи, взаимоотношений человека с природой. Большинство лекарств и лечебных снадобий было растительного происхождения, меньшая их часть – животного и минерального. При этом употребление лекарств и их воздействие на организм увязывались со временем суток и временем года. Успешно применяли лекари русского населения Дагестана такие приемы лечения, как диета, голодание, массажи, горячие и холодные ванны и их чередование, специальные оздоровительные физические нагрузки и упражнения и т.д.

Танцевальное искусство русского населения включало старинные русские и украинские танцы, переплясы, хороводы, а также некоторые европейские танцы XIX в. Из русских и украинских танцев чаще всего исполнялись “барыня”, “гопак”, “камаринская”, “казачок”, “русская”, “цыганочка”, “метелица”, “сударик”, “круговая”, “чечетка”, “присядка”, “трепак” и др. На праздничных и свадебных гуляньях исполнялись также кадрили, полька, панночка, горличка и пр. До второй половины XIX в. в русской среде были распространены старинные дуды, рожки, трещетки, бубны, барабаны и иные стародавние традиционные музыкальные инструменты. К концу века распространение получили русские (вятские, тульские, сибирские и др.) гармошки, гармошки казанские, осетино-кабардинские, астраханские, а также гармошки зарубежного происхождения – так называемые тальянки. Кроме того, обычными стали в быту балалайки, гитары, мандолины, домры.

В новых социальных условиях широкое распространение получили произведения русской профессиональной поэзии, музыкально-песенной и хореографической культуры. Старинные танцы и пляски, русские, казачьи и украинские песни сохранились и продолжают составлять особенность местной культуры.

С эпохи позднего средневековья и до новейшего времени крепили и развивались межэтнические контакты русского населения с другими народами Дагестана, вызванные тесным переплетением экономических и культурных интересов. Наиболее тесные связи сложились с кумыками, вплотную соседствующими с ними. Отношения русских с соседями строились на началах взаимного уважения и доброжелательности; гостеприимство и куначество – характерная черта этих отношений.

В последний более чем полувековой период в межэтнических отношениях произошли значительные прогрессивные изменения, связанные с ростом городов, промышленности, с процессами урбанизации, что в совокупности (со множеством других факторов) способствовало усилению контактов с представителями всех народов Дагестана. Интенсивное плановое и стихийное переселение горцев на равнину сыграло в этом деле весьма большую роль. Не случаен поэтому рост числа межэтнических браков в среде русских Дагестана. Правда, носят они главным образом односторонний характер: подавляющее большинство таких браков – это женитьба представителей дагестанских народов на русских девушках. Дагестанки выходят замуж за русских гораздо реже, что, видимо, объясняется большей приверженностью горянок к своим этническим и религиозным традициям, их более выраженным домоседством.

Дружеские отношения не могли не привести к взаимовлияниям в области хозяйства, культуры, семейного и общественного быта и др.

Значительная часть местной интеллигенции – учителей, врачей, агрономов, ветеринаров, а также механиков, механизаторов, электриков и других – в горах Дагестана складывалась вокруг русских специалистов, большая часть которых была представлена русскими Дагестана. Русские переселенцы обогатили местную традиционную агротехнику новыми методами и приемами в полеводстве,

садоводстве, бахчеводстве, огородничестве. Вместе с русскими в Дагестан пришли новые, более совершенные орудия сельскохозяйственного производства, новые полевые, бахчевые, огородные и технические культуры, более продуктивные породы скота и др. Большой вклад внесли представители русского народа в формирование местных квалифицированных рабочих кадров. Необычайно высока их роль и в процессе становления и развития местной интеллигенции, представленной целой плеядой государственных и общественных деятелей, инженеров, учителей, врачей, агрономов и др. Устное народное творчество стало проникать в местный фольклор горского и плоскостного населения Дагестана в виде заимствований. Материальная культура местного населения обогатилась элементами русской и казачьей одежды: фуражки, кепки, шапки-ушанки, шапки “кубанки”, ватники, брюки типа “галифе”, рубахи русского образца и т.д. Местное промышленное производство в значительной степени получило толчок от русских предприятий перерабатывающей промышленности.

Примеры положительного, прогрессивного влияния русского населения на быт и культуру народов Дагестана можно умножить. Это не было, однако, явлением одностороннего порядка: русское население Дагестана, станичное и поселковое, со своей стороны испытывало на себе влияние культуры и быта равнинных и горских жителей области. Виноградарство переселенцы заимствовали у дагестанцев, и затем эта отрасль хозяйства получила здесь дальнейшее развитие. Мареноводство русские тоже переняли у местного населения. Многовековая практика дагестанских скотоводов обогатила русское население рациональными приемами разведения и содержания мелкого рогатого скота. Элементы традиционной строительной культуры проникали в быт русского населения, немало заимствований можно было наблюдать и в одежде русских женщин и особенно мужчин. Хинкал, чуду, курзе, чурек, долма и другие блюда дагестанцев прочно вошли в рацион местных переселенцев. Повлияли на семейные и общественно-бытовые обряды русского населения также и элементы свадебной обрядности дагестанцев, распространенные в их среде обычаи гостеприимства и куначества, взаимопомощи. Русское население пользовалось рациональными методами и приемами из обихода лекарей народов Дагестана. В среде русских некоторые дагестанские мелодии и дагестанская лезгинка – не такие уж редкие явления.

Развитию народного образования в Дагестане отдавали свои силы и знания русские педагоги А.П. и Н.И. Скрабе, П.А. Егоров, О.С. Лопухина, С.М. Иванов, И.В. Машкова, А.П. Молотиков, Н.Ф. Тарасевич, М.С. Афанасьев, А.В. Тимушев, И.Я. Яковлев, С.М. Теньковский, Ф. Капельгородский и др.

Большую роль в распространении научных медицинских знаний, в снижении заболеваемости и смертности среди горцев сыграли знаменитый Н.И. Пирогов, врачи И.С. Костемеровский, Э.Ф. Гольмблат, Э.С. Андреевский, А.И. Годзиевский и др. В 1847 г. при осаде сел. Салты Н.И. Пирогов впервые применил эфирный наркоз. Свыше 600 операций с применением наркоза им проведено было затем в Темир-Хан-Шуре, Дербенте, Казии-Кумухе и других местах. Много времени и внимания он уделял обучению научным методам лечения местных горских врачей. 12 лет оказывал врачебную помощь населению Дагестана Э.М. Гольмблат. Целый ряд мероприятий по борьбе с инфекционными заболеваниями разработал в Дагестане Э.С. Андреевский, применявший, в частности, на практике хинин для лечения малярии. 53 года безвыездно провел в Дагестане И.С. Костемеровский, который только в должности врача Дагестанского полка оказал медицинскую помощь 15,5 тыс. больным (1852–1860 гг.). Не менее плодотворной была его деятельность в Гунибском, Казикумухском округах, в Петровском военном госпитале, повсюду он страстно про-

пагандировал медицинские знания. Много сил и самоотверженного труда отдал делу здравоохранения в крае и воспитанию местных медицинских кадров и менее известные русские медики, врачи и хирурги.

Огромное значение в культурном развитии народов Дагестана имел русский язык, посредством которого горцы получили возможность приобщиться к достижениям мировой науки и культуры. Весьма закономерно, что первый профессиональный театр в Дагестане был Русский драматический театр.

Научное изучение природы, истории, культуры и быта Дагестана связано с именами таких выдающихся русских ученых, как С.Г. Гмелин, Г.В. Абих, Д.Н. Анучин, А.И. Кузнецов, Н.И. Пирогов, В.В. Докучаев, М.М. Ковалевский, П.К. Услар, Е.И. Козубский, А.А. Булгаков, Д.В. Голубятников и др.

Большой вклад в изучение истории, археологии и этнографии Дагестана внесли русские ученые А. Берже, И. Березин, Е. Вейденбаум, В. Комаров, Н. Дубровин, Ф. Леонтович, М. Ковалевский, А. Неверовский, Н. Воронов и др.

В изучении недр, флоры и фауны Дагестана внесли бесценный вклад выдающиеся русские ученые Д.Н. Анучин, Г.В. Абих, Н.И. Андрусов, Е.И. Богданович, А.А. Булгаков, В.В. Докучаев, Д.В. Голубятников, Г. Рауде, К.П. Калицкий, Н.И. Кузнецов и др.

В дореволюционный период и в первые годы советской власти уровень образования русского населения Дагестана был существенно выше, чем у местного коренного населения. К 1960–1980-м годам положение нивелировалось.

Перспективы этнического развития русских в Дагестане, имеющие на своем пути определенные трудности, связанные с общей социально-политической обстановкой в стране, тем не менее обнадеживают. В последнее время, как уже указывалось, масштабы и темпы миграции русского населения из республики несколько уменьшились. Современные культурные и экономические проблемы пытаются решить общественные движения “Русь”, “Русская община”, “Терский казачий округ”.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Представленные сведения об этническом и демографическом облике, особенностях хозяйственной деятельности, семейном и общественном быте иллюстрируют материальное и духовное богатство культуры дагестанских народов. Многообразие, большая палитра специфических особенностей и этнокультурных явлений показывает, что многие проявления и феномены культуры дагестанских народов, воспринимаемые как национально специфические, особенные, – по сути варианты, дериваты, местные проявления более общих моделей, имеющих общедагестанский, зачастую и общесеверокавказский, общекавказский и даже общечеловеческий характер.

На начальном этапе исследования культуры дагестанских народов главным этнодифференцирующим признаком был язык. Разделив народы по языку и создав определенную лингвистическую классификацию, исследователи обнаружили и многочисленные соответствующие им этнокультурные различия и особенности. Однако при этом подчас недооценивался ряд факторов и обстоятельств, способствовавших сложению общих черт в культуре народов: генетические корни, сходные условия экологической ниши и хозяйственных занятий, общность исторических судеб и этнокультурных контактов, внутрیداгестанское общение и взаимодействие на почве хозяйственно-экономических (отгон скота на равнину, с равнины в горы, привлечение горцев в уборочную страду и другие виды сельскохозяйственного отхода с гор на равнину, обмен продукцией земледелия, скотоводства, промыслов и ремесла), культурных и военно-оборонительных интересов. На острую жизненную потребность горцев в обменных операциях продуктами сельского хозяйства и изделиями промыслов указал еще И.Г. Гербер. Более того, он связывает с этой жизненной необходимостью горцев и их миролюбивость, добрые отношения с жителями равнины (*Гербер, 1958. С. 83*).

О том, какое большое распространение (и значение) имели эти контакты, свидетельствует и удивительный феномен полигlossии в Дагестане, для жителей которого знание одного–двух и даже трех языков соседних народов было обычным явлением. Практические цели во многом обусловили функционирование “кустовых” региональных языков межэтнического общения, которыми стали азербайджанский (в Южном Дагестане), кумыкский (в центральной части), аварский (в центральном и западном горном Дагестане). На крупнейших еженедельных базарах-ярмарках в селениях Кумух, Ахты, Цудахар, Эндирей, Хунзах, Улуая и других, собиравших представителей десятков этносов и этнических групп, никогда не возникало необходимости в языке жестов – это обеспечивалось как массовым фактом полигlossии, так и знанием языков межнационального общения.

О важности, придаваемой знанию языков, свидетельствует дагестанский фольклор. Характерна притча о двух даргинцах, ушедших в отход на кумыкскую плоскость и не удосужившихся усвоить хотя бы азы языка народа, в среде которого они жили и работали. Увидя труп только что убитого человека, они в

растерянности стали над ним и на вопрос подошедших разъяренных сородичей и земляков убитого: “За что?” ответили двумя словами, которые они знали: один сказал “гъайва” (айва), другой – “учун” (за, из-за). Возбужденная толпа растерзала их, возмущившись фактом убийства “из-за айвы”.

Первым крупным исследователем, который констатировал, что культурное многообразие дагестанских народов сочетается с их базовой общностью, единством и что “этнографическая дробность не столь велика, как языковая”, был Е.М. Шиллинг, причем отмечено это в отношении народов Западного Дагестана, самого пестрого в этноязыковом плане (*Шиллинг*, 1948. С. 33).

В советское время прогрессивные изменения в культурной области, рост урбанизации, процессы унификации, нивелировки, внедрения промышленных стандартных предметов и изделий материальной культуры, господство новых идеологических форм русской и европейской культуры также способствовали сближению, взаимному уподоблению современных форм культуры и быта.

Вместе с тем идеологическая политика советского времени, зачастую отождествлявшая народные традиции с пережитками феодально-патриархальной культуры и быта, препятствовала функционированию народных обычаев, праздничных обрядов, подрывала устой положительного в целом горского менталитета.

Одной из ошибок того времени была и директивная нацеленность на этническую консолидацию родственных народов вокруг крупнейшего из них, в особенности народов андо-цезской группы вокруг аварцев. Однако годы после распада СССР показали тщетность усилий по поддержанию навязанной “консолидированности”.

В середине 1990-х годов в связи с обострением социально-экономической обстановки обострилась и этнополитическая ситуация, появилось много всяких национальных, а по существу нередко националистических организаций и движений, издающих соответствующую периодику, литературу, доказывающую исключительную древность отдельных этносов, их связь и родство с древнейшими народами, создавшими крупные цивилизации, о якобы утерянной ими древнейшей письменности, о зороастризме, зародившемся якобы в дагестанском высокогорье, и т.д. и т.п. Дошло до того, что даже духовное управление мусульман распалось на национальные квартиры.

Казалось, всеобщее противостояние и даже междуусобная война с последующим развалом Дагестана неизбежны. Однако народы на опыте политических игр, экономических махинаций и выборных баталий убедились, что многие политические лидеры, руководители всяческих комитетов, комиссий и движений пекутся не столько о родном народе, сколько о самих себе, что национально-патриотическая риторика прикрывает их личные интересы. Лакмусовой бумажкой, показавшей, что народы Дагестана не будут воевать между собой, явился довольно острый конфликт, разразившийся между кумыками и переселенцами-даргинцами в Хасавюртовском р-не (селения Костек, Ново-Костек). Конфликт, несмотря на его ожесточенность, не перерос в этнический, был локализован и разрешен на месте. Так и на этот раз возобладала традиция общедагестанского дома, отечества. А со временем начали свертываться национальные движения, вновь образовалось единое духовное управление, без всякого этнического противостояния прошли выборы в думу, а также выборы мэра Махачкалы, в которых противостояли аварец и даргинец.

В Дагестане, несмотря на его исключительную этническую пестроту, никогда не практиковалась традиция ставить на первый план этническую принадлежность. Путника, собеседника спрашивали не о национальности, а о местности, селении, откуда он родом. Когда принимали гостя, его не спрашивали не только о национальной, но даже о религиозной принадлежности. В устном народном творчестве дагестанских народов, в его поговорках, нет сюжетов и тем, указывающих на те или иные недостатки соседних этносов. Неслучайно, Омархан Аварский в письме грузинскому царю, желая напомнить о своей силе, пишет не об Аварском ханстве, не об аварцах, общее ополчение которых он, согласно своему рангу, возглавлял, а о Дагестане: “Мы живем в Дагестане, сила земли сей Вам довольно известна” (Дубровин, 1887. С. 149).

Окончательную проверку на межэтническое общедагестанское единство народы Дагестана прошли во время вторжения в августе 1999 г. Народы республики еще раз продемонстрировали, что они представляют единое целое, единый Дагестан. Конечно, отдельные народы, малые этнические общности никуда не делись, этническая пестрота – это осязаемая реальность республики, но она как бы замыкается на определенных этнополитических параметрах. Разумеется, дидойцы или андийцы, например, хотят быть прежде всего самими собой, по принципу “мы – не они”, но в то же время они не отказываются от признания родства с другими народами аваро-андо-цезской группы, признания ведущей позиции и роли собственно аварцев в этой группе.

Для всех народов остается по-прежнему важным сохранение своего этнонима, самоназвания и языка, тех элементов традиционной культуры, которые у них еще сохранились, а также возможность определенного представительства в органах управления. Среди своих соплеменников дидойцы, например, называют себя жителями определенного села, среди аварцев они – дидойцы, а в городе, в общении с представителями других дагестанских этносов скорее воспринимаются как аварцы, вне Дагестана, в России, Грузии и других сопредельных странах – как дагестанцы, вне России и стран СНГ – как россияне. Примерно такое же самосознание почти у всех малых этнических общностей, естественно, с определенной корреляцией степени этничности, этнического самосознания и самовыражения.

Более сложно обстоит дело в отношении сохранения этнической самобытности у тех этнических общностей, которые подверглись многократным переселениям (хваршины, гинухцы, гунзибцы, и др.). А поскольку процесс переселения ввиду более благоприятных условий хозяйствования и быта на равнине, продолжается, возникают проблемы обучения на родном языке, сохранности языка, особенностей культуры, быта, менталитета. Не исключено, что в отдаленной перспективе малые этносы, группами переселяющиеся на равнину, могут ассимилироваться аварской группой и пополнить ряды собственно аварцев.

В переселенческой среде намного быстрее идет процесс интернационализации быта и культуры, усвоения русского языка, урбанизации, унификации компонентов материальной культуры. Впрочем, процесс унификации, стандартизации и урбанизации в материальной сфере происходит по всей республике, не исключая и высокогорную ее часть. Характерно, что, несмотря на все усилия традиционалистского духовенства, молодежь приобщается к городской развлекательной культуре, современным формам одежды, косметики. Отмечаемый в последние годы количественный рост “верующей” молодежи не сопровождается изменением состояния их нравственной воспитанности, установок в сфере

морали, быта, межполового общения и т.п. Рост религиозности, таким образом, не сопровождается адекватным изменением параметров, диктуемых религиозно-этическими установлениями и догмами.

Постсоветское оживление в области национальных, особенно этнознаковых форм духовной культуры (язык, история, некоторые обряды и др.) свидетельствует о том, что этническая деформация и ассимиляция описанным в сборнике этносам не угрожает, хотя в перспективе они могут ожидать у малых общностей, охваченных массовым переселением на равнину. Тяжелая экономическая ситуация с сопутствующей масштабной безработицей способствуют напряженности общественно-политической обстановки в республике, в том числе и межэтнической ситуации, однако, серьезные национальные конфликты, этническая или гражданская война, и тем более развал республики маловероятны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993.
- Абакарова Ф.О. Кубачинский фольклор. Махачкала, 1996.
- Абас-Кули. Происхождение племен, населяющих нынешние закавказские провинции // Кавказ. № 1. Тифлис, 1848. С. 3–4.
- Абдуллаев М.А. Мыслители народов Дагестана XIX и начала XX вв. Махачкала, 1963.
- Абдуллаев М.А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX века. М., 1987.
- Абдуллаев М.А., Вагабов М.В. Актуальные проблемы критики и преодоления ислама. Махачкала, 1975.
- Абдулатипов Р. Дагестан в час испытания: Уроки агрессии и подвига. Махачкала, 2000.
- Абдулатипов А.-К.Ю. История кумыкской литературы (до 1917 г.). Ч. 1. Махачкала, 1995.
- Абдурагимов Г.А. Кавказская Албания – Лезгистан. История и современность. СПб., 1995.
- Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев // Журнал Министерства государственных имуществ. 1857. Т. 64. № 8. С. 25–30.
- Абилов А.А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959.
- Аболин Р.И. Краткая характеристика основных типов естественных угодий горного Дагестана. Махачкала, 1932.
- Абуков К.И. Ступени роста (Литературные связи). М., 1982.
- Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1984.
- Авшалумова Н.Х. Языческие обычаи, обряды и праздники у татов-иудаистов Дагестана // ЭО. 1995. № 3. С. 101–107.
- Авшалумова Н.Х. В зеркале татской народной сказки. Махачкала, 1996.
- Агарунов М., Гусейнов Р., Керимов Э. Горские евреи Азербайджана: Библиогр. указатель. Баку, 2000.
- Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – начало XX в. М., 1978.
- Агаширинова С.С., Османов М.О. Лезгины // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 223–225.
- Агаширинова С.С., Сергеева Г.А. К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана // СЭ. 1966. № 4. С. 117–126.
- Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX века) // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Т. XIII. Махачкала, 1964. С. 177–193.
- Агларов М.А. Поселения и жилища андийской группы народов в XIX – начале XX вв. // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Т. XVI. Махачкала, 1966. С. 268–292.
- Агларов М.А. Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана // ДЭС. Вып. 1. Махачкала, 1974. С. 204–228.
- Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX вв. М., 1988.
- Агларов М.А. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. XIX–XX вв. Махачкала, 1995 // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 679 (8779). Л. 1–301.
- Агларов М.А. Вопросы этногенеза и этнической истории андийцев // Этногенез в свете поликультурологии и этнонимии. Махачкала, 1998. С. 56–69.
- Агроклиматический справочник по Дагестанской АССР. Л., 1963.
- Агуль: Сб. статей по истории, хозяйству и материальной культуре / Отв. ред. А. Исламагомедов. Махачкала, 1975.
- Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Пер. В.М. Ловягина. СПб., 1906.
- Адаты Дагестанской области и Закатальского округа / Ред. И.Я. Сандрыгайло. Тифлис, 1899.
- Адаты Каратинского наибства // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаев. М., 1965. С. 143–151.

- Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. Отд. I. Ч. 3. С. 1–62.
- Аджиев А.М. Дальние дороги песни. Махачкала, 1977.
- Аджиев А.М. Кумыкская народная поэзия. Махачкала, 1983.
- Аджиев А.М., Ибрагимов М.-Р.А. Кумыки // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 214–216.
- Аджиев Алибек. Дагестан на рубеже веков: Вехи жизни и приоритеты возрождения. Махачкала, 2000.
- Адилсултанов А.А. Акки и аккинцы в XVI – XVIII вв. Грозный, 1992.
- Аедоницкий В.А. Из поездки в Дагестан летом 1914 года // Естествознание и география. 1916. № 5–7. С. 103–123; № 8–10. С. 1–23.
- Азизов С.А. Южнодагестанская патронимия (тухум) второй половины XIX – начала XX века. Махачкала, 1997.
- Айтберов Т.М. Сведения по экономической истории Дагестана XV в. в “Перечне повинностей, которые получает шамхал и крым-шамхал” // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная сессия ЛО ИВАН СССР. Докл. и сообщ. М., 1979. С. 3–9.
- Айтберов Т.М. Материалы по истории Дагестана XV – XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 82–104.
- А.К. Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. Отд. IV. Ч. 1. Тифлис, 1869. С. 1–44.
- Акавов З.Н. Нравственные истоки. Махачкала, 1978.
- Акаев Б.А., Атаев З.В., Гаджиев Б.С. и др. Физическая география Дагестана / Отв. ред. Б.А. Акаев. М., 1996.
- Акимова М.С. Антропологический тип лезгин // КСИЭ. Вып. 16. М., 1952. С. 69–74.
- Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею / Под ред. Ад. Берте. Тифлис, 1884. Т. IX.
- Алексеев В.П. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Т. XIII. Махачкала, 1964. С. 155–173.
- Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1974.
- Алиев А.К. Народные традиции и обычаи и их роль в формировании нового человека. Махачкала, 1968.
- Алиев Б.Г. Памятники арабской письменности XII–XVIII вв. по истории Верхней Даргинии // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Т. XX. Сер. общ. наук. Махачкала, 1970. С. 253–262.
- Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. Махачкала, 1972.
- Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в. Кн. I. Махачкала, 1999; Кн. II: Историческая география Южного Дагестана. Махачкала, 2001.
- Алиев Б.Т. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX века: Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти. Махачкала, 1999.
- Алиев К. Кумыки. История и современные проблемы // Кавказ. Баку, 1997. Август. С. 30–36.
- Алиев К. Кумыкские общины за рубежом // Возрождение. Махачкала, 1999. № 5. С. 35–42.
- Алиев К.М. Проблема происхождения кумыков // Вести кумыкского научно-культурного общества. Махачкала, 2001. С. 4–18.
- Алиев С.М.-С. Слово, испытанное веками. Махачкала, 1977 (на кумык. яз.).
- Алиева В.Ф. Городское население Дагестана. Махачкала, 1975.
- Алиева В.Ф. Население Дагестана. Махачкала, 1999.
- Алимова Б.М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем (Равнинный Дагестан). Махачкала, 1989.
- Алимова Б.М. Табасаранцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992.
- Алимова Б.М. Кайтаги. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1998.
- Алимова Б.М., Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И. Из истории духовной культуры табасаранцев (Традиционные верования, обычаи и обряды). Махачкала, 2000.
- Алимова Б.М., Лугуев С.А. Годоберинцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, 1997.
- Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993.

- Алимова Б.М., Сергеева Г.А. Табасаранцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 316–319.
- Алимова Б.М., Сефербеков Р.И. Табасаранцы // Народы Дагестана: Этнос и политика. Махачкала, 1994. № 1. С. 27–33.
- Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.
- Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978.
- Алироев И.Ю. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994.
- Алиханов-Аварский М. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев // Тифлисский листок. 1899. № 5.
- Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан / Прим. А. Гасанова. Махачкала, 1929.
- Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана // ССКГ. Вып. VII. Отд. III. Тифлис, 1873. С. 1–80.
- Амирханов Х.А. Чохское поселение: Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М., 1987.
- Андрианов Б.В. К изучению аэроэтнографии // СЭ. 1976. № 3. С. 89–97.
- Анисимов И.Ш. Кавказские евреи-горцы. М., 1888.
- Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1892 г. // Изв. ИРГО. Т. XX. Вып. IV. СПб., 1884. С. 357–449.
- Армянская география VII в. / Пер. К.П. Патканова. СПб., 1877.
- Арсаханов И.А. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959.
- Арсаханов И.А. Чеченская диалектология. Грозный, 1969.
- Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Арутюнов С.А. Народные механизмы языковой традиции // Язык, культура, этнос. М., 1994. С. 9–12.
- Арутюнов С.А. Народы мира и их взаимоотношения сегодня // Человек и общество: Современный мир. М., 1997. С. 64–99.
- Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001. С. 10–17 (а).
- Арутюнов С.А. Россия, Кавказ и Чечня сегодня // Расы и народы. Вып. 26. М., 2001. С. 7–14 (б).
- Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 19–33.
- Арутюнов С.А., Сергеева Г.А., Кобычев В.П. Народы Кавказа. Материальная культура: Пища. Жилище / Материалы к сер. “Народы и культуры”. М., 1995.
- Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: Проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 140–147.
- Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX века). Махачкала. 1967.
- Аствацатурян Э.Г. История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX в. Дагестан и Закавказье. Ч. 1. М., 1977.
- Атаев Б.М. Аварцы. История. Язык. Письменность. Махачкала, 1996.
- Атаев Д.М. Археологические исследования в Дидо // СА. 1961. № 1. С. 282–288.
- Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
- Ахвердов А.И. Описание Дагестана // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958. С. 213–229.
- Ахмедуев А.Ш. Проблемы обеспечения экономической безопасности Республики Дагестан // Вест. ДНЦ РАН. № 2. Махачкала, 1998. С. 129–134.
- Ахмедханов Б. Увидимся в раю // Новое дело. № 41. Махачкала, 2000. С. 4.
- Аширов Н. Эволюция ислама в СССР. М., 1972.
- Бабаев Д. Селение Ахты // СМОМПК. Вып. XVII. Отд. I. Тифлис, 1893. С. 138–148.
- Бабич И.Л. Ислам в современной Кабардино-Балкарии: правовые аспекты // ЭО. 2001. № 2. С. 131–142.
- Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927.
- Бакиханов А.К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
- Бадалов Ф.А. Язычество лезгин. Дербент, 2000.
- Бацадаса М. (Гусейнов М.М.) История селения Саситли (Историко-этнографический очерк). Махачкала, 1994.

- Баширов А.С.* Искусство Дагестана: Резные камни. М., 1931.
- Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел С.А. Белокуровым. Вып. I. М., 1889.
- Берг Л.С.* Географические зоны Советского Союза. Т. 2. М., 1952.
- Березин И.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. С картами и планами. Казань, 1850.
- Березинский Н.А.* Статистический очерк городов Дагестана: Результаты городской переписи 1923 г. // Бюл. Дагестанского статистического управления. Вып. 1. № 1. Махачкала, 1923.
- Близниченко В., Потанина А.* Дагестанская горная порода овец. Махачкала, 1967.
- Бобровников В.О.* Дагестан: земля и люди на ней // Ваш выбор. М., 1994. № 3. С. 39–41.
- Бобровников В.О.* Дагестан: между Россией и мусульманским Востоком // Вестник Евразии. М., 1995. № 1. С. 129–138.
- Бобровников В.О.* Колхоз как хранитель исламского уклада // Ваш выбор. М., 1996. № 3. С. 18–23.
- Бобровников В.О.* Ислам и советское наследие в колхозах Северо-Западного Дагестана // ЭО. 1997. № 5. С. 132–142.
- Бобровников В.О.* Абу Муслим // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопед. словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 5–7 (а).
- Бобровников В.О.* Махкама шар' ийа (Шариатский суд) // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопед. словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 61–63 (б).
- Бобровников В.О.* Иерархия и власть в горной дагестанской общине // Расы и народы. Вып. 26. М., 2001. С. 96–107 (а).
- Бобровников В.О.* Ислам на постсоветском Северном Кавказе (Дагестан): мифы и реалии // Ислам на постсоветском пространстве: Взгляд изнутри. М., 2001. С. 72–99 (б).
- Бобровников В.О.* Советские национальные реформы и смена идентичности народов Северо-Западного Дагестана // Расы и народы. Вып. 26. М., 2001. С. 68–95 (в).
- Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А.* “Ваххабиты” Северного Кавказа // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопед. словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 19–23.
- Бокарев Е.А.* Цезские (диодийские) языки Дагестана. М., 1959.
- Борцы за власть Советов в Дагестане / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. Махачкала, 1987.
- Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Агларов. Махачкала, 1988.
- Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – начале XX вв.: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Агларов. Махачкала, 1986.
- Бредэ К.А.* Отчет о раскопках археологических памятников на горе Сигитми // Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. 1956. ф. 3. Оп. 3. Д. 35.
- Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография М., 1973.
- Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (Очерки теории и истории). М., 1981.
- Брук С.И.* Основные проблемы этнической географии (Методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования). М., 1964.
- Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. М., 1823.
- Брук С.И., Козлов В.И.* Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // СЭ. 1967. № 6. С. 3–20.
- Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: “Согласно Вашему указанию...”: [О депортации народов в СССР в 30–40-е гг.]. М., 1995.
- Будущее Дагестана: Экономика, экология, культура, политика: Мат-лы научно-практич. конф. / Ред.-сост. У.А. Раджабов. Махачкала, 1989.
- Булатов А.О.* Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX вв. Махачкала, 1990.
- Булатов Б.Б.* Дагестан на рубеже XIX–XX вв. Махачкала, 1996.
- Булатов Б.Б., Лугуев С.А.* Духовная культура народов Дагестана в XVII–XIX вв. (аварцы, даргинцы, лакцы). Махачкала, 1999.
- Булатова А.Г.* Национальная одежда дагестанских цахуров // ДЭС. Вып. 1. Махачкала, 1974. С. 119–143.
- Булатова А.Г.* Праздники летнего календарного цикла у даргинцев (XIX – нач. XX в.) // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С. 47–63.
- Булатова А.Г.* Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX века. Л., 1988.

- Булатова А.Г.* Рутульцы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993. Рукопись. Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 775 (9430).
- Булатова А.Г.* Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб., 1999.
- Булатова А.Г.* Лакцы: Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX века). Махачкала, 2000.
- Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.* Одежда народов Дагестана: Историко-этнографический атлас. Пушино, 2001.
- Бунак В.В.* Работы А. Элькинда по антропологии евреев и современное положение вопроса о расовом типе евреев // Русский антропологический журнал. Т. 12. Кн. 1–2. М., 1922. С. 155–171.
- Буниятов З.М.* Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965.
- Бутаев Д.Б.* Казикумух // Новое обозрение. 1891. № 2756. С. 3–4; № 2759. С. 2–3.
- Бутков П.Г.* Записки персидского похода 1796 года, или Все, что я видел, слышал, узнал // *Бутков П.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. II. СПб., 1869. Приложение. С. 563–592.
- Буцковский А.М.* Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958. С. 239–246.
- Бучаев Г.А.* Земля должна иметь реального хозяина // Дагестанская правда. 17 мая 2000 г. С. 1–2. Бюллетень Дагестанского статистического управления. Махачкала, 1923. Вып. 3.
- Вавилов Н.И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2. С. 74–83.
- Вавилов Н.И.* Горное земледелие Северного Кавказа и перспективы его развития // Изв. АН СССР. Сер. биологическая. М., 1957. № 5. С. 590–600.
- Вагабов М.В.* Ислам и проблемы формирования атеистического мировоззрения молодежи. Махачкала, 1988.
- Вагабов М.М.* Железнодорожный и морской транспорт Дагестана. История становления и развития (конец XIX – 90-е гг. XX вв.). Махачкала, 1997.
- Васильев А.Г.* Казикумухцы // Этнографическое обозрение. М., 1899. № 3. С. 61–98.
- Васильев А.Г.* Тавлинцы // Новое обозрение. 1889. № 1919.
- Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Записки Российской Академии наук по отделению исторических наук и филологии. Петроград, 1922. Т. XIII. № 6.
- Вести с мест // Газета “Баку”. 30 апреля 1905 г. С. 1.
- Викторов А.Ф., Гиммельрейх В.А., Львов П.А., Микулич И.Н., Эльдаров М.М.* Дагестанская АССР: Физико-географический и экономико-географический очерк. Махачкала, 1963.
- Вильер де Лиль-Адам В.* Две недели в Даргинском округе (Путевые заметки) // ССКГ. Вып. VIII. Отд. II. Тифлис, 1875. С. 1–25.
- Виноградов В.Б.* Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1971–1975 гг.) // История СССР. 1977. № 3. С. 158–166.
- Виноградов В.Б.* Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1976–1985: Итоги и перспективы изучения) // История СССР. 1987. № 3. С. 89–102.
- Виноградов В.Б., Умаров С.Ц.* О некоторых ранних вайнахских этнонимах // Проблемы археологии и этнографии / ЛГУ им. Жданова. Вып. 3. Л., 1985. С. 56–64.
- Волкова Н.Г.* Изменения в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы Советской власти // СЭ. 1965. № 2. С. 40–56.
- Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
- Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974.
- Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н.* Бытовая культура Грузии XIX–XX вв.: Традиции и инновации. М., 1982.
- Волкова Н.Г., Сергеева Г.А.* Дагестан: Исторический и современные аспекты этнокультурных процессов // Дагестан: Этнополитический портрет. Очерки, документы, хроники. Т. 3. М., 1995. С. 20–42.
- Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Вып. I. Отд. VI. Тифлис, 1868. С. 1–36; Вып. III. Отд. III. Ч. 3. Тифлис, 1870. С. 1–40.
- Всероссийская перепись 1916 г. Терская область. Поселенные итоги. Владикавказ, 1917.

- Всероссийская перепись 1917 г. Дагестанская область // Тр. Дагестанского статистического управления. Махачкала, 1924. № 1–6.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Дагестанская АССР. ЦСУ. Т. V. М., 1928.
- Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992.
- Габиев С.* Арабы, ислам и арабо-мусульманская культура. Петроград, 1915.
- Габиев С.* Лаки, их прошлое и быт // СМОМПК. Вып. XXXVI. Отд. I. Тифлис, 1906. С. 1–110.
- Габиев Д.С.* Эволюция лакского жилища (XVIII – XX вв.) // КЭС. Вып. 4. М., 1969. С. 147–182.
- Гаджиев А.Г.* Происхождение народов Дагестана (По данным антропологии). Махачкала, 1965.
- Гаджиев А.Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975.
- Гаджиев А.С.* Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964.
- Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965.
- Гаджиев В.Г.* Сочинение И. Гербера “Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся” как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.
- Гаджиев В.Г.* Шамиль (Историко-политический портрет) // Российский ежегодник. Вып. 1. М., 1989. С. 134–148.
- Гаджиев Г.А.* Чамалалы. XIX – начало XX века.: Историко-этнографическое исследование / Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Д. 693 (8848). Махачкала, 1988.
- Гаджиев Г.А.* Багулалы в XIX – начале XX века. (Историко-этнографическое исследование) / Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 702 (8857). Махачкала, 1989.
- Гаджиев Г.А.* Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991.
- Гаджиев Г.А.* Верования и обряды: Доисламский период. Махачкала, 1993.
- Гаджиев Г.А.* Багулалы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 101–102 (а).
- Гаджиев Г.А.* Чамалалы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 394–395 (б).
- Гаджиев Г.А.* Амулеты и талисманы народов Дагестана. Махачкала, 1996.
- Гаджиев М.Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969.
- Гаджиев М.Г.* Древнее земледелие и скотоводство в Горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980. С. 7–14.
- Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: Эпоха энеолита и ранней бронзы. М., 1991.
- Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана (с древнейших времен до конца XV в.) / ДНЦ РАН. Ин-т истории, археологии и этнографии. Махачкала, 1996.
- Гаджиев М.-С.* Информационный отчет “О состоянии и деятельности религиозных культов на территории Дагестанской АССР в 1969 году” // ГАРД. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 78. Л. 4–37.
- Гаджиева С.Ш.* Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961.
- Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. М., 1976.
- Гаджиева С.Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX вв. М., 1979.
- Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана XIX–начало XX в. М., 1981.
- Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. М., 1985.
- Гаджиева С.Ш.* Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала, 1989.
- Гаджиева С.Ш.* Дагестанские терекменцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1990.
- Гаджиева С.Ш.* Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1999.
- Гаджиева С.Ш., Гольдштейн А.Ф.* Жилище дагестанских терекменцев XIX – нач. XX веков // ДЭС. Вып. I. Махачкала, 1974. С. 45–68.
- Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашиева А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
- Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. Л., 1979.
- Галонифонтибус И.* Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Из сочинения “Книга познания мира” / Перевод и публикация Л.Тарди. Баку, 1980
- Гамзатов Г.* Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М., 1996.
- Гамзатов Г.* Дагестанский феномен возрождения. Махачкала, 2000.
- Ган К.Ф.* Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.) // СМОМПК. Вып. XXXI. Отд. II. Тифлис, 1902. С. 49–96.

- Ган К.Ф. Экскурсия в Нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 г. // Изв. КОИРГО. Вып. IV. Т. XV. Отд. II. Тифлис, 1902. С. 211–248.
- Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967.
- Гасан Эфенди Алкадари. Асари Дагестан / Пер. и коммент. Али Гасанова. Махачкала, 1929.
- Гасан Эфенди Алкадари. Асари Дагестан / Вступ. ст., коммент., примеч. и общая редакция В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1994.
- Гасанов М. Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). Махачкала, 1999.
- Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.
- Гасанова С.М. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971.
- Гвоздецкий Н.А. Физическая география Кавказа. Вып. I: Общая часть. Большой Кавказ. М., 1954; Вып. 2: Предкавказье. Закавказье. М., 1958.
- Гвоздецкий Н.А. Кавказ: Очерки природы. М., 1968.
- Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане. 1835/1836 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958. С. 337–352.
- Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. V. Л., 1930. С. 681–761.
- Гербер И.-Г. Известие о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куромъ народах и землях, и о их состоянии в 1728 году... // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль. С. 3–48; Август. С. 99–140; Сентябрь. С. 195–232; Октябрь. С. 291–308.
- Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.О. Хашаева. М., 1958. С. 60–120.
- Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан. Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 г. // Военный сб. СПб., 1862. Т. XXIII. № 1. С. 119–164; № 2. С. 387–422; № 3. С. 61–90.
- Голотвин Ж.Г., Маматов М.Е. Таты // Вопр. истории. 1986. № 11. С. 185–188.
- Гольдштейн А. Башни в горах. М., 1977.
- Горские евреи: История, этнография, культура: [По материалам моногр. М. Альшулера “Евреи Восточного Кавказа”] / Пер. с иврита / Сост. и научн. ред. В. Дымшица. Иерусалим; Москва, 1999.
- Госкомстат Республики Дагестан: Материалы за 1991 г. Махачкала, 1992.
- Госкомстат Республики Дагестан. Сведения за 1994 г. Махачкала, 1995.
- Госкомстат РФ. Фонд “Перепись населения 1939 года”. Д. 41.
- Гумилев Л.Н. Этнос и ландшафт // Изв. Географического общ-ва СССР. № 100. Вып. 3. Л., 1968. С. 193–202.
- Гусейнов Г.-Р. А.К. Тюркизмы в чеченском языке (Проблемы, суждения, материалы) // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985. С. 139–155.
- Гусейнов Г.-Р. А.К. Кумыкский этнос на Северо-Восточном Кавказе и в Дагестане (Языковая ситуация, языковые проблемы и конфликты) // Языковая проблема Российской Федерации и законы о языках. М., 1994. С. 64–70.
- Гусейнов Г.-Р. А.К., Мугумова А.Л. К статистическому и историко-хронологическому анализу лексических сходжений и расхождений в отраслевом словарном составе нахских и вайнахских языков и диалектов // Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1983. С. 42–47.
- Гусейнов М. Картины эволюции кумыкской прозы 60–80-х гг. Махачкала, 1993.
- Гусейнов М.М. История селения Бацада: Историко-этнографический очерк. Махачкала, 1993.
- Гусейнов М.М. Мусульманская ритуальная поэзия аварцев Ункратля в XIX – начале XX в. // Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения. 1994–1995 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1997. С. 66–68.
- Гюль К.К., Власова С.В., Кисин И.М., Тертеров А.А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.
- Давид И. История евреев на Кавказе. Т. 1–2. Тель-Авив, 1989.
- Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.
- Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1990.

- Дагестан в эпоху Великого переселения народов: Этногенетические исследования / Отв. ред. М.А. Агларов. Махачкала, 1998.
- Дагестан к 50-летию Великого Октября: Стат. сб. Махачкала, 1967.
- Дагестан к 60-летию Великого Октября. Стат. сб. Махачкала, 1977.
- Дагестан: Село Хуштага / Сост. Т.Ф. Сиверцева, М.Ю. Рошин, В.О. Бобровников. М., 1995.
- Дагестан: этнополитический портрет. Очерки. Документы. Хроника / Сост. и отв. ред. В.Ф. Грызлов. Т. 1–4. М., 1993–1995.
- Дагестанская АССР. Административно-территориальное деление. Махачкала, 1980.
- Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890.
- Дагестанская промышленность за пять лет. 1920–1925 гг. Общий обзор ко дню пятилетнего юбилея Даг ЦСНХ. Махачкала, 1925.
- Дагестанские летописи: Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи / Предисл. П. [Услара] // ССКГ. Вып. V. Отд. I. Ч. 1. Тифлис, 1871. С. 1–30.
- Дагестанский сборник / Сост. Е.И. Козубский. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902.
- Дагестанский сборник / Сост. Е.И. Козубский. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904.
- Дагестанский сб. / Ред. колл. Б.Г. Маллачиханов, Д.М. Павлов. Вып. III. Махачкала, 1927.
- Дагестанский этнограф. сб. Вып. 1. Махачкала, 1974.
- Далгат Э. М.* Крестьянство Дагестана на рубеже XIX–XX вв. Махачкала, 2000.
- Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1857.
- Даниялов А.Д.* Доклад на юбилейной сессии Верховного Совета ДАССР, посвященный 20-летию автономии Дагестана // Дагестанская правда. 16 ноября 1940 г. С. 1–2.
- Даниялов Г.Д.* Социалистические преобразования в Дагестане (1920–1941). Махачкала, 1960.
- Даниялов Г.Д.* Развитие экономики и культуры Дагестана (1945–1965). М., 1966.
- Даниялов Г.Д.* Строительство социализма в Дагестане (1918–1937). М., 1988.
- Даргинцы: Социально-гигиеническое исследование. М.; Л., 1930.
- Османов М.О.* Даргинцы // Возрождение. № 4 (спец. выпуск). Махачкала, 1998. С. 13–25.
- Дебилов П.М.* Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966 (а).
- Дебилов П.М.* Резьба по камню в Дагестане. М., 1966 (б).
- Дебилов П.М.* Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982.
- Декоративное искусство Дагестана / Авт.-сост. Д. Чирков; Введ. Р. Гамзатов. М., 1971.
- Демографический ежегодник Республики Дагестан. 1999 год.: Стат. сб. Махачкала, 2000.
- 10 лет социалистического строительства в Дагестанской АССР. Махачкала, 1931.
- Джанашвили М.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России: Описание Осетии, Дзурдзукии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии. – О царях Хазаретии. – Алгузиани. // СМОМПК. Вып. XXII. Отд. I. Тифлис, 1897. С. 1–196.
- Джанибеков А.-Х.Ш.* Авыл поэзиясы. Махачкала, 1935. (На ногай. яз.).
- Джанибеков А.-Х.Ш.* Исторический очерк ногайцев // Архив Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 121.
- Динник Н.Я.* Путешествие по Закатальскому округу и Дагестану // Изв. КОИРГО. Т. XXI. Кн. 2. Тифлис, 1911. С. 1–60.
- Дирр А.М.* Арчинский язык: Грамматический очерк, тексты, сборник арчинских слов с русским к нему указателем // СМОМПК. Вып. XXXIX. Отд. III. Тифлис, 1908. С. I–VII; С. 1–227.
- Добрынин Б.Ф.* География Дагестанской АССР. Буйнакск, 1926.
- Доклад Завадского А.М. о поездке вверх по Андийскому Коюсу. Протокол состоявшегося 23 сентября 1903 года обыкновенного общего собрания членов отдела // Изв. КОИРГО. Т. XVI. Вып. V. Отд. II. Тифлис, 1903. С. 19–24.
- Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане / Отв. ред. М.М. Маммаев. Махачкала, 1984.
- Дробышев Д.В.* Геологическое строение Дагестанской АССР и ее полезные ископаемые // Природные ресурсы Дагестанской АССР. Т. I. М.; Л., 1935. С. 13–31.
- Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I–IV. СПб., 1871–1888.
- Дьяконов И.М.* Очерки истории древнего Ирана. М., 1961.
- Еврейская энциклопедия. Т. VI, IX. СПб. Б/г.
- Емельянова Н.М.* Мусульмане Кабарды. М., 1999.
- Ермолов А.П.* Записки. Ч. II. М., 1868.

- Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974.
- Заикин Г.М.* Населенные места Дагестана. Темир-Хан-Шура, 1917.
- Закон Республики Дагестан “О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан” // Дагестанская правда. № 198. 24 сентября 1999 г. С. 2.
- Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – нач. XX в.): Историко-этнографические очерки. М., 1974.
- Зиссерман А.Л.* 25 лет на Кавказе (1842–1867). Ч. 1–2. СПб., 1879.
- Зонн С.В.* Опыт естественноисторического районирования Дагестана // Сельское хозяйство Дагестана. М., 1946. С. 49–71.
- Зубов П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных ему земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. III. СПб., 1835.
- Ибрагимов Г.Х.* Цахурский язык. М., 1990.
- Ибрагимов М.-Р.А.* К истории формирования русского населения Дагестана (вторая половина XVI – начало XX в.) // СЭ. 1978. № 2. С. 83–94.
- Ибрагимов М.-Р.А.* Численность и этнический состав сельского населения Дагестана в XIX – начале XX вв. // Быт сельского населения Дагестана (XIX – нач. XX в.). Махачкала, 1981. С. 88–106.
- Ибрагимов М.-Р.А.* Народы Дагестана в XX в. (Этнодемографические проблемы) // Расы и народы. № 21. М., 1991. С. 100–127.
- Ибрагимов М.-Р.А.* Аккинцы в Дагестане (XVI–XX вв.) // Историческая этнография. Межвузовский сб. Вып. 4. СПб., 1993. С. 58–69.
- Ибрагимов М.-Р.А.* Этническая ситуация в Дагестане в конце XIX – начале XX в. // Этнос и этнические процессы. Памяти Р.Ф. Итса. М., 1993. С. 167–174.
- Ибрагимов М.-Р.А.* Ногайцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 256–258.
- Ибрагимов М.-Р.А.* Современный Дагестан: Лики этничности ислама // Вести КНКО. № 2–3. Махачкала, 2000. С. 14–16.
- Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968.
- Извлечение из сочинения Мухаммеда-Рафи, прозванного Абуль-Федом Зияэдином, под заглавием “Тарихъ Дагестана” (пер. с арабского) // *Алиханов-Аварский М.* Тарихи Дербенд-Наме. Тифлис, 1898. Прилож. IX. С. 164–192.
- Иноземцева Е.И.* Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2001.
- Иоселиани Н.* Путевые заметки по Дагестану в 1861 г. Тифлис, 1862.
- Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: “Их надо депортировать”: Документы, факты, комментарии / Вступ. статья, сост., послесл. Н.Ф. Бугай. М., 1992.
- Исаев З.* Чья земля нас кормит // Новое дело. 1999. № 21. С. 4.
- Искендеров Г.А.* История совхозного строительства в Дагестане. М., 1982.
- Искусство Кубачи: Альбом / Автор-сост. А. Иванов. Л., 1976.
- Исламмагомедов А.И.* Поселения и жилища цахуров в XIX–XX вв. // ДЭС. Вып. 1. Махачкала, 1974. С. 69–118.
- Исламмагомедов А.И.* Дореволюционное поселение дагестанских азербайджанцев // Быт сельского населения Дагестана (XIX – нач. XX вв.). Махачкала, 1981. С. 17–29.
- Исламмагомедов А.И.* Цахуры // Политический собеседник. № 7. Махачкала, 1991. С. 14–18.
- Исламмагомедов А.И., Сергеева Г.А.* Аварцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 69–72.
- Исламмагомедов А.И., Сергеева Г.А.* Агулы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 72–75.
- Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды: Сб. статей: По материалам научно-практич. конференции... 15–16 ноября 1991 г. / Сост. Д.С. Кидирниязов. Махачкала, 1993.
- История Апшеронского полка. 1700–1892 / Сост. Богуславский Л.А. СПб., 1892. Т. II.
- История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958.
- История Дагестана: В 4-х т. / Глав. ред. Г.Д. Даниялов. Т. 1. М., 1967; Т. 2, 3. М., 1968; Т. 4. М., 1969.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / [В.П. Любин, Х.А. Амирханов, П.У. Аутлев и др.]; Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988.

- История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.) / Нарочницкий А.Л., Гаджиев В.Г., Грищенко Н.П. и др. / Отв. ред. академ. А.Л. Нарочницкий. М., 1988.
- История советского крестьянства Дагестана Т. I. 1917 – июнь 1941 / Отв. ред. Г.Ш. Каймарзов. Т. II. 1941–1980 гг. Махачкала, 1986 / Отв. ред. Г.Ш. Каймарзов. Махачкала, 1989.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. М., 1962.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. М., 1973.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991.
- Ихилов М.М.* Горские евреи. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1949.
- Ихилов М.М.* Горские евреи // Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960. С. 554–561.
- Ихилов М.М.* Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967.
- Кавказский календарь на 1879 г. / Ред. Шавров. Тифлис, 1878.
- Кавказский календарь на 1887 г. / Ред. Кондратенко Е.И. Тифлис, 1886.
- Кавказский календарь на 1893 г. / Ред. Кондратенко Е.И. Тифлис, 1892.
- Кавказский календарь на 1916 г. / Ред. Н.П. Стельмашук. Тифлис, 1915.
- Кадыраджиев К.С.* Проблемы сравнительно-исторического изучения кумыкского и тюркских языков. Махачкала, 1998.
- Кажлаев А.Н.* Возникновение и экономическое развитие Махачкалы. Махачкала, 1967.
- Кажлаев А.Н.* Возникновение и экономическое развитие городов Дагестана. Махачкала, 1972.
- Казанбиев М.А.* Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. Махачкала, 1970.
- Казбек Г.Н.* Военно-статистическое описание Терской области. Ч. I. Тифлис, 1888.
- Казикумухский округ // Новое обозрение. 1890. № 2159.
- Каймарзов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971.
- Каймарзов Г.Ш.* Прочувствие в доревлюционном Дагестане. Махачкала, 1989.
- Каймарзов Г.Ш., Керимов И.К., Койстинен Г.Г., Мелешко А.Г.* Дагестан в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Махачкала, 1963.
- Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Сб. статей / Отв. ред. А.Г. Булатова. Махачкала, 1987.
- Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.
- Калоев Б.А.* Из истории земельных отношений у агулов в XIX – начале XX вв. // КСИЭ. Вып. XX. М., 1954. С. 44–51.
- Калоев Б.А.* Поселение и жилища агулов // КСИЭ. Вып. XXIII. М., 1955. С. 34–45.
- Калоев Б.А.* Чеченцы // Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960. С. 345–374.
- Калоев Б.А.* Агулы // КЭС. Вып. III. М., 1962. С. 69–109.
- Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
- Калоев Б.А.* Скотоводство народов Северного Кавказа. М., 1993.
- Кандауров А.А.* К вопросу о происхождении кумыков. Махачкала, 1995.
- Канивец В.И.* Памятники бронзового века на Сулаке // Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. 1956. Ф. 3. Оп. 3. Д. 26.
- Капельгородский Ф.И.* Караногай // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 10. С. 43–53.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. III. Т. XI. СПб., 1845.
- Каранаилов О., Барсов А.* Аул Чох // СМОМПК. Вып. IV. Отд. II. Ч. 1. Тифлис, 1884. С. 1–24.
- Карпов Ю.Ю.* Общинный зимний праздник у цезов // СЭ. 1983. № 3. С. 114–119.
- Карпов Ю.Ю.* Персонажи шайтлинского праздника игби: Атрибуты костюмов и общественные функции // Сб. Музея антроп. и этногр. им. Петра Великого. Т. 43. Л., 1989. С. 133–152.
- Карпов Ю.Ю.* Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып. 1. М., 1990. С. 7–31.
- Карпов Ю.Ю.* О функциональном значении некоторых элементов традиционной обрядности и общественного быта у народов Западного Дагестана // Этнографическая наука и этнографические процессы: Способы взаимодействия. СПб., 1993. С. 124–136.

- Карнов Ю.Ю.* Заметки о традиционном общественном быте цахуров // Материалы полевых этнографических исследований: Сб. статей / РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 3. СПб., 1996. С. 5–18 (а).
- Карнов Ю.Ю.* Джигит и Волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996 (б).
- Карнов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.
- Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (Дореволюционный период) / Сост. А.А. Исаев. Махачкала, 1989.
- Керейтов Р.Х.* Этническая история ногайцев (К проблеме этногенетических связей ногайцев). Ставрополь, 1999.
- Кидирниязов Д.С.* Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XIV–XVIII вв. Махачкала, 1999.
- Кидирниязов Д.С.* Ногайцы в XV–XVIII вв. (Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). Махачкала, 2000 (а).
- Кидирниязов Д.С.* Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII веке. Махачкала, 2000 (б).
- Кильчевская Э.В.* Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962.
- Кильчевская Э.В.* От изобразительности к орнаменту. М., 1968.
- Кильчевская Э.В., Иванов А.С.* Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.
- Кириллов А.С.* Земельная реформа в Дагестане. М., 1928.
- Кисриев Э.Ф.* Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1994. № 72. М., 1994.
- Кобычев В.П.* Поселения и жилище народов Северного Кавказа. М., 1982.
- Ковалевский М.М.* Дагестанская “Народная правда” // ЭО. Кн. 4. № 1. М., 1890. С. 1–24.
- Козлов В.И.* Этнос и экономика: Этническая и экономическая общность // СЭ. 1970. № 6. С. 47–60.
- Козлов В.И.* Этнос и территория // СЭ. 1971. № 6. С. 89–100.
- Козлов В.И.* Этнос и культура (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры) // СЭ. 1979. № 3. С. 71–86.
- Козубский Е.И.* Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища. Петровск, 1890 (а).
- Козубский Е.И.* Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища (1890–1899). Петровск, 1890 (б).
- Козубский Е.И.* Опыт библиографии Дагестанской области // Памятная книжка Дагестанской области на 1895 год. Темир-хан-Шура, 1895.
- Козубский Е.И.* К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие // Дагестанский сб. Вып. I. Отд. II. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 189–230.
- Козубский Е.И.* Р.Ф. фон Эркерт и его сочинение “Die Sprachen des Caucasicsehen” // Изв. КОИРГО. Т. XVI. Вып. IV. Отд. II. Тифлис, 1903. С. 68–72.
- Козубский Е.И.* Материалы для библиографии Дагестана // Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 249–257.
- Козубский Е.* История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
- Комаров А.В.* Адады и судопроизводство по ним (материал для статистики Дагестанской области) // ССКГ. Вып. I. Отд. II. Тифлис, 1868. С. 1–88.
- Комаров А.В.* Списки населенных мест Дагестанской области // Сб. статистических сведений о Кавказе / Под ред. Н.И. Воронова. Т. I. Отд. I. Тифлис, 1869. С. 3–123.
- Комаров А.* Народонаселение Дагестанской области // Зап. КОИРГО. Кн. VIII. Тифлис, 1873. С. 33–45.
- Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. 1–3 // КЭС. Вып. I. М., 1955. С. 265–374; Вып. II. М., 1958. С. 139–274; Вып. III. М.; Л., 1962. С. 158–288.
- Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961.
- Котлярковский Н.В.* В горах Дагестана с 1842 по 1875 годы. СПб., 1884.
- Котович В.Г.* Новые археологические памятники Южного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала, 1959. С. 121–156.
- Котович В.Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Т. IX. Махачкала, 1961. С. 279–297.

- Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы Горного Дагестана: К истории дагестанских племен в конце III–II тысячелетия до н.э. Махачкала, 1965 (а).
- Котович В.Г. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // СА. 1965. № 3. С. 5–13 (б).
- Котович В.М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1972.
- Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.
- Котович В.М. Антропоморфные образы в древних наскальных рисунках Горного Дагестана // Studia Praehistorica. Т. 8. София, 1986. С. 63–90.
- Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX вв. Алма-Ата, 1973.
- Кривенко В.С. По Дагестану. Путевые заметки. СПб., 1896.
- Крюков М.В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // СЭ. 1989. № 2. С. 24–35.
- Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982.
- Кудрявцев А.А. Феодалный Дербент. М., 1993.
- Кужелева Л.Н. Ногайцы // Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960. С. 391–402.
- Кужелева Л.Н. Ногайцы (Из истории ногайцев XVIII – нач. XX веков) // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Т. XIII. Сер. историческая. Махачкала, 1964. С. 194–229.
- Кульчик Ю., Джабраилов Х. Кумыкский этнос: Поиск собственного места в многонациональной республике // Дагестан: Кумыкский этнос. М., 1993. С. 5–58.
- Кумыки: История. Культура. Наука. Традиции. Обычай // Возрождение. Махачкала, 1999. № 5 (спец. выпуск).
- Курбанов Г.М. Зороастризм в средневековом Дагестане. Историко-философские аспекты. Махачкала, 1998.
- Курбанов К.Э. Быт неразделенной семьи цахуров во второй половине XIX – начале XX века // Быт сельского населения Дагестана (XIX – начало XX вв). Махачкала, 1981. С. 121–133.
- Курбанов М.-З.Ю. Современная семья и семейный быт даргинцев. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1990.
- Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религия в культуре народов Дагестана. Махачкала, 1996.
- Курдов К.М. К антропологии лезгин: кюринцы // Русский антропологический журнал. № 3–4. М., 1901. С. 165–176.
- Курдов К.М. Горские евреи Дагестана // Русский антропологический журнал. № 3–4. М., 1905. С. 57–87.
- Курмансеитова А.Х. Библия на ногайском языке // Половецкая луна. № 1. Черкесск, 1991. С. 98–100.
- Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М., 1963.
- Лавров Л.И. Рутульцы // СЭ. 1953. № 4. С. 30–40.
- Лавров Л.И. Рутульцы // Народы Дагестана. М., 1955. С. 192–217.
- Лавров Л.И. Рутульцы // Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960. С. 537–545.
- Лавров Л.И. Рутульцы в прошлом и настоящем // КЭС. Вып. III. Л., 1962. С. 110–157.
- Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Отд. I. Ч. 3. Тифлис, 1872. С. 1–62.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: К постановке вопроса // СЭ. 1955. № 4. С. 3–17.
- Л.З. [Загурской Л.П.] Поездка Г. Беккера по Южному Дагестану // ССКГ. Т. IX. Отд. IV. Ч. 2. Тифлис, 1876. С. 30–51.
- Лилов А. Очерк быта кавказских горцев // СМОМПК. Вып. XIV. Отд. I. Ч. 1. Тифлис, 1892. С. 1–57.
- Линевич И.П. Бывшее Елисейское султанство // ССКГ. Вып. VII. Отд. I. Ч. 2. Тифлис, 1873. С. 1–54.
- Линевич И.П. Карта горских народов, подвластных Шамилю // ССКГ. Вып. VI. Отд. I. Ч. 2. Тифлис, 1878. С. 1–4.
- Лугуев С.А. Ахвахцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX века // Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 583 (7908). Махачкала, 1983.
- Лугуев С.А. Ахвахцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 98–100.
- Лугуев С.А. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX – начало XX вв.). Махачкала, 2001.

- Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Каратинцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX в. Махачкала, 1991 // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 733. Рукопись.
- Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 108–110 (а).
- Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы в XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1994 (б).
- Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 147–149 (в).
- Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Каратинцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 182–184 (г).
- Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, 2000.
- Лугуев С.А., Ризаханова М.Ш. Гинухцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 128–130 (а).
- Лугуев С.А., Ризаханова М.Ш. Гунзибцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 144–145 (б).
- Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Вып. III. Отд. III. Ч. 1. Тифлис, 1870. С. 1–32.
- Любимова Г.Н., Хан-Магомедов С.О. Народная архитектура Южного Дагестана: Табасаранская архитектура. М., 1956.
- Лушкевич Ф.Д. Некоторые этнографические данные о татах Ирана // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 193–211.
- Магдигаджиев А. К озабоченности еще бы и компетентность // Новое дело. Махачкала. 13 октября 2000 г. С. 4.
- Магомедов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963.
- Магомедов А.А. Дагестан и дагестанцы в мире. Махачкала, 1994.
- Магомедов А.Д. Традиционное художественное ремесло Дагестана. XIX – начало XX вв. Махачкала, 1999.
- Магомедов Д.М. Исторические сведения о дидойцах // Вопросы истории Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1974. С. 29–42.
- Магомедов Д.М. Занятия населения Дидо в XVIII–XIX веках // Вопросы истории Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1975. С. 215–242.
- Магомедов Д.М. Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII – начале XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1977.
- Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 92–116.
- Магомедов Д.М. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV–XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX века. Махачкала, 1981. С. 26–43.
- Магомедов И.М. Махачкала. Махачкала, 1991.
- Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
- Магомедов Р.М. Что можно узнать о Дагестане у писателей древнего мира. Махачкала, 1940.
- Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957.
- Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968.
- Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. 1–2. Махачкала, 1999.
- Магомедов Р.М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 2001.
- Магомедов Р.М., Назаревич А.Ф. 25 лет Дагестанской АССР. Махачкала, 1945.
- Магомедханов М.М. Миграции сельского населения народностей Дагестана в города и некоторые аспекты этнокультурных процессов // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 134–150.
- Магомедханов М.М. Тиндалы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 335.
- Магомедханов М.М. Тиндинцы: Краткий этнографический очерк. Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 855. Махачкала, 1995. Рукопись.
- Магомедханов М.М. Дагестанцы в Турции (Этнические последствия Кавказской войны). Махачкала, 1997.
- Магомедханов М.М., Ибрагимов М.-Р.А. К истории формирования современного этнического состава городского населения Дагестана // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 119–133.

- Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.
- Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
- Малашенко А.В. Ислам и политика в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4. С. 59-66.
- Мальсагов З.К. Очерк аккинского языка // Изв. Чечено-Ингушского научно-исслед. ин-та. Т. I. Грозный, 1936. С. 16–31.
- Малявкин Г. Караногайцы // Терский сборник / Под ред. Г.А. Вертепова. Вып. 3. Кн. II. Владикавказ, 1893. С. 133–173.
- Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала. 1989.
- Маммаев М.М., Османов М.О. Кубачинцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 212–214.
- Мансуров М.Х. Засулакская Кумыкия. Махачкала, 1994 (а).
- Мансуров М.Х. Русские переселенцы в Дагестане (2-я пол. XIX – нач. XX в.). Махачкала, 1994 (б).
- Мансурова А.Г. Цудахария (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – XIX вв.). Махачкала, 1995.
- Марграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
- Марков Е. Общий очерк Кавказа в его прошлом и настоящем // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. IX. СПб.; М., 1883. С. I–XLVIII.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 7–544.
- Маришаев Р.Г., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1990.
- Маслов Е.П. Производительные силы Северного Кавказа. М., 1967.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (В свете данных археологии). Л., 1976.
- Мататов М.Е. Исторический очерк // Таты-иудаисты: Матер. к серии “Народы и культуры”. Вып. 23. Кн. 1. М., 1993. С. 6–88.
- Материалы по археологии Дагестана / Ред. коллегия: Д.М. Атаев (отв. ред.) и др. Т. 3. Махачкала, 1973.
- Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
- Материальная культура народов Дагестана в XIX– начале XX века: Сб. статей / Отв. ред. М.О. Османов. Махачкала, 1988.
- Миграции населения Республики Дагестан в 1999 г.: Стат. сб. Махачкала, 2000.
- Микаилов К.Ш. Арчинский язык. Махачкала, 1967.
- Миллер Б.В. Таты, их расселение и говоры. Баку, 1929.
- Миллер В.Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка: Введение, тексты и словарь. СПб., 1892.
- Миллер В.Ф. Татские этюды Всеволода Миллера. Ч. 1–2. М., 1905–1907.
- Милованов Г.И. Очерки формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала, 1963.
- Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963.
- Мирзабеков М.Я. Культура дагестанского села. XX век: История проблемы. Махачкала, 1998.
- Мифология народов Дагестана: Сб. статей. Махачкала, 1984.
- Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические исследования этнических культур. Ереван, 1979.
- Мовчан Г.Я. Из архитектурного наследия аварского народа // СЭ. 1947. № 4. С. 186–208.
- Мовчан Г.Я. Местные архитектурные школы в старинном аварском домостроительстве // Зодчество Дагестана. Махачкала, 1974. С. 3–25.
- Мовчан Г.Я. Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба. М., 2001.
- Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Мурзаханов Ю.И. Горские евреи: Аннотированный библиогр. указатель. Ч. 1. XVIII – начало XX в. М., 1994.
- Мусаева М.К. Хваршины. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995.
- Мусаева М.К., Магомеддаев А.М., Курбанов М.-З.Ю. Дагестанская диаспора в Турции (Историко-этнографические очерки). Махачкала, 1999.

- Мусаханова Г.Б.* Татская литература (Очерк истории 1917–1990). Махачкала, 1993.
- Муслимов В.М.* Водно-энергетические ресурсы Дагестана. Махачкала, 1964.
- Мухаммед-Тахир аль-Карахи.* Три имама. Махачкала, 1990.
- Назарова Е.М.* Язык горских евреев Дагестана // Вест. Еврейского университета в Москве. Москва; Иерусалим, 1996. № 3 (13). С. 120–146.
- Народное хозяйство Дагестанской АССР в девятой пятилетке: Стат. сб. Махачкала, 1977.
- Народное хозяйство Дагестанской АССР в одиннадцатой пятилетке: Стат. сб. Махачкала, 1987.
- Народное хозяйство Дагестанской АССР: К 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сб. Махачкала, 1972.
- Народы Дагестана: Сб. статей / Отв. ред. М.О. Косвен и Х.-М.О. Хашаев. М., 1955.
- Народы Кавказа / Под ред. М.О. Косвена, Л.И. Лаврова, Г.А. Нерсесова, Х.О. Хашаева. Т. I. М., 1960.
- Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.
- Нахско-дагестанские языки // Языки мира: Кавказские языки / Отв. ред. М.Е. Алексеев. М., 1999. С. 156–469.
- Нахиунов И.Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). Махачкала, 1956.
- Национальный состав населения РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990.
- Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991.
- Никольская З.А.* Цахуры // Народы Кавказа. М., 1960. Т. I. С. 546–553.
- Никольская З.А., Шиллинг Е.М.* Женская народная одежда аварцев // КСИЭ. Вып. 18. 1953. С. 15–28.
- Ногай халк йырлары. М., 1969. (на ногайск. яз.)
- Норденстам И.И.* Описание Чечни. 1834 г. // Матер. по истории Дагестана и Чечни / Под ред. Р. Магомедова. Т. 3: Первая половина XIX века. Махачкала, 1940. С. 298–329.
- Норденстам И.И.* Описание Антль-Ратля. 1832 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958. С. 319–328.
- Нужен ли России антиваххабитский закон? Круглый стол // Новое дело (Махачкала). 23 февраля 2001 г. С. 4–5.
- Обзор Дагестанской области за 1891 год. Темир-Хан-Шура, 1892.
- Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892 год. Темир-Хан-Шура, 1893.
- Обзор Дагестанской области за 1893 год. Темир-Хан-Шура, 1894.
- Обзор о состоянии Дагестанской области за 1894 год. Темир-Хан-Шура, 1895.
- Обзор о состоянии Дагестанской области за 1895 год. Темир-Хан-Шура, 1896.
- Обзор о состоянии Дагестанской области за 1896 год. Темир-Хан-Шура, 1897.
- Обзор о состоянии Дагестанской области за 1897 год. Темир-Хан-Шура, 1898.
- Обзор о состоянии Дагестанской области за 1898 год. Темир-Хан-Шура, 1899.
- Обзор Дагестанской области за 1899 год. Темир-Хан-Шура, 1900.
- Обзор Дагестанской области за 1900 год. Темир-Хан-Шура, 1901.
- Обзор Дагестанской области за 1901 год. Темир-Хан-Шура, 1902.
- Обзор Дагестанской области за 1902 год. Темир-Хан-Шура, 1903.
- Обзор Дагестанской области за 1903 год. Темир-Хан-Шура, 1904.
- Обзор Дагестанской области за 1904 год. Темир-Хан-Шура, 1905.
- Обзор Дагестанской области за 1905 год. Темир-Хан-Шура, 1907.
- Обзор Дагестанской области за 1906 год. Темир-Хан-Шура, 1908.
- Обзор Дагестанской области за 1907 г. Темир-Хан-Шура, 1909.
- Обзор Дагестанской области за 1908 год. Темир-Хан-Шура, 1909.
- Обзор Дагестанской области за 1909 год. Темир-Хан-Шура, 1910.
- Обзор Дагестанской области за 1910 год. Темир-Хан-Шура, 1911.
- Обзор Дагестанской области за 1911 год. Темир-Хан-Шура, 1912.
- Обзор Дагестанской области за 1912 год. Темир-Хан-Шура, 1913.
- Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915.
- Обзор Дагестанской области за 1914 год. Темир-Хан-Шура, 1915.
- Обзор Дагестанской области за 1915 год. Темир-Хан-Шура, 1916.
- Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана / Отв. ред. М.А. Агларов. Махачкала, 1986.

- Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX вв. / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1981.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введение, пер., примеч. и указатель А.М. Ловягина. СПб., 1906.
- Ольдерогге Д. Иерархия родовых структур и типы большесемейных общин // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975.
- Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 1994.
- Омаров А. Как живут лаки // ССКГ. Вып. III. Отд. III. Ч. 2. Тифлис, 1870. С. 1–46; Вып. IV. Отд. III. Ч. 1. Тифлис, 1870. С. 1–24.
- Омаров Д. Где мы теряем // Дагестанская правда. Махачкала. 25 января 2000 г. С. 4.
- Омаров И.И., Сефербеков Р.И. Аул Куппа. Махачкала, 1997.
- Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1988.
- Османов А.И. Осуществление новой экономической политики в Дагестане (1921–1925). М., 1978.
- Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). Махачкала, 2000.
- Османов А.И., Искендеров Г.А. Дагестанское село. Экономика, культура, социальная инфраструктура (70–80-е годы XX века). Махачкала, 1997.
- Османов Г.Г. Коллективизация сельского хозяйства Дагестана. Махачкала, 1960.
- Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.
- Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984.
- Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1990.
- Османов М.О. Расселение и численность даргинцев в XVIII–XIX вв. // ДЭС. Вып. I. Махачкала, 1974. (Прилож. Сводная табл.). С. 144–203.
- Османов М.О. Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (Вопросы типологии) // Материальная культура народов Дагестана в XIX – начале XX века: Сб. статей. Махачкала, 1988. С. 6–22.
- Османов М.О. Некоторые вопросы изучения хозяйственно-культурных типов // СЭ. 1991. № 2. С. 52–61.
- Османов М.О. Даргинцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 146–147.
- Османов М.О. Аграрные традиции дагестанцев (теоретический и конкретно-этнографический аспекты) // Материальная культура народов России. Культура народов России. Т. I. Новосибирск, 1995. С. 97–112.
- Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана: С древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1996.
- Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. на территории ДАССР. Махачкала, 1990.
- Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года на территории Дагестанской АССР // Дагестанская правда. 24 июля 1990 г. С. 3.
- Основные национальности Республики Дагестан (Численность, демографические показатели, расселение): Стат. сборник. Махачкала, 1995.
- Основные показатели развития АПК Республики Дагестан. Махачкала, 1995.
- Отчет народного комиссариата земледелия ДАССР за 1921–1925 гг. // Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1033. Л. 126.
- Очерки истории Дагестана / Ред. кол. М.О. Косвен (отв. ред.) и др. Т. 1–2. Махачкала, 1957.
- Памятники обычного права Дагестана. XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева; Отв. ред. Г.-А. Даниялов. М., 1965.
- Панек Л.Б., Шиллинг Е.М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Под ред. Н.А. Троицкого. Т. LXII: Дагестанская область. СПб., 1905.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Под ред. Н.А. Троицкого. Т. LXVIII: Терская область. СПб., 1905.
- Петросянц В. Приоритеты развития экономики Дагестана // Дагестанская правда. Махачкала. 9 июня 2000 г. С. 4.
- Петрушевский И.П. Джаро-белоканские вольные общества в первой трети XIX в. Тифлис, 1934.

- Пикуль М.И. Археологические памятники I тысячелетия н.э. северо-западной части Нагорного Дагестана: Отчет 1956 г. / Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 72.
- Пикуль М.И. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 2641.
- Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
- Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.
- Поляков С.П., Бушков В.И. Социально-экономическая ситуация в Северокавказском регионе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 108. М., 1997.
- Посемейные списки Тиндальского наибства Андийского округа // ГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 17.
- Послание Председателя Государственного Совета Республики Дагестан Народному собранию Республики Дагестан. Махачкала, 2000.
- Прогноз численности населения республики Дагестан до 2010 года. Махачкала, 1997.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайт. М., 1971.
- Пуляркин В.А. О содержании понятия “географическая среда” и о влиянии географической среды на общество // Природа и общество. М., 1968. С. 69–81.
- Пчелинцева Н.Д. Азербайджанцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 79–81.
- Рагимова Б.Р. Общинные обряды и праздники самурских лезгин, связанные с народным календарем (конец XVIII–XIX в.) // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С. 64–70.
- Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX вв. Махачкала, 2001.
- Райстатуправление Ахвахского р-на Республики Дагестан. Отдел культуры и просвещения. Архив статуправления. Д. 78, 98, 106. 1990–1991.
- Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972.
- Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки Истории Южного Дагестана: Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. Махачкала, 1964.
- Рамазанова З.Б. Обряды вызывания дождя и солнца у лакцев в конце XIX – начале XX в. // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С. 82–88. РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 606; Ф. 426. Оп. 3. Д. 512; Ф. 1263. Оп. 19. Д. 180.
- Рамазанова С.К. Цовкра 1. 2-я половина XIX–XX вв.: Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1998.
- Рафи Мухаммед – см. “Тарих Дагестан”.
- Религии и религиозные организации в Дагестане: Справочник / Сост. К.М. Ханбабаев. Махачкала, 2001.
- Ризаханова М.Ш. Гинухцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. / Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 735. Рукопись.
- Ризаханова М.Ш. Гунзибцы. XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001.
- Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские. XIX–XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001.
- Ризванов З., Ризванов Р. История лезгин. Махачкала, 1990.
- Робакидзе А.И. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа // СЭ. 1968. № 5. С. 93–104.
- Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958. С. 281–292.
- Руновский А. Знакомство с Шамилем // Военный сб. Т. X. № 11. СПб., 1859. С. 197–224.
- Руновский А. Шамиль (Из записок пристава при военнопленном) // Военный сб. Т. XI. № 2. СПб., 1860. С. 529–582 (а).
- Руновский А. Семейство Шамиля // Военный сб. Т. XIII. № 5. СПб., 1860. С. 189–218 (б).
- Руновский А. Канлы в немирном крае (Выдержка из дневника пристава при Шамиле) // Военный сб. Т. XIV. № 7. СПб., 1860. С. 199–216 (в).
- Русские. Историко-этнографический атлас / Гл. ред. С.П. Толстов. Ч. I. М., 1967; Ч. II. М., 1970.
- Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX вв.: Тематич. сб. / Сост. Б.Г. Алиев. Махачкала, 1988.
- Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

- Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. документов / Сост. и отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988.
- Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII вв.: Сб. документов / ИЭА РАН; РГАДА; Ред., вступ. ст. и коммент. Кушевой Е.Н. М., 1997.
- Рустамов Г.А.* Книга о моем театре. М., 1983.
- Самурский Н.* Дагестан. М.; Л., 1925.
- Сборник сведений о Кавказе / Под ред. Н. Зейдлица. Т. I. Тифлис, 1871.
- Свидерский П.Ф.* В горах Дагестана. Путевые впечатления, случайности и антропологические заметки. Петровск, 1903.
- Свистунова А.И.* Вклад русской интеллигенции в изучение и развитие экономики Дагестана (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Т. XX. (Сер. общ. наук). Махачкала, 1970. С. 152–175.
- Свистунова А.И.* Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане (вторая половина XIX – начало XX вв.). Махачкала, 1973.
- Свод решений, обязательных для жителей Андалальского округа // Памятники обычного права Дагестана. XVII–XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965. С. 62–70.
- Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Ан-дийский округ. Тифлис, 1897.
- Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. // Отв. ред. Тишков В.А., Чешко С.В. М., 1996.
- Сельские населенные пункты Дагестанской АССР. По итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Махачкала, 1989.
- Сельское хозяйство Дагестана: Кризис еще не преодолен // Дагестанская правда. Махачкала. 13 октября 2000 г. С. 1.
- Семейный быт народов Дагестана в XIX – XX вв. / Отв. ред. М.-З.О. Османов. Махачкала, 1980.
- Семенов И.Г.* Кавказские таты и горские евреи. Казань, 1992.
- Семенов И.Г.* О происхождении горских евреев. М., 1997.
- Семенов Н.С.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
- Сергеева Г.А.* Арчинцы. М., 1967.
- Сергеева Г.А.* Об одежде аварской группы народов Дагестана. // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. Вып. 1. М., 1971. С. 224–240.
- Сергеева Г.А.* Этнографические наблюдения у хваршин // Новое в этнографии и антропологии (Итоги полевых работ Института этнографии в 1973 году). М., 1975. С. 65–75.
- Сергеева Г.А.* Одежда народов Дагестана и Чечни (По материалам ГИМ) // КЭС. Вып. VI. 1976. С. 155–187.
- Сергеева Г.А.* Основные типы женской верхней наплечной одежды у аварской группы народов Дагестана (вторая половина XIX–XX в.) // Полевые исследования Института этнографии. 1975. М., 1977. С. 91–99.
- Сергеева Г.А.* Основные комплексы традиционной одежды аварцев и их трансформация в советское время // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. С. 204–254.
- Сергеева Г.А.* Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX – начала XX века // КЭС. Вып. VII. М., 1980. С. 97–131.
- Сергеева Г.А.* Природно-географическая среда и этнокультурные контакты в Дагестане // СЭ. 1981. № 3. С. 90–98.
- Сергеева Г.А.* Вязаная обувь народов горного Дагестана // КЭС. Вып. VIII. М., 1984. С. 106–140.
- Сергеева Г.А.* Агулы // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 41 (а).
- Сергеева Г.А.* Чахуры // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 499 (б).
- Сергеева Г.А.* Межэтнические связи народов Дагестана во второй половине XIX–XX вв. (Этноязыковые аспекты) // КЭС. Вып. IX. М., 1989. С. 89–136.
- Сергеева Г.А.* Похоронные обряды народов Дагестана: традиции и современность // Похоронные и поминальные обычаи и обряды. М., 1993. С. 229–255 (а).
- Сергеева Г.А.* Свадьба у народов Дагестана в XX в.: общее и особенное // Свадебные обряды народов России и Ближнего зарубежья. М., 1993. С. 132–149 (б).

- Сергеева Г.А.* Этнические группы Дагестана в XX веке // Северный Кавказ: Этнополитические и этнокультурные процессы в XX в. М., 1996. С. 107–137.
- Сергеева Г.А.* Цахуры: этнокультурный облик в XX веке // Расы и народы. Вып. 26. М., 2001. С. 15–46.
- Сержпутовский А.К.* Поездка в Нагорный Дагестан. Пг., 1917.
- Сефербеков Р.И.* Аграрные культы табасаранцев. Махачкала, 1995.
- Сефербеков Р.И.* Брак и свадебные обряды даргинцев-цудахарцев селения Куппа. Махачкала, 1999.
- Сефербеков Р.И.* Традиционные и религиозные представления табасаранцев (Боги и демоны; верования, связанные с животными). Махачкала, 2000.
- Сикалиев А.И.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.
- Симонович Ф.Ф.* Описание Южного Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958. С. 138–156.
- Система ведения сельского хозяйства в Дагестане. Махачкала, 1967.
- Система ведения сельского хозяйства Дагестана. Махачкала, 1983.
- Система питания народов Дагестана (XIX–XX вв.): Сб. статей / Отв. ред. М.О. Османов. Махачкала, 1990.
- Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт у народов Северного Кавказа: XIX – первая половина XX вв. М., 1983.
- Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е.* Семья и семейный быт. Ч. I: Формирование, тип и структура. Народы Кавказа. Кн. 3. М., 1995.
- Советский Дагестан за 40 лет: Стат. сборник. Махачкала, 1960.
- Современная культура и быт народов Дагестана / Отв. ред. С.Ш. Гаджиева. М., 1971.
- Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа: Тезисы докладов научной конференции. Махачкала, 1997.
- Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане: Сб. статей / Отв. ред. А.И. Ислам-магомедов. Махачкала, 1984.
- Солтаханов Э.Х., Адилсалтанов А.Д.* Абат (на чечен. яз.) 1996. Б/м.
- Социально-демографическая характеристика наиболее многочисленных национальностей и народностей Дагестана (По итогам переписи населения 1989 года). Махачкала, 1992.
- Социально-культурное строительство в дагестанском селе: Сб. статей / Отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. Махачкала, 1998.
- Социально-экономическое положение Республики Дагестан. Махачкала, 1995.
- Социально-экономическое положение Республики Дагестан. Махачкала, 1997.
- Социально-экономическое положение Республики Дагестан. Махачкала, 1999.
- Социальные изменения в современном Дагестане: Сб. статей / Отв. ред. Э.Ф. Кисриев, Х.М. Хасбулатов. Махачкала, 1993.
- Статистические сведения о кавказских горах, состоящих в военно-народном управлении // ССКГ. Вып. I. Отд. VIII. Тифлис, 1868. С. 3–14.
- Статистический справочник Юго-Востока России // Тр. Юго-Восточной плановой комиссии. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1923.
- Стебницкий И.И.* Статистическая таблица Кавказского края // Зап. КОИРГО. Кн. VI. Тифлис. 1862. С. 139–151.
- Страницы отечественного кавказоведения / Отв. ред. Н.Г. Волкова. М., 1992.
- Стрейс Я.Я.* Три путешествия М., 1935.
- Султанов К.Д.* Литература кумыков. Махачкала, 1964 (на кумык. яз).
- Талибов Б.Б.* Цахурский язык // Языки мира. Кавказские языки. М., 1999. С. 420–428.
- “Тарих Дагестан” Мухаммадрафи / Введ., пер., коммент. А.Р. Шихсаидова // Дагестанские исторические сочинения / Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 85–108.
- Тарланов З.К.* Заметки по сельскохозяйственной магии агулов // СЭ. 1981. № 2. С. 128–132.
- Таты-иудайсты / Сост. М.Е. Мататов / Матер. к сер. “Народы и культуры”. М., 1993. Вып. 23. Кн. I. М., 1993.
- Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1894; Т. II. М.; Л., 1941.
- Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958. С. 125–137.

- Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1964.
- Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев / Отв. ред. А.И. Исламагомедов, Г.А. Сергеева. М., 1988.
- Традиционный фольклор народов Дагестана / Отв. ред. Г.Г. Гамзатов, У.Б. Далгат. М., 1991.
- Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959.
- Тримингэм Дж.С. Суфийский орден в исламе. М., 1989.
- Трофимова А.Г. Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем // СЭ. 1961. С. 143–148.
- Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владетелей и освободительная борьба народов Дагестана в XVI в. Махачкала, 1973.
- Умаханова А.М. Хореографическое искусство кумыков. Махачкала, 1991.
- Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // ССКГ. Вып. III. Отд. IV. Ч. 1. Тифлис, 1870. С. 1–30.
- Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе // ССКГ. Вып. X. Тифлис, 1881. С. 1–581.
- Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888.
- Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. III. Аварский язык. Тифлис, 1889.
- Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. IV. Лакский язык. Тифлис, 1890.
- Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореволюционный период. М., 1957.
- Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии: Историко-этнографический очерк // Зап. КОИРГО. Вып. VII. Кн. II. Тифлис, 1909.
- Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.
- Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
- Федоров-Гусейнов Г.С. История происхождения кумыков. Махачкала, 1996.
- Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969.
- Физическая география Дагестана. М., 1996.
- Фон-Плотто А.И. Природа и люди Закатальского округа // ССКГ. Вып. IV. Отд. I. Ч. 2. Тифлис, 1870. С. 1–62.
- Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1983.
- Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.
- Халидова М.Х. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992.
- Халипаева И.А. Мифологическая проза кумыков (Исследования и тексты). Махачкала, 1994.
- Хан-Магомедов С.О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969.
- Хан-Магомедов С.О. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979.
- Хан-Магомедов С.О. Рутульская архитектура. М., 1998.
- Хан-Магомедов С.О. Цахурская архитектура. М., 1999.
- Хан-Магомедов С.О. Дагестанские лабиринты. М., 2000.
- Хан-Магомедов С.О. Агульская архитектура. М., 2001.
- Хашаев Х.М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959.
- Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.
- Хашаев Х.М. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. М., 1965.
- Хитъ Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983.
- Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX–XX вв.: Сб. статей / Отв. ред. С.Ш. Гаджиева. Махачкала, 1977.
- Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв. (Этнографические исследования) / Отв. ред. С.Ш. Гаджиева. Махачкала, 1979.
- Христианские памятники в Дагестане: Сб. статей / Отв. ред. Д.М. Магомедов. Махачкала, 2001.
- Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931.
- Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД): Фонды П-1; Р-27; Р-168; Р-175; Р-260; Р-263; Р-352; Р-411.
- ЦГА РД. Ф. 266. Оп. 10. Д. 33.
- ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 16.
- ЦГА РД. Ф. 21 (Дагоблстатком). Оп. 5. Д. 10, 11, 110, 114; Оп. 3. Д. 11.
- ЦГА РД. Ф. 266-Р. Оп. 33. Д. 29. Л. 1.
- ЦГА РД. Ф. 565. Оп. 1. Д. 4; Ф. 117. Оп. 4. Д. 4. Л. 291; Д. 36. Л. 247; Ф. 22-р. Оп. 18. Д. 54. Л. 1–3; Ф. 260-р. Оп. 35. Д. 632. Л. 17–18; Ф. 127-р. Оп. 12. Д. 133. Л. 59–65; Ф. 37-р. Оп. 19. Д. 147. Л. 106–111; Ф. 1-п. Оп. 1. Л. 12; Ф. 39-р. Оп. 4. Л. 110.

- ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 171. Л. 23.
- ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 71. Л. 19.
- ЦГА РД. Ф. 221. Оп. 4. Д. 93. Л. 58.
- Цердвадзе И.И.* Андийский язык // Языки народов СССР. Т. IV. М., 1967. С. 276–292.
- Черный И.* Горские евреи // ССКГ. Вып. 3. Отд. 1. Тифлис, 1870. С. 1–44.
- Черняевский А.О.* Мусульманское духовенство и народные школы // Кавказ. Тифлис, 1893. 12 сентября. 6 октября. (№ 242; № 264).
- Черняевский А.О.* Итоги народного образования кавказских мусульман // Кавказ. № 21. Тифлис, 1895.
- Чеснов Я.В.* О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М.Г. Левина) // СЭ. 1970. № 6. С. 15–26.
- Чеснов Я.В.* Социально-экономические уклады и этнические традиции в аэроэтнографии // СЭ. 1972. № 4. С. 62–72.
- Чеснов Я.В.* О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 189–203.
- Чеснов Я.В.* Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и ранне-классовом обществе. М., 1982. С. 109–124.
- Чеченцы: История и современность. М., 1996.
- Чеченцы-аккинцы Дагестана: К проблеме реабилитации. Махачкала, 1994.
- Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984.
- Численность и территориальное размещение населения Дагестанской АССР (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Махачкала, 1980.
- Численность и состав населения Дагестанской АССР по национальности, родному языку и состоянию в браке (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). Махачкала, 1980.
- Численность, естественное движение и миграции населения Дагестанской АССР: Стат. сб. Махачкала, 1991.
- Членов М.* Между Сциллой деиудайзации и Харибдой сионизма: горские евреи в XX в. // Диаспоры. Независимый научный журнал. М., 2000. № 3. С. 174–197.
- Чурсин Г.Ф.* Праздник “выхода плуга” у горских народов Дагестана // Изв. Кавказ. историко-археологич. ин-та. Т. 5. Тифлис, 1927.
- Чурсин Г.Ф.* Авары: Этнографический очерк / Ред. Р.И. Сефербеков. Махачкала, 1995.
- Шайхиев А.* И погасли очаги // Литературная Россия. 1989. 8 декабря.
- Шамиладзе В.М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1979.
- Шенников А.А.* О понятии “этнографический комплекс” // Доклады отделений и комиссий географ. общ-ва СССР. Вып. 2. М., 1964.
- Шиллинг Е.М.* Из истории одного дагестанского земледельческого культа // КСИЭ. Вып. 1. М., 1946. С. 32–34.
- Шиллинг Е.* Этнографические очерки Западного Дагестана // Архив Института этнологии и антропологии РАН. Матер. Дагестанской экспедиции 1945–1946 гг. № 7631.
- Шиллинг Е.М.* Дагестанская экспедиция 1946 г. // КСИЭ. Вып. IV. М., 1948. С. 31–40.
- Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.; Л., 1949.
- Шиллинг Е.М.* Малые народы Дагестана / Матер. к сер. “Народы и культуры”: Народы Кавказа. М., 1993.
- Шиллинг Е.* Кайтаги // *Панек Л.Б., Шиллинг Е.М.* Сб. очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996. С. 72–78 (а).
- Шиллинг Е.* Народы андо-цезской группы // *Панек Л.Б., Шиллинг Е.М.* Сб. очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996. С. 21–38 (б).
- Шифферс Е.В.* Природная кормовая растительность Дагестана // Сельское хозяйство Дагестана. М., 1946. С. 178–211.
- Шифферс Е.В.* Растительность Северного Кавказа и его природные кормовые угодья. М.; Л., 1953.
- Шихалиев Д.М.* Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993.
- Шихахмедов Г.Г., Гаширова Э.Г.* Реформы и экономика Дагестана // Возрождение. № 3. Махачкала, 1997. С. 8–17.
- Шихсаидов А.Р.* О пребывании монголов в Рича и Кумухе // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Махачкала, 1956. Т. IV. С. 5–11.

- Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969.
- Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв.: Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975.
- Шихсаидов А.Р.* К вопросу о локализации Филана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 82–84.
- Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984.
- Шихсаидов А.Р.* Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4 (5). С. 109–115.
- Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
- Шмелева М.Н.* Русские // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 271–307.
- Щербина А.Н.* Структура народного хозяйства ДАССР, динамика его развития и контрольные цифры на 1927–1928 гг. // Плановое хозяйство Дагестана. 1927. № 9–10. С. 14–15.
- Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966–1980. Ч. 1: Надписи X–XVII вв. / Тексты, пер., коммент., введ. и приложения Л.И. Лаврова. М., 1966. Ч. 2: Надписи XVIII–XX вв. / Изд. текстов, пер., коммент., статья и приложения Л.И. Лаврова. М., 1968. Ч. 3: Надписи X–XX вв. Новые находки / Изд. текстов, пер., коммент., статья и приложения Л.И. Лаврова. М., 1980.
- Эскеров Д.Б., Алиева В.Ф.* Население и трудовые ресурсы Дагестана. Махачкала, 1990.
- Этнография имен. М., 1971.
- Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1993. № 49.
- Юнусов М.* Дагестан может и должен прокормить себя сам // Дагестанская правда. Махачкала. 12 июля 2000 г. С. 1.
- Юсуфов М.С., Магомедов И.М.* Махачкала вчера, сегодня, завтра. Махачкала, 1989.
- Юсуфов М.Г.* Табасаранская советская литература. Махачкала, 1986.
- Юшков С.В.* К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та. Вып. 1. (История). Свердловск, 1938. С. 65–86.
- Этнография питания народов стран зарубежной Азии: Опыт сравнительной типологии. М., 1981.
- Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки // Отв. ред. Е.А. Бокарев, К.В. Ломтатидзе. М., 1967.
- Ярлыкапов А.А.* Кредо вахабита // Вестник Евразии. 2000. № 3 (10). С. 114–137.
- Ярлыкапов А.А.* Проблема вахабизма на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 134. М., 2000.
- Abercromby J.* A trip through the eastern Caucasus with a chapter of the languages of the country. With maps and illustrations. L., 1889.
- Abich H.* Aus Kaukasischen Landern. Reisebriefe. Bd. I. Wien, 1896; Bd. II. Wien, 1896.
- Aglarov M.* Andis // Encyclopedia of worlds cultures. Vol. 6. Boston, 1994. P. 23–27.
- Ahrens R.* Wirtschaftsformen und Landschaft. Hamburg, 1927.
- Becker A.* Reise nach Baku, Lenkoran, Derbent, Madschalis, Kasumkent, Achty // Bulletin de la Societe des naturalistes de Moscou. 1873. N 2. S. 229–246.
- Becker A.* Reise nach den Schneebergen des sudlichen Dagestans // Bulletin de la Societe des naturalistes de Moscou. 1874. N 2. S. 196–210.
- Bodenstädt F.* Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. B., 1855.
- Buxton E.N.* Short stalks. Second series. Comprising trips in Somaliland, Sinai, the easter desert of Egypt, Crete, the Carpathian mountains and Daghistan. With numerous illustrations and maps. L., 1896.
- Calerögly A.* Kumuk Türkleri // Jeni Türkiye dergisi. Türk dünyasi Osel sayisi. Ankara, 1997. Sayi 16. Yil. 3. S. 2062–2066.
- Chenciener R.* Daghistan: Traditions and survival. L., 1997.
- Chenciener R.* Kaitag. Textile art from Daghistan. L., 1993.
- Chenciener R., Magomedkhanov M.* Persian Export to Russia from the sixteenth to the nineteenth century / Published by The British Institute of Persian Studies. Iran XXX. L., 1992.
- Childe V.G.* Man makes Himself. L., 1939.
- Cunninghame A.* Travels in the Eastern Caucasus, on the Caspian and Black Seas, especially in Daghistan, and on the frontiers of Persia and Turkey during the summer of 1871. L., 1872.

- Dechy M.* Kaukasus. Reisen und Forschungen in Kaukasischen Hochgebirge. Bd. II. Berlin, 1906.
- Die Lesghier, ein Kaukasusvolk // Neue Allgemeine Geographische und Statistische Ephemerungen. Bd. 15. Weimar, 1825. S. 233–240.
- Erckert R.* Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887.
- Forde C.D.* Habitat, Economy and Society. L., 1948.
- Güldensfädt J.A.* Reisen durch Russland und in Caucasischen Gebürge. Bd. 1–2. SPb, 1787–1791.
- Hahn E.* Die Wirtschaftsformen der Erde // Hetermans geographisches Mitteilungen. Bd. 38. Gotha, 1892. S. 8–12.
- Hahn E.* Das Alter der Wirtschaftlicher Kultur der Menschheit. Ein Rückblick und ein Ausblick. Heidelberg, 1905.
- Hahn K.* Kaukasische Reise und Studien. Neue Beiträge zur Kenntnis des Kaukasischen Landes. Leipzig, 1896.
- Hahn K.* Bilder aus dem Kaukasus. Neue Studien zur Kenntnis des Kaukasiens. Leipzig, 1900.
- Klaproth J.* Geographisch-historische Beschreibung des ostlichen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi, kur und dem Kaspischen Meere. Weimar, 1814.
- Koch K.* Reise in Grusien an Kaspischen Meere und in Kaukasus. Weimar, 1847.
- Lerch J.J.* Lebens – und Reisegeschichte von ihm selbst beschrieben und Anmerkungen und Zusätzen herausgegeben v. D-r A.F. Büsching. Halle, 1791.
- Luguev S.A., Magomedkhanov M.* Table Manners in Daghestan // Journal of Oxford Food symposium. Oxford, 1989. P. 121–124.
- Magomedkhanov M.* Daghestan avoids violence // Chenciener R. Daghestan: Traditions and survival. L., 1997. P. 318–329.
- Magomedkhanov M.* Feasting after Fasting in Archi Village // Journal of Oxford Food symposium. Oxford. 1990. P. 98–101.
- Magomedkhanov M.* Flavoring in Daghestan dishes // Journal of Oxford Food symposium. Oxford, 1993. P. 109–112
- Osmanov M.O.* Dargins. Encyclopedia of Worlds Cultures. Vol. VI. Boston, 1994.
- Reineggs J.* Allgemeine historisch – topographische Beschreibung des Kaukasus. Bd. I. Gotha – SPb., 1796.
- Roskoschny H.* Das Asiatische Russland. Bd. I. Leipzig, 1884.
- Shikhsaidov A.* Islam in Dagestan // Political Islam and Conflicts in Russia and Central Asia / Ed. by L. Jonson, M. Esenov. Stockholm, 1999. P. 59–70.
- Thielman M., Freiherr V.* Streifzüge im Kaukasus, in Persien und in der asiatischen Türkei. Leipzig, 1875.
- Ussher J.* A journey from London to Persepolis, including wanderings in Daghestan, Georgia, Armenia, Kurdistan, Messpotamia and Persia. L., 1865.
- Wissler C.* Man and Culture. N.Y., 1923.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРД	– Государственный архив Республики Дагестан
ДЭС	– Дагестанский этнографический сборник
ЖМГИ	– Журнал Министерства государственных имуществ
ЗКОИРГО	– Записки кавказского отдела Императорского Русского географического общества
ИИАЭ ДНЦ РАН	– Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
КОИРГО	– Кавказский отдел Императорского Русского географического общества
ИИЯЛ	– Институт истории, языка и литературы
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии РАН
КНКО	– Кумыкское научно-культурное общество
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии
КЭС	– Кавказский этнографический сборник
ПИИЭ	– Полевые исследования Института этнографии
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РФ	– Рукописный фонд
РЭМ	– Российский этнографический музей
СА	– Советская археология
СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ССКГ	– Сборник сведений о кавказских горцах
СЭ	– Советская этнография
ЭО	– Этнографическое обозрение

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Тишков В.А., Чешко С.В.)	5
ВВЕДЕНИЕ (Османов А.И.)	8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ (Османов М.О.)	10
ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ (Османов М.О.)	20
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ (Гаджиев М.Г., Шихсаидов А.Р., Гаджиев В.Г., Османов А.И.)	27
НАСЕЛЕНИЕ (этнодемографический обзор) (Ибрагимов М.-Р.А.)	36
ХОЗЯЙСТВО (Искендеров Г.А., Османов М.О.)	50
РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ (Ярлыкапов А.А.)	66
ГОРОДА (Османов А.И., Магомедханов М.М.)	77
СОВРЕМЕННОЕ ДАГЕСТАНСКОЕ СЕЛО (Бобровников В.О.)	90
КУЛЬТУРА (Каймаразов Г.Ш.)	106

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАРОДЫ ДАГЕСТАНА (историко-этнографические очерки)	115
Аварцы (Исламмагомедов А.И.)	115
Андийская группа	148
Андийцы (Агларов М.А.)	148
Ахвахцы (Лугуев С.А.)	158
Багулалы (Гаджиев Г.А.)	169
Ботлихцы (Алимова Б.М., Магомедов Д.М.)	180
Годоберинцы (Алимова Б.М., Магомедов Д.М.)	189
Каратинцы (Лугуев С.А.)	201
Тиндинцы (Магомедханов М.М., Лугуев С.А.)	213
Чамалалы (Гаджиев Г.А.)	222
Дидойская группа	231
Бежтинцы (Лугуев С.А.)	231
Гинухцы (Лугуев С.А., Ризаханова М.Ш.)	241
Гунзибцы (Лугуев С.А., Ризаханова М.Ш.)	252
Дидойцы (цезы) (Лугуев С.А.)	262
Хваршины (Мусаева М.К.)	273
Арчинцы (Магомедханов М.М.)	282
Даргинцы (Османов М.О.)	289

Кайтаги (Алимова Б.М.)	321
Кубачинцы (Маммаев М.М., Османов М.О.)	334
Лакцы (Булатова А.Г.)	348
Лезгины (Гаджиев Г.А., Ризаханова М.Ш.)	376
Агулы (Исламмагомедов А.И.)	398
Рутульцы (Булатова А.Г.)	416
Табасаранцы (Алимова Б.М., Сефербеков Р.И.)	434
Цахуры (Исламмагомедов А.И.)	445
Чеченцы (Ибрагимов М.-Р.А.)	460
Кумыки (Ибрагимов М.-Р.А., Аджиев А.М.)	472
Ногайцы (Ибрагимов М.-Р.А., Аджиев А.М., Кильдасов Р.Б.)	492
Азербайджанцы (Ибрагимов М.-Р.А.)	507
Горские евреи (Ибрагимов М.-Р.А.)	519
Таты (Лугуев С.А.)	534
Русские (Лугуев С.А., Мансуров М.Х.)	540
ПОСЛЕСЛОВИЕ (Османов М.О.)	559
БИБЛИОГРАФИЯ	563
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	586

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Научное издание
НАРОДЫ ДАГЕСТАНА

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *В.П. Терехов*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая*

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 24.09.2002
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 48,8. Усл.кр.-отг. 50,2. Уч.-изд.л. 50,2
Тираж 1000 экз. Тип зак. 3656

Издательство “Наука”
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия 12

ISBN 5-02-008808-0

9 785020 088085

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”
В СЕРИИ “НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ”
ВЫШЛИ КНИГИ:

РУССКИЕ. 80 л.

Предлагаемая читателю монография является первой книгой серии трудов Института этнологии и антропологии РАН “Народы и культуры”. В первой ее части да материал по историческому развитию русского народа – с X в. и до наших дней, по формированию историко-культурных ареалов. Вторая часть содержит сведения о семейном и общественном быте, религиозных верованиях, народной этике.

В книге использован уникальный материал экспедиционных исследований и архивных изысканий.

Для широкого круга читателей – историков, филологов, философов, преподавателей и студентов вузов.

БЕЛОРУСЫ. 55 л.

Книга продолжает начатую Институтом этнологии и антропологии РАН серию “Народы и культуры” (Русские. М.: Наука, 1997) и посвящена одному из восточнославянских народов – белорусам. В ней содержатся сведения об этнодемографических процессах в Белоруссии, расселении и численности белорусов в странах мира, рассматриваются проблемы возникновения и эволюции белорусов, традиционные формы материальной и духовной культуры этого народа, их бытование в современной жизни.

Для специалистов в области этнологии и других гуманитарных наук, а также для массового читателя, интересующегося историей и культурой белорусов.

УКРАИНЦЫ. 55 л.

Украинцы – третья книга серии “Народы и культуры”, выпускаемой Институтом этнологии и антропологии РАН. В ней с позиций современной науки рассматриваются проблема происхождения украинцев, их этническая история, антропологический облик, формирование украинского языка. Значительное внимание уделено вопросам расселения украинцев в мире на протяжении последних 200 лет. Как и в других работах серии, в монографии освещаются особенности традиционной хозяйственной деятельности украинцев, ремесла и промыслы, поселения и жилища, пища и одежда. Раскрываются характерные черты семейного быта украинцев, нормативные отношения, календарные обычаи и обряды, народные верования и знания, декоративно-прикладное искусство. Хронологические рамки работы – преимущественно XIX–XX вв.

Для специалистов в области этнологии, истории и других гуманитарных наук и всех интересующихся историей и культурой украинцев.

НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ.
КОМИ-ЗЫРЯНЕ. КОМИ-ПЕРМЯКИ. МАРИЙЦЫ.
МОРДВА. УДМУРТЫ. 57,5 л.

В монографии отражены наиболее важные вопросы этнического и культурного развития названных этносов. Исследуются проблемы их этногенеза и этнической истории, современные этнические и этнодемографические процессы. Читатель знакомится с традиционной и современной материальной культурой этносов и получает представление об их взаимодействии и взаимовлиянии. Большое место в книге занимает характеристика духовной культуры (семейных и общественных обрядов и обычаев, а также религиозных верований), показана эволюция этих элементов. Приведены интересные сведения о народном художественном творчестве и творчестве профессиональных деятелей культуры.

Для этнографов, историков и более широкого круга читателей.

ТАТАРЫ. 58 л.

В монографии представлены материалы по этнополитической истории, демографии, антропологии и диалектологии, о быте, хозяйстве и духовной культуре татарского народа, второго по численности в Российской Федерации. Хронология охвата – с древнейших времен до конца XX в.; народ – собственно татары Поволжья и Урала, включая группы, расселенные за пределами основных районов их проживания – в Западной Сибири, Астраханской области и т.д., а также другие тюркоязычные группы Российской Федерации, известные сегодня под этнонимом “татары”.

Для историков, этнографов и широкого круга читателей.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА”

Магазины “Книга–почтой”

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7Б; (код 812) 235-05-67

Магазины “Академкнига” с указанием отделов “Книга–почтой”

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга–почтой”); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга–почтой”); (код 3432)
55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга–почтой”); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
113105 Москва, Варшавское ш., 9, строение 1Б (книжная ярмарка “Централь-
ная”, 5 этаж); 737-03-33 (доб. 50-10)
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга–почтой”); (код 3832) 35-09-22
142292 Пущино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга–почтой”); (13) 3-38-80
443022 Самара, проспект Ленина, 2 (“Книга–почтой”); (код 8462) 37-10-60
199034 Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга–почтой”); (код 3472) 24-47-74, факс
(код 3472) 24-46-94
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон 241-03-09
E-mail: akadem.kniga@g 23.relcom.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77
WWW. AK-Book. naukaran.ru

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat @ naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru*
